АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. В. ЧЕРЕПНИН

РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIV-XV ВЕКОВ

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Л. В. ЧЕРЕПНИН

РУССКИЕ ФЕОДАЛЬНЫЕ АРХИВЫ XIV—XV веков

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1951

Ответственный редактор
А. А. НОВОСЕЛЬСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой непосредственное продолжение первой части монографии «Русские феодальные архивы XIV—XV веков», выпущенной в 1948 г. и посвященной истории московского великокняжеского архива и архивов Новгородской и Псковской феодальных республик периода феодальной раздробленности и времени образования централизованного Русского государства.

В первой части монографии автор стремился показать, что задача советского источниковедения заключается в выяснении классовой сущности и политического значения подвергаемых анализу источников. Поскольку предметом изучения были, главным образом, документы, вышедшие из великокняжеской и удельнокняжеских канцелярий и характеризующие политические взаимоотношения между отдельными феодальными центрами, постольку главное внимание в первой части монографии, естественно, было обращено на политическую сторону процесса образования централизованного Русского государства. По самому своему характеру княжеские духовные и договорные грамоты больше освещают политический строй XIV—XV вв., иерархические взаимоотношения между отдельными феодальными «полугосударствами», чем сущность производственных отношений в феодальном обществе и борьбу антагонистических классов. Указанная сторона дела в большей степени нашла свое отражение в других источниках, характеризующих землевладение и вотчинное хозяйство церковных и светских феодалов.

Во второй части прежде всего и рассматривается актовый материал, сохранившийся в составе архивных фондов церковных феодальных организаций (митрополичьей кафедры и монастырей) и собраний, принадлежавших отдельным фамилиям светских феодалов (бояр и служилых людей). Это — основной источник, на основе которого можно проследить рост в Северовосточной Руси XIV—XV вв. феодального землевладения, дать характеристику феодального способа производства, изучить положение непосредственных производителей и виды феодальной ренты, методы внеэкономического принуждения, применяемые феодалами в отношении зависимого крестьянства, сущность иммунитета как аттрибута феодальной земельной собственности и т. д.

Из законодательных памятников предметом рассмотрения во второй части монографии служат так называемое «Правосудие митрополичье» и Судебник Ивана III, создание которого явилось результатом длительного процесса развития феодального права Северовосточной Руси XIV—XV вв. Глава, посвященная Судебнику, подводит поэтому как бы итог

всему исследованию в целом. Здесь изложены результаты тех наблюдений, которые были сделаны ранее относительно политики правящего класса в XV в., направленной к централизации в области законодательства, созданию централизованной системы управления, укреплению аппарата власти и карательных органов для удержания в узде трудового народа.

В своем исследовании автор руководствовался учением И. В. Сталина о базисе и надстройке. И. В. Сталин пишет: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения.

Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка».

Далее И. В. Сталин подчеркивает активную роль надстройки. Она «порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы»[1].

Актовый материал XIV—XV вв., характеризующий правовые взгляды и учреждения феодального общества, как надстроечные явления, помогает в то же время изучению базиса феодального строя, испытывавшего активное воздействие надстройки.

Вторая часть исследования начинается с главы «Архивы церковных феодальных организаций. Формулярники и копийные книги XV—XVIII вв.».

Поскольку значительная часть документов XIV—XV вв. дошла до нас не в подлинниках, а в сборниках современных и более поздних копий, автору казалось необходимым выделить в отдельный очерк рассмотрение копийных книг с актов на феодальные владения. Только путем анализа копийных книг (XV—XVIII вв.) и сопоставления их с разрозненными остатками собраний подлинных актов, можно в какой-то мере восстановить состав древнейших архивных фондов отдельных духовных феодальных корпораций и светских феодалов Северовосточной Руси. При изучении копийных книг в широком смысле слова автор исходил из деления их на сборники списков с реальных земельных актов, закрепляющих феодальную собственность на средства производства, и сборники так называемых образцовых грамот типа средневековых формулярников. Понять историю и тех и других можно было только путем их сопоставления с появившимися одновременно с ними копийными книгами духовных и договорных княжеских грамот, составленными во второй половине XV в., по предписанию правительства Ивана III, на основе материалов великокняжеского архива, рассмотренных в первой части монографии. Метод параллельного изучения памятников дает возможность установить, что древнейший формулярник митрополичьей кафедры

[1] И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 3—5.

как феодальной организации относится к 70-м годам XV в. и, таким образом, является одновременным со сборником грамот периода самостоятельности Новгородской феодальной республики, составленным в Москве накануне присоединения Новгорода. Древнейшая монастырская копийная книга земельных актов составлена в Кирилло-Белозерском монастыре в XV в. в связи с задачами великокняжеской политики, вставшими после присоединения Белозерского удела.

Таким образом, оказывается, что копийные книги (как великокняжеские, так и церковные и монастырские) начали создаваться в период ликвидации феодальной раздробленности и образования Русского централизованного государства. Именно с этого времени, когда обострение классовых противоречий, вылившееся в целый ряд крестьянских и городских движений, заставило господствующий класс сплотить силы для наступления на непосредственных производителей материальных благ, и начала вестись феодалами работа по подбору и использованию документов, закрепляющих их экономические и политические привилегии.

История копийных книг, возникавших на протяжении XV—XVIII вв., рассматривается далее в связи с политикой государственной власти в отношении церковного и монастырского феодального землевладения и с процессом крестьянского закрепощения. Удается установить, что основные даты составления отдельных копийных книг совпадают с теми моментами, когда государством в наиболее острой форме поднимался вопрос о праве феодальной церкви владеть землями, населенными крестьянами, и с основными этапами в истории юридического оформления феодальной зависимости крестьян. Таким образом, копийные книги, взятые в целом, рассмотренные в процессе их создания, представляют собой источник с ярко выраженным классовым характером. Их возникновение вызвано организованным наступлением духовных феодалов на непосредственных производителей. В их истории нашел свое отражение процесс крестьянского закрепощения. Наконец, в копийных книгах отражена та внутриклассовая борьба, которая велась в лагере феодалов за землю, крестьянский труд, феодальную ренту, а также борьба между государством и господствующей церковью.

Принятый в настоящей работе метод рассмотрения каждого памятника не изолированно, а в связи с тем архивным фондом, которому он обязан своим возникновением, дает право подвергнуть анализу в главе, посвященной копийным книгам монастырей-феодалов, Белозерскую уставную грамоту 1488 г., которая устанавливает организацию государственного управления во вновь присоединенном к Москве удельном княжении. Источниками Белозерской уставной грамоты послужили жалованные грамоты белозерских князей Кириллову монастырю, которые были скопированы монастырскими властями после ликвидации в 80-х годах XV в. Белозерского удела и его присоединения к Москве, а оригиналы высланы по требованию правительства в великокняжескую казну. Разработка в Москве, во второй половине 80-х годов XV в., текста Белозерской уставной грамоты, на основе материалов монастырских архивов Белозерского княжества, являлась одним из звеньев в цепи работ по кодификации русского феодального права. Эти же работы нашли свое проявление в составлении московской редакции Псковской судной грамоты и сборника документов Новгородской феодальной республики. Выясняется классовый смысл этих работ, поскольку жалованные грамоты Кириллова монастыря оформляли феодальные привилегии последнего.

В процессе исследования выяснилось, что каждая копийная книга в целом представляет собой источник, роль которого в историческом

исследовании выходит (и хронологически и по существу) за пределы актов, скопированных на ее страницах. В силу этого, естественно, встала задача изучить, кем, когда, при каких условиях составлен тот или иной сборник списков с актов, каков в нем подбор документов, система их расположения, какие классовые и политические цели ставил перед собой составитель. Другими словами, как и при изучении истории феодальных архивов, заключавших в себе подлинные акты, удалось расширить значение каждого отдельного акта в качестве исторического источника, вскрыть его социальную и политическую историю и выяснить не только при каких условиях он был составлен, но когда и зачем попал на страницы копийной книги. Так, например, запись о вассалах митрополичьей кафедры Шолоховых-Чертовых, сохранившаяся в составе копийной книги начала XVI в., интересна не только для характеристики расстановки внутриклассовых сил в лагере феодалов в феодальной войне XV в., в которой приняли участие представители названной боярской фамилии на стороне реакционной феодальной оппозиции в лице удельного князя Ивана Андреевича можайского и др. Включение записи в число документов сборника копий, составленного по инициативе высшего представителя феодальной церковной иерархии митрополита Симона на рубеже XV и XVI вв., проливает свет на характер борьбы великокняжеской власти с феодальной оппозицией при Иване III в конце 90-х годов XV в., в обстановке которой появился первый Судебник, как памятник классовой юстиции.

Привлечение формулярников московского митрополичьего дома позволило, в качестве одного из путей исследования источников по истории феодальных отношений XIV—XV вв., выяснить процесс использования в интересах господствующего класса конкретных исторических документов в качестве формул общего характера. Таким путем известная договорная грамота великокняжеской власти и митрополичьей кафедры, которая до сих пор расценивалась как памятник политических взаимоотношений правительства великого князя Василия Дмитриевича и высшего представителя феодальной церкви митрополита Киприана, выросла в своей роли исторического источника. Оказалось, что в качестве «формуляра» она была использована не только в XIV в., но и в конце XV в., во время борьбы правительства Ивана III с митрополитом Геронтием, выступившим выразителем настроений оппозиционных феодальных церковных кругов. Марксистско-ленинский метод исследования требует раскрытия того, как складывались в процессе классовой и внутриклассовой борьбы формуляры отдельных грамот и как они использовались опять-таки в качестве орудия господствующего класса.

В исследовании делается попытка привести некоторые статистические данные о количестве актов и других памятников периода феодальной раздробленности и времени возникновения Русского централизованного государства, сохранившихся в архивах крупнейших древнерусских монастырей и являющихся ценным источником для изучения феодальных отношений XIV—XV вв. Из памятников церковного права привлекается так называемое «Правосудие митрополичье» — источник, до сих пор в должной степени не изученный.

Глава первая ставит также своей задачей наметить пути реконструкции архивов отдельных боярских и дворянских фамилий периода феодальной раздробленности и времени образования централизованного Русского государства. Путей, ведущих к такой реконструкции, — два. Во-первых, необходимо выбрать акты светских феодалов из состава отдельных монастырских феодальных фондов, куда они попали вместе с землями, когда-то принадлежавшими служилым людям. Во-вторых, следовало подвергнуть

анализу генеалогические росписи, составлявшиеся дворянством в конце XVII—XVIII вв. и содержавшие акты, относящиеся еще к XIV—XV вв. Эти росписи имели для светских феодалов то же самое значение, какое церковные копийные книги имели для феодалов духовных. Смысл и тех и других — в оформлении привилегий феодального класса, осуществлявшего методами внеэкономического принуждения господство над непосредственными производителями.

От обзора церковных и монастырских книг автор переходит к анализу отдельных разновидностей актов XIV—XV вв., дошедших до нас как на страницах копийных книг, так и в подлинниках в составе архивных собраний духовных феодальных корпораций и светских феодалов. Буржуазные авторы часто ставили своей задачей выявление сводного текста жалованных, правых и других видов грамот. Такой подход является формально-схоластическим. Необходимо рассмотрение групп актов, а иногда и единичных (наиболее важных в качестве исторических источников) актов как результата классовых и внутриклассовых противоречий.

Глубоко ошибочным является тот путь, которым шли буржуазные историки и юристы, — путь простой сводки заимствованных из разных грамот статей в общий единый текст. Марксистский диалектический метод требует, напротив, выяснения происхождения и развития тех исторических явлений, которые нашли свое отражение в актовом формуляре, в его изменяющихся правовых нормах. Понять это можно, лишь глубоко изучив историю самого феодального общества, развивающегося в борьбе антагонистических классов. Жалованные грамоты нельзя рассматривать только как акты великокняжеской власти, определяющие внутреннее устройство феодальной вотчины и ее отношения к органам провинциальной администрации — наместникам и волостелям. Жалованная грамота — это источник, характеризующий иммунитет как аттрибут феодального землевладения, как форму внеэкономического принуждения непосредственных производителей господствующим классом феодалов. Правая грамота — это не просто приговор суда. Это — источник, показывающий расхищение общинных земель церковными и светскими феодалами, санкционируемое государственной властью как органом господствующего класса, борьбу за землю и ренту между феодалами и т. д.

Право вызвано теми же причинами, что и государство, которое, как указывал В. И. Ленин, «возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»[1].

«. . . История права показывает, что в наиболее ранние и примитивные эпохи . . . индивидуальные, фактические отношения, в самом грубом виде и составляют непосредственное право. С развитием гражданского общества, т. е. с развитием личных интересов до степени классовых интересов, правовые отношения изменились и их выражение цивилизовалось. Они стали рассматриваться уже не как индивидуальные отношения, а как *всеобщие*. Вместе с этим, благодаря разделению труда, охрана сталкивающихся между собой интересов отдельных индивидов перешла в руки немногих, что повлекло за собой также и исчезновение варварского способа осуществления права»[2].

В рассматриваемом в настоящей монографии актовом материале Северовосточной Руси XIV—XV вв. закреплено право господствующего класса.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 25, стр. 358—359.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 325.

Во второй главе дается анализ тех актов, которыми закреплялось право феодалов на владение средствами производства и прежде всего землей (грамоты купчие, меновные, закладные, духовные и т. д.). Обладание средствами производства давало феодалам возможность эксплуатировать непосредственных производителей. В этой же главе рассматриваются акты, рисующие и формы феодальной эксплуатации зависимого крестьянства (грамоты уставные, рядные и т. д.).

Третья глава посвящена жалованным грамотам, являющимся источником по истории иммунитета как аттрибута феодальной земельной собственности. Иммунитет возникает с появлением частной земельной собственности, в результате узурпации землевладельцами судебных, фискальных и иных прав, принадлежавших ранее свободным крестьянским общинам. Он достигает своего расцвета в период феодальной раздробленности, будучи характерной чертой привилегированной сословной земельной собственности, с ее иерархической структурой, выражающейся во взаимной связи собственников земли цепью обязательств. Эта пирамида земельных собственников является «ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса»[1], эксплуатируемого методами внеэкономического принуждения. Иммунитет представляет собой форму внеэкономического принуждения зависимого населения феодальной вотчины. Иммунитет является правовым выражением феодальной ренты.

В четвертой главе рассматриваются правые грамоты, как документы, отражающие деятельность феодального суда, выполняющего карательные функции государства. «. . . Право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права»[2], — писал В. И. Ленин. Правыми грамотами закрепляется за феодалами владение средствами производства, их право на землю, крестьянский труд, феодальную ренту.

Последняя (пятая) глава посвящена пересмотру вопроса о Судебнике Ивана III, как историческом источнике. Судебник в известной мере представляет собой итог развития феодального права Северовосточной Руси XIV—XV вв. и в силу этого его анализ сосредоточен в главе, заключающей все исследование. В основу изучения положен единственный сохранившийся список Судебника начала XVI в. Его разбор показывает, что предложенное в свое время М. Ф. Владимирским-Будановым деление памятника на статьи отступает от того деления, которое находим в самом Судебнике посредством киноварных заголовков и инициалов. В задачу настоящей работы входило обратить внимание исследователей на разбивку материала на отдельные статьи, данную составителями Судебника, и отказаться от искусственной системы постатейной нумерации, принадлежащей Владимирскому-Буданову. Сравнительное изучение единственного списка Судебника Ивана III в контексте других памятников второй половины XV—XVI вв. (губной записи 70-х годов XV в., духовной Ивана III 1504 г., Судебника Ивана IV 1550 г.) позволяет предположительно воссоздать протограф памятника, относящийся к 1497—1498 гг. Удается установить, что этот протограф был полнее сохранившегося списка начала XVI в., в котором выпал целый раздел, касающийся суда удельных князей.

Издание Судебника явилось ответом господствующего класса на обострение классовой борьбы в конце XV в.

Создание Судебника в 1497—1498 гг. рассматривается нами в связи с той борьбой, которая велась в конце 90-х годов XV в. правительством

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 442.

Ивана III с феодальной оппозицией. Внимательный анализ краткой заметки Типографской летописи под 1497 г. об издании Судебника разрушает старую легенду (принятую почти всеми исследователями) о Владимире Гусеве как составителе Судебника. В то же время становится вполне очевидной внутренняя связь между составлением Судебника и казнью в 1497 г. Гусева и его сообщников за участие в заговоре против выдвинутого Иваном III кандидата на великокняжеский стол его внука Дмитрия Ивановича. Опубликование Судебника явилось торжественным актом великокняжеской власти, осуществленным в связи с венчанием в начале 1498 г. Дмитрия Ивановича на великое княжение. Внутренняя критика текста Судебника, наблюдения над повторяющимися в нем одинаковыми по содержанию статьями, сопоставление его с более ранними памятниками права (Псковской судной, Белозерской уставной грамотами и т. д.) позволяют выделить отдельные составные части Судебника, датировать их и наметить историю составления изучаемого кодекса феодального права 1497—1498 гг. Подтверждаются сделанные в предшествующих очерках первой и второй частей монографии выводы о том, что первые опыты кодификации феодального права, предпринятые в Москве, падают еще на 70—80-е годы XV в.

Таким образом, анализ Судебника позволяет наметить этапы в политике правительства Ивана III, направленной к централизации законодательства. Создание Судебника отвечало потребностям централизованного Русского государства как организации господствующего класса.

«. . . Все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс господствует в данное время, — необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это — формальная сторона дела, которая сама собою разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно отдельного лица или целого государства, — откуда оно берется, и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преобладанием того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена»[1].

Общие задачи исследования (в его обеих частях) автор видит в марксистско-ленинском изучении актов и законодательных памятников XIV—XV вв., подводящем основы для всестороннего изучения явлений русского феодализма описываемого периода. Анализ правовых норм, которые отразились в актовом материале, должен помочь выяснению социально-экономических явлений эпохи, так как право «никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 671.
[2] Там же, т. XV, стр. 275.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

АРХИВЫ ЦЕРКОВНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛИЧЬЕЙ КАФЕДРЫ И МОНАСТЫРЕЙ) ФОРМУЛЯРНИКИ И КОПИЙНЫЕ КНИГИ XV-XVIII вв.

§ 1. Задачи изучения формулярников и копийных книг митрополичьей кафедры и монастырей

Церковные и монастырские феодальные архивы сохранили сравнительно небольшое количество подлинных документов XIV—XV вв. Значительная часть актов, касающихся землевладения московского митрополичьего дома и монастырей, дошла до нас в виде списков, на страницах сборников копий, составленных в XV—XVIII вв. и известных в исторической литературе под названием «копийных книг». Копийные книги значительно пополняют запас актового материала, известного в подлинниках, и поэтому представляют исключительную ценность для изучения феодальных отношений XIV—XV вв.

Путем сличения материала копийных книг с дошедшими до нас подлинными актами отдельных духовных феодальных корпораций XIV—XV вв. удается восстановить состав землевладельческих архивных фондов последних.

Издатели памятников исторического прошлого не раз обращались к копийным книгам и извлекали из них документы для своих публикаций. Документы из этих сборников печатались в различных изданиях: «Актах Археографической экспедиции», «Актах исторических», «Дополнениях к актам историческим», «Актах, относящихся до юридического быта», «Актах юридических» и т. д. Но, вырывая отдельные документы из контекста цельных копийных книг, публикаторы обесценивали значение последних. Копийные книги представляют собой не просто механическую сводку списков с единичных актов, из которых каждый ценен и интересен сам по себе. Каждый сборник копий в целом, если вскрыть имеющуюся в нем систему подбора материала, задачи и цели его составления, приобретает сам по себе характер особого исторического источника с ярко выраженным классовым содержанием. И копии отдельных документов, рассматриваемые в общем контексте данной копийной книги, получают совершенно новое социально-экономическое и политическое значение. Если же от анализа отдельных сборников перейти к вопросу об их внутренней связи и попытаться вскрыть историю их составления на протяжении трех столетий (с конца XV по XVIII вв.) в связи с историей клас-

совых взаимоотношений, то легко убедиться, что процесс создания копийных книг был процессом закономерным. Копийные книги относятся к некоторым определенным моментам нашего исторического прошлого. Они возникали не случайно, а в связи с важными явлениями из истории феодального общества в различные периоды, с моментами обострения классовых и внутриклассовых противоречий.

К сожалению, церковные и монастырские копийные книги представляют собой очень мало разработанный раздел русского исторического источниковедения. Марксистско-ленинского анализа копийных книг до сих пор еще нет. В буржуазной исторической литературе отсутствует сводный очерк, который был бы посвящен истории составления копийных книг в целом, на протяжении XV—XVIII вв., и намечал хотя бы основные моменты их появления и основные этапы их развития. Наличная литература ограничивается преимущественно отдельными замечаниями, относящимися к той или иной копийной книге, вышедшей из недр того или иного русского монастыря. При этом очень часто, останавливая свое внимание на определенном сборнике, буржуазные исследователи выбирают его случайно и не ставят вопроса о его отношении к другим подобным сборникам, хранящимся в том или ином архивном фонде. Все это создает крайне неотчетливое представление о русских церковных и монастырских копийных книгах, как историческом источнике.

Общая характеристика русских копийных книг, в качестве исторического источника, дана в двух работах буржуазных авторов: 1) в «Лекциях по дипломатике», читанных в Петербургском археологическом институте Н. П. Лихачевым; 2) в «Очерке русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского, представляющемс обой обработку лекций, которые автор читал слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. Что касается советской литературы, то отдельные замечания о копийных книгах имеются лишь в первой части курса «Источниковедения истории СССР» для высших учебных заведений, автором которой является М. Н. Тихомиров.

В трудах Лихачева и Лаппо-Данилевского дается лишь суммарная оценка копийных книг, их обзор лишен конкретного содержания, методологически ошибочен и грешит фактическими неточностями.

Н. П. Лихачев, руководствуясь сравнительно-историческим методом буржуазного источниковедения, устремил свое внимание в сторону установления близости между древнерусскими сборниками копий с различных актов и западноевропейскими средневековыми хартуляриями. «Целый ряд актов, — пишет автор, — сохранился не в подлинниках, а только в сборниках копий. На Западе это Cartularii, Cartulaires, получившие на языке старых дипломатистов наименование Codices diplomatici. Древность таких сборников несомненна, можно думать, что о них упоминает уже Григорий Турский в своей Истории франков (кн. 10, гл. 19) под „Chartarum tomi“, но древнейшие из сохранившихся относятся к X веку»[1]. Лихачев указывает, что не все эти сборники дошли до нас в виде «тетрадей пергамена или бумаги», а что некоторые представляют собой сшитые пергаменные листы, — Rotuli, riuleaux (прототипы наших столбцов).

Проводя внешние и не раскрывающие сущности памятников аналогии между средневековыми западными хартуляриями и русскими копийными книгами, Лихачев отмечает среди последних, с одной стороны, сборники копий церковных и монастырских документов, переписанные и заверенные в приказах, с другой, — сборники без скреп и не засвидетельствованные

[1] Н. П. Лихачев. Из лекций по дипломатике, читанных в Археологическом институте. Изд. слушателей Института, СПб., 1905-1906 уч. г., стр. 120.

приказным порядком. Среди копийных книг официального характера автор называет сборники копий монастырей: Троице-Сергиева (архив которого сейчас находится в рукописном отделе Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина), Кирилло-Белозерского (Ленинградская публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) и других (архивное наследие которых сохранилось в фонде Грамот Коллегии экономии Центрального Государственного архива древних актов).

Неофициальным сборником (без скреп) является рукопись № 127 из собрания Беляева (во Всесоюзной публичной библиотеке имени В. И. Ленина), заключающая в себе списки с крепостей на земельные владения митрополичьей (затем патриаршей) кафедры.

Наблюдения Лихачева носят слишком общий характер. Это — скорее призыв к изучению источников, чем научное исследование. Автор не ставит перед собой задачу приведения в известность сохранившихся церковных и монастырских копийных книг; не останавливается на тех исторических условиях, которые вызвали их появление; не показывает, как шла работа над созданием сборников; не устанавливает их связь с основными моментами в истории классовых взаимоотношений. А только при таком детальном и целеустремленном изучении и можно дать настоящую всестороннюю оценку копийных книг как исторического источника, вскрывающего характер производственных отношений в феодальном обществе. Параллели же с западноевропейскими памятниками носят чисто внешний и неубедительный характер. Наряду с копийными книгами типа средневековых хартулариев, т. е. сборников оправдательных документов на владение земельными участками, Лихачев отметил еще одну разновидность древнерусских сборников. Это — книги, заключающие в себе образцы (формуляры) грамот типа средневековых формулярников. Характерной особенностью последних является использование в качестве образцов не выдуманных, а настоящих грамот. Это обстоятельство придает формулярникам особый интерес. Имеется возможность изучить, как складывался устойчивый формуляр того или иного документа, вначале отражавший реальные противоречия в феодальном обществе, а затем часто отстававший в своих застывших параграфах от их развития.

Называя ряд классических формулярников Западной Европы (знаменитые «формулы Маркульфа» или «formulae Visigothicae» VII в., папский сборник «Liber diurnus» и т. д.), Лихачев отмечает, что «для западноевропейской дипломатики ,,formulaires'' представляют такую важность, что описанию их посвящаются обыкновенно целые отделы»[1]. Переходя к русскому материалу, автор так же, как и относительно русских копийных книг земельных актов, ограничивается лишь указанием, с одной стороны, на их ценность, а с другой, — на то, что они до сих пор не только совершенно не изучены, но не имеют даже полного научного издания. Лихачев отмечает два типа русских формулярников: 1) сборник образцовых грамот, составленный при митрополичьей кафедре в XV в., различные списки которого хранятся в рукописных собраниях: Синодальном, Царского — впоследствии Уварова (Государственный исторический музей), Толстого (Ленинградская публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), а частично помещены в Четьих-минеях митрополита Макария; 2) так называемые Титулярники, хранящиеся в Московском архиве Министерства иностранных дел (ныне Центральный государственный архив древних актов) и содержащие образцы посольских сношений. После простого упоминания указанных разновидностей

---

[1] Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 121.

сборников формул, не останавливаясь на их характеристике, Лихачев считает необходимым «с грустью отметить, что оба эти рода русских formulaires до сих пор не имеют критического, полного и достойного их издания»[1].

То основное, предложенное Лихачевым, деление копийных книг в широком смысле слова на два разряда — копийные книги земельных актов и формулярники — может быть принято. Его общие указания конкретного характера требуют дальнейшего развития и детализации. Метод же простых внешних аналогий с памятниками средневековой Европы удовлетворить нас не может. Это — метод буржуазного источниковедения. Марксистско-ленинский метод требует изучения источников в связи с теми социальными и политическими явлениями, которые вызвали их составление.

Сборники копий с документов составлялись не только церковными феодалами, не только в интересах митрополичьего дома и монастырских корпораций. Еще раньше, чем при митрополичьей кафедре и в главнейших русских монастырях, они стали возникать и при великокняжеской канцелярии. В главе IV первой части исследования мною было указано на сборники копий духовных и договорных княжеских грамот (сначала в виде столбцов, затем в виде тетрадей и книг), фрагменты которых дошли до нас в составе московского великокняжеского архива Ивана III. Между появлением церковных и великокняжеских копийных книг можно установить определенную связь и зависимость. Поэтому историю митрополичьих и монастырских книг надо рассматривать параллельно с историей сборников, вышедших из княжеской канцелярии. Только тогда станет понятной важная роль и тех и других в социальной и политической жизни. Появившись в период образования централизованного Русского государства, копийные книги содействовали закреплению привилегий господствующего класса.

В такой же мере вышесказанное относится и к ханским ярлыкам. Исследованием М. Д. Приселкова[2], появившимся значительно позже выхода в свет курса по дипломатике Лихачева, очень убедительно доказано, что списки с ярлыков, выдававшихся ханами русским митрополитам, дошли до нас не в отдельном виде, а в двух сборниках (коллекциях). Но опять-таки до сих пор не поставлен вопрос о том, что работа над подбором ярлыков производилась одновременно и в тесной связи с подготовкой копий с других документов на церковные земли. Иными словами, в исторической литературе совершенно не обращено внимание на то, что коллекции ханских ярлыков — это особого типа копийные книги и к ним следует подходить с этой точки зрения. Побудительным стимулом для составления тех и других являлось стремление церковных феодалов закрепить за собой земельные богатства и непосредственных производителей — крестьян.

Вот те вопросы и дальнейшие задачи, которые встают при чтении немногих страниц курса по дипломатике Лихачева, посвященных чисто формальному описанию различных разновидностей русских копийных книг.

После Лихачева копийные книги затронул в своем «Очерке русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевский. Он дает им следующую характеристику: «Сборники актов в копиях имеют существенное значение в тех случаях, когда могут быть признаны картуляриями, в особенности такими, которые были засвидетельствованы в приказах

[1] Там же, стр. 122.
[2] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам, Пгр., 1916.

(diplomatoria, panchartae, chartularia). Наиболее известными картуляриями подобного рода следует признать известные сборники актов Троицкого Сергиева монастыря. О составлении их сохранились следующие известия: при архимандрите Адриане в 1642 г., по случаю доносов, из Москвы были присланы окольничий князь Волконский и дворянин Панин с двумя дьяками и восемью подьячими. Они должны были переписать все церковное имущество, деньги, запасы съестные и воинские, монастырских людей и скотный двор как в Троицком монастыре, так и во всех подведомственных ему монастырях. Вместе с тем переписаны были и все грамоты на монастырские вотчины как вкладные, так и жалованные великих и удельных князей и царей московских. Возникший таким образом сборник вкладных грамот с присовокуплением прочих документов на владение вотчинами, или ,,вотчинная книга'', разделяется на две части и содержит в себе 2375 актов разного рода. Сборник жалованных грамот великих и удельных князей и царей содержит в себе 588 грамот. Оба сборника скреплены по листам монастырскими властями и дьяками. . . Такие же сборники существовали у Кирилло-Белозерского, Соловецкого и других, по крайней мере, крупных монастырей. . .»[1] (Симонова, Михайло-Архангельского).

Небольшой очерк о копийных книгах в лекциях Лаппо-Данилевского представляет историю составления монастырских копийных книг (или картуляриев, — как их называет автор), не полно и не точно. Не говоря уже о ряде мелких погрешностей, вроде того, что ревизия Троице-Сергиева монастыря происходила не в 1642 г., а в 1641 г., и плодом ее явились не две книги, как указывает Лаппо-Данилевский, а значительно больше (из них некоторые со скрепами, другие без скреп), — неправильно начинать историю троицких копийных книг с XVII в. Так, уже из работы иеромонаха Арсения, относящейся к 70-м годам XIX в.[2], была известна наиболее ранняя книга Троице-Сергиева монастыря первой половины XVI в. Мотивы составления сборников земельных актов не вскрыты Лаппо-Данилевским. Автор ограничивается указанием на ревизию сороковых годов XVII в., заимствованным из «Описания Троице-Сергиевской Лавры», составленного А. В. Горским[3]. Но ревизия была актом единовременным и не повсеместным, а книги возникали и ранее, продолжали появляться и много позднее, на протяжении трех с лишним столетий (XV—XVIII вв.) в целом ряде церковных феодальных учреждений. Вся эта большая работа по составлению копийных книг, имевшая серьезное социально-экономическое и политическое значение, укреплявшая классовые позиции церковных феодалов, освещена в очерке Лаппо-Данилевского в гораздо меньшей степени, чем даже в курсе Лихачева.

Советский исследователь М. Н. Тихомиров в своем учебном пособии по источниковедению отмечает следующее: «Уже в XIV—XV вв. право на владение земельными имуществами устанавливалось на основании письменных документов, которые составлялись писцами, с указанием на ,,послухов'', т. е. на свидетелей, присутствовавших при составлении документов и заключении сделки. Монастыри тщательно сохраняли эти документы, доказывавшие их права на земли. Грамоты хранились в монастырях в подлиннике, а во избежание их утери и для

---

[1] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов, Пгр., 1920, стр. 114—116.

[2] Арсений, иеромонах. О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя преподобного Сергия, СПб., 1877, стр. 8, 10, 12 и др. (Оттиск из выпуска VII «Летописи занятий Археографической комиссии»).

[3] А. В. Горский. Историческое описание свято-Троицкия Сергиевы лавры, ч. 1, М., 1890, стр. 141.

большего удобства с них составлялись списки, которые вносились в особые ,,копийные книги" (название XVIII в). Почти каждый монастырь имел такие книги, иногда в нескольких списках. В Троице-Сергиевом монастыре, который имел самые большие владения во всем Московском государстве, копийные книги составлялись уже с XV в., а от XVI в. до нас дошло уже несколько таких книг. Аналогичные копийные книги сохранялись и в других монастырях, например, в Макарьево-Колязинском, где записанные в книгах документы начинаются с конца XV в. В книгах Симонова монастыря под Москвой записаны уже копии грамот XIV в. Наконец, существует сборник митрополичьих грамот, дошедший в трех списках XVI—XVII вв.»[1].

По сравнению с работами Н. П. Лихачева и А. С. Лаппо-Данилевского краткий очерк М. Н. Тихомирова представляет несомненное достижение и с точки зрения фактических сведений, и в методологическом отношении. М. Н. Тихомиров увеличивает список известных копийных книг, указывая, например, сборники актов Макарьева Колязина монастыря. Они впервые были подвергнуты изучению в исследованиях С. Б. Веселовского[2]. Представляет также интерес попытка М. Н. Тихомирова наметить хронологическую последовательность в составлении церковных и монастырских сборников списков с земельных крепостей. М. Н. Тихомирову ясно значение копийных книг в закреплении землевладельческих прав духовных феодалов. Однако утверждения автора в целом ряде случаев требуют уточнения. Он говорит о книгах Симонова монастыря, тогда как до нас дошла лишь одна книга 60-х годов XVII в. Вопреки указанию М. Н. Тихомирова, неизвестны троицкие сборники копий с грамот, относящиеся к XV в. Древнейший сборник Троице-Сергиева монастыря восходит к первой половине XVI в. Наконец, не ясно, о каких трех списках книги копий с документов митрополичьего дома идет речь в курсе М. Н. Тихомирова. Если говорить о всем комплексе митрополичьих и патриарших сборников актов, относящихся к отдельным территориальным единицам и к домовым монастырям, с учетом архивного фонда грамот Коллегии экономии, то мы сможем насчитать не три копийных книги, а значительно более. Но основных полных списка, как мы увидим ниже, только два (из рукописных собраний: Синодального — в Государственном историческом музее и Беляева — во Всесоюзной публичной библиотеке имени В. И. Ленина). В литературе долгое время держалась легенда о третьем списке из собрания Успенского собора. Эту легендарную версию воспроизводит в частности Н. П. Павлов-Сильванский[3]. Происхождение указанной версии постараемся вскрыть ниже.

Наконец, в очерке Тихомирова, так же как и в работах его предшественников, не разрешается вопрос об исторических условиях, породивших древнерусские сборники актов на церковные земли. Вряд ли их составление объясняется только стремлением к «большему удобству» и сохранности. Копийные книги — это документ, игравший большую роль в социальной и политической борьбе своего времени, документ с классовым содержанием. Когда в XV—XVI вв. развернулась острая

---

[1] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I, М., 1940, стр. 117.

[2] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв., М.—Л., 1936, стр. 59—63 и др.

[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Погрешности Актов Археографической экспедиции. («Летопись занятий Археографической комиссии» за 1904 г., вып. XVII, СПб., 1907).

полемика относительно права церковных корпораций владеть недвижимыми имуществами, монастырские власти предприняли в своих архивах работу по подбору документов, на которые можно было бы опереться в целях защиты своих землевладельческих прав. А вопрос о землевладении был тесно связан с вопросом о крестьянской крепости. Поэтому не случайно даты составления отдельных копийных книг совпадают с наиболее важными моментами в истории крестьянского закрепощения. Наконец, останавливаясь на взаимоотношении между сборниками церковного происхождения (главным образом, формулярниками московской митрополичьей кафедры) и книгами копий светского происхождения (из великокняжеского архива), можно убедиться, что и те и другие служили документами в политической борьбе, которая велась великими князьями с феодальной оппозицией за создание централизованного Русского государства и в которой участвовали и представители высшей русской церковной феодальной иерархии.

Курсами по дипломатике буржуазных авторов Лихачева, Лаппо-Данилевского и по источниковедению советского исследователя Тихомирова исчерпываются очерки сводного характера, посвященные церковным и монастырским копийным книгам. В течение ряда лет занимался копийными книгами С. Б. Веселовский, подготовивший к печати на основании копийных книг собрание актов Троице-Сергиева монастыря[1]. Копийные книги положены также в основу целого ряда его исследований по истории землевладения[2]. Но ни в одной из работ С. Б. Веселовский не дал сводки своих наблюдений по вопросу о происхождении, истории и значении древнерусских сборников списков с актов, которые он кладет в основу изучения социально-экономических явлений XIV—XVI вв. Между тем разрешение этой предварительной задачи должно предшествовать использованию копийных книг в качестве исторического источника. Занимая позиции буржуазной юридической школы, рассматривая феодализм не как систему производственных отношений, а как совокупность чисто правовых институтов, С. Б. Веселовский и копийные книги привлекает для изучения правовых норм, не раскрывая их классового содержания.

В настоящей главе поставлена прежде всего задача собрать основные доступные для изучения копийные книги, сохранившиеся в архивных фондах Москвы (Центральный государственный архив древних актов, рукописные собрания Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина и Государственного исторического музея) и Ленинграда (рукописные собрания Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Академии Наук СССР, Архив Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР).

Вторая задача сводится к уточнению, на основании изучения архивных материалов, имеющихся в литературе сведений относительно отдельных известных книг и к выяснению происхождения тех книг, о которых в печати нет данных.

Третья задача заключается в том, чтобы нарисовать, по возможности, цельную и полную картину составления сборников церковных и монастырских актов на протяжении XV—XVIII вв. в связи с явлениями социально-экономической и политической жизни в указанное время. Я считаю, что в истории возникновения копийных книг была своя закономерность. Отдельные сборники копий с земельных актов в той или

---

[1] В своей работе автор использовал это комментированное собрание.

[2] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв.; Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, М.—Л., 1947.

иной феодальной церковной или монастырской организации составлялись в разное время не случайно и не в силу только каких-то причин местного характера, имевших значение лишь для данного монастыря. Были общие причины, определявшие появление копийных книг. И эти причины, как уже было указано, надо искать в явлениях, относящихся к истории феодального землевладения и крестьянской крепости. Можно с уверенностью сказать, что в сложном процессе оформления крепостных отношений в Русском государстве сборникам документов на монастырские земли принадлежит не последняя роль.

Церковные и монастырские копийные книги служили серьезным и мощным орудием во внутриклассовой борьбе, развертывавшейся в лагере церковных и светских феодалов — в борьбе за землю и за крестьянский труд; они являлись в то же время одним из средств в системе внеэкономического принуждения феодалами непосредственных производителей. Чтобы уяснить себе это двойное значение копийных книг, надо различать среди них, с одной стороны, такие, которые составлялись по инициативе церковных феодалов, и такие, инициатива создания которых принадлежала приказному аппарату феодального государства. Подобное различие до сих пор не проводилось в исторической литературе. Между тем оно имеет принципиально более серьезное значение, чем деление копийных книг по формальному признаку на имеющие скрепы и лишенные их, на что особенно обращали внимание Лихачев и Лаппо-Данилевский.

Наконец, я настаиваю на необходимости совместного изучения всех сборников актов, — не только копийных книг в узком смысле слова, содержащих крепости на церковные и монастырские земли, но и митрополичьих формулярников, и сборников копий с документов великокняжеского архива (духовных и договорных грамот), и коллекций ханских ярлыков. Дополняя взаимно друг друга, все эти источники свидетельствуют, что древнерусские копийные книги в широком понимании, как сборники списков с документов (или образцов грамот), имеющих социально-экономическое и политическое значение, возникают с конца XV в., в процессе борьбы великокняжеской власти, находившей опору в дворянстве и посадах, за создание централизованного Русского государства. Копийные книги используются (в неодинаковых направлениях) представителями борющихся сил в качестве разностороннего полемического средства.

Последней задачей я считаю сличение копийных книг отдельных феодальных духовных корпораций с сохранившимися подлинными документами в целях выявления их полного архивного наследия.

При изучении копийных книг надо иметь в виду наличие в их составе подложных грамот. В целях закрепления за собой недвижимых земельных богатств, на владение которыми у монастырей не было подлинных документов, монастырские старцы прибегали к подлогам. Так, вызывают сомнение в подлинности некоторые документы, скопированные в митрополичьей книге № 276. Весь материал в этой книге разбит на главы, каждая из которых содержит материал по определенному уезду. Глава 10 объединяет документы по Владимирскому уезду. В самом конце этой главы более поздним почерком XVII в. приписаны два документа (л. 280 об.): данные грамоты нижегородскому Благовещенскому монастырю на земельные участки Митрофана Изинского и Саввы Сюзева XIV—XV вв. Затем следует приписка: «Благовещенские ж крепости ищи после Пенеги после 17 главы». 17-я глава — последняя глава книги в ее первоначальном составе. Далее идут более поздние приписки XVII в. по Благовещенскому нижегородскому монастырю. Почерк этих припи-

сок совпадает с почерком, которым написаны данные Изинского и Сюзева. Следовательно, этих документов не было в составе копийной книги митрополичьего дома, возникшей в XVI в. Это обстоятельство заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Кроме того, внушает подозрение и необычный для документов XIV—XV вв. формуляр: наличие в начале их даты, слова «божиею милостью» («Лета 6907 генваря божиею милостью се яз Сава Дмитриевич Сюзев») и т. д.

Имеются подложные документы и в книгах Троице-Сергиева и других монастырей[1].

§ 2. Сборники образцовых грамот (формулярники) московской митрополичьей кафедры XV — XVI вв.

До нас сохранились в списках некоторые грамоты русских митрополитов XIV в. Однако бóльшая часть митрополичьих «посланий» и документов, относящихся к земельным владениям московского митрополичьего дома, падает уже на XV в. К началу XV в. процесс экономического развития (рост общественного разделения труда, местных рынков и т. д.) вызвал необходимость реорганизации хозяйства митрополичьей кафедры. Летопись связывает эту реорганизацию с именем митрополита Фотия, поставленного на митрополию в 1409 г.[2]. «И тако убо, — читаем в Никоновской летописи, — после татар (т. е. нашествия Едигея. — *Л. Ч.*), и после частых многых моров начаша множитися людие в Русской земле, таже потом и стяжаниа митрополии своея церковнаа и доходы Фотей митрополит начять обновляти, и что где изгибло, начят изыскати, или от князей и бояр что изообижено, или от иных неких лихоимцев что восхищено: села, и власти, и доходы, и пошлина христова дому и пречистыа богородица и святых великих чюдотворцев Петра и Алексея; он же вся сиа от них взимаше и утвержаше крепко в дому христове и Пречистыа богородици и святых чюдотворцев Петра и Алексея, во священней митропольи всея Руси, и доходы, и пошлины, и земли, и воды, и села и власти; иная же и прикупи в славу имяни христова и Пречистыа богородици и на препитание убогим и нищим»[3].

Мероприятия по повышению доходности хозяйства кафедры заставили административный аппарат митрополичьего дома обратить внимание на кафедральный архив. В ряде источников второй половины XV — начала XVI вв. упоминается митрополичья «казна», в которой хранились как акты на земли, так и материалы, связанные с церковно-административной деятельностью кафедры, черновые тексты митрополичьих посланий, наконец, договорные княжеские грамоты за митрополичьими подписями и т. д.

Так, в 1461—1464 гг. Черемисин Караулов и Ивашка Сова Кожин, получившие от митрополита Феодосия жалованную грамоту на рыбные ловли в Гороховце, «свою грамоту господину (митрополиту) в казну дали против его, господиновы, жаловалные грамоты»[4]. В 1473—1489 гг. митрополит Геронтий «пожаловал» Василия Федоровича Образца Симского, дал ему в держание берег земли Селятинской на речке на Раменке. Держатель со своей стороны «свою грамоту противу его господиновы

---

[1] С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта, сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937; неопубликованный курс по дипломатике А. А. Зимина.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 211.

[3] Там же, стр. 213.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 278 об. — 279; АЮБ, т. I, стр. 718, № 118/I.

(митрополита) грамоты жаловалные дал. . . в его казну за своею печатью»[1]. В начале 90-х годов XV в. Григорий Иванович Киселев, которому митрополит Зосима передал в пожизненное пользование пустошь Пертовскую в Муромском уезде, поручил митрополичьему подьячему Фадейцу Матвееву сыну написать от своего имени грамоту, «а дал. . . сию свою грамоту своему господину митрополиту всея Русии в казну за своею печатью»[2]. В 1493 г. митрополичий боярин Семен Васильевич Фомин, пожалованный митрополитом Зосимой деревней и пустошами в Переяславском уезде, написал «на себя своею рукою» грамоту, «а положил. . . сю грамоту в государя своего казну в митрополичью»[3]. В 1511 г. Федор Никитич Бутурлин купил у митрополичьего сына боярского Игнатья Михайловича Чертова «без митрополича ведома и без доклада» село Хлябово в Московском уезде. Митрополит Варлаам «бил челом» на Ф. Н. Бутурлина великому князю Василию Ивановичу III. «И государь князь великий на Федора ополелся», а купленные земли распорядился вернуть в митрополичий дом. Тогда митрополит Варлаам «Федора Бутурлина пожаловал», велел ему заплатить по купчей грамоте деньги, «а купчюю велел в казну взять»[4].

Подлинные грамоты митрополичьего архива XIV—XV вв., повторяю, погибли. В настоящее время мы располагаем только сборниками списков, снятых с этих грамот. О древнейших сборниках, возникших при митрополичьей кафедре, имеются случайные и очень неточные указания в старом и несовершенном исследовании М. И. Горчакова, посвященном землевладению русской митрополии, патриархии и Синода. «Со времени митрополита Фотия, — пишет Горчаков, — митрополиты всея России с особенною заботливостью стали хранить в своей казне касающиеся владений их кафедры грамоты и другие акты. . .; из списков с грамот и актов составлялись впоследствии сборники, которые также держались при митрополичьей кафедре; один из таких сборников составлен был при митрополите Данииле (1522—1539 гг.); преемники его дополняли этот сборник списками с актов, им современных; из таких дополнений образовался другой сборник списков с грамот и актов, относящихся до земельных владений митрополитов; тот и другой сборник тщательно сохраняла московская патриаршая библиотека до 1836 года под №№ по старому каталогу 173 и 502-м, по новому 276 и 562. . .; едва ли не навсегда означенные экземпляры сборников пропали для науки»[5]. Последнее пессимистическое утверждение Горчакова, повторенное в рецензии на его работу В. О. Ключевским[6] и вызванное тем обстоятельством, что рукописи были посланы из Москвы в петербургскую библиотеку при Синоде, где и находились некоторое время, не соответствует действительности: теперь оба сборника снова хранятся в собрании быв. Московской синодальной библиотеки, переданном после Великой Октябрьской социалистической революции в Государственный исторический музей[7].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 46—46 об.; М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода, СПб., 1871, стр. 82—83, № 11 (приложение).

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 271—271 об.; ААЭ, т. I, стр. 54, № 74/III,

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. 276, л. 138—138 об.; АЮБ, т. I, стр. 721—722, № 118/V.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 67—67 об.; АЮБ, т. II, стр. 342—344, № 147/VIII.

[5] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 9.

[6] В. О. Ключевский. Отзывы и ответы, М., 1914, стр. 171.

[7] Бывший хранитель московского Синодального собрания, покойный Н. П. Попов, говорил автору, что версия о пропаже митрополичьих сборников одно время получила широкое распространение в ученых кругах.

Нуждается в поправке и соображение автора об общем характере памятников и их взаимоотношении. Руководствуясь исключительно данными библиотечного каталога и не имея возможности ознакомиться с самими памятниками, Горчаков считал рукопись № 562 за дополнение к рукописи № 276. Однако сличение памятников убеждает в неосновательности подобного предположения: между ними отсутствует непосредственная зависимость. В сборник № 276 вошли, действительно, акты, утверждавшие феодальные права митрополичьей кафедры на земельные владения. Сборник же № 562 — это «образцовая книга», заключающая в себе «послания» митрополитов и другие памятники древнерусской церковной публицистики и церковного права, в частности, формуляры некоторых юридических документов. Сборник этот, вопреки утверждению Горчакова, относится ко времени более раннему, чем копийная книга № 276.

Исходя из деления древнерусских церковных копийных книг в широком смысле этого слова на сборники копий земельных актов на конкретные земельные владения и формулярники (книги, содержащие образцы документов), мы должны будем рассмотреть рукопись № 562 (кафедральный формулярник) отдельно от № 276 (книги земельных крепостей).

Палеографический анализ показывает, что книга № 562 составлялась с начала XVI в. вплоть до 20—30-х годов данного столетия. Основные почерки относятся к самым начальным годам XVI в. К этому же времени ведут нас и бумажные водяные знаки[1]. По содержанию наиболее поздние документы основной части сборника падают на время митрополита Симона (1495—1511 гг.). Таким образом, книга № 562 Синодального собрания представляет собой формулярник, составленный при митрополите Симоне, а затем дополненный позднейшими материалами.

Сборник № 562 необходимо сопоставить с рукописью № 512 собрания Уварова, ранее принадлежавшей И. Н. Царскому и описанной Строевым под № 366[2]. Это такая же «образцовая книга» грамот, хранившихся в кафедральной казне, как и № 562 Синодального собрания. Уваровский сборник № 512 также возник в самом начале XVI в. На этот вывод дают право и содержание рукописи, и ее палеографические особенности. Однако нельзя считать Уваровский сборник № 512 простым списком с Синодального № 562. В обеих книгах различна система расположения материала, не одинаков подбор грамот (в каждом из сборников имеются тексты, отсутствующие в другом), тексты одних и тех же документов по Уваровскому и Синодальному спискам имеют разночтения. Все это заставляет допустить для начала XVI в. наличие нескольких (по крайней мере, двух) редакций митрополичьих формулярников, представленных Синодальным и Уваровским списками. Возможно предположить, что протограф, к которому восходят обе редакции, относится к XV в.

Прежде чем говорить об обстоятельствах, при которых возникли кафедральные формулярники, необходимо несколько подробнее остано-

---

[1] Письмо большей части сборника (лл. 16 и сл.) — самого начала XVI в.; почерки лл. 1—15, 426—448 и др. относятся к десятым — тридцатым годам века. Бумажные знаки: голова быка с короною над ней (по Лихачеву — № 1296—1297; 1500 г.); тиара (по Лихачеву — № 1351; 1507—1508 гг.); три горы (по Лихачеву № 1338; 1501 г.). Наиболее поздняя, датируемая статья в составе сборника (л. 439 об.) — 1528 г. Переплет — XVIII в. Палеографическое описание рукописи сделано А. Д. Седельниковым.

[2] П. М. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому, М., 1848, стр. 363—369, № 366; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. 4, М., 1894, стр. 34, № 1780 (512).

виться на их содержании; посмотреть, образцы каких именно грамот в них приведены. Среди материалов формулярников мы находим большую группу актов церковно-административного управления: «ставленая грамота архиепископом и епископом, сущим под пределом святейшия Киевьскыя и всея Рускыя митрополия»; «како написати от святителя наместнику его настолная»; «како написати отпускная попу в иную епископью»; «како написати грамота игумену в велик монастырь»; «како написати от большаго святителя к епископу, коли имется ослушатися, не поедет»; «письмо дати священнику, когда поставят его протопопом»; «письмо дати священно-иноку, когда поставять его духовного отца» и т. д.[1]

Далее следует отметить большое количество митрополичьих «посланий», появившихся в результате участия церковных феодалов в политической жизни XIV—XV вв. Некоторые из этих «посланий» изложены в форме «образцовых» текстов, в которых имена митрополитов заменены словом «имрек», а даты опущены. В других случаях все собственные имена и даты сохранены и просто данная конкретная «посыльная» грамота рассматривается в качестве образца для будущих посланий на аналогичные темы. Но даже в том случае, когда перед нами голый формуляр, обычно в основе его лежит какой-то реальный памятник церковной публицистики. При этом формулярники сохраняют указания на происхождение текстов «посланий», указывая, когда, куда, с кем они были отправлены из Москвы. Например: «Посыльная грамота от митрополита на Вятку, бояром и воеводам, и ватамоном, и всим купно истинным православным християном, пошла с-Ыгнатом с толмачем сякова грамота»; «Посылная от Ионы митрополита к королю, пошла с Карлом с дьяконом его, о любви»; «В Великый Новгород Феодосья митрополита всея Руси шла грамота с Григорьем Васильевичем Заболотцким владыце»[2]. В одном случае приведен текст «посылной» грамоты в Царьград и при этом указано, что она «не пошла», а осталась, следовательно, в кафедральной казне[3].

Тематика «посланий» необычайно разнообразна. Однако можно наметить определенный круг вопросов, применительно к которым подобраны тексты и которые характеризуют политическую роль церкви, как органа феодального государства, защищавшего интересы господствующего класса.

Главные темы, которые иллюстрируют материал кафедральных формулярников, это: 1) борьба господствующей феодальной церкви с «ересями» как проявлениями реформационного движения, находившего социальную опору в низах городского торгово-ремесленного поселения; 2) отстаивание неприкосновенности церковного феодального землевладения, которое защищается от всяких попыток частичной секуляризации; 3) стремление укрепить престиж церкви как организации господствующего класса через усиление дисциплины и подъем нравственности черного и белого духовенства; 4) борьба с унией и отпор воинствующему католицизму, выражавшему агрессивные тенденции папской курии. Поэтому в формулярниках фигурируют «послания» митрополита Фотия (1409—1431 гг.) во Псков «о стриголницех, отпадающих от веры»; «о еретицех»; митрополичьи «послания» «к архимандритом, недобре держаще монастырю», «к черньцем в монастырь о неустроении и непослушаньи», «в Великий Новгород архиепископу и попу, отъимающих имения и села

---

[1] РОИМ, собр. Уварова, кн. № 512, лл. 185, 307 об., 312 об., 316, 317; Синод. собр., кн. № 562, лл. 423 об.—424.
[2] РОИМ, собр. Уварова, кн. № 512, лл. 174 об., 204 об., 285.
[3] Там же, л. 166 об.

церковные», «в Литву бояром и паном, что стоять за святую божию церковь и за православную нашу христову веру» и т. д.[1]

Некоторые «послания» поднимают вопросы внешней политики. Выдвигается задача продвижения на Восток и ликвидации татарских ханств в Поволжье. Эта тема борьбы с «погаными» нашла свое отражение в ряде «посланий»: «послание от митрополита к князем, коли пойдут на поганых за святыя церкви и за все православное християнство»; «послание от митрополита к епископу, чтоб послал князь воевод своих и с людми на поганого царя на казанского великому князю на помощь»[2].

Следует отметить также «милостынные» грамоты константинопольским и афонским монастырям, свидетельствующие об укреплении церковных связей в странах Ближнего Востока («послание о грецких монастырех о милостыни»)[3] и т. д.

Многие грамоты из Синодального и Уваровского сборников напечатаны в разных изданиях. При этом в ряде случаев, когда в публикуемых текстах собственные имена были заменены словом «имрек», издатели, считая возможным по каким-либо соображениям приписать определенный памятник авторству того или иного церковного феодала XIV—XV вв., сами восстанавливали имена, не оговаривая этого в примечаниях. Если при этом и не получалось ошибки, то все же при пользовании печатным текстом данного «послания», от исследователя ускользала одна его сторона: в начале XVI в. «послание», написанное когда-то, по какому-то конкретному поводу, приобрело характер «образцовой грамоты» и заняло определенное место среди других таких грамот в «образцовой книге».

Наряду с материалами, связанными с политической деятельностью русских митрополитов, как выразителей интересов церковных феодальных верхов, в кафедральных формулярниках помещены также некоторые духовные и договорные княжеские грамоты: духовные Дмитрия Донского и Василия Темного, докончание Василия Темного с верейским князем Михаилом Андреевичем 1450 г., договоры Новгорода с Василием II, с Казимиром IV, московско-новгородская Коростынская докончальная грамота 1471 г.[4]. Выше уже указывалось, что при оформлении договоров между князьями их тексты иногда помещались в митрополичью казну. Тексты духовных княжеских грамот заверялись митрополичьими печатями и подписями и их противни, надо думать, также попадали в архив митрополичьей кафедры.

Те наблюдения над Синодальным сборником № 562, которые были сделаны выше, позволили нам отнести составление его основной части ко времени митрополита Симона (1495—1511 гг.). Тематика сборника (вопросы о борьбе господствующей церкви с бюргерской оппозицией, выразившейся в «ересях», о церковном феодальном землевладении, об укреплении авторитета церкви путем реорганизации монастырского общежития и т. д.) вполне соответствует тем вопросам, которые дебатировались в господствующих феодальных кругах, церковных и светских, в период между соборами 1490 и 1503 гг. и были предметом полемики иосифлян с нестяжателями. Непосредственным толчком к составлению формулярника митрополита Симона послужил, повидимому, собор 1503 г. С этим крупным событием церковно-политической жизни связан расцвет литературы, вышедшей из кругов, близких к представителям высшей

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 21, 75—77, 93 об.—95, 115—116, 324—331, № 1, 20, 28, 40, 116—117.

[2] Там же, лл. 126 об.—130, № 48—50.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 78 об.—79 об., № 22.

[4] РОИМ, собр. Уварова, кн. № 512, лл. 206, 267, 272 об., 277, 282, 285; Синод. собр., кн. № 562, лл. 146—149 об., № 62; лл. 225—230, № 102.

церковной иерархии, боявшихся за целость своих земельных богатств. Так, в это же время получила большое значение коллекция ханских ярлыков русским митрополитам — полемическое орудие против нестяжателей[1], в защиту землевладельческих прерогатив духовных корпораций.

Ближе присматриваясь к составу кафедрального формулярника по Уваровскому списку № 512, мы можем обнаружить следы предшествующего ему более раннего формулярника, предположительно относящегося к 70-м годам XV в. На существование этого несохранившегося памятника указывает прежде всего наличие в Уваровском сборнике ряда новгородских договорных грамот (с великим князем Василием II, с Казимиром IV, с Иваном III). Это — как раз те документы, которые вошли и в копийную книгу Ивана III, составленную в связи с его новгородскими походами 70-х годов XV в. При рассмотрении этой копийной книги было указано, что в подготовке похода 1471 г. принимал участие митрополит Филипп. В частности, его мартовское «послание» в Новгород послужило для нас основанием при датировке сборника новгородских документов, подобранного по предписанию Ивана III в его канцелярии[2]. Характерно, что в Уваровском сборнике «послания» митрополита Филиппа в Новгород приведены вместе с новгородскими докончальными грамотами. Все это дает основание предполагать, что в 70-х годах XV в., когда в московской великокняжеской канцелярии составлялся сборник документов, относящихся к Великому Новгороду, при митрополичьей кафедре производились аналогичные работы и именно тогда появилась первая редакция кафедрального формулярника. Не случайно в Синодальной рукописи № 562 новгородские договорные тексты отсутствуют, очевидно, потому, что в начале XVI в., при митрополите Симоне, они уже не представляли актуального интереса.

Обращает внимание еще одно обстоятельство, подтверждающее предположение о существовании кафедрального формулярника 70-х годов XV в. В Уваровском сборнике № 512 помещена грамота митрополита Ионы (1448—1461 гг.) на Вятку «бояром и воеводам и ватаманом, и всим купно православным истинным християном»[3]. Эта грамота отсутствует в сборнике Синодальной библиотеки № 562, но там мы находим вместо нее близкое к ней по содержанию «послание» на Вятку митрополита Геронтия (1473—1489 гг.)[4]. Такая замена указывает на то, что в основе Уваровского сборника лежит текст более раннего (по сравнению с Синодальным) кафедрального формулярника как раз 70-х годов XV в.

Таким образом, составление первого кафедрального формулярника 70-х годов XV в. было продиктовано задачами великокняжеской политики, направленной к подавлению феодальной оппозиции в Новгороде и включению его в состав Русского государства. Феодальная церковь обслуживала эти задачи путем пропаганды идеи подчинения Новгорода Москве. Материал для подобной агитационной работы и должен был дать формулярник митрополичьего дома.

Кафедральные формулярники второй половины XV в. — начала XVI в. послужили источником для более поздних сборников «образцовых» грамот, которые возникли с одной стороны в Новгороде при дворе

---

[1] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 47. — П. П. Соколов относит первую редакцию сборника ханских ярлыков к XIV в. (П. П. Соколов. Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру — «Русский исторический журнал», кн. 5, 1918, стр. 70—85).

[2] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, М.—Л., 1948, гл. шестая.

[3] РОИМ, собр. Уварова, кн. № 512, л. 174 об.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 58—59 об.

архиепископа Макария (1526—1542 гг.), с другой стороны — в Иосифовом-Волоколамском монастыре.

Новгородский формулярник архиепископа (будущего митрополита) Макария сохранился в списке Румянцевского собрания № 204[1]. В начале рукописи указано, что она представляет собой «книгу на ноугородцьких еретиков архиепископа Макария Великого Новагорода и Пьскова, списана преподобьнымь игуменомь Иосифомь Ламьского Волока». Действительно, сборник начинается с «Просветителя» Иосифа Волоцкого, являвшегося программным документом воинствующей церковной верхушки в ее наступлении на городские ереси. Затем следуют «послания» русских митрополитов (главным образом, Киприана и Фотия) в Новгород и Псков. Таким образом, грамоты нарочито подобраны и по территориальному признаку (Новгород и Псков), и по тематике (применительно к вопросам, поднятым Иосифом Волоцким). «Просветитель» «преподобного игумена Ламского Волока», представлявший собой обоснование платформы господствующей церкви, определяет все содержание рукописи.

Приведенные в сборнике «послания» рассматривались, повидимому, составителем как образцы, которыми можно было бы воспользоваться в полемических и агитационных целях. Специальные заголовки к текстам подчеркивают именно такое их назначение: «а си грамота о стриголничех»; «а си грамота о стриголницех, и о ротникех, и о роспустникех, и о властех, и у церквах старостять»; «а се о ересех поучения и о мирянех наказанья»; «а се о ереих и о иноцех и о властех» и т. д.[2].

Водяные знаки рукописи № 204 все совпадают с приведенными Н. П. Лихачевым знаками бумаги, на которой была написана в 1527 г. в Новгороде Книга келейных правил[3].

Таким образом, сборник, известный нам по Румянцевскому списку № 204, был составлен в самом начале деятельности Макария в качестве архиепископа в Новгороде, в конце 20-х годов XVI в. Макарий при этом воспользовался материалом кафедральных формулярников более раннего времени, но включил в свой сборник и отсутствовавшие в них тексты, которые нашел в Новгороде.

Впоследствии Макарий передал свой формулярник в Пафнутьев-Боровский монастырь, «постриженником» которого он являлся[4].

«Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[5]. Стремление к защите основ феодализма от оппозиции в виде

---

[1] РОБИЛ, собр. Румянцева, кн. № 204. См. также рукопись Пафнутьева-Боровского монастыря, в лист, № 1 (П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского, СПб., 1889, стр. 295).

[2] РОБИЛ, собр. Румянцева, кн. № 204, лл. 406, 416 об., 433 и др.

[3] По Лихачеву — № 1537 (гербовый щит с лилией, увенчанный короной), 1526 (монограмма из букв РС, пересеченная вертикальной линией со звездой и крестом по концам), 1534 (рука), 1541 (гербовый щит).

[4] В рукописи имеются следующие пометы: 1) «Сию книгу на ноугородцкых еретиков дал пречистой богородицы и великому чюдотворцу Пафнутью в дом смиренный грешный Макарий, митрополит всеа Русии, на память своей души и по своих родителех в вечной поменак»; 2) «Сию книгу на новгородцких еретиков дал в дом пречистые богородицы и великого чюдотворца Пафнотия вкладу колуженин посацкой человек Яков Ондреев сын Шеплина, а преж сего та книга была того же Пафнотиева монастыря, а дал в лето 7128-го году сентября в 5 день при игумене Иосифе и подписал своею рукою».

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

«открытой ереси» определяет общее направление сборника архиепископа Макария.

В Иосифовом-Волоколамском монастыре, этом оплоте воинствующего осифлянства, при игумене Евфимии Туркове (1575—1587 гг.)[1], была написана «образцовая книга», также использовавшая старые кафедральные формулярники. Это — рукопись из собрания Ф. А. Толстого[2], хранящаяся в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Толстовскую рукопись Н. П. Лихачев называл в своих «Лекциях по дипломатике» в качестве третьего списка кафедральных формулярников, наряду с Синодальным и Уваровским (Царского). Действительно, к Синодальному и Уваровскому сборникам восходит ряд текстов рукописной книги игумена Евфимия: докончание Василия II с Михаилом верейским 1450 г., духовная Василия Темного, послания митрополита Ионы [3] и т. д. Но материал кафедральных формулярников дополнен памятниками XVI в.: сочинениями Иосифа Волоцкого, проводившего теорию теократического абсолютизма, грамотами новгородских архиепископов Макария и его преемника Феодосия, стоявших на осифлянских позициях, и т. д. Но и для XIV—XV вв. Евфимий дает некоторые тексты, которых не было в Уваровском и Синодальном сборниках[4].

История составления церковных формулярников очень интересна. Они зарождаются при Иване III, когда происходил процесс объединения русских земель, образования централизованного Русского государства. Можно думать, что возникновение самого раннего формулярника 70-х годов XV в. было вызвано реальными задачами великокняжеской политики в отношении Великого Новгорода, находившей поддержку в господствующих церковных кругах. Появление более поздних сборников XVI в. определялось той полемикой, которая велась в это время между представителями двух направлений: нестяжателей и осифлян по ряду крупнейших вопросов церковно-политического характера. Эта полемика отражала в идеологической сфере внутриклассовые противоречия в лагере феодалов. В материалах кафедральных формулярников проявился, как было указано выше, интерес и к внешнеполитическим вопросам. Отсюда — наличие в них таких материалов, как «посланий» на Угру митрополита Геронтия, Вассиана Рыло и т. д. Некоторые материалы формулярника митрополита Симона попали на его страницы в связи с той борьбой с феодальной оппозицией, которую вело правительство Ивана III в конце 90-х годов XV в. и в которой принял участие митрополит Симон. Эта сторона дела будет освещена в главе, посвященной Судебнику Ивана III.

§ 3. «Правосудие митрополичье»

Среди памятников, сохранившихся в составе церковных сборников XVI в., большой интерес представляет так называемое «Правосудие митрополичье». Этот памятник введен в научное обращение

---

[1] П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви, СПб., 1877, стр. 182.

[2] РQБИС, кн. № Q—XVII—50; К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей гр. Ф. А. Толстого, М., 1825, стр. 472, № 341 (отд. II). См. также РОИМ, Синод. собр., № 791 (сборник архиеп. новгородского Феодосия).

[3] РОБИС, собр. Ф. А. Толстого, отд. II, № 341, лл. 187, 202, 215 и др.

[4] См. также П. М. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского. . . , стр. 180, № CCCCVII.

С. В. Юшковым, опубликовавшим его полностью в 1929 г.[1] Неполный текст был известен раньше по «Описанию славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева.

Памятник извлечен из сборника Московской Синодальной библиотеки XVI в. № 326 (687), где он помещен на лл. 141—143, под заголовком: «А се есть Правосудие митрополичье». Заголовок вынесен в конец страницы. Весь сборник состоит из ряда статей богословского, литературного, исторического характера. Там помещены евангельские тексты, притчи Соломона, летописные отрывки и т. д. На л. 42 находится отрывок из церковного устава Владимира Святославича, затем следует текст «О ноугородцких судех митрополичьих», в конце которого перечисляются лица, подсудные митрополиту (проскурница, вдова, колика, стры, задушный человек, прикладник, хромец, слепец, дьяк, «вси причетници церьковнии, судит их митрополит, опричь миряп»)[2]. По содержанию сборник выдает свое новгородское происхождение (выше приведенная статья «О ноугородцких судех митрополичьих», выдержки на л. 144 из поучения Кирика и т. д.).

С. В. Юшков разбил изданный им текст «Правосудия митрополичья» на 36 статей. Издатель поставил вопрос об источниках памятника и отметил, что одиннадцать статей (4, 7—9, 30—36) взяты из церковного «Устава» Ярослава, без всяких поправок и дополнений. Одна статья («об уроках скоту») заимствована из Русской Правды также без изменений. «Значительная часть памятника, — пишет С. В. Юшков, — 23 статьи содержат совершенно новый, до сих пор неизвестный материал. Ни Устав кн. Ярослава, всех его редакций и изводов, ни Русская Правда, ни тем более памятники позднейшего времени — Псковская и Новгородская судные грамоты, уставные грамоты, ни Судебник Казимира, ни Судебник 1497 г. не могут быть признаны источником этих статей. Нельзя считать источником этих статей и византийское право: статьи носят явные признаки русского происхождения, касаются русских правовых понятий и институтов»[3].

Отмечая, что ряд статей «Правосудия митрополичья» близки по языку к Русской Правде, трактуют об аналогичных с ней предметах, и в ряде случаев как бы развивают и дополняют ее постановления, Юшков высказывает предположение о том, что «эти статьи, как и аналогичные статьи древнерусского кодекса, являются ни чем иным, как записями обычного права, записями судебных решений»[4].

Нам представляется прежде всего, что можно более конкретно поставить вопрос о Русской Правде как источнике «Правосудия митрополичья». Так, помимо ст. 5 «Правосудия» («уроки скоту»), к Русской Правде может быть возведена ст. 11: «Око человеку судиться за полвека — 40 гривны». В измененном виде — это статья 27 Пространной Правды: «Аче ли утнеть руку и отпадеть рука или усохнеть, или нога, или око, или не утнеть, то полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен». «Правосудие» устанавливает иные нормы штрафа за лишение человека глаза, очевидно, исходя из виры в 80 гривен («полвека» или «полувирье» Русской Правды=40 гривен). Но общий принцип, устанавливаемый «Правосудием», тот же, что и в Русской Правде: лишение ока карается штрафом в половинном размере по сравнению с вирой за убийство.

[1] С. В. Юшков. «Правосудие митрополичье» («Летопись занятий Археографической комиссии» за 1927—1928 гг., вып. 35, Л., 1929, стр. 115—120).

[2] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, вып. 3 (Прибавление), М., 1862, стр. 680—695. На стр. 692—694 неполностью приведен текст «Правосудия митрополичьего».

[3] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 117.

[4] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 117—118.

Статья 12 «Правосудия митрополичьего» — «А душегубца велит казнити градским законом, осечи его да продати, как стечет, а дом его на грабеж», — также составлена на основе знакомства составителя «Правосудия» со статьями Русской Правды о потоке и разграблении. В качестве параллели можно привести статьи 7 и 83 Русской Правды: «Будеть ли стал на разбои без всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление»; «Аже зажгуть гумно, то на поток, на грабежь дом его, переди пагубу исплатившю, а в проце князю поточити и».

Статья 27 «Правосудия» в части, касающейся побега челядина-наймита от «осподаря», совпадает с соответствующей статьей Русской Правды (56) о побеге закупа. «Правосудие»: «а побежит от осподаря, выдати его осподарю в полницу»; Русская Правда: «Аже закуп бежить от господы, то обель». Первая часть ст. 27 «Правосудия», — «А се стоит в суде челядин наймит не похочет быти, а осподарь (осподарю? — *Л. Ч.*) несть ему вины, но дати ему вдвое задаток»[1], — развивает соответствующую статью Русской Правды о столкновениях на суде господ с закупами: «идеть ли искат кун, а явлено ходить, или ко князю или к судиям бежить, обиды деля своего господина, то про то не робять его, но дати ему правду».

Таким образом, можно сделать вывод, что составитель «Правосудия митрополичья», имея в руках Русскую Правду и пользуясь ею как источником, дополнял и развивал соответствующие ее статьи.

Определенную близость можно отметить и между «Правосудием митрополичьим» и Двинской уставной грамотой 1397 г. Так, статьи 1—3 «Правосудия» говорят о наказании за бесчестье князю, боярину, наместнику, слуге, тиуну и т. д.: «1. Князю великому за безчестье главу сняти, а меншему князю, ли сельскому, ли тысячником, ли околичником, ли боарину, ли слузе, ли игумену, ли попу, ли дьякону по житью по службе безчестье судят. 2. Тивуну княжю безчестье гривна злата, так и наместнику. 3. Аще ли кому судят злато за безчестье, противу того судьи несть злата за злато, но деляться судьи присудом». Тот же вопрос о суде за бесчестье боярина и слуги затрагивает и Двинская уставная грамота: «А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отечеству безщестие, тако ж и слузе».

Статья 13 «Правосудия», запрещающая «вязати», «казнити», «повесити» татя без поличного, тесно связана с соответствующими статьями о татьбе Двинской уставной грамоты, об «изымании» татя с поличным, о его «продаже противу поличного», о «вязебном», наконец, о повешении татя.

В ст. 28 «Правосудия» речь идет о неответственности «осподаря» за убийство «челядина полного» («несть ему душегубства, но вина есть ему от бога»). Аналогичный случай рассматривается в Двинской уставной грамоте: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют». Только «Правосудие», наряду со случаем убийства холопа («челядина полного»), предусматривает также возможность убийства «закупнаго наймита», расценивая это уже как «душегубство».

Некоторые статьи «Правосудия митрополичьего» могут быть поняты только в связи с соответствующими статьями междукняжеских докон-

---

[1] С. В. Юшков расставляет знаки препинания иначе: «А се стоит в суде челядин наймит, не похочет быти, а осподарь несть ему вины, но дати ему вдвое задаток».

чальных грамот. Так, например, статья 19 «Правосудия» («А холопа своего, ли татя с поличным изнимав в чюжи отчине, вести его к своему судьи, да судити») вполне соответствует обычной статье междукняжеских договоров о праве сыска беглых холопов и татей в чужих вотчинах. Так, в договорах Дмитрия Донского с тверским великим князем Михаилом Александровичем 1375 г. читаем: «А хто от нас пригонится в твою отчину за холопом, или за должником, а изымает сам, а без пристава, да поставит перед тобою, или перед наместники, или перед волостели, в том вины нет»[1].

«Правосудие» аннулирует иски, имевшие место при прежних князьях и «властелинах»: «. . . Что деялося при ином князи, ли властелине, того не искати» (ст. 20 — вторая часть). «А суд вопчи межи нас по приставленью отца моего, великого князя Дмитрея Ивановича, а которых дел не искали при отце моем при великом князи Дмитрее Ивановиче, пристава не было, за поруку не дан, тому погреб», — читаем в договоре 1402 г. московского великого князя Василия с великим князем рязанским Федором Ольговичем[2].

Статья 15 «Правосудия» о праве властелина на взыскание с виновного пошлин пропорционально стоимости «поличного» отражает обычное право Северовосточной Руси. Статья о трехлетней исковой давности вошла и в Судебник 1497 г.

В «Правосудии» чувствуется и некоторая близость к Псковской судной грамоте. Правда, нельзя указать такие статьи «Правосудия», которые могли бы быть возведены к Псковской судной грамоте как к своему источнику. Но некоторые общие моменты встречаются. Так, например, в «Правосудии» имеется статья, говорящая об ответственности за уничтожение животных (собаки и кошки): «Аще кто собаку убьет, ли кошку, вины гривна, а собаку в собаки место, а кошка в кошки место» (ст. 22). Псковская судная грамота говорит о тяжбах за животных: «за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку» (ст. 110). В ст. 14 «Правосудия» говорится об убийстве в корчме. Это можно сопоставить со специальным запретом Псковской судной грамотой князьям держать корчмы (ст. 115).

Терминологически «Правосудие» также близко к Псковской судной и Двинской уставной грамотам («осподарь», «наймит», «вина»). Имеется некоторая близость и к терминологии Судебника 1497 г. (термины «прирочен», «прирок»).

По вопросу о происхождении «Правосудия митрополичьего» С. В. Юшков высказывает следующие соображения. Это памятник церковного происхождения. Об этом свидетельствует не только название, но и текст статей. Составителем памятника, по мнению С. В. Юшкова, было неизвестное нам лицо, причастное к митрополичьему суду и знакомое с его практикой. Памятник не носил официального характера. Временем возникновения «Правосудия» С. В. Юшков считает вторую половину XIII в. — первую четверть XIV в.: «и система денежного счета, и язык, и юридическая терминология (аще, боарину, слузе, околичником, по житию, за полвека, отсечи, прирочен, прирок, скуду, сутяжаі, и проч.) не могут быть отнесены к более позднему времени»[3]. По вопросу о месте

---

[1] СГГД, ч. 1, стр. 49, № 28. — Поскольку издание духовных и договорных грамот великих и удельных князей, подготовленное автором настоящей монографии, вышло в свет после сдачи данной рукописи в производство, ссылки на соответствующие акты даются по старому изданию СГГД.
[2] Там же, стр. 66, № 36.
[3] С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 118.

возникновения памятника С. В. Юшков воздерживается высказываться, считая, что для этого нет данных.

Некоторые соображения по поводу «Правосудия митрополичьего» высказывает М. Н. Тихомиров. Он указывает, что памятник «повидимому, не имеет никакого отношения к практике церковных судов, а тем более к митрополичьим, и является оригинальным произведением, написанным каким-то не очень грамотным монахом». По мнению М. Н. Тихомирова, «Правосудие» не могло возникнуть ранее XIV в., на что указывают слова: пристав, исправа, присуд, поличное, послух, пирочен, слуга. М. Н. Тихомиров отмечает близость «Правосудия» «к памятникам вроде судебников», но решения вопроса о происхождении изучаемого источника не дает.[1]

Нам представляется очевидным церковное происхождение «Правосудия». Действительно, за это говорят как использование его составителем «Устава» Ярослава, так и наличие в «Правосудии» ряда статей, относящихся специально к церковному суду (ст. 18 — о суде епископа, ст. 21 — о послушестве чернеца, ст. 26 — о послушестве игумена, попа, дьякона). И дошел до нас памятник в составе сборника церковного характера.

Наличие «Правосудия митрополичьего» в сборнике новгородского происхождения дает основание ставить вопрос о том, что он предназначался для новгородского церковного суда. Вряд ли правильно думать, что название «Правосудие *митрополичье*», хотя бы и приписанное к тексту позднее, является случайным. Переписчик, очевидно, имел какие-то основания считать данный памятник юридическим сборником, связанным с деятельностью кого-то из русских митрополитов.

Новгородское происхождение сборника, в составе которого сохранилось «Правосудие митрополичье», и его близость к Двинской уставной грамоте, а также к Русской Правде и Псковской судной грамоте, дает основание для некоторых догадок об истории памятника. В первом томе нашего исследования о феодальных архивах XIV—XV вв. был рассмотрен конфликт между новгородским правительством и митрополитом Киприаном по вопросу о судебных правах последнего в Новгороде, имевший место в 80—90-х годах XIV в. Этот конфликт, как было показано, послужил одной из причин московско-новгородской войны 1397—1398 гг., приведшей к временному переходу Двинской земли под протекторат Москвы. В этой связи было рассмотрено составление Двинской уставной грамоты, Мясниковского извода Русской Правды, наконец, одной из ранних редакций Псковской судной грамоты[2]. Сопоставляя все эти данные, можно высказать весьма вероятное предположение, что «Правосудие митрополичье» представляло собой памятник, составленный в Москве по предписанию митрополита Киприана для митрополичьего суда в Новгороде.

§ 4. Копийная книга земельных актов Кирилло-Белозерского монастыря 80-х годов XV в. и Белозерская уставная грамота 1488 г.

Древнейшей известной монастырской копийной книгой земельных актов является сборник грамот, относящихся к вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря, хранящийся в рукописном собрании Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина за № Q-IV-120.

---

[1] Русская Правда, со вступит. статьей и под ред. М. Н. Тихомирова, М., 1941. стр. 85.

[2] Л. В. Черепнин. Указ. соч., ч. 1, стр. 397—407.

Это — рукопись на 73 листах, в переплете XIX в. На л. 1 имеется надпись: «Сия рукопись подарена мне отцом Вениамином, архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря, во время путешествия моего по России в 1809 г. Александр Ермолаев». Александр Иванович Ермолаев был, как известно, воспитанником Академии художеств, видным членом кружка Н. П. Румянцева, хранителем рукописей Петербургской публичной библиотеки. Через него, как видно из приведенной выше записи, интересующий нас сборник попал из Кирилло-Белозерского монастыря в Публичную библиотеку.

Сборник этот был опубликован Н. Н. Дебольским в «Вестнике археологии и истории», издававшемся петербургским археологическим институтом[1]. Издание Дебольского выполнено чрезвычайно небрежно. В тексте отдельных актов встречается целый ряд искажений, так что пользоваться им для научных исследований без проверки по рукописи не представляется возможным.

В небольшом предисловии к своему изданию Дебольский ограничивается весьма краткими замечаниями по поводу происхождения сборника. Он относит его, в основном, к XVI в., указывая, что только три последних грамоты (лл. 66—73) списаны уже, очевидно, в XVII в. Документы, по мнению Дебольского, скопированы «без всякого хронологического порядка и с очень слабой попыткой систематизации».

Датировка Дебольского, в основном, является правильной[2], но внимательный анализ позволяет притти к выводу, что изучаемому сборнику предшествовала более ранняя книга XV в. Выясняется, что в сборнике могут быть выделены две разновременных части. Гранью является л. 51. В пределах до указанного листа все грамоты перенумерованы. Дальше нумерация отсутствует, причем в этой второй части копийной книги скопированы заново многие документы, которые уже фигурировали и в первой. Первый раздел по содержанию хронологически не выходит за пределы княжения Михаила Андреевича верейско-белозерского. Все документы связаны или с его именем, или с именем его отца Андрея Дмитриевича. Нет ни одной грамоты Ивана III, которая была бы им выдана монастырю после присоединения к Москве Белоозера. Во второй половине сборника мы уже находим ряд пожалований Ивана III, причем иногда они относятся к более позднему времени, к последнему пятнадцатилетию XV в. (после 1486 г., когда умер Михаил Андреевич). Это — одно наблюдение, важное для понимания текста.

С другой стороны, бросается в глаза, что все документы первой части рассматриваемой монастырской копийной книги, относятся к одной определенной территории, — к территории Белозерского княжения. Это исключительно актовый материал, накопившийся в монастырском архиве, как уже указывалось выше, при двух местных князьях — Андрее Дмитриевиче и Михаиле Андреевиче. Мы не находим здесь документов, относящихся к вологодским владениям монастыря, хотя в монастырском архивном фонде и имеются подлинные грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого и московского великого князя Василия Васильевича Темного, хронологически вполне укладывающиеся в те пределы, которые охватывает интересующий нас сейчас основной раздел изучаемого сборника. Очевидно, эти акты не включены сознательно, так как в последней части сборника, а также в более поздней копийной

---

[1] «Вестник археологии и истории», вып. XIII, СПб., 1900. стр. 115—197.

[2] Водяной знак («сфера») не находит полной аналогии в собрании Н. П. Лихачева, но вообще знаки подобного типа падают на XVI в. (Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 2, СПб., 1899, стр. 365—367).

книге Кирилло-Белозерского монастыря, составленной уже в XVII в., они встречаются. Таким образом, конечный вывод, который вытекает из анализа сборника в его первоначальном составе, заключается в том, что в его основе лежит белозерская копийная книга, возникшая до 1486 г.

Это обстоятельство дает право поставить указанный сборник в связь с теми мероприятиями, которые проводило московское правительство на Белоозере в период с 1482 г. по 1486 г., т. е. с момента оформления договора Ивана III с Михаилом Андреевичем о передаче московскому великому князю Белоозера и до смерти белозерского князя.

До нас дошла отводная грамота 1482 г. белозерских писцов Михаила Дмитриевича Глебова, Ивана Головы Семенова и Захара Микулина, по предписанию Ивана III производивших размежевание владений Кирилло-Белозерского монастыря от земель Волочка Словенского и других черных волостей, которые грамота называет уже великокняжескими, хотя белозерский князь Михаил Андреевич в это время был еще жив [1]. Очевидно, рассматриваемый документ должен быть датирован временем после соглашения о передаче Белоозера Михаилом Москве. Московское правительство сразу стало осуществлять свои верховные права на территории Белозерского княжества.

Отвод состоял в том, что писцы требовали у властей Кирилло-Белозерского монастыря предъявления актов на все принадлежащие им владения и после просмотра оправдательных документов производили размежевание с соседними землями: великокняжескими и частных вотчинников. Иногда по поводу принадлежности того или иного земельного участка возникал спор у кирилловских старцев с волостными крестьянами и тогда спорное дело разрешалось писцом князем Василием Ивановичем Голениным.

Есть основания предполагать, что московское правительство не удовлетворилось результатом этого размежевания, а потребовало у белозерских монастырей для просмотра в Москву документы на владение их землями. По крайней мере, когда в 1502 г. судья Михаил Гневаш разбирал спорное дело между Ферапонтовым монастырем и крестьянами Волочка Словенского, то монастырские старцы сослались на одну данную грамоту князя Михаила Андреевича и при этом указали, что она находится «в казне у великого князя, а взял у нас Василей Долматов» (писец). Дело перешло к князю Василию Ивановичу Голенину, «и по великого князя слову Ивана Васильевича всея Руси князь Василей Иванович грамоты жаловалные княжы Михайловы Ондреевича в казне доискался» [2].

Итак, ряд подлинных земельных актов белозерских монастырей был в 80-х годах XV в. затребован правительством в Москву. Стремление защитить свои землевладельческие права побудило в это время власти Кириллова монастыря скопировать в виде сборника документы на земли. Так появилась копийная книга, которая легла в основу сборника Ленинградской публичной библиотеки.

Надо думать, что и правительственное описание Белоозера в 1482 г., и составление копийной книги Кириллова монастыря, и запрос на просмотр в Москву монастырских грамот, — все эти мероприятия были связаны с поднятым в 80-х годах XV в. в правительственных кругах вопросом об ограничении роста монастырских имуществ. Из соборного приговора 11 мая 1551 г. (по Строевскому списку Стоглава) мы узнаем, что при Иване III и Василии III делались попытки приостановить

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 858/157. — Грамота напечатана С. А. Шумаковым: Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II, М., 1900, стр. 80—116.

[2] АЮ, стр. 21, № 11.

распространение монастырского землевладения в пределах вновь присоединенных княжеств: Белозерского, Тверского, Рязанского и др.: «А что изстарины по уложенью великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и по уложенью великого князя Василья Ивановича всеа Русии, во Тфери, в Микулине, в Торжку, в Оболенску, на Белеозере, на Рязани мимо тех городов людей иных городов людем вотчин не продавали и по душам в монастыри без докладу не давали. . .» [1] До нас не дошло «уложенье» Ивана III, и мы не имеем поэтому возможности восстановить во всех деталях содержание его постановлений относительно монастырского землевладения. Но общее направление политики московского правительства в сторону попыток ограничения монастырей в их праве получать земельные вклады не подлежит сомнению. Число приведенных выше документов, характеризующих эту политику в пределах Белоозера, может быть увеличено еще одним памятником, который до сих пор не подвергался изучению в указанной связи. Это рукопись Кирилло-Белозерского монастыря, опубликованная Н. К. Никольским [2]. Ее анализ подтверждает выводы о времени и обстоятельствах происхождения копийной книги Кирилло-Белозерского монастыря.

С внешней стороны — это сборник, состоящий из 34 тетрадей или 264 листов, размером в четверть, перепутанных при переплете, который относится к XVI в. По содержанию рукопись представляет собой ряд выписок из памятников византийской и русской письменности по вопросам, служившим предметом полемики между заволжскими старцами и последователями Иосифа Волоцкого (право монастырей владеть вотчинами, идея нестяжательства монахов, нравственность монахов, казни «еретиков» и т. д.). Рукопись названа: «Германов сборничек». Н. К. Никольский пытается установить личность автора. Это, повидимому, старец Герман, близкий к вологодско-белозерским нестяжателям. Идеологическая позиция нестяжателей отражается в его записях на страницах сборника. До 1509 г. Герман жил в Кирилловом монастыре, затем переселился в Подольний монастырь.

Центральное место в составе сборника занимает (на лл. 121—200) интересный памятник — описание книгохранилища Кирилло-Белозерского монастыря. Оно состоит из двух отделов: 1) краткой перечневой описи книг библиотеки и 2) подробного описания отдельных рукописей начерно и в перебеленной копии. На основании изучения бумаги, водяных знаков и содержания памятника с несомненностью устанавливается, что он возник в последней четверти XV в.

Буржуазных исследователей это описание интересовало, главным образом, как первый труд по библиографии. Н. К. Никольский пишет: при всех «поисках исходной точки для русского книговедения, понимаемого то в смысле общего описания книг, то в смысле специальных указателей одного из их отделов, остался незамеченным библиографический труд, относящийся к истории Кирилло-Белозерской библиотеки. Позволяя отодвинуть время появления на Руси первых обстоятельных опытов по описанию рукописей к последней четверти XV в., он в то же время имеет перед многими из однородных работ преимущества с точки зрения библиографической техники» [3].

Наше внимание описание Кирилло-Белозерского книгохранилища последней четверти XV в. привлекает в другой связи. Сопоставленное

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 219, № 227.

[2] Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в., СПб., 1897.

[3] Там же, стр. XI—XII.

с копийной книгой монастырских земельных актов, оно подтверждает нашу датировку протографа этой копийной книги 80-ми годами XV в. Несомненно, что как составление сборника списков с документов на земельные владения Кириллова монастыря, так и описание книг монастырской библиотеки были вызваны одними и теми же причинами и производились в одно и то же время. Вопрос о праве монастырей владеть вотчинами возбуждал интерес и к литературным памятникам, посвященным этой тематике, и к актовому материалу, подтверждавшему феодальные привилегии монастырских вотчинников. Духовные феодалы мобилизовали все средства для защиты своих земельных владений.

Копийную книгу Кирилло-Белозерского монастыря следует рассмотреть еще с одной точки зрения. Вошедшие в нее грамоты, подлинники которых, вероятно, частично были затребованы в Москву, послужили источником для Белозерской уставной грамоты, выданной в 1488 г. московским правительством населению территории бывшего Белозерского княжества. В первой части исследования, при рассмотрении Двинской уставной грамоты [1], уже указывалось, что в этом законодательном памятнике были учтены местные особенности Двинской земли и использованы в интересах московского правительства классовые взаимоотношения в этой земле. Правительство Василия Дмитриевича нашло опору в местном двинском боярстве, эксплоатировавшем непосредственных производителей. Кроме того, на службу интересам феодального правящего класса Москвы была поставлена черносошная крестьянская общинная организация. То же самое надо сказать и относительно Белозерской грамоты, на текст которой оказали влияние жалованные грамоты белозерских князей. Получив документы феодальных архивов бывшего удельного Белозерского княжества, московское правительство приспособило правовые нормы, на основе которых должны были в дальнейшем строиться отношения между белозерским населением и московскими наместниками, к местным феодальным порядкам. Постараемся иллюстрировать эту мысль сопоставлением соответствующих текстов.

В ст. 22 Белозерской уставной грамоты говорится: «А приедет мой пристав, великого князя, с Москвы по белоозерца, по горожанина и по становного человека и по волостного, и он им пишет один срок в году, на заговение на великое на мясное. . .» [2] Аналогичный срок для вызова ответчиков в Москву указывают и жалованные грамоты белозерского князя Михаила Андреевича. В грамоте последнего Кирилло-Белозерскому монастырю конца 70-х—начала 80-х годов XV в. читаем: «Пожаловал есми игумена Нифонта Кирилова монастыря з братьею, или по нем иной игумен в Кирилове монастыре будет, и хто их чем изобидит игумена или братию, или монастырьских людей какою обидою, в моей отчине на Белеозере, и яз им дал моего пристава Тараса; и мой пристав Тарас тех даст на поруци от игумена от Нифонта Кирилова монастыря или по нем иный игумен будет в Кирилове монастыре, или от старцев, или от манастырьских людей, да срок им записывает передо мною князем Михаилом Андреевичем за две недели до великого заговенья до мясного» [3].

Белозерская уставная грамота (ст. 23) предоставляет право «белозерцом, горожаном и становым и волостным людем», которым будет «обида от наместников и от волостелей, и от тиунов обида, и от доводчиков»,

---

[1] Об этом см. главу VI первой части нашего исследования.

[2] Ссылки на Белозерскую грамоту делаются по изданию М. Ф. Владимирского-Буданова. Хрестоматия по истории русского права, вып. 2, изд. 4-е, Киев—СПб., 1901, стр. 73—81.

[3] Н. Дебольский. Из актов Кирилло-Белозерского монастыря, «Вестник археологии и истории», вып. XIII, стр. 172, № 151.

«наметывать» на них вольные сроки. Жалованная грамота Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю от 19 ноября 1455 г. разрешает игумену с братьей «наметывать сроки на. . . людей белозерцев о. . . делех обидных на всю. . . Белозерскую вотчину. . . на которой день игумен всхочет»[1].

Специальная статья Белозерской уставной грамоты (ст. 14) посвящена вопросу о «безхитростном душегубстве», за которое население не несет ответственности: «А кого у них в лесе дерево заразит, или с дерева убиется, или зверь съест, или кто в воду утонет, или кого возом сътреть, или кто от своих рук потеряется, а обыщут без хитрости, ино в том вины и продажи нет». Понятие «безхитростного душегубства» знакомо уже жалованным грамотам Михаила Андреевича середины XV в.: «Что у них (старцев Кирилло-Белозерского монастыря. — *Л. Ч.*) деревни в моей вотчине монастырьские, и по грехом ся у них учинить, — человек с дерева убьется или на воде утонет, и они то обыскав чисто, да явять моему наместнику белозерьскому или тиуну, а наместник мой белозерьской или тиун не возьмет у них ничего по сей по моей грамоте»[2].

Ст. 21 Белозерской уставной грамоты освобождает население от подводной и постойной повинности. «А князи мои, и бояре, и дети боярьские, и всякие ездоки, у горожан, и у становых людей, и у волостных людей кормов, и подвод, и проводников, и сторожов не емлют; также и гонци мои, великого князя, без грамоты подвод и проводников у них не емлют». Аналогичные статьи встречаем в жалованных грамотах Михаила Андреевича. В грамоте первой половины 70-х годов XV в. читаем: «. . . Пожаловал есми игумена Игнатья Кирилова монастыря и всю братью, или хто по нем иный игумен будеть, — ино моих князей и бояр и детей боярьских люди и вся моа вотчина в монастырьские деревни Кирилова монастыря да и в слободки не ездять, а поборов не беруть, а монастырьских людей не сильничают. . .»[3]

Можно ограничиться приведенными сопоставлениями текстов Белозерской уставной грамоты и жалованных грамот Михаила Андреевича. Мы видим, что московское правительство при организации системы управления в пределах Белоозера применяет те средства господства над непосредственными производителями, которыми пользовались представители местного феодального класса еще задолго до присоединения Белоозера к Москве.

Использование московским правительством жалованных грамот князя Михаила белозерского интересно с точки зрения изучения той централизации в области законодательства, которая характерна для конца XV в. — времени формирования централизованного Русского государства.

В главе, посвященной Судебнику Ивана III, мы подробнее остановимся на работе по кодификации памятников местного права в Москве в 80-х годах XV в. Продуктом этой большой кодификационной работы является и Белозерская уставная грамота 1488 г.

§ 5. Копийные книги земельных актов митрополичьей кафедры и монастырей XVI в.

Списки с земельных актов московской митрополичьей кафедры дошли до нас в виде сборника, хранящегося в собрании рукописей быв. Сино-

---

[1] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 160—161, № 122; ДАИ, т. I, № 196, стр. 351.

[2] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 160, № 120; ДАИ, т. I, стр. 348, № 190.

[3] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 172, № 152; ДАИ, т. I, № 206, стр. 356.

дальной библиотеки (Государственный исторический музей) под № 276.

Рукопись № 276 в издании «Актов Археографической экспедиции» названа сборником митрополита Даниила[1]. Это указание было заимствовано оттуда и М. И. Горчаковым. А. Е. Викторов возражает против отнесения памятника ко времени Даниила на том основании, что входящие в состав основной его части акты доходят до конца XVI в.[2] С. Б. Веселовский коротко замечает: «Книга списков различных земельных актов (митрополичьего дома) с конца XIV в. по 7045 г. составлена около 1538 г. Позже к ней приписано 7 актов 1547—1600 гг.»[3]. В. Е. Сыроечковский возвращается к датировке сборника № 276, предложенной Викторовым. «По авторитетному мнению А. Викторова, — пишет Сыроечковский, — сборник Синодальной библиотеки в основной своей части составлен не ранее 1574 г. и дополнялся до 1644 г.» [4]

Разрешение вопроса о составе копийной книги Синодального собрания № 276 может, думается, последовать прежде всего в результате ее палеографического анализа. Изучение почерков, бумаги и водяных знаков приводит к следующим выводам: лл. 1—369 относятся ко второй четверти и середине XVI в., причем пустые листы заполнены приписками второй половины того же столетия, лл. 371—389 написаны почерком конца XVI в. или начала XVII в., далее перед нами скоропись, а с л. 419 — полуустав 20—40-х годов XVII в.[5] Таким образом, дошедший до нас сборник является продуктом сложной истории: начатый во второй четверти XVI в., т. е., несмотря на возражения Викторова (а за ним Сыроечковского), как раз при митрополите Данииле (повидимому, в конце его правления) и в основном законченный к середине столетия, он затем не раз дополнялся на протяжении того же XVI в., а также первой половины следующего века.

Мысль о систематизации архивного актового материала в виде сборника надо, думается, ставить в связь с той общей переписью, которая была предпринята после смерти великого московского князя Василия III и Елены Глинской, в начале правления боярской олигархии, когда в ряд уездов Русского государства были отправлены «большие писцы» для «большого письма»[6]. Работа над сборником в середине XVI в. должна быть также связываема с описаниями этого времени. К 1547 г. деятельность «больших писцов» прекратилась, но уже на Стоглавом соборе 1551 г. был предложен проект новой генеральной переписи [7]. В те же годы была

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 7, № 11.

[2] А. Е. Викторов. Собрание рукописей И. Д. Беляева (в Московском Публичном и Румянцевском музее), М., 1881, стр. 106.

[3] С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 69, примеч. 1.

[4] В. Е. Сыроечковский. Уставная грамота митрополита Киприана, «Исторические записки», т. 8, стр. 248.

[5] Палеографическое описание сб. № 276 Синодального собрания принадлежит А. Д. Седельникову. См. каталог Московской синодальной библиотеки в Гос. историческом музее.

[6] Отчет о 33-м присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1892, стр. 69. Из «больших писцов» известны: Ром. Игн. Образцов, писавший Владимирский уезд с 1539 по 1544 г., Ф. Ф. Хидырщиков, писавший Белоозеро в 1541—1544 гг., Рычко Ив. Плещеев и кн. Дм. Дашков, писавшие в те же годы Бежецкий Верх и Кашин, и другие.

[7] Проектировалось «писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя великого князя, и митрополичьи, и владычни, и монастырские, и церковные земли, и княжеские, и боярские, и вотчинные, и поместные, и черные, и оброчные, и починки, и пустоши, и селища, и земецкие земли всякие, чье ни буди». (И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора — ЖМНП, 1876, июль, стр. 64).

выработана и «роспись сошному письму», т. е. регламентирован размер сох для различных социальных категорий земель[1].

Вывод о связи сборника копий актов митрополичьего феодального землевладения с писцовыми описаниями второй четверти и середины XVI в. подтверждают и параллельные данные, относящиеся к Троице-Сергиеву монастырю.

Древнейшая монастырская копийная книга датируется временем конца 40-х—начала 50-х годов XVI в.[2] Однако еще с конца XV в. власти Троице-Сергиева монастыря производили подбор документов на земельные владе́ния, необходимость в которых появлялась в случае земельных тяжб. При отсутствии грамот, удостоверяющих права монастыря-феодала на те или иные владения, вместо них использовались записи, составленные монастырскими властями по памяти со ссылкой на свидетелей-старожильцев.

Так, в третьей четверти XV в. в Троице-Сергиевом монастыре были составлены по памяти на случай споров с соседними землевладельцами записи о переходе в монастырь села Контеребова, данного М. Муромцевой, и села Петровского, данного А. Валуевой, в Московском уезде. Данными грамотами на эти владения монастырь не располагал. Записи названы «списками с данных». В записях указаны старожильцы, на которых можно было бы ссылаться [3].

К этому же примерно времени относится и запись («купчая») о монастырских прикупах в Гороховце и Ярополче [4].

На заботу, проявляемую властями Троице-Сергиева монастыря в отношении актов, относящихся к монастырскому землевладению, имеются прямые указания источников. Так, на списке с данной грамоты Пафнутия Савельева Троице-Сергиеву монастырю на деревни Юшкинскую и Тимонинскую в Новоторжском уезде 60—70-х годов XVI в. имеется память казначея Макарья некоему Калине: «Чтобы по сему списку искал грамоты у себя, занеже есмя в казне ея не доискалися. И ты бы сесь список брежно блюл, а о грамоте ко мне отпиши, есть ли. Да что и иных грамот у тебя есь каких нибуди, и ты ко мне и. . . чисто опиши» [5].

Несомненно, что работа над приведением в порядок церковных и монастырских крепостных архивов диктовалась общими причинами: поскольку при описании церковных земель писцы требовали документы, удостоверявшие землевладельческие права духовных учреждений, последние и стремятся собрать воедино все земельные акты из своих архивов, а иногда делают это и по инициативе правительства, предпринимавшего во время переписей ревизию владельческих прав вотчинников. Копийные книги, составленные по инициативе митрополита Даниила и троицких властей [6], и являются древнейшими продуктами подобного рода деятельности древнерусских духовных корпораций по разборке и систематизации архивных фондов.

---

[1] «Книга сошному письму десятинной и четвертной пашни и землемерие государевых дворцовых сел, и черных волостей, и поместных и вотчинных, и монастырских добрых и середних и худых земель, большого числа и до мелких дробей» (Отчет о 33-м присуждении наград гр. Уварова, стр. 75).

[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. 518. Ссылки на копийные книги АТСЛ даются по старой пагинации.

[3] Там же, л. 504.

[4] Там же, л. 214 об.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 8330; неопубликованное собрание АТСЛ С. Б. Веселовского.

[6] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518. — Об этом сборнике см. у иер. Арсения, О вотчинных владениях Троицкого монастыря при жизни его основателя, преп. Сергия («Летопись занятий Археографической комиссии» за 1876—1877 гг., вып. VII, СПб., 1884, стр. 148).

Попытка митрополита Даниила и троицких властей скопировать акты, связанные с землевладением, вызвана обостренной полемикой, ведшейся в это время в лагере феодалов относительно права церковных корпораций владеть землями, населенными крестьянами. В 1525 и 1531 гг. были созваны соборы для суда над Максимом Греком и Вассианом Патрикеевым, выступавшими с платформы крупного боярства с резкой критикой феодально-крепостного уклада церковных вотчин и восстановившими этим против себя всех представителей господствующей церковной иерархии. В особенности чувствовали себя затронутыми такие крупные землевладельцы, как митрополичья кафедра и Троице-Сергиев монастырь. Главным адвокатом от церковных корпораций и в то же время обвинителем нестяжателей на обоих соборах выступал сам составитель копийной книги № 276 — митрополит Даниил. В своей речи он остановился, главным образом, на выступлениях Максима Грека против «стяжательства» московских митрополитов и монастырских старцев, опровергая доводы своего оппонента: «Да ты же, Максим, святых чудотворцев Петра, и Алексея, и Ионы митрополитов всеа Русии, и преподобных чюдотворцев Сергия и Варлама, и Кирила, и Пафнотия, и Макария укоряеши и хулиши, а говоришь так: занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имели, то им нельзе быти чюдотворцом»[1].

Вопрос о церковных вотчинах снова был поднят в 1551 г. Накануне Стоглавого собора царь Иван IV обратился к митрополиту Макарию с вопросом относительно возможности секуляризации «домовых» митрополичьих вотчин. Митрополит ответил длинным «посланием», в котором стал на защиту церковного феодального землевладения, аргументируя свою точку зрения выводами собора 1503 г. «о недвижимости вещей, данных богови в наследие вечных благ», и некоторыми дополнительными соображениями: «И того ради молим твое царское величьство и много с слезами челом бием, — так заканчивал свое «послание» Макарий, — чтобы еси царь и государь князь великий Иван Васильевич всея Русии самодержец, по тем божественным правилом у пречистой богородици и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных богови в наследие благ вечных, не велел взяти» [2].

В митрополичью копийную книгу № 276 вошли некоторые летописные статьи, помещенные и в Макарьевской Степенной. Таким образом, составление «торжественной книги», по выражению одного из исследователей этого последнего памятника [3], представлявшей панегирик господствующей церкви, шло рука об руку с собиранием материалов, удостоверявших права митрополита в качестве феодала-землевладельца.

Весьма вероятно, что и дальнейшее пополнение митрополичьего сборника № 276 во второй половине XVI в. свежими документами имело отношение, с одной стороны, к новым секуляризационным попыткам на соборах 1572, 1580 и 1584 гг.,[4] а с другой, — к писцовым описаниям,

---

[1] Прение митрополита Даниила с Максимом Греком (Чт. ОИДР, 1847, № 7, стр. 6); А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса, 1871, стр. 88 и сл.; В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения (Чт. ОИДР, 1881, кн. 1, стр. 176).

[2] Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым, т. V, М., 1863, отд. III, стр. 136.

[3] П. Г. Васенко. Книга степенная царского родословия, СПб., 1904, стр. 244.

[4] СГГД, ч. 1, № 200; АИ, т. I, № 154/XIX; А. С. Павлов. Указ. соч., стр. 142—143.

заметно оживившимся в восьмидесятых годах и охватившим очень значительную часть государства [1].

Некоторые копийные книги Троицкого архива датируются тем же, примерно, временем (1587 г.) и составлены для писцов царя Федора Иоанновича, по указу последнего [2]. Несомненно, что этот указ о составлении новых сборников копий с земельных актов находился в связи и с законом 1580 г., так как в 1593—1594 гг. писцы, руководствуясь новыми копийными монастырскими книгами, произвели довольно значительную отписку в государственную казну тех земель, принадлежность которых монастырю представлялась спорной [3]. Так, относительно ряда деревень Троицкого монастыря, Владимирского уезда, в писцовых книгах времени Федора Иоанновича отмечено, что «в вотчинных крепостях, каковы даны. . . (писцу), те земли за монастырем не написаны, и те земли. . . до государева указу отписаны на государя». К концу XVI в. относится копийная книга Волоколамского монастыря [4].

§ 6. Копийные книги земельных актов митрополичьей кафедры и монастырей XVII в.

В XVII в. составление новых церковных копийных книг диктуется теми же мотивами, что и в предшествовавшем столетии: когда инициатива принадлежит монастырю-вотчиннику — стремлением застраховать свое недвижимое имущество от возможности секуляризации или частичной конфискации во время государственных переписей; когда инициатором составления сборников списков земельных актов выступает феодальное правительство — желанием проверить землевладельческие права духовных корпораций и иногда урезать их чрезмерно разросшиеся богатства.

Приписки первой половины XVII в. к митрополичьему Синодальному сборнику № 276 падают, как показывают почерки, на двадцатые и следующие годы XVII в. и к тому же самому времени относятся новые правительственные мероприятия по составлению писцовых книг, в которые вошли сведения и о патриарших вотчинах [5].

---

[1] Об описаниях в начале царствования Федора Иоанновича см.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 183—184.

[2] РОБИЛ, АТСЛ, книги № 520—526. В книге № 522 помещен следующий заголовок: «Лета 7095-го книги Володимерские списаны с крепостей и правлены, а писал их и правил по государеве цареве великого князя Федора Ивановича всеа Русии по государеве грамоте троецкой Сергиева монастыря старец Еустафей Головкин, да государев дворянин Василей Блудов, да подьячей Безсон Пахирев». По листам указанных книг — скрепа келаря Евстафья Головкина: «К сем книгам троецкой Сергеева монастыря келарь Еустафей Головкин руку приложил, а в сех книгах писаны и правлены с троецких Сергеева монастыря с вотчинных крепостей списки писаны и правлены, а прямые крепости у живоначяльные Троицы-Сергеева монастыря лежат в казне, а противни отданы в поместную избу по государя царя великого князя Федора Ивановича всея Русии грамоте, за архимандричею рукою, и за келаревою рукою Еустафья, и старцев соборных. А писал книги и правил и крепости у живоначяльные Троицы-Сергеева монастыря розбирал по городом келарь Еустафей Головкин, и руку приложил» (кн. № 520). Неофициальная копийная книга (без скреп) времени Федора Иоанновича — № 519.

[3] Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в., М., 1906, стр. 368—369.

[4] Писцовые книги Московского государства XVI в., СПб., 1872, отд. I, стр. 796. — Копийная книга Волоколамского монастыря хранится в Волоколамском музее под № 25/678.

[5] С. Б. Веселовский считает, что «описания 20—30-х гг., несмотря на свои общие недостатки, должны быть признаны таким крупным предприятием, которое по широте и сложности задач далеко превосходило перепись 154—155 гг. и более уже не повторялось в истории Московского государства» (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 231).

В связи с описаниями и дозорами первой четверти XVII в. дважды приступали к разбору своего вотчинного архива соборные старцы Троице-Сергиева монастыря: один раз в июне 1614 г.,[1] другой — в сентябре 1621 г.[2]

В 1618 г. была составлена копийная книга в великоустюжском Михайло-Архангельском монастыре. Она носит своеобразное название «Путник», так как копии сняты «с подлинных путей монастырских вотчин и со всяких монастырских крепостей слово в слово». Акты, относящиеся почти исключительно к XVI в., расположены не в хронологическом порядке, а по владениям [3].

К первому двадцатилетию XVII в. относится одна из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря [4], сохранившаяся в двух частях. Ее составление начато в 1613 г. при игумене Матвее (1606—1615). Содержащийся в ее основной части актовый материал доведен до 1620—1621 гг.[5] Затем следуют более поздние приписки грамот 1629—1630 гг.[6] В 30-х годах XVII в. появилась вторая книга Кирилло-Белозерского монастыря, дополнявшаяся более поздними материалами вплоть до XVIII в.[7]

Несомненно значение этих копийных книг как средства противодействия со стороны духовных феодалов попыткам государственной власти ограничить их землевладение и прямая зависимость копийных книг от полемической борьбы между нестяжателями и поборниками идеи владения господствующей церковью недвижимым имуществом с крепостным населением. Недаром запись о составлении в 1614 г. копийных книг в Троице-Сергиевом монастыре сопровождается красноречивым послесловием в защиту троицкого землевладения, и в этих же целях там приводится выписка из главы 75 Стоглава «о вотчинах и о куплях, которые

---

[1] Одной из троицких копийных книг, окончательно составленной в 1641 г. (№ 528), предшествует следующее предисловие, рисующее ее историю с 1614 г. «В лето 7122-го июня в 4 день, при державе благоверного царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии самодержца, в первое лето богохранимые его царские державы, при пастве живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре архимарите Деонисье, и при келаре старце Аврамие Палицыне, и при казначее старце Иосифе Панине, и всего собора советом начата бысть сия книга писати з государевых великих князей и государей царей жаловальных и даных грамот и с вотчинных крепостей, а свершена бысть в лето 7123-го марта в 30 день». Это предисловие напечатано арх. Леонидом в приложении к «Историческому описанию свято-Троицкие Сергиевы лавры» А. В. Горского, стр. 132.

[2] «Лета 7130-го сентября в день по благословению Троецкого Сергиева монастыря государя отца нашего архимарита Деанися, и по приказу казначея старца Моисея и всего собору, соборные старци, старец Макарей Куровской, да старец Иларион Бровцин, да старец Иасаф Пестриков пересматривали в крепостной казне государьские жаловалные грамоты и всякие вотчинные даные крепости налицо по книгам, а которых против книг нет, и которые попорчены — подраны, и у которых печати попорчены, и которые бес печатей, и тому роспись», далее помещенная в книге (РОБИЛ, АТСЛ, кн. 637, л. 227).

[3] В. П. Шляпкин. Акты великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря, Великий Устюг, 1912, стр. I—II. — Книга на 214 лл. носит следующий заголовок: «Книга, глаголемая Путник, Устюга Великого пречестныя обители пресвятыя Богородицы, честнаго и славного ея введения в церковь и собор великого в чудесех святого архистратига божия Михаила и прочих небесных сил безплотных, по благословению архимандрита Варлаама и по совету соборных старцов: старца келаря и уставщика Нифонта, и казначеев старцов Исаиа и Никиты, и подрядчиков старцов Наума и Петра и всей братии, начата писати лета 7126, в великий пост на четвертой недели в среду, с подлинных путей монастырские вотчины и со всяких монастырских крепостей слово в слово, марта в 11 день».

[4] РОБИС, кн. № Q-IV-113а и 113б.

[5] РОБИС, кн. № Q-IV-113а, л. 20.

[6] Там же, л. 31.

[7] Там же, А-I-16, А-I-17. Рукоприкладство игумена Феодосия (1631—1637гг.).

боголюбцы давали святым церквам на память своим душам по своих родителех в вечной поминок и в наследие благ вечных».

Следующий момент в истории церковных копийных книг — 30—40-е годы XVII в.

В 1633—1635 гг. были составлены две копийные книги в Соловецком монастыре. Одна из этих книг содержит по преимуществу грамоты публично-правового характера, расположенные в более или менее точном хронологическом порядке [1]. На л. 1 указанного сборника имеется следующее заглавие: «Книги 141-го году Соловецкого монастыря при игумене Рафаиле переписные государевым жаловальным грамотам и всяким крепостям». На л. 17 содержится подробный рассказ о составлении рассматриваемой копийной книги: «Лета 7141-го году февраля в 1 день Соловецкого монастыря игумен Рафаило, посоветовав с келарем с старцем Паисеею, да с казначеем с старцем Азарьем, и со всеми соборными старцы, велел написати в книги списки з государевых жаловальных грамот. . . и со всяких крепостей слово в слово. . . подлинно, порознь, по статьям, впредь для ведома». Исходя из этих указаний, Н. С. Чаев ошибочно датировал сборник 1633 годом [2]. В действительности же февраль 1633 г. можно считать лишь датой начала работы над копийной книгой. Закончена же она была в 1635 г., на который падают самые поздние из скопированных в книге документов [3].

Ошибочными являются и те наблюдения, которые делает Н. С. Чаев в отношении второй копийной книги Соловецкого монастыря, относящейся к XVII в. и содержащей частные монастырские акты, расположенные по владениям [4]. Н. С. Чаев считает этот сборник более поздним по сравнению со сборником жалованных грамот 1633—1635 гг. В действительности же перед нами непосредственное продолжение первого сборника, составленное одновременно с ним [5]. Следовательно, в 1633—1635 гг. в Соловецком монастыре был произведен разбор документов, скопированных в двух книгах. В одну вошли акты публичноправовые, в другую — частные.

На 30—40-е годы XVII в. падает и ряд других монастырских копийных книг, одновременных с книгами Соловецкого монастыря.

Временем около 1636 г. датируется сборник, вышедший из Нижегородского Благовещенского монастыря [6].

Вскоре же (в 1641 г.), по указу царя Михаила Федоровича, была произведена ревизия Троице-Сергиева монастыря. Правительственная комиссия в составе окольничего Федора Васильевича Волынского, Никиты Федоровича Панина и двух дьяков (Ивана Федорова и Дмитрия Прокофьева) произвела опись движимого и недвижимого монастырского имущества, в том числе и всего крепостного архива [7].

---

[1] ЛОИИ, Соловецкое собр., № 136, книга на 588 лл. — Копия с этого сборника, снятая в XVIII в., хранится там же: собрание рукописных книг № 56. Соловецкие сборники описаны Н. С. Чаевым в «Летописи занятий Археографической комиссии» за 1927—1928 гг., вып. 35, стр. 124—126. В 1834 г. были сняты копии с ряда документов Соловецкого архива (в том числе, с копийной книги № 136) Досифеем Немчиновым. См. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II, стр. 534—535, № 661—663.

[2] Н. С. Чаев. Северные грамоты, «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 35, стр. 124.

[3] ЛОИИ, Соловецкое собр., кн. № 136, л. 588.

[4] Там же, кн. № 146; книга в двух частях, на 808 лл. См. также описание Н. С. Чаева в «Летописи занятий Археографической комиссии», вып. 35, стр. 126.

[5] Наиболее поздняя грамота относится к 1635 г. (л. 734).

[6] РОБИЛ, собр. И. Д. Беляева, № 128 (1621). См. «Описание» А. Е. Викторова.

[7] Копия с описи 1641 г., снятая Ю. А. Олсуфьевым, находится в рукописном отделении Всесоюзной Публичной библиотеки СССР им. Ленина. Об описании мо-

Копийные книги 1641 г. хранятся в Троицком архиве под № 527—533. Они делятся на две группы: книги с текстами публичноправовых актов (жалованных грамот и др.) и книги частных актов. Основной сборник публичноправовых документов — № 527 — состоит из 588 глав, на 746 листах. Он имеет следующий заголовок (на л. 1): «Книги Живоначалные Троицы Сергиева монастыря, а в них писаны прежних великих князей, и прежних же великих государей царей и великих князей, и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и блаженные памяти великово государя святейшего Филарета Никитича патриарха московского и всеа Русии з жалованных и судных дел с правых грамот списки, а всему тому главы. . .» На лл. 1—53 находим оглавление 588 глав, а на л. 53 читаем: «И в нынешнем во 150-м году в сентябре, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, околничей Федор Васильевич Волынской, Микита Федорович Панин, да дьяки Иван Федоров, Дмитрей Прокофьев подлинных жаловалных, и правых грамот, и даных смотрили всех налицо и справя с них, списки списаны против сех глав слово в слово. А что списков списано, и то все в книге сей списано ниже сего имянно». Книга № 527 скреплена архимандритом Андрианом, келарем Авраамием Подлесовым, казначеем Симоном Азарьиным, соборными старцами Исаией Печерским, Давыдом Нащокиным, Нифонтом Третьяковым, Семионом Айгустовым, Иннокентием Ларионовым, дьяками Иваном Федоровым и Дмитрием Прокофьевым. Грамоты расположены в основном в хронологическом порядке.

Противни книги № 527 хранятся в том же архиве под № 528 (на 1211 лл.) и 529 (на 896 лл.). В сборнике № 530 находим документы по Москве, Радонежу, Серпухову, Торусе, Серпейску, Оболенску, Боровску, Рязани, Малому Ярославцу, Новосили, Медыни, Калуге, Верее, Мещевску, Коломне, Звенигороду, Клину, Рузе, Переяславлю, Махре, Владимиру, Мурому, Юрьеву-Польскому, Суздалю, Стародубу-Ряполовскому, Гороховцу, Юрьевцу-Поволжскому, Балахне, Нижнему-Новгороду, Арзамасу, Алатырю, Казани. В конце — «рознь». Книга № 532 содержит акты по Новгороду-Великому, Бежецкому Верху, Твери, Старице, Торжку, Зубцову, Дмитрову, Кашину, Угличу, Ростову, Ярославлю, Вологде, Тотьме, Белоозеру, Костроме, Кинешме, Галичу, Соли Галицкой, Чухломе, Устюгу, Колмогорам, Варзуге, Чердыни.

Предисловие, помещенное в книге № 530, имеет в виду оба сборника (и 530, и 532), которые рассматриваются как две половины одной копийной книги частных актов. В предисловии рассказывается, что «лета 7150-го сентября в 1 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, околничей Федор Васильевичь Волынской, Никита Федорович Панин, да дьяки Иван Федоров, Дмитрей Прокофьев переписали в Троицком в Сергиеве монастыре во всех городех вотчиные крепости, данные, и купчие, и отводные, и розделные, и в городех на дворы, и на мелницы, и на соляные варницы, и на всякие угодья, и всякие старые и новые крепости, хто именем которою вотчиною и угодьи владел до монастыря, и почему хто владел до монастыря, и правые грамоты. А что в котором городе Троицкого монастыря вотчин, и каковы на которую вотчину и на дворы и на угодья крепости, и роспись писцовым и дозорным книгам, и выписям с писцовых же и з дозорных книг, и межевым книгам же писана книги сея в другой половине с Великого Новагорода, после всей книги».

настыря см. также: Симон Азарьин. Книга о чудесах преп. Сергия, изд. О-ва любителей древней письменности. СПб., 1888, стр. 61; А. В. Горский. Указ. соч., стр. 141.

Сборники № 530 (на 1453 лл.) и 532 (на 1362 лл.) имеют скрепы тех же лиц, что и книга № 527. Противни № 530 и 532 хранятся в Лаврском архиве под №№ 531 (на 1478 лл.) и 533 (на 1275 лл.), за теми же скрепами. Обе последние копийные книги дошли до нас без начальных листов.

Монастырские копийные книги 30—40-х годов XVII в. появились, повидимому, в результате какого-то, официально предпринятого тогда, пересмотра монастырских землевладельческих прав, в связи с изменением в интересах правящего класса правительственной политики, относящейся к вотчинным владениям духовных корпораций. Действительно, в первые годы правления царя Михаила Федоровича земли беспрепятственно переходили во владение феодального духовенства, хотя указ 1580 г. и запрещал вотчинникам передавать церкви «по душе» недвижимые имущества. Позднее правительство начинает строже придерживаться законоположений второй половины XVI в. Уложение же 1649 г. не только подтвердило соборный приговор 1580 г., но даже еще жестче применило более раннее постановление собора 1551 г., установившее ряд ограничений для монастырей в покупке земельной собственности. С тех пор духовные феодалы (монастыри, патриарх и епископы) были совсем лишены права приобретать земли каким бы то ни было способом [1].

Ко второй половине XVII в. относится сборник списков с документов на вотчины патриарха из собрания Беляева [2]. Павлов-Сильванский считает Беляевский список более полным по сравнению с синодальным, и в своем критическом отзыве об издании «Актов Археографической экспедиции» ставит в вину редакторам, что положив в основу второй сборник, они не сличили его с первым [3]. Однако сопоставление обоих памятников показывает, что сборник Беляевского собрания (попавший к И. Д. Беляеву, как и многие другие документы, очевидно, из фонда Грамот Коллегии экономии) представляет собой простую копию с рукописи № 276 б. Московской Синодальной библиотеки. Синодальный список является даже более полным, так как в начале его помещены две правые грамоты [4], пришитые, повидимому, впоследствии, нарушающие общую систему и поэтому не вошедшие в список Беляевского собрания, скопированный с оригинала ранее этого времени. Но с другой стороны, в Синодальном сборнике вырвано в середине несколько листов, и утраченные, таким образом, акты восстанавливаются по беляевской копии: оказывается, что на недостающих страницах находились три разъезжих грамоты [5]. Беляевский сборник использовал Горчаков, напечатав из него целый ряд документов в приложении к своему исследованию.

Обычно принято думать, что копийная книга из собраний Беляева была составлена в конце царствования Михаила Федоровича [6]. Однако водяные знаки бумаги беляевской рукописи ведут нас к концу 50-х—70-м годам XVII в.[7] Появление копии с Синодального сборника № 276

---

[1] Ю. В. Готье. Указ. соч., стр. 354.

[2] РОБИЛ, собр. И. Д. Беляева, кн. № 1620 (127). См. «Описание» А. Е. Викторова.

[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Погрешности Актов Археографической экспедиции — «Летопись занятий Археографической комиссии» за 1904 г., вып. XVII, СПб., 1907, стр. 7.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 1—11.

[5] РОБИЛ, собр. Беляева, кн. № 127 (1620), лл. 53 об.—54 об. и 57 об. — 59.

[6] В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 248.

[7] Водяные бумажные знаки беляевской рукописи № 127 (1620): герб Амстердама, голова шута и редкий сравнительно знак — «à la mode papier». Относительно последней филиграни см. статью А. А. Гераклитова. Один из бумажных водяных знаков XVII в. («Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», Пгр., 1922, стр. 305, 313). Рассматриваемая беляевская рукопись опровергает утверждение Гераклитова о том, «что знак „à la mode papier“ был распространен только в пределах Украины».

вернее всего относить ко времени, близкому к собору 1667 г., который разбирал дело патриарха Никона. Последний стремился добиться руководящей роли церковной феодальной организации в государстве. Эта политика встретила отпор со стороны государственной власти, опиравшейся на дворянство. В связи с падением Никона и его уходом из Москвы в Воскресенский монастырь были составлены переписные книги его имущества, в частности, описан и патриарший вотчинный архив[1]. Описание производилось по специальному указу царя Алексея Михайловича. Книга копий с актов, связанных с патриаршим феодальным землевладением, была тем необходимее, что на соборе 1667 г. была взята под сомнение законность передачи Никоном ряда «старинных» церковных владений в Воскресенский и другие монастыри, а также и прочие земельные операции патриаршей кафедры [2].

Характерно, что в 1666 г., несомненно, в связи с собором по делу о низложении патриарха Никона, была составлена копийная книга в московском Симоновом монастыре [3].

Очевидно, новый разбор вотчинных архивов духовных феодальных корпораций был вызван общей причиной, именно тем, что на соборе разбирались земельные операции Никона и властей его приписных монастырей (Воскресенского, Крестного), в том числе и сделки с другими монастырями [4]. Итак, политическое падение Никона, как крупнейшего представителя господствующей феодальной церкви, повело за собой и проверку, по требованию государственной власти, землевладельческих

---

[1] ЦГАДА, Книги Дворцового патриаршего приказа № 11, 14, 15; М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 27.

[2] На соборе 1667 г. было вынесено следующее постановление: «А о меновных и купленых монаха Никона отчинах быти сице: отчины старинные дому пречистыя богородицы и патриарши, которые Никон монах взял из дому пречистыя богородицы из Коломенской епископии и из монастырей, на мену и без мены, и отдал те отчины своего строения в Воскресенской монастырь и во иные монастыри, и домовым пречистыя богородицы отчинам быти попрежнему в патриарше дому, а Коломенской епископии отчинам быти в Коломенской епископии, а монастырским отчинам, из которых монастырей взяты, за теми монастыри быти попрежнему» (ДАИ, т. V, № 102, стр. 480—481).

[3] РОИМ, собр. Симонова монастыря, № 58. См. также: Н. П. Попов. Рукописи Московской синодальной патриаршей библиотеки, вып. II, Симоновское собрание, № 58 (Чт. ОИДР, 1910, кн. II, стр. 92). В Симоновской копийной книге имеется следующее предисловие: «Лета 7174-го июля в 31 день, Пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Успения Симонова монастыря архимарит Мисайло да келарь старец Иосиф Чирков приговорили на соборе з братьею в монастырьской казне прежних государей великих князей, и великих государей царей, и блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца их государьские жалованные грамоты, и всякие монастырьские вотчинные крепости на все монастырьские вотчины списати в книгу слово в слово для того, чтобы монастырьским всяким вотчинным крепостем истери не было. А которых государей великих князей и великих государей царей те их государьские жалованные грамоты и всякие монастырьские вотчинные крепости, и которого месяца и числа, и на которые вотчины имяны, и в которых те вотчины городех, и то написано в сей книге порознь. А для прииску те государевы подлинные жалованные грамоты и всякие монастырьские вотчинные крепости связаны в свясках по городом и испомечены числом порознь против сей же книги, как писано в сей книге ниже сего».

[4] Собор 1667 г. в результате постановил: «Которые домовые патриаршие отчины по приказу Никона монаха, бывшего патриарха, приказные его люди и строения его, Никонова, монастырей Иверского и Крестного и Воскресенского архимандриты, игумены, строители, и келари, и казначеи, и братия меняли разных монастырей со архимандриты, игумены, со строители, и келари, и казначеи, и с братиею на монастырские старинные отчины, а им променовали его Никонова строения Иверского и Крестного и Воскресенского монастырей отчины, и те меновные крепости в крепости не вменяем» (ДАИ, т. V, № 102, стр. 481).

прав духовных корпораций. Поместное дворянство было заинтересовано в такой проверке.

Н. П. Павлов-Сильванский отмечает еще один патриарший сборник, хранившийся, по его словам, в библиотеке быв. московского Успенского собора и по полноте отличающийся от Синодального, но приближающийся к Беляевскому [1]. Однако в каталоге Успенского собрания [2] отсутствуют какие-либо указания на подобную рукопись. Оказывается, что свои сведения Н. П. Павлов-Сильванский заимствует из работы В. И. Жмакина, посвященной деятельности митрополита Даниила, а глухое упоминание Успенского сборника земельных актов в работе В. И. Жмакина сопровождается ссылкой на исследование М. И. Горчакова [3]. Повидимому, В. И. Жмакин был введен в заблуждение неверными указаниями Горчакова относительно взаимоотношения синодальных рукописей № 276 и 562, о чем уже говорилось выше. Во всяком случае, версия об успенской копийной книге является легендой, которая должна быть рассеяна.

Важным моментом в истории монастырских копийных книг XVII в. является последняя четверть столетия. 28 сентября 1683 г., в связи с происходившим в это время земельным межеванием, архимандрит Викентий и соборные старцы Троице-Сергиева монастыря подали челобитную на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей. Монастырские власти указывали, что по царскому указу отправлены из Москвы из Поместного приказа во все города «для письма и межеванья поместных и вотчинных и монастырских земель писцы и межевщики». «Домовые» вотчины Троице-Сергиева монастыря находятся «в розных в сороке городех». В уезды этих городов посланы из монастыря к писцам и межевщикам старцы и слуги, которым даны на монастырские вотчины списки с крепостей и с писцовых и межевых книг, за печатью келаря и за рукою старца монастырской крепостной казны. Но писцы и межевщики не верят этим спискам, требуют предъявления подлинных крепостей. Ввиду разбросанности монастырских владений «в розных городех и в далных местех», монастырские власти опасались отправлять к писцам и межевщикам подлинные документы, «чтоб тех крепостей на дорогах воровские люди не похитили, да и в монастыре де без тех подлинных крепостей никоими делы быть не уметь». Архимандрит и соборные старцы Троице-Сергиева монастыря просили о посылке из Поместного приказа грамот к писцам и межевщикам с предписанием «тем их монастырским заручным спискам с крепостей верить».

8 октября 1683 г., по челобитью властей Троице-Сергиева монастыря, состоялся царский указ о копировании актов, связанных с монастырским землевладением, и составлении новых копийных книг: «крепости и писцовые и межевые книги монастырским их вотчинам у них принять в Поместной приказ, и с тех крепостей и с писцовых и с межевых книг списать списки слово в слово и послать те списки за руками к писцом и к межевщиком. . .». Что касается последних, то к ним было решено отправить «для ведома» грамоты.

22 августа 1684 г., когда были заготовлены копии земельных актов, состоялся указ о сверке их в Поместном приказе с подлинниками, после чего и подлинники и копийные книги были возвращены в монастырь: «на монастырские их вотчины подлинные крепости и писцовые и межевые

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Погрешности Актов Археографической экспедиции, стр. 7.

[2] Опись книг библиотеки Московского Успенского собора (Чт. ОИДР, 1895, кн. III, отд. II, стр. 1—26).

[3] В. И. Жмакин. Указ. соч., стр. 276—277.

книги в Поместной приказ принять, осмотря старым подьячим, и те подлинные крепости, и книги, и списки, справя с подлинными крепостьми и закрепя дьячьею рукою, отдать монастырскому их стряпчему с роспискою»[1].

До нас дошли копийные книги Троице-Сергиева монастыря, составленные в 1684 г. и относящиеся к ряду уездов Русского государства. Они скреплены рукою дьяка Дмитрия Федорова. Часть книг хранится в архиве б. Троице-Сергиевой лавры, часть — в фонде Грамот Коллегии экономии [2].

Составление копийных книг в монастырях в 80-х годах XVII в., вызванное общими причинами, приняло массовый характер. В начале 80-х годов составлены сборники актов Спаса-Пыскорского [3] и Михайло-Архангельского устюжского монастырей.[4] 1683 годом датируется копийная книга патриаршего нижегородского Амвросиева-Дудина монастыря, оформленная по указу патриарха Иоакима для нужд того же межевания[5]. К тому же времени относится, повидимому, и еще один патриарший сборник, содержащий выписки из синодальной рукописи № 276, относящиеся специально к звенигородскому селу Аксиньинскому, и скрепленный рукою патриаршего дьяка Дениса Дятловского, скрепившего и сборник Амвросиева-Дудина монастыря [6]. В 1685—1686 гг., по челобитью властей новгородского Духова монастыря, была составлена копийная книга монастырских грамот [7]. Около этого же времени появилась копийная книга звенигородского Савво-Сторожевского монастыря [8]. В 1688 г., по указу новгородского митрополита Корнилия, в казенном приказе Новгородского дома св. Софии были сысканы крепости на вотчины двадцати трех приписных монастырей и скопированы в виде сборника [9].

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 7878, лл. 1—3.

[2] РОБИЛ, АТСЛ, книги № 536 (Москва), 537 (Звенигород), 541 (Бежецкий Верх), 542 (Новоторжский уезд), 543 (Владимир), 545 (Суздаль), 551 (Гороховец), 552 (Ярославль и Пошехонье), 553 (Ростов), 554 (Углич), 555 (Малый Ярославец), 556 (Кострома), 558 (Юрьев-Поволжский), 559 (Галич), 560 (Тотьма, Вологда, Устюг), 564 (Варзуга). Кроме того, в архиве Лавры хранятся неофициальные сборники земельных актов (лишенные скреп): № 535—536, 538—540, 544, 546—550, 557, 561—563. — ЦГАДА, ГКЭ, № 683 (Боровск), 1039 (Белозерск), 2369 (Верея и Калуга), 3003 (Вологда), 3636 (Гороховец), 3993 (Дмитров), 4857 (Зубцов), 5639 (Клин), 5801 (Кашира), 6367 (Коломна), 6529 (Казань), 6879 (Кашин), 7096 (Медынь), 7878 (Муром), 7918 (Новосиль), 8182 (Нижний-Новгород), 8394 (Новый-Торжок), 8442 (Новгород Великий), 8485 (тоже), 9086 (Переяславль), 9370 (тоже), 10368 (Руза), 11645 (Старица), 11683 (тоже), 12626 (Тверь), 10016 (Романов) 14553 (Юрьев-Польский), 14385 (Никольский Чухченемский монастырь). См. также ЛОИИ, собрание рукописных книг № 5 (Бежецкий Верх; скрепа келаря Иосифа Бурцова).

[3] ЛОИИ, собрание рукописных книг № 388 (последний по времени акт 1679 г.).

[4] РОБАН, кн. № 1192 (последний по времени акт — 1676 г.).

[5] ЦГАДА, ГКЭ, кн. № 8184. — Мотивы составления этого сборника изложены следующим образом: «192-го октября в 11 день, по указу великого господина святейшего Иоакима патриарха московского и всеа Русии, по отписке патриарха домового Николаевского Амбросиева Дудина монастыря игумена Георгия з братьею, для вотчинного межевого дела списаны списки в сю книгу с великих государей с жалованных грамот и со всяких крепостей. . .».

[6] ЦГАДА, книга № 59 по Звенигороду (по описи книг, составленных по указам патриаршим, — см. «Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции», т. II, М., 1872).

[7] М. Н. Тихомиров. Рукописи Новгородского музея, «Новгородский исторический сборник», под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, вып. 5, Новгород, 1939, стр. 28, № 241.

[8] РОБИС, Погодинское собр., кн. № 1910 (последний по времени акт — 1686 г.).

[9] РОИМ, собр. Уварова, № 475. См. также: арх. Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Уварова, ч. 3, М., 1894, стр. 291, № 1726.

Сведения о копийных книгах XVII в., имеющиеся в буржуазной литературе, очень не точны. Так, например, при пользовании этими книгами авторами или издателями не делается даже попытки их датировки [1].

Говоря о сборниках копий с документов конца XVII в., следует упомянуть, что в 1699 г. была выдана из Поместного приказа копийная книга протопопу московского Успенского собора [2].

До нас не дошли в самостоятельном виде древнейшие архивы светских феодалов (боярские и дворянские). Однако пути для восстановления разрозненных частей таких архивов имеются, так как сохранились генеалогические росписи русского дворянства конца XVII в., включающие акты XIV—XV вв.

В связи с отменой местничества в 1682 г. при Разрядном приказе была учреждена Палата родословных дел во главе с кн. В. Д. Долгоруковым. В задачу палаты входило составление родословной книги русского дворянства. Согласно решению Земского собора 1682 г. для составления этой книги дворянство должно было подавать «за руками» родословные росписи [3]. Наряду с росписями в Родословную палату представлялись и подтверждавшие их документы, с которых в палате снимались копии. Из делопроизводства палаты сохранилось в настоящее время 163 столбца (из 600), хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов. Остальные погибли в 1812 г. в результате разграбления французами Разрядного архива в Москве. Но недостающие столбцы в значительной мере восстанавливаются по копийной книге XVIII в., составленной по приказу имп. Елизаветы Петровны [4].

Акты дворянских феодальных архивов по копиям Родословной палаты были опубликованы А. И. Юшковым [5]; из них до 60 относится ко времени до 1506 г.

Издатель этих актов А. И. Юшков и последующие исследователи не обратили внимания на то, что копии актового материала, приложенные к родословным росписям конца XVII в., хронологически совпадают с целым рядом монастырских копийных книг, составленных в связи с происходившим в начале 80-х годов XVII в. межеванием. Это совпадение не случайное. Церковные копийные книги 80-х годов XVII в. были ответом на коллективные челобитные поместного дворянства по земельному и крестьянскому вопросам. В целом и копийные церковные книги и столбцы с копиями актов ряда дворянских фамилий конца XVII в. необходимо рассматривать в связи с правительственной политикой, направленной к укреплению класса помещиков. Очевидно, не случайно и совпадение

[1] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. 1, СПб., 1903, стр. 15 (сведения о копийной книге Михайло-Архангельского монастыря); С. Смирнов. Историческое описание Саввина-Сторожевского монастыря, М., 1877, стр. 117 и 133, примеч. 18 (сведения о сборнике копий Саввы-Сторожевского монастыря).

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 7537 и 7538 (два противня).

[3] См. приговор Земского собора 1682 г.: «. . . великий государь им (боярам, окольничим, думным людям) и впредь будущим их родом на память, изволит быти в Розряде родословной книге родом их также и в домех своих такие родословные книги им держать попрежнему, а награждая их своею государскою милостию, тое родословную книгу ныне повелевает он великий государь пополнить, и которых имен в той книге в родех их не написано, и тех имена в тое родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками. . .» (СГГД, ч. 4, стр. 404).

[4] ЦГАДА, Приложение к кн. № 241 Герольдмейстерской конторы.

[5] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ после отмены местничества, ч. 1, 1257—1613 гг., М., 1898. Разбор этого издания см.: Н. П. Лихачев. По поводу сборника А. И. Юшкова. Отд. оттиск из кн. VI «Сборника Археологического института», СПб., 1898.

по времени составления копийной книги земельных актов дворянства в XVIII в. (при Елизавете Петровне) и одновременных копийных книг монастырями.

§ 7. Копийные книги XVIII в.

Составление новых копийных книг продолжается и в XVIII в. Остановимся только на тех сборниках XVIII в., которые имеют значение для изучения феодальных отношений XIV—XV вв., заключая в себе копии актов этого времени. Сборники, в которых интересующий нас ранний актовый материал отсутствует вовсе или воспроизводится в полном соответствии с предшествующими копийными книгами XVI—XVII вв., привлекаться не будут.

Среди грамот Коллегии экономии хранится сборник патриаршего домовного Благовещенского нижегородского монастыря [1], относящийся, повидимому, к 1727 г. и связанный с реформой Синодального правления [2]. 12 июля 1726 г., согласно именному указу Екатерины I Синоду, Синодальное правление было подразделено на два «апартамента». Первый из них был образован для того, чтобы «управлять всякие духовные дела всероссийской церкви и содержать в добром порядке и благочинии духовных». Во втором «апартаменте» указ предписывал «быть суду и росправе, тако ж смотрению сборов, и экономии, и прочее тому подобное». 26 сентября 1726 г. этот последний «апартамент» был назван Коллегией экономии Синодального правления и получил предложение через обер-прокурора Синода, от имени Верховного тайного совета, «дабы всем духовным и прочим имеющимся и ведомым в Святейшем правительствующем Синоде делам учиня обстоятельный реестр, для общего с св. Синодом рассмотрения, которым где надлежит быть, внесть в Верховный тайный совет»[3]. Вероятно, этим требованием «обстоятельного реестра» и вызвана новая Благовещенская копийная книга.

Правильность нашего предположения подтверждается тем обстоятельством, что как раз в 1726 г. была произведена опись крепостного архива и Колязина монастыря. К этому времени относятся, вероятно, колязинские монастырские копийные книги, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов [4]. Далее должна быть отмечена тетрадь копий с актов вологодского Спасо-Каменного монастыря. По листам имеется скрепа архимандрита Ионы и подьячего Илки Темникова, который «с подлинным читал» акты [5]. Иона был архимандритом в период

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 6099.

[2] Сборник скреплен рукоприкладством архимандрита Лаврентия, занимавшего кафедру с 1727 по 1751 гг. (П. М. Строев. Списки иерархов, стр. 615).

[3] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 515—516; 1 ПСЗ, т. VII, стр. 673, № 4919; стр. 697—698, № 4959.

[4] ЦГАДА, ф. № 1193, кн. № 1 и 4. В книге № 4 на л. 409 читаем: «1726-го сентября в. . . день Колязина монастыря наместник иеромонах Маркел Поморцов, ризничей иеромонах Сергий Горчаков, казначей иеродиакон Аристотель Митропольской, конюшей иеродиакон Феофил Судницын дали ведомость, присланному от дому архиерейского секретаря Михайлу Кручинину, что в том Колязине монастыре, в монастырской казне жалованных прежних великих государей грамот и всяких крепостей на вотчины Колязина монастыря, и тем крепостям при сем прилагается опись».

[5] Тетрадь имеет следующий заголовок: «Копии з даных в разных временах и годех от великих государей царей, и великих князей, и удельных князей же жалованных грамот, и с писцовых и переписных книг выписей на вологодские Спасо-Каменного монастыря вотчины и на другие угодья, что чего о монастырских вотчинах и всяких угодьях в том Спасове Каменном монастыре в отъискании находится». (ЛОИИ, собрание рукописных книг № 6). Тетрадь эта в выдержках напечатана в «Летописи занятий Археографической комиссии», вып. III, СПб., 1865, отд. II, стр. 46 и в ДАИ, т. 1, №№ 10, 14—18, 20, 21, 115.

от 1720 по 1727 гг. [1], что дает право датировать скрепленный им сборник временем, близким к реформе 1726 г. Тогда же, возможно, была составлена и копийная книга переяславского Данилова монастыря [2] и др.

Д. М. Мейчик, указывая в своем обзоре грамот XIV—XV вв. книгу XVIII в. патриаршей кафедры, отмечает, что однородная с ней хранится в Румянцевском музее [теперь Всесоюзная публичная библиотека им. В. И. Ленина, собрание Беляева, рассмотренная выше рукопись XVII в. № 128 (1621)] [3]. Однако оба сборника, как показывает сличение, далеко не однородны по своему содержанию: не одинакова система подбора, и часто различны по своему характеру собранные акты. В беляевскую рукопись вошли и частноправовые и публичноправовые документы, причем они систематизированы по отдельным владениям. Сборник же Коллегии содержит исключительно официальные царские, княжеские и патриаршьи жалованные, указные и правые грамоты, расположенные в хронологическом порядке.

К 30-м годам XVIII в. относятся копийные книги Троице-Сергиева монастыря. Они составлены по уездам и в августе 1737 г. выданы монастырским властям из Государственной вотчинной коллегии, за скрепой секретаря Алексея Дедерева [4]. Возможно, что эти книги появились в связи с указом 1736 г. о взятии в службу не положенных в оклад монастырских слуг и детей боярских [5].

В 1744 г., по указу Синода, в Спасо-Ярославском монастыре были скопированы в особую книгу жалованные грамоты и другие земельные акты, хранившиеся в монастырском архиве [6]. Эта копийная книга составлена, несомненно, в связи с закрытием в 1744 г. Коллегии экономии и передачей ее дел в ведомство Синода и Синодального экономического правления [7]. Восстановлена Коллегия экономии была, как известно, временно в 1762 г.[8] и окончательно — в 1763 г.[9] под названием Коллегии экономии духовных имений.

Закрытие Коллегии экономии в 1744 г. дало толчок к оформлению копийных книг не только в Спасо-Ярославском, но и в других монастырях, например, в Богоявленском Кожеозерском [10].

Конечно, все эти изменения в ведомственной структуре учреждений, которым было поручено управление имениями и крепостными крестьянами феодальных церковных корпораций, не являлось случайным. За этими изменениями скрывались мероприятия по подготовке к секуляризации церковных вотчин, т. е. к окончательному разрешению вопроса, поставленного еще в XVI в. Таким образом, копийные книги XVIII в. в своей истории продолжают отражать ту внутриклассовую борьбу за

---

[1] П. М. Строев. Списки иерархов, стр. 743.

[2] ЛОИИ, собрание рукописных книг № 45 (последний по времени акт на л. 323 об. — 1714 г.).

[3] Д. М. Мейчик. Грамоты и другие акты XIV—XV вв. Московского архива Министерства юстиции (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 4, М., 1884, стр. 152—153).

[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 565 и др.; ЦГАДА, ГКЭ, № 6682, 7270, 7568, 7906, 11261, 11466 и др. В делах Сената сохранилась папка копий грамот Троице-Сергиева монастыря (№ 1/763).

[5] 1 ПСЗ, т. IX, стр. 943—948, № 7070.

[6] «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. V, СПб., 1871, стр. 27 (протокол от 12 июля 1867 г.).

[7] 1 ПСЗ, т. XII, стр. 172, № 8993; стр. 391—392, № 9166.

[8] Там же, т. XV, стр. 948—953, № 11481.

[9] Там же, т. XVI, стр. 51—53, № 11643; стр. 117—118, № 11716; стр. 246—247, № 11814.

[10] ЛОИИ, собрание рукописных книг, № 31. Последний по времени документ на л. 68 об. относится к 1746 г.

землю и крепостное население, которая вылилась в очень яркие формы в предшествующих столетиях.

Составление копийных книг в XVIII в. в значительной степени вызывалось также нуждами межевания. На ряде книг имеются пометы 1756 г. о предъявлении их «к нынешнему размежеванию».

К середине XVIII в. некоторые церковные учреждения перешли к новым методам страхования своих земельных владений. Вместо того, чтобы заново переписывать все земельные документы своего крепостного архива, Троице-Сергиева лавра, например, сделала общую выборку из крепостей на все владения, разбросанные по территории Российской империи, и получила на них от правительства охранную грамоту. В ответ на прошение архимандрита Арсения Могилянского 8 июня 1744 г. последовал именной указ императрицы Елизаветы Петровны: «Той Троицкой Сергиевой лавры на все приписные монастыри и вотчины. . . для неподвижного впредь Троицкой Сергиевой лавре владения сочинить жалованную грамоту в подтверждение прежних, к подписанию нашему»[1]. Грамота была окончательно приготовлена и подписана Елизаветой 11 июня 1752 г., а 28 июля 1762 г. подтверждена Екатериной II. В 1752 г., в связи с генеральным межеванием, в Вотчинной коллегии были сняты с грамоты четыре списка, а в 1756 г. — еще 18 копий [2].

Последний момент в составлении копийных книг — это 1764 г., когда последовала секуляризация церковных имений. К этому времени относятся сборники копий монастырей Иосифова Волоколамского [3], Спасо-Евфимьева [4] и др.

Из копийных монастырских книг XVIII в., не поддающихся точной датировке, можно указать сборники Соловецкого [5], новгородского Юрьева [6], Николаевского Угрешского [7], Каргопольского Ошевенского [8] и других монастырей.

§ 8. Основные моменты в истории составления церковных и монастырских копийных книг

Такова история копийных книг митрополичьей, впоследствии патриаршей, кафедры и монастырей, являющаяся выражением взаимоотношений между духовными землевладельцами и феодальным государством. Когда в XVI—XVII вв. правительство, не удовлетворяясь для испомещения дворянства земельными ресурсами дворцовых и черных волостей, пыталось прибегнуть в качестве резервного фонда к недвижимым имуществам экономически мощных духовных корпораций, это встретило решительный отпор со стороны последних. В течение ряда веков, начиная со знаменитого собора 1503 г. и вплоть до секуляризации 1764 г., господствующая церковь вела борьбу за свои земельные богатства, проявлявшуюся в полных риторики выступлениях на церковных соборах и в мелочном отстаивании каждой земельной пяди во время государственных

[1] 1 ПСЗ, т. XII, стр. 136, № 8960.

[2] Копия с делопроизводства о пожаловании грамоты, списанная в Сенате, на 1109 листах, хранится в РОБИЛ, АТСЛ, под № 682; двадцать два списка с грамоты на гербовой бумаге — там же, под № 567.

[3] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, св. 235—236; ЛОИИ, собрание рукописных книг, № 25.

[4] ЦГАДА, ф. 1203, кн. № 1. Копии XIX в. с грамот Спасо-Евфимиева суздальского монастыря, снятые для Н. П. Румянцева, см. в РОБИЛ, собр. Н. П. Румянцева, № 59.

[5] ЛОИИ, собр. Соловецкого монастыря, № 152.

[6] Рукописи Новгородского музея (описаны М. Н. Тихомировым) — «Новгородский исторический сборник», вып. 5, стр. 19, № 35; стр. 28, № 83—84.

[7] «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. V, отд. 2, стр. 1.

[8] ЛОИИ, собрание рукописных книг № 41.

переписей. При этом церковные и монастырские сборники списков с земельных актов являлись гибким орудием, используемым обеими сторонами в их борьбе: монастырь пытался при помощи юридического документа закрыть свои богатства от поползновений государственной власти, последняя стремилась оттягать хоть часть монастырской земельной площади, недостаточно защищенной юридическими ссылками.

Однако наибольший интерес представляет другая сторона дела. История копийных книг XVI—XVIII вв. является не только летописью борьбы за землю, но и летописью борьбы за крестьянский труд. Основные даты возникновения отдельных сборников совпадают с важнейшими моментами в истории крестьянской крепости.

Составление митрополичьих и монастырских копийных книг во второй четверти и середине XVI в. было ответом со стороны церковных феодалов осифлянского лагеря не только на выпады нестяжателей против церковного и монастырского землевладения, но и на публицистические произведения, направленные против эксплуатации крестьян в церковных вотчинах [1].

Действительно, один из лидеров боярской оппозиции, отстаивавший взгляды нестяжателей, Вассиан Патрикеев в своих произведениях уделял много места обеднению непосредственных производителей, закабаляемых духовными феодалами, вынужденных выплачивать слишком большие проценты и в результате терявших свои земельные участки и сельскохозяйственный инвентарь. Выступления Вассиана Патрикеева диктовались, конечно, не защитой непосредственных производителей от эксплуатации духовных феодалов, а отстаиванием собственных классовых интересов. Монастырское землевладение росло за счет боярского. Монастырские старцы прибирали к своим рукам боярские вотчины и крестьян. Помешать этому процессу и составляло задачу боярских публицистов, выступавших с позиций нестяжателей. «Господь повелевает, — пишет Вассиан Патрикеев, — и даждь я́ (имения. — *Л. Ч.*) нищим; мы же единаче сребролюбием и несытостию побеждени, живущая братиа наша убогиа в селех наших различными образы оскръбящем их, и лесть на лесть и лихву на лихву на них налагающе. . .; им же, егда не възмогут отдати лихвы, от имений их обнажихом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детьми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом» [2].

Точно так же Максим Грек, отражавший взгляды боярского лагеря, борясь с ростом монастырского землевладения, касался положения крестьян церковных вотчин, «тружающихся безпрестани и стражущих в селех наших и во всех наших потребах». Он бичевал духовных землевладельцев, которые «свое сребро. . . с ростом в заим даяху или росты на ростех истязаху от убогих. . .» [3]. За этими выступлениями скрывалась боязнь боярства за целость своих собственных земель и опасение потерять вотчинных крестьян. Боярские земли, населенные зависимыми крестьянами, разными путями переходили к духовным феодалам и это-то обстоятельство делало таким острым крестьянский вопрос в публицистике XVI в.

В ответ на голос боярской оппозиции, звучавший в выступлениях нестяжателей, в сборнике митрополичьих земельных актов, отражавшем позиции господствующей церкви, рисуется внешне идиллическая, но

[1] Разбор этой публицистической литературы по крестьянскому вопросу см.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., М.—Л., 1946, стр. 759—781.

[2] «Православный собеседник», 1863, ч. III, № 9, стр. 109.

[3] Максим Грек. Сочинения, ч. 2, 1860, стр. 94—95.

глубоко тенденциозная картина того, как в «изстаринных» митрополичьих вотчинах, там, где находился сад чудотворца Алексея, где «любяше пребывати» митрополит Киприан «и книги своею рукою писаше, понеже место бе тихо и безмолвно и покойно от всяких плищей», на месте, освященном кончиной митрополита, — крестьяне с давних времен «безпрестани на дворе митрополичи всякую страдную работу работают» [1]. Ссылка на «старину» в отношениях между духовными феодалами и непосредственными производителями должна была заглушить голос оппозиции.

Следующая важная дата в истории копийных книг, — 80—90-е годы XVI в., — является периодом острой внутриклассовой борьбы за рабочие руки, причем в этой борьбе духовным феодалам принадлежала значительная роль. Это было время серьезных осложнений международного характера (Ливонская война, в которой русская армия терпела значительные лишения), внутреннего экономического потрясения Русского государства, хозяйственного разорения поместного дворянства, следующим образом охарактеризованного Г. Штаденом: «с великим трудом и то однажды иноземец может получить населенное крестьянами поместье; причина — в большей своей части страна запустела»[2]. В этих условиях экономического потрясения и истощения страны духовные землевладельцы находились в привилегированном положении. Благодаря предоставленным им тарханам, они имели возможность привлекать на свои земли крестьян. На церковных соборах 80-х годов XVI в. правительство поставило вопрос о том, что «крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде». Под давлением государственной власти собор вынес решение об отмене тарханов до тех пор, «покаместа земля поустроитца», мотивируя это постановление интересами «воинского чину» и соображениями «оскудения»[3]. 1581—1584 гг. являются временем первой «заповеди» крестьянских выходов [4].

С 80—90-х годов XVI в. замечается усиление феодальной эксплуатации на церковных землях, вызванное стремлением духовных феодалов к реорганизации хозяйства на барщинных началах и удовлетворению нужды в рабочих руках. Церковные землевладельцы старались «лучшие места, которые ныне в поместья. . . розданы, поимать на себя и устроить села и пашни на себя»[5], для установления большей экономической зависимости непосредственных производителей занимались принудительным кредитованием их на «животинный приплод»; наконец, в целях превращения крестьян, обеспеченных имуществом, в производителей, лишенных собственности, отнимали у сельского населения деревни «с хлебом и с сеном», ломали и свозили крестьянские дворы, самих же крестьян начинали «и мучить и бить и животы их грабить и всякое насильство чинить»[6].

Новый феодальный нажим на крестьян падает на время вслед за ликвидацией крестьянской войны начала XVII в. В 1614 г. и следующих годах, одновременно с разбором вотчинных архивов и составлением

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 44—44 об.

[2] Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., 1925, стр. 123.

[3] СГГД, ч. 1, стр. 583—587, 592—598.

[4] С. Б. Веселовский. Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) — «Ученые записки Института истории РАНИИОН», т. V, М., 1929, стр. 216.

[5] Б. Д. Греков. Юрьев день и заповедные годы — «Известия Академии Наук СССР», VI серия, т. XX, 1926, № 1—2, стр. 74; Его же. Крестьяне на Руси, стр. 784—861.

[6] Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в., с предисловием Н. С. Чаева, — «Исторический архив», т. I, М.—Л., 1936, стр. 25—65.

новых копийных книг, в подтверждение пошатнувшихся землевладельческих прав, духовные вотчинники стремились стянуть на старые места земледельческое население, разошедшееся за прошлые годы. Картину борьбы за рабочие руки особенно ярко рисуют свозные книги беглых крестьян Троице-Сергиева монастыря [1]. Как указывает этот источник, крестьяне «разбрелися из троецких вотчин от насильства», некоторых «вывезли за себя насильством» и «поимали в кабалы и в полные» другие помещики и вотчинники. По челобитью троицких властей, по царскому указу и наказу из Приказа Большого Дворца, был организован сыск и своз «троецких старинных крестьян», вышедших из монастырских вотчин за период времени, начиная с 1604 — 1605 гг. Новые владельцы «чинились государеву указу сильны, тех троецких крестьян в троецкую вотчину на старые их жеребьи вывозити из-за себя не давали», отвечали, что «таких у них крестьян нет», иногда замышляли «побить до смерти» своздчика. Сами беглые, «услышав государев указ, что велено их свозить в троецкую вотчину» и «не хотя жить за Троицою», переходили в другие места. Однако монастырь-вотчинник многочисленными щупальцами предоставленного правительством в его распоряжение сыскного аппарата достигал беглых крестьян, которые вместе с семьями «и со всеми их животы и з хлебом» возвращались «на старые жеребьи» и отдавались на поруки.

Почти одновременно со свозом троицких крестьян, в 1613 г. власти Антониева-Сийского монастыря принимали меры к обращению в зависимость крестьян ряда деревень Емецкого стана, рискнувших подать челобитье на игумена в «ложном завладении» этими деревнями. При содействии двинского воеводы и стрельцов, монастырские старцы ловили и заковывали в цепи крестьян, «метали» их в тюрьму, подвергали избиениям. В результате монастырю удалось «вымучить» кабалы и записи в том, что «им (крестьянам, — *Л. Ч.*) государю не бить челом и вотчинниками на тяглые деревни не называться»[2] .

Ближайшие годы перед «Уложением» царя Алексея Михайловича 1649 г. — важный момент в истории крестьянской крепости. Коллективные челобитные московского дворянства об отмене «урочных лет» (1637, 1641, 1645, 1648 гг.) [3]; новый сыск крестьян Троице-Сергиева монастыря, долгое время пользовавшегося привилегией в вопросе об «урочных годах»; правительственные мероприятия по свозу сошлых крестьян Заонежских погостов, поселявшихся в бегах в ряде церковных вотчин, — таковы отдельные иллюстрации к данному моменту. Наконец, на 1648—1649 гг. падает финал долголетней тяжбы крестьян Емецкого стана с Антониевым-Сийским монастырем по поводу отписанных в свое время за последнего деревень. Монастырских крестьян, которые «от монастыря оттягивались», было велено «смирити — бить батоги», а «пущих ябедников и озорников» — «выслать» из монастырской вотчины [4]. Так при помощи феодального аппарата власти были восстановлены отношения господства — подчинения в монастырских владениях. В связи с этими

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I, М., 1929, стр. 185—260; Л. В. Черепнин. Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве XVII в., — «Ученые записки Института истории РАНИИОН», т. VII, М., 1928, стр. 100—116.

[2] «Исторический архив», вып. 1, стр. 32.

[3] С. В. Рождественский. Из истории отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян в Московском государстве XVII в., «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 153—163; Е. Сташевский. К истории дворянских челобитных, М., 1915, стр. 1—25; П. П. Смирнов. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в., — Чт. ОИДР, 1915, кн. III, отд. 1, стр. 1—73.

[4] «Исторический архив», вып. 1, стр. 34.

явлениями показательно, что многие копийные книги относятся к 30—40-м годам XVII в.

Выше было отмечено, что один из основных сборников списков с митрополичьих и патриарших земельных актов датируется 60-ми годами XVII в. На обстоятельства появления сборника проливают свет две коллективные челобитных казанского, свияжского и тетюшского дворянства 1658 г. Из них мы узнаем, что патриарший сын боярский Кузьма Заворотков и наборщик (вербовщик) Федька Юрьев, прибыв со специальным заданием в поместья служилых людей Казанского и Свияжского уездов и «скопясь со многими людьми», «вывозили насильством» их крестьян и людей, а «сказывали» им «многие льготные годы и невыдачу» и «велели. . . писатись в росписи беглыми. . . патриаршими крестьяны». Помещичьи крестьяне, «на то глядя», «пограбив и разорив» своих владельцев, в большом количестве двинулись во владения «великого государя Никона патриарха», главным образом, на реки Майну и Утку. На обратном пути беглые «жгли и грабили» поместья и «домишки» служилого дворянства, вынуждая «достальное» зависимое сельское население уходить в патриаршие вотчины. Вследствие такого массового наплыва, все патриаршие села и деревни по рекам Майне и Утке оказались почти сплошь населенными беглыми. В результате организованного сыска оттуда было возвращено не менее тысячи человек беглого населения [1]. Не случайно совпадение даты появления одной из патриарших копийных книг с временем обостренной борьбы патриаршей кафедры за привлечение на свои земли помещичьих крестьян.

Церковные копийные книги 80-х годов XVII в. были ответом на коллективные челобитные поместного дворянства, предметом которых были связанные между собой вопросы о межевании земель и сыске беглых [2].

Дальнейшая история копийных книг в первой половине XVIII в. может быть поставлена в связь с известной реформой 1718—1725 гг. о расквартировании полков и введении подушного оклада взамен обыкновенных казенных податей и работ, падавших на тяглое население [3], и с межеваниями того времени.

Заключительный момент создания копийных книг — секуляризация церковных владений в 1764 г. и образование нового разряда экономических крестьян.

Подводя итоги, можно сказать, что копийные книги XV—XVIII вв.— документы, не только необычайно ярко рисующие основные моменты в истории окончательного юридического закрепощения крестьян, но документы, сыгравшие в этом оформлении крепостного права определенную роль.

§ 9. Копийные книги и сборники ханских ярлыков

Изучение истории составления копийных книг московской митрополичьей кафедры дает некоторый материал и по вопросу о сборниках ханских ярлыков русским митрополитам как историческом источнике.

---

[1] ЦГАДА, Приказные дела старых лет, № 207, 1658 г., отдаточная по Казани, № 7518/35; А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в., «Труды Института истории РАНИИОН», вып. 1, М., 1926, стр. 335.

[2] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск, стр. 328; Его же. Коллективные дворянские челобитные по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в., — «Ученые записки Института истории РАНИИОН», т. 4, М., 1929, стр. 103.

[3] В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России — Опыты и исследования, Первый сборник статей, изд. 2-е, стр. 311.

Исследованиями П. П. Соколова [1] и М. Д. Приселкова [2] установлено наличие двух коллекций ярлыков — первоначальной краткой и пространной. Редактор последней, положив в основу краткую коллекцию, изменил путем интерполяций и переделок текст отдельных ярлыков, придав им вместо иммунитетного (освобождение духовенства от налогов и повинностей) инвеститурный характер (расширение прав и привилегий духовенства). Кроме того, к шести наличным ярлыкам он прибавил седьмой — хана Узбека митрополиту Петру, представляющий собой подделку. Вопрос о времени возникновения обеих коллекций вызвал расхождение между Приселковым и Соколовым. Первый считал возможным датировать краткий сборник временем непосредственно вслед за собором 1503 г., так как в той редакции ответа собора, которую автор считал первоначальной, нет ссылки на ярлыки. Появление второго сборника, по Приселкову, падает на время между 1503 и 1550 гг., когда митрополит Макарий в ответе Ивану IV приводит почти целиком ярлык Узбека Петру. Соколов склонен относить составление краткой коллекции ко времени не позднее конца XIV в., объясняя отсутствие в одной из редакций ответа собора 1503 г. ссылки на ярлыки тем, что эта редакция прошла через правительственную цензуру. В таком случае пространный сборник с подложным ярлыком Петру составлен в начале XVI в., близко к собору 1503 г.

В ненапечатанной работе о ханских ярлыках А. А. Зимина доказана неправильность датировки Приселковым краткой коллекции началом XVI в. А. А. Зимин изучил палеографически один из списков краткой коллекции из собрания Троице-Сергиевой лавры № 765, по водяным знакам относящийся к середине XV в.[3] Список этот был использован Приселковым по фотокопии. Отсюда его ошибка. Но если возникновение краткой коллекции относится ко времени не позднее середины XV в., то дальнейшая история сборников ярлыков падает на XVI в.

К вопросу о сборниках ярлыков полезно подойти вот с какой стороны: обе коллекции ярлыков представляют собой копийные книги, аналогичные по своему характеру и заданиям другим копийным книгам митрополичьей кафедры и Троице-Сергиева монастыря, т. е. сборникам списков с княжеских и царских жалованных грамот и частных документов на земли церковных феодальных корпораций. А если это так, то и история составления сборников ханских ярлыков должна рассматриваться в связи с возникновением всех других известных нам церковных копийных книг. Действительно, по мысли составителей коллекций ханских ярлыков, ссылка на деятельность «неверных» ханов, «милостивых» к церкви и своими ярлыками обеспечивавших неприкосновенность ее имуществ, должна была образумить «православных» князей, которые осмелились бы поднять руку на церковные владения: «А и инии же мнози и от нечестивых царей в своих царствах от святых церквей и от святых монастырей ничтожь взимаху и недвижимых вещей не смели двигнути или поколебати, бояся бога и заповеди святых отец и царских уставов древних законоположительных, но и зело по святых церквах побораху»[4].

Составитель сборника № 276 поставил своей задачей подойти к вопросу о неотчуждаемости церковных феодальных владений с другой сто-

---

[1] П. П. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в., Киев, 1915; Его же. Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру («Русский исторический журнал», кн. 5, 1918, стр. 70—85).

[2] М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам.

[3] Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троице-Сергиевой лавры, — Чт. ОИДР, 1879, кн. II, стр. 175—180.

[4] Летописи русской литературы и древности, т. V, отд. III, стр. 133.

роны, путем ссылки на пример «первых» князей, дававших кафедре вотчины и своим авторитетом всегда защищавших ее «изстаринные» землевладельческие права: «Такожде, государь, и в наших российских странах, при твоих прародителех, великих князех. . ., даже и до ныне, святители и монастыри грады и волости, слободы и села имели»[1] — читаем в соборном послании Ивану III, 1503 г. Доказательству этого положения и должны были служить собранные в книге № 276 многочисленные иммунитетные и другие княжеские грамоты. Точно так же и частные земельные акты должны были иллюстрировать известную формулу Кормчей о неотчуждаемости церковных земель («церковные имения недвигома»), так как земельные вклады поступали во владение кафедры под условием «держать [эти вклады] в дому Богородици, а не продать, ни променить, ни отдать никому, занеже дали они [«жертвователи»] свои вклады на поминок своим родителем и себе и всему роду»[2].

Наконец, той же цели политической борьбы за «неотчуждаемость» церковных владений служил и сборник образцовых полемических произведений (упомянутая выше синодальная рукопись № 562), как свидетельство взглядов прежних представителей господствующей церковной иерархии по данному вопросу.

Что все рассмотренные выше сборники как переводного с монгольского, так и русского документального и публицистического материала, представляли собой различные проявления одного и того же задания, — это станет ясно при анализе поддельного ярлыка хана Узбека митрополиту Петру. Эта подделка, в основе которой лежит ярлык Менгу Темира, обнаруживает в то же время зависимость одновременно и от княжеских жалованных грамот, и от митрополичьих «посланий». Приведем несколько примеров.

1. Обязательство не вмешиваться в управление церковными феодальными владениями и в приемы эксплуатации крестьян.

Ярлык Узбека[3]	Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича 1483 г. митрополичьей кафедре на слободку Караш, Ростовского уезда[4]
«А нам в то не вступатися ни во что, ни детям нашим, ни всем нашим князем нашего царства и всех наших стран и всех наших улусов».	«А мне, князю великому, ни моей братье, ни моим детем в слободку не вступатися».

2. Иммунитет церковных феодальных владений от вмешательства представителей княжеской администрации и светских феодалов.

Ярлык Узбека	Грамота кн. Михаила Андреевича Белозерскому Воскресенскому Череповецкому монастырю, 1449 г.[5]
«Да не вступаются никто же ни чем в церковныя и в митрополичи, ни в	«А что земли, и реки, и озера потягли изстарины к святому Воскресению по

[1] Чт. ОИДР, 1847, № 3, стр. 42.

[2] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 90—91; АЮБ, т. I, № 63/V.

[3] В. Григорьев. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству, М., 1842, стр. 112.

[4] П. И. Иванов. Описание Государственного архива старых дел при Сенате, М., 1850, стр. 212—214; АИ, т. I, № 215.

[5] РОИМ, Синд. собр., кн. № 276, л. 322—322 об.; Амвросий. История Российской иерархии, т. VI, стр. 671—673.

волости их, и в села их, ни во всякие ловли их. . . , но вся стяжания и имения их церковныя, и люди их. . . и вся законы их уложенные старые от начала их, — то все ведает митрополит, или кому прикажет».

исправе, а в то ся мои наместницы ни во что не вступают».

«Посланпе» митрополита Киприана новгородскому архиепископу конца XIV в.[1]

«А что погосты, и села, и земли, и воды, и пошлины, что потягло к церкви божьи, или купли, или кто дал по души памяти деля, а в то ни един христианин не вступается».

3. Верховный патронат, обещанный церковным феодалам (защита церкви от «обид»).

Ярлык Узбека

«Да никто же обидит на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей и церковных его; да никто же не взимает ни стяжаний, ни имений, ни людей. . . А кто вступится, а наш ярлык и наше слово преслушает, тот есть богу повинен, и гнев на себя от него примет, а от нас казнь ему будет смертная».

Грамота кн. Василия Ярославича серпуховско-боровского 1455 г.[2]

«А через сю мою грамоту хто их чем изобидит, быти от меня в казни».

«Послание» митрополита Киприана

«А кто вступится, того не благословляют божественная правила. А кто послушаеть. . ., на том милость божия и пречистыя его матери и мое благословенье; а кто не послушаеть моего благословения и покушается обидети церковь божью, а на том не буди милости божии и пречистыя его матери, ни моего благословения».

4. Судебный иммунитет и право вотчинного суда.

Ярлык Узбека

«А знает Петр митрополит в правду и право судит и управляет люди свои в правду, в чем ни будь: и в разбои, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах ведает сам Петр митрополит един, или кому прикажет».

Несудимые грамоты митрополичьей копийной книги[3]

«А ведает и судит отец наш митрополит всеа Руси тех своих людей сам в всем или кому прикажет», обычно «опричь душегубства» или «опричь душегубства и разбоя с поличным», или же «опричь душегубства, и разбоя, и татбы с поличным».

Сопоставление последней формулы (о суде) по сравниваемым источникам позволяет сделать любопытные выводы. В то время, как в несудимых грамотах право вотчинного суда предоставляется кафедре за исключением дел о разбое, душегубстве и татьбе, ярлык Петру намеренно подчеркивает, что и эти преступления не исключаются из юрисдикции митрополита. Опять сознательное противопоставление составителями

[1] АИ, т. I, № 7 (из Синодального сборника № 562).
[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 109 об. — 110.
[3] Там же, лл. 44 об. — 45, 81 об. — 82, 97—97 об.; ААЭ, т. I, № 75; М. И. Горчаков. Указ. соч., приложение, стр. 25—26, № 2/XVIII.

копийной книги и текста ярлыка политики «иноверцев» ханов, с одной стороны, и русских князей, — с другой, не в пользу последних.

Наконец, последний параграф ярлыка митрополиту Петру, на котором небезинтересно остановиться, это — статья, посвященная иммунитету лиц духовного звания. Эта статья встречается еще в ярлыке Менгу Темира и в так называемой «Уставной грамоте вел. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана», в действительности представляющей собой формуляр договорных отношений великокняжеской власти и митрополичьей кафедры.

Ярлык Менгу Темира[1]	Ярлык Узбека[2]	«Уставная грамота»[3]
«. . . Попове един хлеб ядуще и во едином дому живуще, у кого брат ли, сын ли, и тем по тому ж пути пожалование, ажь будут от них не выкупались, будет же ли от них выступались дань ли или иное что, ино им дати. А попове от нас пожаловани и по первой грамоте бога молящи и благословляюще нас стоите; а иж имете неправым сердцем о нас молитись ко господу, тот грех на вас будет. Так молвя, ож кто не поп будет иные люди а к себе имет примати, хотя богови молитись, что в том будет. . .»	«А что попы и дьяконы их един хлеб едят и во едином дому живут, у кого брат или сын, и тем по тому ж пути наше жалованье, ож кто будет от них не выступил, а митрополиту не служит, а живет себе тот именем поповским, да не отымается, но да дает дань. . . А кто будет поп, или диакон, или причетник церковный, или людии кто ни буде откуду ни есть митрополиту похотят служить и о нас бога молити, что будет о них у митрополита в мысли, то ведает митрополит».	«А слуг моих, князя великого, и моих данных людей в диаконы и в попы митрополиту не ставити. А который попович хотя будет писан в мою службу, а всхочет стати в попы или в диаконы, ино ему волно стати. А попович, который живет у отца, а хлеб есть отцов, ино той митрополич. А который попович отделен и живет опричь отца, а хлеб есть свой, а то мой, князя великого».

Вывод напрашивается сам собой. Положив в основу ярлык Менгу Темира, говорящий об иммунитете от даней для попов и неотделенных членов их семей, составитель ярлыка Узбека перевел его на тему, трактуемую договорно-уставной княжеской грамотой, — о праве митрополичьей кафедры принимать на службу лиц, принадлежащих к различным категориям феодального общества. Эта тема развивается составителем ярлыка в направлении, прямо противоположном грамоте, так как он стирает всякие ограничения, установленные, например, грамотой для великокняжеских слуг и «данных людей», говоря о службе «людей кто ни будет откуду ни есть». Как и в вопросе о судебном иммунитете, здесь опять намеренная антитеза.

Итак, с несомненностью устанавливаемая связь коллекций ханских ярлыков с митрополичьими сборниками № 562 и 276 дает право связывать работу над ними в XVI в. с составлением копийных книг на владения митрополичьей кафедры. Одна из целей составления обеих коллекций ярлыков — защитить документальными ссылками земельные богатства от возможной секуляризации. Не ограничиваясь подбором реальных документов на свои феодальные земельные владения, московская митрополичья кафедра пошла на прямую подделку, сфабриковав подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру.

---

[1] В. Григорьев. Указ. соч., стр. 124; М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 97.

[2] Он же. Указ. соч., стр. 117.

[3] ААЭ, т. I, № 9.

§ 10. Статистические данные о документах землевладельческих архивов церковных феодальных корпораций и светских землевладельцев XIV—XV вв.

Теперь, сопоставив копийные книги отдельных монастырей с подлинными актами тех же монастырских собраний, сохранившимися до нашего времени, приведем статистические данные о документах землевладельческих архивов церковных корпораций XIV—XV вв.[1]

Наиболее крупным духовным феодалом являлся Троице-Сергиев монастырь. В настоящее время известно до 660 актов XIV—XV вв., относящихся к земельным владениям Троице-Сергиева монастыря с приписными монастырями. Из них в подлинниках (или в списках современных оригиналам) сохранилось до 255 актов[2].

По московской митрополичьей кафедре мне известно 205 актов XIV—XV в. (все в копии); по Кирилло-Белозерскому монастырю — 270, из них подлинных — ок. 100[3]; по Ферапонтову — 10, из них подлинных — 3[4]; по московскому Симонову монастырю — 75, из них подлинных — 47[5]; по суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю — 62, из них подлинных — 23[6]; по Спасо-Ярославскому монастырю — 23, из них подлинных — 22[7]; по звенигородскому Савво-Сторожевскому — 7, из них подлинных — 6[8]; по Иосифову-Волоколамскому — 40, из них подлинных — 30[9]; по Макарьеву-Колязину монастырю — 44, из них

---

[1] Статистические данные, приводимые ниже, касаются актового материала до 1505—06 г. включительно. Кроме того учтены акты XV—XVI вв., не поддающиеся точной датировке. Наряду с подлинниками иногда учитываются и современные списки.

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 709, 748, 864, 1007, 1105—1125, 1128—1131, 1134, 1136, 1317, 1332, 1343, 1780, 1786, 2328—2332, 2342, 2837, 3332, 3334—3339, 3394, 3714—3718, 3720—3722, 3724, 3728, 3930, 4968—4972, 4974, 4976, 4980—4983, 4985—4986, 4988—4990, 6696, 6700, 6782, 7143, 7146, 7620, 7691—7693, 7695, 8324, 8330, 8461, 8726, 8728—8731, 8733, 8734, 8736, 8740, 8744—8751, 8753—8764, 8766, 8769, 8737, 10538—10542, 11641, 11642, 11780, 11782, 12043, 12044, 12047, 12834—12842, 14551, 14552, 14566, 14733, 14734, 14753, по дополнительной описи Гоздаво-Голомбиевского — № 1/221—3/223, 5/225—9/229, 12/232, по дополнительной описи Н. П. Лихачева — № 1/11, 2/12 ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. IV, № 4—9, 11; РОБИЛ, АТСЛ, № 222—224, 226, 227—230, 232, 237—239, 241—243, 821—823, 868а—869а, 963а, 1006б—1009, 1012, 1016 б. в.; собр. Беляева, № 3—5, 7—10, 12, 14, 18, 21, 25; собр. Ундольского, № 1—6; собр. Муханова, № 22/292, 23/320, 26/340, 38/336, 39/300, 40/295, 42/294, 43/318, 47/293, 53/301, 54/328, 61, 64/308, 65/274, 60.290; РОИМ, собр. Уварова, карт. IV, арх. 41/35, № 3—4, карт. V, арх. 41/36, № 8 и 11, карт. VI, арх. 1/37, № 51, карт. XVI, арх. 41/46, № 1; — ЛОИИ, собр. Головина, № 2, 3, 5—9, 11—13, 15—17, 19—23, 32—35, собр. Строева, картон 6/347, отд. 3, № 65. В собр. Головина имеются подлинные акты, взятые им из ГКЭ и замененные подделками. Сличения этих актов я не производил.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 702—705, 707, 708, 710—746, 749, 751, 812, 858, 879, 2573, 14753; РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/36 (V), № 7, карт. 41/49 (XV), № 7; РОБИС; № 30, 31, 33—40, 42—48, 50—58, 63—66; ЛОИИ, собр. Головина, № 18, 28—29, собр. Строева № IV—1, XI—1, XVI—2, 9—16, XIX—1, 4.

[4] ЛОИИ, собр. Строева № IV-3, XVI-4, и XVI-5.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 706, 862, 1782—1784, 2401, 3331, 3333, 3340—3341, 3713, 3719, 3723, 3726, 3727, 3729, 7605—7609, 8738, 8739, 8743, 9679, 10169, 10170, 10172, 10233, 10235, по описи Гоздаво-Голомбиевского — 4/224, 14/234; ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. IV, № 8; РОБИЛ, собр. Беляева, № 6, 13, 15, 19, 20, 23, собр. Муханова, № 67; РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/35 (IV), № 2; ЛОИИ, собр. Головина, № 10, 14, 25—27, 36, собр. Беллюстина № 3.

[6] ЦГАДА, ГКЭ, № 1781, 11781, 11784—11786, собр. Муханова, № 24, 28—31, 33, 36—37, 41, 50, 51, 60, 63, 66; РОИМ, собр. Уварова, карт. IV, № 1, 6, 41/7 (III), № 3; ЛОИИ, собр. Строева, № XVI—17.

[7] ЦГАДА, ГКЭ, № 10106, 10862, 10863, 14749—14752; РОБИЛ, собр. Муханова, № 18, 27, 44—46, 48, 49, 55—59, 71, 72; РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/13 (646), № 4.

[8] ЦГАДА, ГКЭ, № 4675—4677; РОБИЛ, собр. Беляева, № 1, 11, 26.

[9] ЦГАДА, ГКЭ, № 2397—2400, 2402, 2471, 5656, 10347—10352, 10234, 10236, 12494, 12496, 14554, по описи Гоздаво-Голомбиевского -- № 233/13, ЦГАДА, Гос.

подлинных — 15[1]; по московскому Чудову монастырю — 15, из них подлинных — 13[2].

Нами перечислены наиболее крупные собрания актового материала на земельные владения церковных феодальных организаций. Отдельные акты сохранились и по ряду других монастырей[3]. Следует также указать на выше уже упоминавшуюся публикацию Н. С. Чаевым документов Соловецкого монастыря. В настоящее время Институт истории Академии Наук СССР поставил перед собой задачу опубликования всего актового материала XIV—XV вв. Работа по подготовке к печати этого издания ведется С. Б. Веселовским, И. А. Голубцовым, А. А. Зиминым и Л. В. Черепниным. В первую очередь будут опубликованы акты на земельные владения московской митрополичьей кафедры и Троице-Сергиева монастыря.

Материалом для восстановления боярских и дворянских архивов XV в., помимо родословных росписей, о которых речь шла выше, служат копийные книги феодальных церковных корпораций. Дело в том, что, передавая монастырям свои земли, светские землевладельцы обыкновенно передавали и всю документацию на данные земельные владения, а монастырские власти эти документы весьма тщательно хранили и копировали. Так, во второй четверти XV в. кн. Д. А. Ростовский, сделавший земельный вклад в Троице-Сергиев монастырь, передал монастырским властям акты на владение: «да и грамоту есми купчую дал тем землям, и отвод»[4]. В данной грамоте Евфимьи Ирежской своим детям на пожню в Бежецком уезде читаем: «и грамоту есми им дала на ту пожню благословенную»[5]. Затем вместе с пожней эта грамота попала в Троице-Сергиев монастырь. На основании обмена Троице-Сергиевым монастырем с М. Н. Головкиным землями в Бежецком уезде в монастырь поступила купчая грамота на вымененные владения[6].

Таким образом, извлекая из монастырских копийных книг акты на владение светских феодалов, можно восстановить (конечно, лишь частично) архивные фонды последних.

§ 11. Принципы классификации актов феодальной эпохи (XIV—XV вв.)

При классификации актов феодальной эпохи буржуазные историки-юристы обычно исходят из деления их на два больших разряда: публичноправовые и частноправовые.

Деление актов на правительственные и частные положено в основу классификации Д. М. Мейчика. К числу первых он относит: грамоты жалованные, указные, судные. «Общая черта их та, что в них непременно участвует правительственная власть, начиная от великих и

древлехранилище, отд. 1, рубр. IV, № 10; ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, отд. XIII, № 338, отд. XV, № 495, 497; РОИМ, собр. Уварова, карт. IV, № 5, XV, № 9; патриаршее собр. № 1581, 1722; РОБИЛ, собр. Беляева, № 34; ЛОИИ, собр. Головина, № 30—31.

[1] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. № 1—6, 8, 9, 11, 13, 15, 18, 25, 29, 30.

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 4819, 6332, 7144, 7145, 7147, 8725, 8741, 8742, 8767; РОБИЛ, собр. Беляева, № 2, 17; РОИМ, собр. Барсова 1/48987; ЛОИИ, собр. Головина № 4.

[3] Благовещенского Нижегородского, Богословского, Важского, Горицкого, Переяславского, Михайловского Архангельского, Никольского Дудина, Никольского Чухченемского, Покровского чухломского, Рождественского владимирского, Солотчинского рязанского, Спасо-Каменного, Спасо-Прилуцкого, Толгского и т. д.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 1105.

[5] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 20 об. — 21.

[6] Там же, лл. 19 об. — 20.

удельных князей и княгинь, — от которых исходят льготы, указы и судебные решения по делам, разбираемым ими то в качестве судей первой инстанции, то в качестве последней ревизующей инстанции (у доклада), —и кончая княжескими чинами, творящими суд и расправу *по княжу слову или по грамоте*».

В разряд частных актов, по Мейчику, относятся раздельные, мировые, отступные, меновные, купчие и посильные, данные, духовные.

Промежуточную категорию актов, по мнению Мейчика, составляют акты отводные, разъезжие или разводные. Некоторые из них оформляются «правительственными чиновниками по приказам высшей власти и собственному ее почину или по просьбе заинтересованных в том лиц и учреждений». Другие «имеют характер добровольных частных сделок».

Таким образом, в качестве принципа классификации актов Мейчик выдвигает участие в их оформлении «правительственной власти в лице ее высших и низших представителей» [1].

Совершенно очевидно, что такой критерий не может удовлетворить историка-марксиста, так как этот критерий не раскрывает характера реальных общественно-экономических отношений, нашедших свое отражение в тех или иных разновидностях актового материала. В классификации Мейчика проявилось представление буржуазной историографии о государстве как надклассовой силе, являющейся носительницей общего блага. Поэтому роль правительственных органов в оформлении актов — основное, что интересует автора.

В период империализма наиболее развернутую классификацию актового материала в буржуазной историографии дал С. А. Шумаков. Им была предложена следующая схема:

А. «Грамоты, даваемые правительственною властью (узкоклассовою, конечно, по существу, если не по форме, сначала боярской, а после разгрома боярства при Иване IV, сменившей ее дворянской)» от имени великих и удельных князей, а затем царя, иногда земского собора, «своим агентам (по вопросам управления и суда), общественным учреждениям (грамоты уставные) и частным (физическим и юридическим) лицам (грамоты жалованные и правые)».

I. Грамоты по внутренним делам.

«Грамоты жалованные в широком смысле, с преобладанием в них мотивов льготы — хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы».

II. «Грамоты процессуальные (отражавшие на себе, конечно, классовый характер процесса)».

III. Грамоты по внешним делам.

Б. Грамоты из области церковного права.

В. Частные акты. «Это письменные акты, в форму которых облекались определявшиеся переплетом и борьбой социальных и экономичес-

---

[1] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 2—3. — Одна из наиболее ранних попыток классификации актового материала принадлежит Салареву. Он делит все акты на три разряда: 1) «*государственные*, к которым принадлежат договоры, жалованья, уставы, законы»; 2) *обрядные*, «употреблявшиеся в судопроизводстве и в других случаях»; 3) *смешанные*, «дававшиеся по разным предметам». К числу грамот государственных Саларев относит договорные, жалованные, бессудные, уставные, губные, опасные и т. д.; к числу обрядных — челобитные, приставные, зазывные, правые, отпускные, раздельные, межевые, рядные, кабалы, льготные, поручные, ввозные и т. д., к числу смешанных — четную запись Ивана IV к шведскому королю, торговую (на право монастырской торговли и т. д.). (Саларев. Описание разного рода российских грамот, «Вестник Европы», 1819, № 4, стр. 282; № 5, стр. 25 и сл.).

ких сил и отношений юридические сделки в смысле юридических действий, направленных к изменению существующих юридических отношений по равнодействующей этого переплета и борьбы сил» [1].

Давая свою классификацию, Шумаков выступает с позиций буржуазного либерализма. Отсюда его попытки усмотреть в различных разновидностях актового материала «хартии вольностей отдельных классов», равнодействующие «переплета и борьбы социальных и экономических сил» и т. д.

Основа классификации актового материала для Шумакова та же, что и для Мейчика: противопоставление актов, исходящих от лица власти, актам, фиксирующим частные юридические сделки. Хотя Шумаков и говорит об «узкоклассовом характере власти», проявляющемся в выдаваемых ею грамотах, он не понимает сущности тех материальных отношений, на базе которых возникает государство, право, закон. По словам Маркса и Энгельса, «право, закон и т. д. — только симптом, выражение *других* отношений, на которых покоится государственная власть. Материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависящая просто от их „воли", их способ производства и форма общения, которые взаимно обусловливают друга друга, есть реальный базис государства и остается им на всех ступенях, на которых еще необходимы разделение труда и частная собственность, совершенно независимо от *воли* индивидов»[2]. Совершенно очевидно, что классификация актового материала должна показать его значение для изучения реального общественного базиса.

В «Очерке русской дипломатики частных актов» А. С. Лаппо-Данилевского подведены теоретические основы под деление актов на публичные и частные. «Задача публичного права, — пишет А. С. Лаппо-Данилевский, — состоит в том, чтобы установить те нормы, которые регулируют, в виду общего блага единого общественного целого, отношения между общей волей и волей „всех и каждого" из его членов». Задача частного права состоит в том, «чтобы установить, не нарушая такого условия, те нормы, которые регулируют, в виду частной выгоды принадлежащих к нему отдельных лиц, отношения их, волеизъявлений друг к другу»[3].

В этом определении сказалась попытка буржуазного историка увековечить «нормы» буржуазного общества как регулятор общественной жизни, обеспечивающий привилегии частных собственников.

Советская марксистско-ленинская историческая наука рассматривает право как надстройку, соответствующую определенной системе производственных отношений как реальному общественному базису и отражающую интересы господствующего класса.

Попытка подойти к актам как историческим источникам, отражающим историю производственных отношений в феодальном обществе, сделана С. Н. Валком в его статье «Начальная история древнерусского частного акта». Купчие, данные, меновные грамоты С. Н. Валк рассматривает как «основные документальные свидетели» «процесса роста феодальной земельной собственности», а затем кризиса монастырского землевладения; порядные, ссудные, жилые, служилые кабалы, как «свидетели той классовой борьбы, которую вело крестьянство с феодалами крепостниками»[4].

---

[1] С. А. Шумаков. Указ. соч., вып. 4, М., 1917, стр. 3—43.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 311.
[3] А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 31.
[4] С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. Сборник статей «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937, стр. 286.

Над вопросами классификации актового материала много работал А. А. Зимин, считающий единственно правильным принципом классификации актов их содержание и рассматривающий историко-правовую структуру акта, как дополнительный фактор [1].

А. А. Зимин выделяет следующие группы актов:

А. Акты о социально-экономических отношениях:

1. Акты феодального землевладения. Среди них: а) акты, характеризующие борьбу феодалов за землю (данные, меновные, купчие, межевые и др.), и б) акты, фиксирующие феодально-имущественные права землевладельца (жалованные грамоты несудимые, тарханные и льготные).

2. Акты, характеризующие вассальные отношения феодалов (княжеские договорные грамоты, шертные грамоты татарских ханов, присяжные, складные, поручные грамоты).

3. Акты, относящиеся к истории феодального хозяйства, крестьянства и холопства (духовные грамоты, крестьянские порядные, кабалы полные докладные и служилые, грамоты ввозные и послушные).

4. Акты о феодальном ремесле и торговле XV—XVII вв. (данные, льготные, тарханные на городские дворы и слободы).

5. Акты историко-бытовые (рядные, сговорные и роспускные о заключении и расторжении брака).

Б. Акты внутренней и внешней политики.

1. Княжеские духовные и договорные грамоты.

2. Акты, характеризующие внутреннюю политику, управление и суд. Среди них: а) уставные наместничьи грамоты и доходные списки, грамоты в «кормление»; б) акты судебно-процессуального характера (судные списки, правые и бессудные грамоты); в) акты церковно-административного управления.

3. Акты внешнеполитического характера [2].

Классификация актов, предложенная А. А. Зиминым, представляет большой шаг вперед, но его схема требует уточнения и развития.

При классификации актов феодальной эпохи необходимо исходить из учения И. В. Сталина о феодализме и феодальном государстве.

«При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного. . .» [3].

На основании этого сталинского определения первые две группы актового материала, являющегося источником по истории феодальных отношений, составят: 1) акты, характеризующие борьбу феодалов за средства производства и прежде всего за землю (купчие, данные, меновные, закладные, духовные и другие разновидности); 2) акты, характеризующие борьбу феодалов за рабочие руки, за ренту, развитие различных форм феодальной зависимости и эксплуатации непосредственных производителей и классовую борьбу в феодальной деревне (различные акты на крестьян и холопов).

Система эксплуатации в феодальной деревне основана на внеэкономическом принуждении непосредственных производителей. Юридическим оформлением системы внеэкономического принуждения в феодальном обществе является иммунитет, как атрибут феодального землевладения. Иммунитет в то же время является выражением иерархической структуры земельной собственности. Поэтому третью группу актов составят кня-

[1] А. А. Зимин. Программа курса «Русская историческая дипломатика феодальной эпохи» (Историко-архивный институт).

[2] Там же.

[3] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

жеские жалованные грамоты, закрепляющие за феодалами земельные владения и фиксирующие начала господства и подчинения в феодальной деревне (иммунитетные привилегии).

В четвертую группу могут быть отнесены акты, относящиеся к торгово-ремесленному населению и рисующие роль городов и городского посадского населения в истории феодального общества.

Расчлененной форме земельной собственности периода феодальной раздробленности соответствует феодально-иерархическая структура господствующего класса: земельные собственники связаны друг с другом цепью служебных вассальных обязательств. Вся феодальная иерархия в целом противостоит в качестве антагонистического класса классу зависимого крестьянства. Политический строй периода феодальной раздробленности представляет собой союз ряда феодальных княжеств, в пределах каждого из которых имеются свои уделы. Политические отношения между отдельными княжествами строятся на основе феодальных договоров. Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей, являющиеся источником по изучению организации государственной власти и выполнению в широком смысле феодальным государством двух своих функций (внутренней и внешней), должны быть выделены в пятую группу актового материала.

Шестую и седьмую группы могут составить акты, отражающие специально внутреннюю функцию феодального государства: организацию управления (грамоты наместничьи, грамоты в «кормление») и деятельность суда как органа, изображающего собой «защиту порядка», а на деле являющегося «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых. . .»[1]. Это грамоты правые и другие.

В восьмую группу следует выделить акты, относящиеся специально к внешнеполитической функции государства (посольская документация).

Девятую группу составят акты церковного права, рисующие деятельность церкви, являющейся «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» [2].

Такова общая схема классификации актового материала, которая может быть предпослана изучению его разновидностей.

Следует ли вообще отказаться от деления актов на публичноправовые и частноправовые? Оснований для этого нет. Его следует сохранить, построив на марксистско-ленинской основе и сочетав с чисто исторической классификацией. Как частное, так и публичное право носит классовый характер, и то и другое нуждается в охране при помощи государственного аппарата.

По словам Маркса и Энгельса, «Частное право развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения естественно развившейся коллективности» [3]. Первые две группы актов по классификации, предложенной выше, представляют собой документы частноправового характера, которые оформляют отношения, возникающие в процессе развития феодальной собственности и обращения господствующим классом в феодальную зависимость непосредственных производителей.

Но частноправовые отношения нуждаются в государственной санкции, так как «государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, проводят свои общие интересы и в котором концентрируется (sich zusammenfasst) все гражданское общество данной

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 421.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.
[3] Там же, Соч., т. IV, стр. 53.

эпохи. . .»[1]. «Старое гражданское общество *непосредственно* имело *политический* характер, т. е. элементы гражданской жизни — например, собственность и семья, форма и способ труда — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме феодальных прав, сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к *государству* как целому, т. е. ее *политическое* положение. . .»[2]. Акты публичноправового характера (третья — девятая группы предложенной выше классификации) санкционируют права и привилегии представителей феодального гражданского общества, принадлежащих к его верхам, — привилегии, возведенные «на высоту элементов государственной жизни».

Такое понимание взаимоотношений между публичноправовыми и частноправовыми актами в корне отлично от классификаций, предлагаемых буржуазными авторами. Последние рассматривают частноправовые акты как документы, фиксирующие юридические «сделки», являющиеся результатом свободного волеизволения, а публичноправовые акты — как результат «пожалований» со стороны надклассового государства. И то, и другое глубоко ошибочно. Критикуя буржуазных юристов, Маркс и Энгельс указывали, что для них является простой случайностью то обстоятельство, что «индивиды вступают между собой в отношения, например в договорные; эти отношения рассматриваются ими как такие, в которые по желанию можно вступать и не вступать и содержание которых всецело зависит от индивидуального произвола договаривающихся сторон»[3]. С этой точки зрения, например, порядные грамоты — документы, вскрывающие противоречивые интересы двух антагонистических классов феодального общества — землевладельцев и крестьян, — расцениваются буржуазными авторами как акты двустороннего свободного волеизволения. А правые грамоты, отражающие деятельность феодального суда, расцениваются как судебные приговоры, возникающие на основе применения системы объективных юридических доказательств, в том числе частноправовой документации на сделки между отдельными членами гражданского общества. Таким путем утрачивается классовая сущность актов феодального общества.

Объективно в подобной позиции буржуазной историографии по вопросу о сущности частноправовых и публичноправовых актов сказалась тенденция к увековечению правовых норм буржуазного государства, защищавших интересы частных собственников. «. . . *Все буржуазное общество*, — говорят Маркс и Энгельс, — есть война отделенных друг от друга исключительно своей *индивидуальностью* индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил». «Именно *рабство буржуазного общества*, по *видимости* своей, есть величайшая *свобода*, потому что она кажется законченной формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное, не связанное никакими общими узами и никаким другим человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и проч., за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его законченное рабство и человеческую отверженность. На место *привилегии* здесь стало *право*»[4].

---

[1] К. Маркс Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 53.
[2] Там же, т. I, стр. 389.
[3] Там же, т. IV, стр. 54.
[4] Там же, т. III, стр. 144.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧАСТНЫЕ АКТЫ, РИСУЮЩИЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО

§ 1. Данные грамоты

Феодальные архивы (церковные и монастырские) сохранили нам большое количество всевозможных актов, рисующих образование крупной феодальной земельной собственности (преимущественно церковной) и формы перехода земель к духовным корпорациям. Наиболее распространенными разновидностями этих актов являются данные, духовные, меновные, закладные.

Известно около 300 данных грамот на населенные земли, пустоши, пожни, бортные леса, рыбные ловли, езы, соляные варницы и т. д.

Данные грамоты рисуют, главным образом, процесс перераспределения земельных фондов внутри класса феодалов, рост монастырского землевладения за счет вотчин светских феодалов.

Краткий формуляр данных грамот на земли и другие недвижимые владения складывается из следующих, наиболее часто встречающихся, статей: 1) имя владельца недвижимой собственности и наименование той духовной корпорации, которой предназначен вклад; если вклад делают душеприказчики, то их имена; если данная пишется по чьему-то приказу, то имя того, кто приказал, и того, кто писал документ; 2) объект дарения и иногда сведения о том, какими путями оно попало к владельцу (вотчина, купля, вымененная земля); 3) перечень тех лиц, «на помин души» которых дается вклад; 4) иногда обозначение границ, иногда глухая формула: «куда ходила соха и топор и коса»; 5) в удостоверительной части содержатся имена послухов и писца. По такому формуляру построена, например, данная первой половины XV в. Василия Яковлева сына Воронина Троице-Сергиеву монастырю: «Святей Троици в дом се яз Василей Яковль сын Воронина дал есмь землю Михайловскую по Марьину межу, да луги с озером, что мой жеребей, и полозера, да другую землю, Иванову Белого да Ярцеву. А межа от Марьи от Ярцева путем на старое изгородище, да на путь, что идет от моего села к церкви к святому Михаилу, да от церкви потоком речкою в озеро. А на том господин мой игумен з братьею поминает моих детей Есипа да Гаврила. А на то послуси: братанич мой Олексей Иванов сын, Ивашка Бунков. А грамоту писал чернец Пимин» [1].

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 539.

Большею частью данные грамоты лаконичны, сухи. Первое впечатление, которое от них остается, это — бедность содержания, отсутствие материала конкретно-исторического характера. Однако в ряде данных содержатся чрезвычайно интересные сведения об экономическом положении феодала — владельца передаваемой монастырю вотчины. Краткие указания на передачу села с хлебом, «серебром», «животиною» иногда разрастаются в настоящее экономическое описания владения.

Очень подробно описывается, например, вотчинное хозяйство в данной грамоте Троице-Сергиеву монастырю на село Медну, Новоторжского уезда: «А серебра головного пьятьдесят рублев новгородцкая и четыре рубли. А живота: лашаков болших и кобыл болших дватцать две, а страдных лошадей дватцать, а скота рогатово, волов и коров, и телят малых полсемадесять, коз и овец сто тритцать. А в поле стоячей хлеб и в земле все монастырю. А в житнице хлеба: семьсот коробей ржи, две тысячи коробей овса, пятьдесять коробей пшеницы, пятьдесять коробей жита, овыдницы пятьдесять коробей, гречи и гороху и конопель четыредесять коробей, и со всем с тем, что к тому селу потягло» [1]. Таким образом, из данной грамоты мы узнаем о крупном владельческом хозяйстве в селе Медна, о наличии там барщины.

О том же говорят и другие данные грамоты, содержащие сведения о монастырском изделье (барщине), о «серебре» в селах, т. е. об экономическом закабалении крестьян. Анна Ильина отдала в середине XV в. Троице-Сергиеву монастырю свои села во Владимирском уезде «с житом и с ыздельным серебром, а изделного серебра семь рублев. Да дала есмь из своего села из Дмитреевского стог ржи полтретьяста копен, да 40 овец, да 3 коровы» [2]. Черница Анна, делая в XV в. вклад в Кирилло-Белозерский монастырь, по приказу своего мужа, распоряжается, чтобы «дельное серебро на людех» было поделено пополам: половину возьмут монастырские старцы, «половину тем людем отдадут» [3]. В данной грамоте Е. И. Кормилицыной Кирилло-Белозерскому монастырю 1397—1427 гг. говорится о передаче двух деревень « с серебром, что на половникы, и с семяны ржаными и с овсяными» [4]. В 1435—1447 гг. по данной грамоте великокняжеского дьяка Ивана Поповки Кирилло-Белозерский монастырь получил одиннадцать деревень «и с хлебом» [5]. Кн. Елена передала в XV в. в Спасо-Евфимьев суздальский монастырь три села «с серебром» [6].

В ряде данных вкладчик оговаривает подробно условия вклада: право предсмертного пострижения в монастыре или обязанность со стороны монастырских властей «поминать» его после смерти: «А дал есми землю того для, что им меня постричи, а умру в белцех, и им меня поминати и мою жену Марию» [7]. «А им написати в сенаник моего господина Василья Михайловича да и меня Анну черницу и сына моего Бориса» [8]. Данная Матвея Лукина Троице-Сергиеву монастырю на Бармазовские пустоши в Переяславском уезде, второй половины XV в., заканчивается словами: «А о том о всем игумену и всей братии челом бию, — а по моем животе поминайте мою душу и моее жены Аксиние» [9].

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 533, л. 364—364 об.
[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 1786.
[3] РОБИС, кн. Q-IV-113, лл. 744—745.
[4] Н. Дебольский. Указ. соч., № LXXXIII.
[5] РОБИС, кн. А-I-17, л. 902 об.
[6] АЮБ, т. I, № 63/III.
[7] ЦГАДА, ГКЭ, по дополнительной описи Лихачева, Галич № 1.
[8] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 531.
[9] ЦГАДА, ГКЭ, № 8761.

Данные грамоты вскрывают очень разнообразные социально-экономические отношения между вкладчиками и монастырскими властями. О них не всегда говорится прямо, но иногда в сухой формуляр грамоты проникают живые черты реальной действительности, и становится ясным, что вклад только завершает завязавшиеся задолго до него социально-экономические отношения. Так, в одних случаях вкладчик требует, чтобы игумен заплатил его долги [1]. В других случаях земля поступает в монастырь вместо уплаты долга самому монастырю, но одновременно должник рассматривает передаваемую землю в качестве вклада по душе и поэтому предъявляет к «братье» требование о «поминанье».

В данной Акулины Голтяевой Троице-Сергиеву монастырю около 1445 г. на село Тарбеевское, Переяславского уезда, содержится такое условие: «Да велел нам Ондрей (муж вкладчицы) у игумена взять десять рублей да заплатить долг Марье Федорове с тое земли» [2]. В 1425—1428 гг. К. Я. Воронин передает Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину с оговоркой: «А что ми дати Митрофану Трепареву десять рублев, а той долг заплатит Митрофану игумен Никон» [3]. В данной 1474—1478 гг. Анны Кучецкой Троице-Сергиеву монастырю на половину земли Михайловской и Санниковской в Юрьевском уезде указано: «А что был долг на моем муже на Иване полдесята рубля, и тот долг игумен, и братья, и келарь сняли, заплатили» [4].

В грамоте Ивана Сватка троицкому игумену Никону, начала XV в., говорится: «Се яз Иван Сватко, что был виноват своему господину игумену Никону десятью рубли, и яз за ту десять рублев дал свою пустошь Столбцевскую, да Митинскую пустошь, да Ивакинскую, и с лесом, и что к ним потягло. А лучитца ми смерть, и им поминати мою душу» [5]. Около 1417 г. Даниил Павлович передает Спасо-Евфимьеву суздальскому монастырю свое село Ясенье «за долг»[6].

В ряде случаев почти совершенно стирается грань между купчей и данной. В первой половине XV в. Акулина Голтяева, по приказу своего мужа, делает вклад в Троице-Сергиев монастырь, пишет данную грамоту и в ней указывает на то, что муж велел ей получить с монастырских властей за переданную недвижимость определенную сумму денег для погашения долгов: «да велел нам Андрей (муж) у игумена взять десять рублев да заплатить долг Марье Федорове с тое земли»[7]. В 1446—1447 гг. Григорий Федорович Муромцев дал игумену Троице-Сергиева монастыря село Никольское на Воре, в Московском уезде [8]. Через несколько лет на это село была оформлена купчая [9]. Очевидно, вкладчик с самого начала предполагал, что за землю ему будет уплачена определенная сумма.

К 1429—1432 гг. относятся два акта (данная и меновная грамоты) Троице-Сергиева монастыря на одно и то же владение. Сначала вкладчик Есип Савельевич дал монастырю восьмую часть соляной варницы у Соли Галицкой, двор с лужком и починок на р. Костроме. Затем на те же владения оформлена меновная грамота [10]. На села Ягренево, Фролово, Боркино, Икорниково сохранились одновременно два акта 1430—1440-х го-

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 520, л. 55.
[2] Там же, кн. № 513, л. 544 об.
[3] Там же, кн. № 518, л. 545.
[4] Там же, л. 110.
[5] Там же, кн. № 520, л. 55.
[6] Сборник П. Муханова, № 297.
[7] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 527 об.
[8] Там же, л. 481.
[9] Там же, л. 482.
[10] Там же, л. 317—317 об.

дов: купчая Троице-Сергиева монастыря у кн. Д. А. Щепы-Ростовского и его же данная Троице-Сергиеву монастырю [1].

Данные грамоты оставляют иногда за владельцем передаваемой монастырю земли право пожизненного ею владения. В этом случае данная грамота по существу фиксирует условия прекарного держания. Так, в данной Есипа Ивановича Пикина Кирилло-Белозерскому монастырю речь идет о передаче его «поделей» Пепел на р. Сеземе и деревни на Талице. Есип Пикин выговаривает себе право «те Пепелы. . . держать за собою до своего живота», а половина деревни Талицкой остается в держании за его женою Марьей «до ее живота» [2].

Согласно условиям данной кн. Софьи Шуйской суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю она могла «до своего живота» «ведать» половиной пустошей, переданных ею монастырю [3].

Из данных грамот видно, что монастыри (феодалы) стремились к завладению обработанными крестьянскими землями, оформляя присвоение этих земель путем данных грамот. Так, в 1397—1427 гг. Харлам Мортка дал в Кирилло-Белозерский монастырь «свою поженку и свою землицу»,— его «чищу», одновременно передав в монастырь и «докладницю», «почему [он]. . . ту поженку и ту землицу разделал» [4].

Изучая данные грамоты, как источник по истории роста феодального землевладения и перераспределения земельных фондов внутри класса феодалов, следует присмотреться к отдельным составным частям данных грамот, поскольку в них отразились пути и приемы закрепления земель за крупными феодальными корпорациями.

Прежде всего следует остановиться на вопросе об определении границ земельных владений. Уже в грамотах начала XV в. встречаются два способа обозначения границ: 1) глухая формула: «куды топор, и соха, и коса ходила, и что изстарины потягло к той земли»[5]; и 2) отвод (точное указание на границы) [6]. Со второй половины XV в. указание на земельный «отвод» встречается в данных грамотах уже значительно чаще [7]. При этом старая формула «куды топор, и соха, и коса ходила» вступает в сочетание с указанием на «отвод». Так, в данной грамоте Тимофея Прокофьевича Спасо-Ярославскому монастырю 1467—1478 гг. деревни передаются монастырю «с лесы, и с пожнями, и с пошлою землею по отвод, куде топор ходил, куде коса ходила» [8]. В данной 1471—1475 гг. И. А. Кнутова на дер. Ильинскую Кирилло-Белозерскому монастырю говорится о передаче деревни монастырю «с лесы, и с пожнями, куды соха, и серп, и коса, и топор ходил», а затем подробно указываются границы [9]. То же встречаем в данной М. Г. Кутузова Иосифову-Волоколамскому монастырю на дер. Фомичево, последней четверти XV в.: сначала формула «куды ходила соха и топор и коса», затем «отвод» [10].

Количество аналогичных примеров может быть значительно увеличено. Повидимому, та обостренная борьба за земли, рабочие руки и фео-

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 22 об. — 23 об.; ЦГАДА, ГКЭ, № 1105; Д. М. Мейчик Указ. соч., № 8.

[2] Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 89; С. А. Шумаков. Указ. соч., вып. 2, стр. 2, № 6.

[3] ЦГАДА, ф. 1203, св. 1, лл. 360 об. — 361.

[4] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 123, № IX—1; Н. Дебольский. Указ. соч., № LXIX.

[5] Н. Дебольский. Указ. соч., № LXI; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 41.

[6] Н. Дебольский. Указ. соч., № LI.

[7] Там же, № CLXXXV.

[8] Сборник П. Муханова, № 338.

[9] С. А. Шумаков. Указ. соч., вып. 2, стр. 83.

[10] Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 205.

дальную ренту, которая шла среди феодалов в период феодальной войны второй четверти XV в., привела во второй половине XV в. к тому, что в документах, касающихся феодальных земельных владений, старая формула «куды ходила соха и топор и коса» получает новое содержание, сопровождаясь чаще, чем раньше, указанием на земельные границы.

Другая статья данных грамот, изучение которой в развитии представляет интерес, — это статья о передаче в монастыри земель навеки.

Уже в данных грамотах начала XV в. иногда встречается формула о передаче монастырям земли «ввеки»[1]. Монастыри-феодалы рассматривали эту формулу как отказ детей и вообще потомков и родственников вкладчика от притязаний на переданную недвижимость. Поэтому в грамотах первой половины XV в. находим и такие статьи, от имени вкладчика: «А хто ся имет о сей земли бранити, суд ми с ним пред богом»[2]. В данной грамоте кн. Ф. А. Стародубского Троице-Сергиеву монастырю на озера Смехро и Боровое, в Алексинском стану, Стародубского княжества, 1392—1428 гг., читаем: «А хто сю грамоту подвигнет моих детей или моих братаничев, ино ми с ними суд пред богом, а дасть тот святой Троице двесте рублев»[3].

В то же время в грамотах первой половины XV в. имеются и статьи, запрещающие самому монастырю отчуждать земельную собственность, поступившую в качестве вклада: «А того села от монастыря Святыя Троицы игумену Никону или хто по нем иный игумен будет, не дати, ни продати»[4]. Такая формула, только еще более настойчиво, повторяется в многочисленных данных грамотах митрополичьей кафедре. «А господа мои митрополиты киевскии и всеа Русии, Фотей и которые по нем будут, то селцо держат в дому Пречистые Богородици и святого чюдотворца Петра, а не продаст его, ни променит, ни отдасть никому, занеже дал то селцо и деревенку и пустоши на поминок своим родителем и себе и всему своему роду»[5]. Эта статья защищает уже интересы вкладчика.

Во второй половине XV в., в связи с обострившейся борьбой за землю между феодалами, статья о неотчуждении монастырями вкладов получила особое значение, отражая противоречивые интересы вкладчиков и духовных феодалов. В некоторых случаях указанная статья варьируется: вместо полного запрещения отчуждения встречается требование, чтобы дарение не было продано никому, помимо самого вкладчика или его родственников: «А будет им те села продати, и им мимо меня (вкладчика). . . не продати»[6]. В конце данной грамоты Захария Карабузина игумену Пахомию Макариева-Колязина монастыря на исходе XV в. помещено указание: «а игумену Пахомию з братьею тех земель от монастыря ни продати, ни менить, ни отдати, опрично моих братаничев Семиоповых детей, никому»[7].

Право выкупа на данные вотчины, как можно установить по документам, существовало и реально осуществлялось. До нас дошла выкупная грамота последней четверти XV в. Дмитрия Васильевича Шеина-Морозова на свою родовую вотчину — села Лаврентьевское и Ивановское в Пошехонье, данные его матерью Троице-Сергиеву монастырю[8]. Другой случай, когда, наоборот, челобитье родичей о выкупе вотчины

---

[1] Н. Дебольский. Указ. соч., № LXXXI.
[2] Там же, № L; АЮ, № 21; РИБ, т. XXXII, № 3.
[3] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, Стародуб, № 5.
[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 76.
[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 55; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 73, № 5/II.
[6] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 500—502.
[7] ЦГАДА, Копийные книги Колязина монастыря, № 4, гр. № 61.
[8] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 97 об.

не было удовлетворено, зафиксирован на обороте духовной грамоты Василия Матвеева Чегодая. Последний в 1455 г. отказал по духовной грамоте Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину. В третьей четверти XV в. в нее вступились родной брат завещателя Григорий и двоюродный Иван Борисович. Но Иван III решил дело не в пользу родичей, «в те земли вступатися не велел, а велел те земли ведати Троицкому монастырю по сей духовной грамоте» [1].

Монастыри старались обеспечить себя от возможности выкупа вотчин, поступивших к ним в виде вклада. В данной старца Дионисия Ханыкова владимирскому Рождественскому монастырю на дер. Житнухино и сельцо Баграново 1491—1492 гг. встречаем такое условие: «И того села Багранова и деревни Житнухина ис Пречистой ни продати, ни променяти, и роду на выкуп не дати» [2]. Статья, посвященная вопросу о неотчуждении вкладов, отражает реальную борьбу за землю среди феодалов, особенно во второй половине XV в.

Показателем усиления борьбы феодалов за землю именно со второй четверти XV в. (годы феодальной войны) может служить и то обстоятельство, что в данных грамотах второй половины столетия особенное внимание проявляется к документации на земли, передаваемые в качестве вкладов монастырям. В данных грамотах детально указываются способы приобретения передаваемых монастырям земель самими вкладчиками. Примером могут служить данные А. А. Голенина или Я. И. Ракитина Иосифову-Волоколамскому монастырю конца XV — начала XVI в.[3].

При этом в монастыри передаются вместе с вкладами и документы на них. Так, в начале второй половины XV в. дьяк Андрей Ярлык дал Симонову монастырю с. Быльцино с деревнями в Переяславском уезде и вместе с тем передал меновные «и купчии грамоты тех деревень» [4]. В данной И. В. Кулудара Ирежского Троице-Сергиеву монастырю на ряд земель в Углицком уезде читаем: «А дал есмь те земли и с купчими грамотами» [5].

В заключение следует сказать, что иногда на одно и то же земельное владение того или иного монастыря сохранилась не одна данная. Так, сохранились две данных Михаила Власьева Троице-Сергиеву монастырю середины XV в. на с. Никольское и др. В первой грамоте имеется ссылка на приказ отца и матери вкладчика, во второй передаваемые земли расцениваются как личная собственность вкладчика (его «вотчина») [6]. Очевидно, острая борьба за землю между светскими и духовными феодалами, все изгибы которой не вполне раскрываются в сохранившихся документах, и вызвала необходимость этих повторных подтверждений.

§ 2. Духовные

Важным источником по истории феодального землевладения и хозяйства являются духовные грамоты (завещания).

В буржуазной исторической и историко-юридической науке имеется несколько исследований, специально посвященных духовным грамотам.

Большое исследование о духовных принадлежит П. И. Беляеву [7].

---

1 РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 227 об. — 229.

2 Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 124—125, № IX—5.

3 ЦГАДА, ГКЭ, № 10344—10349.

4 Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 106; ЦГАДА, ГКЭ, № 8738.

5 ЦГАДА, ГКЭ, № 12841; С. А. Шумаков. Угличские акты, стр. 71—72, № XXXIV.

6 РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 119, кн. № 531, розн, № 8; ЦГАДА, ГКЭ, № 3722; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 118.

7 П. И. Беляев. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания, М., 1897.

Автор рассмотрел довольно значительное количество духовных грамот до конца XVII в. и систематизировал в них материал по формальным рубрикам, выработанным буржуазным правоведением: наследователь, наследники, предметы завещания и юридическое отношение к ним завещателя, завещательное распоряжение и его виды. Беляев не подвергает анализу духовные грамоты как источники для изучения социально-экономических явлений, а ставит перед собой задачу лишь дать «юридическую конструкцию изучаемых правоотношений»[1]. Аналогичный характер носит и работа Руднева «О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в их историческом развитии» (Киев, 1895).

В вышедшей в советское время монографии С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение Северовосточной Руси» специальная глава посвящена «Основным чертам древнего наследственного права». В качестве источника автор использует в этой главе, наряду с Русской Правдой, судебниками, указами XVI в., и духовные грамоты. Выводы, к которым С. Б. Веселовский приходит в результате изучения русского наследственного права, связаны с его общими, глубоко ошибочными представлениями о том, что равный раздел вотчин между наследниками и надел приданым сестер вели к разрушению феодального землевладения и «разложению» феодальной системы[2].

Правильный подход к изучению духовных грамот как исторических источников указывают работы классиков марксизма-ленинизма, посвященные вопросу о сущности наследственного права в классовом обществе.

Рассматривая право наследования, Маркс указывал, что оно «имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту власть, которой покойный обладал *при жизни*, а именно *власть* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*. Например, земля дает землевладельцу при жизни власть под титулом ренты присваивать без всякой компенсации плоды чужого труда». Наследование, по словам Маркса, не создает возможности «перекладывать плоды труда одного человека в карман другого — оно касается лишь смены лиц, обладающих этой возможностью. Как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются *не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества*, которая основана на частной собственности на средства производства. . .»[3] Используя эти замечания Маркса для характеристики духовных грамот XIV—XV вв., можно сказать, что они представляют собой документы, фиксирующие передачу по наследству прав на средства производства и эксплоатацию чужого труда в форме феодальной ренты.

В другом месте Маркс и Энгельс подвергают критике буржуазные представления, выводящие наследственное право «не из необходимости накопления и существующей до всякого права семьи, а из *юридической фикции* о посмертном *продлении власти*»[4]. Показывая, что правовые нормы надо рассматривать лишь как необходимый результат «обособления реальных отношений, выражением которых они являются», Маркс и Энгельс подчеркивают, что наследственное право «яснее всего показывает зависимость права от производственных отношений»[5].

---

[1] Там же, стр. 1.

[2] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, т. I, стр. 54—55.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 336.

[4] Там же, т. IV, стр. 347.

[5] Там же, стр. 348, 347.

Исключительно ценные указания по вопросам наследственного права дает В. И. Ленин. Он говорит, что «институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке». «И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен» [1].

Духовные грамоты XIV—XV вв. дают материал для характеристики системы производственных отношений, основанных на владении частной феодальной собственностью, для истории феодального вотчинного землевладения, хозяйства, положения феодально-зависимого сельского населения и т. д.

Некоторые духовные, особенно более раннего времени, очень незначительны по своему объему и лаконичны по содержанию. Они мало чем отличаются от данных. Такова, например, духовная Василия Яковлевича Плясца Воронина первой четверти XV в., которая содержит несколько весьма коротких распоряжений: «Во имя отца и сына и святаго духа, се яз раб божий, Василей Яковлев сын Воронин, пишу грамоту духовную, кому ми что дати. Дать Олексеевым детем Федоровича тритцать рублев, а в том серебре записано мое село Бухановское да полозера, и яз село свое даю монастырю Сергиеву святой Троице игумену Никону з братьею, а тот долг заплатит Олексеевым детем игумен Никон» [2]. Или другой пример: «Во имя отца и сына и святаго духа, се яз, раб божий Ондрей Тураев, пишу грамоту душевную при своем животе, своим целым умом. Дал есми святой Троице и святым мучеником Борису и Глебу и игумену Макарью и его братьи свою пустошь Василискову. А велел есми пети по себе сорокоуст» [3]. Духовные подобного характера приближаются к данным. Вообще же говоря, духовные — наиболее распространенные по объему и наполненные реальным содержанием источники актового типа.

Многие духовные принадлежат крупным представителям боярства, принимавшим видное участие в политической жизни страны, и, давая материал для характеристики их экономического положения и быта, расширяют наши представления об организации класса землевладельцев периода феодальной раздробленности. Так, к 1433 г. относится духовная грамота Василия Васильевича Галицкого [4], внука князя Дмитрия Ивановича, князя галицкого, лишенного в 1362 г. Дмитрием Ивановичем московским Галицкого удела. Галицкие были связаны с удельными князьями Юрием Дмитриевичем и его сыновьями и участвовали в феодальной войне второй четверти XV в. Брат Василия, Борис, в 1425 г. был послан Юрием Дмитриевичем к Василию II для переговоров [5]. Другой брат, Федор Васильевич, был в 1446 г. наместником Дмитрия Шемяки в Москве и бежал после того, как в нее вошли войска под предводительством воеводы Василия II — М. Б. Плещеева [6]. Умирая без сыновей, Василий Галицкий завещал часть своих сел жене и дочерям, часть — братьям, а часть велел дать «по душе»; своих «людей» он отпустил на свободу.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 136.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 520, лл. 59 об. — 60.
[3] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. 1, № 2.
[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 521, лл. 61—64.
[5] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 168.
[6] Там же, т. XII, стр. 72.

К 1482 г. относится духовная «инока» Ионы (Ивана Михайловича Плещеева)[1], сына боярина Василия Темного — Михаила Борисовича Плещеева, стоявшего во главе великокняжеских войск, действовавших против Дмитрия Шемяки, когда тот занял Москву. Иван Михайлович, постригшись в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, одно свое село завещал монастырю без права отчуждения, другое — своей матери.

В 1497 г. была оформлена духовная Василия Борисовича Тучка-Морозова[2], боярина, близкого к Ивану III, в 1478 г. приводившего по великокняжескому поручению к присяге новгородцев[3], в 1479 г., во время мятежа, поднятого удельными князьями Андреем и Борисом Васильевичами, посланного к ним Иваном III для переговоров, в 1480 г., во время нашествия Ахмата, провожавшего на Белоозеро Софью Витовтовну[4]. В 1484 г. Тучко-Морозов подвергся опале[5]. Но из его духовной мы узнаем, что конфискованные вначале вотчины Морозова были ему затем возвращены Иваном III, и он их завещал своему сыну: «А что мои села, которые господарь мой князь велики пожаловал меня, смиловался, отдал мне Дебола, да Новое, да Варосы, и яз теми селы и с деревнями благословил, дал сыну своему Михаилу со всем, как те села и деревни были за мною, и з серебром, и з хлебом з земным и стоячим, и з животиною».

Одновременно с В. Б. Тучком-Морозовым подвергся великокняжеской опале и Иван Иванович Салтык Травин, потомок князей Фоминских[6]. Духовная была им написана в 1483 г., когда Салтык Травин был послан вместе с князем Ф. С. Семеновым воеводой на вогуличей[7]. Затем, по возвращении из похода «двор» И. И. Салтыка Травина был распущен, а его послужильцы испомещены в Новгороде. Ввиду опалы его духовная не получила утверждения.

Давно известна по изданию «Собрания государственных грамот и договоров» духовная князя Ивана Юрьевича Патрикеева, подвергшегося опале в связи с династической борьбой при Иване III в 90-х годах XV в.[8]

Списки с духовных грамот имеются почти во всех церковных и монастырских копийных книгах.

Так, Троицкий архив сохранил нам духовные XV в.: Патрикия Строева[9], Марии Петелиной[10], вдовы Дмитрия Ивановича Кушелева, инокини Евфросинии[11], Василия Матвеева[12], Иева Прокофьева[13], Григория Львова[14], Вассиана Уварова[15], Марии Копниной[16].

В копийных книгах митрополичьей кафедры имеется духовная Ивана Перепечи Мартьянова сына Посульщикова, вотчинника Суздальского

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 520, лл. 227 об. — 231.
[2] Там же, кн. № 533, лл. 693 об. — 696 об.
[3] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 259 и 264.
[4] ПСРЛ, т. XX, стр. 337 и 339.
[5] Там же, т. XXIII, стр. 132.
[6] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 533, лл. 430 об. — 432; АЮ, № 473.
[7] ПСРЛ, т. XII, стр. 215.
[8] Материалы для приведенных выше биографий отдельных представителей русского боярства имеются в комментариях С. Б. Веселовского к подготовленному им изданию актов Троице-Сергиева монастыря.
[9] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 533, лл. 143 об. — 144.
[10] Там же, кн. № 518, лл. 563 об. — 564.
[11] Там же, кн. № 521, лл. 32 об. — 35; ЦГАДА, ГКЭ, по дополнительной описи Гоздавы-Голомбиевского № 6.
[12] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 227 об. — 229.
[13] Там же, кн. № 530, л. 174.
[14] Там же, кн. 533, лл. 132 об. — 133 об.; ЦГАДА, ГКЭ, № 1154.
[15] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, л. 128 об.
[16] ЦГАДА, ГКЭ, № 8751.

уезда [1]; в копийной книге Симонова монастыря — духовная Ивана Андреевича Рудного [2] и др.

Духовные грамоты так же, как и данные, являются источником для изучения вопроса о борьбе за землю среди феодалов. Духовными грамотами завещатель стремится закрепить за своими наследниками право на владение средствами производства и на эксплоатацию чужого труда. По духовным грамотам завещатель производит раздел имущества между своими сыновьями-наследниками. Так, в 1470 г. Иев Прокофьев передает свои владения четырем сыновьям. Деревню Софроновскую получили его сыновья: Тимофей, Яков и Иван, с условием «поделиться ровно промежу себя», деревню Харитоновскую — сын Андрей. В духовную было включено условие: «а будет сыну моему которому не до земли, и ему мимо своего брата не продати, ни променити никому» [3]. Таким образом, в духовной видно стремление помешать переходу феодальной земельной собственности к другим владельцам.

В то же время духовные грамоты (особенно второй половины XV в.) свидетельствуют о быстрой мобилизации феодальных земельных владений. Конкурентами светских феодалов в борьбе за землю выступали церковные землевладельцы. Монастыри поглощали вотчины тех светских феодалов, которые разорялись, не будучи в состоянии приспособить свое хозяйство к новым экономическим условиям (рост общественного разделения труда, развитие товарно-денежных отношений и т. д.).

Ряд духовных грамот свидетельствует о задолженности боярства XV в. Так, в духовной Василия Борисовича Морозова 1497 г. читаем: «А что мой долг в сей духовной грамоте писан, и сын мой Михайло ис тех сел что серебра на людех вымет да испродаст хлеб, да приказчиком моим те денги отдаст, и приказчики мои теми денгами тот долг мой заплатят, кому ми что дати» [4]. Из духовной грамоты Насона Захарьина Ильина XV в. явствует, что значительная часть его земель была заложена. Обращаясь к своим детям, завещатель пишет: «А будет моим детем до земли, и оне те земли выкупят» [5].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 187—189 об.

[2] РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря, № 58, гл. 4.

[3] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, л. 174. — Дополнением к духовным служат деловые грамоты, которые фиксируют акты раздела отцовского имущества наследниками. Так, к концу XV в. относится деловая полюбовная грамота Константина, Дмитрия. Федора и Данилы Семеновичей Сабуровых на вотчину их отца в станах Плесском и Шухомаше, Костромского уезда, села Якольское Большое, Остафьевское Воронино и Колышинское. Раздел произведен равный. Каждый из братьев получил по селу с деревнями. Часть деревень была выделена на уплату отцовского долга и раздачу «по душе по церквам». Село Тарханово было передано братьями Сабуровыми своей мачехе «до ее живота», а «после ее живота» должно было поступить на раздел «по жеребьем». В раздел «по жеребьем», согласно условиям деловой грамоты, должна была поступить и вотчина того из братьев, который умрет бездетным (ЦГАДА, ГКЭ, № 4977—4978; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 20, стр. 117—19; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 50—52; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 50). В начале XVI в. составили деловую грамоту Федор Семенович, Юрий Константинович, Семен и Никифор Дмитриевичи Пешковы Сабуровы на вотчину своего отца («жеребей» мачехи) в Костромском уезде. Раздел сел и деревень произведен ровный: «А што ис тех сел и деревень пахали, куды плуг, топор, коса ходила истарины, ино те пашни и покосы так и есть тем селом и деревням», — читаем в деловой грамоте. Лес, находящийся «промежу пожень», подлежит разделу, «а чия пожня не пришла к лесу, ино тому и дела нет до леса». Особенно интересно указание деловой в отношении крестьян, которые должны «тягло тянуть и подать давать великого князя по старине по третем» (ЦГАДА, ГКЭ, № 4975; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 19; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 152; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 52).

[4] РОБИЛ, АТСЛ, № 234.

[5] РОИМ. собр. Уварова, карт. 41/13 (646), № 10 — Описание актов собрания Уварова, № 7.

В силу создавшихся экономических условий светские феодалы были вынуждены отчуждать свои земельные владения в другие руки. В 1483 г. Иван Иванович Салтык сделал в своей духовной распоряжение о передаче одного из своих сел Троице-Сергиеву монастырю, а другого села — своему брату, причем за оба села новые владельцы должны были уплатить соответствующие денежные суммы его жене. Таким образом, по существу речь шла о продаже владений. В названной духовной И. И. Салтыка читаем: «А село Спаское и з деревнями к Троице, а приказщики мои возмут с того села и з деревень у троитцких старцов у сергиевских шестьдесят рублев, как писано в духовной отцаево, да то серебро дадут жене моей. . . А што мое село на Москве Шерепово, и то село приказщики мои чем обложат, и брат мой Михайло Шарап серебро даст, а приказщики мои тем серебром долг мой отплатят, а село Шерепово Михаилу и с деревнями» [1].

Духовными грамотами устанавливались очень разнобразные социально-экономические отношения между завещателями феодалами и церковными феодальными корпорациями и в результате этих отношений происходило перераспределение земельных фондов. Согласно распоряжениям, содержавшимся в ряде духовных, завещатели или их семьи переходили на положение пожизненных держателей собственных земельных участков, которые после их смерти передавались монастырям. В духовной Васьяна Уварова 1475 г. читаем: «Да дал есмь в дом Живоначальные троицы в Сергиев монастырь свою вотчину землю Уваровскую всю, что к ней потягло истарины. А сына своего Юрия приказал есми в Сергиев монастырь келарю Саве. А будет моему сыну Юрию до земли, и он дасть с тое земли Уваровские шесть рублев игумену и старцем Сергиева монастыря, а оне ему ту землю отдадут. А будет моему сыну Юрью не до земли, и моему сыну мимо Сергиев монастырь не дати, ни продати, ни в закуп не дати никому земли. А умрет мой сын Юрьи, и та земля Уваровская в дом Живоначальной Троице в Сергиев монастырь по мне, и по моем сыне, и по всем по моем роду впрок» [2]. Следовательно, согласно завещательному распоряжению Уварова, собственником его земли становится Троице-Сергиев монастырь, а сын завещателя Юрий переходит на положение его пожизненного держателя, лишенного права отчуждения данной вотчины.

С аналогичным случаем встречаемся в духовной 1475 г. Марии Копниной, которая передала свою вотчину в Троице-Сергиев монастырь, выговорив себе право «жити до своего живота» в переданном по завещанию селе [3].

По духовным завещаниям к монастырям переходило большое количество владений светских феодалов; из этих владений часть поступала в непосредственное хозяйственное распоряжение монастырских властей, а часть оставалась в своего рода прекарном держании прежних владельцев. Обычная формула «мимо монастыря ни продати, ни менити никому» служила юридической гарантией для церковного феодала от возможности потери этих держаний. Так, в 1454 г. «инока» Ефросинья, передавая половину своего села Жолтикова в Троице-Сергиев монастырь, одновременно завещала селище Дериліговское попу Василию с условием не отчуждать его никому, помимо монастыря: «А будет попу Василию не до селища, ино ему мимо монастырь вотчичам того селища не продати никому» [4].

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 3724; АЮ, стр. 440, № 413.

[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 536, л. 128 об.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 8751; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 358.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, по описи Гоздаво-Голомбиевского — № 6; С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, стр. 32—33.

Формула о неотчуждении служила для феодалов очень гибким орудием в борьбе за землю. В зависимости от реального отношения сил она могла отвечать интересам разных сторон, принимавших участие в оформлении земельных актов. Так, Иона Михайлович Плещеев завещал в 1482 г. по духовной часть своих владений своей матери с тем, чтобы после своей смерти она передала их в Троице-Сергиев монастырь, а часть земель отдал сам непосредственно Троице-Сергиеву монастырю, с условием также не отчуждать их никому, кроме его матери. «И будет монастырю не до сел, старцам тех сел и деревень тех сел мимо матери моей не продать, ни променити, ни отдать никому. А будет матери моей не до сел, ино мимо братьи моей не продать, ни променить, ни отдать никому» [1].

На основе духовных возникал целый ряд земельных споров. В 1455 г. Василий Матвеев передал по духовной свою вотчину двум своим сыновьям Григорию и Василью, сделав в то же время распоряжение о том, что после смерти Василья его владения должны поступить в Троице-Сергиев монастырь: «А где ся де живет сын мой Василей, ино те села к Троице в Сергиев монастырь». Василий выполнил этот пункт духовной своего отца и передал завещанную ему часть земель в Троице-Сергиев монастырь. Это вызвало протест со стороны его брата Григорья с детьми и двоюродного брата Ивана Борисова, которые начали судебное дело. По суду Ивана III спорные земли были присуждены монастырю [2].

Помимо условий, касающихся земельных владений, духовные грамоты содержат ряд распоряжений, относящихся к феодально-зависимому населению завещателя, причем, главным образом, не к крестьянам, а к холопам. Духовные грамоты XIV—XV вв. дают материал для характеристики полного холопства.

В духовной Андрея Федоровича Голенина XV в. перечисляются до 70 семей полных холопов, которые передаются по наследству его детям и жене. Кроме того, часть своих «полных людей» Голенин отпустил на свободу. Среди холопов некоторая часть принадлежит к военным слугам: «А которых есми людей своих отпустил на свободу, ино у них мои пансыри и шеломы, и жена моя те пансыри и шеломы поемлет». Часть холопов занята в домашнем хозяйстве владельца (сокольник, повар). Некоторые посажены на землю. Холоп Андрей Михайлов передается «с его селцом и с его деревнями» [3]. Холоп Куземка является посельским.

О холопах, посаженных на землю, речь идет в духовной Семена Некраса (не позднее 1476 г.): «А что мои люди полные холопи и робы, а те все по моем животе на свободу, земля им на четыре части» [4]. Духовная Марии Копниной говорит о «людях слугах и страдниках» [5]. В духовной Ивана Ивановича Салтыка упоминаются «люди старинные» [6].

Несмотря на то, что в XV в. полное холопство, как форма феодальной зависимости, уже постепенно изживало себя, материал духовных показывает, что холопы все же еще занимали значительное место в дворовом хозяйстве феодалов. Холопы являлись предметом купли-продажи. Так, в духовной Семена Некраса второй половины XV в. читаем: «А что есми купил Паньку Емельянкова сына Втесникова з женою Федоскою да з дочерью Киликеею у Дмитрия у Кадмова, а те есми люди отпустил на слободу, не надобе те люди моим братаничам, ни племянником» [7]. Иона

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, по Москве, № 15.
[2] Там же, кн. № 518, лл. 227 об. — 229.
[3] РОИМ, Патриаршее собр., № 1581.
[4] РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/16(644).
[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 8751; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 308.
[6] ЦГАДА, ГКЭ, № 3724.
[7] РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/16(644).

Плещеев говорит также о купленных им холопах, причем велит своим приказчикам, взяв с них затраченные на их покупку деньги, отпустить их на свободу [1].

В духовных нашла отражение пассивная форма классовой борьбы холопов с феодалами — побеги. В духовной Насона Захарьина Ильина упоминаются «холопи полные и робы», среди них три семьи беглых. В отношении последних в духовной содержится такое распоряжение: «а те холопи и робы моим детем, где их ни залезут» [2]. Точно так же А. Ф. Голенин пишет в своей духовной (не позднее 1482 г.): «А которые холопи мои бегают, и жена моя и дети мои ищут собча, да теми ся людьми делят» [3]. В духовной Иева Прокофьева 1470 г. последний делает распоряжение: «А что мои люди от меня бегают. . . , и те есми люди дал своим детем, — ищут их себе» [4]. В духовной Ионы Плещеева 1482 г. говорится о беглом холопе дьяке Федорце. Завещатель пишет: «А что мой холоп Федорец дьяк бегает, и мои приказщики возмут на нем два рубли, а его отпустят на свободу» [5].

Наряду с полными холопами, духовные грамоты говорят о временных формах феодальной зависимости. В 1455 г. Василий Матвеев передал своим сыновьям ряд людей, из которых иные должны были «послужить» пять лет, а затем пойти на свободу [6]. Васьян Уваров в 1475 г. отпустил на свободу по духовной ряд своих «людей» с условием «отслужить» по году его детям [7]. В духовной Андрея Федоровича Голенина содержится распоряжение относительно кабальных людей: «взмогут с себя дати жене моей Марии. . . по кабалам, и они пойдут на свободу» [8]. Симоновский старец Андриян Ярлык перечисляет «серебро кабальное на людех» [9]. В той же духовной упоминается «в селцех и в деревнях на людех. . . серебро делное и ростовое».

Различные формы кабальной зависимости получают особое развитие со второй половины XV в.

В целом духовные грамоты являются важным источником по истории социально-экономических отношений.

§ 3. Купчие и меновные

Источником для изучения истории борьбы феодалов за землю в Северо-восточной Руси XIV—XV вв. являются также купчие и меновные грамоты. Оформляя акты купли-продажи и обмена земель, эти грамоты дают возможность (так же, как и данные) проследить пути роста крупной феодальной земельной собственности.

В буржуазной историко-юридической литературе вопросу о купчих посвящено исследование К. Киндякова [10]. Автор подверг анализу 65 купчих грамот XIV—XVI вв., напечатанных в «Актах юридических». Его работа распадается на пять небольших разделов. В первом он останавливается на месте и времени возникновения изучаемых ку́пчих, на вопросе

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, по Москве, № 15.
[2] РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/13(646), № 10; Описание актов Уварова, № 7.
[3] РОИМ, Патриаршее собр., № 1581.
[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, № 174.
[5] Там же, кн. № 536, л. 53.
[6] Там же, кн. № 518, лл. 227 об. — 229.
[7] Там же, кн. № 530, по Москве, № 134.
[8] РОИМ, Патриаршее собр., № 1581.
[9] РОБИЛ, АТСЛ, № 1006 в.; АЮБ, т. I, № 85.
[10] К. Киндяков. Опыт ученой разработки купчих грамот, помещенных в Актах юридических, «Юридический сборник», изд. Д. Мейером, Казань, 1855, стр. 409—448.

об их сохранности, на названиях актов, оформляющих куплю-продажу. Второй раздел посвящен материалу и внешнему виду ку́пчих. В третьем разделе разбираются основные статьи, встречающиеся в купчих. В четвертом ставится вопрос о характере «договора купли-продажи», в пятом — о «значении купчих грамот для истории русского права». Автор проделал большую работу по систематизации материала, содержащегося в купчих, но его исследование носит чисто формальный характер. Определяя акт купли-продажи как «договор, вследствие коего должна произойти перемена субъектов права собственности на проданное имущество» [1] автор не раскрывает характера тех социальных отношений, которые скрываются за этим «договором». Та борьба за землю, которая шла в феодальном обществе и которую в какой-то мере отразили сухие и лаконичные формулы купчих грамот, в исследовании Киндякова расценивается лишь как «изъявление контрагентами согласия на вступление в договор „купли-продажи“» [2].

Довольно много места уделил купчим Д. М. Мейчик в своем обзоре актов XIV—XV вв. Он остановился на вопросе о классификации ку́пчих, подразделив их на разновидности по «способу совершения» и «по предметам». По первому признаку он различает купчие «домашние», «подписные» и «докладные». Отличие «подписных» ку́пчих от «домашних» заключается, по Мейчику, в том, что на обороте первых «имеется свидетельство правительственной власти о действительности акта». Среди «докладных» ку́пчих Мейчик различает, с одной стороны, купчие, доложенные правительственным лицам, с другой стороны, — совершенные с согласия «частных лиц, имеющих на отчуждаемое имущество какие-либо особые права» [3].

«По предметам купли» Мейчик различает купчие в собственном смысле слова или купчие вотчинные от посильных или отступных. Посилье, — указывает Мейчик, — «знаменует собой тяглый жеребей, от величины коего зависит размер лежащих на нем податей и повинностей». Передача «подобных имуществ из рук в руки» и совершалась посредством посильных и отступных [4].

Кроме классификации ку́пчих, Мейчик остановился на их составных частях и на специальном вопросе о праве родового выкупа проданного имущества [5].

Изучение купчих и меновных грамот в качестве источника по истории феодальных отношений XIV—XV вв. — задача советской исторической науки. Буржуазные историки-юристы, рассматривая купчие и другие грамоты, оформлявшие право частной собственности на землю, как акты свободных индивидуальных договорных отношений, объективно стремились к увековечению рабства буржуазного общества. Маркс и Энгельс резко критиковали «общие понятия» буржуазного права, критиковали политиков и юристов, «которых разделение труда толкает к культу этих понятий и которые видят в них, а не в производственных отношениях, истинную основу всех реальных отношений собственности» [6]. «Практическое применение человеческого права на свободу есть право человека

---

[1] К. Киндяков. Указ. соч., стр. 428.
[2] Там же, стр. 427.
[3] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 71.
[4] Там же, стр. 72—73.
[5] О «посильных» или отступных XVI в. имеется специальное исследование А. И. Андреева «Отступные грамоты (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.)», Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому, Пгр., 1916, стр. 131—187.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 348.

на *частную собственность»*, — говорит Маркс в другом месте [1], имея опять-таки в виду отношения буржуазного общества.

При изучении купчих и меновных грамот XIV—XV вв., так же, как и вообще документации, касающейся феодальной частной земельной собственности, необходимо рассматривать эти акты как памятники борьбы феодалов за землю и за право эксплоатации крестьянского труда.

Различать купчие «домашние», «подписные» и «докладные» важно не в формальном плане наличия или отсутствия «свидетельства правительственной власти о действительности акта» и не в плане признания за государством значения силы, стоящей над обществом и регулирующей отношения гражданского права. Изучение подписных и докладных ку́пчих важно с точки зрения выяснения роли государственного аппарата в оформлении правовых отношений, выражающих интересы господствующего класса. «. . . Не государство, — говорят Маркс и Энгельс, — существует благодаря господствующей воле, а, наоборот, возникающее из материального образа жизни индивидов государство имеет также и форму господствующей воли. Если последняя теряет свое господство, то это означает, что изменилась не только воля, но также материальное бытие и жизнь индивидов и лишь поэтому изменяется и их воля» [2].

В обычный формуляр купчих грамот входят следующие статьи: 1) имена покупателя и продавца; 2) объект купли-продажи, причем иногда имеются также указания на способ приобретения отчуждаемой недвижимости самим продавцом: является ли она его «отчиною» (перешла к нему по наследству), или он, в свою очередь, купил ее («купля»); 3) обозначение границ («отвод») или общая формула: «куде ходила соха и топор и коса»; 4) указание на сумму, заплаченную покупателем продавцу. В удостоверительной части находим имена послухов и писца, иногда лиц, присутствовавших на «отводе». Образчик такого формуляра дает, например, купчая келаря Троице-Сергиева монастыря Саввы начала XV в. на деревню Назарьеву в Кинельском стану, Переяславского уезда: «Монастыря святыя Троиця игумена Никона се яз, Сава келарь, купил есми деревню Назарьевскую у Григорья у Микитина, его отчину, и с его прикупом Скрипицином, куде его топор ходил, куде его коса ходила. А дал есмь на ней семь рублев, а пополнка вол. А отвод земли от Радонежа по Торгошу, а от Шишкова по дорогу, а от Бункова по грани. А на то послуси. . . А грамоту писал Варлам чернец» [3].

Иногда в купчей находим указание на обязательство продавца «отвести» продаваемую землю, а отводная грамота составляется дополнительно к купчей. «А отвести мне, Фоме, землю игумену Никону на Петрово заговейно» — читаем в купчей игумена Троице-Сергиева монастыря Никона начала XV в. на треть села Нефедьевского в волости Воре, Московского уезда, приобретенную у Фомы Паюсова [4]. В купчей грамоте Федора Ивановича Пильема Сабурова на село Сабурово, в Коломенском уезде, читаем: «А мне, Федору Ивановичю, возъехать на ту землю, да кого мне даст Ондрей Дмитреевич [с] своей стороны, и мне, Федору Ивановичю, с тем учинити цена тому селу, чего будет то село достойно, будет цена тому селу боле того, и мне, Федору Ивановичю, Ондрею Дмитреевичю серебра додати на том селе; и учинят цену селу менши того, и мне Федору Ивановичю, у Ондрея серебра доняти» [5].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 386.
[2] Там же, т. IV, стр. 312.
[3] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 526 об.
[4] Там же, л. 487.
[5] Там же, кн. № 530, л. 1413.

В формуляр распространенного типа включается статья, обязывающая продавца «очищать» отчуждаемую недвижимость от всяких исков и долговых обязательств, а также сакральная формула о том, что продавец будет судиться перед богом со всеми, кто попытается отнять землю у покупателя. «А хто на ту землю наступит, ине земля очищать прикащику, а мне с тим, хто наступит на ту землю, судити пред богом на страшном суде» [1].

В ряде купчих грамот, так же, как и в данных, находим статью, запрещающую монастырским властям отчуждать поступившую в качестве вклада землю. «А того села от монастыря святыя Троицы игумену Никону, или хто по нем иной игумен будет, не дати, ни продати» [2].

В купчие включается иногда статья о продаже недвижимости «впрок без выкупа», так как существовало право выкупа вотчин родичами.

Обычный формуляр меновных грамот складывается из следующих статей: 1) имена участников обмена; 2) указание на обмениваемые владения и на условия обмена; 3) указание на земельные границы; 4) имена послухов и писца. Например: «Доложа великого князя Михаила Борисовича, се яз игумен Макарей колязинский с братьею меняли есмя землями с Минтюком Олексеевым Сильянцова. Променили есмя ему землю монастырскую Лучкино, а придали есми ему полтора рубли. А выменили есмя у него землю Собакино. А отвод той земли: куды ходила соха и коса и топор. А у докладу был у великого князя боярин Иван Борисович. А у подлинной печать» [3].

При рассмотрении отдельных статей купчих и меновных грамот в их эволюции, мы можем, наблюдая за изменениями в этих статьях, сделать некоторые выводы, относящиеся к истории феодального землевладения в Северовосточной Руси. В связи с обострившейся борьбой за землю во второй половине XV в. (особенно в конце столетия) значительно чаще, чем в первой половине века, при описании границ земельных владений старая общая формула «куды ис того села и ис тех деревень топор ходил и соха ходила» [4] заменяется указанием на «отвод» [5] с подробным перечислением границ.

Уже в грамотах первой половины XV в. встречается указание на то, что земля выменивается или продается «ввеки» [6]. В конце столетия статьи о приобретении земли «впрок без выкупа» находим в целом ряде монастырских купчих грамот [7].

Все это является показателем обострения борьбы за землю в лагере феодалов. Об этой борьбе сохранился ряд данных в правых грамотах и других судебных актах, в которых в качестве документальных доказательств земельных прав фигурируют купчие и меновные грамоты.

В начале XV в. келарь Троице-Сергиева монастыря Савва купил у Григория Никитина его вотчину, деревню Назарьевскую, в Переяславском уезде. Текст купчей был цитирован выше, в качестве образчика актов этого вида. В начале 60-х годов XV в. Кузьма Назаров пытался

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, № 1109.

[2] Там же, кн. № 518, л. 76.

[3] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. 3/IV, № 29.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 3719; ф. Колязина монастыря, кн. I, № 4, 9, 15, кн. IV, № 12, 22, 29 и др.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 2397, 10348, 11350, 13/233 по описи Гоздаво-Голомбиевского и др.

[6] Н. Дебольский. Указ. соч., № X.

[7] РОБИЛ, собр. Беляева, № 34; Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, М., 1881, № 34; ЦГАДА, ГКЭ, № 2397, 10347, 10350, 10352 и др.

выкупить родовую вотчину, но его иск был отклонен, так как со времени продажи прошло более 50 лет [1].

«Чернец» Троице-Сергиева монастыря Антоний в XV в. купил у Матвея Гаврилова сына пустошь Мелничище. В начале XVI в. относительно этой пустоши было поднято дело детьми продавца, которые, однако, проиграли иск, так как не могли припомнить, «отец их ту пустошь продал ли Троицкому монастырю и сию грамоту дал ли, а старец Варлам сказал, что тому уже 30 лет, как ту пустошь купили и пашут ее» [2].

Во второй половине 80-х годов XV в. разбиралось дело по жалобе Матвея и Бекета Григорьевых Вельяминовых на их брата Семена и на Семена Кузмина. «Тот, господине, Сеня продал нашу отчину и свою, земли Демино да пустошь Елагинскую, — жаловались истцы, — а нам, господине, не известил. А тот, господине, Семен Кузьмин купил у него те земли, а нам же не взвестил». Семен Кузьмин показал на суде, что он купил вотчину 30 лет тому назад, «а его (Семена Вельяминова) братье Матвею и Бекету было то ведомо, а жил, господине, тот Сеня с ними в одном месте». Продавец подтвердил это показание. На вопрос великого князя, заданный истцам: «Сколь давно брат ваш Сеня те земли продал, далече ли те земли от вас?» — они ответили, что продажа произошла более 25 лет, «а земли, господине, наши в одном месте». Последовал следующий вопрос: «О чем же вы о тех землях молчали до сех мест?». Истцы так объяснили свое молчание: «Молчали есми, господине, ненадобны были нам». На основании этих показаний иск не был удовлетворен [3].

Во второй половине XV в. Федор и Иван Афанасьевы били челом Ивану III о разрешении выкупить их родовую вотчину, проданную их дядей Василием Афанасьевым Троице-Сергиеву монастырю. Разрешение было получено. В грамоте Ивана III читаем: «. . . И яз вас пожаловал, велел есмь вам ту землю, свою отчину, у монастыря выкупить. А будет вам не до земли, и вам тое земли Офонасьевские мимо монастырь Сергиев, мимо игумена и его братьи не продати, ни менити, ни в закуп не дати, ни в холопи ся вам с тою землею не дати» [4].

К 1474—1475 гг. относится купчая Троице-Сергиева монастыря на ряд пустошей в Переяславском уезде, купленных монастырскими властями у Матвея Гаврилова Уполовникова. Его сыновья Афанасий и Степан начали по поводу этих пустошей тяжбу с монастырем, но проиграли ее. В подписи на купчей имеется решение о присуждении пустошей монастырю, «потому, что они (Уполовниковы) сказали, не ведают того, отец ли их ту пустошь продал ли Троицкому монастырю и сию грамоту дал ли, а старец (Троицкого монастыря) Варлам сказал, что тому уже тридцать лет, как ту пустошь купили и пашут ее, а Афонка и Степанко тоже сказали, что и не помнят того, как ту пустошь пашут к монастырю» [5]. Тогда же монастырь принял меры по удержанию подлежавшей выкупу земли и скупил оставшиеся вне монастыря части Афанасьевской земли [6].

В купчие, оформлявшие акты перехода владений от одного светского землевладельца к другому, вносятся специальные условия, гарантирующие продавцу право выкупа и тем самым предотвращающие возможность перехода данного владения в собственность церковных феодальных

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 526 об.
[2] Там же, лл. 531 и 531 об.
[3] Там же, № 1007; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение..., стр. 31.
[4] Там же, кн. № 518, л. 566.
[5] Там же, л. 548 об.
[6] Там же, л. 586 об.

корпораций. В купчей 1474—1484 гг. Ф. И. Пильема на с. Ивашково в Ростовском уезде, купленное у его дядьев Василия и Семена Федоровичей, читаем: «А будет мне, Федору не в тех земель, ни до села, ни до деревень, и мне, Федору, тех земель мимо своих дядь, приказщиков, Василия Федоровича да Семена Федоровича, ни продати, ни променити, ни в закуп не дати никому. А взяти мне, Федору, на тех землях у своих дядь у Василия, да у Семена та же цена, што есми сам дал на тех землях» [1].

Анализ купчих и меновных второй половины XV в. показывает, что духовные крупные феодалы стремились обеспечить себя от возможности возбуждения иска со стороны прежних владельцев земли. Так, от конца XV в. — начала XVI в. сохранилась специальная «отпись» Ивана Гаврилова Маринина о том, что ему и его детям «нет дела» до земель, проданных Иосифову-Волоколамскому монастырю [2]. В меновной грамоте середины XV в. Васюка Васильева сына Голенищева с игуменом Троицкого-Колязина монастыря Макарием содержится условие о том, что Голенищев не имеет права никому передать вымененный участок помимо монастыря: «А будь Васюку не до земли, ино ему мимо игумена Макарья ни продать, ни променить» [3]. Аналогичное условие находим в меновной того же монастыря с тремя сыновьями В. Голенищева [4].

В то же время владельцы продаваемых монастырям земельных участков, стремясь обеспечить себе права иска, вносят в купчие статью о том, что продаваемая ими земля не должна отчуждаться монастырями.

Уже при анализе данных грамот отмечалось, что они часто незаметно переходят в купчие и трудно провести твердую границу между этими видами документов. Действительно, продажа монастырю недвижимости соединяется часто с денежным вкладом «на помин души» со стороны продавца и эти два, по существу разных, условия записываются в одной купчей грамоте. К 1410—1428 гг. относятся три акта (купчих) на пустошь Молитвинскую с починками Ратмерцевым и др. в Кистемском стану, Переяславского уезда, приобретенные Троице-Сергиевым монастырем у Дубровы Раменьева. В первой купчей цена земель указана в 35 руб. Во второй она также равняется 35 руб., но из этой суммы 15 руб. расценивается как вклад на «поминанье». В третьей купчей общая стоимость земель Дубровы названа в 20 руб., но, кроме того, покупатель 20 руб. передает монастырю в качестве поминального вклада [5]. Келарь Троице-Сергиева монастыря Савва купил в первой четверти XV в. у Дионисия Дубровы Раменьева село Молитвинское в Переяславском уезде, заплатил за него 20 рублей и при этом оговорил: «А пятнадцать рублев нам Дуброва дал святой Троице в дом, на том нам поминати родителей его» [6].

К 1448—1455 гг. относится меновная грамота кн. Ивана Васильевича Шуйского Горбатого на землю Непотяговскую Суздальского уезда, промененную им Троице-Сергиеву монастырю на нивы земли Микулина. Часть земли Непотяговской была променена, часть куплена. И поэтому акт, фиксирующий сделку монастыря и светского землевладельца, обозначает ее как «мену и куплю» [7]. Согласно условиям меновной грамоты старца Троице-Сергиева монастыря Геронтия Лихарева с боярином В. Ф. Кутузовым на села в Рузском и Дмитровском уездах монастырь

[1] РОБИЛ, АТСЛ, № 227.
[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 10349.
[3] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. 4, № 25.
[4] Там же, кн. 1, № 9.
[5] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 520, лл. 139 об. — 140; кн. № 518, лл. 454 об. — 455 об.
[6] Там же, кн. № 518, л. 440.
[7] Сборник П. Муханова, № 340.

получает с В. Ф. Кутузова 15 руб. доплаты [1], т. е. данный акт фиксирует одновременно условия купли и мены.

Своеобразную разновидность купчих грамот представляют так называемые купчие «до живота» и «доколе род изведется». По существу, купчие этого рода оформляют прекарные отношения. Социально-экономический смысл прекария часто заключался в том, что при помощи временных владельцев земель, переданных в держание, крупные феодалы добивались освоения пустошей и заселения их крестьянами, эксплоатируемыми методами внеэкономического принуждения.

Прекарные наследственные отношения, связанные с платежом оброка, находим в 1490 г. в митрополичьей Арбужевской волости, Пошехонского уезда [2]. Отдача в держание Андрею Ушакову новинским игуменом Герасимом, с «доклада» митрополиту, селища Нетягова, принимает форму продажи указанного участка Ушакову и его роду, «доколе род его изведетца». Прекарная грамота составлена в виде купчей и вследствие этого отличается противоречивыми чертами, так как, наряду с формулой о переходе недвижимости к покупателю, в ней содержится формула о ее неосвоении «впрок» последним, его детьми и «родом». Идущий с прекарного держания оброк расчленяется на две части, денежную и хлебную, из которых первая (полтора рубля и овца «пополнка») поступает в митрополичью казну единовременно при заключении договора в виде платы за купленную землю, а вторая (три четверти ржи) — взыскивается ежегодно, вплоть до возвращения прекария кафедре.

Другой вариант прекарных отношений представляет собой «купчая» Ивана Никифоровича Пополутова на принадлежащую Новинскому монастырю в той же Арбужевской волости землю села Спасского (1453 г.) [3]. Аналогия с предыдущим случаем заключается в том, что получение земельного участка в держание оформляется путем составления купчей грамоты, а погашение авансом всех оброчных платежей за пользование землей облекается в форму выплаты покупателем стоимости отчуждаемой недвижимости. Но, в противоположность только что рассмотренному документу, здесь мы имеем дело с прекарием пожизненным и поэтому в текст купчей вставлена еще одна формула: о передаче приобретенной у монастыря земельной собственности после смерти покупателя в тот же монастырь, в качестве вклада по своем роде.

Аналогичные отношения находим и в вотчинах Троице-Сергиева монастыря. В 1472—1473 гг. священник Хотькова монастыря Андриан Федоров купил у Фетиньи Воронцовой землю «до своего живота», а «по своем животе» завещал ее Троице-Сергиеву монастырю [4]. Сохранилась купчая «до живота» окольничего Ивана Васильевича Шадры-Вельяминова Троице-Сергиеву монастырю. Игумен Симон (1490—1495 гг.) «пожаловал» его «до живота» пустошью Луковской у села Сиякова, в Дмитровском уезде. Держатель дал властям монастыря запись с условием «тое пустошы ни продати, ни променити, ни в закуп не дать, ни своей жене, ни детем, ни своему роду не отдать». Наряду с этим обычным обязательством о неосвоении и неотчуждении прекарного держания, Вельяминов дал обещание возвратить монастырю после своей смерти пустошь со всем сельскохозяйственным инвентарем и припасами: «А что на той пустошы уродится хлеба или животины, или иное что будет, ино по моем

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 145 об. — 146.
[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 361—361 об.; АЮБ, т. I, № 69/III.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 349—350; АЮБ, т. II, № 147/1.
[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 479 об.

животе та пустошь Луковская и с хлебом и з животиною в дом Живоначальной Троице и чудотворцу Серьгею со всем с тем»[1].

Род Вельяминовых был тесно связан с Троице-Сергиевым монастырем. Младший сын Ивана Васильевича Шадры-Вельяминова — Афанасий постригся в Троице-Сергиевом монастыре. Старший — Василий, не имевший потомства, в 1541 г. продал монастырю село Ивановское, а по духовной, составленной в том же году, передал ему старинную вотчину Вельяминовых, села Драчево и Протасьево[2].

К 1453—1462 гг. относится купчая «до живота» попа Семена Галеченина на пустошь и починки у Симонова монастыря[3].

Очень сложные отношения выступают из договорной записи Чудова монастыря и В. Н. Павлова от 1477—1484 гг. Павлов в свое время получил от монастыря в держание две пустоши, которые он «роспахал, и лес россек, и хоромы на них поставил». Затем эти земли были отобраны у держателя монастырскими властями «того деля, что пришли к монастырским землям, со всем с тем, что к ним потягло», а Павлов «за его роспашь и за хоромы» получил «впрок» другую монастырскую деревню, за которую доплатил семь рублей[4]. Юридически в этом документе переплетаются акты обмена, купли, дарения.

Кн. Дмитрий Юрьевич Красный купил у Фетиньи Ивановой жены Юрьевича в Бежецком Верхе села Присецкое и Воробьевское. В отношении последнего села Фетинья сохранила право пожизненного им пользования: «Да то селце Воробьевское дал есмь Фетиньи жити и с деревнями до еи живота, а по Фетиньине животе селце мое Воробьевское мне со всем с тем, с чем есми у ней купил»[5].

Особый интерес представляет материал, касающийся права отчуждения вотчин, владельцы которых были слугами митрополичьего дома. Подводя итог процессу распада вотчинной собственности в митрополичьей Селецкой волости Московского уезда и перехода к кафедре вотчин местных светских землевладельцев в XV—XVI вв., позднейшая запись, содержащаяся в митрополичьей копийной книге, замечает: «А в той волости в Сельцех жили дети боярские митрополичи, отчинники, и которые из них бивали челом митрополитом, чтоб их отчины митрополиты взяли в дом пречистые богородицы. . . , и митрополиты им за те отчины деньги платили, а те села покупали в дом пречистой. . .»[6] Приведенная запись, с одной стороны, свидетельствует о том, что кадры митрополичьих детей боярских вербовались из числа местных вотчинников, постепенно терявших свои вотчины, поглощаемые митрополичьей кафедрой, с другой, — рисует очень интересное явление — службу с собственной вотчины. Многочисленные сохранившиеся в копийной книге купчие грамоты, закреплявшие за кафедрой в окончательную собственность селецкие земли, знаменуют собой итог весьма длительного процесса, началом которого является вынужденная передача местными владельцами недвижимостей кафедре в связи с вступлением в служебную зависимость.

В вотчине московских митрополитов мы наблюдаем самую крепкую связь землевладения и службы, тесную взаимную зависимость поземель-

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 3720; С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, стр. 29, № 113.

[2] С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, стр. 46. Духовную 1541 г. см. РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530, л. 74 об.

[3] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, № 3.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 7145; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 113—114.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 1117; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 69 и стр. 129. № VIII/1.

[6] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 56.

ных и служебных отношений. Контингент митрополичьих слуг сложился из местных землевладельцев, одна часть вотчин которых перешла в собственность кафедры, право же на другую было обусловлено исполнением служебных обязанностей. Митрополичьи бояре и дети боярские не могли распоряжаться своими имениями без ведома кафедры. Когда в 1510/11 г. один из митрополичьих слуг Игнатий Михайлович Чертов продал свое село Хлябово боярину Федору Никитичу Бутурлину, по челобитью митрополита Варлаама Василию III, сделка была признана незаконной и село передано кафедре. В копийной книге, составленной при митрополите Данииле, помещена запись об этом событии: «То село Хлябово, и з деревнями, и с монастырем (Воскресенским), и с селищи купил Федор Никитин сын Бутурлина у митрополича сына боярского у Игнатья у Михайлова сына у Чертова да у его детей у Михаила да у Степана без митрополича ведома и без доклада, и митрополит Варлаам о том селе. и о деревнях, и о монастыре, и о селищах посылал к великому князю Василью Ивановичю всеа Руси, что Федор его купил без митрополичи ведома и без доклада. И государь князь великий на Федора ополелся, а село з деревнями и с монастырем и с селищи дал в дом пречистой богородици. И господин Варлам митрополит Федора Бутурлина пожаловал, и деньги велел ему заплатити по купчей грамоте ис казны, и очи ему у сына своего у великого князя взял и все по старине». Далее в сборнике помещены три документа: купчая Федора Бутурлина, запись 1512 г. тестя Игнатия Чертова — Данилы Клобукова об отказе от вотчинных прав на село Хлябово и припись Ивана Никитича Бутурлина о выкупе вотчины митрополичьим дворецким Федором Федоровичем Сурминым по приказу митрополита Варлаама [1]. Итак, в случае с отчуждением Хлябова кафедра опротестовывает акт продажи, которым село выключалось из сферы феодальной системы митрополичьего землевладения, и расторгает купчую.

В договор кафедры с великокняжеской властью о распорядках в церковных волостях Владимирского уезда вошло условие о запрещении княжеским и церковным боярам и слугам покупки земель в митрополичьей волости Луховце: «А бояром и слугам князя великого и митрополичьим земель луховских не купити, а которыи будут покупили, а тем лезти вон, а серебро свое взяти» [2].

В данном случае перед нами, очевидно, общая формула отношений, складывавшихся в пределах митрополичьего землевладения, конкретным применением которой является дело о покупке Хлябова «без митрополича ведома и без доклада», вызвавшее «опалу» великого князя и возврат села в «митрополичий дом», с выдачей денег покупателю.

Другой договор митрополии с великокняжеской властью, в лице Ивана III, также посвященный урегулированию взаимоотношений в пределах феодальной митрополичьей территории, — волости Караш, Ростовского уезда, устанавливая, очевидно, те же правила отчуждения расположенных там боярских вотчин, делает особую оговорку в отношении земель, приобретенных за 15 лет до промена Карашской волости великим князем Василием Дмитриевичем («опроче боярские купли старые или чья будет отчина от сего времени за пятнадцать лет взад, как дед мой учинил князь великий в своей отчине») [3].

Привлекает внимание меновная грамота 1454 г., по которой митрополичий дворецкий Тихон Коровай выменял к переяславскому селу

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 67—68; АЮБ, т. II, № 147/VIII.
[2] ААЭ, т. I, № 9.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. 276, лл. 14—15; П. Иванов. Указ. соч., стр. 212—214.

Каринскому у Афанасия Ивановича Мокшеева его куплю — Тимошкинскую пустошь в обмен на его «отчину и дедину» — пустошь Воскресенскую, — «землю церковную святыя богородицы и митропольскую» [1]. Таким образом, родовая вотчина Мокшеева («отчина и дедина») в то же время находится в верховной собственности кафедры («земля церковная») и право распоряжения данным земельным участком его непосредственный собственник получает только путем меновного акта, закрепившего за кафедрой другой кусок земли.

В такой же зависимости от митрополичьего дома находилась и купля Василия Тимофеевича Остеева — село Русановское «в митрополиче волости в Романовском». В 1458 г. это село «по благословению митрополита Ионы», было выменено кафедрой [2].

К той же категории явлений надо, повидимому, отнести и историю деревни Васильевской Голямова в Переяславском уезде. Около 1456 г. Андрей Афанасьев купил землю Васильевскую Голямова на реке Киржаче, в митрополичьей волости Романовской, у Анофрия Ивановича Никитина и Гриди Мелешкина [3]. Приобретенный участок, расположенный в пределах волости кафедры, очевидно, находился в такой же зависимости от нее, как и Селецкие земли Московского уезда, и покупка была совершена не без ведома митрополии. Не случайно Андрей Афанасьев получил от митрополита Ионы жалованную грамоту, освобождавшую его от въезда и поборов романовских митрополичьих волостей и гарантирующую ему подсудность лишь самому митрополиту [4]. В 1505—1511 гг. внук Андрея Афанасьева Гаврила Попов сын Матвеев возбудил судебное дело против митрополичьих крестьян Никиты Савкина с товарищами, обвиняя их в том, что они уже 30 лет «живут сильно» в деревне его деда и «вон из нее нейдут». В защиту своих прав он продемонстрировал купчую 1450 г. Допрошенные крестьяне, признав факт своего тридцатилетнего пребывания в указанной деревне, не стали подводить под него юридическую основу, сославшись на «святого митрополита Симона», который «ведает, почему та деревня его». Защитником интересов кафедры выступил на суде дьяк Леваш Коншин, который представил купчую грамоту попа Фомы Романовского (1464—1473 гг.), приобретшего землю Васильевскую Голямова у Андрея Афанасьева для митрополичьего дома. Несмотря на то, что суд обратил внимание на отсутствие печати на купчей, дело было решено в пользу кафедры, а Гаврила Попов проиграл свой иск на том основании, что он «долго молчал» [5].

В разобранном деле, несмотря на неясность юридического права митрополии на спорную землю, характерно выступают, как и в предшествующих случаях, последовательные этапы освоения вотчинной собственности, соприкасающейся с феодальными владениями кафедры; вотчина, находящаяся в зависимости от нее, со временем переходит в полную собственность митрополии.

Уже М. Горчаков заметил отличие верховной собственности кафедры на «волости» от наследственных владений ряда «отчинников» в пределах этой волости. «Первоначально, — пишет он, — митрополичьи волости стояли не в таких отношениях к кафедре митрополита, в каких находились земли, поступившие в ее владение, т. е. не на землевладельческих» [6].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. 276, л. 131—131 об.; П. Иванов. Указ. соч., стр. 209—210, АЮБ, т. II, № 156.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 144; АЮБ, т. II, № 156/II.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 144 об.

[4] Там же, л. 149 об.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 144 об. — 146; АЮ, № 12; АЮБ, т. II. № 147/III.

[6] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 106.

Но автор не сумел дать правильного объяснения этому явлению, считая, что эти волости «находились в управлении кафедры» на таких же началах, как «волости, отданные князьями наместникам и волостелям»[1].

В. О. Ключевский подверг критике этот вывод Горчакова, но и он не мог пройти мимо того явления, что в московской волости Сельцах, где жили многочисленные митрополичьи дети боярские, «служба устанавливала связь с митрополитом и по землевладению», хотя эта связь и «основана не на правах кормления»[2]. В чем искать основу этой связи,— Ключевский не объясняет.

Документы митрополичьих сборников не привлекли внимания Н. П. Павлова-Сильванского, который прошел мимо них в главе своего исследования о феодализме, посвященной «вотчинной коммендации»[3].

Между тем объяснение этим явлениям может быть дано только на основе марксистско-ленинского понимания расчлененного характера земельной собственности периода феодальной раздробленности. Земельные собственники связаны между собой служебно-иерархическими отношениями, причем вся эта иерархия в целом господствует над непосредственными производителями.

Отношения поземельно-служебной иерархии рисуют и акты Макарьева-Колязина монастыря.

В 1459 г. игумен Макарий менялся землями с монастырским слугой Кузьмой Игнатьевым. В меновной имеется условие: «И с теми деревнями Кузьме и его детям у Троицы у игумена с братьей служить, а мимо монастыря тех деревень не продать, ни променить, ни в приданые не отдать, и в закупе не заложить, и по душе не отдать»[4].

Новая мена была доложена князю Михаилу Борисовичу Тверскому. Кузьма выменял у своего «осподаря» Макария земли Мордвинцево и Листвянок, а променил ему «свою отчину пол-Осташкова, да пол-Дору, да пол-Медведкова, да пол-Гарели»[5]. Осподарь — термин, указывающий на отношения служебной зависимости.

Для характеристики феодального права собственности и форм отчуждения большой интерес представляет купчая грамота начала XVI в. митрополичьего дворецкого Юрия Григорьевича Мануйлова на деревню Дроздово и селище Вертлино в Дмитриевской слободе, в Зарецком стану Звенигородского уезда, проданные кафедре Игнатием Филипповым сыном Кузьминым Потыкиным[6]. Последний, в свою очередь, приобрел это владение у митрополичьего Новинского монастыря и поэтому в купчей грамоте оно названо «пречистые ж землею домовной». Таким образом, из последней формулы очевидно, что земля домовных монастырей, подобно земле военных и дворцовых слуг кафедры, находится в верховной собственности последней. Право распоряжения своими владениями со стороны монастырской «братии» является также ограниченным, и кафедра зорко следит за тем, чтобы не последовало отчуждения отдельных участков. В последнем случае она стремится возвратить их за наличный расчет. Патронируемая земля превращается в полную собственность.

Не менее интересна меновная грамота начала XVI в. на три деревни в Московском уезде, выменённые митрополичьим дворецким Ф. Ф. Сурминым для митрополита Варлаама у домовного Волосова монастыря[7].

---

[1] Там же, стр. 123.
[2] В. О. Ключевский. Отзывы и ответы, Пгр., 1918, стр. 230—231.
[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Указ. соч., стр. 389.
[4] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. 1, № 4.
[5] Там же, № 11.
[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 124—124 об.; АЮБ, т. II, № 147/XIV.
[7] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 234 об. — 235; АЮБ, т. II, № 156/XV.

Здесь перед нами формально добровольная сделка между кафедрой и монастырем, который, таким образом, является как будто полноправным владельцем, могущим свободно распоряжаться своей недвижимостью. Но из того же документа мы узнаем, что бывший предметом сделки земельный участок, расположенный в Селецкой волости, несколько раньше приобретен тем же дворецким у Иосифа Микулинича Чертова, путем покупки «Пречистой богородици в дом. . . в митрополич монастырь на Волосово». Следовательно, во-первых, купля производится митрополичьим дворецким, и, во-вторых, на вновь приобретенную для монастыря недвижимость простираются, наряду с земельными правами непосредственного собственника — монастыря, верховные права «дома пречистой богородицы».

В обоих рассмотренных выше актах характерно, что контрагентами сделок мены и купли выступают лица и организации, зависимые от кафедры: с одной стороны, — дети боярские (Внуковы, Чертовы), с другой, — монахи Новинского и Волосова монастырей. Владения тех и других были зависимы от кафедры и поэтому продолжали оставаться за ней на тех же началах феодального права даже после взаимного обмена или акта покупки-продажи. Санкция («благословение») феодала-митрополита, требовавшаяся для оформления юридического акта, носила здесь чисто формальный характер.

Совсем иные последствия влекло за собой отчуждение монастырем недвижимости лицу, не связанному с кафедрой узами зависимости, так как в этом случае определенная территориальная единица выключалась из сферы феодального землевладельческого комплекса митрополичьего дома. И в данном случае договор с кафедрой, как необходимое условие подобного отчуждения, имел уже вполне реальное значение. Так, во второй половине XV в. великий князь Иван III, «поговоря с своим отцом с Филиппом митрополитом всея Руси», выменял одно сельцо у владимирского домовного Кузьмина монастыря, «как было за отцом моим Филиппом митрополитом всеа Руси»[1]. Аналогичную мену с Новинским монастырем на Пресне совершил в 1473 г. князь Юрий Васильевич, опять-таки по договоренности с кафедрой («поговоря с своим отцом с Геронтием митрополитом всеа Руси»)[2].

Обобщая все приведенные выше примеры, можно сказать, что купчие и меновные грамоты являлись в руках крупных феодалов гибким орудием в расширении своих земельных владений, как материальной основы своего классового господства над непосредственными производителями.

Особенно интересно значение ку́пчих как документов, фиксирующих переходы земель черного и дворцового крестьянства к крупным феодалам. По существу, это — легальная форма земельных захватов крестьянских участков феодалами. Так, в 1438—1440 гг. Иван Кузьмин купил у крестьянина П. М. Чернобесова его «вотчину», пустоши Гилево и Семениковскую в Костромском уезде. Затем они перешли по данной Юрия Кузьмина в Троице-Сергиев монастырь[3].

К 50—60-м годам XV в. относится купчая Троице-Сергиева монастыря на землю Саватыевскую в Переяславском уезде, купленную у Андрея Саватыева. В дальнейшем по поводу этой земли возник спор у Андрея Саватыева с монастырем, причем Саватыев утверждал, что «купил у него Логин (келарь Троице-Сергиева монастыря) ту землю силно за. . . при-

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 164—164 об., АЮБ, т. II, № 156/III.
[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 93; АЮБ, т. II, № 156/VI.
[3] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 304 об. — 305.

ставом великого князя». Великий князь Иван III решил дело в пользу монастыря на основании того, что купчую «писал сам Ондрей своею рукою, да на келаря в том не довел ничем» [1].

§ 4. Заемные закладные кабалы

Сравнительно в небольшом количестве сохранились в копийных книгах заемные закладные кабалы, фиксирующие сделки с закладом земли.

Занимая на определенный срок или бессрочно деньги под проценты или без процентов, должник передавал кредитору, в качестве обеспечения долга, свою недвижимость. Кредитор мог пользоваться доходами с этой недвижимости на весь срок договора о займе. В случае неуплаты долга кабала превращалась в купчую. Несомненно, что закладные кабалы прикрывают самые разнообразные социально-экономические отношения между землевладельцами. Это могла быть замаскированная форма продажи земли, к которой прибегали продавец и покупатель, чтобы избежать последующих попыток со стороны родственников выкупить недвижимость. Закладная кабала могла заменять отдачу земли во временное пользование и т. д.

Существуют две основные формы закладных кабал. Одна из них не говорит о праве кредитора пользоваться заложенной недвижимостью, другая оговаривает это право. В первом случае — перед нами формально чистый договор займа. Но если продавец не предполагал выкупить вотчины, то тогда это, по существу, акт купли-продажи. Такова, например, закладная кабала Кривоборских второй половины XV в.: «Се яз, Олександр Кривоборской, да яз, Федор Кривоборской, заняли есми у князя у Ивана Костянтиновича у Стародубского 50 рублев денег московскими деньгами ходячими по пяти гривен за полтину, от Юрьева дни от вешнего до Юрьева дни на год, а заложили есмя в том серебре село Нестеровское на Криве бору, и з деревнями, что нашего жеребья на Криве бору. А на то серебро давати нам росту по расчету, как идет в людех, на пять шестой» [2]. В 1485 г. князь И. К. Стародубский занял, в свою очередь, у Александра и Федора Кривоборских 50 руб. на год с условием уплачивать рост «на пять шестой» [3], т. е. 20%.

Договор займа, оговаривающий право кредитора пользоваться доходами с заложенной земли, приближается к бессрочному или временному прекарию: «А за рост Жуку те земли и пустоши пахати, и сено косити, и лес сечи, и починки ставити, и самому Жуку и его людям в тех деревнях и починках жити, и крестьян держати, и пашенное дело Жуку имати на себя» [4].

Из обзора закладных кабал, так же, как и других разновидностей актов XV в. (данных, купчих, меновных), ясно видно, какое разнообразие социально-экономических отношений находит отражение в их, иногда, на первый взгляд, сухом формуляре, и как важно за юридическими формами вскрыть реальное историческое содержание.

В ряде случаев заклад земли, по существу, означает ее переход в полную собственность кредитора. В закладной кабале середины XV в. Семена Окулова Кирилло-Белозерскому монастырю на пожню на р. Марьевке говорится: «А не уплачу на срок серебра, и оне пожню косят и впредь» [5]. В закладной кабале 1428—1434 гг. Ивана Кабачина

---

[1] РОБИЛ, собр. Беляева, № 18.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 530.
[3] Там же, кн. № 531, рознь, № 49.
[4] С. А. Шумаков. Обзор. вып. III, стр. 38.
[5] Н. Дебольский. Указ. соч., № CLXXXVI.

Кириллову монастырю на пожню читаем: «А не заплачу на срок куп, ино моя пожня в том» [1].

Эта краткая статья в ряде грамот получает развернутое выражение, указывая на то, что заклад земли является путем к ее переходу в полную собственность кредитора, т. е. заемная кабала, по существу, фиксирует акт покупки. Должник сохраняет за собой как и при акте купли-продажи право выкупа отчуждаемой недвижимости. К 1447—1455 гг. относится закладная кабала Васюка Ноги Есипова старцу Троице-Сергиева монастыря Геронтию на пустошь Лукинскую в Углицком уезде. Условия сформулированы так: процент устанавливается «по пяти гривен на полтину, а за рост Геронтью ту пустошь Лукинскую косити», в случае невыкупа в срок кабала превращается в купчую [2]. В закладной кабале 1482 г., данной Алексеем Спицыным Некрасовым Андрею Гавреневу в займе шести рублей под заклад земли Бортникова на реке Нерли содержится условие: «Выкуплю я у Ондрея на срок свою землю Бортникову, шесть рублев ему заплачу, а кабалу свою выму, а не выкуплю яз своее земли на срок на Дмитреев день у Ондрея, ино моя земля Бортниково Ондрею в ево денгах во шести рублях по сей кабале, а сия кабала и купчая грамота» [3].

Близость сделок земельного заклада к актам купли-продажи видна из того, что сами закладные кабалы в ряде случаев именуют себя купчими грамотами. Закладная кабала 1482—1483 гг. Наума и Анцыфора Негодяевых и Елхи и Данила Стефановых Гаврилу Петрову Ушакову на Шубацкий наволок на р. Шексне называет себя одновременно и кабалой, и купчей. Условия займа таковы: сумма займа — 12 рублей, срок годичный, «за рост» кредитор имеет право косить заложенную пожню. В конце кабалы имеется такое условие: «А не заплатим мы на срок денег, ино ся кабала на наш наволок на Шубацкой четыре стожья и купчая грамота без выкупа в веки» [4]. В закладной кабале 1488—1489 гг. Василия Обляза Семенова Лодыгина Данилу Самарину на с. Лысцево с деревнями в 120 рублях читаем: «И выкуплю яз, Обляз, на срок свою отчину, те селца и деревни, ино мимо Данила и его детей мне своей отчины ни продать, ни променить, ни в закуп не дати». В дальнейшем Обляз Семенов Лодыгин отказался от своего права на заложенную вотчинную землю: «Яз, господине, тех селец и деревень с селищи не выкупаю у Данила, ступаюсь ему за долг, и за истину, и за рост одерень без выкупа» [5].

Рассмотрение актов борьбы за землю в феодальном обществе (данных, духовных, купчих, меновных, закладных и т. д.) вскрывает пути образования крупной земельной феодальной собственности в Северовосточной Руси XIV—XV вв. и в то же время показывает те правовые формы, в которые облекались захваты феодалами земель у крестьян и борьба за землю среди самих феодалов. Данные, духовные, купчие, меновные, закладные — это акты, рисующие гражданское право феодальной эпохи, выражающее интересы господствующего класса, оформляющее производственные отношения в феодальном обществе. «Эти действительные отношения, — по словам Маркса и Энгельса, — отнюдь не создаются государственной властью, а, наоборот, сами они — созидающая ее сила. Помимо того, что господствующие при этих отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства*, они должны придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее

---

[1] АЮБ, т. I, № 232; Н. Дебольский. Указ. соч., № LXXXII.
[2] АЮБ, т. II, № 126/III.
[3] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. IV, № 14, л. 9.
[4] АЮ, № 233; РИБ, т. XXXII, № 48.
[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 9370, лл. 112 об. — 114.

выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право» [1].

§ 5. Уставные и льготные монастырские грамоты зависимым крестьянам

Уставные грамоты, выдававшиеся церковными феодалами зависимым крестьянам, характеризуют взаимоотношения господства и подчинения в феодальной деревне.

Характеризуя феодальный строй, И. В. Сталин пишет: «Новые производительные силы требуют, чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно не инициативного работника и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая». «Частная собственность получает здесь дальнейшее развитие. Эксплуатация почти такая же жестокая, как при рабстве, — она только несколько смягчена. Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя» [2].

Уставные грамоты рисуют формы эксплоатации крестьян землевладельцами при феодальном строе и служат источником для изучения процесса крестьянского закрепощения.

Описание этих взаимоотношений приведено в знаменитой уставной грамоте митрополита Киприана Царево-Константиновскому домовному монастырю 1391 г.

В этом году к митрополиту Киприану обратились с челобитием крестьяне Царево-Константиновского монастыря («сироты монастырские»); они жаловались на игумена Ефрема, произвольно увеличившего барщинные и оброчные повинности: «Наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменах не бывало, пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали». Призванный митрополитом для объяснения, игумен отрицал возведенные на него обвинения, указывая, что в своих поборах с крестьян он руководствовался «стариной». «Яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменах». Свои доводы игумен подтвердил ссылкой на находящегося в Москве своего предшественника по игуменству в Царево-Константиновском монастыре — Царко. К последнему, ввиду его болезни, был отправлен митрополичий посланник Акинф с запросом по поводу хозяйственно-административных порядков в возглавлявшемся им некогда монастыре. Царко должен был ответить на вопрос: «какова пошлина в святом Константине и как людем монастырским дело делати?». После допроса бывшего игумена был выяснен характер крестьянских повинностей.

Барщина заключалась прежде всего в постройке и починке монастырской церкви, двора и жилых и хозяйственных помещений: «большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставити». Далее следуют полевые работы, монастырская пашня и сенокос («игуменов жеребей весь рольи орать взгоном, и сеяти и пожати и свести, сено косити десятинами и в двор ввести»), рыбная

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 311.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

ловля и охота на бобров («ез бити вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати»)[1].

В большие праздники крестьяне обязаны были являться из сел с подарками игумену: «а на велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках». На являвшихся из сел возлагается ряд предпраздничных обязанностей по заготовке продуктов: «А пешеходцем из сел к празднику рожь молотити, и хлебы печи, а солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить». В качестве праздничного приношения игумену обычаем была установлена «яловица». Лишь однажды, по просьбе крестьян, игумен разрешил заменить ее тремя баранами. Но этот единичный случай отнюдь не был возведен в норму, а, наоборот, рассматривался как исключение из освященного «стариной» порядка: «А дают из сел все люди на праздник яловицу, но единова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, тремя бараны, и яз их пожаловал за яловицу, запеж ми была не надобе яловица. А по пошлине по старой всегда ходит яловица на праздник». Из раздаваемого игуменом по селам льна крестьяне «прядут сежи и дели неводные наряжают». Наконец, в случае приезда игумена в какое-либо из «монастырских сел» «в братчину», на население возлагалась обязанность корма его лошадей («и сыпци дают по зобне овса конем игуменовым»).

Речи Царка были переданы митрополиту Киприану и по выздоровлении подтверждены самим бывшим игуменом и проверены митрополитом через владимирских бояр. После того, как таким путем была выяснена «пошлина» в отношении крестьянских повинностей, последние были закреплены в грамоте, выданной Киприаном со словами: «ходите же вси по моей грамоте, игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте». Равно обязательная и для крестьян и для монастырских властей, настоящих и последующих, грамота Киприана ставила своей целью строгую фиксацию и защиту сеньериальной «старой пошлины» от всяких попыток ее нарушения: «А хотя хто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте». Документ, охраняющий неприкосновенность обычного права, подлежал хранению в церкви и за его изъятие грозила божия кара: «А сю грамоту велел есмь положити в церкви игумену и людем. А никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет, аще ли и вынесет, не буди на нем милости божиа и моего благословения»[2].

Этот классический документ давно уже обратил на себя внимание исследователей и прочно вошел в обиход русской исторической науки. Без него не мог обойтись ни один серьезный исследователь истории крестьянства. Между тем, до сих пор осталась неосвещенной одна наиболее важная сторона этого документа, — именно его значение для характеристики классовой борьбы в феодальном обществе.

Внутриклассовая борьба, развертывавшаяся между светскими феодалами и духовными корпорациями за землю и ренту, сопровождалась в XIV—XV вв. умножением феодальных повинностей различных кате-

---

[1] В списке Уставной грамоты по сборнику нач. XVI в. из собрания А. С. Уварова (№ 512), хранящемуся в РОИМ, последний текст читается полнее: «а исток им забивати Селятин и Вычахорьской». (В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 249).

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 241—242; ААЭ, т. I, № 11. — В указанном сборнике Уварова № 512 конец грамоты читается иначе: «И яз, Кипреян митрополит всея Руси, тако рек игумену и християном маностырьским: ходите же по сей моей грамоте. А сю грамоту велел блюсти вь церкви прежних деля управлен маностырьских». Исследователь этого списка грамоты Киприана В. Е. Сыроечковский правильно отмечает, что уваровский вариант дальше от оригинала, нежели синодальный («Историч. записки», т. 8, стр. 250—251).

горий крестьянства. Последнее обстоятельство вызывало естественный протест эксплоатируемых низов в форме попытки реставрации старины.

Борьба крестьян Царево-Константиновского монастыря против умножения сеньериальных повинностей, проводимая во внешне лойяльной форме «челобитья» — апелляции к верховному сеньёру, по существу, представляет собой явление классовой борьбы, в которой выступает один основной мотив — попытка отказа от нововведений в области феодальных повинностей и требование возврата к старинному сеньериальному праву.

Источником по истории классовой борьбы является и другой документ, близкий по времени к уставной грамоте митрополита Киприана Царево-Константиновскому монастырю. Это жалованная грамота новгородского веча крестьянам Терпилова погоста около 1411 г. С терпиловских «сирот» взималось «не по старине» «поралье» посадника и тысяцкого. «Сироты» добились выдачи им новгородским вечем грамоты, нормирующей уплату «поралья» «по старым грамотам» [1].

Грамоты, фиксирующие систему господства и подчинения в феодальной деревне, дают возможность изучать и эволюцию этой системы.

Рост феодальной эксплоатации проявляется в усилении барщины. В то же время наблюдается замена натуральной ренты денежной. Вследствие расширения связей феодальной деревни с рынком через крестьянское хозяйство замечается дифференциация зависимого крестьянства. Углубление феодальной эксплоатации совершается в результате последовательного активного выступления класса феодалов против старинных обычаев, закреплявших крестьянские повинности, с явной тенденцией заменить этот обычай феодальным произволом. Одновременно феодалы проявляют решительную инициативу в расхвате общинных земель. С другой стороны, классовые выступления крестьян в связи с развитием различных видов личной зависимости принимают формы борьбы за фиксированную ренту и за свои общинные права.

Отправляясь от классического документа, рисующего крестьянский протест против произвольного увеличения повинностей, — уставной грамоты митрополита Киприана, мы имеем возможность проследить дальнейший процесс развития барщинного хозяйства, связанный с ухудшением юридического положения крестьян.

Классическим документом, имеющим наряду с грамотой Киприана первостепенное значение для истории крестьянского закрепощения, является указная грамота митрополита Симона Юрию Масленицкому (1495—1511 гг.) по челобитью архимандрита Царево-Константиновского монастыря Матвея. Последний жаловался на вотчинных крестьян, увеличивающих свою запашку в ущерб монастырской: «Сказывают, что их монастырские крестьяне. . . пашут пашни на себя много, а монастырские де пашут пашни мало». Митрополит предписал Ю. Масленицкому отправиться в монастырскую вотчину вместе с архимандритом, «перемерить пашню во всех во трех полех», предоставив по 5 десятин крестьянам, а шестую десятину «указав им пахати на монастырь». Далее следует специальная инструкция по поводу «перемера». «А будет земли обильно, а кому будет земли надобно более того, и он бы потому же пахал и монастырскую пашню шестой жеребей. А кому не будет силы пахати пяти десятин, и он бы потому пахал и монастырскую пашню и всякое дело делал по своей пашне» [2].

---

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, М.—Л., 1949, стр. 146, № 89.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 243 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 41, № 3/VIII.

Этот интересный документ давно обратил на себя внимание исследователей и подвергался многочисленным интерпретациям. И. Д. Беляев считал, что указанная грамота свидетельствует о наличии земельных переделов и, следовательно, о существовании развитой крестьянской общины в древней Руси. Б. Н. Чичерин находил, что грамота дает право на совершенно противоположные выводы, представляя собой яркий пример «владельческого влияния на передел», и, следовательно, иллюстрируя производный характер общины. Точка зрения Чичерина была воспринята и П. Н. Милюковым [1]. С. Б. Веселовский находит, что грамота «не имеет в виду ни надела, ни тем более передела». По мнению автора, «землепользование крестьян было оставлено таким же, каким оно было и раньше. При желании и при обилии земли крестьяне могли даже увеличить свою пашню. Грамота напоминает только норму повинности пашни на монастырь. Крестьяне должны пахать на монастырь 20% своей пашни, на 5 десятин своей пашни — одну десятину на монастырь» [2].

Не соглашаясь с подобной оценкой документа как простой фиксации существующих отношений, считаю методологически неправильным рассматривать его изолированно. Именно в этом — причина неверной оценки.

Документ приобретает новый смысл в результате изучения его в контексте некоторых хронологически и локально совпадающих с ним грамот, — во-первых, и некоторых аналогичных документов последующего времени, — во-вторых.

Почти одновременно с инструкцией Юрию Масленицкому, в те же 1495—1511 гг., митрополит Симон обратился с предписанием к волостелю Славцовской волости, Владимирского уезда, Оладье Блинову, о розыске про «церковное серебрецо на людех» в вотчине Сновидского монастыря. По полученным митрополитом сведениям, часть крестьян аккуратно уплачивала проценты («которые де добрые люди христиане, и они и нынеча рост дают»), но другие отказывались от платежа: «а иные де христиане ростов не платят». В задачу О. Блинова входил «обыск» про «церковное серебро», «людьми добрыми, кому то ведомо вправду» и составление описи должников, «на ком что будет церковного серебра» [3].

В этом документе прежде всего бросается в глаза значительная задолженность части крестьянства, попавшей в кабалу к феодалу. Другое важное явление, это — имущественное расслоение населения митрополичьих вотчин, в среде которого выделяется группа зажиточных «добрых людей». Эту группу, конечно, имела в виду и предыдущая инструкция Юрию Масленицкому, говоря о крестьянах, которым «будет земли надобно боле» обычной нормы. Оба отмеченные явления особенно характерны уже для XVI в., они сопровождали рост крестьянской крепости.

Тот же митрополит Симон в 1506 г. в инструкции Семену Ожерельеву о переписи Антоньева Переяславского монастыря, наряду с «хлебом стоячим на поле и в житницах», «животиной» и «церковной ругой», обращает внимание и на «серебро монастырское в людех» [4].

Одновременно с закабалением крестьян, путем отдачи в рост монастырского серебра, в той же Славцовской волости наблюдается картина

---

[1] П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой политики Московского государства, СПб., 1892, стр. 31—32.

[2] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси, стр. 53—54.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 231 об.; П. Иванов. Указ. соч., стр. 214—215; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож, стр. 42, № 3/XI.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 159; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 41, № 3/VII.

крестьянского обезземеления кафедрой. Поп Нестер из «пустынки», являвшейся «стяжанием» Сновидского монастыря, о котором шла речь выше, жаловался, что после описи великокняжеского писца П. Заболоцкого, «вступаются у него в церковную в монастырскую землицу и в поженки сильно» славцовские крестьяне. Митрополит предписывает в 1511 г. славцовскому волостелю Оладье Блинову, о котором также уже шла речь выше, произвести «обыск» при посредстве «людей добрых старожильцев» и «очистить монастырскую землицу к монастырю», согласно описанию П. Заболоцкого. Что же касается крестьян — «лихих людей», то волостель должен был их «поунять», «чтобы церкви божия не обидели, а в землицу бы церковную не вступались»[1].

Если расшифровать социальный смысл этого призыва к обузданию «лихих людей», со ссылкой на необходимость восстановления авторитета поруганных святых — патронов митрополичьего дома («пречистые для милости и святых чудотворцев и нашего ради благословения»), то получится картина разрешения аграрных столкновений монастыря с его крестьянами за счет обезземеления последних.

Все приведенные выше документы, совпадающие хронологически и относящиеся к одному локальному пункту — вотчинам Сновидского и Царево-Константиновского монастырей, Владимирского уезда, и домовным монастырским владениям соседнего Переяславского уезда, в своей совокупности, дополняя друг друга, отражают социально-экономические сдвиги в деревне. Нажим на крестьянский труд в смысле усиления барщины, урезки крестьянской запашки, обеднение части сельского населения и появление в его среде группы зажиточного крестьянства, наконец, принудительное закабаление крестьян путем массовой раздачи денежных ссуд, — все это были различные проявления одного и того же процесса. В этом отношении грамота Ю. Масленицкому имеет большее значение, чем ей придает С. Б. Веселовский, представляя собой новый нажим на крестьян в конце XV в. — начале XVI в. после фиксации феодальной «старины» в грамоте митрополита Киприана около ста лет тому назад. С. Б. Веселовский замечает, что «подьячий, писавший грамоту, не подозревал, как мольеровский мещанин, что он говорит прозой, т. е. что речь идет о выти». Эта норма повинности пашни на монастырь, — одна десятина на крестьянскую выть, — по сравнению с временем Киприана была новостью. Налицо усиление феодального гнета над крестьянством в связи с реорганизацией хозяйства на барщинных началах.

В статье Б. Д. Грекова приводится интересный «совет», данный царем в 1592 г. новгородскому митрополиту Варлааму, жаловавшемуся на расстройство хозяйства Софийского дома. Царь рекомендовал ему усилить господскую запашку за счет уменьшения земельной площади, находящейся в поместной раздаче: «Лучшие места, которые ныне в поместья. . . розданы, поимать на себя и устроить села и пашни на себя»[2]. Интересно, что этот рецепт был знаком феодалам — московским митрополитам значительно ранее. Так, в конце XV в. введеный дьяк московской митрополичьей кафедры Яков Кожухов «отписал» у митрополичьего сына боярского Ивана Парфеньева бывшее за ним в поместье село Горки «в дом пречистые богородицы. . . и государю Симону митрополиту и с хлебом стоячим и з земным и приказал то сельцо митрополичю волостелю Окулу Деревлеву ведать и пахать на государя на митрополита»[3]. Аналогичная

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 231 об.; П. Иванов. Указ. соч., стр. 214—215; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 42, № 3/XI.

[2] Б. Д. Греков. Юрьев день и заповедные годы,—«Известия Академии Наук СССР», 1926, № 1—2, стр. 74.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 65 об. — 66; АЮБ, т. II, № 217.

участь постигла тогда же и поместье другого сына боярского — Н. И. Юрьева, — сельцо Туриково, Московского уезда [1].

Рассмотренные документы вскрывают только начало, первые признаки того процесса, который нашел свое яркое выражение на исходе XVI в. Поэтому они скупы на характеристику явлений, еще не вполне оформившихся, и часто нуждаются в расшифровке. Последнее достигается в свете позднейших материалов, рисующих дальнейшее развитие барщинного хозяйства и процесс крестьянского закрепощения.

Большой интерес для характеристики взаимоотношений господства и подчинения в феодальной деревне представляют льготные грамоты феодалов крестьянам. В 1491 г. дворецкий митрополита Кузьма Вятка Сахарусов, по «челобитью» крестьянина Саввы Никифорова, «ослободил» ему «сести» на пустоши митрополичьего Новинского монастыря Перепечине, расположенной на реке Москве. Получив участок земли, принадлежавшей митрополичьей кафедре, Савва Никифоров должен был на ней «собе двор ставити, и лес сечи, и росселивати». Держание крестьянина Саввы Никифорова было освобождено на четыре года от барщины и ряда повинностей, лежавших на крестьянах Новинского монастыря: «а придаст бог крестьянству лет, и тому Саве ненадобеть с митрополичими с новинскими крестьяны тянути ни в дань, ни в ям, ни в митрополиче дело, и в монастырское дело, ни в розметы, ни в какие проторы на четыре годы» [2].

Митрополичьи крестьяне, эксплоатировавшие бортные угодья во Владимирском уезде за р. Клязьмой, получили в 1478 г. по грамоте от митрополита Геронтия податной тархан. Они не должны были «тянуть» с зарецкими крестьянами «в сельское (митрополичье) дело, ни в которые проторы, ни в розметы, ни в иные ни в какие пошлины, ни в городные дела», владимирские дворские не имели права «наряжать» им «дела (митрополичьего) никакого», а праведчикам и доводчикам запрещалось брать с них «поборы» [3]. Жалованная грамота митрополита Даниила 1522 г. подтвердила старый тархан и аннулировала «приписку в тягло» бортников, произведенную вопреки воле митрополита зарецкими крестьянами. Митрополит не разрешал также привлекать их к поледной ловле и к устройству во Владимире наместничьего двора. Оговорка делается лишь в отношении «великого князя тягла, ямщины, посошного и молотьбы» [4] — на эти повинности иммунитет не простирается.

В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилась льготная грамота конца XV в. монастырских властей крестьянину Сысою Лукину с сыновьями на поселение на монастырской земле на р. Воре в Московском уезде. Вновь поселившиеся в монастырских владениях крестьяне были обязаны «лес сечи, и дворы ставити, и огороды городити и пожни чистити». Они получили шестилетнюю льготу от монастырских повинностей, а по истечении шести лет должны были выполнять барщинные работы: «А отсидят свою льготу шесть лет, ино им потянути со хрестьяны с своею братьею, как и иные хрестьяне дело наше монастырское делают» [5].

Предоставляя крестьянам, селившимся на пустошах, податные льготы, церковные феодалы стремились как к культивированию пустующих участков, так и к расширению числа зависимого от них крестьянства.

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. 276, л. 65; АЮБ, т. II, № 178/III.
[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 49; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 82, № 9.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 367—367 об.; ААЭ, т. I, № 74/IV.
[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 256—256 об.
[5] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 505 об.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИММУНИТЕТА ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

§ 1. Критика буржуазной историографии. Постановка вопроса в марксистско-ленинской исторической литературе

Среди грамот на земельные владения, привлекаемых в качестве источника для изучения феодальных отношений XIV—XV вв., на одно из первых мест по количеству, интересу сообщаемых сведений и историческому значению должны быть поставлены грамоты жалованные. Они выдавались великими и удельными князьями духовным и светским феодалам, которые пользовались рядом привилегий в области землевладения.

Изучение жалованных грамот было начато еще буржуазными историками.

К. А. Неволин привлек жалованные несудимые грамоты для изучения вопроса о происхождении и истории феодального иммунитета. Он выдвинул точку зрения, согласно которой независимость боярских вотчин от княжеских судей и административных органов возникла на основании общего права и не была создана княжеской властью. «Но с утверждавшеюся и распространявшеюся княжеской властью такой порядок не мог быть совместен». Однако он не мог быть и сразу уничтожен. «Переход к уничтожению его, — по мнению Неволина, — составляют несудимые грамоты. То, что прежде принадлежало вотчиннику в силу вотчинного права, то было теперь знатнейшим вотчинникам обеспечиваемо жалованными грамотами, как особенное преимущество» [1].

Неволин правильно указал на то, что возникновение иммунитетных привилегий феодального крупного землевладения происходит независимо от княжеской власти. Правильно подметил он и тот факт, что с усилением центральной власти наблюдается сокращение политических прав крупных, ранее полностью независимых феодалов-вотчинников, и этот процесс отражают жалованные грамоты. Однако наблюдения Неволина лишены прочного исторического фундамента, так как они вращаются в плоскости одних правовых форм. Правильное же понимание истории иммунитета могло быть достигнуто лишь путем изучения его в связи с историей производственных отношений феодальной эпохи. Реальной

[1] К. А. Неволин. Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1857, стр. 150—151.

базой иммунитета, его материальной основой являлось владение землей, дававшей феодалу средство эксплоатировать труд непосредственных производителей. А изменения, которым подвергся иммунитет в процессе ликвидации феодальной раздробленности и создания централизованного Русского государства, объясняются тем, что старые формы политической организации господствующего класса в целях удержания в узде трудящегося большинства оказывались уже неприемлемыми.

Расширение круга жалованных грамот, используемых в исторических исследованиях, вызвало попытку их систематического обзора и классификации. Такую попытку в 60-х годах прошлого столетия сделал применительно к известным в то время жалованным грамотам монастырям и церквам А. Н. Горбунов [1]. Он разобрал 230 жалованных грамот и дал сводку имеющегося в них материала, расположив его по чисто формальной, очень дробной и нечеткой схоластической схеме. Метод сводного текста, принятый Горбуновым, привел к тому, что отдельные грамоты в его изложении утратили характер целостных исторических источников, распавшись на составные части, расположенные автором по разработанной им схеме. Помещение под одними рубриками статей, взятых из разновременных грамот, естественно, препятствовало их изучению в историческом развитии.

Классификация жалованных грамот, предложенная Горбуновым, также отличается формализмом, нечеткостью и отсутствием единого критерия, положенного в основу деления. Горбунов различает грамоты: 1) *вотчинные*, «заключающие в себе пожалование князем какого-либо имущества, земли, угодья, строения»; 2) *вотчинно-льготные*, «в которых князь, жалуя монастырю известное имение, определяет льготы людей, населявших это имение»; 3) *льготные*, «заключающие в себе предоставление духовному установлению какой-либо выгоды или льготы людям монастырским»; 4) *освободительные* (разрешение на приобретение недвижимости); 5) *грамоты жалованные, имеющие характер гражданских сделок князя с монастырем* (акты продажи, мены и т. д.); 6) *подтвердительные*, «т. е. такие, в которых князь ничего вновь не жалует и не предоставляет, а только подтверждает за монастырем права на те имущества, которые ему прежде были пожалованы, или которые были им приобретены от частных лиц даром, меною или куплею»; 7) *жалованные грамоты, имевшие форму административных распоряжений князя»* [2].

Подход к изучению жалованных грамот со стороны Горбунова является идеалистическим. Для него жалованная грамота — это акт княжеской «милости», который создает привилегии церковного землевладения. Автор не ставит своей задачей рассмотреть характер тех объективных общественных отношений, которые сложились независимо от жалованных грамот и были лишь закреплены ими. В таком подходе к изучению жалованных грамот Горбуновым сказались общие тенденции буржуазной методологии — рассматривать правовые нормы не как результат социально-экономического развития, а как абстрактные категории, отличающиеся неисторическим характером.

Недостатки той схемы деления жалованных грамот на разновидности, которую разработал Горбунов, бросаются в глаза и объясняются общими пороками его методологии, отрывающей формулы юридических доку-

---

[1] А. Н. Горбунов. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках, «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым, кн. I, СПб., 1860, стр. 1—54; кн. V, СПб., 1863, стр. 1—86; кн. VI, М., 1869, стр. 1—194.

[2] Там же, кн. I, стр. 6—7.

ментов от тех противоречий в истории общества, которые нашли в этих формулах свое отражение. Категория грамот льготных, по классификации Горбунова, отличается слишком широким объемом и неопределенностью содержания, так как под понятие льготных могут быть подведены грамоты, содержащие привилегии самого разнообразного характера: судебные, податные и т. д. Самое понятие «льгота» не отражает реальных отношений, так как в феодальном обществе судебный и податной иммунитет являлся аттрибутом сословной земельной собственности. Грамоты «вотчинные», «освободительные» и «имеющие характер гражданских сделок» княжеской власти с землевладельцем объединяются между собой единым признаком закрепления (в разных формах) путем княжеской санкции за землевладельцем недвижимого имущества. Понятие «гражданская сделка» затушевывает как внутриклассовые противоречия среди феодалов, боровшихся за распределение земельных богатств и ренты, так особенно классовую сущность жалованных грамот, защищавших интересы феодалов в целом и предоставлявших им средства внеэкономического принуждения в отношении непосредственных производителей.

После первого опыта разработки жалованных грамот, сделанного Горбуновым, их изучение пошло по двум путям. Одни буржуазные исследователи останавливались по преимуществу на форме жалованных грамот и на вопросах их классификации, т. е. затрагивали проблемы дипломатики в узком смысле слова. Другие обращались к этому источнику для характеристики привилегированного феодального землевладения XIV—XV и следующих веков, т. е. использовали жалованные грамоты в исторических целях.

Такой разрыв двух тесно связанных между собой задач являлся искусственным и служил показателем методологической несостоятельности буржуазной исторической науки, так как задача исторического источниковедения заключается не в выяснении формальных внешних признаков источников, а в раскрытии их значения для изучения истории развития производительных сил и производственных отношений.

Формуляру жалованных грамот посвятил первую главу своего исследования: «Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции» Д. М. Мейчик.[1] Он извлек из фонда Грамот Коллегии экономии 110 жалованных грамот и подверг их анализу. Введение в научный оборот нового, ранее неизвестного, документального материала являлось заслугой Мейчика. Но его анализ жалованных грамот носит такой же неисторический характер, как и работа Горбунова.

Подразделяя «составные части жалованных грамот» на «существенные и несущественные», Мейчик «в ряду существенных и общих составных частей» выделяет: 1) «вступление, в котором тотчас обнаруживается свойство акта и лица, в нем участвующие»; 2) «означение жалуемого имущества, права или льготы»; 3) удостоверительную часть: печать и подпись. Останавливаясь последовательно на всех трех указанных составных частях, Мейчик попутно рассматривает «частности или особенности различных видов грамот, равно как общие, но юридически не обязательные черты их».

«Существенные» и «несущественные» части жалованных грамот интересуют Мейчика сами по себе, догматически, с точки зрения состава документа как такового, вне связи изучаемого документа с реальной исторической действительностью. Жалованная грамота в оценке

---

[1] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 3—19. См. также рецензию на эту книгу М. Липинского в «Журнале Министерства народного просвещения», 1885, сентябрь.

Мейчика приобретает характер юридической абстракции, распадающейся на «общие» и «частные» составные части, лишенные исторического содержания.

Классификация жалованных грамот, предложенная Мейчиком, представляется несколько более простой, чем та, которую мы находим в работе Горбунова. Но и Мейчик, подобно Горбунову, остается в плоскости формально-схоластического анализа источника, не делая попытки связать его с общеисторическими явлениями периода раннего феодализма и не раскрывая его классовой сущности. Мейчик различает: 1) «*жалованные* грамоты на земли, воды и разные угодья, по характеру своему заменяющие то данные, то купчие, то меновные, то докладные»; 2) грамоты *заповедные*, «которыми монастыри и их села и деревни ограждаются особыми мерами от насилий и произвола как служилых, так и не служилых людей»; 3) грамоты *судные и несудимые*, предоставляющие льготы в области суда; 4) *обельные* грамоты, выделяющие «людей известной местности» «из среды прочих городских или волостных черных людей, которые несут все тягости и повинности как денежные, так и личные». Эти четыре разновидности подводятся Мейчиком под «*чистый тип*» жалованных грамот. Для них характерна *однородность пожалования:* «жалуются отдельно какие-нибудь имущества, права, льготы, или целая совокупность однородных предметов». К «*смешанному типу*» жалованных грамот относятся грамоты, совмещающие в себе разнородные предметы: «имущества вместе с изъятиями из общего порядка суда и управления, или хотя одни льготы, но разнородного свойства, как-то: податные и судебные в разных сочетаниях». Наиболее распространенные разновидности жалованных грамот смешанного типа — это «*обельно-несудимые* и *данные* на имущества вместе с разного рода льготами: административными, судебными и податными».

Наблюдения Мейчика представляют попытку разработки с буржуазных позиций дипломатики одной из наиболее крупных по количеству и наиболее важных по содержанию категорий публичноправовых актов феодальной эпохи. Эта попытка носит формальный характер. Для историка недостаточно чисто теоретического распределения грамот по разновидностям, «типам» и редакциям. Для него важно установить, как сложились эти «типы» и редакции исторически и какими причинами социально-экономического и политического характера можно объяснить наблюдающиеся изменения формуляра грамот. «Чистый тип» Мейчика — это абстрактная юридическая категория, не раскрывающая, а затемняющая конкретно-историческое содержание памятника. Так же, как и в схеме Горбунова, феодальный иммунитет расценивается Мейчиком как «льгота». Внутриклассовая борьба между духовными и светскими феодалами рассматривается как «произвол» одних в отношении других. А классовая сущность иммунитетных грамот, заключающаяся в закреплении за феодалами средств внеэкономического принуждения в отношении непосредственных производителей, подменяется извращающей действительный характер явлений формулой об изъятии «людей известной местности» «из среды прочих. . . черных людей».

Классификации жалованных грамот, которые предлагаются авторами различных буржуазных курсов по истории русского права, появившихся во второй половине XIX в. — начале XX в., отличаясь отдельными деталями от классификации Горбунова и Мейчика, страдают теми же основными методологическими дефектами. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов различает три категории жалованных грамот: 1) «Жалованные в тесном смысле», т. е. «дарственные на имущества от государства частным лицам»; 2) льготные (иммунитеты), содержащие «освобождение

грамотчика от общих тягостей суда и дани»; 3) охранительные (заповедные, указные), «утверждающие общую законодательную норму в применении к частному случаю и лицу»[1]. В своей классификации М. Ф. Владимирский-Буданов идет по тому же ложному пути, что и Горбунов и Мейчик.

В том же формально-схоластическом направлении, в каком вел свои работы Мейчик, их продолжил С. А. Шумаков. Занимаясь в течение ряда лет разбором и описанием Грамот Коллегии экономии, Шумаков в 4-м выпуске своего поуездного «Обзора» этого фонда поместил статью о «грамотах и записях», в которой дал разработанную им схему классификации актового материала. Шумаков, несомненно, оказал услугу исторической науке своим детальным описанием и выборочным изданием документального материала фонда Коллегии экономии. Заслуга Шумакова заключается в том, что он значительно увеличил количество известных до его работ жалованных грамот. Но его классификация жалованных грамот построена на порочной методологической основе.

Среди жалованных грамот Шумаков различает: 1) *грамоты вотчинные* — «дарственные акты от государства разным учреждениям (церковным, например) и частным лицам на недвижимости и (реже) на право производства некоторых промыслов»; 2) *грамоты льготные* (иммунитеты) как на земли, даваемые князьями, так и на приобретаемые грамотчиками от других лиц; 3) *грамоты охранительные (заповедные, указные)*, утверждавшие «в применении к частному случаю и лицу общую законодательную норму, почему-либо поколебавшуюся, но еще не утерявшую под собой окончательно базиса реального соотношения сил». *Грамоты льготные* Шумаков подразделяет на следующие: 1) *тарханные* (освобождающие землевладельцев одновременно и от суда наместников и от податей); 2) *несудимые* (предоставляющие только судебные привилегии); 3) *обельные* (дающие лишь податные льготы); 4) *льготные в узком смысле* (освобождающие от податей и повинностей на какой-то определенный срок, вследствие чрезвычайных обстоятельств: мора, пожара, разорения от неприятелей и пр.); 5) *сводные или ободные* (подтверждающие прежние льготы и дающие одновременно новые)[2].

Классификация Шумакова близка к схеме деления жалованных грамот, предложенной Мейчиком, хотя и не совпадает с нею полностью. Так же, как и Мейчик, Шумаков в анализе документов исходит из чисто формальных позиций. Выявляя формуляр той или иной разновидности грамот, он не поднимает вопроса об его историческом развитии, не пытается поставить в связь эволюцию жалованных грамот с определенными изменениями в социально-экономических и политических отношениях русской действительности XIV—XV и последующих веков.

Автор говорит о взаимоотношениях «государства» с «разными учреждениями и частными лицами», об «общих законодательных нормах» и их применении к «частным случаям» и тем самым исходит из представления буржуазных юристов о государстве как внеклассовой силе, осуществляющей идею «общего блага». Совершенно естественно, что с подобных методологических позиций нельзя было дать научной исторической классификации жалованных грамот.

Жалованные грамоты как источник права подвергнуты на основе буржуазной методологии анализу в статье П. И. Беляева: «Источники

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 5, СПб. — Киев, 1907, стр. 218—219, См. также: М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4-е, СПб., 1912, стр. 205—207.

[2] С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 5—9.

древнерусских законодательных памятников». П. И. Беляев сопоставил жалованные грамоты с уставными грамотами наместничьего управления, губными и земскими и нашел в них много общих положений. Это заставило его высказать утверждение о неправильности «видеть везде в жалованных грамотах дарование льготы, priva lex, — во многих случаях (не в большинстве, конечно) они содержат правовые нормы, нисколько не оттененные характером льготности»[1]. Так, П. И. Беляев ставит вопрос о жалованных грамотах как актах княжеского законодательства. Строго научный подход к этой проблеме должен был бы привести автора к необходимости рассмотреть происхождение содержащихся в жалованных грамотах правовых норм в плане реальных задач великокняжеской политики, определявшихся характером производственных отношений данной эпохи и развертыванием классовой борьбы. Но буржуазная методология помешала Беляеву пойти по этому пути, и он ограничился установлением чисто внешнего сходства формуляра жалованных грамот с уставными наместничьими и другими.

Использование жалованных грамот как источника для фактического изучения характера податных и судебных привилегий, которыми обладали духовные и светские феодалы, началось в буржуазной историографии со второй половины XIX в., хотя первые опыты такого использования относятся и к более раннему времени. В 1862 г. появилось исследование В. Милютина: «О недвижимых имуществах духовенства в России», пятая глава которого посвящена рассмотрению юридической природы привилегированного церковного и монастырского землевладения[2]. Положив в основу своих наблюдений большое количество жалованных грамот, автор сначала кратко остановился на их видах и формуляре, а затем коснулся содержания грамот, указав на «существо тех привилегий, которые предоставлялись духовным заведениям».

Жалованные грамоты как источник для изучения судебного и податного иммунитета феодальных вотчин митрополичьей кафедры привлечены М. И. Горчаковым в его монографии: «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода»[3]. Работы Милютина и Горчакова носят чисто описательный характер. Авторы рассматривают только юридические формы землевладения, не касаясь истории производительных сил и производственных отношений. В чисто идеалистическом плане они считают жалованные грамоты актами княжеской «милости», источником судебных и податных льгот.

Позднейшие исследователи, занимавшиеся историей отдельных монастырей-феодалов, при характеристике их землевладения, естественно, также обращались к жалованным грамотам рассматриваемых монастырских архивов. Ряд подобных монографий, посвященных монастырскому и церковному феодальному землевладению, появился еще до Великой Октябрьской социалистической революции[4]. Но только в советской

---

[1] П. И. Беляев. Источники древнерусских законодательных памятников — ЖМЮ, 1899, ноябрь, стр. 135 и сл. — В другой работе того же автора: «Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение» (ЖМЮ, 1916, октябрь и ноябрь) выясняется, как на почве исконной вотчинной власти, подтвержденной жалованными грамотами, расцвела «помещичья сеньория XV—XVI вв.».

[2] В. Милютин. О недвижимых имуществах духовенства в России, М., 1862, стр. 165—272.

[3] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 249—307.

[4] Например, А. Горский. Указ. соч.; Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII в., т. I, вып. 1—2. СПб., 1897—1900; Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, СПб., 1914.

исторической литературе изучение феодального землевладения и хозяйства поставлено на подлинно научную почву[1].

Анализ содержания жалованных грамот дал В. И. Сергеевич. Он выдвинул точку зрения, согласно которой выдача жалованных грамот представляла собой шкроко распространенное явление, была общим правилом, а не исключением. «Думаем так потому, — говорил В. И. Сергеевич, — что в числе пожалованных встречаются Ивашки и Федьки. Можно ли допустить, что большие люди, имена которых писались с «вичем», имели менее прав и привилегий, чем эти Ивашки,жалованные грамоты которых случайно сохранились до наших дней»[2].

Ошибка В. И. Сергеевича заключалась в подходе к иммунитету не как к историческому явлению, а как к вневременной юридической догме, в силу чего жалованные грамоты рассматривались им не в эволюции, не в тесной связи с общим историческим процессом, а как нечто неизменное и закостеневшее в своих юридических формулах. В силу этого В. И. Сергеевич недостаточно учитывает то обстоятельство, что иммунитет претерпевал изменения, что по жалованным грамотам можно проследить процесс распространения иммунитетных привилегий, характерных для крупного боярского землевладения, на более широкий круг служилых людей, средних и мелких землевладельцев. А это, в свою очередь, являлось следствием укрепления политического положения дворянства[3].

Делались в русской исторической литературе также попытки привлечь жалованные грамоты для фактического изучения отдельных правовых институтов феодального общества. Примером подобного подхода к интересующему нас виду источников может служить книга Н. Ланге, в которой выясняется характер организации так называемых «сместных судов» (по делам между лицами, подведомственными различным судьям: вотчинникам — с одной стороны, наместникам и волостелям— с другой)[4]. Сместные суды представляли собой очень интересное явление русского феодального общества XIV—XV вв., рисующее одну из форм организации класса феодалов в целях осуществления своего господства над непосредственными производителями. Но Ланге подходит к вопросу о сместных судах с точки зрения буржуазного юриста XIX в., не раскрывая их классового смысла.

Из сказанного видно, что изучение жалованных грамот производилось преимущественно на материалах церковных и монастырских феодальных архивов. Грамоты светским привилегированным землевладельцам, служилым людям, были долгое время известны в очень ограниченном количестве. Н. Ланге насчитывал 23 таких грамоты, из них только девять от XV в.[5] В. И. Сергеевич знал 10 подобных жалованных грамот XV в., семь — XVI в. и одну — XVII в.[6] Материал жалованных грамот служилым людям значительно вырос с выходом в свет в 1898 г. сборника

---

[1] Б. Д. Греков. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв., «Летопись Постоянной Историко-археографической комиссии», вып. 33, Л., 1926; А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1926; М. Н. Тихомиров. Монастырь-вотчинник XVI в., «Исторические записки», т. 3 и др.

[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, СПб., 1890, стр. 330. См.: Его же. Древности русского права, т. III, СПб., 1903, стр. 291—304.

[3] И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. — «Исторические записки», т. 24, стр. 298—299.

[4] Н. Ланге. Древние русские смесные или вобчие суды, М., 1882.

[5] Там же, стр. 100.

[6] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, изд. 2-е, СПб., 1902, стр. 365.

актов, представленных в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества[1]. А. Юшков ввел в научный оборот до 60 жалованных грамот служилым людям, из которых до 25 падают на время до смерти Ивана III. В связи с этим появилась возможность изучения, параллельно с привилегированным землевладением, церковным и монастырским, также иммунитета землевладения светского.

Н. П. Павлов-Сильванский перенес это изучение на почву сравнительно-исторического метода в типичном для буржуазной историографии преломлении. Он решил сопоставить русские жалованные грамоты с дипломами франкских королей на иммунитеты. Это сопоставление не носило систематического характера. Автор пользовался выборочным методом, привлекая для своих целей лишь отдельные, часто случайно взятые документы, как западные, так и русские. В результате своего исследования он пришел к выводу, что «иммунитетные порядки в России и на Западе совпадали во многих частностях, и что в отличительных чертах русского иммунитета только яснее выражается его общая основа с иммунитетом германским»[2]. Русский иммунитет XIV в., по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, имел больший объем и большее значение, чем западный средневековый иммунитет времени Меровингов. Лишь постепенно, в XIV—XVI вв., происходит ограничение судебных прав русских вотчинников[3]. Считая, что «русский и западный иммунитеты представляют несомненно один и тот же институт по существу и объему составляющих их прав и преимуществ»[4], Павлов-Сильванский делает отсюда дальнейшее заключение: иммунитет — это «право, по обычаю издревле принадлежавшее крупным землевладельцам». Подкрепляя в дальнейшем эту мысль некоторыми конкретными данными из древнерусской истории, автор по вопросу о происхождении иммунитета последовательно выступает сторонником теории о «принадлежности светским вотчинникам иммунитетных привилегий по обычному праву, независимо от пожалований»[5].

Исследование Павлова-Сильванского о русском иммунитете построено на порочном методе чисто внешних сопоставлений его с иммунитетом феодального землевладения средневековой Европы. При этом иммунитет автор понимает как чисто правовой институт, не связанный с производственными отношениями эпохи. То обстоятельство, что автор в основу своих наблюдений положил лишь случайные документы, привлекаемые в качестве иллюстраций определенных, выдвинутых им, положений, сделало неполной, односторонней, незаконченной и недоказательной нарисованную им картину. Обратив внимание на черты формального сходства западных порядков с русскими, Н. П. Павлов-Сильванский не мог раскрыть сущность процесса развития феодальных отношений, так как для этого нужно было обратиться к изучению способа производства. Возводя происхождение иммунитетных привилегий к обычному вотчинному праву, Павлов-Сильванский не смог выяснить их происхождения, так как для этого ему было бы необходимо проследить развитие частной собственности, выраставшей в результате экспроприации общинных земель и узурпации прав свободных общинников. Осталась невыясненной эволюция иммунитета.

---

[1] Акты XIV—XV вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собр. и изд. А. Юшков, ч. 1, М., 1898.

[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 264.

[3] Там же, стр. 295.

[4] Там же, стр. 281—282.

[5] Там же, стр. 295.

В 1911 г. появилась книга В. Панкова «Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение», основанная на данных жалованных грамот. Автор довольно полно собрал известные в печати жалованные грамоты и, разбив материал по княжествам, более или менее подробно изложил их содержание. В заключение высказаны общие соображения о роли монастырского и боярского землевладения. Книга не носит исследовательского характера и представляет собою простую сводку материала. Кроме того, в ней допущен ряд ошибок в изложении и толковании источников[1].

После Великой Октябрьской социалистической революции с буржуазных позиций к изучению жалованных грамот подошел С. Б. Веселовский. В 1926 г. вышла его книга: «К вопросу о происхождении вотчинного режима». Автор остановился преимущественно на жалованных грамотах светским лицам, которые послужили ему материалом для характеристики иммунитета феодального землевладения. С. Б. Веселовский ввел в научный оборот много новых актов, не известных до него исследователям. Общее количество жалованных грамот служилым людям XIV—XVI вв., использованных в книге С. Б. Веселовского, равняется ста девяти, из них на время до смерти Ивана III падает около пятидесяти. Автор выясняет общие черты судебного и податного иммунитета, а затем касается отдельных категорий иммунистов, останавливается на вопросе о применении судебного иммунитета к промыслам и торговле независимо от землевладения, разбирает терминологические особенности и формулы некоторых грамот, выданных удельными (рязанскими) князьями. Целый ряд отдельных наблюдений С. Б. Веселовского представляет бесспорный интерес. Но его общая концепция истории иммунитета глубоко порочна. С. Б. Веселовский приходит к выводу о том, что «иммунитет был универсальным средством, которое князья употребляли с самыми различными целями. В одних случаях (при выдаче судебных и податных льгот) они руководились религиозными мотивами, в других — имели в виду заселение и разработку пустых земель, в третьих — обеспечение различных специальных служб, административных и хозяйственных. Нередко разные мотивы соединялись и сплетались так тесно, что трудно сказать, какой из них был первым и главным. . . В зависимости от различных целей и обстоятельств, иммунитет употреблялся в различных дозах, приспособлялся к обстоятельствам и изменялся в подробностях, но важно то, что сущность иммунитета, сводившаяся к нескольким основным положениям, всегда остается одна и та же. Самая существенная черта иммунитета это — теснейшая в нем связь между пожалованиями судебными и пожалованиями в области тягла и управления. . . В общем все сводилось к выделению владения грамотчика, его самого и его людей, из общей массы черных земель и людей князя. Оно выражалось в том, что грамотчик получал независимость от суда и административной власти общих органов местной власти князей (наместников и волостелей) и свободу от черного тягла с черными людьми. Все подати и повинности, от которых грамотчики и их владения не были свободны, они несли самостоятельно, особо от черных людей. С этой точки зрения, иммунитет был в руках князей такой же нормальной формой управления (в широком смысле слова) одной частью своих владений, как управление при помощи кормленщиков, дворских и сотских черно-тяглыми людьми было нормальной формой для другой части удела»[2].

---

[1] В. Панков. Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение, СПб., 1911, стр. 93.

[2] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, М., 1926, стр. 82—84.

Подчеркивая значение жалованных грамот как актов княжеской экономической политики, указывая, что жалованные грамоты являлись в руках князей средством организации административной системы на основе признания определенных судебных и фискальных прав за землевладельцами, всячески выдвигая организующую роль жалованных грамот, С. Б. Веселовский исходит при этом из глубоко ошибочной предпосылки *о происхождении* иммунитета из княжеских пожалований.

Вопрос о генезисе иммунитетных привилегий С. Б. Веселовский подменяет вопросом о роли жалованных грамот, как актов княжеской политики в отношении привилегированного феодального землевладения. Великокняжеская власть в процессе ликвидации феодальной раздробленности, опираясь на растущее земельное дворянство и города и отражая их интересы, ставила своей задачей замену старого сеньериального права новыми началами судебной централизации. Эту политику отражают сохранившиеся жалованные грамоты. С. Б. Веселовский, рисуя значение княжеских жалованных грамот как проводников определенных мероприятий в области экономической политики и организационных начинаний административного характера, с одной стороны, не раскрывает классовой основы этих мероприятий, а с другой, развивает неверную точку зрения о происхождении иммунитета из княжеского пожалования.

Критические замечания по поводу концепции С. Б. Веселовского были впервые сделаны А. Е. Пресняковым, который поставил вопрос и о дальнейших задачах в области изучения жалованных грамот. «Жалованная грамота, — пишет А. Е. Пресняков, — как источник права, создает определенные правоотношения и дает им обоснование в определенном акте княжеской власти — пожаловании. Но это еще ничего не говорит о происхождении тех общественных отношений, которые получают в жалованных грамотах правовое оформление и правовую санкцию. Жалованные грамоты, акты княжеской власти эпохи ее непрерывного усиления в XIV—XVI веках, ставят сложившиеся отношения вотчинного властвования на новые основания и в новые условия. . . Жалованная грамота не источник, создающий, как полагает С. Б. Веселовский, заново основы вотчинной юрисдикции и связь «предпосылок иммунитета» с землевладением, а прием организации на новых упроченных основаниях связи между крепнущей правительственной властью и землевладельческим классом»[1].

Таким образом, А. Е. Пресняков предложил различать две стороны вопроса: во-первых, генезис и сущность тех общественных отношений, которые характерны для феодальной вотчины, в основе которых, как мы знаем, лежит система внеэкономического принуждения непосредственных производителей землевладельцами, и которые лишь фиксируются княжескими грамотами; во-вторых, значение жалованных грамот как актов княжеской политики. Несмотря на то, что А. Е. Пресняков не дал марксистского понимания иммунитета, в критике С. Б. Веселовского он стоял на правильном пути. Однако С. Б. Веселовский не был убежден этой критикой и через двадцать лет не только полностью воспроизвел, но даже еще усилил свои ошибочные положения по вопросу об иммунитете[2].

Точка зрения С. Б. Веселовского вообще типична для буржуазной историографии, которая рассматривает иммунитет *как форму государ-*

---

[1] А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. «Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии», вып. 34, Л, 1927, стр. 181. См. также: А. Е. Пресняков. Московское царство, Пгр., 1918, гл. 14.

[2] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, стр. 110—145.

ственного управления, организуемого по инициативе верховной власти Понятие «иммунитета» при этом часто отождествлялось с понятием «феодализма», как определенной *государственной организации*. Эта точка зрения особенно ярко выражена в работах Д. М. Петрушевского, близкого по своим взглядам к концепции С. Б. Веселовского. «Крупный землевладелец становится феодалом, а его поместья — феодальными поместьями только с того момента, когда он получает от верховного носителя государственной власти часть этой власти в отношении к сидящему на территории его владений населению»[1]. Понимая под иммунитетом *форму государственного устройства*, Д. М. Петрушевский в понятие феодализма вкладывает чисто политическое содержание, отрывая его от проблем социально-экономической истории. «Феодализм есть определенная форма государственного устройства и управления, организуемая центральной государственной властью в восполнение своих административных, в широком смысле, ресурсов, путем привлечения к общей государственной работе представителей социальной и экономической силы и кристаллизовавшихся вокруг них социальных образований, путем огосударствления сложившихся в сфере влияния подлинной частной власти общественных организаций»[2].

Подобное определение в корне противоречит марксистскому пониманию природы феодализма, который рассматривается Д. М. Петрушевским не как общественно-экономическая формация, характеризующаяся определенным способом производства, а как надклассовая государственная организация.

В советской исторической науке марксистско-ленинское понимание происхождения и развития русского иммунитета было дано, главным образом, в работах И. И. Смирнова. Последний исходит из указания Маркса на иммунитет как аттрибут феодального землевладения. Отмечая, что материальной основой иммунитета являлась крупная земельная собственность, И. И. Смирнов в вопросе о происхождении иммунитета придерживается правильной точки зрения, согласно которой иммунитет представляет собой исконное обычное право владельцев этой собственности, возникшее независимо от пожалований верховной власти. Иммунитет, как указывает И. И. Смирнов, — «являлся одним из выражений иерархической структуры феодального государства, в котором политическая власть была таким путем разделена между членами господствующего класса»[3].

Эволюцию иммунитета И. И. Смирнов рассматривает в тесной связи с процессом ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного государства. Этот процесс сопровождался борьбой великокняжеской власти «против сеньориальных прав феодалов и важнейшего из этих прав — иммунитета». Великие князья «объявляли действительными и законными лишь те иммунитетные привилегии, которые санкционировались ими путем выдачи жалованных грамот»[4]. При этом посредством жалованных грамот великокняжеская власть, с одной стороны, ограничивала объем иммунитетных привилегий крупных землевладельцев, с другой, — расширяла круг лиц, получавших эти привилегии, за счет включения в число иммунистов представителей дворянства[5]. Количественный рост иммунитета сопровождался, таким образом, изменением

---

[1] Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы, М.—Л., 1928, стр. 75.
[2] Там же, стр. 76.
[3] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 296.
[4] Там же, стр. 297.
[5] Там же, стр. 300.

его природы. В отношении крупных привилегированных землевладельцев жалованная великокняжеская грамота означала санкцию со стороны государственной власти их исконных вотчинных прав, объем которых сокращался. В отношении же служилых людей жалованные грамоты, возвышая их до положения привилегированных землевладельцев, устанавливали новые взаимоотношения между ними и органами центральной государственной власти на местах: грамотчик становился контрагентом наместников и волостелей[1].

Исходя из такого понимания иммунитета, И. И. Смирнов выдвигает две задачи изучения жалованных грамот как исторического источника: во-первых, — с точки зрения решения «общей проблемы о характере иммунитета в древней Руси»; во-вторых, — с точки зрения раскрытия «сложной и запутанной политической истории» централизованного Русского государства, «в частности в вопросе о взаимоотношениях между московскими великими князьями и их удельными родичами». Эти задачи были намечены И. И. Смирновым в предисловии к изданной им жалованной грамоте князя Владимира Андреевича Старицкого А. А. Карачеву 1544 г.[2]

Ряд весьма ценных наблюдений, касающихся жалованных грамот как исторического источника, имеется в работах Б. А. Романова. Ему принадлежит специальное исследование о жалованной грамоте рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю XIV в., выясняющее происхождение и историческое значение этого памятника[3]. Отдельные замечания о разновидностях жалованных грамот Б. А. Романов высказал в своем исследовании о Судебнике 1550 г.[4]

Важные соображения принципиального характера по вопросу о происхождении и эволюции иммунитета развил С. В. Юшков. Он отмечает, что «иммунитет является в значительной степени юридической стороной формы феодального властвования». Иммунитет «оформляет и вместе с тем обеспечивает феодальную эксплоатацию крупными землевладельцами подвластного им сельского населения». Эволюция иммунитета, считает С. В. Юшков, отражает развитие феодальной ренты. «Возникновение иммунитета, — указывает автор, — есть следствие возникновения (юридическое выражение) феодальной ренты. Час рождения феодальной ренты есть час зарождения иммунитета». «Историю иммунитета необходимо изучать в теснейшей связи с историей феодальной ренты»[5].

Подведем итоги историографическому обзору вопроса об иммунитете и наметим те методологические предпосылки, из которых следует исходить при изучении жалованных грамот как источника для выяснения сущности и истории иммунитета.

Понять иммунитет можно лишь при условии его изучения в тесной связи с системой производственных отношений феодальной эпохи. Именно такой вывод вытекает из указания Маркса и Энгельса на феодализм,

---

[1] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 301. См. также: И. И. Смирнов. С позиций буржуазной историографии (Критический очерк по поводу книги С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северовосточной Руси», т. I, «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 122—123).

[2] «Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939, стр. 51—59.

[3] Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича рязанского Ольгову монастырю, «Проблемы источниковедения», сб. III, М.—Л., 1940, стр. 205—224.

[4] Б. А. Романов. Судебник Ивана Грозного, «Исторические записки», т. 29, стр. 214.

[5] С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, М., 1949, стр. 375—376; его же. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939, стр. 229—237.

как политическую форму «средневековых отношений производства и общения»[1].

Таким образом, согласно учению основоположников марксизма, иммунитет представляет собой определенную *форму внеэкономического принуждения* в отношении непосредственных производителей классом землевладельцев-феодалов. «В средние века источником феодального гнета» было прикрепление к земле производящего населения. «Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней как крепостной или обязанный и был обязан землевладельцу работами и продуктами»[2].

В такой, единственно правильной, трактовке понятие иммунитета получает классовое содержание. Оно исходит из противоположности интересов между привилегированными земельными собственниками и зависимым сельским населением. «. . . Общество развивалось до сих пор всегда в рамках некоей противоположности, которая была. . . в средние века — между дворянством и крепостными. . .»[3] Следовательно, иммунитет представляет собой систему *господства и подчинения* в феодальной деревне, организованно проводившуюся классом феодалов *методами экономического принуждения.*

Только в свете марксистско-ленинской методологии становится понятной и эволюция иммунитета. Буржуазные историки утверждали, что источником иммунитетных привилегий феодального землевладения является княжеское пожалование. Эта антимарксистская точка зрения получила особенно развернутое выражение, как мы видели, в работах С. Б. Веселовского, который считает, что иммунитет возникал вследствие отказа князей от тех или иных своих прав в пользу частных землевладельцев[4]. Подобный взгляд на генезис иммунитетных привилегий находится в тесной связи с общим ложным представлением автора об иммунитете прежде всего как средстве княжеской политики, как «нормальной форме управления», организуемого князьями[5].

Маркс совершенно отчетливо установил, что «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»[6]. Исходя из учения Маркса об иммунитете как аттрибуте феодального землевладения, надо признать, что иммунитет возникает вместе с появлением частной земельной собственности, в результате узурпации землевладельцами судебных, фискальных и иных прав, принадлежавших ранее свободным крестьянским общинам.

Иммунитет достигает своего расцвета в период феодальной раздробленности. Он является характерной чертой привилегированной сословной земельной собственности, с ее иерархической структурой, выражающейся во взаимной связи собственников земли цепью обязательств. Эта своеобразная социальная пирамида делает господствующий класс «ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса»[7], давая ему возможность, путем внеэкономического принуждения, осуществлять эксплоатацию непосредственных производителей.

Сословно-иерархическая структура земельной собственности является основой государственной организации господствующего класса. «. . . Феодализм имеет своим основанием вполне эмпирические отношения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 157.
[2] Там же, т. XVI, ч. I, стр. 287.
[3] Там же, т. IV, стр. 419.
[4] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, стр. 117.
[5] Там же, стр. 114.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 366.
[7] Там же, т. IV, стр. 14.

Иерархия и ее битвы с феодализмом (битвы идеологов определенного класса против самого этого класса) представляют собой лишь идеологическое выражение феодализма и битв, развертывающихся внутри самого феодализма. . .»[1] Для периода феодальной раздробленности характерна сословно-иерархическая система наследственных связей, основанных на земельном держании и несении разного рода служебных повинностей. Крупные иммунитетные владения распадаются на более мелкие ячейки, которые, в свою очередь, также пользуются в той или иной степени иммунитетными привилегиями, признанными их сеньорами. В результате— децентрализация, дробление суверенитета, так как каждая иммунитетная ячейка представляет собой единицу, в какой-то мере обособленную в сферах хозяйственной, податной и судебно-административной. Следствием этой децентрализации является то безграничное хозяйничанье «разбойничьего дворянства», о котором писал Энгельс. Но, с другой стороны, в целом все эти самостоятельные в известных пределах земельные единицы в своей сословно-иерархической связи представляли собой коллектив, направленный против трудовых масс, эксплоатируемых на основе феодальной ренты. Зависимость внутри сословной иеархии господствующего класса принципиально отличается от личной зависимости крестьянина, являвшегося лишь придатком к земле, монополизированной феодалами.

«Иерархическая структура земельной собственности и связанная с ней система вооруженных дружин» [2] как основа классового господства феодалов над непосредственными производителями — закрепощенными крестьянами характеризует феодализм и феодальную раздробленность Буржуазные ученые говорили и о «замкнутой иерархии войсковых щитов», в которых нашла свое «отражение лестница феодальных отношений» и о «системе сословно-иерархической вотчинной организации вооруженных сил страны» [3], но они никогда не могли понять «самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя» — «отношение собственников условий производства к непосредственным производителям» [4], а в этом отношении, находящем свое выражение в феодальной ренте, кроется и сущность иммунитета.

Но если первоначально иммунитет являлся характерным признаком крупной феодальной вотчины независимо от княжеского пожалования, то в дальнейшем, с укреплением княжеской власти, последняя начинает проводить взгляд на себя как на источник иммунитетных привилегий. «. . . Здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике» [5]. Проводником политики князей являются жалованные грамоты, посредством которых княжеская власть вначале фиксирует отношения господства и подчинения, сложившиеся в феодальной деревне, а затем начинает подвергать их пересмотру на новых началах государственной централизации.

Такая перестройка иммунитета является следствием прежде всего изменения форм феодальной эксплоатации, требующего организации на новых началах господства класса феодалов над непосредственными производителями. Эволюция иммунитета отражает общий процесс сложения централизованного государства из политических образований эпохи

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 157.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Ф. Тарновский. Феодализм в России, «Варшавские университетские известия», кн. 4, 1902, стр. 34.
[4] К. Маркс. Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 804.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443.

феодальной раздробленности, вызванный определенными сдвигами в развитии производительных сил и ускоренный потребностями обороны. Этот процесс сопровождался острой классовой борьбой, причем в руках господствующего класса иммунитет служил средством держать в узде эксплоатируемое большинство трудового населения. Эволюция иммунитета является показателем борьбы и внутри класса феодалов между передовыми его слоями, которые поддерживали великокняжескую власть в ее политике централизации, и реакционными силами удельно-княжеской аристократии, стремившимися задержать образование централизованного государства и сохранить феодальную раздробленность. Аналогичная борьба велась и в средневековых государствах Западной Европы. «В каждом из этих средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они находились в состоянии непрерывного бунта» [1].

Таким образом, становится понятной эволюция иммунитета. Первоначально иммунитетная грамота представляла собой не акт княжеского «пожалования», создающий новое льготное землевладение, а документ, фиксирующий реальные отношения сеньориального права в защиту от возможных узурпаций. В дальнейшем эти реальные взаимоотношения «пошлой старины», через формулы княжеской жалованной грамоты, приобретают характер нововведения, *этой грамотой созданного.* Подобная иллюзия входила в расчеты великокняжеской политики, в процессе ликвидации феодальной раздробленности ставившей своей задачей замену старого сеньериального права новым правовым кодексом централизованного государства, отражавшим интересы нового, пришедшего к власти, слоя класса феодалов — дворянства.

Это перерождение иммунитета является отражением борьбы между великокняжеской властью, опиравшейся на земельное дворянство и города, и самостоятельными удельными князьями. Аналогичная борьба велась и в средневековых государствах Западной Европы. «. . . Королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом. . . , представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства» [2].

Из всего изложенного вытекают задачи изучения жалованных грамот как источников, отражающих историю иммунитета феодального землевладения. Жалованные грамоты должны раскрыть нам как формы эксплоатации непосредственных производителей методами внеэкономического принуждения, так и политику княжеской власти в области феодального землевладения. Источниковедческой предпосылкой для использования жалованных грамот в указанных направлениях должно явиться рассмотрение их формуляра в его историческом развитии, в тесной связи с социально-экономическими и политическими явлениями XIV—XV вв. и с другими историческими источниками эпохи. При этом выяснение происхождения отдельных жалованных грамот или групп их, относящихся к тому или иному феодальному центру, к тому или иному моменту в истории феодальной раздробленности XIV—XV вв., даст значительно больше, чем самый полный сводный текст и самая детальная классификационная схема. Без последней обойтись нельзя, но она является исходным пунктом анализа жалованных грамот как исторического источника, а не его конечной целью.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.
[2] Там же, стр. 444.

§ 2. Классификация жалованных грамот

Все жалованные грамоты привилегированным землевладельцам XIV—XV вв. могут быть разбиты на следующие главнейшие группы: 1) грамоты, закрепляющие переход различными путями во владение феодалов недвижимой собственности; 2) грамоты, содержащие судебные привилегии; 3) грамоты, фиксирующие свободу землевладельцев от различных податей и повинностей; 4) охранные (заповедные) грамоты на феодальные владения; 5) грамоты, предоставляющие право на производство промыслов и торговли и сбор торговых и таможенных пошлин.

В основе предлагаемой классификации лежит марксистско-ленинское учение о феодальном обществе. Материальной базой иммунитета является земельная собственность. Поэтому в первую категорию жалованных грамот и следует выделить грамоты, рисующие формы мобилизации земельной собственности в феодальном обществе, говорящие о борьбе за землю и ренту среди феодалов, закрепляющие переход черных земель в частное владение.

Право суда в отношении зависимого населения феодальной вотчины являлось привилегией крупного землевладельца, дававшей ему средства внеэкономического принуждения над непосредственными производителями. Эту привилегию (в более или менее полной форме) рисуют несудимые грамоты.

Другой такой привилегией, также утверждавшей систему господства и подчинения в феодальной вотчине, был сбор налогов с зависимого населения землевладельцами помимо представителей княжеской администрации. Об этой привилегии говорят грамоты тарханные или обельные.

Охранные или заповедные грамоты обеспечивают общие иммунитетные права феодального землевладения.

Экономическое развитие феодального общества, создавшее предпосылки для образования централизованного Русского государства, выражается в росте общественного разделения труда, формировании внутреннего рынка. Эти явления находят свое отражение в грамотах на торговлю и промыслы.

Жалованные грамоты, закрепляющие переход недвижимостей в собственность духовных и светских феодалов, в зависимости от форм перехода, могут быть подразделены на: а) *данные*, б) *купчие*, в) *меновные* и т. д.

Среди грамот с привилегиями судебного характера выделяются: а) грамоты *несудимые*, в развитом виде состоящие из четырехстатейного формуляра (запрещение княжеским чиновникам въезда в пределы иммунитетного округа; право иммуниста судить население своих вотчин по всем или некоторым делам; сместный суд; подсудность самого иммуниста князю или его боярину введенному); б) грамоты, устанавливающие определенные сроки для вызова приставами населения феодальных владений в суд по искам посторонних лиц (в зависимости от количества сроков мы встречаем грамоты *односрочные*, *двусрочные* или *трехсрочные*); в) грамоты о вызове в суд приставами крестьян землевладельца только через его приказчика, которому предъявляется приставная (без определения сроков вызова).

Грамоты с привилегиями податного характера распадаются на: а) *тарханные* (обельные), говорящие о полном или частичном, но бессрочном, освобождении от податей и повинностей; б) *льготные*, устанавливающие временную льготу (на определенный срок) в уплате податей и выполнении повинностей; в) *оброчные*, заменяющие всю массу развет-

ленных повинностей, падающих на данное феодальное владение, единой, твердой суммой оброка, уплачиваемого в заранее установленный срок.

Наиболее распространенные разновидности охранных (заповедных) грамот — следующие: а) грамоты на свободу от постоев княжеских гонцов и других административных и хозяйственных агентов и от обязанности предоставлять им кормы, подводы, проводников; б) грамоты, запрещающие незванным людям приезд на пиры и братчины; в) заповедные грамоты на леса, находящиеся во владении вотчинников; г) заповедные грамоты на дороги, ведущие к селам и деревням духовных и светских феодалов; д) грамоты, ставящие феодальные владения под охрану специально назначенных приставов и пр.

В числе пошлин, право на сбор которых предоставляется феодалам, чаще всего упоминается конское пятно, затем осминичье, померное и т. д.

Близко к жалованным грамотам стоят по своему характеру грамоты указные, содержащие распоряжения князя, адресованные своим агентам и содержащие часто распоряжения по вопросам феодального землевладения.

Большей частью исследователю приходится иметь дело с жалованными грамотами сложного состава, например: тарханно-несудимыми; или несудимыми и льготными, или данными на определенные селения и одновременно содержащими тархан от податей для населения и фиксирующими его неподсудность наместникам и волостелям, и т. д.

§ 3. Древнейшие жалованные грамоты

В настоящее время известно свыше 500 изданных и неизданных жалованных грамот XII в. — начала XVI в. (до смерти Ивана III). После Великой Октябрьской социалистической революции запас жалованных грамот сильно пополнился в результате обследования архивов целого ряда древнерусских монастырей: Троице-Сергиева, Макарьева-Колязина, Симонова, Кирилло-Белозерского и др.

Основная масса грамот падает на XV в. — начало XVI в. Ко времени до XV в. относится лишь очень незначительное количество актов указанного типа (около двух десятков).

Грамоты XII—XIV вв. отличаются неразработанностью формуляра, лаконизмом формулировок. В то же время они рисуют наиболее полный (по сравнению с последующим периодом) иммунитет феодального землевладения (несудимость без всяких ограничений, неограниченные льготы в области обложения и т. д.). Суд и сбор дани в пределах феодальной вотчины рассматриваются как исконное право землевладельца. Наиболее ранняя из сохранившихся жалованных грамот — грамота киевского князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Мстиславича, князя новгородского, от 1130 г. Юрьеву новгородскому монастырю — построена не в форме изъятия монастырских владений от подсудности и подведомственности в фискальном отношении княжеским местным агентам власти. Такая форма жалованных грамот характерна для более позднего времени. В грамоте же 1130 г. речь идет о непосредственном закреплении за монастырскими властями судебных и фискальных прерогатив, неразрывно связанных с владением землей, которая поступает в монастырь в качестве княжеского вклада. Грамота 1130 г. состоит не из статей отрицательного типа (отказ князя в пользу феодала от принадлежащих ему прав: «ненадобе моя дань. . .» и т. д.; «наместницы мои. . . и их тиуни к тем людем не всылают ни по что, ни судять их. . .» и т. д.).

Иммунитет выступает в положительной форме. Феодальная собственность на землю непосредственно влечет за собой судебные и податные привилегии, которые признаются князьями, как естественно вытекающие из факта землевладения. Село Буйце передается Юрьеву монастырю «с данию и с вирами и с продажами» и с «вепом вотским». В грамоте помещена сакральная формула, грозящая божьей карой тем из князей, кто захотел бы посягнуть на монастырские земельные права: «Даже который князь по моемь княжении почьнеть хотети отъяти оу святого Георгия, а бог боуди за темь и святая богородица и тъ святый Георгий оу него то отимаеть». В конце документа снова повторяется заклятье в отношении нарушителей княжеской грамоты: «Даже кто запъртить или тоу дань. . . , до соудить ему бог в день пришествия своего, тъ святый Георгий» [1].

Итак, собственность на землю подразумевает подсудность и подведомственность в податном отношении феодалу населения этой территории. Однако сеньориальные права феодала требуют признания со стороны княжеской власти. Поэтому княжеская жалованная грамота уже в XII в. получает характер важного политического акта, являющегося в руках князя средством для завоевания определенных политических позиций. В зависимости от реального соотношения сил акт, закрепляющий судебный и податной иммунитет, выступает или в форме пожалования или в форме договора князя с крупным землевладельцем. До нас дошли такого рода договорные акты великих и удельных князей с митрополичьей кафедрой или с крупными монастырями. Вопросы иммунитета земельных владений духовных корпораций разрешаются в них на основе обоюдного соглашения. Иммунитетная грамота как в форме жалованной, так и в форме докончальной служит в руках князей средством, которое помогает найти опору в тех или иных разрядах класса землевладельцев и общими силами удержать в узде эксплоатируемое население.

Передача Юрьеву монастырю в 1130 г. села Буйце — это акт «пожалования», облеченный в торжественную форму жалованной грамоты, составленной от имени двух князей: киевского Мстислава и новгородского Всеволода. Начало разбираемого документа построено в выдержанном торжественном стиле дарственного акта на землю, санкционирующего связанные с владением ею сеньориальные привилегии: «Се аз Мьстислав Володимирь сын, дьржа Роусьскоу землю в свое княжение, повелел есмь сыноу своемоу Всеволодоу отдати Боуйце святому Георгиеви. . .» и т. д. Грамота, по всем данным, была оформлена во время приезда в 1130 г. Всеволода к отцу в Киев после победоносного похода на чудь [2]. Выдача жалованной грамоты, несомненно, преследовала цели закрепления политических позиций Всеволода в Новгороде, особенно в церковной феодальной среде. В этом отношении грамота Мстислава и Всеволода по своим задачам имеет много общего с последующей жалованной грамотой тому же Юрьеву монастырю, выданной Иваном Калитой.

Неразвитость формуляра жалованных грамот, укладывающих все содержание иммунитета в запрет как членам княжеского семейства, так и административным агентам князей, наконец, всяким посторонним лицам нарушать землевладельческие интересы феодальной духовной корпорации, с соответствующим заклятьем на нарушителей, наблюдается и в прочих актах раннего времени. Так, кроме жалованной грамоты 1130 г., известны другие данные грамоты князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю, специальными заключительными формулами утвер-

---

[1] ДАИ, т. I, стр. 2, № 2; Амвросий. История российской иерархии, т. VI, стр. 773—774, № 1.

[2] ПСРЛ, т. III, стр. 6.

ждающие незыблемость княжеского дарения: «А кто сие мое слово переставит, ино судит ему бог и святый мученик Георгий в сем веце и в будущем. . .» «. . . А то дал есмь святому Георгию во веки; а хто поступит, судится со мною перед Георгием в сий век и в будущий»[1]. Можно полагать, что в этих конечных фразах данных грамот скрыты те пункты о невъезде в пределы монастырских владений судей и сборщиков податей, которые в развернутом виде встречаются в позднейших иммунитетных пожалованиях.

Такое же политическое значение, как грамоты Всеволода Мстиславича, по всем данным, имела и жалованная грамота новгородскому Пантелеймонову монастырю от имени князя Изяслава Мстиславича. Она относится, скорее всего, к 1148 г., когда Изяслав явился с небольшой дружиной из Смоленска в Новгород, где княжил его сын, с целью уговорить новгородцев выступить с ним вместе в поход против Юрия Долгорукого. Во время пребывания в Новгороде Изяслава последний пытался обеспечить себе симпатии новгородских феодалов и в то же время демагогически заигрывал с новгородскими горожанами, стараясь привлечь их на свою сторону целым рядом демонстративных выступлений. После торжественной обедни в Софийском соборе князь послал подвойских и биричей кликать по улицам, «зовучи к себе на обед от мала и до велика». На другой день было созвано вече, на котором князь выступил с речью, призывая новгородцев к организации похода. Новгородцы ответили, что с Изяславом пойдет «всяка душа, аче и дьяк, а гуменцо ему прострижено, а не поставлен будет, и тъй пойдет, а кто поставлен от бога молить»[2].

Тогда-то, вероятно, и была дана Изяславова грамота Пантелеймонову монастырю. В начале ее читаем, что «князь великий Изяслав Мстиславичь, по благословению епискупа Нифонта, испрошав есми у Новагорода святому Пантелемону землю село Витославиц и Смерды с угодьями»[3]. Ходатайство Изяслава перед Новгородским вечем о предоставлении земельных владений властям Пантелеймонова монастыря диктовалось так же, как и все его поведение в Новгороде, желанием обеспечить себе поддержку в феодальных кругах, в данном случае среди духовных феодалов.

По своему формуляру грамота Изяслава 1148 г. отличается от грамоты Мстислава и Всеволода 1130 г. Для нее характерно отсутствие прямых указаний на податные и судебные иммунитетные привилегии. Сущность полного иммунитета выражена в одной сжатой статье, запрещающей кому бы то ни было вступаться в монастырские земельные владения: «А в тое землю, ни в пожни, ни в тони не вступатися ни князю, ни епискупу, ни боярину, никому. А хто почнет вступатись в тое землю, и в воду и в пожни, или князь, или епискуп, или хто имет силу деяти, и он во второе пришествие станет тяжатися со святым Пантелемоном». В этой лаконичной формуле молчаливо подразумеваются обычные для позднейших жалованных грамот детальные постановления, разбирающие вопрос о конкретных судебных и податных привилегиях феодального землевладения.

В дальнейшем формуляр жалованных грамот становится значительно более развернутым. Появляются отдельные статьи, посвященные иммунитету судебному и податному. Но самые иммунитетные привилегии остаются еще в достаточной мере широкими. Иммунитетная грамота как в форме жалованной, так и докончальной, попрежнему служит в руках князей средством, которое помогает им найти опору в землевладельческих, прежде всего феодальных духовных кругах.

---

[1] Амвросий. История российской иерархии, ч. VI, стр. 774—775, № 2—3.
[2] ПСРЛ, т. II, стр. 40; т. III, стр. 10.
[3] Амвросий. История российской иерархии, ч. V, стр. 454—455.

§ 4. Жалованные грамоты времени начала объединения русских земель вокруг Москвы XIV в.

Сохранившиеся жалованные грамоты князей московского дома XIV в. интересны и для характеристики иммунитета феодального землевладения периода начала объединения русских земель вокруг Москвы, и для разрешения общих вопросов политики Ивана Калиты и Дмитрия Донского.

«Историческая заслуга Москвы, — указывает товарищ Сталин, — состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси. Заслуга Москвы состоит прежде всего в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство, с единым правительством, с единым руководством»[1]. Анализ жалованных грамот подтверждает это положение на конкретном материале. Грамоты рисуют политику великокняжеской власти, направленную к государственной централизации.

Известна жалованная грамота Ивана Даниловича Калиты новгородскому Юрьеву монастырю [2]. Этот документ может быть понят только в свете московско-новгородских отношений. В «Актах Археографической экспедиции» грамота Калиты отнесена к 1338—1340 гг., к тому времени, когда между Иваном Калитой и Новгородской боярской республикой произошли осложнения на почве отказа новгородцев уплатить «царев запрос» [3]. Но с одинаковым, а, пожалуй, даже бóльшим правом, документ можно датировать 1335—1337 годами. Анализ содержания изучаемого памятника подтвердит законность такой датировки. Политический смысл грамоты заключается в стремлении московского князя укрепить свои позиции в пределах Волока Ламского, владение которым долгое время являлось спорным между Москвой и Великим Новгородом. Грамота имеет в виду земли Юрьева монастыря, расположенные «на Волоце» и, запрещая монастырским властям принимать в свои владения «тяглых людей волоцких» и выходцев «из вотчины князя великого из Москвы», в то же время поощряет заселение монастырских земель новгородскими выходцами, обещая им ряд податных льгот: «Что земля святаго Юрья на Волоце, кто сядет на земли святого Юрья, дал есмь им волю, не надобе им потягнути к городу ни в которую дань, ни в подводы, ни в кормы, ни в стан, ни в который протор». Судебный иммунитет предоставлен в очень узком объеме. Из него изъяты дела о татьбе, разбое и душегубстве, которые, согласно грамоте, должны быть подсудны волоцким волостелям. Такая ограниченность судебных привилегий объясняется, конечно, политическими задачами, которые ставила перед собой грамота и которые выражались в попытке усилить московское влияние в области Волока Ламского и крепче подчинить население администрации, назначенной московским князем. В то же время грамота гарантирует «людям» «святого Юрья» патронат со стороны княжеских волостелей, которые должны их «блюсти и не обидети». В случае войны между Москвой и Новгородом Юрьеву монастырю обещана специальная охрана княжеского иммунитета.

Все приведенные выше статьи свидетельствуют, что жалованная грамота Калиты Юрьеву монастырю является одним из документов, отражающих стремление Ивана Даниловича к расширению своих великокняжеских прав в Новгороде. Волок Ламский являлся в этом отношении

---

[1] Приветствие И. В. Сталина Москве — «Правда», 7 сентября 1947 г.

[2] ААЭ, т. I, стр. 1—2, № 4; Амвросий. История российской иерархии, ч. VI, стр. 775—776, № 4; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», № 86, стр. 143 (под 1337—1339 гг.).

[3] ПСРЛ, т. III, стр. 77—78.

опорным пунктом, а льготы, предоставленные Юрьеву монастырю, — средством княжеской политики. Я считаю возможным датировать грамоту Ивана Калиты 1335—1337 годами потому, что она лучше всего укладывается в рамки событий этих лет. В 1335 г. Иван Данилович побывал в Новгороде, а затем пригласил к себе в Москву новгородского владыку Василия, посадника, тысяцкого и «нарочитых бояр». В 1336 г. Калита отправился в Орду, причем на возвратном пути оттуда нарушил крестоцелование и отправил свою рать на Двину, за Волок.[1] Грамота Юрьеву монастырю была, очевидно, дана в тот период, когда Калита находился в мирных отношениях с Новгородской феодальной республикой, но уже намечал поход в Заволочье и в связи с этим принимал некоторые меры для создания себе благоприятных условий в пределах Волока. Отсюда и появилось в грамоте указание на возможность «розмирья» с Новгородом и обещание в этом случае защиты населению монастырских земель на Волоке.

Таким образом, разбираемая грамота представляет собой источник для изучения объединительной политики Москвы.

Большой интерес имеют две жалованных грамоты великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцам Евсевке и Микуле с детьми. Первая грамота[2] дает ряд льгот жителю Торжка Евсевке, переселявшемуся в Кострому. Он освобождается от дани, яма и всех торговых пошлин, взамен которых должен ежегодно уплачивать в княжескую казну оброк в размере пяти куниц. Далее грамота ставит иммуниста под защиту тысяцкого Василья Васильевича Вельяминова. В первом томе «Дополнений к Актам историческим», в котором издан памятник, он датирован временем от 1362 до 1374 гг.[3] Мне кажется, эту датировку можно уточнить. Документ, несомненно, появился в связи с московско-тверскими отношениями первой половины 70-х годов XIV в. Если жалованная грамота Ивана Даниловича Калиты Юрьеву новгородскому монастырю служила проводником московского влияния на Волоке, то грамота Дмитрия Ивановича Евсевке новоторжцу стремилась привлечь на московскую сторону торгово-ремесленное население Торжка и не дать ему возможности оказать помощь Твери, которая, в свою очередь, пыталась овладеть Торжком. Вернее всего, что переход Евсевки (а с ним вместе, предположительно, и других новоторжцев) в Кострому следует относить ко времени после нападения тверской рати на Торжок в 1372 г. Тверские войска забрали тогда множество полона, — «муж и жен без числа», «а и товара много поимаша, что ся остало от огня, и иконной круты серебра много поимаша»[4]. Некоторые неясные указания летописей свидетельствуют о том, что и тверской князь Михаил Александрович, подобно Дмитрию московскому, хотел найти поддержку в среде купечества. Вскоре после смерти тысяцкого Василья Васильевича Вельяминова, которому был «приказан» Евсевка новоторжец, сын Вельяминова Иван Васильевич и Некомат Сурожанин бежали в Тверь, а вслед затем Михаил тверской сложил крестоцелование к Дмитрию Ивановичу и отправил наместников в Торжок[5]. Таким образом, грамота Евсевке новоторжцу, поставленная в хронологические рамки летописных известий первой половины 70-х годов, рисует борьбу между Москвой и Тверью за укрепление

---

[1] ПСРЛ, т. III, стр. 77—78.

[2] ДАИ, т. I, стр. 9, № 8; И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка, СПб., 1882, стр. 227—228.

[3] В 1374 г. умер тысяцкий Василий Вельяминов, которому «приказан» Евсевка новоторжец (ПСРЛ, т. IV, стр. 69; т. V, стр. 233).

[4] ПСРЛ, т. III, стр. 90.

[5] Там же, т. IV, стр. 69—70; т. V, стр. 233.

позиций в Торжке, который, в свою очередь, являлся для обеих сторон ключом к упрочению влияния в Новгороде.

Вторая грамота [1] предоставляет судебный и податной иммунитет новоторжцу Микуле с детьми, повидимому, принадлежавшим к торгово-ремесленному населению. В данном случае речь идет не о переселении их в московскую «отчину», а об освобождении от подсудности новоторжским наместникам и от несения тягла наравне с прочими «городищанами». Документ дошел до нас в очень дефектном виде, но остатки от подписи в конце его («. . . Васильевич») указывают, повидимому, все на того же тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова и ведут нас, опять-таки, к началу 70-х годов XIV в.

Обе грамоты дают интересный материал для характеристики политики московской великокняжеской власти, стремившейся привлечь торгово-ремесленное население городов.

Монастырский иммунитет в Московском княжестве XIV в., так же, как и в других княжествах, отличался широким объемом податных и судебных льгот. Одна правая грамота середины XV в. сохранила нам меновную грамоту великого князя Дмитрия Ивановича с чернецом Симонова монастыря Саввою. Великий князь дал Симонову монастырю монастырек Спасо-Преображения, в обмен на село Воскресенское-Верхдубенское. Княжеская жалованная грамота санкционировала свободу иммуниста от всех податей и повинностей, полную несудимость и право сместного суда [2].

Особого рассмотрения требуют иммунитетные грамоты типа докончальных, объектом которых являются взаимоотношения между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой в пределах больших территориальных единиц и в которых иммунитет тесно связан с другими институтами феодализма (вассалитетом, коммендацией), образуя систему сословно-иерархических взаимоотношений. Имею в виду, в первую очередь, знаменитый документ, напечатанный в «Актах Археографической экспедиции» под названием: «Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, о церковных судах, распорядках и пошлинах в волостях, принадлежащих к церковному ведомству» [3]. Этим заглавием издатели «Актов» ввели в заблуждение многих ученых. Так, например, А. Е. Пресняков расценивает «уставную грамоту» как «памятник внутренних отношений между митрополией и великорусской великокняжеской властью», показывающей в митрополите Киприане «защитника церковно-административной и светской власти митрополита» [4]. Между тем, обращаясь к рукописному сборнику, откуда извлечена грамота, — синодальной книге № 562 [5], мы видим перед собой *юридическую формулу*, в которой собственные имена князя и митрополита заменены словами «имрек». Так как в конце документа стоит дата 6900 (1392), указывающая на время Киприана, издатели и сочли возможным исключить всюду в тексте слово «имрек», заменив его многоточием. Этим они сузили значение памятника, придав ему характер источника только для характеристики лишь двух определенных представителей Московского княжества и митрополичьей кафедры. Однако то обстоятельство, что документ попал в формулярник митрополита Симона в качестве *образцовой грамоты*, не случайно. Совершенно неверно утверждение А. Е. Прес-

---

[1] ДАИ, т. I, стр. 9, № 9,

[2] АЮБ, т. I, стр. 163—169, № 1.

[3] ААЭ, т. I, стр. 4—6, № 9.

[4] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, Пгр., 1918, стр. 371.

[5] РОИМ, Синод. собр., № 562, лл. 28 об. — 31.

някова об «отсутствии сложившегося формуляра подобных грамот»[1]. Напротив, рассматриваемый *как формула*, памятник проливает совершенно новый свет на феодальные отношения в Северовосточной Руси и позволяет говорить с совершенной определенностью о развитой системе феодального права.

В основе изучаемой *образцовой грамоты* лежит действительно (в этом издатели «Актов Археографической экспедиции» правы) договор митрополита Киприана с великим князем Василием Дмитриевичем, который, в свою очередь, повидимому, воспроизводит более раннюю докончальную грамоту великого князя с митрополией, оформленную еще при митрополите Алексее[2].

Когда могло состояться соглашение Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном? В хронологических указаниях грамоты имеются противоречия. Именно, дата 28 июля 6900 г. не соответствует цифре индикта — 12. Двенадцатый индикт падает для времени Киприана или на 1389 г., или на 1404 г. Индикт же 6900 г. будет 15. Поэтому издатели «Актов Археографической экспедиции» и отнесли докончальную грамоту к 1389 г. или 1404 г. Однако вряд ли можно согласиться с подобной датировкой. Прежде всего, гораздо легче допустить, что при переписке произошла ошибка в обозначении индикта, чем года. Буквенными выражениями для цифры 12 служат «в» и «і» десятиричное, для цифры 15 — «е» и «і» десятиричное. «Е» легко могло перейти в «в». Затем и общеисторические соображения говорят за 1392 г. как дату договора. В июне 1389 г. Киприана еще не было в Москве[3]. Июнь 1404 г. — канун отъезда Киприана в Литву[4], когда также вряд ли мог быть поднят вопрос об упорядочении отношений в митрополичьих владениях. Если относить договор Киприана с Василием Дмитриевичем к 1392 г., то он совпадает с моментом, когда митрополит и великий князь поставили вопрос о новгородском церковном и светском суде[5]. Таким образом, мы получаем возможность говорить, что в 1392 г. были проведены широкие мероприятия в области церковного суда.

Попробуем же определить значение памятника в общем контексте феодальных отношений того времени.

Перед нами феодальная территория — две волости (Сенежская и Луховская), «извечные митрополичьи монастыри», которые «тягли издавна» к кафедре, «пошлые монастырские села». Земли, расположенные на этой территории, находятся в собственности или под патронатом кафедры и не подлежат отчуждению без ее ведома.

Грамота начинается с указания на ее договорный характер: «се яз, князь великий имрек, сед с своим отцом имрек митрополитом киевским и всея Русии, управили есмь о домех о церковных, и о волостех, и о землях, и о водах, и о всех пошлинах о церковных».

Итак, рассматриваемый документ представляет собой договор, общая формула которого, разграничивающая сферу сеньериальных прав двух крупных феодалов, выражена в следующих словах, относящихся к Сенежской волости: «А Сенегу его по тому, как обыскано и управлено

---

[1] А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 372, прим. 1. См. о тексте договора у С. Б. Веселовского — Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, т. I, ч. 1, стр. 335—340.

[2] М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 81.

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 97; т. V, стр. 244; т. VIII, стр. 60.

[4] Там же, т. VIII, стр. 77.

[5] Там же, т. III, стр. 96; т. VIII, стр. 61—62. См.: Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома, М., 1900, стр. 326; А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 371, прим. 2.

по старине: кое князя великого, то князя великого, а кое церковное митрополичь, а то митрополичь».

До нас дошел целый ряд междукняжеских договоров периода феодальной раздробленности, которые, несомненно, должны рассматриваться как договоры феодальные между великим князем — сюзереном, «братом старейшим» по русской терминологии, и князем удельным — вассалом, «братом молодшим». Договоры эти сопровождались «приказом» одного князя (молодшего) другому (старейшему) по формуле: «Имети ти, господине, меня собе братом молодшим, а мне, господине, имети тобя, своего господина великого князя, братом старейшим».

Формула взаимных отношений великокняжеской власти и митрополичьей кафедры определяет положение митрополичьих владений в составе великого княжения совершенно сходно с положением удельных княжений, так как ее пункты, касающиеся финансов, суда и военного дела, совпадают с пунктами междукняжеских соглашений.

В податном отношении устанавливается иммунитет от въезда в митрополичьи вотчины княжеских данщиков, тархан от ряда податей (белка, резанка) и льгота в отношении других (ям), сбор по оброчной грамоте «урока» в определенном размере только в случае необходимости уплаты татарского «выхода»: «А имати мне, князю великому, дани с Луху в выход по своей грамоте по оброчной, а лише того оброка не имати, а белки, ни резанки не имати князю великому, ни митрополиту». То же устанавливается в отношении Сенежской волости и «пошлых сел», перешедших в собственность кафедры еще при митрополите Алексее: «А что села отца нашего митрополичьи церковныи. . . , а на тех селех данщику и белщику моему, князя великого, не быти, а дань имати с тех сел в выход по оброку, по моей грамоте князя великого по оброчной, а лише того оброка не имати, а ям по старине шестый день, а коли мои села князя великого дадут, тогды и митрополичи дадут. . . А коли дань дати в татары, тогда и оброк дати церковным людем, а коли дань не дати татаром, тогды и оброк не дати церковным людем . . .»

Совершенно те же условия оговорены в междукняжеских договорах: свобода удельных княжений от великокняжеских данщиков и обязательство уплачивать ордынскую дань вместе с великим князем до того момента, когда будет свергнуто владычество татар: «А знати Орда тобе, великому князю, а мне Орды не знати никоторыми делы. А переменит бог Орду, не имешь давати татаром, а коли учнешь имати дань с своей отчины с великого княжения собе, и мне тогды с своего удела имати дань собе. . .» [1]; «А в удел ти, господине, в мой своих данщиков не всылати. . . А давати ми, господине, тобе, великому князю, с своей отчины по тому разводу, как наперед сего давали в выход и в ям» [2].

Специальный раздел рассматриваемой договорной формулы, подобно регулированию великокняжеской «дани», посвящен также фиксации церковных сборов кафедры. Митрополит имеет право на «сборное» в сумме 6 алтын ежегодно (с тех соборных церквей, которые «давывали» эту пошлину при митрополитах Алексее и Феогносте) и на «заезд» (3 деньги). Доходы десятинника также ограничиваются шестью алтынами (за «въездное», «рожественое» и «петровское»). Точно определяются сроки взимания «церковных» пошлин: рождество для «сборного», Петров день — для десятины.

Далее утверждается судебный иммунитет митрополичьих церковных и «пошлых» монастырских сел («в те села мне, князю великому, не

[1] СГГД, т. I, № 49, стр. 101.
[2] Там же, № 45, стр. 92.

всылати, ни судити, . . . ведают их и судят игумены») и правила сместного суда («а будет суд сместной, ино прибыток наполы») — те же, что и в междукняжеских договорах.

Судебные тяжбы людей, находящихся под великокняжеским патронатом, с церковными людьми, находящимися под патронатом кафедры («игуменами», «попами», «чернецами») разбираются совместным («вопчим») судом, великокняжеским и митрополичьим, в случае же отъезда митрополита («а не пригодится митрополита в великом княжении, коли куде отъедет в свою митрополию дале») — судом великого князя. Последнему же подлежат дела по челобитьям на вотчинный хозяйственно-административный и церковно-административный персонал кафедры («кто ударит челом мне, князю великому, на митрополича наместника, или на десятинника, или на волостеля, и мне, князю великому, судить самому»).

Ряд параграфов касается военных вассалов кафедры. Устанавливается обязательство для митрополичьего ополчения участвовать в военных походах в случае выступления великого князя, причем митрополичьи бояре и слуги, «приказавшиеся» еще митрополиту Алексею, входят в особые полки, возглавляемые митрополичьими воеводами: «А про войну, коли яз сам, князь великий, сяду на конь, тогда и митрополичьим бояром и слугам, а под митрополичьим воеводою, а под стягом моим, великого князя». Что касается бояр и слуг, не бывших вассалами митрополита Алексея, то они во время похода выступают в великокняжеских полках по месту жительства: «где который живет, пн под тем воеводою и есть».

В параллель этим отношениям можно привести обычный параграф междукняжеских договоров, посвященный вассальным обязательствам удельных князей оказывать военную поддержку своему сеньеру: «А где ми, великому князю, самому всести на конь, и тебе со мною самому пойти, а где ми тобя послати, и тебе пойти без ослушанья, а где пошлю своих воевод, и тебе послати с моими воеводами своево воеводу с людьми».

Подробно затрагиваются взаимоотношения великокняжеских вассалов и крестьян с церковными людьми, находящимися под патронатом кафедры, попами, дьяконами и пр. С одной стороны, запрещается «ставить в попы и дьяконы» великокняжеских «слуг» и «данных людей», с другой стороны, «попович», даже «написанный» в великокняжескую службу, получает право вернуться в духовное сословие («а въсхочет стати в попы или в диаконы, ино ему вольно стати»). Проводится разграничение сферы церковного и великокняжеского патроната. К первому относится попович, живущий на отцовских хлебах («который живет у отца, а хлеб ест отцов»), ко второму — попович, выделенный из отцовского имущества («который попович отделен, а живет опричь отца, а хлеб ест свой»).

Разобранный документ ясно восстанавливает перед нами облик церковно-феодальной организации, обладающей суверенными правами. В орбиту ее влияния втянут целый ряд зависимых организаций и лиц: патронируемые «извечные» монастыри с «тянувшими» к ним «пошлыми» селами, служилые вассалы — «бояре и слуги» кафедры, городские «закладни», патронируемые «церковные люди». На большую феодальную территорию простирается влияние кафедры — юрисдикция, финансовые сборы, взимание церковной десятины. Кафедра выступает рядом с великокняжеской властью в качестве самостоятельной политической единицы.

Другим документом, имеющим ярко выраженный характер феодального договора, регулирующего взаимоотношения кафедры и великого княжения в пределах феодальной митрополичьей территории — волости Караш в Ростовском уезде, является так называемая «жалованная

грамота» великого князя Ивана Васильевича, относящаяся к 1483 г.[1] Указанная грамота воспроизводит отношения, созданные в результате мены между великим князем Василием Дмитриевичем и митрополитом Киприаном, закрепившей слободку Караш за кафедрой, и, подобно рассмотренному выше документу, приобретает значение формуляра договорного акта, в котором договаривающиеся стороны указаны абстрактно («имрек», «хто будет отец наш митрополит в нашей отчине»).

Волость Караш находилась во владении кафедры со всеми земельными угодьями («с всем. . . , что потягло. . . , и з бортью, и з бобровою ловлею по слободской стороне»), помимо находящихся в пределах этой территориальной единицы частновладельческих феодальных вотчин.

Задача договорной грамоты, являющейся предметом нашего рассмотрения, сводится к разграничению сферы землевладения и судебной и податной подвластности населения между двумя феодальными единицами — митрополичьей кафедрой и великим княжением. Великокняжеский и митрополичий бояре должны на месте («ехав в слободку») «учинить исправу за пятнадцать лет землям» — «суд о землях и о водах за пятнадцать лет».

Устанавливается судебная и податная зависимость населения боярских вотчин, находящихся в пределах митрополичьей слободки Караш, от кафедры: «А которые села боярскаа купля старая их, а хто имет жити в тех селех людей, а те потянут данью и судом и всеми пошлинами к слободке к Святославлю».

Московский князь лишается права сбора дани с волостных жителей («дани на тех не имати, кто имет жити в слободке в Святославле», «ни яму никоторою нужею»), посылки в Карашскую волость приставов и даньщиков («ни даньшиком к ним приставов не всылати»), права какого бы то ни было судебного вмешательства («ни о душегубстве, ни о каком суде, ни судов из слободки не выводити»), права привлечения слободского населения на военную службу («ни людей из слободки на свою службу не слати»), в общей форме — «в слободку не вступатися». Все эти обязательства распространяются не только на самого князя, но и на его наследников, как и сам он получил их от своего деда и прадеда.

Оба феодала договариваются не перезывать зависимое население один у другого: «А отцу нашему митрополиту хто будет, людей моих из великого княжения в слободку не приимати», «а мне, князю великому, в свою отчину в великое княжение слободчан не приимати, ни моей братье».

Отношений кафедры с другими феодальными владениями, помимо великокняжеских, грамота не затрагивает. Поэтому князь не возражает против «перезыва» митрополитом «в слободку людей из ыных княжений жити, а не из нашие отчины из великого княжениа», отказываясь от всяких претензий: «В те ми ся люди не вступати, ни моей братье».

Устанавливается таможенный иммунитет от пошлин для слободского населения, торгующего «неперекупным товаром» в великом княжении: «А что слободчаня митрополичи продадут свое домашнее или что купят себе надобное, в моей отчине в великом княженьи, от того им тамга не надобе, ни восьмничее, ни мыт, ни иная никоторая пошлина. . . А который слободчянин имет перекупным товаром торговати, с того возьмут пошлинники тамгу и мыт и восьмничее по пошлине».

В судебных делах, касающихся населения обоих феодальных владений, решение дела предоставляется «сместному суду», состоящему из представителей кафедры и великого княжения и производящему разбор

[1] РОИМ, Синод. собр. № 276, лл. 14—15; П. Иванов. Указ. соч., стр. 212—214; АИ, т. I, № 215.

на границе княжеской и митрополичьей: «А о чем слободчаном смешается суд с моими людьми, князя великого, и волостели наши, съехався на рубеж, да тому исправа учинят, а судят за год, как ся смена учинила, а учинят людям исправу без перевода, а прибытком ся делят без обиды».

Задачей обеих грамот, касающихся кафедральных вотчин, является «обыск и управа по старине». Обследование «старинных» прав кафедры и великого князя — «кое князя великого, а кое церковное митрополиче», «исправа», «суд о землях и водах», — проводится на месте боярами обеих сторон. Речь идет все время об «извечных монастырях», о «пошлых селах», «даванных издавна», об отношениях, сложившихся еще при митрополите Алексее, о «старинных» повинностях («ям по старине», тамга — «как было и при Алексии митрополите»). Вновь введенные повинности, в результате обследования, признаны подлежащими отмене. Такое решение вынесено в отношении «городового дела» («что луховци ставливали хоромы на князя великого дворе в Володимере»). Произведенный «обыск» квалифицировал эту повинность как нововведение («ино то обыскано, что то было учинилося ново, не по пошлине»). Князь отказался от этой повинности («нынеча не надобе луховцам ставити хоромов на князя великого дворе»). Бояре и слуги кафедры, «приказавшиеся ново митрополиту», отличаются от старых вассалов кафедры, «служивших [еще] Алексею митрополиту», и на последних распространяется необычное для первых обязательство «итти в походы под воеводою великого князя».

Обе рассмотренные грамоты являются очень ценным материалом для опровержения взгляда С. Б. Веселовского на княжеское пожалование как на «основу судебных и других иммунитетных прав землевладельцев» [1]. Договоры митрополичьей кафедры представляют собою проверку «законности» некоторых узурпированных князем сеньериальных прав на митрополичьих землях. Но, как справедливо замечает А. Е. Пресняков, «жалованные грамоты, акты княжеской власти эпохи ее непрерывного усиления в XIV—XVI вв., ставят сложившиеся отношения вотчинного властвования на новые основания и в новые условия» [2]. С этой политикой великокняжеских жалованных грамот знакомит анализ формул древнерусских иммунитетных «пожалований». Но тем больший интерес представляют документы, где иммунитетные привилегии выступают в первоначальном чистом виде иммунитета-договора, а не в позднейшей преломленной форме иммунитета-пожалования.

В договорах между феодальной церковью и светской великокняжеской властью, касающихся землевладения в Луховской, Сенежской, Карашской волостях, мы наблюдаем ярко выраженные признаки феодально-иерархических отношений. «Сословная иерархия, — пишет Энгельс, — от короля вниз через крупных бенефициариев к их поселенцам и, наконец, к несвободным становится признанным и официально действующим элементом государственного порядка. Государство признает, что оно не может существовать без ее помощи» [3].

В дополнение к рассмотренным выше договорным актам московской великокняжеской власти с митрополичьей кафедрой приведем еще одну грамоту митрополита Киприана от 13 сентября 1399 г., воспроизводящую иммунитетные отношения договорного типа. Киприан ссылается на «старые грамоты великих князей», которыми они «пожаловали своее отчины, манастыря Рожества святыя богородици в Володимери, и гроба деда

---

[1] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 14.

[2] А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость, стр. 181.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 405.

своего великого князя Александра, дали к тому манастырю село Весьское в Суждале». «Возрев» в названные «старыи грамоты», Киприан «по тем грамотам дал. . . и свою грамоту в манастырь святого Рожества, чтобы не вступался никоторый князь в то село в Весьское, ать потянеть к манастырю к Рожеству святыя Богородици по грамотам князей великих занеже по душе дано в память князя великого Александра . . .». В конце — угроза божьим возмездием тому, кто «порушить поминанье того князя великого Александра» [1].

В основе прав Рождественского монастыря на суздальское село Весьское лежит формально княжеское пожалование. Но митрополит Киприан не считает необходимым добиваться подтверждения этого пожалования со стороны современного ему представителя великокняжеской власти. «Старина», в виде «старых грамот» прежних князей, является для митрополита достаточным основанием, чтобы потребовать от великого князя полного невмешательства в дарение своих предшественников. Василий Дмитриевич выступает в данном случае уже не «жалователем», а лицом, которое вынуждено выполнять условие, выдвинутое главой митрополичьей кафедры.

Таким образом, иммунитет феодального землевладения XIV в. отличается широким объемом судебных и податных прав. Признание иммунитетных привилегий духовных и светских феодалов великими князьями облекается как в форму одностороннего «пожалования», так и двустороннего «докончания». В обоих случаях иммунитет отражает интересы коллектива земельных собственников. Феодальная земельная собственность подобно «племенной и общинной. . . также покоится на коллективе, которому. . . противостоят в качестве непосредственно производящего класса. . . мелкие крепостные крестьяне» [2].

Рассмотрение сохранившихся жалованных грамот ряда феодальных центров XIV в. приводит к тем же выводам, какие вытекают из анализа грамот московских князей. Раскрывая сущность иммунитета крупного землевладения как исконного и не зависевшего от княжеского пожалования сеньериального права, грамоты одновременно рисуют политику великих князей феодальных центров и их отношение к Москве как инициатору объединения русских земель.

В первой половине 60-х годов XIV в. ряд князей Тверского дома, во главе с великим князем Василием Михайловичем, дали жалованную грамоту тверскому Отрочу монастырю. Это был, несомненно, серьезный акт княжеской политики. Василий Михайлович имел политического соперника в лице микулинского князя Михаила Александровича, претендовавшего на тверской великокняжеский стол. В середине 60-х годов между Василием и Михаилом разгорелась борьба за Тверское княжество. Грамота Отрочу монастырю, оформленная незадолго до того, как произошло указанное столкновение, свидетельствует одновременно и о желании Василия Михайловича возглавить союз тверских удельных князей, и о его стремлении опереться на тверское и кашинское феодальное духовенство. Василий Михайлович расценивает свою грамоту как «милостыню», данную им и другими наличными представителями тверского княжеского «роду», «по единому слову со отци своими, с владыкою Федором и со владыкою с Васильемь» [3]. Интересно это указание на княжеское соглашение с тверским «владыкой» Василием. Последний в 1367 г. выступил судьей тверских князей по спорному делу о вымороч-

---

[1] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. IV, № 1.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14.
[3] ААЭ, т. I, стр. 2—3, № 5.

ном уделе князя Семена Константиновича дорогобужского, участвовавшего в выдаче жалованной грамоты Отрочу монастырю [1].

«Милостыня» князей тверского дома, согласно тексту грамоты, предназначалась всем тем монастырям, «что тянут к святей богородици Отрочю монастырю», попам, дьяконам, чернецам, «и сторонником, и всему церковному исполненью, и слугам монастырьским, и вольным людем», «також и сиротам, кто имет седети на земли святое богородици Отрочя монастыря и тех монастырев, в нашей отчине в Тферьских волостех и в Кашинских». Монастырские «сироты», как говорит грамота, не должны нести никаких повинностей с городскими и волостными людьми, дворские и старосты не имеют права привлекать их на общих началах к выполнению тягла («ать их не займают ни про что»). Княжеским данщикам, ямщикам, писцам, пошлинникам запрещен въезд «к монастырьским людем». Конечно, грамоту нельзя расценивать как акт заботы о «сиротах» — крестьянах, эксплоатируемых монастырем. Княжеская «милостыня» адресована к монастырю, обладающему средствами внеэкономического принуждения по отношению к «сиротам». Право монастыря на внеэкономическое принуждение своих крестьян находит княжеское признание.

Судебный иммунитет монастырю не знает никаких ограничений. Мы прежде всего находим в рассматриваемой грамоте обычную статью о лишении наместников и волостелей права въезда в монастырские владения для производства суда: «Такоже и наместници наши и волостели ат не въездят и не судят тех людей и не всылают к ним ни по что». Затем детально перечисляются все дела, подведомственные вотчинной юстиции, причем грамота не делает никаких ограничений судебных прав монастырских властей: «А что ся учинить или розбой, или душегубьство, или татба, который суд ино будеть межи монастырьских людей, судить их и дворян даеть монастырьский тивун один, а нашим судьям не надобе ничто». Наконец, грамота говорит о сместном суде по делам «монастырьских людей с волостными людми».

Если жалованная грамота Отрочу монастырю представляет интерес в качестве источника для характеристики политических взаимоотношений в Тверском княжестве в 60-е годы XIV в., то знаменитая жалованная грамота великого князя рязанского Олега Ивановича Ольгову монастырю проливает свет на московско-рязанские взаимоотношения 70-х годов того же столетия [2]. Недавно произведенный Б. А. Романовым детальный палеографический и дипломатический анализ грамоты Олега[3] значительно облегчает понимание этого памятника.

Грамота отличается сложным составом. Прежде всего в ней имеется указание на дарение князя Олега. «Сгадав» с рязанским владыкой Василием и со своими боярами (которых перечислено девять человек), князь передает монастырю село Арестовское «с винами, и с поличным, и с резанкою, и с шестьюдесят, и со всеми пошлинами, и с бортники, и с бортными землями, и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесищи». Приведенный текст содержит в себе типичную для рязанских актов формулу полного иммунитета [4]. По своему лаконизму она приближается к формуле

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 8.

[2] Сборник Московского архива Министерства юстиции, т. I, ч. 1, М., 1913, стр. XI+63+ свиток грамоты; АИ, т. I, стр. 2—3, № 2; Сборник П. Муханова, стр. 194—195, № 116.

[3] Б. А. Романов. Элементы легенды в жалованной грамоте великого князя Олега Ивановича рязанскому Ольгову монастырю, стр. 205—224.

[4] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 52—58.

жалованной грамоты Мстислава Владимировича с сыном Всеволодом новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г.

Вторая часть грамоты Олега посвящена подтверждению земельных пожалований прежних рязанских князей, сведения о которых Олег Иванович нашел в представленных ему монастырскими властями данных грамотах. Пересмотр последних производится совместно с рязанским епископом и названными в начале документа боярами: «А возрев есмь в даныи грамоты с отцем своимь с владыкою с Василием и с бояры». Грамота Олега называет легендарную цифру бояр (300 человек) и мужей (600 человек), в присутствии которых были оформлены старинные акты на дарения монастырю, «коли ставили по первых прадеди наши святую богородицю: князь великий Ингвар, князь Олег, князь Юрьи. . .» Согласно той версии, которую воспроизводит жалованная грамота Олега, его «прадеди» «тогды дали святой богородици дому 9 земель бортных, а 5 погостов: Песочна, а в ней 300 семий; Холохолна, а в ней полтораста семий; Заячины, а в ней 200 семий; Веприя 200 семий; Заячков 100 и 60 семий, а си вси погосты с землями с бортными, и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесищи, с резанками, и с шестьюдесят, и с винами, и с поличным, и со всеми пошлинами». Таким образом, подчеркивается, что территориальные единицы, поступившие в монастырь от прадедов Олега, так же, как земли, переданные им самим, находились под охраной санкционированного князьями иммунитета.

Далее грамота Олега поднимает вопрос о зависимом сельском населении монастырской вотчины. В несколько трудном для понимания изложении проводится мысль о том, что те монастырские «люди», предки которых были переданы монастырю княжескими «прадедами», подлежат монастырской юрисдикции даже в том случае, если они вышли из пределов монастырских владений и поселились где-либо на территории Олеговой «отчины» в качестве бортников или слободчиков. «А хто даных людий прадеды нашими святой богородици дому где имуть седети, или бортници, или слободичь в моей отчине, ать знають дом святой богородици, а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле».

Предоставив, таким образом, монастырю право восстановить подсудность феодально зависимого от него населения, Олег возвращается к пересмотру старинных данных грамот, подтверждая наряду с пожалованиями прежних князей, также боярские дарения. Их оказалось четыре. Кроме того, указано, что бояре приобрели за 300 гривен у муромских князей место для построения Ольгова монастыря. «А Головчин дал Федор Борисович, а Мордовской дал Климент по Данилов двор, а Еремей Великий с Глебом села своя подавали госпожи богородици, а мужи Олговскую околицу купивше у муромских князий, давше 300 гривен, и дали святой богородици».

В заключительной части изучаемая жалованная грамота подводит итог всем перечисленным выше вкладам как самого Олега, так и предшествующих ему князей и рязанских бояр; еще раз гарантирует монастырю соблюдение иммунитетных привилегий и заканчивает обычной угрозой всем нарушителям (в настоящем и будущем) княжеского пожалования, что они дадут ответ на божьем суде за обиды, причиненные монастырской братье: «А яз, князь великий Олег Иванович, што есмь дал Арестовское село святой богородици дому, и што прадеди наши подавали которая места и люди, и што бояре подавали дому святой богородици, того хочю боронити, а не обидети ничим дому святой богородици; а волостели и даньници и ямьщики ать не займають богородицьских людий ни про што же; а кто изобидит дом святой богородици или князь, или

владыка, или волостель, или иный, тот дасть ответ перед богом святой госпожи богородици».

Из всех приведенных статей жалованной грамоты Олега Ивановича сомнительной с точки зрения своей фактической точности является выдержка из данных грамот старых рязанских князей о передаче Ольгову монастырю пяти погостов с населением в 1000 семей, т. е. (как, например, предполагал Н. П. Павлов-Сильванский)[1] в несколько тысяч душ. Б. А. Романов первый высказал недоверие к этим цифрам и усомнился в их реальности[2]. Столь же легендарным представляется и число бояр (300), присутствовавших при оформлении дарственных княжеских актов.

Перечисленные в изучаемой грамоте четыре пункта (Песочна, Холохолна, Веприя, Заячков) к моменту ее оформления уже не составляли рязанских владений и входили в территорию Московского княжества. Пятый пункт — Заячины — относился к Пронскому уделу. Отсюда Б. А. Романов сделал вывод, что включение пяти погостов в жалованную грамоту Олега диктовалось политическими чаяниями рязанских феодалов вернуть утраченные места. Б. А. Романов сопоставляет данные жалованной грамоты о погостах Ольгова монастыря с указаниями на раздел рязанских и московских владений в договорном акте Олега Ивановича с Дмитрием Ивановичем московским начала 80-х годов XIV в.[3] и считает, что оба документа исходили «в известной мере больше из исторических притязаний, чем из условий uti possidetis»[4]. Все эти наблюдения Б. А. Романова бесспорно заслуживают внимания и должны быть приняты. Однако я считаю нужным внести некоторые поправки и уточнения в его изложение обстоятельств составления грамоты и задач, которые преследовались составителями.

На время возникновения грамоты проливает свет приписка, сделанная в конце ее другой рукой и другими чернилами. В этой приписке читаем: «А коли есмь выехал из отчины не своее ис Переяславля, тогде есм обет учинил к святей госпожи богородици, придал есм рязанское мыто и побережьное, аже ми *дасть бог быти*[5] в отчине своей в Переяславли». Следовательно, Олег Иванович в силу каких-то неожиданных причин должен был покинуть Переяславль-Рязанский — столицу своего княжества. Перед отъездом он дал обещание пожертвовать Ольгову монастырю некоторые доходы от сбора проезжих пошлин, а по возвращении рассказал об этом в особой записи, дополнившей текст земельного пожалования. Вынужденный выезд из Переяславля справедливо относят к декабрю 1371 г., когда Олег потерпел поражение от московских войск в битве под Скорнищевым. После бегства Олега в Переяславле-Рязанском сел его соперник — князь Владимир пронский.

Внешние данные, касающиеся истории текста Олеговой жалованной грамоты, позволяют сделать некоторые выводы и относительно политического смысла вошедших в нее статей.

В первой части исследования о феодальных архивах XIV—XV вв. мне удалось, на основе анализа московско-рязанского договорного акта 1382 г. (обычно неправильно датируемого 1381 годом), установить, что

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 33.

[2] Б. А. Романов. Элементы легенды. . . , стр. 212 и сл.

[3] СГГД, т. I, стр. 53—55, № 32.

[4] Б. А. Романов. Элементы легенды. . . , стр. 316.

[5] Выделенные слова представляют собой конъектуру, предложенную издателем текста грамоты в «Сборнике Московского архива Министерства юстиции». Конъектура Муханова: «. . . Аже ми *дал есть во Льгов в отчине* своей» (Б. А. Романов. Элементы легенды. . . , стр. 218; «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. I, ч. 1, стр. 33 и 57).

еще в августе 1371 г. в Москве был заключен договор между великим князем Дмитрием Ивановичем и Олегом рязанским. Последний был вынужден признать самостоятельность Пронского удела. Это и вызвало в конце 1371 г. осложнения между Москвой и Рязанью, вылившиеся в Скорнищевское столкновение в декабре того же года. Конечно, в августовской московско-рязанской докончальной грамоте содержались и какие-то условия по вопросу о московско-рязанском рубеже.

В период с августа по декабрь 1371 г., скорее всего, был разработан текст жалованной грамоты Ольгову монастырю. Как и грамота тверских князей Отрочу монастырю, пожалование Олега выходило за пределы узко-монастырских интересов и отражало более широкие политические задачи рязанского правительства. Недаром грамота была утверждена боярским советом, по «благословению» рязанского епископа. Олег передал в монастырь вклад, санкционировал старые дарения, сделанные рязанскими боярами, обещал закрепить за монастырем право на юрисдикцию в отношении ушедших от него «людей» и на некоторые доходные статьи. В то же время князь искал у монастырских властей содействия в осуществлении своих планов возврата территории, когда-то входившей в состав Рязанского княжества, а в данное время оказавшейся во владении великого князя Дмитрия Ивановича и его союзника Владимира пронского.

Внесение в грамоту 1371 г. сведений о том, что при «прадедах» Олега Ольгову монастырю принадлежало пять населенных погостов, расположенных на территории, в настоящее время отошедшей к Москве и Пронску, подкрепление этих сведений ссылкой на хранящиеся в монастыре данные грамоты, — ставило на очередь вопрос о пересмотре московско-рязанского рубежа. То решение этого вопроса, которое было дано докончальной московско-рязанской грамотой в августе 1371 г., очевидно, не удовлетворяло рязанское правительство. Поэтому весьма правдоподобно, что жалованная грамота Олега предназначалась не для того только, чтобы обеспечить возможность игумену монастыря, в случае надобности, защитить свои землевладельческие интересы. Грамота нужна была самому Олегу для того, чтобы предъявить счет Москве. Выступить перед московским князем на защиту стародавних прав «дома святой богородицы» было политически удобнее, чем отстаивать непосредственно княжеские интересы. «. . . При описанных общих условиях, — пишет Б. А. Романов, — монастырь, естественно, был заинтересован пока что хотя бы в закреплении за собой права на ту живую силу, какая оставалась в «теоретических» его заоцких владениях, права использования ее, в случае перевода в собственно Рязанское княжество, на тех же основаниях иммунитета, которым жаловал его Олег по отношению к прочим рязанским владениям» [1]. Мне кажется, дело надо представлять несколько иначе. Мы имеем право предполагать заинтересованность не одних монастырских властей, но и самого Олега. Речь шла не о переводе населения названных в грамоте пяти погостов в пределы Рязанского княжества, а о переходе его под юрисдикцию монастыря на том основании, что это — потомки феодально зависимых от монастыря людей. Между отдельными, цитированными выше параграфами грамоты Олега имеется внутренняя связь. Когда Олег говорит: «А хто даных людий прадеды нашими святой богородици дому где имуть седети, или бортници, или слободичь, *в моей отчине*, ать знають дом святой богородици, а волостели мои ать не вступаются в них ни о котором же деле», — он имеет в виду, что и «даныи люди», оказавшиеся за пределами «Рязанской от-

---

[1] Б. А. Романов. Элементы легенды. . . , стр. 218—219.

чины» в ее современных границах, должны быть подсудны «дому святой богородицы». Содержащееся в грамоте предоставление Ольгову монастырю полного судебного иммунитета в отношении сельского населения вне рязанских погостов было средством к последующему включению этих погостов в границы Рязанского княжества. Если бы Олегу удалось добиться от московского князя Дмитрия признания подсудности Ольгову монастырю тысячи семей, проживающих на территории утраченных рязанских «мест», это дало бы ему возможность политически связать названные места с основным ядром своего княжества. Конечно, круглые цифры, определяющие населенность территории, якобы перешедшей к монастырю от «прадедов» Олега (300, 150, 200, 200, 160 семей), лишены реальности, но они свидетельствуют о широкой политической программе рязанского правительства по расширению своих рубежей и освоению зарубежных пунктов с проживающими в них потомками рязанских поданных. Расширение территории господствующего класса Рязанского княжества было связано с установлением феодальной зависимости непосредственных производителей от рязанских феодалов.

Б. А. Романов все время подчеркивает, что работа по выполнению Олеговой грамоты протекала в стенах самого Ольгова монастыря и оттуда грамота в готовом виде поступила на рассмотрение княжеской думы. Этим он объясняет уникальность внешности, формы и самого содержания изучаемого документа [1]. Такое предположение вполне допустимо, но следует при этом особенно обратить внимание на ту сторону вопроса, которую упускает автор. Работа над грамотой с самого начала отражала обоюдные, княжеские и монастырские, интересы. Она шла согласованно, и за деятельностью монастырских чернецов наблюдала княжеская канцелярия. Грамота Олега очень ярко показывает, как иерархия рязанских феодалов (князь, монастырь, бояре) выступает в качестве организованного коллектива против зависимого крестьянства.

Предложенная интерпретация грамоты Олега объясняет и ее действительно уникальную внешность. Рассматриваемый документ представляет единственный для XIV—XV вв. пример княжеской грамоты с лицевыми изображениями. Исследователям казалось особенно непонятным то обстоятельство, что «в число изображений семичастного деисуса» в заглавии памятника «вошло изображение живого лица и при том не жертвователя-князя..., а того лица, которое должно было принять княжеское пожалование», т. е. чернеца Арсения (А. И. Соболевский) [2]. Предположение исследователей, что миниатюра выполнена в Ольговом монастыре, по инициативе и под наблюдением самого Арсения, все-таки не объясняет ее происхождения. Остается неясным, зачем вообще понадобилось помещать миниатюру на грамоте. Я считаю наиболее правильным объяснением, что при изготовлении грамоты предполагалось использовать ее в качестве документа при рязанско-московских переговорах. Та ответственная роль, которая предназначалась этому памятнику на дипломатической арене, и вызвала заботливое и тщательное отношение к его внешнему оформлению. Становится понятным наличие среди изображения семичастного деисуса фигуры не князя-«жертвователя», а чернеца, принимающего «пожертвование». Подобная композиционная деталь была подсказана соображениями политического характера. Претендуя на принадлежность к «Рязанской отчине» тысячи семейств, оказавшихся за ее пределами, Олег выступал в качестве блюстителя интересов своего монастыря. Вследствие этого было вполне естественно изобразить в начале

---

[1] Б. А. Романов. Элементы легенды. . ., стр. 213.
[2] Сборник Архива Министерства юстиции, т. I, ч. 1, стр. 53—54.

жалованной грамоты символическую сцену земельного дарения чернецу Арсению. По замыслу миниатюриста, эта сцена должна была иллюстрировать заключительную формулу грамоты об ответе, который придется дать «перед богом святой госпожи богородици» всякому, что покусится на ее права.

В заключение следует сказать несколько слов по поводу той прадедовской данной, «возрев» в которую, Олег Иванович подтвердил монастырский иммунитет на территории пяти погостов. Б. А. Романов справедливо сомневается, чтобы «грамота с подобными легендарными цифрами XIII века могла сохраниться в архиве (казне) рязанских князей до второй половины XIV в. — при тех политических, военных и династических передрягах, сопровождавшихся выжиганиями дотла, разорениями и бегством князей, какими полна темная история Рязанщины со времени Батыя. Скорее всего подобная грамота могла явиться на рассмотрение Олеговой думы из недр самого монастыря. Не случилось ли здесь в миниатюре того, что случилось с новгородской Ярославлей грамотой начала XI в. и не являемся ли мы здесь свидетелями завязи легенды о возникновении монастыря, на основе какой-то хартии, литературно и вольно реконструированной в XIV в. по какой-то монастырской записи или даже просто по памяти?» [1]. Соображения Б. А. Романова и приведенная им аналогия убедительны, но требуют той же поправки, что и вся его концепция происхождения Олеговой грамоты. Мы знаем ряд легендарных грамот, создававшихся в русских монастырях и выдававшихся за подлинные акты князей. Классическим примером может служить жалованная грамота от имени Дмитрия Донского Сергию Радонежскому, составленная старцами Троице-Сергиева монастыря в середине XVI в. Но эта и подобные грамоты возникали в те моменты, когда правительство пыталось в какой-то мере пересмотреть вопрос о монастырских вотчинных правах. Интересы феодальной церкви и государства в этих случаях сталкивались. Реконструкция данной рязанских князей XIII в. была произведена совместными усилиями светских и церковных феодалов, братьи Ольгова монастыря и канцелярии рязанского князя Олега, так как эта реконструкция преследовала общую политическую цель, — путем ссылки на старинное пожалование «дому святой богородицы» найти путь к распространению рязанского политического влияния за пределы московско-рязанского рубежа.

Анализ грамот тверских князей Отрочу монастырю или грамоты Олега рязанского убеждает, что в XIV в. часто стирается грань между иммунитетными грамотами типа жалованных — с одной стороны, и докончальных — с другой. Акт признания князем иммунитетных монастырских привилегий облекался в форму княжеской «милостыни». Но этот «милостынный» характер княжеских иммунитетов XIV в. не должен затемнять того обстоятельства, что выдаче жалованной грамоты предшествовало обычно соглашение между князем, «владыкой», монастырской братьей по целому ряду политических вопросов, затрагивающих обоюдные интересы. Таким образом, жалованная *по форме* грамота часто являлась договором *по существу*. Обе стороны (и князь-«жалователь», и глава той духовной феодальной корпорации, которой предназначалось пожалование) были заинтересованы во взаимной поддержке.

Иммунитет типа докончания с элементами жалованной грамоты представляет собой грамота ярославского князя Василия Давыдовича и архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Пимена первой половины

---

[1] Б. А. Романов. Элементы легенды. . . , стр. 219.

XIV в.[1] Документ не поддается более или менее точной датировке. Не ясны конкретные исторические условия, вызвавшие его составление. Вообще летописные известия о деятельности ярославского князя Василия Давыдовича крайне скупы. Мы знаем, что в 1339 г., «по думе» Ивана Даниловича Калиты, он был позван в Орду, причем Калита пытался перехватить его по дороге [2]. После смерти Калиты, по рассказу летописей, — «сопрошася князи рустии о великом княжении». Ряд князей отправился в Орду, в числе их Василий Давыдович[3]. Договор Василия Давыдовича с архимандритом Пименом, таким образом, падает на время, когда усиление Москвы заставляло ярославского князя беспокоиться за судьбу своего княжества.

Формуляр грамоты Василия Давыдовича и архимандрита Пимена выдает ее договорный характер. Ее начальная формула гласит: «Се яз князь Василий Давыдович ярославский докончал есмь с архимандритом с Пименом про дом святого Спаса». Но в дальнейшем тексте грамоты, вместо статей типа докончания, встречаем указание на княжеское пожалование: «по деда своего грамоте пожаловал есмь...» Отношения между князем и архимандритом определяются, конечно, не этим дедовским документом, а реальными интересами обеих сторон. За ежегодный оброк в сумме двух рублей с городского и сельского населения, находящегося в феодальной зависимости от монастыря, князь признает свободу монастыря от всяких повинностей (дани, яма, сторожевой службы и т. д.) и запрещает своим агентам въезд в монастырские владения. Судебный иммунитет дается в полном объеме: «А что учинится меж Спасскими людьми бой, или татьба, или душегубство, или самосуд, то все судит игумен и вину емлет в дом святого Спаса, а нашим судьям не надобе, ни дворяном». Очень интересны организационные формы сместного суда. Княжеский судья приезжает в монастырь, где судит вместе с игуменом, с которым делит пополам «вину» и «пересуд». Признание князем монастырских иммунитетных привилегий обусловлено обязательством со стороны монастырских властей перезывать в свои владения население только «из иные волости», а не из пределов Ярославского княжества. Княжеские «люди», перешедшие в разряд монастырских половников, должны «потягнуть... данью» к князю.

Полнота податного и судебного иммунитета отличает и другие жалованные грамоты Ярославского княжества. На рубеже XIV и XV вв. получил грамоту от ярославского князя Федора Федоровича Толгский монастырь [4]. Иммунитетные привилегии выражены в очень архаических терминах. Лаконизм и недоговоренность отдельных формулировок затрудняет понимание отношений в монастырской вотчине. Грамота запрещает пошлинникам и судебным властям въезд в монастырские владения. Но о вотчинной юстиции нет ни слова. И только наличие статьи о сместном суде позволяет сделать вывод, что население монастырской деревни, на которую дана грамота, во всех делах было подсудно монастырским властям [5].

---

[1] Акты Спасского Ярославского монастыря, изд. И. А. Вахрамеевым, стр. 1, № 1; Амвросий. История российской иерархии, ч. VI, стр. 229—231; Летопись занятий Археографической комиссии, вып. V, СПб., 1871, отд. IV, стр. 28.

[2] ПСРЛ, т. III, стр. 79; т. V, стр. 221; т. VII, стр. 205; т. XV, стр. 422.

[3] Там же, т. VII, стр. 237.

[4] ААЭ, т. I, стр. 11, № 15; РИБ, т. XXXII, стр. 1—2, № 1.

[5] По Нижегородскому княжеству от XIV в. известна жалованная данная грамота 1393 г. вел. кн. Бориса Константиновича Благовещенскому монастырю на рыбные ловли в р. Суре (Сборник П. Муханова, № 117), по Ярославскому княжеству — жалованная данная грамота кн. Константина Глебовича Спасскому монастырю на с. Головинское ок. 1391 г. (Там же, № 258).

Подводя итоги обзору главнейших жалованных грамот XIV в., приходим к следующим выводам. Формуляр этих грамот еще недостаточно разработан. Они отличаются архаизмом терминов и лаконизмом статей. Отношения между князем и иммунистом-феодалом часто носят характер двустороннего докончания, а не одностороннего пожалования. Признание иммунитетных привилегий духовных и светских феодалов великими и удельными князьями и выдача жалованных грамот или заключение докончаний диктуются обычно политическими задачами общего порядка. Иммунитет феодального землевладения отличается широким объемом судебных и податных привилегий.

§ 5. Жалованные и указные грамоты московских князей с конца XIV в. до окончания феодальной войны в середине XV в.

Количество грамот XV в., находящихся в распоряжении исследователей, как было указано выше, достаточно велико. Большая часть их падает на середину и вторую половину XV в. Время с конца XIV в. до окончания феодальной войны в середине XV в. — важный период в истории иммунитета. В процессе объединения русских земель вокруг Москвы, с присоединением к ней ряда ранее самостоятельных «полугосударств», в обстановке развертывающейся классовой борьбы намечаются попытки перестройки на новых началах системы организации господства класса феодалов над непосредственными производителями.

Жалованные грамоты не раскрывают в достаточной степени полно и глубоко отношения между феодалами и непосредственными производителями, складывавшиеся в вотчинном хозяйстве. По самому характеру жалованных грамот как исторического источника, в них не нашли своего отражения формы феодальной ренты. Однако, извлекая из жалованных грамот отдельные черточки, можно все же в какой-то мере выяснить положение непосредственных производителей феодального общества, главным образом, их юридическое положение.

Как выяснили Маркс и В. И. Ленин, отличительной чертой феодальной системы хозяйства является наделение непосредственного производителя «средствами производства вообще и землею в частности»и прикрепление его к земле, «так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки». Далее, необходимым условием феодальной системы хозяйства является «внеэкономическое принуждение» — личная зависимость крестьянина от помещика, так как если бы «помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство» [1]. «...Ясно, — говорит Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства... Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, крепостная зависимость (Hörigkeit) в настоящем смысле этого слова» [2].

Буржуазные исследователи утверждали, что крестьяне Северовосточной Руси XIV в. — начала XVI в. пользовались правом перехода, причем

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158—159.
[2] К. Маркс. Капитал, т. III, 1950, стр. 803—804.

это право было якобы характерным явлением древнерусской исторической жизни, окрашивающим ее ярким своеобразием и резко отличающим ее от западноевропейского феодального режима. Марксистско-ленинская историческая наука разрушила это ложное утверждение, созданное буржуазной историографией. Методами внеэкономического принуждения феодалы обращали смердов в зависимость, начиная со времен Русской Правды. Обращение к историческим свидетельствам XIV—XV вв. заставляет отказаться от тезиса о свободе крестьянского перехода. Документы отмечают определенную и весьма значительную группу крестьян, тесно связанных с феодальными владениями не только фактически, но и юридически.

Иммунитетные княжеские грамоты, освобождая от ряда повинностей церковные феодальные вотчины, ставят их владельцам условия «не перезывать» и «не принимать» княжеских «письменных и данских людей», «тяглых письменных» [1], «тяглых данских» [2], иногда «письменных и неписьменных» [3], «тутошних людей волостных» [4], «тутошних людей становых» [5]. И обратно, князь запрещает, например, своим приказчикам и посельским «из митрополичих сел людей его приимати».

Среди тех владельческих крестьян, которые формально пользовались правом перехода, с начала XV в. появляется особая категория «старожильцев». Они противопоставляются «новоприходцам». В памятниках более раннего времени эти термины не известны. Б. Д. Греков определяет старожильцев как «крестьян-тяглецов», живущих на определенном участке земли, государственной или частновладельческой, и обязанных нести повинности в пользу государства в случае проживания на государственной земле и в пользу государства и владельца в случае проживания на частновладельческой земле [6].

Старожильцы были прочно связаны со своим хозяйством и фактически редко уходили от своих владельцев, которые удерживали их средствами внеэкономического принуждения. Менее устойчивой была другая категория крестьянства, называемая жалованными грамотами «новоприходцами». Но уже в первой четверти XV в. наметился резкий перелом и в положении этого разряда непосредственных производителей. Показателем этого являются так называемые «льготные» грамоты.

Сильный рост феодального землевладения (особенно церковного) со второй половины XIV в. и стремление феодалов к расширению круга зависимого от них населения и к закреплению за собой непосредственных производителей-крестьян вызвали в первой четверти XV в. выдачу князьями в значительных размерах так называемых «льготных» грамот землевладельцам.

Податная льгота являлась стимулом для разработки пустующих земель вновь призванными на них крестьянами. Обычно грамоты устанавливают два льготных срока, на которые освобождаются от повинностей различные категории феодально-зависимого сельского населения: более короткий срок (3 года, 5 лет) — для старожильцев, удлиненный (10 или 15 лет) — для новых пришельцев. При этом, утверждая такого рода льготные грамоты, московское правительство подводит под их действие население, призванное «из ыных княжений, а не из моей отчины из великого княжения». При последовательном просмотре сохранившихся

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 97—97 об.
[2] Там же, лл. 109 об. — 110.
[3] Там же, лл. 250 об. — 251.
[4] Там же, лл. 270 об. — 271; ААЭ, т. I, № 20.
[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 275 об. — 276; ААЭ, т. I, № 17.
[6] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси до XVII в., стр. 635—636.

жалованных грамот остается весьма определенное впечатление, что они выдавались не от случая к случаю, что в интересах господствующего класса была разработана программа социально-экономических мероприятий, особенно в отношении вновь присоединенных княжеств, проводившаяся в общем плане великокняжеской политики.

Таким образом, расширение территории господствующего класса Московского княжества сопровождалось углублением отношений феодальной зависимости.

Интересные примеры можно привести в отношении Нижегородского княжества. Митрополичьи копийные книги сохранили нам две княжеские грамоты нижегородскому домовному митрополичьему Благовещенскому монастырю: одну — от имени князя Александра Ивановича Брюхатого, другую — от имени Василия Дмитриевича московского. Если рассматривать эти документы сами по себе, то они мало выделяются в ряду других аналогичных льготных грамот великих и удельных князей. Но значение названных источников сразу возрастет, если мы присмотримся к датам их составления и сопоставим их с другими одновременными княжескими актами. Грамота Александра Ивановича Брюхатого дана «июля того лета, коли князь Александр Иванович сел на своей отчине на Новегороде»[1], т. е. в июле 1418 г. Грамота Василия Дмитриевича относится к февралю 1423 г.[2] Сразу бросается в глаза совпадение дат изучаемых документов с датами двух последних духовных Василия I. В первой части моего исследования о феодальных архивах было указано на то, что в завещаниях 1417 и 1423 гг. Василий I по-разному решал вопрос о Нижегородском княжении. В 1417 г. он условно «благословлял» Нижним-Новгородом своего сына Василия («оже ми даст бог Новгород Нижний»). По духовной 1423 г. Нижний-Новгород переходил к Василию II уже без всяких оговорок[3]. Это расхождение двух духовных грамот объясняется тем, что в 1417 г. Василий I восстановил самостоятельность Нижегородского княжества под верховным протекторатом Москвы и посадил на нижегородском столе своего зятя Александра Ивановича Брюхатого из местных нижегородских князей. После его смерти Нижегородское княжество снова отошло к Москве, и в 1423 г. Василий Дмитриевич распоряжается им как своей «отчиной». Несомненно, что появление обеих льготных грамот (1418 и 1423 гг.) было вызвано двумя завещательными актами великого князя. Духовные грамоты Василия I определяли общие политические судьбы Нижегородского княжества, грамоты жалованные касались внутренних в нем распорядков и, главным образом, отношений духовных землевладельцев к сельскому населению. Я особенно обращаю внимание на очень точное совпадение жалованной грамоты Василия I (20 февраля 1423 г.) и его последней духовной (которая в начале марта 1423 г. была отправлена с митрополитом Фотием в Литву).

В зависимости от того разрешения вопроса о политическом положении Нижегородского княжества, которое давали завещательные акты Василия Дмитриевича 1417 и 1423 гг., находится и различие двух жалованных грамот Благовещенскому монастырю. Первая дает десятилетнюю податную льготу пришлому населению «из иного княжения», но запрещает игумену принимать «тутошних людей становых». Грамота Василия Дмитриевича, напротив, предполагает, что игумен «перезовет людей тутошних старожилцев» и жалует им трехлетнюю льготу, а переселенцам «из ыных княжений, а не из моеа отчины из великого княжениа» — деся-

[1] ААЭ, т. I, стр. 13, № 17.
[2] Там же, стр. 24, № 21.
[3] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 86—90.

тилетнюю. Интересно решение конкретного дела о том, что архимандрит Малахия «у себя осадил» «сирот», которые «пошли из [великокняжеской] отчины». Жалованная грамота санкционирует этот поступок: «и тех людей ведает и судит архимандрит сам по пошлине, а дает с них дань мою по силам». Наконец, в обеих грамотах ясно звучит мотив, вызвавший податную льготу — повысить платежеспособность монастыря, для уплаты основного налога — княжеской дани: «А отсидят те люди пришлые урочные лета, и они потянут с монастырскими людьми по силе. А коли придет моя дань, князя великого, и архимандрит сам платит за них мою дань по силам».

Почти одновременно с пожалованиями Благовещенского домовного митрополичьего монастыря, от имени тех же самых князей (около 1418 г. — Александра Ивановича нижегородского, в середине 20-х годов XV в. — Василия Дмитриевича московского) были выданы аналогичные льготные (и в то же время несудимые) грамоты суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю. Первая грамота дана около того времени, «коли великий князь Александр Иванович взял мир с великим князем», т. е., как было указано, близко к 1418 г. Грамота различает среди монастырских крестьян: старожильцев, которые «розошлися» из монастырских деревень, и «пришлых... из иного княженья». Первые пользуются двухлетней податной льготой, по истечении которой должны уплачивать «оброк в дань» 10 алтын «вешнего» и 10 алтын осенью. Пришлое вновь население польгочено на 10 лет, «а отживут те люди пришлые свои урочные лета, ини потянут с своею братьею в дань в тот же оброк».[1] Грамота Василия I Спасо-Евфимьеву монастырю датирована 8 февраля 1425 г.,[2] т. е. написана совсем незадолго до смерти великого князя. Речь идет о десятилетней податной льготе для монастырских «людей купленых или кого перезовут людей в ту деревню из иных княжений, а не из моей вотчины из великого княженья». Кроме того, монастырю предоставляется и ограниченный судебный иммунитет.

Интересные наблюдения можно сделать и относительно истории судебного иммунитета в первой четверти XV в.

В наиболее ранних жалованных грамотах мы находим указания на полную несудимость населения земель привилегированных церковных и светских феодалов княжескими наместниками и волостелями. Так, в грамотах Троице-Сергиеву монастырю, выданных от имени великого князя Василия Дмитриевича в начале XV в., читаем: «Ни наместници мои... и волостели... и их тивуни к тем людем... и к пришлым дворян своих не всылают ни по што, ни судят их, а судит их игумен. . . или кому прикажет».[3] Судебный иммунитет без всяких ограничений встречаем и во владениях других монастырей, митрополичьей кафедры и бояр[4].

Села и деревни, вновь поступавшие, на основе княжеских дарственных и иного рода актов, к феодальным духовным корпорациям, делались неподведомственными в области суда власти княжеской администрации и переходили в судебную зависимость от феодальной вотчинной организации. Этот процесс рисует жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича митрополиту Фотию от 1421 г. Князь «ослободил» «отцю своему Фотию митрополиту киевскому и всея Русии купити в Талше деревню Яковльскую волостную (во Владимирском уезде), а што доселе

[1] АИ, т. I, стр. 31—32, № 25.
[2] Там же, стр. 56—57, № 28.
[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 1—2, № 2; стр. 3, № 3; стр. 4—5, № 6, стр. 5—6, № 7.
[4] Там же, стр. 16—17, № 22; РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 212—212 об.

та деревня тянула судом и всеми пошлинами к волости к Талше, а нынечя та деревня потянет судом и всеми пошлинами к отцу моему Фотию митрополиту киевскому и всея Русии, опрочь дани моей и яму, к волости ей не тянути ни чем»[1]. Выражение: «не надобе. . . тянути к волости (или: к стану) ничем» представляет собой одну из обычных статей жалованных грамот начала XV в.[2] Эта формула отражает процесс перехода в частную феодальную зависимость населения черных земель.

Но уже грамоты первой же четверти XV в. часто делают изъятия в пользу представителей местной княжеской администрации из круга дел, подсудных иммунистам-феодалам. Намечается централизация суда. Объем иммунитетных прав феодального землевладения постепенно сокращается. Обычно суду наместников и волостелей передаются дела о душегубстве[3]. Во вновь присоединенных княжествах ограничения иммунитета становятся еще сильнее и распространяются, наряду с «душегубными делами», и на деле о «разбое с поличным». Такого рода ограниченный иммунитет предоставляет нижегородскому Благовещенскому монастырю грамота Василия Дмитриевича, выданная в 1423 г., вскоре после ликвидации самостоятельности Нижегородского княжества. Грамота написана одновременно с завещанием Василия I, в котором Нижегородское княжество фигурирует в числе московских владений.

Грамота Василия I Спасо-Евфимьеву суздальскому монастырю 1425 г. говорит о том, что наместники не имеют права судить феодально-зависимое население монастырских вотчин, за исключением дел о душегубстве и разбое с поличным, причем несудимость даже в таких ограниченных рамках обусловлена еще десятилетним сроком, по истечении которого, можно думать, владения иммуниста должны были стать подсудными княжеским наместникам и волостелям.[4]

Особый интерес представляет грамота Василия I Ивану Кафтыреву от января 1424 г. Она дана на села, опустевшие в результате неурожая и голода. Крестьяне, разошедшиеся из владений Кафтырева и вернувшиеся обратно, а также вновь призванные владельцем, освобождаются от податей на определенный срок и на этот же срок не подлежат наместничьему суду. «А отсидят свои уроки, — читаем в грамоте, — ини потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе, а судом к городу»[5], т. е. судебный иммунитет носит очень ограниченный по времени характер.

Интересные выводы можно сделать, рассматривая те статьи несудимых грамот, которые посвящены вопросам устройства сместного суда. В нашем распоряжении имеется несколько грамот, которые свидетельствуют о том, что накануне смерти Василия Дмитриевича и в начале княжения Василия Васильевича была проведена недолговременная судебная реформа. Она выразилась, во-первых, в использовании «сместных судей» для борьбы с уголовными преступлениями против феодального права, которые были изъяты, таким образом, из непосредственной посудности иммунистам; во-вторых, в централизации суда, которая свелась к требованию доклада великому князю дел, вызывавших споры между «сместными судьями». Эти начала нашли выражение в грамоте Василия Дмитриевича на владимирские села, принадлежавшие митрополичьей кафедре. В ней читаем: «. . . А грамоту правую дают оба судьи

[1] ААЭ, т. I, стр. 15, № 20.
[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 3, № 3; стр. 6, № 7.
[3] АЮБ, т. I, № 41; РИБ, т. XXXII, № 6.
[4] АИ, т. I, № 28.
[5] Акты А. Юшкова, № 4.

(княжеский и митрополичий волостели), а татя и разбойника оба судьи с одного казнят; а которого судья не имет казнити, тому быти от меня самому казнену». В другом месте: «А о чем ся сопрут судьи, и они мене, великого князя, докладывают, а поставят передо мною обою истцев, а истцево доправливати того приставу, чей будет виноват»[1].

Цитированный документ относится к февралю 1425 г., т. е. выдан буквально за несколько дней до кончины московского великого князя Василия I. Это свидетельствует о том, что правительство Василия I придавало значение предсмертному утверждению князем основ организации феодального суда. Очевидно, вопрос о формах судебной централизации был поднят в это время потому, что несовершеннолетие будущего великого князя Василия Васильевича и возможность выступления против него с притязаниями на великокняжеский стол Юрия галицкого заставляли московское политическое руководство опасаться за судьбы Московского княжения, за его целостность.

Грамота на имя Фотия не является в этом отношении единственной. Сохранилась, например, близкая по содержанию грамота Василия Дмитриевича Троице-Сергиеву монастырю, где также говорится: «А будет татба с поличным, и судьи с одиного казнят татя с поличным»[2]. Этот последний документ не имеет даты, но очень вероятно, что он написан также незадолго до смерти Василия Дмитриевича, т. е. одновременно, или близко по времени, с жалованной грамотой Фотию. Я это заключаю из того, что приведенная жалованная грамота Василия Дмитриевича Троице-Сергиеву монастырю была подтверждена Василием II вскоре после кончины его отца.[3]

Общие причины изменений в области иммунитета в первой четверти XV в. надо, очевидно, искать в развитии классовой борьбы в деревне, что было вызвано усилением феодального гнета. Отсюда — мероприятия великокняжеской власти по преследованию нарушителей прав феодальной собственности («татей», «разбойников»); отсюда — укрепление аппарата власти на местах путем сосредоточения больших полномочий в руках наместников и волостелей.

«Подобно праву, и преступление, — говорят Маркс и Энгельс, — т. е. борьба изолированного индивида против господствующих отношений, тоже не возникает из чистого произвола. Наоборот, оно коренится в тех же условиях, что и существующее господство»[4]. Таким образом основоположники марксизма подчеркивают, что в обществе, состоящем из антагонистических классов, понятие преступления определяется законом с точки зрения защиты интересов господствующего класса.

Представляет большой интерес, с точки зрения характеристики классовой сущности феодального суда, стремление великокняжеской власти в целях борьбы с проявлениями классовой борьбы в феодальной деревне, сделать ответственной за нарушение прав феодалов ту крестьянскую общину, к которой принадлежал нарушитель этих прав. Так, в грамоте Василия I нижегородскому Благовещенскому монастырю 1423 г. содержится постановление, чтобы в случае какого-либо преступления против феодального права собственности («а у кого учинится какова гибель»), если след преступника приведет к владениям монастыря («и кто пригонит какой след на монастырские земли»), то крестьянин, сидящий

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 16—17, № 23.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 4—5, № 6.

[3] Там же, стр. 12—13, № 15.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 312.

на данном участке, обязан «взяв обрез земли», отвести от себя след. В противном случае его двор подвергается обыску со стороны потерпевшего, хотя в случае отсутствия в доме поличного, он и не обязан возмещать убытки («гибель») истцу. Отказавшийся отвести от себя след должен вознаградить потерпевшего[1].

Изучение жалованных грамот второй четверти XV в. нельзя вести вне связи с длительной феодальной войной, развернувшейся в Русском государстве в это время. Это была решающая борьба между двумя политическими системами: феодальной раздробленностью, при которой существовал целый ряд самостоятельных «полугосударств», и государственным единством, требовавшим ликвидации условий, создававших «феодальный беспорядок», завершения политического объединения страны и централизации аппарата власти. А борьба двух политических форм означала и борьбу двух систем организации господства и подчинения в феодальном обществе.

Коалиция удельных князей, возглавленная вначале Юрием Дмитриевичем галицким, а затем его сыновьями Василием Косым, Дмитрием Шемякой, Дмитрием Красным, выдвигала в качестве программы прежде всего расчленение государственной территории Московского княжества, образовавшейся во второй четверти XV в., на отдельные самостоятельные части путем реставрации тех из политических феодальных образований, которые уже утратили к этому времени свою политическую независимость и были присоединены к Москве (например, Суздальско-Нижегородского княжества). Эта программа предполагала далее широкое развитие иммунитетных привилегий, которые способствовали политической децентрализации и раздроблению государственной власти между отдельными земельными собственниками. Последние должны были пользоваться в своих вотчинах значительными правами судебного и фискального характера, осуществляя методами внеэкономического принуждения свое господство над непосредственными производителями. Эта программа, наконец, считала необходимым сохранить участие удельных князей в суде и управление в самой Москве, что препятствовало судебной и административной централизации.

Те формы организации государственной власти, которые защищала коалиция удельных князей, возглавленная Юрием галицким и его сыновьями, уже не отвечала условиям экономического развития XV в. Расширение рыночных связей, рост товарно-денежных отношений в результате общего подъема производительных сил с середины XIV в., приводили к усилению феодальной эксплоатации. Усиление феодального гнета вызывало крестьянские выступления против землевладельцев, принимавшие различные формы. Рост городов сопровождался обострением классовых противоречий в среде торгово-ремесленного населения. Необходимы были новые формы организации господства и подчинения в феодальном обществе, которые обеспечили бы господствующему классу возможность эксплоатации социальных низов в деревне и городах. Политическая система, которую поддерживали удельные князья, соответствовала периоду феодальной раздробленности. Не случайно феодальную войну начали князья Галицкой земли, представлявшей собой территорию, обособленную экономически и политически. Таким образом, образование централизованного Русского государства, представлявшее объективно-прогрессивное явление, в то же время способствовало усилению феодально-крепостнической эксплоатации непосредственных производите-

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 272—273; ААЭ, т. I, № 21; Сборник П. Муханова, № 119; П. Иванов. Указ. соч., стр. 206—208.

лей — крестьян. В этом заключалась диалектическая противоречивость изучаемого процесса.

Феодальная война явилась следствием проявления внутриклассовых противоречий и развертывания классовой борьбы. К XV в. наметилась дифференциация московского боярства. Выдвижение новой социальной силы, нового слоя класса феодалов — великокняжеского «двора», попытка великокняжеской власти ограничить право боярского отъезда (стремление к замене вассального договора обязательной службой, сужение иммунитетных привилегий боярского землевладения и т. д.), — все это вызывало оппозицию части боярства московскими князьями и их переход на сторону удельно-княжеской коалиции.

Галицкие князья пытались также опереться на некоторых церковных феодалов. Известно, что в середине 40-х годов XV в. в заговоре против Василия II оказались замешанными некоторые монахи Троице-Сергиева монастыря. Дмитрий Шемяка использовал политику выдачи монастырям жалованных грамот, обеспечивавших им имущественные права, ограничение которых московскими князьями началось с первой четверти XV в.

Наконец, и часть населения московского посада, в лице его верхов, — «гостей-сурожан», заняла в феодальной войне позицию, враждебную московской великокняжеской власти, и принимала участие в аресте и ослеплении Василия II в 1447 г. Это в значительной мере объясняется тем, что «гости-сурожане» были связаны торговыми интересами с Золотой Ордой и в ряде случаев не были заинтересованы в поддержке политики Москвы.

Все эти реакционные силы Московского княжества были использованы в феодальной войне противниками усиления центральной великокняжеской власти, так же, как и враждебные Москве элементы, имевшиеся в различных феодальных центрах. В конце концов на стороне великокняжеской власти, как «представительницы порядка в беспорядке», оказались все прогрессивные элементы феодального общества.

Классовая борьба в деревне в период феодальной войны приняла форму борьбы за землю. Кроме того, разорение страны и разрушение производительных сил в результате войны, продолжавшейся четверть столетия, привели к массовому уходу крестьян из владения феодалов. Одновременно происходили городские восстания.

Несомненно, что развертывание классовой борьбы в стране явилось одной из основных причин, заставивших господствующий класс сплотить все свои силы и, закончив феодальную войну, перейти в развернутое наступление на феодальные низы.

Как показал Энгельс в свой работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии», феодальные войны являются необходимым, закономерным этапом в процессе образования централизованных государств в различных странах. Феодальная война второй четверти XV в. в России почти совпадает по времени со столетней войной во Франции и с войной Алой и Белой Розы в Англии.

Во время феодальной войны второй четверти XV в., когда решался вопрос о будущей системе государственного устройства, соответствующей новым экономическим условиям в развитии страны и новым формам феодальной эксплоатации, наметилась дальнейшая переработка иммунитета. Именно в борьбе между собой двух политических систем (системы феодальных «полугосударств» и государственной централизации) и вырабатывались новые начала иммунитета как формы внеэкономического принуждения.

Рассматривая тарханные и «льготные» грамоты периода феодальной войны, особенно относящиеся к территории бывших самостоятельных

феодальных центров, уже присоединенных к Москве, но стремившихся вернуть свою независимость, мы можем выяснить, какую роль играл в это время иммунитет во внутриклассовой и классовой борьбе. Особенный интерес представляют льготные грамоты монастырям на владения, расположенные в нижегородских пределах. До нас дошла жалованная (льготная и несудимая) грамота Благовещенскому монастырю от имени нижегородского князя Даниила Борисовича[1], датированная в «Актах Археографической экспедиции» временем между 1410 и 1417 гг., а Д. М. Мейчиком отнесенная к периоду времени до 1423 г.[2], т. е. до разобранной выше грамоты тому же монастырю, выданной Василием I. Однако эти датировки требуют пересмотра. Даниил Борисович называет себя «великим князем». В конце изучаемого документа указано: «А дана грамота майа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махамета царя в другий ряд». А. В. Экземплярский по этому поводу замечает: «О Магмете говорится в летописях под 1426—1437 гг. . . . Но нет ли тут какой ошибки? Великий князь Василий Дмитриевич отдает перед смертью (в 1425 г.) Нижний-Новгород сыну Василию как уже полную собственность свою. . .»[3] Однако недоверие Экземплярского к хронологическим данным документа вряд ли обосновано. Ссылка на Махмета раскрывает, повидимому, неизвестный из других источников факт из истории Нижегородского княжества, относящийся к концу 20-х—началу 30-х годов XV в. Эти годы, когда происходила борьба за великокняжеский стол между Василием II московским и Юрием галицким, нижегородский князь Даниил Борисович, вероятно, использовал для получения ярлыка в Орде на свою «отчину». Став «великим» нижегородским князем, он возобновил жалованную грамоту Благовещенскому монастырю, выданную в 1423 г. Василием Дмитриевичем. Ее текст почти дословно повторен в акте «пожалования» Даниила Борисовича, вплоть до указания на великокняжеских «сирот», которых «осадил» в своих владениях благовещенский архимандрит.

Мы не знаем, долго ли «сидел» «на своей отчине» Даниил Борисович[4] и когда Нижегородское княжество снова отошло к Москве. Знаем только, что Даниил Борисович сохранил в нижегородских пределах ряд владений с правами суда и сбора дани. В интересной данной грамоте его вдовы, княгини Марии, «нареченой в мнишеском чину Марины», находим сведения о передаче около 1444 г. в суздальский Спасо-Евфимьев монастырь села Омуцкого, в качестве вклада «по своего князя душе, и по своей душе, на поминок своему роду»[5]. Село поступает (с доклада Василию II) в монастырь, «как было при. . . князи» и при самой вкладчице «и с судом, и с татьбою и с поличным, и с тамгою, и со всеми пошлинами, занеж то село Омуцкое к городу не тягивало ничем, никакими пошлинами, ни душегубством». «А лучитца, — пишет княгиня-вкладчица, — по грехом душегубство, ино судит господин мой князь Василей Васильевич».

К 1438 г. относится грамота Благовещенскому монастырю от имени великого князя Василия Васильевича[6]. Из нее мы узнаем, что монастырские владения «опустели» «и люди деи разошлись» из них «по иным местом». Отсюда — подтверждение податной льготы (на 5 лет для старо-

[1] ААЭ, т. I, стр. 13—14, № 18.
[2] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 134, № 33.
[3] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, СПб., 1889, стр. 433, примеч. 1226.
[4] От имени Даниила Борисовича сохранилась жалованная грамота и Нижегородскому Дудину монастырю (ЦГАДА, ГКЭ, № 8086, л. 5).
[5] АИ, т. I, стр. 57—58, № 29.
[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 273—273 об.

жильцев, на 10 — для новоприходцев). Выдачу грамоты следует поставить в связь с событиями 1438 и следующих, ближайших, годов: приходом в Белев из Орды Улу-Мухаммеда и его последующим укреплением в Нижнем-Новгороде. Татарское разорение вызвало массовое бегство крестьян. Интересно, что в 1438 или 1439 гг. получил жалованную грамоту от Василия II с десятилетней податной льготой населению гороховецких пустошей Троице-Сергиев монастырь[1].

Наконец, известен ряд жалованных грамот Василия II Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Мордаш, на монастырь св. Василия на Гороховце и т. д.[2]

В сороковых годах XV в. Нижегородско-Суздальское княжество втягивается в орбиту политического влияния со стороны противников великого князя Василия II — Дмитрия Шемяки и поддерживавших его удельных князей. Шемяка передал Суздаль своему союзнику князю Ивану Андреевичу можайскому. Стремясь найти поддержку в духовных феодальных кругах и закрепить за собой полученный удел, Иван Андреевич дал в конце 1442 г. Троице-Сергиеву монастырю в качестве вклада крупное суздальское село Шухобалово и сопроводил свой дарственный акт передачей монастырю несудимости (правда, неполной) и освобождением его на 10 лет от дани[3]. Но в середине 40-х годов Дмитрий Шемяка пересмотрел свое первоначальное решение относительно Суздаля и восстановил «отчинные» права суздальских князей Василия и Федора Юрьевичей, за которыми были признаны по договору Суздаль, Нижний-Новгород, Городец, Вятка. В соответствии с этим договором были аннулированы все «пожалования» Ивана Андреевича можайского.

Утвердившись в начале 1446 г. в Москве, Дмитрий Шемяка очень скоро после этого, в марте, спешит признать жалованные грамоты предшествующих князей Благовещенскому нижегородскому и Спасо-Евфимьеву суздальскому монастырям, восстановив прежние льготные сроки в уплате дани[4]. В свою очередь суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи спешат дать жалованную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю на ряд сел с освобождением от дани и других повинностей[5].

Как только Василий Темный вернул Москву, он обратил особенное внимание на поземельные отношения в суздальских пределах, постаравшись рядом земельных пожалований и льгот обеспечить здесь московское влияние. Село Шухобалово, поступившее в качестве дарения Ивана можайского в Троице-Сергиев монастырь, а затем отошедшее к суздальским князьям Василию и Федору Юрьевичам, было снова возвращено монастырю, уже в качестве великокняжеского вклада. Кроме того, Василий Темный дал Троице-Сергиеву монастырю суздальское же село Микульское «по сестричиче, по князе по Семене Александровиче»[6]. Семен Александрович был сыном князя Александра Ивановича и дочери Василия Дмитриевича и приходился, таким образом, племянником Василию Темному. Вдове Семена Александровича, княгине Марии, была отправлена специальная грамота от имени Василия II с предписанием своим боярам велеть «отвести» Троице-Сергиеву монастырю землю села

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 30, № 42.
[2] АИ, т. I, № 38; РОБИЛ, Румянцевское собр., кн. 59-II, № 17, л. 16—16 об.
[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 44, № 58.
[4] ААЭ, т. I, стр. 50, № 39.
[5] ЦГАДА, ф. 1203, кн. № 1, л. 414—414 об.
[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 59—60, № 79.

Микульского «по старине, как было за твоим князем за Семеном Александровичем, занеже деи их в землях обидят»[1]. Льготы, предоставленные монастырю для сел Шухобалова и Микульского, значительно шире тех привилегий, которыми они пользовались по грамотам Ивана можайского. Речь идет уже не о временном освобождении от дани, а о полном податном тархане, с заменой всех повинностей полуторарублевым ежегодным оброком: «. . . И кто у них в тех селех живет людей или кого к себе призовут не из моей отчины из великого княжения, и тем людем старожилцом и пришлым ненадобе никоторая моя дань, ни ям. А даст в мою казну великого князя, игумен с тех сел з году на год оброком по полутора рубля московских на рожество Христово. А писцы мои и данщики тех людей в мою дань не пишут, ни дани на них не емлют. Также тем людем монастырским, старожилцем и пришлым, ненадобе мыт, ни тамга, ни ям, ни подвода, ни писчая белка, ни костки, ни сен моих не косят, ни коня моего не кормят, ни двора наместничя не ставят, ни к дворскому, ни к сотскому не тянут ни в которые проторы, ни в розметы, ни иныи никоторыи им пошлины ненадобе»[2]. Одновременно монастырскому «приказнику» села Шухобалова было передано право держать конское пятно, и княжеский «пятенник» не мог «пятнить» коней, передаваемых крестьянами, и взимать с них пошлины. Лес села Шухобалова был объявлен заповедным и все, кто «учнет ездить того села лесу сечи без приказникова слова», должны были уплатить «заповедь» в сумме двух рублей[3].

Представляет интерес, что с 1447 г., после того, как Москва была возвращена Василию II, его правительство заботится о расширении монастырских земель на территории Нижегородского княжества, в котором, во время владения Москвой Шемякой, по договору с последним, утвердились суздальские «отчичи», князья Юрьевичи. Можно думать, что земельная политика Василия II конца 40-х—начала 50-х годов XV в. преследовала цели, посредством льготного монастырского землевладения в нижегородских пределах, крепче связать с Москвой нижегородские волости. К концу 40-х—началу 50-х годов XV в. относится жалованная грамота Василия Темного Троице-Сергиеву монастырю на пустоши в Гороховце, к которым великий князь «ослободил [монастырским властям] купити своих земель черных тяглых на 10 сох». «И кого к собе на те пустоши перезовут людей не из моей вотчины, — читаем в грамоте,— и тем людем ненадобе мыт, ни тамга, ни ям, ни подвода, ни осминничие, ни гостинники, ни иная никоторая пошлина»[4]. Одновременно было направлено распоряжение в Гороховец к Федору Сыроедову «не вступатся» в монастырские «воды, и в лесы, и в их люди, и вь их людей уходы»[5].

Интересна жалованная грамота Василия II на владения Рождественского монастыря в Суздале второй четверти XV в. с освобождением от городового дела[6].

Сделанный выше вывод о том, что предоставление податного иммунитета духовным корпорациям являлось для великокняжеской власти, а также для удельных князей, принимавших участие в борьбе за великокняжеский стол, одним из мероприятий экономической политики и что выдача тарханных и льготных грамот диктовалась общими политиче-

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 60—61, № 81.
[2] Там же, стр. 59—60, № 79.
[3] Там же, стр. 60, № 80.
[4] Там же, стр. 55—56, № 73.
[5] Там же, стр. 57—58, № 76.
[6] Сборник П. Муханова, № 263.

скими задачами, которые выдвигала перед князьями феодальная война второй четверти XV в., подтверждается не только материалом по Нижегородскому княжеству. Получив в 1434 г., по договору с Василием II, Углицкий удел, Дмитрий Шемяка выдает грамоту Троице-Сергиеву монастырю [1] на расположенные там села, устанавливая с них трехрублевый оброк, в замену всех прочих платежей и повинностей. Исключение сделано для городового дела («опрочь того дела, коли учнут город рубити»). Князь запрещает также своим пятенщикам въезд в монастырские владения и разрешает игумену держать «у своих людей у монастырьских пятно свое». В 1447 г., после того, как Москва перешла в руки Василия Темного, последний со своей стороны пожаловал Троице-Сергиев монастырь податной льготой, распространенной на несколько углицких сел. Основной смысл грамоты — стремление закрепить за монастырем-феодалом кадры зависимого крестьянства. Грамота различает три категории населения: 1) «которые люди у них в тех селцах и в деревнях нынеча живут старожилци»; 2) «кого к собе в те села и в деревьни призовут жити людей старожилцов, которыи преж сего туто живали»; 3) «призовут кого к собе людей из ыных княженей, а не из моее вотчины великого княженья». «Тутошние люди старожилци» освобождены от дани на пять лет; «пришлые люди старожилци» — на семь; «призваные люди из ыных княженей» — на десять. От всех остальных повинностей монастырю предоставлен полный тархан [2]. Одновременно власти Троице-Сергиева монастыря получили от великого князя грамоту [3] на право свободной рыбной ловли по Волге «вниз до Ярославского рубежа» для рыболовов, проживающих в селе Прилуках. Углицкие наместники, их тиуны, княжеские «ловчане» не должны были «возбранять» ловить рыбу «тем монастырьским рыболовам, чернцам и бельцам», брать с них пошлины или привлекать их на великокняжескую ловлю. Монастырские власти со своей стороны не должны были принимать в Прилуки княжеских рыболовов. Содержит грамота и некоторые другие привилегии.

Наблюдения над несудимыми грамотами второй четверти XV в. подтверждают те же выводы, которые вытекают из анализа грамот тарханных и льготных: вопрос об иммунитете играл крупную роль в феодальной войне.

Рассматривая грамоты времени Василия Темного, убеждаемся, что несудимые грамоты служили в руках московского князя политическим средством, которым он пользовался в том или ином направлении, в зависимости от исторической обстановки. Бóльшая или меньшая полнота иммунитета определялась характером классовых и внутриклассовых отношений, выдвигавших те или иные задачи великокняжеской политики.

Так, мы знаем единственный, исключительный по своему интересу случай, когда великий князь в жалованной грамоте монастырю говорит о несудимости не от своих наместников, а от удельных князей и «вопчих судей». Это — жалованная грамота Василия II Троице-Сергиеву монастырю второй четверти XV в. на рыбные ловли в Ростовском озере, в которой указано: «А князи ростовские, ни мои вопчие судьи и их тиуни на те люди пристава не дают, ни судят их ни в чем; а ведает и судит тех людей игумен сам, или кому прикажет» [4]. В более поздней грамоте Василия II, 30—40-х годов XV в., на те же рыбные промыслы ростовские

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 32—33, № 47.
[2] Там же, стр. 51—52, № 66.
[3] Там же, стр. 53, № 70.
[4] Там же, стр. 15, № 19.

князья уже не упоминаются, а вместо них указаны ростовские наместники [1].

К 1430—1432 гг. относится несудимая грамота Василия II Троице-Сергиеву монастырю на село Медну «промежь Торжьком и Тферью». Феодально-зависимое от монастыря население села Медны освобождалось от подсудности новоторжским наместникам по всем делам без всяких исключений [2]. 1430—1432 гг. — время борьбы Василия II с Юрием Дмитриевичем галицким. Московскому князю было важно поддерживать мирные отношения с Борисом Александровичем тверским, который с 1427 г. находился в союзе с Витовтом, в 1430 г. ездил к нему на коронацию в Троки, а после смерти Витовта помогал литовскому князю Свидригайлу Ольгердовичу против Сигизмунда Кейстутьевича [3]. Принимая во внимание литовско-тверские отношения, а также то обстоятельство, что с 1432—1433 гг. Тверь делается убежищем для московских беглецов из числа оппозиционных феодалов, недовольных Василием II, становится понятным, что последний стремился к упрочению московского авторитета на московско-тверской границе. Село Медна, как видно из рассматриваемой жалованной грамоты, находилось под московской великокняжеской юрисдикцией еще с Дмитрия Донского. Подтверждение полного иммунитета в отношении села Медны властям Троице-Сергиева монастыря, к которому это село перешло около 1430 г. [4], преследовало, несомненно, цели сделать привилегированное землевладение Троице-Сергиева монастыря исходным пунктом для распространения московского влияния в пределах Новоторжского уезда. При изучении жалованной грамоты на село Медну надо принимать во внимание не только московско-тверские, но и московско-новгородские отношения: Медна принадлежала когда-то новгородскому посаднику Юрию Онцифорову.

Аналогичные мероприятия проводил Василий II и в более позднее время. Так, уже после изгнания из Москвы Дмитрия Шемяки, в начале 1447 г., он выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на село Хотунец [5], переданное в монастырь Евдокией Ивановной Кунгановой, «в Торжку на Тферском рубеже». Вклад был сделан Евдокией Кунгановой «по душе мужа своего, по Иванове Кунганцове, и по своем сыну Фоме» [6]. Нам известно, что новоторжские бояре Кунгановы находились в оппозиции к князьям Тверского дома. В Новгородской IV летописи под 1421 г. говорится, что князь Иван Тверской захватил Ивана Кунганца и его сына Фому и, бив их, заточил в Новый городок [7]. Таким образом, вотчина новоторжских бояр, подвергшихся опале от тверских князей, оказалась во владении Троице-Сергиева монастыря. Естественно, что московский великий князь Василий Васильевич должен был обратить особое внимание на Троицкое село Хотунец (Кунганово). Отсюда понятно закрепление за ним полного судебного иммунитета: «. . . Хто в том селе и в деревнях имет жити людей, и наместницы мои новоторжьские и их тиуни и посадники тех людей не судят, ни доводчиков своих не всылают к ним ни по что, . . . а ведает и судит игумен свои люди сам или кому прикажет». Характерно упоминание, наряду с новоторжскими наме-

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 26, № 36.

[2] Там же, стр. 18—19, № 25.

[3] А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, т. II, стр. 508.

[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 277; кн. 533, л. 364—364 об.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 54, № 71.

[6] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 282; кн. № 530, л. 1410.

[7] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 431.

стниками, также новоторжских посадников. Очень ярко выступает в приведенном случае стремление московского князя использовать иммунитет привилегированного монастырского землевладения в целях укрепления своего положения на «Тферском рубеже». Последняя задача являлась особенно актуальной после победы над Шемякой. Вспомним, что во время борьбы с ним Василия Васильевича тверской князь Борис Александрович занимал двусмысленную позицию, и имеются данные о том, что одно время он поддерживал Шемяку.

Очень интересно и важно ближе присмотреться к выдаче жалованных грамот Василием II за 30-е и 40-е годы XV в. на владения, расположенные на той территории, которая принадлежала удельным князьям, выступавшим против великого князя московского. Если сопоставить даты ряда грамот с отдельными моментами в истории феодальной войны второй четверти XV в., то создается совершенно отчетливое впечатление, что можно говорить о продуманной политике московского правительства Василия II, стремившегося, путем закрепления иммунитетных привилегий за рядом крупнейших феодальных (по преимуществу духовных) организаций, опереться на них в наступлении на реакционные силы феодальной оппозиции. Прежде всего в этом плане заслуживают изучения несудимые грамоты на вотчины, находившиеся в пределах Бежецкого Верха и Углича, т. е. в уделах Юрия Дмитриевича галицкого и его сыновей.

По докончальной грамоте 1433 г. между Василием II и Юрием Дмитриевичем, последний получил «в вотчину и в вудел» Бежецкий Верх. После смерти Юрия Дмитриевича Василий II специальным договором, заключенным в 1434 г., закрепил Бежецкий Верх за его сыном Дмитрием Красным. Но более позднее докончание Василия II с Дмитрием Шемякой 1436 г. уже не говорит о Бежецком Верхе, как владении Дмитрия Красного. В первой части настоящего исследования я пытался объяснить это тем, что в 1435 г. права на Бежецкий Верх предъявили новгородцы и московский великий князь Василий Васильевич был вынужден в какой-то мере считаться с новгородскими требованиями. Следя далее за междукняжескими отношениями, мы видим, что в 1441—1442 гг. между Дмитрием Шемякой и Василием II произошло «розмирье», причем Дмитрий Шемяка бежал «в Бежецкий Верх Новогородцкий». Очевидно, галицкий князь и после смерти брата Дмитрия Красного (последовавшей в конце 1440 г.) не отказался от претензий на Бежецкий Верх. Примирение Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой состоялось при посредничестве игумена Троице-Сергиева монастыря Зиновия [1]. В этой связи очень интересны те данные, которые свидетельствуют о том, что в указанные годы и московский и галицкий князья пытались обеспечить за собой владение Бежецким Верхом путем жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю, игумен которого Зиновий и выступил третейским судьей во время феодальной войны между ними.

Еще в сентябре 1436 г., т. е. вскоре после договора с Дмитрием Шемякой, в тексте которого Бежецкий Верх уже не фигурирует в числе удельных владений галицких князей, Василий II оформил жалованную грамоту игумену Зиновью Троице-Сергиева монастыря на его бежецкие владения. Грамота эта интересна тем, что в ней речь идет не о несудимости, а о вызове монастырских крестьян через пристава на великокняжеский суд только дважды в год: «. . . И кто мой пристав в те их села приедет по их хрестьянина, ин им чинит срок на Петров день, а приедет лете, ин им чинит срок на Рожество Христово». Нарушение приставом

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV в., ч. 1, стр. 117—128.

установленных сроков дает монастырским крестьянам права не ездить к ответу. Если даже пристав «возьмет на их человека безсудную не по тем сроком, ино безсудная. . . не в безсудную»[1]. Это наиболее ранний, известный нам образчик жалованной двусрочной грамоты. И вполне вероятно, что она относится именно к 1436 г. и имеет в виду вотчины Троице-Сергиева монастыря именно в Бежецком Верхе. В сложной политической обстановке середины 30-х годов XV в., когда вопрос о Бежецком Верхе встал в качестве одной из серьезных проблем московско-новгородских отношений, была найдена приемлемая и для московского правительства, и для властей Троице-Сергиева монастыря (где написана грамота) форма подсудности монастырского зависимого населения великому князю по искам посторонних лиц. Это же постановление, несомненно, являлось ответом на развитие классовой борьбы в монастырских вотчинах. Подчинение монастырских крестьян непосредственно великокняжескому суду укрепляло феодальные позиции монастыря.

В дальнейшем мы видим, что Дмитрий Шемяка со своей стороны делает вклады Троице-Сергиеву монастырю и сопровождает их судебными льготами, следовательно, не отказывается от своих прав на Бежецкий Верх. В конце 1440 г. названный князь «по приказу брата своего князя Дмитрея Юриевича [Красного] и по душевной его грамоте» дал «в дом святей Живоначальной Троице» село Присеки с деревнями в Бежецком Верхе, «на поминок своему отцу великому князю Юрию Дмитриевичю и своей матери и своей братьи, инока Игнатия, и князь Дмитрея Юрьевича, и всему нашему роду на поминок их душам»[2].

5 декабря 1440 г. игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий получил от Дмитрия Шемяки несудимую грамоту на село Присеки по всем делам, «опричь душегубства». Особые условия, в которых находился Бежецкий Верх, где скрещивались перекрестные политические притязания со стороны Твери, Новгорода и Москвы, вызвали помещение в рассматриваемой жалованной грамоте некоторых специальных статей: о «проездном суде» и о бежецких посадниках: «Также и проездным судом наместницы мои к ним не ездят и корму у них проездного не емлют»; «. . . А о посадницех как было при великом князе Иване Даниловиче, и при великом князе Семене Ивановиче, и при моем прадеде великом князе Иване Ивановиче, и при моем деде великом князе Дмитрее Ивановиче, и при моем отце великом князе Юрье Дмитреевиче»[3].

Феодальная война начала 40-х годов XV в., во время которой Дмитрий Шемяка нашел убежище от великокняжеских войск в Бежецком Верхе и которая была ликвидирована при участии троицкого игумена Зиновия, привела к восстановлению прав на Бежецкий Верх Василия II. Участие, принятое Зиновием в примирении обоих князей, дает основание предполагать, что для князей-соперников было важно добиться помощи в борьбе со стороны властей Троице-Сергиева монастыря. Поэтому при характеристике княжеского столкновения 40-х годов XV в. приобретает особый интерес жалованная грамота Василия II от октября 1441 г., которой он подтвердил несудимую грамоту Дмитрия Шемяки от декабря 1440 г. на троицкое село Присеки, в Бежецком Верхе. Несудимость дана в том же самом объеме: «опричь душегубства». Воспроизведены те же статьи о «проездном суде» и бежецких посадниках[4].

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 29, № 40.

[2] Там же, стр. 41—42, № 54.

[3] Там же, стр. 42, № 55; ААЭ, т. I, стр. 28, № 37.

[4] Там же стр. 42—43, № 56.

После захвата Москвы в начале 1446 г. Дмитрием Шемякой, 27 мая 1446 г. была выдана несудимая грамота на село Присеки на имя троицкого игумена Досифея союзником Шемяки, Иваном Андреевичем можайским [1].

Вслед за ликвидацией феодальной войны 30—40-х годов XV в. Василий Темный восстановил свою жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на село Присеки от октября 1441 г., но расширил монастырские судебные привилегии, которые в середине 50-х годов XV в. были признаны уже в полном объеме (без изъятия дел о душегубстве). Специальной указной грамотой бежецким наместникам Ивану Ивановичу Бутурлину и Григорию Васильевичу Кривороту Сорокоумову-Глебову Василий Темный предписал не нарушать своего «пожалования» игумену Вассиану на троицкие села в Бежецком Верхе: «Пожаловал есмь игумена троецкого Васьяна с братьею, что их село монастырьское в Бежыцком Версе Присеки и з деревнями, и яз игумену и его братье дал свою грамоту жаловалную на то село и на деревни, что их людей не судити ни их поселского, ни кормов у их людей не имати, а доводщиком поборов не брати. И вы бы у них тое моее грамоты не рушили, ни их бы есте людей ни их посельского не судили, ни ваши тиуны, ни кормов бы есте своих, ни ваши тиуны у их людей не имали, ни всылали бы есте в то в их село в Присецкое и в деревни ни по что». Далее следует запрещение судить монастырских людей «судом боярским».

Аналогичные наблюдения в области судебного иммунитета можно сделать и относительно владений Троице-Сергиева монастыря, расположенных в пределах Углича. Наиболее крупной троицкой вотчиной было здесь село Удинское, впоследствии называвшееся Прилуцким. По грамоте князя Андрея Владимировича радонежского на указанное село, выданной в марте 1411 г.[2], монастырские власти пользовались несудимостью, ограниченной делами о душегубстве. После того, как Углич в 1434 г. перешел по докончальной грамоте с Василием II к Дмитрию Шемяке, последний выдал Троице-Сергиеву монастырю несудимую грамоту (с привилегиями в том же объеме) на все углицкие села, в ряду которых первым опять-таки названо Удинское[3]. По изгнании Шемяки из Москвы, в начале 1447 г., Василий Темный признал за троицким игуменом Досифеем право на полную несудимость в пределах углицких владений[4]. Новая грамота на села Троице-Сергиева монастыря в Угличе, выданная 11 марта 1455 г., когда Московское княжество выдержало татарский набег, вернулась к формуле о несудимости «ни в чем. . . опричь душегубства» [5].

Сопоставление несудимых грамот на углицкие и бежецкие монастырские вотчины показывает, что вторая половина 50-х годов XV в. была временем перестройки московским правительством судебного иммунитета. Отсюда — отсутствие в жалованных грамотах этих лет устойчивого и твердого решения относительно объема судебных привилегий; отсюда — колебания по вопросу о границах несудимости, которые то расширяются в сторону полного иммунитета, то суживаются, как увидим ниже, до лишения землевладельцев всех видов суда над населением их вотчин. Дальше будут раскрыты причины и политический смысл этих колебаний.

---

[1] Там же, стр. 48—49, № 64.
[2] Там же, стр. 8—9, № 11.
[3] Там же, стр. 32—33, № 47.
[4] АЮБ, т. I, стр. 97—98, № 31/VII.
[5] ААЭ, т. I, стр. 41—42, № 56.

Претерпевает изменения в жалованных грамотах периода феодальной войны и статья о сместном суде.

В грамотах Василия II (периода его борьбы с удельными галицкими князьями) пункт о привлечении княжеских наместников и волостелей совместно с вотчинниками-иммунистами к борьбе с преступлениями против феодального права собственности (разбой, татьба), по большей части, отсутствует. Отсутствует, как правило, и статья о докладе спорных дел, разбиравшихся сместными судьями, великому князю. Очевидно, в условиях феодальной войны второй четверти XV в., выражавшей стремления удельных князей к государственной децентрализации, эти статьи несудимых грамот не имели широкого применения.

Вопрос об участии великого князя в сместном суде поднимается снова уже после ликвидации феодальной войны 30—40-х годов XV в., когда силы феодальной оппозиции, возглавленные Дмитрием Шемякой, были разбиты. Грамота Василия II митрополиту Ионе середины XV в. передает великокняжескому суду дела по искам к населению кафедральных владений «из иных мест ис порубежных»: «А хто на тех людех на церковных имет чего искати из иных мест ис порубежных, ино их с теми всеми сужу яз, князь великий, сам и его приказника» [1].

Кроме централизации сместного суда, которая не была достигнута в первой половине XV в., несмотря на некоторые попытки в этом направлении, в годы феодальной войны между Василием II и удельными князьями на очередь был выдвинут вопрос о регламентации сроков вызова приставами в суд великого князя населения феодальных вотчин. Соответственные статьи жалованных грамот, как уже указывалось выше, появляются впервые во второй половине 30-х годов XV в., причем они относятся к территории Бежецкого Верха [2]. Дата (сентябрь 1436 г.) наиболее ранней двусрочной грамоты, согласно которой великокняжеский пристав имел право «чинить» крестьянам бежецких сел Троице-Сергиева монастыря два срока в году (Петров день и рождество христово) для явки на суд, — не случайна. 1435—1436 гг. — время обострения отношений между Москвой и Новгородом по вопросу о Бежецком Верхе, вызывавшего споры между землевладельцами. А эти споры, в свою очередь, имели следствием ухудшение положения зависимого крестьянства и способствовали нарастанию классовой борьбы. В 1435 г. Василий II и новгородские представители «целовали крест» на том, что великий князь отступается от Бежецкого Верха и от волостей на Волоке и Вологде, а новгородцы от всех «княжчин». Было решено послать с обеих сторон бояр на Петров день «на развод земли». Василий II не выполнил этого требования, «ни отчины новгородской нигде же не отведе новгородцам, ни исправы не учини» [3]. В 1436 г. новгородское вече снова вынесло постановление «о разводе земли» и направило ряд мужей в Бежецкий Верх, Волок Ламский и на Вологду для раздела расположенных там волостей между Новгородом и великим князем. Но Василий II снова не дал новгородцам удовлетворения [4]. Во время этих пограничных конфликтов и была дана двусрочная грамота Троице-Сергиеву монастырю на владения в Бежецком Верхе, которая касалась вопроса об ответственности населения монастырских вотчин на великокняжеском суде, так как обстановка поземельных московско-новгородских столкновений порождала боль-

---

[1] М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож, стр. 14, №2/V.
[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 29, № 40.
[3] ПСРЛ, т. XII, стр. 21.
[4] Там же, стр. 22.

шое количество тяжб и развертывание классовой борьбы в бежецких пределах.

В ближайшие же годы мы встречаемся с регламентацией судебных сроков в грамотах Софьи Витовтовны. В грамоте Благовещенскому киржачскому монастырю от 29 октября 1438 г. читаем: «А коли пристав мой приедет, великие княгини и он срок даст по Семене дни в той же день, а зиме срок дает на Збор. . .»[1]. В 1453 г., после смерти Софьи Витовтовны, аналогичную грамоту власти Благовещенского киржачского монастыря получили от имени великой княгини Марии Ярославны[2]. В грамоте кн. Софьи Витовтовны Ферапонтову монастырю 1448 г. говорится о том, что великокняжеский пристав имеет право приезжать в монастырские владения для суда монастырских крестьян раз в год, — «две недели после крещенья»[3].

В конце 40-х и в 50-х годах XV в., после окончательной победы прогрессивных сил феодального общества над реакционной оппозицией статьи о двух и трех сроках вызова приставами монастырских крестьян находим в жалованных великокняжеских грамотах, относящихся к феодальным владениям в Костромском[4], Галицком[5], Ростовском[6], Бежецком[7] уездах, т. е. опять-таки, прежде всего, в пределах недавно присоединенных феодальных центров или на территории уделов, где разыгрывались события феодальной войны второй четверти XV в.

Особый интерес представляет грамота Василия II старорусским тонникам Никите и Есипу с братьею. Грамота подтверждает привилегии, которыми тонники пользовались еще при Дмитрии Донском и Василии I. Они освобождаются от всех податей и повинностей («погоста им не платити, ни в черной бор им не тянуть. . .»), от обязанности предоставлять подводы литовским и новгородским послам («а литовскому послу подвод им не давати, ни на дворе у них не стояти, ни новгородскому послу на дворе у них не стояти, ни корму, ни подвод им не давати»). Грамота фиксирует также свободу тонников от суда русских посадников («а в виру им с рушаны не тянути, . . . а с рушаны им в лих потуг не тянути, ни подвоиским русским их не позывати, ни посаднику русскому их не судити, ни с поличным») и от посудности новгородским светским и духовным судебным властям («дворяном моим з городища, ни подвойским новгородским, ни биричем, ни софьяном владычним моих тонников руских не позывати ни в какове деле»). Иммунитет, который фиксирует княжеская грамота, должен обеспечить русским тонникам возможность свободного занятия своим промыслом: «а руским промыслом им промышляти, соль варити»[8].

Эта грамота особенно интересна потому, что показывает, как во время феодальной войны московское правительство пыталось опереться на посадское население. В этом отношении заручиться поддержкой посадского населения города Русы — пограничного пункта, в котором перекрещивались влияния, шедшие и из Новгородской феодальной республики и из Литовского княжества, — было особенно важно.

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 36—38, № 50. См. также ААЭ, т. I, стр. 31, № 41 (грамота Софьи Витовтовны Ферапонтову монастырю 1448 г.).
[2] Там же, стр. 67—69, № 91.
[3] АЮБ, т. I, № 41; РИБ, т. XXXII, № 61.
[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 61—62, № 82.
[5] Там же, стр. 73—74, № 96.
[6] ААЭ, т. I, стр. 37—38, № 51.
[7] Там же, стр. 38—39, № 52.
[8] СГГД, ч. I, стр. 387, № 142.

§ 6. Перестройка иммунитета после феодальной войны во второй половине XV в.

Окончание феодальной войны, явившейся серьезным этапом в процессе образования централизованного Русского государства, имело своим следствием перестройку иммунитета.

В середине 50-х годов XV в., после окончательной ликвидации феодальной войны, московское правительство проводит широкую политику выдачи жалованных, тарханно-несудимых и льготных грамот феодалам. В противоположность грамотам более раннего времени, распространявшимся обычно на *отдельные владения* и фиксировавших какие-либо *определенные привилегии* иммунистов (несудимость, податную льготу и пр.), грамоты середины 50-х годов охватывают большей частью весь комплекс владений данного феодала в том или ином уезде и касаются всех видов привилегий, податных и судебных. Характерно, что указанные жалованные грамоты имеют в виду прежде всего бывшие уделы Дмитрия Шемяки — Галич и Углич. Таковы тарханно-несудимые грамоты Василия Темного Троице-Сергиеву и Симонову монастырям на галицкие и угличские владения[1]. К пятидесятым же годам относятся грамоты великих княгинь Софьи Витовтовны и Марьи Ярославны тому же Троице-Сергиеву монастырю на села и соляные варницы в Нерехте[2], Благовещенскому киржачскому монастырю на деревни и пустоши в Переяславском уезде[3]. Некоторые грамоты Василия Темного имеют в виду владения митрополичьей кафедры.

Изучение льготных грамот митрополичьему дому середины XV в. рисует картину сильного разорения феодально-зависимого сельского населения в результате феодальной войны второй четверти XV в., вызвавшей массовый уход крестьян из кафедральных вотчин и потребовавшей ряд мер со стороны великокняжеской власти в виде податных льгот. Особенно интересны указания документов на тяжесть обложения, целью которого было удовлетворение татарских финансовых требований. Данные этого рода, содержащиеся в некоторых жалованных грамотах, становятся понятными в свете политики Василия II в отношении татар, которой он придерживался по выходе из плена в 1445 г., когда обязался уплатить огромный выкуп и привел с собою в Русь многих татарских князей с их людьми. Как известно, Василию II предъявлялись упреки: «чему еси татар привел на Русскую землю, и городы дал еси им, волости подавал еси в кормление, а татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение даешь татарам»[4]. В середине XV в. московское правительство было вынуждено принять какие-то меры в области налоговой политики, так как в некоторых местах произошло полное запустение принадлежавших феодалам владений. В свое время в послании к Дмитрию Шемяке в конце 40-х годов XV в. феодальное духовенство стремилось доказать, что вина за то «томление», которое испытывает население от татар, должна лечь на галицкого князя. «Татарове во христианстве живут» из-за «неуправления» великого князя с Дмитрием Юрьевичем; «которого часу» Шемяка «управится во всем чисто по крестному целованью», «того же часа князь вели-

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 38—39, № 52; стр. 41—42, № 56; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 98.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 64—66, № 88—89.

[3] Там же, стр. 67—68, № 91; стр. 69—71, № 92.

[4] ПСРЛ, т. IV, стр. 125.

кий татар из земли вон отошлет»[1]. После победы над Шемякой правительство Василия II, в целях восстановления феодального хозяйства, прибегает к политике предоставления податных льгот церковным вотчинникам на запустевшие и оставшиеся без населения земли.

Из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича митрополиту Ионе на села Юрьевского уезда[2] узнаем, что последние «*опустели от татар да от потугов не по силе*, люди деи из них розошлись по иным местом, а живущих деи людей осталось мало». Устанавливая различные виды податных льготных условий, грамота розличает, с одной стороны, «старожильцев», как в составе наличного населения вотчин, так и в числе крестьян, находящихся в разбеге, но могущих вернуться в оставленные села, с другой стороны, — новых поселенцев, которых привлечет на землю обещанная льгота. Тем, «которые люди ныне остались в тех селех или которые будут старожильцы из них розошлись по иным местом, а придут в те села церковные жити опять на свои места», — гарантируется льгота в уплате дани на три года, в уплате других пошлин — на 10 лет. Для вновь пришедшего крестьянства («кого в те села церковные призовут жити людей из иных княженей, а не из моее отчины из великого княженья») десятилетняя льгота в числе других повинностей распространяется и на дань[3].

Наряду с татарским засильем и «потугами» грамоты середины XV в. ссылаются, в качестве мотива податных льгот, также на пожары.

В 50-х годах XV в. выдается жалованная грамота «старым оброчным», митрополичьим крестьянам Федору, Никите и Левону, «чтось остали на церковных пустошех на Погорелицких», «а з дву деи пустошей их двои товарищи розошлися». В случае, если последние «придут опять на Погорелицкие на те пустоши жити или иных христиан на те пустоши призовут в тот оброк», грамота гарантирует старым и новым поселенцам свободу от «дани», «тамги», «восьмничего», «мыта», «косток», «померa», «закоса», «яма», кормления княжеского коня, косьбы сена и пр. Обязательства крестьян сводятся к уплате оброка: «знают оброк отца моего Ионы митрополита киевского всеа Руси по старине»[4] В 1459 г. двухлетняя льгота дается митрополичьим крестьянам села Всеславского, Владимирского уезда, также почти целиком погоревшего: «что де погорело у них село все, не осталось ни кола, опричь митрополича двора»[5]. Крестьяне должны были только закончить причитающуюся им по разверстке часть «городового дела» во Владимире: «а что делали города Володимеря, и они свою выть доделают, а более того в ту два года города не делают». В 1460 г. великий князь Василий Васильевич «жалует» трехлетней льготой митрополичьих «сельчан поречан», Владимирского же уезда, «что сказывают погорело деи того села половина с хлебом»[6].

При характеристике экономической политики московского правительства середины XV в. важно остановиться на вопросе о реорганизации податного иммунитета феодального землевладения. Середина 50-х годов XV в. явилась критическим моментом, когда правительство Василия II, в целях укрепления позиций господствующего класса, пробовало

---

[1] АИ, т. I, № 40.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 162—163; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 14, № 2/V.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 162—163; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 14, № 2/V.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 212—212 об.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 211 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 14, № 2/III.

[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 211 об.; ААЭ, т. I, стр. 47, № 63.

различные методы организации податного иммунитета. При этом наиболее показательным является то обстоятельство, что объектом указанных опытов по перестройке тех начал, которые лежали в основе привилегированного феодального землевладения, явилась территория, входившая в состав удела главы феодальной оппозиции — галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки: Галич, Углич, Бежецкий Верх. К этим удельным владениям следует присоединить еще Радонеж, до 1456 г. являвшийся уделом Василия Ярославича, а в этом году, после ареста Василия Ярославича, присоединенный к Москве.

Из грамот 50-х годов видно, что в политике московского правительства этого времени наблюдалась попытка использования в отношении феодального землевладения двух прямо противоположных систем. Сначала была сделана попытка привлечь Троице-Сергиев монастырь к уплате наместничьих и волостелиных кормов с сел, расположенных в названных пределах. В грамоте второй половины 50-х годов XV в. Троице-Сергиеву монастырю на галицкие владения читаем: «А дают моему наместнику или волостелю и с тиуном на год два корма: на Рожество Христово с двy плуг полоть мяса, мех овса, воз сена, десятеро хлебов, а нелюб полоть, ино десять денег или два алтына, и нелюб мех овса, ино алтын, а нелюб воз сена, ино алтын, а нелюбы хлебы, ино по дензе за ковригу. А на Петров день дают моему наместнику или волостелю боран да десятеро хлебов, а нелюб боран, ино десять денег, а нелюбы хлебы, ино по дензе за ковригу»[1]. Почти текстуально сходные указания дает и одновременная грамота властям того же Троице-Сергиева монастыря на радонежские села[2]. Затем свобода от кормов была монастырю возвращена.

Те же выводы можно сделать и относительно судебного иммунитета.

В середине 50-х годов московское правительство поставило вопрос о пересмотре тех начал, на которых строился судебный иммунитет и за очень незначительный, не поддающийся уточнению, промежуток времени предложило сразу два, в корне отличных, решения этого вопроса: с одной стороны, лишение иммунистов их судебных привилегий, с установлением подсудности наместникам, с другой, — передачу иммунистам судебных прав в полном объеме. Обе эти формы организации суда были применены, в виде опыта, в некоторых владениях наиболее крупных духовных корпораций, в частности, во владениях Троице-Сергиева монастыря, являвшихся ареной феодальной войны во второй четверти XV в., а в середине 50-х годов указанного столетия воссоединенных с Москвой. В год смерти Дмитрия Шемяки, в июле 1453 г., Троице-Сергиев монастырь получил от Василия Темного жалованную несудимую грамоту на варницы у Соли Галицкой и на все земли в Галицком уезде. Великий князь исключил из дел, подсудных игумену, одно душегубство[3]. Затем Василий Васильевич на протяжении очень короткого промежутка времени совсем лишил монастырские власти права суда над населением своих вотчин и снова восстановил это право, причем уже без всяких ограничений. О только что перечисленных, сменяющих друг друга и прямо противоположных мероприятиях узнаем из жалованной грамоты середины 50-х годов XV в.: [4] «Се яз, князь велики Василей Васильевич, пожаловал есми Троецьского игумена Васиана Сергиева монастыря с братьею, что их села в Галичском и у Соли у Галичские, и яз, князь велики, велел был своим наместником и волостелем галичским в тех их селех и в деревнях крестьян их судити, и ноничя есми их пожаловал, своим есми наме-

---

[1] АЮБ, т. I, стр. 102—103, № 31/XIII.

[2] Чт. ОИДР, 1887, кн. II, стр. 48, № 1; АИ, т. I, стр. 105—106, № 58.

[3] ААЭ, т. I, стр. 41—42, № 56.

[4] АЮБ, т. I, стр. 102—103, № 31/XIII.

стником и волостелем хрестьян их судити не велел; — судит игумен свои люди сами или кому прикажет; также и праведщики мои и доводщики наместничи, и волостелины доводщики не въещают к их хрестьяном ни по что, ни пошлин своих у них не емлют».

Аналогичную картину мы можем наблюдать в Радонеже. По жалованным грамотам удельного князя Василия Ярославича первой половины XV в. Троице-Сергиев монастырь и светские вотчинники пользовались полною несудимостью в пределах Радонежа. В грамоте Троице-Сергиеву монастырю на село Киясовское 1445 г. читаем: «А наместницы мои радонежские к тем людем не всылают ни по что, ни судят их, ни тивуни их, ни праведчики, ни доводчики к ним не въезжают ни по что, ни кормов своих у них не емлют, — судит те люди игумен, или кому прикажет во всем, и в татбе, и в разбое с поличным, опричь душегубства»[1]. Совершенно такую же статью о суде над «своими людьми» во всех делах встречаем в несудимой грамоте Василия Ярославича радонежскому землевладельцу Воронцу Степанову[2]. Но в середине 50-х годов XV в. Василий Темный «велел было своему волостелю радонежскому в... селех и деревнях [Троице-Сергиева монастыря] крестьян их судити». Вскоре великий князь отменил свое распоряжение и «своему. . . волостелю крестьян их [троицких] в тех их селех и в деревнях судити не велел», постановив: «в суде ведает игумен своих людей сам, по моим грамотам, великого князя, по старине, или его приказщик»[3].

Со второй половины 50-х годов XV в. и до смерти Василия II московское правительство начинает выдавать жалованные грамоты с ограниченными судебными правами (несудимость, с изъятием дел о душегубстве, разбое и татьбе с поличным). Такая форма ограниченного иммунитета крайне редка для более раннего времени.

Сформулированный выше вывод становится особенно убедительным в свете сравнения несудимых грамот первой и второй половины 50-х годов XV в.

В начале XV в. переяславские села Троице-Сергиева монастыря пользовались полной несудимостью.[4] Ее лишены те новые владения, которые поступили в монастырь по дарственным княжеским актам середины 50-х годов XV в. Передавая, по завещанию Софьи Витовтовны, Троице-Сергиеву монастырю два села в Кинельском стану Переяславского уезда (Чечевкино и Слотино), великий князь Василий Темный пишет: «А дал есмь им те села и деревни и с хлебом и с животиною, да половину серебра летнего на людех, и со всем с тем, что в тех селех и в деревнях есть, опричь людей страдных, да опрочь суда, суд мой великого князя»[5].

Из предшествующих наблюдений напрашивается следующий вывод: до 50-х годов XV в. преобладающей формой судебного иммунитета была или полная несудимость или, чаще, несудимость, ограниченная исключением дел о душегубстве.

Весьма показательным является сопоставление несудимых грамот, относящихся к Звенигородскому уезду, за начало и середину XV в. От 1404 г. до нас дошла грамота звенигородского князя Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю. В ней имеется статья о подсудности игумену Савве монастырских крестьян «во всем. . . опроче

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 46, № 61.

[2] Там же, стр. 16—17, № 2.

[3] Чт. ОИДР, 1887, кн. II, стр. 48, № 1; АИ, т. I, стр. 105—106, № 8.

[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 1—2, № 2.

[5] АИ, т. I, стр. 102—103, № 54.

душегубства»[1]. В грамоте Василия II Савво-Сторожевскому монастырю от 1454 г. говорится о несудимости «опроче душегубства одиного»[2]. Совершенно иные порядки рисует жалованная грамота от 22 октября 1455 г. удельного князя Василия Ярославича на села митрополичьей кафедры в том же Звенигородском уделе. Звенигородские наместники и их тиуны «не судят [митрополичьих] людей ни в чем, опроче душегубства, и разбоя и татбы с поличным»[3]. Таким образом, мы наблюдаем явления, аналогичные тем, о которых говорилось в отношении Троице-Сергиева монастыря.

Имеется несколько, близких по времени, несудимых грамот Василия Темного московскому Симонову монастырю. Наиболее ранняя из них, от 28 марта 1447 г.,[4] предоставляет монастырю полную несудимость. Эта грамота дана сразу после освобождения Москвы от Дмитрия Шемяки. Другие грамоты (данные при архимандрите Геронтии, в 1447—1453 гг.[5]) содержат запрет княжеским наместникам и их тиунам судить монастырских людей «ни в чем, опричь душегубства». В этом отношении документы находят аналогию в одновременных несудимых грамотах звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю[6], московскому Архангельскому собору [7] и т. д. Несудимые грамоты Симонову монастырю начала 1460 г., когда архимандритом был Афанасий[8], передают наместникам, кроме душегубных дел, также дела о разбое и татьбе с поличным.

В грамоте суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю от 1451 г. говорится о несудимости «опроче душегубства и розбоя»[9].

Изменение объема судебного иммунитета во второй половине 50-х годов XV в. может быть доказано наблюдениями над грамотами, касающимися ряда церковных корпораций. В результате некоторых колебаний в области системы организации суда над населением феодальных вотчин что выражалось одно время в расширении иммунитетных привилегий, правительство Василия II в конце концов передает наиболее важные уголовные дела в ведение княжеской местной администрации.

К аналогичным выводам приводят наблюдения и над грамотами служилым людям. Грамота вел. кн. Василия II Алексею Краснослепу на пустошь Хоробровскую, Суздальского уезда, 1460—1461 гг. фиксирует свободу от суда наместников «опричь душегубства, и разбоя и татьбы с поличным»[10]. Такие же условия судебного иммунитета содержит и грамота Ларе Бунаку Хотетовскому на сельцо Литвиновское в Волоцком стану[11].

Вопрос о судебном иммунитете решался в трудной для Московского княжества обстановке, когда оно страдало от татарских нападений. Разбег населения из монастырских владений создавал трудности для организации береговой службы. Попытки удержать крестьян в монастырских вотчинах вызвали ряд правительственных мероприятий, в частности, запрещение крестьянского отказа. Одним из таким мероприятий было

---

[1] АИ, т. I, стр. 23—24, № 15.
[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 4675; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 108.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 109 об. — 110.
[4] РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря, № 58, лл. 108—110.
[5] РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря № 58, лл. 592 об. — 593 об.; АЮБ, т. 1, № 31/IX.
[6] ЦГАДА, ГКЭ, № 4675.
[7] ЦГАДА, грамота из собрания Мазурина.
[8] РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря, № 58, лл. 452 об. — 454, 564—565; ЦГАДА, ГКЭ, № 8739, 10169; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 123, 138.
[9] ЦГАДА, ф. 1203, кн. № 1, лл. 485—486 об.
[10] Акты А. Юшкова, № 14.
[11] Там же, № 15.

реорганизация вотчинного суда, характер которой определился не сразу. В исторической литературе не отмечено значение феодальной войны второй четверти XV в. для истории судебного иммунитета. Между тем изменение объема судебных привилегий со второй половины 50-х годов XV в. не случайно.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что именно в удельных владениях тех князей, которые являлись выразителями феодальной оппозиции (Галич, Углич), правительство Василия II проводило опыты перестройки вотчинной юстиции.

Из обзора несудимых, тарханных и льготных грамот середины XV в. видно, что разгром феодальной оппозиции, выступление которой потрясло политические устои Московского княжества, заставил правительство Василия II, вышедшего победителем из феодальной войны, провести ряд организационных мероприятий в области судебного и податного иммунитета. Здесь не было обдуманного во всех стадиях и последовательно, с начала и до конца, проведенного единого плана. Правительство часто отступало от первоначального решения вопроса и заменяло его другим, в корне противоположным. И это понятно. Конец «смуты», продолжавшейся почти четверть века, поставил ряд серьезных задач перед великокняжеской властью. Надо было восстановить платежеспособность феодально зависимого населения, потрясенного феодальной войной и усилением эксплоатации («потуга́ми»). Отсюда — выдача землевладельцам грамот с податными льготами. Отсюда и использование в качестве формы судебного иммунитета несудимости без всяких ограничений. Судебные и податные привилегии светским и особенно духовным феодалам в качестве метода великокняжеской политики (в частности, экономической политики) должны были способствовать восстановлению производительных сил Московского княжества, заселению пустующих мест и усилению зависимости непосредственных производителей от феодалов. С другой стороны, окончание длительной феодальной войны, мешавшей политическому единству, способствовавшей росту центробежных сил, создававшей предпосылки для поддержания феодальной раздробленности, заставляло великокняжескую власть проводить политику централизации. Отсюда — лишение (полное или частичное) землевладельцев судебных прав в пользу наместников и волостелей и привлечение зависимого населения феодальных владений к участию в обеспечении кормами представителей княжеской администрации.

Перечисленные выше мероприятия великокняжеской власти необходимо сопоставить со специальными указами Василия II, относящимися к феодально-зависимому крестьянству, так как изменения в области судебного и податного иммунитета ставили перед собой задачу — изыскания господствующим классом средств для удержания в повиновении эксплоатируемых крестьянских масс.

Ко второй половине XV в. намечается слияние отдельных разрядов зависимого от феодалов крестьянства, различавшихся по своему экономическому и юридическому положению. Постепенно стирались разделявшие их ранее перегородки.

Грамоты князей первой половины XV в. различают прежде всего «старожильцев» и тех крестьян, которые будут вновь призваны «из-ыных княжений»[1].

Среди старожильцев выделяются две категории: 1) «которые люди у них [землевладельцев] в тех сельцех и в деревнях нынича живут

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 8727, 8732, 4675; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 30, 56, 108; сборник П. Муханова, № 263.

старожильцы»; 2) «кого к собе в те села и в деревни [землевладельцы] призовуг жити людей старожилцов, которые переж сего туто живали», а затем сбежали[1].

В других случаях различаются «люди купленые» и «перезванные»[2] Близко к «купленным» или «окупленным» «людям», надо думать, стоят серебренники, — непосредственные производители, попавшие в зависимость от феодалов экономическим путем, через долговую кабалу. В княжеских жалованных грамотах монастырям первой половины XV в. речь часто идет о передаче сел «с серебром»[3]. Так, князь Андрей Дмитриевич белозерский передал в 1397—1427 гг. в Кирилло-Белозерский монастырь свое село Великое на Волочке Словенском, «и что в нем серебро, или что х тому селу потягло, со всеми пошлинами»[4].

В жалованной грамоте вел. кн. Василия II Троице-Сергиеву монастырю первой половины XV в. на села Чечевкино и Слотино в Переяславском уезде говорится о передаче князем в монастырь сел и деревень «с хлебом и з животиною, да половины серебра денег на людех, . . . опричь людей страдных»[5].

Вопрос о том, в чем заключается разница между старожильцами, новоприходцами, окупленными людьми, серебренниками, достаточно выяснен в капитальной монографии Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.»[6]. Поэтому я не буду на этом останавливаться. Я остановлюсь на другом вопросе: о путях слияния этих, когда-то различных разрядов крестьянства, поскольку этот процесс нашел свое отражение в жалованных грамотах.

Прежде всего нужно отметить, что после окончания феодальной войны в середине XV в. московское правительство организовало перепись крестьянского населения в целях податного обложения. Освобождались от переписи лишь те феодально-зависимые крестьяне, которые пользовались временной податной льготой.

В жалованных княжеских грамотах середины XV в. упоминаются «люди письменные и не письменные»[7], «данские тяглые»[8]. В жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю на суздальское село Шухобалово от 1448/49 г. читаем: «А писци мои и данщики тех людей в мою дань не пишут, ни дани на них не емлют»[9]. В грамоте 1451 г. Василия II Симонову монастырю на варницы у Соли Галицкой говорится: «И коли велю своему писцю писати Соль и села, а даньщику своему дань брати, и тогды писець мой мона-

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 66.

[2] АИ, т. I, № 28.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 1781; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 16; АЮБ, т. I, № 63/III; АИ, т. I, № 38; Сборник П. Муханова № 261, 341.

[4] РИБ, т. II, № 8.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 93,

[6] Старожилец, по определению Б. Д. Грекова, «*есть крестьянин-тяглец, живущий на определенном участке земли, государственной или частновладельческой*, и обязанный повинностями в пользу государства, если он живет на государственной земле, и государства и владельца, если он живет на земле частновладельческой» (Б. Д. Греков. «Крестьяне на Руси», стр. 635—636). «Окупленные», «откупленные», «искупленные», — «это те, за которых перезывающая сторона заплатила известную сумму денег» (там же, стр. 639). «Термин серебреник объединял значительную и довольно разнообразную группу людей, попавших через «серебро» в те или иные отношения к кредитору или работодателю, иногда объединявшихся в одном лице» (там же, стр. 614).

[7] Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 23.

[8] Там же, № 24; Акты А. Юшкова, № 14.

[9] Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 79.

стырьских варниць и села и деревень не пишет, а даньщик дани не емлет. . .» в течение пяти лет[1].

Так, в результате переписей расширялись кадры тяглых старожильцев.

Другим путем расширения кадров зависимого крестьянства Московского княжества являлось привлечение их из других феодальных центров. Тем самым подготавливалось включение этих центров в состав единого формирующегося Русского государства, так как задачи расширения территории господствующего класса Московского княжества нельзя оторвать от задач расширения кадров эксплоатируемого крестьянства.

Эту политику также отражают жалованные грамоты середины XV в. Так, в грамоте 1460 г. вел. кн. Василия II Симонову монастырю на сельцо Былцино Переяславского уезда упоминаются крестьяне, которых монастырские власти «перезовут. . . изо Тферьского и ис Кашина в то селцо и в деревни и в пустоши». Им предоставляется льгота в податях на 10 лет[2]. Намечается определенная реальная задача — перезыв крестьян из Тверского княжества в Московское.

В грамоте Василия II Ларе Бунаку Хотетовскому середины XV в. содержится запрещение землевладельцу принимать великокняжеских крестьян — «писменых и неписменых». В то же время дается разрешение перезывать крестьян из Можайского княжества, и «тем людем инокняжцем» предоставляется даже льгота в податях.

Наконец, третий момент, на котором следует остановиться, — это попытка ограничить в середине XV в. право крестьянского перехода.

От середины XV в. до нас дошли княжеские грамоты, запрещавшие отказы крестьян. Таких грамот сохранилось две. Они даны великим князем Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану в период с 1455 по 1462 гг. В одной грамоте речь идет о монастырских крестьянах Углицкого уезда, которые «вышли» из троицких владений и перешли в великокняжеские или боярские села, не желая «ехати на. . . службу великого князя к берегу». Игумену Вассиану и монастырской братии предоставлено право обратного вывода разошедшегося сельского населения («велел есмь те люди вывести опять назад»). Монастырь получил также разрешение от московского князя не допускать в дальнейшем отказов со стороны крестьян, которые в момент выдачи грамоты проживали в его вотчинах: «А которые люди живут в их селех нынеча, и яз князь великий тех людей не велел пущати прочь». Для возвращения крестьян, не пожелавших исполнять береговую службу и в силу этого покинувших монастырские села, монастырский посельский мог обращаться к углицкому наместнику, который должен был предоставить ему пристава[3].

Другая грамота аналогичного содержания касается населения принадлежащего Троице-Сергиеву монастырю села Присек, расположенного в пределах Бежецкого Верха. В ней имеется в виду одна категория сельского населения — именно «старожильцы», которые категорически лишаются права отказа и перехода из пределов монастырских земельных владений в чужие вотчины («которого их хрестьянина из того села

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 3331; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 98. — С. Б. Веселовский отмечает, что «зарождение нового типа описаний стоит в связи с ликвидацией уделов и объединением Северовосточной Руси под властью московского великого князя» (С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв., стр. 41).

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 8739; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 123.

[3] ААЭ, т. I, стр. 48, № 64; АЮБ, т. I, стр. 125—126, № 36.

и из деревень кто к собе откажет, а их старожильца, и яз князь велики тех хрестьян из Присек и из деревень не велел выпущати ни к кому»)[1].

Оба рассмотренных документа давно уже привлекали к себе внимание исследователей, как наиболее ранние, хотя и частичные мероприятия княжеской власти, ограничивавшие право крестьянского перехода. Общие экономические причины, подготовившие окончательное запрещение крестьянского выхода, выяснены в литературе достаточно. Но до сих пор не выяснена та конкретная социальная и политическая обстановка, которой были вызваны первые отдельные мероприятия в этой области.

Очень важно, что обе названные выше грамоты появились непосредственно после ликвидации феодальной войны второй четверти XV в., в результате которой все феодалы мобилизовали свои силы для развернутого наступления на социальные низы. Территория, к которой относятся оба рассмотренных документа (Углич и Бежецкий Верх) была предметом спора между Василием Темным и его противниками из числа удельно-княжеской оппозиции: Дмитрием Шемякой, князем Иваном Андреевичем можайским и др. И в этом отношении очень интересно сопоставить грамоты, посвященные вопросу о крестьянских выходах, с одновременными им, проанализированными выше, документами, рассматривающими привилегии податного и судебного иммунитета земельных владений Троице-Сергиева монастыря. Имеются все данные для вывода о том, что после окончания феодальной войны второй четверти XV в. московская великокняжеская власть, используя иммунитет, стремилась упрочить через крупных землевладельцев свое влияние в пределах территорий, оспариваемых удельными князьями, и укрепить господство этих землевладельцев над зависимым крестьянством.

Надо учесть, что приведенные грамоты с запретом крестьянского отказа и вывоза относятся к тем селам Троице-Сергиева монастыря, которые находились в особых условиях. Так, бежецкое село Присеки было расположено на территории, являвшейся объектом притязаний со стороны Новгородской феодальной республики. Выше было указано, что как раз к Бежецкому Верху относится первая по времени (из известных нам) грамота, устанавливающая два срока вызова крестьян на великокняжеский суд. Другие жалованные грамоты, касающиеся села Присек, содержат, как мы видели выше, целый ряд своеобразных статей, объясняющихся особой исторической обстановкой, именно положением Присек в пределах, где скрещивались новгородские и московские влияния. Именно здесь было особенно важно закрепить за землевладельцами крестьян, возможность ухода которых была особенно реальной. Эта обстановка объясняет появление именно здесь первых грамот о крестьянском отказе середины XV в.

Следует еще отметить в качестве дополнительного момента, что в конце 50-х—начале 60-х годов XV в. участились набеги татар Синей и Ногайской Орд на южную русскую границу, оборона которой становится серьезной задачей московского правительства.

В 1454 г. царевич Салтан, сын Седи-Ахмата, хана Синей и Ногайской Орд, подошел к Оке. Воевода Иван Васильевич Ощера, стоявший недалеко от берегов Оки с коломенской ратью, не мог отразить татарского набега, и «татары, перелезши Оку реку, и грабили, и полон имали». Только выступление специально посланных войск сначала под руководством сыновей великого князя, а затем и его самого, обратило татар

---

[1] АИ, т. I, стр. 106—107, № 59.

в бегство. По словам летописи, в борьбе с Салтаном Седи-Ахматовичем отличился Федор Басенок, который «татар бил, а полон отъимал»[1].

В следующем, 1455 г. летопись отмечает новый татарский набег, заставивший московского князя послать свою рать за Оку: «и бысть им бой; поможе бог воем великого князя; побиша татар множество»[2].

В 1459 г. татары снова напомнили о себе. Великий князь послал против них «к берегу» своего сына Ивана Васильевича, который «не перепустил» их за Оку.

В 1460 г. хан Большой Орды Ахмат напал на Рязанскую землю и сделал неудачную попытку овладеть Рязанью.

Эта непрерывная волна татарских нападений, которая охватила южные пределы Русского государства, выдвигала в качестве неотложной задачи оборону южной границы, к которой привлекались и крестьяне ряда феодальных владений.

Поводом для запрещения крестьянских отказов из вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных в Углицком уезде, было, как говорит грамота, то, что крестьяне, покидая монастырские села, пытались тем самым уклониться от несения береговой службы.

Таким образом, необходимость противостоять татарской опасности являлась дополнительным политическим фактором, который следует учитывать при анализе великокняжеских грамот середины XV в., посвященных крестьянским отказам. Вообще же завершение феодальной войны было тем важным этапом в истории образования централизованного Русского государства, который наметил и перелом в истории крестьянской крепости.

§ 7. Жалованные и указные грамоты различных феодальных центров первой половины XV в.

Уже в предшествующем параграфе, рассматривая жалованные грамоты в связи с феодальной войной первой половины XV в., мы касались грамот, выдававшихся удельными князьями московского дома. Сейчас необходимо специально остановиться на иммунитете феодального землевладения на территории отдельных княжеств и республик XV в. Начнем с московских уделов.

Грамоты белозерских князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича отличаются своеобразием формуляра и содержат некоторые статьи, отсутствующие в грамотах московских великих князей, а также в актах, относящихся к другим московским уделам.

Сохранившиеся белозерские грамоты касаются по преимуществу вотчин знаменитого Кириллова монастыря.

Они прежде всего рисуют процесс захвата монастырем земель черного волостного белозерского крестьянства. В этом отношении можно привести целый ряд очень ярких примеров. Так, в грамоте 1435—1447 гг. кн. Михаила Андреевича на Волочок к старосте и «к всем хрестьяном» читаем: «Что есми вам дал был пожни Рукинские, и яз нынче те пожни подавал игумену Трифону, как были преж сего, которые пожни тянули изстарины к Рукиной. И вы бы ся в те пожни не вступали, ведает их игумен Трифон»[3]. Волостные крестьянские пожни перешли в собственность монастыря-феодала.

Грамота кн. Михаила Андреевича 1448—1469 гг. разрешает городецкому волостному старосте и крестьянам выкупить земли, заложенные

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 180.

[2] Там же. См. также А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 414, прим. 1.

[3] РИБ, т. XXXII, № 20.

ими Кирилло-Белозерскому монастырю, «а доколе староста городецькой со хрестьяны тех пожень у игумена у Касьяна з братьею не выкупят, и игумен Касьян з братьею дотоле теми землями владеет»[1]. Аналогичное разрешение на выкуп пожен получают заболоцкие крестьяне, «а доколе тех пожен не выкупять, и игумен Касьян з братьею ту пожню косят»[2].

Таким образом, различными путями монастырь-вотчинник присваивал земли черных крестьян.

Владение землей с крестьянами было связано с обладанием монастырем-феодалом рядом судебных привилегий, являвшихся аттрибутом феодального землевладения.

Последовательно рассматривая в хронологическом порядке жалованные грамоты белозерских князей первой половины XV в., можно проследить изменения судебного иммунитета как формы внеэкономического принуждения непосредственных производителей.

Наиболее ранние грамоты конца XIV—первой четверти XV в., выданные от лица князя Андрея Дмитриевича, рисуют по большей части неограниченный судебный иммунитет монастырского землевладения. Передавая игумену Кириллу пустошь Глебцеву, князь пишет: «А кого игумен посадит своих людей на той пустоши. . . , а те люди потянут к игумнову селу к Великому и судом и всеми делы, а тех людей судит игумен Кирило или кому прикажет в свое место»[3]. Эта формула полной несудимости повторяется (в ряде вариантов) и в других аналогичных актах. Например, в грамоте 1428—1432 гг. читаем: «А наместници мои городцкие и их тиуни к тем [монастырским] людем не всылают ни по что, ни судят их, а судит те люди игумен сам или кому прикажет»[4]. Лишь в двух случаях князь Андрей Дмитриевич жалует Кириллов монастырь несудимостью, ограниченною изъятием дел о душегубстве[5], и в одном случае несудимость дается «опрочь душегубства и разбоя и татьбы с поличным»[6].

Очень лаконично формулируют белозерские грамоты конца XIV в.— начала XV в. основы сместного суда. «А смешается тем [монастырским] людям суд с наместничим, с волостным, ино прав ли, виноват ли, наместничь — наместничи стороне, а игуменов — на игуменову сторону»[7], — такова общая, еще не развернутая формула сместного суда, которую находим в ранней белозерской жалованной грамоте князя Андрея Дмитриевича Кириллову монастырю. В других грамотах статья о сместном суде выступает также еще в недостаточно развитом виде. Один из встречающихся вариантов: «А смешается суд сместной, и волостели мои волотскии судят, а игумен с ними судит тех людей или кому прикажет, а прибытком ся делят»[8]. Другой вариант: «А кто волостной человек в чем утяжет игумнова человека, ино на игумновых людех волостелю вины не имать; игумнов человек в чем утяжет волостного человека, ино игумену на тех людех вины не имать»[9].

Характерной особенностью сместного суда в Белозерском княжестве, выступающей уже в очень ранних грамотах, является замена его, по желанию землевладельца, судом княжеским. Иммунисту предоставлено право отказаться от разбора дела вместе с представителем княжеской администрации и передать его непосредственно на рассмотрение самого

---

[1] АЮБ, т. I, № 35.
[2] Н. Дебольский. Указ. соч., № CLVII, CLXXXII.
[3] РИБ, т. II, стр. 9—10, № 7.
[4] Там же, стр. 13, № 13.
[5] Там же, стр. 9—10, № 6; стр. 14—15, № 15.
[6] Там же, стр. 12—13, № 12.
[7] Там же, стр. 9—10, № 6.
[8] Там же, стр. 12—13, № 12.
[9] Там же, стр. 10—11, № 8.

князя: «А которого суда игумен не всхочет судить, и игумен тех людей пошлет ко мне, ино яз сужу»[1]. Такой порядок отличается от организации суда в Московском великом княжестве, где землевладелец и наместник были *обязаны* совместно «казнить» уголовных преступников. Но и та и другая системы преследовали одну цель: борьбу с нарушениями интересов господствующих классов.

С полной несудимостью мы встречаемся и в жалованных грамотах Кириллову монастырю второй четверти XV в. от имени белозерского князя Михаила Андреевича[2]. Однако преобладающей формой судебного иммунитета в это время является уже несудимость, ограниченная делами о душегубстве: «А судит и ведает те люди, и пришлых и окупленых, . . . игумен сам или кому прикажет в свое место, татьбу с поличным и разбой, опрочь душегубства»[3].

В области сместного суда сохраняется право иммуниста возносить дела, подлежащие разбору с волостелем, непосредственно на суд самого князя: «А которого суда не похочет игумен судити, и оне зазвався, да станут передо мною, князем Михаилом Андреевичем, и яз тому и сам исправу учиню»[4].

Для освещения вопроса об иммунитете феодального землевладения в Белозерском княжестве имеет значение правая грамота князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю конца 30-х—начала 40-х годов XV в. на деревню Михалевскую в Кистнеме. Монастырь судился с кистнемскими боярами Львом Ивановичем с братьей. Последние жаловались, что кирилловские игумен и старцы «отнимают» у них «от суда да от дани» указанную деревню, которая к ним «из старины тянет судом». «Еще, господине, отець наш Иван, — указывали челобитчики, — судил ту деревню и дань на ней имал, а после отца нашего судили мы ту деревню с своей братьею и дань на ней имали есмя». Производивший судебное разбирательство князь Михаил Андреевич потребовал у отвечавшего на суде кирилловского старца Игнатия документального обоснования своих прав. Старец рассказал, что Кириллов монастырь получил деревню Михалевскую от чернеца Арсения Никитина, который передал и документы на нее: купчую своей прабабки и жалованную грамоту белозерского князя Андрея Дмитриевича деду чернеца Арсения, Андрею Кормилицыну. Жалованная грамота была продемонстрирована на суде, и из нее выяснилось, что как белозерские наместники, так и кистнемские бояре были лишены права судить население деревни: «Тое деревни белозерьским наместником и кистнемским бояром не судити ни в чем, ни дани с тое деревни не имати, не вcылати в ту деревню ни по что». На основании этого акта своего отца князь Михаил Андреевич оправил старца Кириллова монастыря и присудил к нему спорную деревню «с судом и з данью»[5].

Приведенная грамота давно обратила на себя внимание исследователей, которые привлекали ее, главным образом, для решения вопроса о происхождении иммунитета. Одни (как Н. П. Павлов-Сильванский) справедливо видели в документе указание на то, что бояре-землевладельцы издавна (независимо от княжеского пожалования) пользовались правами суда и дани. Затем эти права узурпировали князья. Другие (как С. Б. Веселовский) неосновательно отказывались делать по правой

[1] Там же, стр. 21—22, № 23.
[2] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 130—131, № 28; стр. 128, № 25; стр. 124, № 15; РИБ, т. II, стр. 19—20, № 21; стр. 21—22, № 23 и др.
[3] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 173, № 154.
[4] РИБ, т. II, стр. 21—22, № 23.
[5] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 500—501, № 2.

грамоте Михаила Андреевича выводы общего порядка о происхождении иммунитета; отмечалось при этом, что грамота не является типичной, так как порядки на Белоозере, близком по своему укладу к Новгороду, отличались своеобразием[1].

Мне кажется, что грамоту следует подвергнуть анализу не только в целях изучения вопроса о происхождении иммунитета, но и еще с другой точки зрения. Она указывает, что около половины XV в. на Белоозере был поднят вопрос о взаимоотношении между духовными и светскими иммунистами — с одной стороны, представителями княжеской администрации — с другой, иными словами, вопрос об объеме судебного иммунитета привилегированного феодального землевладения. Об этом свидетельствуют и некоторые жалованные грамоты середины столетия. К 50-м годам относится очень интересная грамота Михаила Андреевича Кириллову монастырю, в которой читаем: «Что их села монастырьскые и слободы и деревни в моей вотчине на Белеозере, и которые люди туто живут у них в их селех и в деревнях, а учинится у них душегубство, и наместници мои белозерьские и их тиуны и доводщики [судят], а будет душегубець в лицех, и они дадут душегубца на поруку, на кого молвят, и за тою порукою поставят его передо мною, князем Михаилом Андреевичем, и яз тому сам исправу учиню. А боле того не сильничают ничем. А не будет душегубца в лицех, ино веры за голову рубль ноугородской»[2]. Таким образом, дела о душегубстве, которые обычно были подсудны наместникам и волостелям, теперь подлежали непосредственно «исправе» самого князя, наместникам же и их агентам вменялось лишь в обязанность давать преступников против феодального права на поруку. Никакое вмешательство в вотчинную юстицию не допускалось. Поскольку грамота Михаила Андреевича имеет в виду все белозерские владения монастыря, я думаю, мы можем говорить о том, что в 50-х годах XV в. на Белоозере была проведена судебная реформа. Невольно хочется это сопоставить с тем пересмотром судебных порядков в пределах феодальных владений, который был тогда же произведен в Московском княжестве Василием Темным. В обоих случаях пересмотр судебного иммунитета был выдвинут феодальной войной второй четверти XV в. Московское правительство колебалось при решении этого вопроса, но один из вариантов, на котором оно остановилось, заключался в предоставлении, по крайней мере некоторым крупным землевладельцам, всей полноты судебных привилегий. На Белоозере была найдена форма устранения наместников от бесконтрольного вмешательства в уголовную юстицию в вотчинах духовных феодалов, путем передачи дел о душегубстве княжескому суду. Рассмотренная грамота середины XV в. была возобновлена Михаилом Андреевичем в 70-х годах.[3]

Интересно, что в цитированной выше грамоте кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю середины XV в. говорится об ответственности всех монастырских крестьян за «душегубца». Крестьяне должны представить его в суд или же они сами отвечают за совершенное убийство, уплачивая «виру».

Одновременной грамотой того же князя монастырские крестьяне обязываются ставить в известность белозерского наместника о всех смертных случаях в пределах монастырских владений: «Что у них деревни в моей отчине манастырьские, и по грехом ся у них учинить, человек

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 297—298; С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 29—31.

[2] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 159—160, № 119; ДАИ, т. I, № 189.

[3] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 190, № 201.

с дерева убьетца, или на воде утонеть, и они то обыскав чисто, явят моему наместнику белозерьскому или тиуну»[1]. Отсутствие такой «явки», очевидно, влечет за собой возбуждение дела об убийстве.

Классовый смысл всех рассмотренных мероприятий очевиден. Княжеская власть на Белоозере, защищая интересы местных землевладельцев, усиливает репрессии в отношении феодально-зависимого населения, которое должно в целом отвечать за все нарушения феодального права, произведенные отдельными членами крестьянских общин.

Вывод о том, что в 50-х годах XV в. наместничий суд по делам о душегубстве во владениях Кириллова монастыря подвергся ограничениям, а монастырский иммунитет был расширен, подтверждается и некоторыми грамотами, относящимися к вологодским монастырским селам. Интересно в этом отношении сравнить грамоты великой княгини Софьи Витовтовны 1441—1442 [2] и 1448—1454 гг.[3] на Сеземские пустоши. В первой грамоте читаем: «А волостели мои Масленьские и их тиуни не всылают к тем людем к монастырьским ни по што, ни судят их ни в чем, опроче душегубьства». По второй грамоте суд о душегубстве изъят из ведения наместников: «И учинится у тех людей в Сеземьских пустошах душегубьство, и мои волостели и их тиуни Масленьские и Ангасарьские у тех людей Сеземьских пустошей в *душегубьство не вступаются* никоторыми делы; а *ведает* игумен Касьян тех людей Сеземьских *судом и душегубьством* собе в прок или кому прикажет, также хто и по нем ины игумен будет в Кириллове монастыре». В конце 50-х годов аналогичное постановление было включено в жалованную грамоту Кириллову монастырю, выданную от имени княгини Марии Ярославны[4]. Если князь Михаил Андреевич взял под свой контроль дела о душегубстве в вотчинных владениях Кириллова монастыря, которые до сих пор в ряде случаев решались наместниками и волостелями, то великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна полностью восстановили уголовную монастырскую юстицию. Несмотря на неодинаковое решение вопроса о судебном монастырском иммунитете, в обоих случаях компетенция местной княжеской администрации была ограничена. После ликвидации феодальной войны княжеская власть стремится удовлетворить запросы духовных феодалов предоставлением им судебных и, как увидим далее, податных льгот.

В области податного иммунитета интересной датой, устанавливаемой жалованными грамотами белозерских князей, является 1438 г., к которому относится поход русских князей против Улу-Мухаммеда, укрепившегося в Белеве. Именно с этого времени начинается выдача князем Михаилом Андреевичем льготных грамот монастырям (Кириллову, Ферапонтову) с освобождением от повинностей (главным образом, от дани) на очень длительный срок (обычно на 20 лет). В одной грамоте Кириллову монастырю с двадцатилетней податной льготой указано: «А дана грамота, коли билися Юрьевичи с татары на Белеве, ино после того на другую зиму»[5]. Другая аналогичная грамота прямо датирована 1438 г.[6] Эти данные совпадают с наблюдениями, которые были сделаны ранее, о том, что раздача податных льгот была в значительной мере вызвана разорением в связи с наплывом на Русь татар при Василии II.

[1] ДАИ, т. I, № 190.

[2] АЮБ, т. I, стр. 95—97, № 31/VI.

[3] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 501, № 3; С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 42, № 3.

[4] С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 43; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 502, № IV.

[5] РИБ, т. II, стр. 21—22, № 23.

[6] ААЭ, т. I, стр. 36; РИБ, т. XXXII, стр. 3—4, № 4.

Кроме освобождения населения феодальных вотчин на определенный срок от дани, для белозерских грамот, как и для московских, характерна также замена ряда повинностей определенным ежегодным оброком. В грамоте Михаила Андреевича середины XV в. Кириллову монастырю на две деревни читаем: «А дает ми игумен в мою казну с тех деревенек оброком з году на год на збор по 20 бел, в тот же оброк, что ми дает с всех своих деревень по штисот бел»[1].

Наконец, необходимо упомянуть и о том, что в середине XV в. на Белоозере, как и в Московском княжестве, были проведены в целях податного обложения крестьянства описания земель. О них говорят грамоты кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю, освобождающие его на определенный срок от описи. Так, в грамоте 1435—1447 гг. читаем: «Приедет мой даньщик или опищик на Белоозеро, в мою вотчину, и игумен моему даньщику дани не даст, ни описывати ся не даст, а то игумену безпенно»[2]. Грамотой 1451 г. Кирилло-Белозерский монастырь также освобождается от въезда даньщика и писца: «А данщик мой к ним не въежжаеть, ни пишет их»[3].

В грамоте 1448—1469 гг. говорится: «Ни данщик мой к ним [в Кирилло-Белозерский монастырь] не въезжает, ни пишеть их»[4].

В 50-х годах XV в. на Белоозере, как и в Москве, мероприятия княжеской власти в области судебного и податного иммунитета соединяются с попыткой регламентации отказов и выходов сельского населения из феодальных вотчин, устанавливая для этих отказов один срок в году — Юрьев день осенний. Я имею в виду известные грамоты Михаила Андреевича о монастырских серебрениках и половниках, которые уже давно вошли в литературу по истории крестьянского закрепощения. Общая причина введения Юрьева дня кроется, несомненно, в том хозяйственном переломе, который заставил землевладельцев, увеличивая производство хлеба, усиливать нажим на крестьянский труд. С окончанием феодальной войны, прекращением внутриклассовой борьбы, этот нажим производился соединенными силами всех феодалов. Но белозерские грамоты о серебренниках, как и о половниках (так же, как и одновременные грамоты, запрещающие выход крестьян из углицких и бежецких владений Троице-Сергиева монастыря) до сих пор обычно рассматривались вне связи с конкретной исторической обстановкой, сложившейся на Белоозере после феодальной войны 30—40-х годов XV в. и независимо от истории вотчинного суда и податного иммунитета. Однако несомненно, что между отмеченными явлениями была внутренняя связь.

Из одной грамоты Михаила Андреевича узнаем о челобитье белозерскому князю игумена и старцев Ферапонтова монастыря. Последние жаловались, что у старосты Волочка Словенского имеется княжеская грамота, разрешающая прием из монастырских деревень «половников в серебре межень лета и всегды», причем половники имели право расплачиваться с монастырем «в истое на два года без росту». По просьбе монастырских властей князь Михаил Андреевич запретил переход «монастырьских людей серебреников» в пределы Волочка Словенского в иное время, кроме Юрьева дня осеннего (за две недели до него и неделю после) и «подернил» «полетную» грамоту, предоставлявшую рассрочку в уплате долга. Серебреники, вышедшие из монастырских вотчин, должны были «дело доделывать на то серебро», а осенью заплатить свой долг[5]. Анало-

[1] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 124, № 15.
[2] ААЭ, т. I, № 30; РИБ, т. XXXII, № 2.
[3] ДАИ, т. I, № 193.
[4] Н. Дебольский. Указ. соч., № XV.
[5] ААЭ, т. I, стр. 35—36, № 48/I.

гичная грамота о Юрьевом дне, как сроке отказа для серебреников, была адресована Михаилом Андреевичем на Белоозеро к наместнику, боярам, детям боярским, посельским и «всем без омены». «И вы бы так серебреников, и половников, и слободных людей не отказывали, а отказати серебреника и половника о Юрьеве дни, да и серебро заплатит, а после Юрьева дни отказа от серебреника нет; а коли серебро заплатит, тогды ему и отказ, а игумну есми серебреника после Юрьева дни пускати не велел»[1]. Третья грамота такого же содержания дана игумену Кириллова монастыря Касьяну от имени великого князя Василия II[2].

Для того, чтобы понять смысл приведенных постановлений, надо ближе присмотреться к тем историческим условиям, которые вызвали их появление. В 1445 г. Михаил Андреевич, вместе с великим князем Василием Васильевичем в бою под Суздалем с войсками Улу-Мухаммеда потерпел поражение и попал в плен. Во время пребывания князей в плену, когда Дмитрий Шемяка, готовясь к захвату великого княжения, заключил договор с суздальскими Юрьевичами о восстановлении Нижегородско-Суздальского княжения, Василий II и Михаил также вступили в соглашение. Согласно оформленной в плену грамоте, Михаил Андреевич получил на год свободу от уплаты выхода. Это имело большое значение, так как освобождение из плена стоило князьям громадного выкупа. В 1447 г., когда между Василием II и Михаилом Андреевичем был заключен новый договор, в него снова вошло условие о льготе в уплате выхода (теперь на два года). Наконец, третий раз, в 1450 г., Василий II отдал Михаилу Андреевичу «половину выхода на три года»[3].

Тяжесть выплаты «выхода» белозерским князем целиком легла на белозерское крестьянство. В целях повышения его платежеспособности были приняты меры, ограничивающие право сельского населения покидать землевладельцев и принуждавшие их при отказе производить с землевладельцами расчеты. Понятно также участие в этом деле Василия II, вместе с Михаилом Андреевичем взявшего в плену тяжелые денежные обязательства, посредством которых удалось получить освобождение.

Когда говорят о заповеди крестьянских выходов в 80-х годах XVI в., то при этом учитывают внешнеполитическую и внутреннюю обстановку (Ливонская война и вызванное ею разорение страны, опричнина). При изучении грамот XV в., содержащих ограничения крестьянского отказа, не всегда ставят их в связь с потрясением Московского княжества феодальной войной и разорением от татар, нахлынувших непрерывной волной на Русь в 40—50-х годах XV в. Я не хочу проводить аналогии между разновременными явлениями, но если в конце XVI в. вопрос о заповедных годах стоял в тесной связи с вопросом о монастырских тарханах, то естественно, что и в середине XV в. жалованные и указные княжеские грамоты одновременно касаются и форм судебного и податного иммунитета, и крестьянского отказа. Не случайно также, что стеснения крестьянского выхода имеют в виду или территорию, бывшую непосредственно ареною феодальной войны второй четверти XV в., или княжества, втянутые так или иначе в орбиту татарских отношений (как, например, случилось с Белозерским княжеством после пленения Михаила Андреевича).

Интересные выводы можно сделать на основе указной грамоты кн. Михаила Андреевича 1455 г., адресованной наместникам, волостелям и старостам «во всю. . . отчину Белозерьскую» с запрещением нарушать княжеские жалованные грамоты его и его отца: «И вы бы тех жалован-

[1] Там же, стр. 36, № 48/II.
[2] Там же, № 48/III.
[3] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков., ч. 1, стр. 134, 135, 139, 150, 151.

ных грамот слушали, а они [иммунисты] ходят по моим жалованным грамотам по старине. А хто ся ослушает, быти от мене в казни»[1].

Чем можно объяснить появление этой грамоты? Думаю, что той перестройкой политических взаимоотношений между московским великим князем и удельными князьями московского дома, которая производилась как раз в это время, после ликвидации феодальной войны[2].

Как раз в 1454 г. бежал в Литву брат Михаила Андреевича, кн. Иван Андреевич можайский. В связи с этим Василий II заключил договор с князем Василием Ярославичем боровским, связав его рядом условий. Очевидно, каким-то ограничениям в своих политических правах подвергся и кн. Михаил Андреевич и была поставлена под вопрос правомочность жалованных грамот его и его отца.

Это обстоятельство можно сопоставить с лишением на некоторое время Василием II Кирилло-Белозерского монастыря иммунитета в пределах Вологды. Из грамоты вел. кн. Василия Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в Вологде середины XV в. узнаем, что перед этим он дал более раннюю «грамоту свою горожаном волощаном и сотьцким на их двор на манастырьской, а велел есми был им тянути к ним их людем манастырьским, хто у них в том дворе в монастырьском живут людей, в всякие проторы, и в розметы, и в все пошлины». Затем Василий II изменил свое первоначальное решение, предоставив монастырю иммунитет в отношении монастырского двора. Игумен Касьян должен был только уплачивать с монастырского двора в княжескую казну ежегодный оброк[3].

Наконец, в плане ликвидации последствий феодальной войны очень интересна грамота великого князя Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю середины XV в. Из нее мы узнаем, что раньше Василием II было запрещено пропускать монастырские лодьи с товаром с Вологды к Устюгу и Двине «того деля, что коли не тихо в земле». Настоящей грамотой князь ликвидирует это запрещение и разрешает свободное передвижение монастырским лодьям с товаром, «будет тишина или не тишина». Вологодские и устюжские наместники должны оказывать содействие монастырю в его торговых операциях[4].

Феодальная война задержала развитие экономических связей в пределах Русского государства. Прекращение войны создавало условия их дальнейшего роста.

Из других жалованных грамот удельных князей московского дома, кроме белозерских, известны для первой половины XV в. грамоты князей дмитровских[5], серпуховско-боровских[6], звенигородско-галицких[7].

---

[1] ДАИ, т. I, № 195.

[2] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, стр. 152.

[3] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXCVI.

[4] ДАИ, т. I, № 186.

[5] К 1423 г. относится грамота кн. Петра Дмитриевича дмитровского Троице-Сергиеву монастырю с разрешением на рыбную ловлю в р. Воре (Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 12). В 1455—1457 гг. сын Василия II Юрий дал жалованные грамоты на дворы в Дмитрове Кирилло-Белозерскому и Симонову монастырям (ААЭ, т. I, № 373; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 120). В 1446 г. оформлена грамота кн. Василия Ярославича на владения черницы Анны «Федоровы жены Андреевича» в Дмитровском княжестве, с предоставлением податного тархана и несудимости, «опричь душегубства» (ААЭ, т. I, стр. 464).

[6] По Серпуховско-Боровскому княжеству сохранилась жалованная грамота кн. Андрея Владимировича Троице-Сергиеву монастырю от 1411 г. Несудимость дана в полном объеме. Все повинности заменены оброком в определенной сумме, уплачиваемой два раза в году: в Юрьев день весенний и Юрьев день великий (Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 11).

[7] Грамота Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю 1404 г. фиксирует полный тархан и несудимость за исключением дел о душегубстве (АИ, т. I,

Переходим к анализу жалованных грамот отдельных «великих» княжений.

Одним из первых потеряло свою самостоятельность и вошло в состав формирующегося централизованного Русского государства великое княжество Нижегородско-Суздальское. Сохранившиеся жалованные грамоты дают материал для воссоздания истории борьбы феодальной верхушки Нижегородско-Суздальского княжества против Москвы. В 20-х годах XV в. московское правительство было вынуждено согласиться на передачу Нижнего-Новгорода местным князьям на началах вассальной зависимости от Москвы. Именно к этому времени и относятся жалованные грамоты нижегородско-суздальских князей местным феодалам, в которых они ищут опору [1].

В середине 70-х годов XV в. суздальско-нижегородские местные князья перешли на положение простых вотчинников, зависимых от великого князя московского. Передавая в 1444 г. свое село Омуцкое Спасо-Евфимьеву монастырю, вдова кн. Даниила Борисовича Мария (в монашестве Марина) оформляет жалованную грамоту с доклада вел. кн. Василию II, который является и судьей по делам о душегубстве в монастырских владениях [2].

В период реставрации Дмитрием Шемякой во время феодальной войны Суздальско-Нижегородского княжества на правах «великого» вернувшиеся туда местные князья Василий и Федор Юрьевичи начали выдавать местным духовным феодальным корпорациям грамоты с большими привилегиями (несудимость «опричь одного душегубства», полный тархан от податей и повинностей) [3].

Отдельные местные князьки сохранялись в пределах Нижегородско-Суздальского княжества еще в середине XV в. Превратившись, по существу, в простых вотчинников и утерявши свои политические права, они тем не менее продолжали выдавать жалованные грамоты, сохраняя иллюзию политического суверенитета своих владений. В действительности, как видно из текста грамот, эти князья уже утратили реальную политическую силу и сами были заинтересованы в поддержке со стороны влиятельных феодальных сил. Так, к 50—60-м годам XV в. относится жалованная тарханная и несудимая грамота кн. Константина Федоровича Спасо-Евфимьеву монастырю на соляные варницы. Несудимость дается без всяких изъятий. Говоря о сместном суде, грамота указывает, что

№ 15). Известны жалованные несудимые и тарханные грамоты кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки Троице-Сергиеву монастырю 40-х годов XV в. на владения в Углицком уезде и Бежецком Верхе (Памятники социально-экономической истории Московского государства, №№ 47, 54).

[1] По Суздальско-Нижегородскому княжеству известны грамоты Спасо-Евфимьеву монастырю кн. Ивана Борисовича по прозвищу Тугой Лук и его сына Александра 1412—1418 гг. Несудимость, по этим грамотам, предоставляется «оприче душегубства и розбоя», «льгота» в податях для разбежавшихся и вновь вернувшихся старожильцев на два года, для вновь призванных «из иного княженья» людей — на шесть лет. (РОБИЛ, собр. Муханова, № 24; собр. Румянцева, № 9/II, № 18, № 17; РОИМ, собр. Уварова, карт. 41(16) — 644; Сборник П. Муханова, № 261; АИ, т. I, № 25). Ко времени около 1417 г. относится меновная грамота кн. Ивана Васильевича Горбатого с Троице-Сергиевым монастырем (Сборник П. Муханова, № 340). О жалованных грамотах Благовещенскому монастырю речь шла выше. Сохранилась жалованная данная грамота 1392—1428 гг. кн. Федора Андреевича стародубского Троице-Сергиеву монастырю на озера, расположенные в его «старейшинстве в Олехсиньском стану». Грамота кончается словами: «А хто сю грамоту подвигнет моих детей или моих братаничев, ино ми с ним суд перед богом, а дасть тот Святой Троице двести рублев». (Памятники социально-экономической истории Московского государства, № 9).

[2] АИ, т. I, № 29.

[3] ЦГАДА, ф. 1203, № 1, л. 414—414 об.

в случае расхождений между судьями дело переходит на суд князя: « А чево наши судьи наузнают, ино ся им позвати на третий, на князя на Костянтина на Федоровича»[1].

Из грамот мелких удельных князей представляют интерес две жалованные данные грамоты начала 40-х годов XV в. вдовы шехонского князя Афанасия Ивановича — Аграфены с детьми Семеном и Васильем Афанасьевичами — Троице-Сергиеву монастырю на Никольский монастырь и рыбные ловли в Шексне[2]. Грамота отличается архаическими формами. Вкладчица и ее сыновья отказываются от всех судебных и фискальных прав: «А кто у них ни будет людей монастырских, и тем людем волно ловити всякою ловлею и в Шекстне и в Волзе, а нам с них пошлина ненадобе никотораа, ни суд». «И хто у них живет людей у святого Николы старожилцев, и кого к себе перезовут людей из ыных княженей, а не из нашие отчины к святому Николе, и на те на все пустоши, или их ловци монастырскии, ино тем людем ненадобе никотораа наша пошлина, ни наших пошлинников, ни судити нам их людей монастырских, ни их ловцев, а судит те люди свои игумен, или кому прикажет». Сместный суд производится монастырским и княжеским приказниками, а в спорных делах третейским судьей выступает игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий, т. е. внутриклассовые отношения в пределах Пошехонского княжества строятся так, что реальная сила оказывается на стороне крупных феодальных организаций, а не номинальных владетелей этого полусамостоятельного политического образования.

Грамоты шехонских князей, как и многие другие документы 40-х годов XV в., вскрывают интересные данные о внутриклассовой борьбе во время феодальной войны второй четверти XV в. В них имеется указание на отвод «жалуемых» монастырю земель от «вотчины от княжи Ивановы Андреевича». Иван Андреевич — князь можайский, один из крупнейших союзников Шемяки в борьбе с Василием II. Одновременно с пожалованием шехонских князей, он в 1442—1443 гг., со своей стороны, сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь на монастырек св. Юрия с землями на р. Шексне[3]. Монастырские власти получили при этом тархан и полную несудимость. Вклад Ивана можайского совпадает хронологически с передачей им Троице-Сергиеву монастырю села Шухобалова в Суздальском уезде и относится ко времени одного из ранних выступлений Дмитрия Шемяки против Василия II в начале 40-х годов XV в. Летописи не содержат данных для суждения об участии в этом выступлении можайского князя.

Но материал жалованных грамот показывает, что Шемяка признал за ним в качестве удела Суздальское княжение, на которое претендовали местные князья Юрьевичи, и часть Пошехонского, в другой половине которого сидело потомство князя Афанасия Ивановича. Уже в начале 50-х годов (3 марта 1454 г.), незадолго до своего побега в Литву, Иван Андреевич снова дал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на монастырек св. Юрия[4], в числе владений которого упоминаются новые земли, Харинец и Кастовец. Москва не признала это пожалование и только в конце XV в. указанные земли были вторично переданы монастырю братом Ивана III, удельным князем Андреем Васильевичем[5].

---

[1] РОБИЛ, Собр. Муханова, № 41; Сборник П. Муханова, № 268.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 38—41, № 51—52.

[3] Там же, стр. 45, № 59.

[4] Там же, стр. 71—72, № 94.

[5] Сборник П. Муханова, № 274.

Взаимоотношения между княжеской властью и местными феодалами, аналогичные тем, о которых шла речь в пределах Пошехонья, складывались и в Ярославском княжестве.

Так, широким иммунитетом отличаются в течение всей первой половины XV в. грамоты ярославских князей. Грамота кн. Юрия Константиновича Спасо-Ярославскому монастырю середины XV в. фиксирует полный судебный и податной иммунитет: «Мне, князю Юрию, тех [монастырских] людей не судити, ни пристава на них не дати, ни моему волостелю и довотщику не въезждати, ни пристава не дати, ни дворян своих не всылати, и ни пошлин им никаких не имати, ни иным ни коим моим пошлинником не въезжьдати, ни пошлин им своих не имати, и даний ми своих на них не имати, ни даньскые пошлины». Сместный суд по делам между монастырскими и «волостными» (посудными князю) людьми происходит в монастырской трапезе, причем судит архимандрит, но на суде присутствует представитель княжеской власти в качестве «сторожа» за княжескими «людьми»[1].

Совершенно очевидно, что Спасо-Ярославский монастырь обладает реальным экономическим базисом, на котором строятся его политические привилегии, и местная великокняжеская власть вынуждена эти привилегии признать.

Если Нижегородско-Суздальское и Ярославское княжества уже в первой половине XV в. попадали (в большей или меньшей степени) в политическую зависимость от Москвы, то наиболее крупные из феодальных «полугосударств» — Новгород и Псков вели борьбу за свою независимость.

Грамоты Великого Новгорода представляют собой важный источник для изучения этой борьбы. Известна жалованная грамота «господина Великого Новгорода» Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинную торговлю в Двинской земле с несудимостью в пути[2]. «Господин Великий Новгород» «жаловал Сергеев монастырь держати своим» (т. е. брал его под свое покровительство) и предписал двинским боярам, житьим людям и купцам «блюсти монастырского купчину и его людей как своих». Перед нами очень интересный случай предоставления патроната крупнейшему русскому монастырю со стороны боярской аристократической республики. В этом чисто формальном плане рассматривает документ Н. П. Павлов-Сильванский. Но внимания заслуживает не только эта сторона дела.

Внимание следует обратить на московско-новгородские экономические отношения и на ту политическую обстановку, которая вызвала оформление грамоты. По именам архиепископа Евфимия, посадника Дмитрия Васильевича, троицкого игумена Мартиниана памятник следует отнести к 1448—1454 гг., т. е. ко времени очень сложных взаимоотношений между Новгородом, Москвой и Тверью, характер которых вскрыт в первой части моего исследования о феодальных архивах. В эти годы Новгород вел сложные политические отношения с Борисом Александровичем тверским, Василием Темным и Дмитрием Шемякой. Понятно поэтому появление в грамоте статьи, согласно которой двинские бояре должны «боронить купчину Сергеева монастыря, хотя коли будет Новгород Великий с которыми сторонами не мирен». Объявление «своим» одного из самых мощных (и экономически, и политически) монастырей являлось со стороны «Господина Великого Новгорода», несомненно, актом политического значения, и поэтому жалованная грамота Троице-Сергиеву

---

[1] РОБИЛ, собр. Муханова, № 71; сборник П. Муханова, № 256.

[2] Сборник грамот Коллегии экономии, вып. 1, стр. 34—35, № 39; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 150, № 95.

монастырю была облечена в форму торжественного вечевого постановления и скреплена восемью печатями: новгородского архиепископа, посадника, тысяцкого и пяти концов.

Экономическая заинтересованность новгородских социальных верхов в развитии торговых связей с центром Русского государства определила тот политический эффект, который был придан грамоте.

В то же время грамоты, выдававшиеся от имени Новгородской феодальной республики, свидетельствуют о том, что и в Новгороде, так же как и в других феодальных «полугосударствах», углубляются классовые противоречия. Обострение классовой борьбы способствовало созданию централизованного государства, так как разрозненными силами отдельных феодальных «полугосударств» уже нельзя было удержать в узде непосредственных производителей. Жалованная грамота новгородского веча «сиротам» Терпилова погоста около 1411 г. [1], устанавливающая размер «поралья» посадника и тысяцкого «по старым грамотам», свидетельствуют о том, что в новгородской деревне шла борьба крестьянства за фиксированную ренту, в связи с попыткой феодалов увеличить крестьянские повинности.

Те же явления замечаются и в Тверском княжестве. Тверское феодальное правительство стремится удовлетворить потребности феодалов в средствах удержания от себя в зависимости крестьян. Средством для достижения этой цели является сплочение местных феодальных сил, преодоление феодальной раздробленности внутри Тверского княжества. Именно об этой политической тенденции, являвшейся следствием экономического развития, свидетельствует памятник первой половины XV в., жалованная грамота Бориса Александровича и удельных князей тверского дома Отрочу монастырю, возобновившая текст жалованной грамоты 60-х годов XIV в.[2] По времени грамота XV в. относится к концу 1430-х — началу 1440-х годов и, таким образом, примерно совпадает с проектом московско-тверского договора 1439 г., о котором речь шла в первой части настоящего исследования[3]. При анализе последнего документа было выяснено, что ему предшествовало нападение московских войск на владения зубцовского князя Ивана Юрьевича, вызванное участием, принятым тверскими князьями в феодальной войне среди князей московского дома. Трудно выяснить хронологическую последовательность изучаемых текстов и сказать с полной определенностью, предшествовал ли договорный акт княжескому пожалованию Отрочу монастырю или следовал за ним. Бесспорно одно, что феодальная война 30—40-х годов давала повод тверским князьям надеяться на то, что возрастет политический вес Твери за счет упадка политической силы Москвы. В этой связи жалованная грамота Отрочу монастырю приобретает значение крупного акта внутренней политики, сплочения феодальных сил внутри Тверского княжества для наступления на зависимые социальные низы, с одной стороны, и для расширения территории своего господствующего класса, — с другой. Признание за монастырем роли церковно-политического центра, пользующегося патронатом всего тверского княжеского дома, идеологически оправдывало изложенные выше цели господствующего класса. По своему формуляру грамота сохраняет старинный торжественный характер акта княжеской «милостыни», составленного от имени «рабов святыя Троицы». Князья подтверждают своей грамотой податной и судебный иммунитет

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 148, № 146. См. также жалованную грамоту Соловецкому монастырю — там же, № 96.

[2] ААЭ, т. I, стр. 26—27, № 34.

[3] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XVI веков., ч. 1, стр. 124.

монастырских владений в том же неограниченном объеме, в котором он был санкционирован грамотой XIV в. В конце сделано несколько добавлений. Грамота не будет нарушена даже в том случае, если из Орды приедет «посол силен, а не мочно будет его спровадити». Архимандрит тогда сам «пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами, а нам и тогды не послати к монастырским людем ни по что». Таким образом, тон «милостыни» выдержан последовательно на всем протяжении грамоты. Нарушителям «милостыни» грозит проклятие «в си век и в будущи», торговая казнь и взыскание втрое убытков. Но приведенные выше статьи грамоты о зависимых от монастыря непосредственных производителях раскрывают классовый смысл документа.

Жалованная грамота Бориса Александровича Сретенскому женскому монастырю[1] лишена торжественности стиля, присущей только что рассмотренному документу. Она написана в деловом тоне. Но существо отношений — то же самое: судебный и податной иммунитет в полном объеме с оговоркой, «а придет моя дань, великого князя, неминучая, и игуменья сберет сама дань с тых людей, да пришлет к моей казне», т. е. опять в центре внимания — феодальная эксплуатация крестьян («людей»).

Сохранившиеся жалованные грамоты Бориса Александровича Макарьеву-Колязину монастырю рисуют рост монастырских владений. Князь делится с монастырем-феодалом землями и правом на ренту[2].

Интересные выводы можно сделать из грамот тверских князей Троице-Сергиеву монастырю. Они отражают экономические интересы тверского купечества и политическую заинтересованность тверского феодального правительства в оказании поддержки торговым операциям Троице-Сергиева монастыря.

Тверские князья, как и Новгородская феодальная республика, берут Троице-Сергиев монастырь под свою «защиту». В первые же годы княжения Михаила Борисовича, в начале 60-х годов XV в., непосредственно после окончания феодальной войны второй четверти XV в. (во время которой Борис Александрович тверской, используя внутриклассовую борьбу в Москве, стремился к поднятию политического авторитета Твери и в которой часть духовных феодалов Троице-Сергиева монастыря приняла участие, заявив себя противниками московского князя Василия II), Троице-Сергиев монастырь получил целый ряд торговых привилегий в пределах Тверского княжения. Сохранилось несколько грамот Михаила Борисовича троицкому игумену Вассиану на свободный беспошлинный проезд через Тверское княжество с торговыми целями, и несудимость в пути[3]. Несомненно, и в данном случае княжеский патронат, предоставленный монастырю (как и в случае с выдачей жалованной грамоты Новгородом), преследовал и экономические, и политические интересы. Достаточно сопоставить летописные данные о блоке оппозиционного боярства, купечества и троицких «чернецев» против Василия II, ослепленного в Троице-Сергиевом монастыре, и глухие намеки на участие в этом акте Бориса Александровича тверского. После победы Василия II над Шемякой политическая ситуация переменилась. Помощь, оказанная Василию Темному Борисом тверским и договоренность о браке Ивана III и тверской княжны Марии Борисовны привели в конце 50-х годов XV в.

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 27—28, № 35.

[2] ЦГАДА, Копийные книги Колязина монастыря: № 1, грамоты 7, 17, 119-а; № 4, грамоты 1, 2, 10, 11, 13, 17, 20, 40, 70, 83, 110.

[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 81—82, № 111; стр. 82—83, № 114; ААЭ, т. I, стр. 57, № 78/I—III.

к политическому равновесию в московско-тверских отношениях[1]. После смерти Бориса, в начале 60-х годов XV в., в малолетство Михаила Борисовича, тверское боярство заключило от его имени союзный договор с Иваном III. В такой обстановке появились рассмотренные иммунитетные грамоты тверского князя Троице-Сергиеву монастырю.

Таким образом, из анализа жалованных грамот, первой половины XV в. видно, как складывалось централизованное Русское государство. Этот процесс, обусловленный развитием производительных сил, имел прогрессивное значение, так как «только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»[2].

§ 8. Жалованные грамоты второй половины XV в. и их значение для изучения истории образования централизованного Русского государства

В истории выдачи жалованных грамот правительством Ивана III можно отметить несколько основных моментов, связанных с главнейшими этапами в истории образования централизованного Русского государства. В начале своего княжения, в 60-х годах XV в., Иван III возобновил жалованные грамоты своего отца ряду феодальных организаций и сделал некоторые новые «пожалования». Наиболее распространенной формой иммунитета в это время является несудимость по всем делам «опроче душегубства». Кроме того, в некоторых грамотах находим статью, согласно которой иммунист имеет право судить своих крестьян по делам о разбое и татьбе с поличным, но обязан в этих случаях докладывать о результатах своего суда великому князю. «А лучится суд о розбое или о татьбе с поличным, а оба будут монастырьские, и архимандрит в том деле своих людей судит сам или кому прикажет, да судив, да о том деле доложат меня, великого князя, или моего боярина введеного», — читаем в несудимых грамотах Симонову монастырю 1462 г.[3]. Таким образом, в первые годы княжения Ивана III замечается некоторое отступление от принятой Василием II в конце его жизни политики передачи всех уголовных дел представителям княжеской администрации. Была найдена компромиссная форма организации суда, с устранением от вмешательства в вотчинную юстицию наместников и волостелей и подчинением вотчинника непосредственному контролю со стороны самого князя.

Организация всех сил феодалов для борьбы с крестьянскими выступлениями в виде разбоя и татьбы требовали прекращения внутриклассовой борьбы в лагере феодалов на основе взаимных уступок.

Другие грамоты более решительно проводят судебную централизацию и совсем изымают из компетенции землевладельца суд по уголовным преступлениям, но в то же время в ведении наместников и волостелей оставляют лишь дела о душегубстве. Разбой и татьба с поличным подлежат на основании этих грамот княжескому суду, и участие органов местной власти заключается только в доставке виновных к князю. Жалованная грамота Ивана III митрополиту Филиппу от 13 декабря 1464 г. на владения во Владимирском уезде гласит: «А наместници мои володимерские и их тиуни не въезжают в те его села, ни всылают к ним ни по что, ни судят их ни в чем, опрочь душегубства; а лучится розбой или татба

[1] См. об этом главу III моего исследования «Русские феодальные архивы XIV—XV веков», ч. 1.

[2] Приветствие И. В. Сталина Москве — «Правда», 7 сентября 1947 г.

[3] РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря, № 58, лл. 421 об. — 422 об., 591—592 об.

с поличным, и наместници мои дадут своих приставов, да велят дати обоих истцов на поруки, да поставят их передо мною, перед великим князем, и яз, князь великий, сам тому исправу учиню»[1].

Наконец, в качестве формы судебной централизации, встречаем в жалованных грамотах требование, адресованное к сместным судьям, докладывать великому князю спорные дела: «А о чем ся судьи сопрут межи собою, ини доложат мене, великого князя, а исцов обоих поставят передо мною, перед великим князем»[2]. В то же время сместным судьям вменяется в обязанность наказывать нарушителей феодального права: «А татя и разбойника оба судьи с одного казнят, а которой судья не имет казнити, тому от меня, от великого князя, самому быти кажнену»[3]. Под «татем» и «разбойником», несомненно, подразумеваются и участники крестьянских движений, направленных против феодального гнета.

Полная несудимость феодального землевладения является во второй половине XV в. уже редким исключением.[4] Но так же редко для этого времени изъятие из подсудности вотчиннику в пользу наместников всех уголовных дел (душегубства, разбоя и татьбы с поличным)[5].

Характерным для жалованных грамот Ивана III следует признать распространение привилегии отвечать на суде по предъявленным искам лишь в строго определенные сроки на вотчины тех феодалов, которые этой привилегией ранее не пользовались. Так, двусрочная грамота была выдана Троице-Сергиеву монастырю на суздальское село Шухобалово[6].

Таким образом, в начале княжения Ивана III приобретают общий характер те формы судебной ответственности зависимого населения феодальных вотчин, которые были выработаны, как это показано выше, для некоторых владений, находившихся в специфических условиях.

Жалованные несудимые грамоты второй половины XV в., как и в первой половине столетия, являются для великокняжеской власти средством, которым она пользуется в своей объединительной политике в интересах господствующего класса феодалов. По жалованным грамотам можно проследить рост территории господствующего класса Московского княжества и централизацию аппарата власти.

В 1463 г. ярославский князь Александр Федорович был вынужден уступить свою отчину — Ярославское княжество — Ивану III[7] и оформил эту передачу через посредство дьяка Алексея Полуектова. 17 апреля 1471 г. Александр Федорович скончался[8]. Сохранились жалованные грамоты Ивана III, 60—70-х годов XV в., Спасо-Ярославскому монастырю, которые рисуют московскую политику во вновь присоединенном княжестве. Архимандрит Христофор и монахи были поставлены под охрану специально назначенного из Москвы пристава, дьяка Жука, через которого должны были поступать все претензии к монастырю: «. . . А кому будет каково дело до архимандрита или до его братьи, и до старцев, и до монастырских людей, и они посылают по них того ж моего [великого князя] пристава Жука, а иный мой пристав по них не ездит нихто»[9].

[1] РОИМ, Синод. собр., № 276, лл. 247—248.

[2] Там же, лл. 232 об. — 233 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 17—18, № 2/VII.

[3] Там же, № 276, лл. 232 об. — 233 об.

[4] Чт. ОИДР, 1887, кн. II, стр. 49—50, № IV; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 87—88, № 119 и др.

[5] ЦГАДА, ГКЭ. № 8743; РОИМ, Копийная книга Симонова монастыря, № 58, лл. 454—455.

[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 94, № 129.

[7] ПСРЛ, т. XXIII, ст. 157—158.

[8] Там же, т. VI, стр. 191.

[9] Исторические акты Спасо-Ярославского монастыря, т. I, стр. 9, № VIII.

Другие великокняжеские грамоты предоставили монастырю право сбора пошлин с перевозов через Волгу и Которосль [1] и освободили его соляные варницы от податного обложения, а монастырского солевара — от подсудности княжеским наместникам и волостелям [2]. В 1466 г. великая княгиня Мария Ярославна выдала Спасо-Ярославскому игумену Христофору тарханно-несудимую грамоту на деревни в волости городка Романова[3].

Значение всех этих льгот Спасо-Ярославскому монастырю со стороны великокняжеской власти станет совершенно понятным, если учесть, что названный монастырь являлся крупным феодальным политическим центром Ярославского княжества периода его независимости. Выше приводился договор XIV в. между ярославским князем Василием Давыдовичем и архимандритом Пименом, причем было выяснено, что монастырь принимал участие в политической жизни Ярославского княжества. Сейчас интересно привести летописный рассказ о конце независимости Ярославского княжества как феодального «полугосударства». В центре внимания летописца — опять-таки монастырь Святого Спаса как феодальная организация. Вокруг него развертываются все события. По летописному изложению, «чудеса» от расположенных в монастыре гробов князей — «чудотворцев» пророчат гибель последнему из живых ярославских князей. «Во граде Ярославли, при князи Александре Федоровиче ярославьском, у святаго Спаса в монастыри во общине, явися чюдотворец князь велики Феодор Ростиславичь смоленский, и з детми, со князем Костянтином и з Давыдом, и почало от их гроба прощати множество людей безчислено. Они бо чюдотворци явишася не на добро всем князем ярославским: простилися со всеми своими отчинами на век, подавали их великому князю Ивану Васильевичю, а князь велики против их отчины подавал им волости и села, из старины печаловался о них князю великому старому Алексей Полуектовичь дьяк великого князя, чтобы отчина та не за ними была» [4]. Совершенно очевидно, что в тенденциозном по своему политическому смыслу изложении автора цитированной летописной заметки «Спасов» монастырь — это символ самостоятельности Ярославского княжества. Политика московских князей, стремившихся найти опору в среде духовных феодалов, диктовалась пониманием ближайших задач, связанных с включением вновь присоединенной территории в состав государственной территории Московского княжества.

В то же время перед московским правительством встал вопрос о взаимоотношении между ярославскими землевладельцами и московскими вотчинниками. Падение ярославской независимости повлекло за собой перестройку земельных отношений, конфискацию вотчин у оппозиционных местных бояр, переход других бояр на московскую службу с собственными вотчинами. Летопись в форме сатиры рисует введение в Ярославском княжестве новых порядков: «А после того в том же граде Ярославли явися новый чюдотворець Иоанн Огафоновичь Сущей, созиратай Ярославской земли: у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя, а кто будеть сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал, а иных его чюдес множество не можно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшос» [5]. Таким образом, автор повести, отражавший

---

[1] Исторические акты Спасо-Ярославского монастыря, т. I, стр. 7—8, № VI.
[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 10863.
[3] Там же, № 10106.
[4] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—158.
[5] Там же, стр. 158. — Цьяшос — дьявол (написано по способу простой литореи).

интересы боярства, враждебно относится к ликвидации в Ярославском княжестве оппозиционных феодальных гнезд.

Земельная реформа повлекла за собой нажим на сельское население, вызвавший побеги крестьян. Началась борьба за рабочие руки между ярославскими боярами и духовными и светскими земельными собственниками соседних уездов. Московское правительство поставило вопрос о юридическом ограничении права крестьянских переходов. Этим объясняется появление в 70-х годах XV в. указной великокняжеской грамоты, адресованной к ярославскому наместнику Ивану Васильевичу Стриге-Оболенскому. Это тот самый «новый чудотворец», «дьявольские» действия которого вызвали осуждающе-ироническое летописное описание, принадлежащее перу сторонника ярославского боярства[1]. Грамота послана по челобитью братьи Троице-Сергиева монастыря с жалобой на ярославского наместника и его административный персонал за то, что они отказывают крестьян из монастырского села Федоровского в Нерехте не в Юрьев день. Грамота запрещает подобные действия, требует вывода обратно тех, кто отказался «не о Юрьеве дни», и разрешает крестьянский выход только в течение недели, предшествующей Юрьеву дню, и недели, за ним следующей [2].

Наблюдения над жалованными грамотами, относящимися к земельным владениям, расположенным в ростовских пределах, также свидетельствуют об их значении в качестве орудия политики великокняжеской власти в расширении территории господствующего класса.

Князь Иван Андреевич ростовский был вынужден продать половину (Сретенскую) Ростовского княжества Василию Васильевичу московскому, оговорив за собой право пожизненного ею пользования[3]. Василий II передал по завещанию приобретенную территорию своей жене Марии Ярославне, оговорив в своей духовной, что она не должна вступаться в «держания» ростовских князей.[4] В 1474 г. ростовские князья Владимир Андреевич и Иван Иванович с детьми и племянниками продали вторую половину Ростова (Борисоглебскую) Ивану III, который, в свою очередь, отдал ее своей матери, княгине Марии Ярославне [5].

Еще ко времени до окончательного перехода Ростовского княжества к Москве, когда московские князья владели только половиной Ростова, относится грамота княгини Марии (1464—1473 гг.) о сместном суде по делам между населением митрополичьей слободки Караш и людьми, подсудными наместникам княгини. Караш представляла собой большое владение одной из крупнейших феодальных организаций — митрополичьей кафедры, состоявшее из ряда сел и домовных монастырей. Сложные земельные и политические отношения в ростовских пределах, вызванные внутриклассовой борьбой между ростовскими и московскими феодалами за землю и ренту, вызывали ряд порубежных споров, которые разрешались на основе «старинных» начал сместного суда. Митрополичья Карашская вотчина была для московской великокняжеской власти форпостом развития в Ростове земельных владений феодалов Московского княжества. Названный выше документ представляет собой грамоту с прочетом княгини Марии Ярославны ростовскому наместнику Григорию

---

[1] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—158. Комментированное собр. АТСЛ С. Б. Веселовского.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 98—99, № 137.

[3] М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929, стр. 104.

[4] СГГД, т. I, № 86.

[5] ПСРЛ, т. XII, стр. 157.

Романовичу «или кто по нем иный наместник будет», по челобитью митрополита Филиппа. Последний указывал, что «тем деи людем, которые живут в Караше, суд им из старины на рубежи, на них ли хто чего взыщет или они на ком чего взыщуть». Княгиня требует от своей ростовской администрации соблюдения этой «старины» в организации разбора порубежных земельных конфликтов между феодалами: «И о чем случится суд сместной моим людем, великие княгини, ростовцом с митрополичьими людми с карашскими, и вы сводите суд на обе стороны по старине. . .»[1] В то же время сместный суд ставил своей задачей подавление проявлений классовой борьбы со стороны крестьянства.

Не позднее начала 1475 г. (возможно, до второй продажи Ростова местными князьями или сразу после этого акта) Мария Ярославна выдает тарханно-несудимую грамоту Троице-Сергиеву монастырю на монастырский двор в Ростове[2]. Смысл этого акта тот же, что и предыдущего: создать льготные условия для владений привилегированных духовных феодалов в пределах вновь включенной в состав Московского княжества территории.

На 60—80-е годы XV в. падают жалованные и указные грамоты Ивана III, запрещающие проезд через митрополичью слободку Караш, постой в ней и пользование кормами и подводами. Нарушители княжеского постановления подлежали личной ответственности перед самим великим князем: «А через сю мою грамоту, великого князя, хто ся имет на Караше ставити, и кормы и подводы и проводники имати, и яз, князь великий, велел на тех карашскому волостелю или тиуну давати приставов своих, и тот их пристав карашской имает да дает на поруце да ставит их передо мною, перед великим князем»[3]. Последние грамоты Ивана III, возможно, относятся уже ко времени после 1485 г., когда умерла Мария Ярославна и Ростов перешел к великому князю. Первая датируется 1462—1464 годами. Таким образом, жалованные грамоты 60—80-х годов XV в. на феодальные владения в Ростове служат источником для изучения процесса политического освоения территории Ростовского княжества московским правительством.

В конце 1472 г., в связи со смертью брата Ивана III — Юрия Васильевича, выморочный Дмитровский удел перешел к великому князю. Это вызвало конфликт между последним и его другими братьями, удельными князьями, характер которого был рассмотрен в первой части настоящего исследования. Внутренняя политика правительства Ивана III начала 70-х годов, в связи с получением дмитровских владений, нашла свое отражение в его жалованных грамотах, которые являются, таким образом, ценным дополнением к договорным актам этих лет московского великого князя с удельными князьями Андреем углицким и Борисом волоцким, выступившими с оппозицией в связи с отстранением их от участия в дмитровском наследстве.

От княжения Юрия Васильевича 60-х—начала 70-х годов XV в. до нас дошел ряд жалованных грамот, выданных им феодалам Дмитрова: митрополичьему дому, Троице-Сергиеву монастырю и боярам-вотчинникам. Изложенные в них начала судебного и податного иммунитета — те же, что и в великокняжеских актах этого времени на московские феодальные владения. Грамота Юрия митрополиту Филиппу от 1465 г. на земли домовного Ильинского монастыря в волости Воре[4] предостав-

---

[1] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 16 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 19, № 2/IX.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 136—137, № 185.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 15 об. — 16 об.

[4] ААЭ, т. I, стр. 55, № 75.

ляет иммунисту полный тархан и несудимость по всем делам, кроме душегубства. Дела о разбое и татьбе с поличным решаются удельным князем, на суд которого волостели доставляют преступников против феодального права. В грамоте 1464 г. на дмитровские села Новинского монастыря на Пресне [1] находим пятилетнюю льготу для старожильцев, десятилетнюю — для новоприходцев, тархан от прочих податей и несудимость «оприч душегубства и розбоя и татбы с поличным».

Архив Троице-Сергиева монастыря сохранил нам грамоты Юрия Васильевича, касающиеся освобождения от постоя, кормов и подвод монастырских владений в Дмитровском уделе, сместного суда в монастырских вотчинах, твердой нормы оброка с двух дворов в Дмитрове, права беспошлинного проезда с товаром через Дмитров в Новгород и обратно и т. д.[2] Таким образом, в пределах Дмитровского удела проявляется та же политическая централизация, что и во всем Московском княжестве в целом.

Большой интерес представляет тарханная, льготная и несудимая грамота князя Юрия Васильевича 1471 г. на приписной к Троице-Сергиеву монастырю Троицкий на Березниках монастырь с его землями [3]. Выдаче грамоты предшествовала борьба среди духовных феодалов (между игуменом Троицкого на Березниках монастыря Севастьяном и монастырской братией). Дело дошло до митрополичьего суда [4]. В связи с этим Юрий Васильевич «приказал» игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию «ведати свой монастырь Живоначальныя Троицы на Березниках, да земли, кои земли давали к тому монастырю к Троице на Березники бояре и дети боярские, — игумен Спиридоней те земли потому же ведает». Таким образом, княжеская власть распоряжается как землями, которые переданы в монастырь светскими землевладельцами, так и монастырем как феодальной организацией в целом.

Из пожалований светских землевладельцев от имени Юрия дмитровского известны грамоты Дмитрию Васильевичу Бобру Глебову Сорокоумову 1463 г.[5] (льготная на 3 года от дани, тарханная от прочих податей и несудимая с изъятием дел о душегубстве) и Петру Ермолину 1471 г. [6] (тарханная, несудимая с изъятием дел о душегубстве и оброчная).

Присоединение Дмитровского удела к Москве, вызвавшее феодальную борьбу Ивана III с его братьями, удельными князьями Андреем углицким и Борисом волоцким, повлекло за собой ряд мероприятий со стороны московской великокняжеской власти для укрепления политических позиций в дмитровских пределах. Прежде всего Иван III дал в 1472—1473 гг. по духовной Юрия Троице-Сергиеву монастырю село покойного князя Кучку, предоставив этому владению ряд привилегий: полный податной тархан, несудимость по всем делам, кроме душегубства, право беспошлинной торговли, право монастырскому приказчику держать свое пятно, свободу от постоев со стороны княжеских гонцов и «прочих ездоков» [7]. Иван III подтвердил далее грамоты своего предшественника

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 97—97 об.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 97—98, № 133—135; стр. 107—108, № 149; стр. 110—111, № 152; ААЭ, т. I, стр. 49—50, № 69.

[3] ААЭ, т. I, стр. 64—65, № 88.

[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 484 об. — 485.

[5] С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, стр. 91—92; АЮБ, т. I, стр. 114, № 31/XX.

[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 108—110, № 150.

[7] Там же, стр. 117, № 160; стр. 117—120, № 161.

дмитровским землевладельцам, например, Дмитрию Васильевичу Бобру. На имя Ивана III была переписана в начале 1473 г. и грамота Юрия дмитровского Троице-Сергиеву монастырю на Троицкий монастырь на Березниках [1]. Она воспроизводит прежний текст, только в фразе: «ненадобе моя дань на 10 лет» слова «на 10 лет» подчищены и вместо них другими чернилами написано: «до века впрок» [2]. Очевидно, перед нами подделка, сделанная церковными феодалами. Все дмитровские владения Троице-Сергиева монастыря, наряду с переяславскими и радонежскими, получили в 1473 г. грамоту, согласно которой монастырские крестьяне могли вызываться на суд великокняжескими приставами только по приставным, выписанным на имя игумена и предъявляемым лично игумену или келарю [3]. Троицким крестьянам и монастырским старцам и слугам было предоставлено право беспошлинного проезда через Серебожский мыт в Дмитровском уезде «з житом или з животиною, с чем ни буди, какой товар ни повезут» [4].

Очень дополняет жалованные грамоты также материал договорных актов между Иваном III и князем Михаилом Андреевичем на протяжении 60—80-х годов XV в., закончившихся в середине 80-х годов присоединением к Москве Верейско-белозерского удела. Около 1467 г. Иван III передал Троице-Сергиеву монастырю село Илемну в Верейском уезде, [5] в качестве вклада «по душе» князя Петра Дмитриевича и его жены Евфросинии Полиевктовны. 1 июня 1467 г. Михаил Андреевич дал троицкому игумену Спиридонию жалованную грамоту, которою освободил Илемну от дани, с заменой ее оброком, и определил норму городового дела [6]. Очевидно, тогда же было произведено размежевание Илеменской вотчины от земель, принадлежавших князю Михаилу Андреевичу [7]. Но в дальнейшем, в 70— 80-х годах, монастырь получил ряд жалованных грамот на Илемну уже от Ивана III. Последний разрешил илеменским крестьянам сечь дрова в соседних лесах и предоставил монастырским старцам, слугам и крестьянам право беспошлинного проезда из монастыря в Илемну и из Илемны к Ярославцу [8]. В специальной грамоте московского великого князя были затронуты вопросы сместного суда [9]. В случае исков со стороны к населению Илемны княжеский судья должен был приехать к монастырскому приказчику и вместе с ним рассмотреть дело. Иски монастырских крестьян к городским и волостным людям подлежали суду наместников и волостелей совместно с монастырским приказчиком. К концу 70-х—началу 80-х годов XV в. относится жалованная грамота Ивана III троицкому игумену Паисию, по челобитью илеменского посельского Феогноста, на право высылать беспенно с пиров незванных людей [10]. В 1485 г. Иван III назначил пристава Сеньку Кулпу для «охраны» села Илемны от постоя проезжих людей, для поимки «татей» и «разбойников» с поличным и для высылки «попрошатаев» и незванных посетителей крестьянских пиров и братчин [11]. Таким образом, задолго до завещания Ми-

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 114—115, № 158.

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 8745.

[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 116—117, № 159.

[4] Там же, стр. 129—130, № 172.

[5] Там же, стр. 121, № 163.

[6] Там же, стр. 103—104, № 146.

[7] ЦГАДА, ГКЭ, № 2329.

[8] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 121—122, № 164.

[9] Там же, стр. 122—123, № 165.

[10] Там же, стр. 154, № 207.

[11] Там же, стр. 160—162, № 219.

хаила Андреевича, передавшего Верею московскому великому князю, еще в то время, когда Илемна находилась в «отчине» верейского удельного князя, она оказалась уже полностью втянутой в орбиту московского политического влияния.

Общий смысл всех перечисленных выше грамот заключается в том, что великокняжеская власть рядом мероприятий обеспечивает феодалам удельных центров господство над своими крестьянами, охраняет право их эксплоатации и защищает феодалов от крестьянских выступлений. Феодалы за это уступают великокняжеской власти часть доходов (от суда) и со своей стороны обеспечивают ей поддержку.

То же самое можно сказать и относительно сел Почапа и Передола, в Малоярославецком уезде, данных Троице-Сергиеву монастырю в 1458—1459 гг. дочерью Василия I, княгиней Анастасией [1], бывшей замужем за князем Олельком (Александром) Владимировичем киевским. В конце 70-х—начале 80-х годов XV в., когда Ярославец являлся еще «отчиной» Михаила Андреевича, троицкие владения Почап и Передол пользовались льготами на основе жалованных грамот, выданных от имени Ивана III [2].

Выдача Михаилом Андреевичем жалованных грамот на феодальные владения, расположенные в пределах Белозерского княжества, также находилась в связи с его взаимоотношениями с великим князем московским. Так, к февралю 1473 г. относится пересмотр и новое подтверждение Михаилом всех прежних грамот Кирилло-Белозерскому монастырю [3]. Князь «возрел» в жалованные грамоты «бабы своея великой княгини Овдотьи, и в отца своего грамоты жаловалные князя Андрея Дмитриевича, и в свои грамоты жаловалные», и в другие акты, относящиеся к Кириллову монастырю как феодальной организации. Перенеся в новую сводную грамоту от своего имени все монастырские владения, экспроприированные у черных крестьян, переданные монастырю князьями или приобретенные монастырем-феодалом другими способами, Михаил Андреевич признал вотчинные права монастыря на перечисленные им земли. За игуменом было оставлено право суда над населением «во всем, и в розбое, и в татьбе с поличным, опричь одного душегубства». В грамоте имеются также указания на сместный суд, с оговоркой, обычной для актов Белозерского княжества: «А которого суда обчего не всхочет игумен судити, и они дадут обоих исцев на поруце, да учинят им срок стати передо мною, князем Михаилом Андреевичем, и яз тому делу исправу учиню сам, князь Михаил Андреевич».

Несомненно, что рассмотренная грамота, по времени совпадающая с третьим договором между Михаилом верейско-белозерским и Иваном III, имеет и внутреннюю связь с этим договором. Третье докончание, как это было выяснено в первой части исследования, сильно урезало положение Михаила Андреевича в качестве удельного князя, по отношению к великому князю московскому. Но суверенные права в пределах Белоозера Михаил в то время еще сохранял и проявлением этих суверенных прав явилось подтверждение им иммунитетных привилегий крупнейшего духовного вотчинника Белозерского княжества.

Следующие по времени жалованные грамоты Михаила Андреевича Кириллову монастырю падают уже на конец 70-х—начало 80-х годов XV в., т. е. на годы, когда подготавливалась уступка (формально по договору) Михаилом великому князю московскому Белоозера, с сохранением права пожизненного им владения. Переходя на положение прекарного

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 76—77, № 99.

[2] Т а м ж е, стр. 149—150, № 201; стр. 150—151, № 202; стр. 153—154, № 206.

[3] ААЭ, т. I, стр. 474—476, № 377.

держателя Белоозера, Михаил в то же время в отношениях с местными землевладельцами выступает с прежних позиций удельного князя, жалованная грамота которого фиксирует иммунитетные привилегии. В ряду нескольких его грамот Кириллову монастырю, написанных на рубеже 70 и 80-х годов XV в., особенный интерес представляет грамота, которой он, по примеру великого князя московского, ставит монастырь под охрану специально назначенного пристава [1], т. е. обеспечивает монастырю помощь со стороны княжеской власти в борьбе с классовыми выступлениями крестьян.

Присматриваясь к жалованным грамотам Кирилло-Белозерскому монастырю Андрея Васильевича Меньшого вологодского, замечаем, что основная их масса относится к одной дате: к 5—6—7 декабря 1471 г. [2] Вряд ли можно признать это простой случайностью и поэтому необходимо ближе присмотреться к событиям того времени, чтобы понять, в какой обстановке появились документы. Грамоты выданы сразу после похода Ивана III на Новгород, когда, по летописным данным, московский великий князь послал своих воевод на Двину в Заволочье, на устюжские, вятские, *вологодские* земли, «на вси тамо на Новгородские пригороды, и на вси их волости и на погосты» [3]. Вологда являлась старинной новгородской колонией, на которую Новгород, как это видно из московско-новгородских договорных грамот, претендовал еще в XV в. Вологда значится в числе новгородских «волостей» в предложениях, выдвинутых со стороны Новгорода в 1456 г., во время заключения Яжелбицкого соглашения. Поэтому не удивительно, что новгородский поход Ивана III вызвал подтверждение князем Андреем Васильевичем Меньшим прав Кирилло-Белозерского монастыря на владения, расположенные в пределах Вологодского удела.

Присоединение в 1485 г. к Москве Тверского княжества повлекло за собой выдачу московским правительством жалованных грамот землевладельцам на расположенные в тверских пределах или вблизи от московско-тверской границы вотчины. По словам летописи, Иван III «дал ту землю [Тверскую] сыну своему Ивану Ивановичу; а [сентября] в 18 день, в неделю, въехал князь великий Иван Ивановичь в город во Тверь жити» [4]. От имени Ивана Ивановича Молодого выданы в 1485 г. тарханно-несудимые грамоты Троице-Сергиеву монастырю на село Медну и другие владения [5]. Таким образом, жалованные грамоты оформляли включение в состав формирующегося централизованного Русского государства Тверское феодальное княжество.

С конца 70-х—начала 80-х годов XV в. получают распространение жалованные грамоты особого типа, которыми великий князь поручает определенные монастырские села охране специально для этого выделенных приставов [6].

Можно отметить два вида грамот на «данного пристава». Одни из них вменяют в обязанность приставу следить за тем, чтобы никто не ездил

---

[1] Н. Дебольский, Указ. соч., стр. 172, № 151.

[2] ААЭ, т. I, стр. 75—76, № 95; ДАИ, т. I, № 198, 200—205; АЮБ, т. I, стр. 111—113, № 31/XIX; Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 182—184, № 189; стр. 185—186, № 193.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 8.

[4] Там же, т. XII, стр. 218; т. VIII, стр. 216—217.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 162—166, № 220—222; стр. 170, № 231.

[6] Там же, стр. 144, № 196; стр. 148, № 199, стр. 160—162, № 219; стр. 168—169, № 228; ААЭ, т. I, стр. 60, № 82; стр. 61, № 83; стр. 77, № 98; стр. 84, № 110; стр. 85—86, № 112—113; С. А. Шумаков. Обзор, вып. 1, стр. 52, № 10; Чт. ОИДР, 1887, кн. II, стр. 50—51, № 5.

запрещенною («заповедною») дорогой через монастырские села и чтобы сохранялись в неприкосновенности монастырские леса. Пристав отвечает за то, чтобы «всякие ездоки» «не ставились» в монастырских селах и деревнях и не требовали себе подвод, проводников и кормов: «. . . И мои князи и бояре, и воеводы, и дети боярьскии, и всякии ездоки в том их селе и в деревнях у их крестьян не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют. Также мои гонци в том их селе и в деревнях подвод и проводников не емлют, оприч ратных вестей». Нарушителей великокняжеского постановления пристав обязан давать на поруку «и срок. . . учинити. . . перед великим князем»[1]. Одновременно пристав должен наблюдать за тем, чтобы незванные люди не являлись на пиры и братчины во владения феодалов и вести борьбу с «попрашатаями». Приставам поручается также охрана лесов феодалов. В грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю от января 1485 г. читаем: «. . . Хто в. . . их лесы поедет без их доклада монастырского, чей кто ни буди, и я на них на всех дал своего пристава Палку Ворону, а велел есми ему в тех монастырьских лесех тех людей всех имати, которые без монастырьского доклада в их лесы поедут. А в торгу есми велел закликати из рубля, а велел есми тех всех ставити перед своими наместники. . . , и они на тех велят имати рубль заповедной по сей грамоте. . .»[2]

Классовый смысл этих грамот ясен. Великокняжеская власть берет на себя охрану феодальной собственности от всех ее нарушителей, т. е. защищает феодалов от покушений на их земельные права со стороны лишенных земли и попавших в зависимость крестьян.

Грамоты второго рода устанавливают, чтобы только через назначенных приставов производились все вызовы крестьян на суд по искам посторонних лиц: «А иные мои приставы по них не ездят нихто. А кто к ним приедет пристав мой иной, опричь того моего пристава, и я их людем на поруку ся ему давати не велел, ни к сроку есми ездити не велел; а хоти кто на них безсудную возмет не по того моего пристава срочной, которой им дан, или кого в свое место пришлет, и та безсудная не в безсудную»[3]. На выделенных князем приставов ложится также обязанность вести борьбу с «татями» и «разбойниками», организуя для этого «розыск»: «. . . Где ся лучит манастырьским крестьяном в. . . великого князя в отчине поличное выняти, или татя или разбойника с поличным на дорозе угонят. . . , яз [великий князь] тому своему приставу. . . того татя, и с поличным велел поставити перед собою; а у кого в селе. . . татя имут или поличное выимут, и яз того велел дати на поруку и срок ему учинити перед собою, перед великим князем»[4].

В этих грамотах классовый смысл проявляется еще в большей степени. Обострение классовой борьбы вызывает организацию систематических расследований о «татях» и «разбойниках», под которыми подразумеваются и ведущие борьбу с феодальным гнетом крестьяне.

Появление в 70—80-х годах охранных грамот на владения церковных феодалов с персональными предписаниями выделенным для этого княжеским приставам заботиться о том, чтобы в них не останавливались едущие по княжеским поручениям лица, — связано с крупной земельной и военной реформой, которую проводило в это время московское правительство в Новгороде. Разгром боярской оппозиции на территории

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 160—162, № 219.
[2] ААЭ, т. I, стр. 85, № 112.
[3] Там же, стр. 84, № 110.
[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 160—162, № 219.

бывшей Новгородской феодальной республики сопровождался конфискацией боярских вотчин и передачей их на поместном праве другим владельцам. Об этом имеются прямые сведения в документах. В указной грамоте Ивана III второй половины 80-х годов XV в., адресованной к «моим князем и воеводам, и бояром, и детем боярским, и всем людем ратным, *хто ни поидет на мою службу к Великому Новугороду*», читаем: «Что бы есте в Прилуце и в деревнях в Прилутцких в Троицких Сергиева монастыря не ставилися, ни кормов, ни подвод, ни проводников не имали. А хто станет силно или что возмет, и яз на тех дал пристава Сома Линева — велел есми ему тех давати на поруце да ставити перед собою, перед великим князем».[1] Более ранняя грамота, середины 70-х годов XV в., запрещает служилым людям, «которые пошли на. . . [княжескую] службу во Псков», ставиться в Троицком селе Медне[2].

Источники далее свидетельствуют, что в 80-х годах XV в. московское правительство произвело массовый вывод новгородских бояр из их владений и испомещение в Новгороде служилых людей из центральных районов. «Тое же зимы (1483/84 г.), — рассказывает летопись, — поимал князь великий болшых бояр новогородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместиа на Москве по городом; а иных бояр, которые коромолу держали от него, тех велел заточити по городом в тюрмы»[3]. Под 1488/89 г. летопись приводит данные о выводе из Новгорода «болши семи тысящь житиих людей, занеже хотели убити Якова Захаринича наместника новогородского», а затем дополнительно сообщает, что «тоя же зимы князь велики Иван Васильевичь переведе из Великого Новагорода многых бояр и житьих людей и гостей, всех голов больши 1000, и жаловал им, на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, в Новегороде Нижнем, и в Переаславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом; а в Новгород в Велики на их поместья послал москвичь лучьших многих гостей, и детей боярьских, и из иных городов из Московскиа отчины многих детей боярьских и гостей, и жаловал их в Новегороде в Великом»[4].

Перевод в массовом масштабе служилых людей из новгородских пределов в центральные районы государства и обратно представлял собой очень крупное организационное мероприятие централизованного государства. Вся тяжесть этого мероприятия ложилась на плечи трудового производящего класса — крестьянства. Но привилегированные феодалы получили от правительства Ивана III грамоты, защищавшие их от возможности въезда в их владения служилых людей, которые требовали подводы, кормы, проводников.

Что касается грамот, согласно которым через специально назначенного пристава производились вызовы в суд населения феодальных вотчин, и грамот, поручавших приставам вести борьбу с «татями» и «разбойниками», то их издание я ставлю в связь с общими начинаниями, проводившимися московским правительством в 80-х годах XV в. по реформе суда и подготовке текста Судебника. Образование централизованного Русского государства вызвало усиление карательных органов, ведших борьбу с нарушителями привилегий господствующего класса. Подробно об этом будет сказано в специальном очерке, посвященном Судебнику 1497—1498 гг.

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 168—169, № 228.

[2] ААЭ, т. I, стр. 77, № 98.

[3] ПСРЛ, т. XII, стр. 215—216; т. VIII, стр. 218.

[4] Там же, стр. 220.

Процесс объединения русских земель, ликвидация самостоятельных «полугосударств» и включение их в состав централизованного Русского государства сопровождалось, как это было выяснено выше, сокращением иммунитетных привилегий крупных земельных собственников.

В 80-х годах XV в., когда московская великокняжеская власть, опиравшаяся на земельное дворянство и города, повела решительное наступление на суверенитет ряда феодальных княжеств, она в то же время стремилась урезать и политические права духовных феодальных корпораций. Это привело к конфликтам между государственной властью и феодальной церковью.

Когда в первой части исследования о феодальных архивах мы разбирали договорные акты Ивана III с удельными князьями, то при этом выяснилось, что 80-е годы XV в. были временем перестройки междукняжеских отношений в сторону стеснения политических прав удельных князей. Московское правительство провело в это время большую работу по разработке нового формуляра междукняжеского докончания. Чрезвычайно интересно, что как раз в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. был поднят вопрос и о взаимоотношениях между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой, следствием чего явился пересмотр основ судебного иммунитета последней.

Прежде всего рассмотрим летописные данные о борьбе между правительством Ивана III и главой русской феодальной церковной иерархии митрополитом Геронтием. Тенденциозное летописное описание под 1479 г. придает столкновению великого князя и митрополита чисто церковный характер. Согласно летописи спор шел о том, как следует входить в церковь при ее освящении: посолонь или против солнца. Летописец, сторонник Геронтия, говорит о том, что враги последнего («неции прелестници») донесли («клеветаша на митрополита») Ивану III, «яко не по солнечному въсходу ходил митрополит со кресты около церкви». Князь, узнав об этом, «сего ради гнев въздвиже нань». Указанный вопрос вызвал большие разногласия в церковных и светских правящих феодальных кругах: «много о том спору учинися». Иван III призвал для обсуждения вопроса архиепископа ростовского Вассиана, у которого перед этим произошел конфликт с Геронтием, а также архимандрита Чудовского монастыря Геннадия (будущего новгородского архиепископа и одного из вождей «иосифлян»). Участники совещания не пришли ни к какому окончательному результату: «и много спирашася, не обретоша истинны»[1].

Львовская и Софийская вторая летописи возвращаются к столкновению между Иваном III и Геронтием под 1482 г.[2], указывая, что «того же лета бысть распря митрополиту с великим князем, что священ соборную церковь митрополит, да не по солнцу ходил со кресты около церкви». Митрополит в знак протеста покинул кафедру и уехал в Симонов монастырь, оставив в церкви свой посох. Летопись указывает, что Геронтий угрожал великому князю, если тот «не добиет челом и роптания того не оставит, что посолонь ходити», то он (митрополит) сложит «сан митропольской» и поселится в монастырской келье. Иван III, не считаясь с желанием митрополита, в течение года не велел освящать своих церквей. Однако, как утверждает летопись, большинство церковников и светских феодалов держали в этом конфликте сторону митрополита, князь же находил поддержку только в ростовском архиепископе Иоасафе и чудовском архимандрите Геннадии. В конце концов, по сведениям летописи, князь сдался и послал к Геронтию своего сына, «моля его, дабы ся

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 221—222; т. XX, ч. 1, стр. 335.
[2] Там же, стр. 233—234; т. XX, ч. 1, стр. 348.

возвратил на стол свой». Когда митрополит отказался вернуться, Иван III, якобы, сам отправился к нему с челобитьем, признавая свою вину и в дальнейшем обещая повиноваться митрополичьей воле («А сам во всем виноват сътворися, а митрополита же во всяких речех обещася слушати и в хождении в воле митрополиту даст, якоже велит как было в старину»). После этого, как указывают летописи, Геронтий нашел возможным возвратиться «на стол свой».

В дальнейшем Геронтий стал сводить счеты со своими противниками из церковной среды, во время его споров с Иваном III державших сторону последнего. Под предлогом нарушения одного церковного обряда, он велел сковать и посадить в ледник под палатою чудовского архимандрита Геннадия. Попытка последнего найти поддержку у великого князя окончилась неудачей. Геронтий сам отправился к Ивану III и заявил протест по поводу его вмешательства в компетенцию митрополита и укрывательства виновного архимандрита. Князь был вынужден уступить и выдать Геннадия, который находился в заточении в ледяном погребе до тех пор, пока князь с боярами «выпечалова его у митрополита»[1].

В 1484 г., по рассказу летописи, Геронтий снова оставил митрополию — на этот раз, судя по летописным известиям, по болезни. Митрополит, как и раньше, удалился на Симоново «и с собою ризницу и посох взя, понеже болен». По выздоровлении Геронтий опять предъявил права на руководство митрополичьей кафедрой. На этот раз намерение митрополита встретило возражения со стороны великого князя, который «не восхоте его». Роли теперь переменились. Не Иван III просил Геронтия остаться во главе русской феодальной церкви, а, напротив, Геронтий силою желал сохранить за собой кафедру («неволею не остави митрополию»), хотя великий князь выдвигал ему преемника, — игумена Троице-Сергиева монастыря Паисия. И в этой борьбе с Иваном III победа, по летописи, осталась на стороне Геронтия. Под 1485 г. летопись лаконично замечает, что «възведе князь великий того же митрополита Геронтия на стол»[2].

Изложение распри между Иваном III и Геронтием, которое мы находим на страницах Львовской и Софийской II летописей, восходит, очевидно, к митрополичьему своду. В этом изложении выступает определенная тенденция, отражающая интересы московского митрополичьего дома и враждебная противнику митрополита — Вассиану ростовскому. Летописный рассказ подчеркивает, что по вопросу о том, как обходить церковь, митрополит привел довод в свою пользу, а ростовский архиепископ со своими единомышленниками «свидетельства никоего не приношаху»[3]. В результате почти все феодальное духовенство, якобы, поддержало митрополита, а великий князь опирался в своем споре с последним на незначительную кучку сторонников. Летописи проводят мысль о том, что митрополит является высшей властью, и великий князь обязан его слушаться, «ходить в его воле», как повелось из старины.[4]

Присматриваясь к столкновениям между великим московским князем и митрополитом, которые имели место в 1479—1485 гг., мы естественным образом должны поставить вопрос об их политическом смысле. Ограничивалось ли дело только несовпадением взглядов на некоторые догматы

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 234; т. XX, ч. 1, стр. 349.

[2] Там же, стр. 236; т. XXIV, стр. 203; т. XX, ч. 1, стр. 351.

[3] Там же, стр. 221.

[4] Там же, стр. 231; См. об этом также: Н. К. Никольский (комментарий к правой грамоте Геронтия, которой я касаюсь на стр. 193) и А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества — «Известия Академии Наук СССР», VII серия, отд. гуманитарн. наук, 1932, № 9, стр. 715—719.

и церковные обряды, или расхождение носило более глубокий характер? Оставаясь на почве одних летописных текстов, разрешить этот вопрос нельзя. Необходимо привлечение некоторых других материалов, именно актов, касающихся земельных владений московской митрополичьей кафедры, относящихся к 80-м годам XV в. Их изучение в контексте с летописными данными позволяет притти к выводу, что 80-е годы были временем пересмотра привилегий московской митрополичьей кафедры как феодальной организации. Этот пересмотр, очевидно, находился в связи с выработкой формуляра междукняжеского докончания, проводившейся в те же годы московской великокняжеской канцелярией, и был вызван общим стеснением суверенитета. Сообщения летописей о церковных спорах представляли собой лишь тенденциозное преломление той политической борьбы, которая происходила между правительством Ивана III и главой русской феодальной церковной иерархии по вопросу о привилегиях земельных владений московской митрополичьей кафедры.

В свете рассмотренных явлений выясняется происхождение документов, дошедших до нас в составе митрополичьих формулярников и копийных книг, — именно формул политических взаимоотношений между митрополичьим домом как феодальной организацией и великокняжеской властью, восходящих ко времени митрополитов Алексея и Киприана[1]. Эти формулы были подвергнуты анализу при изучении иммунитетных привилегий феодального землевладения XIV в.

Я имею в виду тексты докончальных грамот великокняжеской власти и митрополичьей кафедры как феодальной организации, оформляющие систему господства и подчинения в пределах митрополичьих волостей: Карашской в Ростовском уезде, Сенежской и Луховской во Владимирском уезде. Что касается первой грамоты, то в составе копийных книг митрополичьего дома она сохранилась в редакции 1483 г., в основе которой, как было выяснено выше, лежит текст времени Василия I и митрополита Киприана. Таким образом, возобновление грамоты в 1483 г. свидетельствует о том, что в эти годы великокняжеская власть в лице Ивана III и представитель высшей церковной феодальной иерархии, митрополит Геронтий пересматривали вопрос об объеме тех феодальных привилегий, на которые имеет право кафедра в пределах указанного владения. По аналогии думаю, что и формуляр договорной грамоты, относящейся к владимирским волостям митрополичьего дома, пересматривался именно в 80-х годах XV в., а затем попал в образцовую книгу митрополита Симона. В сборниках копий с земельных актов текст этой грамоты отсутствует, очевидно, потому, что при Иване III она утверждения не получила. Те большие политические претензии феодальной церкви времени митрополитов Алексея и Киприана, которые нашли в ней отражение и которые, вероятно, выражали политическую программу митрополита Геронтия, не соответствовали политике великокняжеской власти, направленной к стеснению феодального суверенитета. Великокняжеская власть, очевидно, соглашалась на утверждение иммунитета владимирских владений митрополичьей кафедры лишь в тех пределах, которые были намечены еще в жалованной грамоте Василия Дмитриевича, данной митрополиту Фотию незадолго до своей смерти в 1425 г.: несудимость за исключением дел о душегубстве, сместный суд с докладом спорных дел князю, «казнь» татя и разбойника митрополичьим судьей совместно с наместником[2].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 28 об. — 31; Синод. собр., кн. № 276, лл. 14—15; ААЭ, т. I, стр. 4—6, № 9; П. Иванов. Указ. соч., стр. 212—214.

[2] ААЭ, т. I, стр. 16—17, № 23.

Для истории политических взаимоотношений между московской великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой во второй половине XV в. интересны также указания жалованных грамот на нарушение Иваном III права митрополичьей юрисдикции по церковным делам, т. е. стеснение суверенитета уже чисто в церковной области. Для того, чтобы понять смысл этой политики великокняжеской власти в отношении феодальной церкви, необходимо остановиться на характеристике феодально-иерархических отношений в системе митрополичьего землевладения.

Вопрос о феодальной коммендации монастырей почти не изучен в русской исторической литературе. Н. П. Павлов-Сильванский приводит только один случай передачи Волоколамского монастыря его игуменом Иосифом из «удела» волоцкого удельного князя в «государство» московского великого князя в 1507 г.[1], расценивая этот факт в формально-юридическом плане и не раскрывая его классового и политического смысла.

Между тем отношения монастырской коммендации хорошо раскрываются на примере «домовных» монастырей митрополичьей кафедры. Домовным монастырям посвящено несколько страниц в исследовании М. Горчакова[2]. Но он не рассматривает их с точки зрения изучения феодальных отношений. В формально-схоластическом плане автор отмечает только, что «домовные митрополичьи монастыри отличались от других, не домовных, тем, что первые находились на землях, принадлежавших кафедре, а не самим монастырям, а поэтому состояли в зависимости от кафедры не только в церковных отношениях, как учреждения религиозные, но и по отношениям земельным»[3]. В чем выражался характер этой зависимости, какова ее классовая сущность, — автор не разъясняет.

Правильнее подошел к вопросу С. В. Юшков, увидевший в «отношениях зависимых монастырей к главным или кафедрам. . . в качестве основного момента, особое договорное соглашение о подчинении с одной стороны (коммендацию) и защиту (патронат) — с другой»[4]. Однако и С. В. Юшков ограничивается этими соображениями, не раскрывая полностью те производственные отношения, которые лежат в основе «договорного соглашения» между двумя феодальными организациями. Выводы Юшкова основаны на данных, почерпнутых из работ В. А. Милютина и того же М. Горчакова.

В действительности в системе землевладения московской митрополичьей кафедры, как крупнейшей феодальной организации, имела место та же лестница феодально-иерархических поземельных отношений, которая вообще характерна для периода феодальной раздробленности.

Мы имеем возможность наблюдать иерархию зависимости среди коммендированных монастырей митрополичьего дома: под патронатом более крупных домовных монастырей находятся более мелкие феодальные организации — «пустынки» и церкви. Юридически эти отношения оформляются на основе феодального договора.

Во взаимоотношениях «домовных» монастырей и церквей с кафедрой формально характерны ходатайство о защите — «челобитье», с одной стороны, «пожалование» — согласие на защиту, — с другой. Так, в 1464 г. игумен Сновидского владимирского монастыря Серапион «бил челом» митрополиту Филиппу о приписке к нему «изстарины тянувшей» Нафанаиловой пустыни в Славцове, во Владимирской десятине. А митро-

[1] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 403.

[2] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 100—103, 177—191.

[3] Там же, стр. 177—178.

[4] С. В. Юшков. Феодальные отношения и Киевская Русь, Саратов, 1925, стр. 79.

полит «и нынеча пожаловал игумена Серапиона с братьею по старине, придал тот монастырь к своему Сновидскому монастырю со всем по старине»[1].

Фактически за формулами договорных отношений между феодальными церковными организациями скрываются отношения внутриклассовой борьбы за землю и ренту. Такой крупный феодал, каким была митрополичья кафедра, имел возможность поставить от себя в сеньериальную зависимость мелкие церкви и «пустынки», добившись разрыва их отношений зависимости с домовными монастырями. Так, в 1498 г. Нестер, поп патронируемой Сновидским монастырем Успенской церкви, прерывает договор со сновидским игуменом и переходит в зависимость от кафедры. Формально этот переход выступает как результат «челобитья» попа Успенской церкви. Последняя изымается из судебной и податной подвластности монастырю и получает тарханно-несудимую грамоту непосредственно от митрополита: «Се яз Симон митрополит всея Русии пожаловал есмь попа Нестера, что ми бил челом, а сказывал, что служит у церкви святые богородици в Володимерской десятине, а изстарины де та церковь стяжание Сновидского монастыря, а прихода де у той церкви мало»[2].

Классовый смысл патроната мелких церковных организаций митрополичьей кафедрой заключается в защите их интересов от выступлений со стороны непосредственных производителей — крестьян. В этом отношении большой интерес представляет грамота митрополита Симона славцовскому волостелю Оладье Блинову, по «челобитью» все того же попа Нестера из Славцова. Нестер жаловался, что после описания великокняжеского писца Петра Заболоцкого «христиане» Славцовской волости «вступаютца у него в церковную в монастырскую землицу и в поженки сильно».

Обращение к патрону имело последствием предписание митрополита своему волостелю об оказании покровительства подзащитному монастырьку. Оладья Блинов должен был «обыскать о той землице людьми добрыми старожильцы», «очистить [ее] к монастырю» по описи П. Заболоцкого и «поунять лихих людей», «чтобы церкви божия не обидели, а в землицу бы церковную не вступались»[3]. Последняя фраза, как нельзя лучше, передает смысл церковной защиты: под крылом такой сильной феодальной организации, какую представлял собой «Дом пречистой богородицы», классовые интересы мелких церковных корпораций получили подлинную охрану. Захваты монастырями крестьянских земель находили санкцию кафедры, бороться с которой для крестьянской общины было трудно.

Борьба за землю и ренту, за политические права происходит не только среди церковных феодалов, но и между церковными и светскими феодалами. Иерархия церковных землевладельцев, возглавляемая митрополитом, отстаивает свои права перед великокняжеской властью. Так, митрополит Филипп ставит вопрос о привлечении к ответственности некоего Ивана Шушерина, который начал пахать земли владимирского Царево-Константиновского монастыря, ссылаясь на, якобы, полученную им великокняжескую «жалованную» грамоту. Митрополит добился от Ивана III в 1464—1473 гг. предписания Ивану Шушерину «не вступаться ничем

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 228—228 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 39, № 3/IV.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 231; М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 40—41, № 3/VI.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 231 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 42, № 3/XI; П. Иванов. Указ. соч., стр. 214—215.

в монастырские земли, ведает свои земли отец наш митрополит и игумен, кому митрополит прикажет тот свой монастырь ведати»[1].

Высшие церковные иерархи — митрополиты добивались также выдачи своим монастырям иммунитетных грамот великими и удельными князьями. В этих грамотах постоянно встречаются указания на ходатайство патрона как мотив «пожалования» податного тархана или судебных привилегий («отца своего для. . . митрополита всеа Русии»). Подобные ссылки имеются в целом ряде княжеских иммунитетных «пожалований» домовным монастырям. Они свидетельствуют о том, что церковные феодалы нуждались в поддержке великокняжеской власти.

Иммунитетные привилегии сводились к несудимости, праву вотчинного и сместного суда, праву отвечать на иски в строго определенные сроки, подсудности иммуниста лишь самому князю, к податному тархану, полному или ограниченному в объеме или в сроке, свободе от въезда различных представителей княжеской администрации и от обязанности предоставлять им содержание, подводы и пр.

Не менее интересно рассмотрение другого рода «льгот», предоставляемых домовным монастырям кафедры уже не великокняжеской властью, а главой церковной феодальной иерархии — митрополитом.

Внутри большого иммунитетного комплекса, который представляла собой вся система земельных владений кафедры, монастырские вотчины составляли иммунитетные единицы меньшего масштаба, не зависимые в той или иной степени не только от вмешательства княжеской администрации, но пользующиеся привилегией и в административных и церковно-административных взаимоотношениях с самой кафедрой. Эти привилегии закрепляются жалованными грамотами митрополитов. В иерархической системе феодальных отношений домовный митрополичий монастырь в небольшом круге своего землевладения являлся сеньором с тем или иным объемом прав, аналогичных тем, которыми обладал его сюзерен — феодал значительно более крупного калибра — «митрополит всеа Русии». В целом же вся эта иерархия церковных феодальных землевладельцев была направлена против класса непосредственных производителей.

Грамота митрополита Ионы переяславскому Покровскому на Богоне монастырю 1452 г. предоставляет игумену, который «имет в том монастыре пети», ряд «льгот» церковно-административного порядка. Мотивом этих льгот является строительство монастыря и расширение монастырского феодального хозяйства: «И яз приказал ему тот монастырь строити, чтоб как туто всегдашняа богомолья была, и на церковные земли приказал есмь людей звати». Привилегии выражаются в свободе от «дани» и ряда церковных пошлин («ненадобе ему никотораа моа дань, ни к староте поповскому с тяглыми попы тянути, ни иная никотораа пошлина, ни десятиньници мои переаславльские в тот мой монастырь не въежжают, ни всылают ни по что и не емлют никаких пошлин»), от суда митрополичьих десятинников, и в предоставлении игумену митрополичьего патроната («а кому будет до того игумена или до черньцев каково слово, и яз Иона митрополит всеа Руси сам их сужу, а коли куде отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник, кому прикажу свое место ведати, а о всем о том игумен знает мене Иону митрополита всеа Руси»)[2]. Аналогичная грамота была дана в 1461 г. митрополитом Феодосием[3], в 1465 г. — Филиппом с подтверждениями

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 240—240 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 19—20, № 2/X.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 153; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 37, № 3/1.

[3] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 153 об.

в 1471 г. митрополита Геронтия и в 1491 г. Зосимы[1]. К 1496 г. относится новая грамота митрополита Симона[2], к 1524 г. — митрополита Даниила[3].

К 1462 г. относится грамота митрополита Феодосия игумену Парфению суздальского Михайловского монастыря. Последний пользуется податным тарханом («ненадобе. . . моя дань, ни иные никоторые пошлины»), с заменой всех следуемых с его владения повинностей ежегодным оброком в сумме «полтретья рубля», вносимым в митрополичью казну. Далее грамота содержит иммунитет от въезда и суда владимирских митрополичьих наместников и их тиунов, предоставляет игумену право судить монастырских старцев и фиксирует его собственную подсудность исключительно митрополиту: «А наместници мои володимерские и тиуни мои не въежжают, ни всылают к тому игумену Парфенью и к его братье к старцом в тот мой монастырь ни по что, ни судят его ни его братьи старцов, ведает и судит свою братью старцов сам игумен Парфеней. А кому будет до самого игумена до Парфена каково слово, и яз Феодосей митрополит всеа Руси сам его сужу»[4].

Во Владимирском уезде разветвленными иммунитетными привилегиями, судя по грамотам 1464[5], 1490, 1495[6], 1498[7], 1511 и 1521 гг.[8], пользовался Сновидский монастырь с «изстарины тянувшей» к нему Нафанайловой пустынью, «приданым» ему «прежебывшими митрополитами судом и данью на темьян» Успенским монастырьком на Любце в Медушской десятине, с его «стяжанием» — Успенской церковью во Владимирской десятине.

Основными элементами указанных выше жалованных грамот Сновидскому монастырю являются: тархан от пошлин («дань», «сборное», «Петровское», «рожественое», «ни к староте поповскому с тяглыми попы тянути», «ни иная никоторая пошлина»); свобода от въезда и суда митрополичьих наместников, их тиунов, доводчиков; право игумена монастыря-патрона судить игумена, старцев, попов приписных монастырей и церквей, а также монастырских крестьян; наконец, подсудность игумена и старцев Сновидского монастыря митрополиту. Все эти пункты податного и судебного иммунитета представляют собой трафарет, повторяющийся и в других грамотах. Основы всех этих иммунитетных привилегий ясны: это юридическое признание за феодалом-иммунистом средств внеэкономического принуждения в отношении зависимого крестьянства.

По сравнению с иммунитетом других домовных монастырей тарханно-несудимые грамоты Сновидскому монастырю подробно развивают и некоторые новые положения. Таково право игумена-патрона с его подвассальными игуменами, попами, старцами и крестьянами отвечать на иски сторонних людей перед митрополитом один раз в году — 7 января. «А опроче того срока иных сроков мои приставове перед меня сильно не наметывают. А кто на них сильно срочную накинет или зазывную мою грамоту с сроком, а не на тот срок — в той же день по крещеньи, и яз им опричь того срока к иному сроку ездити не велел». «А хто на них

---

[1] Там же, л. 154—154 об.; П. Иванов. Указ. соч., стр. 210—211.

[2] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 155.

[3] Там же, л. 155—155 об.

[4] Там же, л. 185; АЮБ, т. II, № 173/I; М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 38, № 3/III.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 228—228 об.; М. И Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 39, № 3/IV.

[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 228 об. — 231.

[7] Там же, лл. 40—41.

[8] Там же, лл. 228 об. — 231.

и безсудную мою грамоту возьмет, а не на тот срок, и та моя безсудная грамота не в грамоту».

Так же подробно регулируются правила «сместного суда» между монастырскими людьми, с одной стороны, и волостным духовенством («или попом, или диаконом, или церковным причтом»), — с другой. В этом случае суд производится монастырским игуменом совместно с митрополичьим десятинником. Последствия — те же, что и в светском «сместном» суде: подведомственность каждой из сторон «и в правде и в вине своему судье»[1].

Наконец, характерную параллель княжеским жалованным грамотам представляет запрещение людям и крестьянам кафедры и митрополичьих бояр и детей боярских приезжать без зова на пиры и братчины в монастырские владения.

Все эти статьи встречаются и в княжеских жалованных грамотах и преследуют цель держать в узде зависимое крестьянство, выступление которого пресекалось карательными мерами феодального суда.

Подобно тому, как жалованные грамоты, выдаваемые феодалам русскими князьями, не только фиксируют свободу от определенных повинностей, но иногда передают им и право на сбор тех или иных пошлин («померное», «тамга», «пятно» и пр.), аналогичное явление характерно и для митрополичьих «пожалований» домовным монастырям. Так, митрополит Геронтий передал около 1474 г. богородицкому игумену Роману право на все сборы с пяти церквей Усольской десятины под условием уплаты в митрополичью казну «за весь митрополич прибыток» ежегодного оброка в сумме 6 рублей две гривны. В 1499 г. митрополит Симон «пожаловал» доходами с тех же церквей воскресенского игумена Симона, а в начале XVI в. митрополит Даниил поделил Усольскую десятину между несколькими попами и дьяконами.[2] Перед нами акты распределения феодальной ренты внутри класса феодалов.

Княжеская власть стремилась использовать феодально-иерархические отношения в системе землевладения кафедры в интересах объединения русских земель и создания централизованного феодального государства. Эта великокняжеская политика видна на примере нижегородского Благовещенского монастыря. Он был основан во второй половине XIV в. митрополитом Алексеем и должен был служить центром миссионерской деятельности в Поволжье. Степенная книга содержит следующий рассказ об основании монастыря: митрополит Алексей, создав Благовещенский храм, «ту такоже всяческими добротами украсив, и монастырь устроил, в нем общее житие состави, и селами и водами и всяческими потребами удоволив, и ту у князя Бориса Костянтиновича крести сына князя Ивана. Князь же Борис много требования, и вещи двигомыя и недвигомыя даде к тому же монастырю»[3]. Это тенденциозное описание свидетельствует, что господствующая феодальная церковь рассматривала Благовещенский монастырь как форпост для утверждения своего влияния в пределах Поволжья. Но и великокняжеская власть стремилась использовать Благовещенский монастырь для укрепления своего политического влияния в пределах Нижегородского княжения.

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 242—242 об.; ААЭ, т. I, стр. 105. — Из других иммунитетных «пожалований» митрополитов своим монастырям следует указать тарханно-несудимую грамоту митрополита Геронтия владимирскому Царево-Константиновскому и нижегородскому Благовещенскому монастырям 1478 г.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 316—317.

[3] ПСРЛ, т. XXI, стр. 358.

Вначале монастырь был самостоятелен. Когда в 1446 г. Дмитрий Шемяка дал Благовещенскому монастырю жалованную грамоту, он еще не был подчинен кафедре[1]. Но затем, очевидно, митрополит Иона, с санкции великокняжеской власти, присоединил на началах зависимости Благовещенский монастырь к владимирскому митрополичьему Константино-Еленинскому монастырю. Это видно из жалованной грамоты великой княгини Софьи 40-х годов XV в., которая начинается со слов: «Святого ради Благовещенья, великого деля царя Констянтина, и матери его Елены. . .», в то время, как грамота Шемяки дана «святого ради Благовещения»[2]. Несомненно, что эта приписка диктовалась политическими соображениями, преследуя цель сделать через посредство кафедры Благовещенский монастырь проводником великокняжеской политики в нижегородских пределах. В дальнейшем административная связь Благовещенского монастыря с Константино-Еленинским была прервана, но Благовещенский монастырь остался в системе митрополичьего дома, и поэтому жалованная грамота Ивана III 1473—1489 гг. построена по формуле: «Се яз князь Иван Васильевич, отца своего для Геронтия митрополита всеа Русии, пожаловал есмь монастыря его святого Благовещениа в Новегороде в Нижнем»[3].

С 60-х годов XV в., после ликвидации феодальной войны, великокняжеская власть делает дальнейшие шаги в сторону использования церковных феодальных организаций в интересах укрепления централизованного аппарата власти. Она ставит вопрос о стеснении суверенитета церковных феодалов не только в чисто политической, но и в узко церковной сфере.

Так, например, в сборниках копий земельных актов митрополичьего дома имеется жалованная грамота Ивана III домовным митрополичьим Сновидскому и Любецкому монастырям во Владимирском уезде, данная в 1465 г. при митрополите Филиппе и подтвержденная затем при Геронтии. Князь «жалует» монастыри не только несудимостью от своих наместников и волостелей, но и от митрополичьих наместников и десятинников, и сам выступает в роли судьи, которому подсудны игумены[4]. «Также и наместники володимерские черные и медушские десятинники и их тиуни в тот их монастырь в Сновицкой и в Любецкой не въезжают, ни всылают к ним ни по что, ни кормов у них, ни иных никаких пошлин не емлют, ни судят тех игуменов Сновицкого монастыря и Любецкого ни в чем. А кому будет на тех игуменех чего искати, ино их сужу яз, князь великий, сам».

В борьбу между великокняжеской властью в лице Ивана III и феодальной церковью в лице ее высшего представителя митрополита Геронтия, происходившей в 70—80-х годах, оказались втянутыми и другие феодальные церковные организации: Кириллов монастырь и ростовский архиепископ Вассиан. Наконец, характерно, что в этой борьбе между феодальной церковью и государством ясно выявилась единая линия великокняжеской политики в сторону централизации власти путем стеснения суверенитета как церковных феодальных организаций, так и удельных князей. Внутриклассовая борьба в среде церковных феодалов привела к тому, что одна их часть поддерживала великокняжескую власть, а другая — удельных князей.

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 50, № 139.
[2] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 240 об.; П. Иванов. Указ. соч., стр. 222.
[3] РОИМ, Синод. собр., № 276, л. 276—276 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 22, № 2/XV; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение..., стр. 375—376.
[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 232 об. — 233 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 17—18, № 2/VII.

Летопись под 1478/79 г. рассказывает о «споре» между митрополитом Геронтием и ростовским архиепископом Вассианом по поводу подсудности Кириллова монастыря: «Бысть брань межи митрополитом Геронтием и Васияном, архиепископом ростовским о Кирилове монастыре». Согласно летописной версии, Геронтий действовал по «научению» белозерского и верейского князя Михаила Андреевича, который желал иметь монастырь в своем ведении: «Начат бо Геронтей отнимати [Кириллов монастырь] от Ростовские епископьи, научаем князем Михаилом Андреевичем». Когда Михаил обратился к Геронтию с просьбой об изъятии монастыря из подведомственности ростовскому архиепископу, тот удовлетворил желание удельного князя и «грамоту дасть ему, что князю ведати монастырь, а ростовскому архиепископу в него не вступатися». Тогда ростовский архиепископ Вассиан пожаловался Ивану III и «нача суда просити с митрополитом по правилом». Митрополит не послушался великого князя. Последний приказал отнять митрополичью грамоту у Михаила Андреевича и созвать в Москве церковный собор для устройства суда между Геронтием и Вассианом. Митрополит, по словам летописи, «убояся соборного суда и умолише великого князя». В результате Иван III «умири митрополита с архиепископом», уничтожил митрополичью грамоту и приказал «ведать по старине. . . во всем» Кириллов монастырь архиепископу.

Типографская летопись, которая дает тенденциозное изложение указанного конфликта в благожелательном тоне по отношению к Вассиану ростовскому, возлагает всю ответственность за происшедший инцидент на братию Кириллова монастыря, пожелавшую перейти под патронат удельного верейско-белозерского князя. Летописец не жалеет красок для обличения монахов за их поведение: «Ти бо черньци Кирилова монастыря превознесеся своим высокоумием соуетным и богатьством, не восхотеша быти под правдами ростовскыми епископьи, ни повиноватися Ростовскому архиепископу, забывше господня словесе, «яко всяк возносяйся смирится, а смиряйся вознесется», «возмятошася и въсколебашяся, яко пьяни, по пророческому словеси, вся мудрость их поглощена бысть», и «мнящеся мудрыи быти обоюродившии», и «ослепи бо я злоба их», «и научиша князя Михаила, князь же Михайло начат митрополиту говорити о том».

Из изложения Типографской летописи вытекает также, что вопрос о коммендации монастыря удельному князю Михаилу Андреевичу вызвал раскол среди монахов. Летописец отмечает в качестве сторонников белозерско-верейского князя — игумена Нифонта, «новоначальных черньцов» и «прихождих чмутов», от которых «се же все зло бысть». «Старые» же старцы, по словам летописи, молились, чтобы «укротил бог брань», и желали «жить в повиновении» у ростовского архиепископа[1]. Из этого описания несомненно одно: среди церковных феодалов шла большая внутриклассовая борьба за ренту и политическую власть, причем наиболее прогрессивная часть ориентировалась на союз с великокняжеской властью, реакционная же часть поддерживала удельного князя Михаила Андреевича.

Рассказ Типографской летописи повторяют и другие летописные своды: Воскресенский, Никоновский[2].

Все летописи указывают на следующую расстановку политических сил: архиепископ Вассиан, поддержанный великим князем, настаивал на подсудности Кириллова монастыря ему. Речь шла при этом не о цер-

---

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 197.
[2] Там же, т. VIII, стр. 199—200; т. XII, стр. 189—190.

ковной, а о светской юрисдикции. Права Вассиана оспаривал удельный князь Михаил Андреевич, на территории которого монастырь был расположен. Белозерский князь нашел поддержку в лице митрополита Геронтия.

До нас дошел документ, который дополняет и разъясняет летописные сообщения о политической борьбе между митрополитом Геронтием и белозерским князем Михаилом Андреевичем, с одной стороны, и архиепископом ростовским Вассианом, — с другой. Это — правая грамота митрополита Геронтия Михаилу Андреевичу на Кириллов монастырь, по поводу которого у него возник спор с Вассианом ростовским. Эту грамоту, как мы видели, упоминают и летописные своды, рассказывая о том, что по предписанию великого князя она была отнята у Михаила Андреевича и затем уничтожена. Но в одной из копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря конца XVII в.—начала XVIII в. сохранился список с грамоты, который освещает все дело иначе, чем летописный рассказ[1]. Оказывается, что Вассиан проявил инициативу изъятия Кириллова монастыря из подведомственности князю Михаилу, а не наоборот.

На митрополичьем суде интересы истца, князя Михаила Андреевича, защищал его дьяк Иван Цыпля; от лица ответчика, ростовского архиепископа Вассиана, выступал его дьяк Федор Пулуханов. Иван Цыпля доказывал, что Вассиан незаконно вмешивается в судебно-административные права белозерского князя в отношении Кириллова монастыря, нарушая тем самым «старину». Он намеревался присылать своих приставов по судебным искам, предъявленным к игумену и монахам и десятильников для сбора пошлин. Иван Цыпля утверждал, что Кириллов монастырь «из старины» ведался Михаилом Андреевичем белозерским и его отцом Андреем Дмитриевичем на тех же самых началах, на которых московскому великому князю были подведомственны монастыри Симонов, Никольский Угрешский и др. Кирилловский игумен имел, по мнению Ивана Цыпли, право судить монахов, а сам был подсуден белозерским князьям, кроме «духовных дел», «а в духовных. . . делех» игумена ведает архиепископ.

Таким образом, если летописные своды, вышедшие из окружения ростовского архиепископа, считали виновниками политической борьбы между Геронтием и Вассианом кирилловского игумена Нифонта и некоторых «чернцов», то правая грамота дает иную версию. Показания истца стремились создать впечатление, что Вассиан ростовский допустил нарушение «старинного» феодального права и начал присваивать не принадлежащие ему права в отношении Кириллова монастыря, что и вызвало естественный, по мнению Цыпли, протест белозерского князя.

Летописи с позиций защиты политики Вассиана ростовского указывают далее, что Геронтий, выдав Михаилу Андреевичу грамоту (летописи не называют ее правой) о том, «чтобы ведати ему во всем Кириллов монастырь», совершил незаконный акт, нарушил «правила», согласно которым белозерский князь не должен был «вступаться» в «предел» ростовского архиепископа. Сама грамота митрополита Геронтия опровергает эту версию. Грамота Геронтия создает политическую иллюзию судебного приговора (правой грамоты), вынесенного в результате судебного разбирательства, на котором могли высказаться обе стороны и которое, якобы, доказало, что домогательства Вассиана противоречат «старинным» порядкам.

---

[1] Правая грамота митрополита Геронтия (сообщение Н. К. Никольского), изд Общества любителей древней письменности, без г. и м.

Геронтий «оправил» дьяка Ивана Цыплю «во государя его место князя Михаила Андреевича» и присудил последнему «Кириллова монастыря игумена судити по старине, как было при его отце при князе Андрее Дмитриевиче, опричь духовных дел, а игумен судит свою братью старцов сам. А когда лучитца до игумена духовное дело, и архиепископ позовет его к себе своею грамотою и управляет духовныя дела по святым правилом, а приставов своих архиепископу в Кириллов монастырь не высылати, а игумена и братьи не судити ему ни в чем, да и десятильников своих архиепископу в Кириллов монастырь не слати, ни пошлин им не имати никаких».

Итак, из сопоставления летописных текстов с правой грамотой Геронтия (источников, дающих в одинаковой мере тенденциозное освещение вопроса) можно сделать вывод, что в конце 70-х годов XV в. архиепископом ростовским Вассианом была сделана попытка изъять из административно-судебного подчинения местному удельному князю крупнейший монастырь Белозерского княжества. Вассиан, несомненно, являлся орудием великокняжеской политики. Великокняжеская власть надеялась таким путем подорвать политический вес Михаила Андреевича в кругах духовных землевладельцев и в конечном итоге обеспечить собственный патронат над Кирилловым монастырем. Это являлось путем к политической централизации. Митрополит Геронтий, ведший в это время борьбу с великокняжеской властью по вопросу о привилегиях кафедральных земельных владений, взял под защиту Михаила Андреевича. Так произошел блок феодальной господствующей церкви с реакционными элементами феодальных «полугосударств», противившихся делу централизации. Среди монахов Кириллова монастыря также шла борьба по вопросу об отношении к великокняжеской власти. Все это происходило в годы войны Ивана III с удельными князьями Андреем и Борисом Васильевичами (1478—1479 гг.), сторонниками феодальной раздробленности. Михаил Андреевич как будто стоял от войны в стороне. В действительности политическая борьба захватила и его. Неоднократно, на разном материале и в различной связи удавалось показать, что 80-е годы XV в. были переломными в политической истории Московского княжества. Именно в эти годы со всей остротой был поставлен вопрос и о взаимоотношениях великокняжеской власти с церковными феодальными корпорациями (митрополичьей кафедрой и монастырями) и были пересмотрены судебные иммунитетные привилегии этих корпораций.

Говоря о политике великокняжеской власти в отношении привилегированного феодального церковного землевладения, поскольку она нашла свое отражение в жалованных грамотах, необходимо отметить еще один момент — попытку московских князей использовать земли, принадлежавшие митрополичьей кафедре, для обеспечения (на началах условного держания) своих слуг.

До нас дошел целый ряд жалованных грамот митрополитов феодалам различных рангов, получавшим в условное держание земли кафедры.

Митрополиты выдавали грамоты на передаваемые участки, держатели, в свою очередь, давали кафедре ответные записи, в которые заносили условия держания. Классовая сущность этих грамот будет раскрыта ниже.

Имеется ряд документальных данных, свидетельствующих о том, что земли кафедры переходили в условное владение к великокняжеским слугам на основе распоряжения великокняжеской власти. Так, в 1462 г. Борис Тютчев Слепец получил от митрополита Феодосия жалованную грамоту на землю в Суздальском уезде по великокняжеской инициативе («господина и сына своего для великого князя Ивана Василье-

вича»)[1]. О том же свидетельствует относящаяся к 1464—1473 гг. запись Ивана Григорьевича Киселева митрополиту Филиппу, выданная им после доклада Ивану III («доложа князя Ивана Васильевича») и имеющая подпись великокняжеского дьяка Василия[2]. О наличии условных держаний великокняжеских слуг в пределах землевладения кафедры свидетельствует также одна грамота 1464—1473 гг. Ивана III Ивану Шушерину, по жалобе митрополита Филиппа. Иван Шушерин «пахал землю» владимирского Царево-Константиновского монастыря, «сказывал у себя» великокняжескую «грамоту жалованную», согласно которой великий князь «освободил [его] те земли пахати, а наем с них давати монастырю». Не отрицая возможности выдачи подобной грамоты, великий князь, даже при наличии последней, по просьбе митрополита в данном случае аннулирует ее действие, запрещая Ивану Шушерину пользование монастырскими землями: «И хотя бы у тебя была грамота моя жалованная такова, что те земли пахати. . . , и ты б через сю мою грамоту в те земли не вступался ничем, ни пахал бы еси их, ведает свои земли отец наш митрополит и игумен, кому митрополит прикажет тот свой монастырь ведати»[3].

Итак, жалованные грамоты рисуют очень интересные мероприятия великокняжеской политики второй половины XV в. Великие князья использовали владения митрополичьей кафедры для земельного обеспечения своих бояр и слуг.

Если мы ближе присмотримся к составу держателей земель кафедры, то убедимся, что все это — лица, близкие к московским князьям, получавшие ответственные дипломатические и военные поручения, поддерживавшие великокняжескую власть в борьбе с феодальной оппозицией, шедшей из удельных княжений. Так, князь Дмитрий Иванович Ряполовский, получивший от митрополита в 1460 г. село Кусуново во Владимирском уезде, был сторонником Василия Темного в его борьбе с галицкими князьями и воеводой в походе на Вятку[4]. Борис Матвеевич Слепец Тютчев, державший в 1462 г. в Суздале село Михайловскую сторону, вместе с Василием Федоровичем Образцом Симским участвовал в 1470—1471 гг. в походе на Двину, а в 1478 г. — в походе на Казань; в 1485 г. он упоминается как великокняжеский волостель у Соли Галицкой[5]. Иван Федорович Товарков, владелец митрополичьего села Кудрина, — в 1471 г. великокняжеский посол в Новгороде, в 1476 г. — участник похода на Новгород, в 1481 г. — посол в Крым, с 1483 г. — боярин.[6] Иван Васильевич Ощера Сорокоумов, получивший в 1486 г. митрополичье село Кудрино, — окольничий, человек близкий к Ивану III. Федор Михайлович Викентьев, происходивший из боярского рода Добрынских, бывший в 1496—1498 гг. ясельничим Ивана III, в 1496 г. получил кафедральное село Турабьево на реке Клязьме.

Можно было бы дать и более подробные биографии лиц, получивших в условное владение земли кафедры, увеличив при этом их список. Но и приведенных примеров достаточно. Мы в праве сделать вывод, что передача боярам и слугам великого князя митрополичьих земель во

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 183—184; ААЭ, т. I, стр. 53—54, № 74; АЮБ, т. I, стр. 718—719, № 118/II.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 271 об.; АЮБ, т. I, стр. 491, № 68.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 240—240 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож,. стр. 19—20, № 2/X.

[4] ПСРЛ, т. VII, стр. 117—120.

[5] ПСРЛ, т. XX, стр. 283, 289, 335; РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 315.

[6] С. Б. Веселовский. Село и деревня. . . , стр. 70; ПСРЛ, т. XX, стр. 289, 317, 346; СГГД, т. I, стр. 289. Данные о вышеуказанных лицах имеются в комментариях к АТСЛ С. Б. Веселовского.

второй половине XV в. представляла собой одно из мероприятий великокняжеской земельной политики. Интересно, что все данные об условных держаниях в системе землевладения кафедры относятся ко второй половине XV в. Таким образом, система испомещения княжеских бояр и слуг на кафедральных землях развивается после ликвидации феодальной войны второй четверти XV в.

После окончания феодальной войны Василий Темный и его преемник Иван III должны были увеличить земельные фонды тех групп класса феодалов, которые поддерживали их в борьбе с удельнокняжеской оппозицией. Мы знаем, что Василий Темный продал своим боярам князю Семену Ивановичу Оболенскому и Федору Михайловичу Челядне села в Бежецком Верхе, конфискованные у Никиты Добрынского и других бояр, бежавших в Литву с князем Иваном Андреевичем можайским[1].

Кроме продажи и передачи земель в вотчину, московские князья передают земли и в условное пожизненное держание.

Из духовной грамоты Василия Васильевича Темного мы узнаем, что его мать Софья Витовтовна «пожаловала» пожизненно двумя селами в Коломенском уезде Федора Васильевича Басенка, который являлся сторонником великокняжеской власти во время феодальной войны второй четверти XV в. Василий Темный подтвердил пожалование своей матери: «А что дала моя мати великая княгини Федору Басенку на Коломне село свое Окуловское да Репинское, а в душевной своей описала так, что в тех селех волен яз, ее сын, ино те села опосле Басенкова живота моей же княгине»[2].

В духовной Софьи Витовтовны, на которую ссылается Василий Васильевич, хотя и не говорится о передаче коломенских сел Федору Басенку, но имеется указание на то, что села поступают в распоряжение Василия Темного: «А что есмь переже сего дала свои села Окуловьское да Репиньское. . . , и те оба села мои сыну же моему великому князю Василью, в том волен он, за собою ли их держит, кого ли ими сам пожалует»[3].

При Иване III Федор Басенок подвергся опале, был ослеплен и сослан в Кириллов монастырь. Его земельные владения были конфискованы.

При земельном обеспечении своих слуг княжеская власть использовала, как указано выше, и земельные фонды кафедры.

Митрополичья кафедра, вынужденная уступать великокняжеским слугам часть своих земель и ренты, принимала все меры к тому, чтобы эти земельные участки не ушли от нее навсегда. Поэтому в соответствующих грамотах митрополитов держателям их земель подробно оговариваются условия держания. При этом кафедра требует, чтобы держатели, в свою очередь, закрепили свои обязательства в особых записях от своего имени. Так, упомянутый выше Борис Матвеевич Тютчев Слепец, получив в 1462 г. жалованную грамоту от митрополита Феодосия, в целях гарантии интересов кафедры («крепости для») со своей стороны также выдал «грамоту господину своему Феодосью митрополиту за печатью великого князя и за подписью диака великого князя»[4]. В 1473—1489 гг. Василий Федорович Образец Симский, держатель Селятинской земли в Московском уезде, «свою грамоту противу его господиновы [митрополита Геронтия] грамоты жаловалные дал есмь в его казну за своею печатью»[5].

[1] СГГД, т. I, стр. 178, № 78.
[2] Там же, стр. 208, № 87.
[3] Там же, стр. 192, № 83.
[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 183—184; ААЭ, т. I, стр. 53—54, № 74/I; АЮБ, т. I, стр. 718—719, № 118/II.
[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 46—46 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 82—83, № 11.

В 1492 г. Григорий Дмитриевич Лыков, в ответ на «пожалование» митрополита Зосимы в виде трех пустошей в Войничах Волоцкого уезда, внес условия держания в запись, составленную от собственного имени[1]. Держатель владимирских земель князь Дмитрий Иванович Ряполовский в 1460 г. «господину отцу своему Ионе митрополиту киевскому и всеа Руси дал свою грамоту и за своею печатью»[2].

Земли домовных митрополичьих монастырей обычно поступали в раздачу с «доклада» митрополиту. Так, в 1474 г., «доложа господина своего Геронтия митрополита всеа Русии», новинский игумен Герасим передал Григорию Дмитриевичу Лыкову пустошь Васильевскую на реке Молодильне в Московском уезде под условием уплаты ежегодного «найма» в 10 алтын[3]. Запись Ивана Васильевича Ощеры Сорокоумова на село Кудрино 1486 г. начинается со слов: «Доложа господина Геронтиа митрополита всеа Русии». Правильность изложенных им письменно условий держания подтверждается ссылкой на новинского игумена с братьею: «А се, господине, игумен новинской Варсунофей и его братья старцы перед тобою». Митрополит проверяет достоверность пожалования. Следует протокол опроса братьи Новинского монастыря: «И господин Геронтей митрополит всеа Русии вспросил игумена Варсунофья новинского и его братьи старцев: дали ли есте Ивану Васильевичу Ощереву церковное Введенья пречистые богородицы Новинского монастыря село Кудрино пахати до его живота?». Далее условия держания вписываются заново уже со слов игумена и заверяются свидетельством присутствовавших на докладе митрополичьих бояр, подписью митрополичьего дьяка и приложением митрополичьей печати[4].

Итак, взаимоотношения между митрополитом-«жалователем» и условным держателем из числа великокняжеских слуг формально носят вид докончания, закрепленного жалованной грамотой со стороны первого, записью о принятых на себя обязательствах — со стороны второго. Фактически как жалованная грамота, так и запись держателя представляют собой документы, отражающие внутриклассовую борьбу (за землю и ренту) между духовными и светскими феодалами.

В чисто формальном плане рассматривает эти документы Н. П. Павлов-Сильванский, указывающий, что «в наших грамотах можно также найти образцы всех разнообразных прекарных договоров, разработанных по схеме П. Ротом». И далее из богатого собрания митрополичьих копийных книг он приводит лишь одну грамоту[5], не раскрывая ее значения как источника для изучения внутриклассовой борьбы за феодальную ренту. Между тем об этой борьбе свидетельствует ряд условий грамот, фиксирующих передачу кафедральных земель княжеским слугам. Одну из основных статей их составляет условие не осваивать и не отчуждать кафедральные земли: ни «в прок не освоити, ни детем своим не дати, ни продати, ни променити» участка, полученного в держание, «то земля церковна и митрополичя»[6]; «того церковного села, и земли, и лугов не осваивати, ни жене, ни детем не дати, ни продати, ни менить, ни отдати

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 50—50 об.; АЮБ, т. I, стр. 720—721, № 118/IV.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 212 об.—213 об.

[3] Там же, л. 50 об.; АЮБ, т. I, стр. 491—492, № 69/I.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 48 об.—49 об.; АЮБ, т. I, стр. 493—494, № 69/II.

[5] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 388. См. также отдельные замечания у С. В. Рождественского — Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., СПб., 1897, стр. 17—25.

[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 46—46 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 82—83, № 11.

никому», «ни в закуп не заложити», «ни закабалить, ни по душе не дати», «никоторою хитростью от церкви божии не отстаивати»[1], «не окняжити, ни обярити, ни омонастырщить, ни променити, ни закабалить»[2].

Земля передается в держание обычно под условием уплаты определенного оброка. Последний в большинстве случаев невелик по размерам. Тем не менее упоминание о нем свидетельствует о том, что кафедра, являющаяся верховным собственником земли, оговаривает для себя получение с держателя земли части ренты. Так, в 1492 г. Григорий Мочало Дмитриевич Лыков получил от митрополита Зосимы «до своего живота» три пустоши Новинского монастыря в Волоцком уезде, с условием «давать с тех пустошей новинскому игумену с братьею оброком з году на год на Успенье пречистые богородицы полтину»[3]. Равным образом, право Данила Васильевича Блинова Монастырева на владение землею на реке Шексне с пустошами и Усть-Ковжским езом было обусловлено уплатой ежегодного оброка «по 10 осетров вялых»[4].

Сроки земельного держания не являются строго определенными практикой. В большинстве случаев перед нами или пожизненное, или же бессрочное держание, которое формально может быть расторгнуто по инициативе кафедры, в действительности же, повидимому, такое расторжение требует санкции великокняжеской власти. Фактически земельные держания часто являлись наследственными.

Признавая верховную собственность на полученные участки за кафедрой, княжеские слуги, пользовавшиеся церковными землями, имели право их хозяйственной эксплоатации. Это право оговаривается почти во всех грамотах: «ведати то село и пахати и косити на себя»[5], «и людей в то село призывати»[6] «ведать те пустоши, орать, и сено косить, и лес сечь, и росселивать на собя»[7].

Отдавая свои земли в держание княжеским слугам, митрополичья кафедра стремилась извлечь из этого для себя определенные экономические интересы. Поэтому в условное владение передавались по большей части пустоши, причем держатели брали на себя обязательства проводить всевозможные хозяйственные улучшения. Культивирование пустующих земель в условиях феодальной формации тесно связано с привлечением на них рабочей силы, эксплоатируемой методами внеэкономического принуждения. Поэтому во всех грамотах, касающихся условных земельных владений, в качестве доминирующего момента выступает задание держателю образовать на своем земельном участке путем «призыва» со стороны кадры зависимого крестьянского населения.

Василий Федорович Образец Симский, получив «берег земли. . . Селятинские на речке на Раменке под своею деревнею Дашиным», обязался «от того берегу к своему берегу засыпати плотина и мельница себя доспети»[8]. Федор Михайлович Викентьев в 1495—1511 гг. взял у митро-

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 48 об.—49 об.; АЮБ, т. I, стр. 493—494, № 69/II.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 138 об.—139; АЮБ, т. I, № 118/X.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 50—50 об.; АЮБ, т. I, стр. 491—492, № 69/I; стр. 720—721, № 118/IV.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 325 об.—326; АЮБ, т. I, стр. 719—720, № 118/III.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 48—49 об.; АЮБ, т. I, стр. 493—494, № 69/II.

[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 54—54 об.; АЮБ, т. I, стр. 722—723, № 118/VI.

[7] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 50.

[8] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 46—46 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 82—83, № 11.

полита Симона московское сельцо Турабьево «пусто без людей» и должен был со своей стороны «лес сечи и росселивати» и «людей в то сельцо призывати»[1]. Точно так же из записи Данила Васильевича Блинова Монастырева узнаем, что митрополит «жалователь», передав ему в держание пустоши на реке Шексне, «велел [ему] на тех пустошах на церковных людей сажати»[2].

Передача земли в условное владение обычно сопровождается предоставлением податного иммунитета на ряд лет, являющегося для держателя стимулом к улучшениям на своем участке.

Церковные феодалы были заинтересованы в ликвидации «пустоты» и в призыве на запустевшие владения сельского населения, так как земли, занесенные в писцовые книги и обложенные тяглом, должны были нести его независимо от того, обрабатываются они или нет. В этом отношении представляет интерес правая грамота 1492 г. Архимандрит Царево-Константиновского монастыря Даниил «бил челом» митрополиту Зосиме на Константина и Неклюда Дмитриевичей Шербининых и указывал на то, что они «называют своими» две монастырские деревни, ссылаясь на их покупку у «прежебывшего архимандрита», в то время, как в писцовых книгах деревни записаны за митрополитом, «а тяглом описаны тяжело добре». На основании писцовых книг великокняжеские данщики и ямщики «городное дело и все пошлины емлют на монастырской братье», хотя «деревеньки стоят пусты, а не пашет их нихто». Допрошенные Шербинины отвечали, что они «не купливали земель никаких» и до спорных деревень им «дела нет никакова». Митрополит велел «деревни ведати» и «тягль с тех земель тянути архимандриту монастыря»[3].

Весь «примысел» держателя, все его приобретения и приращения в виде сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота и хлебных запасов при возвращении участка поступали вместе с ним в собственность кафедры, приобретая значение «вклада» по его «душе» и «всему его роду». Так, в грамоту Бориса Тютчева, получившего в 1462 г. пожизненно село Михайловское в Суздальском уезде, было вставлено условие, что «опосле Борисова живота то село Михайловская сторона опять в дом Пречистые богородицы со всем, что на ней Борис ни примыслит серебра, и хлеба, и животины»[4]. Такое же условие принял в 1486 г. Иван Васильевич Ощера Сорокоумов, держатель села Кудрина, принадлежавшего Новинскому монастырю: «А что аз, Иван Васильевич, примышлю в том селе в Кудрине серебра, и хлеба, и животины страдные, и после моего живота то село Кудрино и з серебром, и со хлебом в земли, и что будет на поле стоячего жита, и з животиною страдною, и со всем с тем в дом Введенья пречистые богородицы в монастырь на Новое игумену с братьею, на поминок моих родителей, и по моей душе, и по всему моему роду»[5].

Очень интересна последняя формула — о передаче кафедре в виде вклада на поминание всех полученных доходов с держания — в сопоставлении с практикой передачи земельными собственниками своих владений церковным корпорациям и обратного их получения в держание в том же

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 54—54 об.; АЮБ, т. I, стр. 722—723, № 118/VI.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 325 об.—326; АЮБ, т. I, стр. 719—720, № 118/III.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 242—243 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 51—52, № 4/II.

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 183—184; ААЭ, т. I, стр. 53—54; АЮБ, т. I, стр. 718—719, № 118/II.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 48 об.—49 об.; АЮБ, т. I, стр. 493—494, № 69/II.

виде или с некоторым прирезком. В рассмотренных выше случаях из истории феодальных отношений в системе митрополичьего землевладения земельное держание связано со вкладом, только последний не предшествует заключению прекарных отношений, а, наоборот, знаменует их расторжение и сопровождает возвращение земельного участка в улучшенном виде обратно к кафедре. Церковные феодалы культивируют свои земли путем передачи их в держание.

Посредством жалованных грамот фиксировались разнообразные поземельные отношения между феодальной церковью и великокняжеской властью, стремившейся использовать церковные вотчины для развития условного землевладения княжеских слуг. В то же время общая политика централизации аппарата власти, проводившаяся московской великокняжеской властью после ликвидации феодальной войны второй четверти XV в., коснулась, как мы видели, и иммунитета церковных феодальных корпораций.

К концу княжения Ивана III отношения между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой определились на основе жалованных грамот, выданных великим князем митрополиту Симону в марте 1504 г. До нас дошли грамоты на владения в уездах: Московском[1], Коломенском[2], Переяславском[3], Юрьевском[4], Владимирском[5], Вологодском[6], Белозерском[7]. На Дмитровские земли в то же время выдал грамоту князь Юрий Иванович[8].

Все грамоты построены по одному формуляру. Вначале князь гарантирует кафедре судебный иммунитет во всех делах, «опричь душегубства и розбоя с поличным», право сместного суда и подсудность митрополичьего приказчика самому князю. Затем следует статья, запрещающая княжескому административному персоналу, а также крестьянам (княжеским и других землевладельцев) приезд на пиры и братчины к населению кафедральных сел. Наконец, в заключение мы находим запрещение постоев во владениях митрополичьего дома. Таким образом по сравнению с грамотами начала княжения Ивана III иммунитетные привилегии кафедры сократились. Но, с другой стороны, и Иван III отказался от вмешательства в митрополичий церковный суд. Грамоты 1504 г. уже ничего не говорят о неподсудности игуменов домовых кафедральных монастырей митрополичьим наместникам и десятинникам.

Стеснение иммунитетных привилегий великокняжеская власть проводит и в отношении монастырей.

По присоединении Белоозера в 1488 г. Иван III подтвердил жалованные грамоты Михаила Андреевича Кириллову монастырю, признав за ним несудимость во всех делах, «опрочь одного душегубства»[9]. Но позднее, в жалованной грамоте 1500 г. Кириллову монастырю на вологодские владения, великий князь уже переходит к формуле несудимости, которую встречаем и в его жалованных грамотах 1504 г. митрополичьей кафедре: «Опрочь душегубства и розбоя с поличным»[10].

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 110—111, № 139/I.
[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 127—128.
[3] Там же, л. 151—151 об.
[4] Там же, л. 164 об. — 165.
[5] ААЭ, т. I, стр. 111—112, № 139/II.
[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 365—366; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 23, № 2/XVI.
[7] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 362—362 об.
[8] Там же, л. 102—102 об.
[9] ААЭ, т. I, стр. 94, № 124; РИБ, т. XXXII, стр. 76—78, № 56.
[10] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 187, № 195.

Изучение жалованных грамот, относящихся ко времени после феодальной войны второй четверти XV в., показывает изменение иммунитета как средства внеэкономического принуждения непосредственных производителей. Феодальная война не была просто междукняжеской смутой, как это часто изображается в исторической литературе. Это был важный этап в образовании централизованного Русского государства, характеризующийся борьбой великокняжеской власти, опиравшейся на земельное дворянство и находившей поддержку в городах, с удельной княжеской и боярской оппозицией, шедшей из отдельных феодальных центров. Это была борьба новой государственной централизованной системы феодальной монархии с феодальной раздробленностью. А борьба двух политических систем означала борьбу двух систем господства и подчинения в феодальной деревне. В период феодальной раздробленности отдельные крупные землевладельцы пользовались иммунитетными привилегиями, своими средствами удерживая в узде эксплоатируемое крестьянство. На новом этапе социально-экономического развития средств отдельных феодалов уже было недостаточно для осуществления этой цели. Потребовалось укрепление центрального государственного аппарата, обеспечивавшего привилегии класса феодалов в целом. Отдельные же феодалы были вынуждены поделиться частью своих прав (судебных и финансовых) с центральной государственной властью.

Обострившаяся в период феодальной войны внутриклассовая борьба в лагере феодалов за землю и ренту привела к нарастанию массового крестьянского движения. Отдельные борющиеся стороны пытались использовать непосредственных производителей деревни в своих целях. Интересы крестьянства, движение которого было стихийным и неорганизованным, носили противоречивый характер. С одной стороны, оно объективно было заинтересовано в ликвидации феодальной раздробленности, способствовавшей бесконечным феодальным войнам, разорявшим страну и облегчавшим доступ врагам. С другой стороны, процесс государственной централизации сопровождался углублением феодальной эксплоатации, усилением крепостнического гнета. Создание единой государственной территории затрудняло крестьянам побеги, как форму антифеодального протеста.

Эти противоречивые крестьянские интересы и использовали в своей внутриклассовой борьбе феодалы. Но нарастание массового крестьянского движения заставило феодалов ослабить свои внутренние распри и консолидировать свои силы для совместного наступления на зависимое крестьянство. Это наступление и отражают жалованные грамоты второй половины XV в.

§ 9. Общие основы финансовой политики великокняжеской власти в XIV—XV вв. по жалованным грамотам

Рассмотрев вопрос о том, что дают жалованные грамоты в качестве источника для истории образования централизованного Русского государства, остановимся на значении жалованных грамот для разрешения специального вопроса — о финансовой (преимущественно налоговой) политике великокняжеской власти. Эта сторона дела затронута особенно детально в работах А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского.

А. И. Яковлев в первой главе своей монографии «Приказ сбора ратных людей» подверг анализу жалованные грамоты как «документы, при помощи которых приходится уяснять себе финансовые порядки наших великих и удельных княжений XV—XVI вв.». Автор совершенно справедливо указывает на «лаконизм и бедноту содержания» жалованных

грамот, по которым «очень трудно представить себе полную картину повинностей населения древнерусского княжения в надлежащей перспективе, понять логику расчетов власти и порядок отбывания повинностей населением». В качестве характерных приемов жалованных грамот, затрудняющих изучение финансовой системы феодальных княжеств и централизованного Русского государства XV в., А. И. Яковлев отмечает: 1) то, что они «в своих перечислениях видов тягла перемешивают денежные повинности с натуральными и прямые с косвенными» и 2) невозможность «поручиться за то, что финансовая схема, развертываемая тем или иным актом, содержит перечисление *всех* (курсив автора. — *Л. Ч.*) повинностей, ложившихся на данную группу населения, на данное лицо или учреждение».

А. И. Яковлев приводит «известия, относящиеся к финансовым порядкам 14 древнерусских княжений, начиная с незначительных удельных и восходя к крупным великим княжениям». Хотя эти примеры носят чисто иллюстративный характер, но приводя их, автор стремится подчеркнуть: во-первых, многообразие повинностей в отдельных княжениях — «пеструю мозаику», — говоря его словами, — во-вторых, некоторые общие (для ряда княжений) моменты, например, «упоминание об участии населения в подводах и городном (или городовом) деле, т. е. об участии населения в постройке, поддержании и, может быть, охране местных укреплений». В период ликвидации феодальной раздробленности эта повинность приобретает «все более универсальный характер и начинает обозначаться специальным термином — ,,посоха“».

Специальное внимание автор уделяет вопросу о взаимоотношении княжеской власти и населения относительно тягла. По словам А. И. Яковлева, «в глубине перспективы, приоткрываемой грамотами удельного времени, виднеется нередко мирская организация, заведывавшая раскладкой бремени податей и повинностей, возлагавшихся на население». Княжеская власть «брала на себя, вероятно, только общую экспертизу платежеспособности известного поселения или поселений, да и ту производила при близком содействии местных сил». «Установив размер задания, она предоставляла, надо думать, его разверстку местным людям, руководящимся в этой операции своими собственными критериями податной мощности отдельных хозяйств».

В заключение А. И. Яковлев приходит к выводу, что «обложение населения не по произволу и вдохновению, а на основании хотя бы самой примитивной экспертизы его платежеспособности — первая общая идея финансовых порядков древней Руси»[1].

Выводы А. И. Яковлева имеют серьезное значение для дальнейшего источниковедческого анализа жалованных грамот. Правильны его замечания по поводу тех трудностей, которые представляют жалованные грамоты в качестве источника для изучения истории княжеской финансовой политики. Заслуживают внимания соображения автора о целеустремленности и планомерности мероприятий великокняжеской власти в деле использования в своих интересах платежеспособности населения. Наконец, очень ценно то, что А. И. Яковлев, изучая лаконичные и сухие формулы жалованных грамот, сумел рассмотреть через них мирской характер раскладки повинностей, как показатель крепости общинной крестьянской организации, которую стремится поставить себе на службу феодальное государство.

Труд А. И. Яковлева относится к тому времени, когда значительная часть жалованных грамот, сохранившихся от XIV—XVI вв., не была

[1] А. И. Яковлев. Приказ сбора ратных людей, М., 1917, стр. 3—6.

еще опубликована. Поэтому материал, которым располагал автор, был недостаточен для общих выводов. В этом — источниковедческий недостаток работы А. И. Яковлева. Методологическим дефектом выводов А. И. Яковлева является отсутствие классового анализа финансовой политики великокняжеской власти. Когда А. И. Яковлев говорит, что «в принципиальной территориальности посохи, проводимой по требованию княжеской власти, выражается ее очень существенная черта, вскрывающая ее общественное значение», когда автор на основании анализа жалованных грамот пытается раскрыть сущность «идеи территориального универсализма», он игнорирует классовую природу государства.

С. Б. Веселовский в своем исследовании «К вопросу о происхождении вотчинного режима», в главе о податном иммунитете, так же, как и А. И. Яковлев, подвергает источниковедческому анализу жалованные грамоты. «Первое знакомство с жалованными и, в частности, с тарханными и несудимыми грамотами, — пишет С. Б. Веселовский, — оставляет впечатление большого разнообразия и даже прихотливости пожалований. Может показаться, будто князья руководились только личными симпатиями к грамотчику, а иногда и случайными соображениями. Но когда мы ближе и внимательнее изучаем жалованные грамоты и обозреваем их в массе, то убеждаемся, что сущность податного и судебного иммунитета сводилась к нескольким основным очень устойчивым положениям, из которых вытекал более или менее последовательно ряд побочных, образуя в целом то, что называли белым землевладением, белыми землями или сохами, в противоположность черным землям и сохам». Далее С. Б. Веселовский указывает, что «тарханно-несудимая грамота выделяла грамотчика и его владение в административном, судебном и податном отношениях из общей массы черных людей и земель». По жалованной грамоте «владение грамотчика освобождалось от власти дворских и сотских, от их права оклада и раскладки по этому окладу всяких податей и повинностей и выделялось из черного мира». Основным недостатком приведенных высказываний С. Б. Веселовского является его идеалистическая трактовка жалованных грамот как актов княжеского правотворчества, их рассмотрение в отрыве от экономического развития, внутриклассовой и классовой борьбы. В действительности же формулы жалованных грамот являются выражением тех внутренних противоречий в феодальном обществе (борьбы антагонистических классов и противоречий внутри правящей феодальной иерархии), которые оказывали влияние на его развитие.

В дальнейшем С. Б. Веселовский, вразрез со своим собственным утверждением об «устойчивости положений» жалованных грамот по вопросам тягла, говорит о ненадежности жалованных грамот как исторического источника. Эта «ненадежность» определяется двумя моментами. Во-первых, «отрицательной формулировкой податных пожалований» — «тарханные грамоты, устанавливая исключения из общего правила, перечисляют более или менее подробно и точно те повинности, которых грамотчики не должны были платить, но ничего не говорят, большею частью, о тех, которые они должны были платить»; во-вторых, «давая жалованные грамоты, князья постоянно нарушали их другими жалованными же или указными грамотами, в порядке повседневного управления».

Таким образом, в трактовке С. Б. Веселовским жалованных грамот как источника по истории тягла, имеются трудно примиримые противоречия. Он начинает с того, что впечатление «большого разнообразия и даже прихотливости пожалований» в жалованных грамотах ложно и в действительности жалованные грамоты свидетельствуют об устойчивости податной системы. Кончает же он утверждением о ненадежности данных жалованных грамот в силу их постоянного нарушения другими

княжескими грамотами. Причина этого противоречия кроется в общем неверном представлении С. Б. Веселовского о жалованных грамотах, как актах княжеского пожалования, определявшегося целиком «волей» князя, а не интересами господствующего класса. Автор прямо так и говорит, что «состав тягла складывается в результате совместного действия различных форм княжеской воли».

Переходя к анализу податной системы, как она рисуется по жалованным грамотам, С. Б. Веселовский выделяет три группы повинностей: 1) «княжеские дани и доходы, которые имеют определенно выраженный характер налогов и государственных повинностей» (дань, ям, городовое дело и т. д.); 2) «дани» и «доходы частноправового происхождения» (обязанность давать помещение, кормы, подводы княжеским гонцам и пошлинникам, кормить княжеского коня, косить на него сено и т. д.); 3) «пошлины в современном смысле слова» (торговые сборы, пошлины со сделок неторгового характера, сборы с передвижения людей и товаров).

Наблюдая эволюцию податной системы, С. Б. Веселовский приходит к выводу, что освобождение князьями землевладельцев от повинностей первого рода с течением времени прекращается. Что касается ряда повинностей второй и третьей группы, то они «стали общим и прочным приобретением частного и монастырского землевладения»[1].

Таким образом, рассмотрение работ А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского показывает, что, несмотря на наличие в них ряда ценных наблюдений, касающихся жалованных грамот, как источника по истории податной системы, в целом они не дают правильной картины экономической политики княжеской власти в XIV—XV вв.

Изучение финансовой политики князей Московской Руси в период феодальной раздробленности и в эпоху складывания централизованного Русского государства нужно вести в свете указания Энгельса о необходимости создания специальной материальной базы для государственного аппарата. «Для содержания этой общественной власти необходимы взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу»[2]. Содержание этого аппарата ложится на плечи трудового населения. Оно принуждается, следовательно, к оплате аппарата, посредством которого его угнетают правящие классы.

Налоги представляют собой часть земельной ренты, которой привилегированные земельные собственники делятся с государственной властью.

В период феодальной раздробленности, для которого характерно наличие расчлененной формы земельной собственности, обладание землевладельцами иммунитетными привилегиями и иерархические связи между представителями господствующего класса феодалов, налоговая система характеризуется раздробленностью. В отдельных феодальных княжествах местная княжеская власть собирала в свою казну различные налоги и привлекала население к выполнению личных повинностей. В то же время сбор ряда денежных и натуральных повинностей являлся привилегией крупных феодалов, зафиксированной в тарханных грамотах. Сущность этих грамот заключается в распределении земельной ренты между князем, возглавляющим феодальную иерархию данного княжества, и местными земельными собственниками. Часть этой ренты выделилась из доходов феодалов в виде особых налогов, поступающих в кня-

[1] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 31—42.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 146.

жескую казну. Но в зависимости от реального соотношения внутриклассовых сил крупные феодалы удерживают за собой бо́льшую или меньшую часть ренты, причем в жалованных грамотах это удержание доли, которую князья уже сумели укрепить за собой, принимает характер уступки со стороны княжеской власти земельным собственникам. Отсюда — обычные формулы тарханных грамот: «не надобе им» такие-то повинности.

Кроме того, основное содержание тарханных грамот заключается в запрете представителям княжеской администрации и хозяйственным агентам въезда в пределы привилегированного феодального землевладения для сбора налогов (и в том случае, когда они подлежали уплате) и в признании привилегированных землевладельцев свободными от обязанности нести тягло на общих началах с черными людьми, «тянуть» к городу, стану или волости. Существенный признак иммунитета заключается в производстве фискальных сборов с зависимого населения феодальной вотчины не через княжеских чиновников, а через вотчинную администрацию самого феодала. Это хорошо раскрывает одна указная грамота Василия II второй четверти XV в. «в Аргуново дворскому и волостным людем», по челобитью властей Богородицкого Воиновского монастыря: «Бил ми челом на вас игумен Варсунофей воиновской о том, что деи через мою, великого князя, грамоту мечете на его людей на монастырьских розмет. И яз его, князь велики, пожаловал, и вы на его людей на монастырских розметов не мечите, а ходите у него по моей, великого князя, грамоте»[1].

Изучение жалованных тарханных грамот Московского княжества XV в. прежде всего позволяет сделать вывод о том, что в это время уже можно говорить о *разработанной системе повинностей*. Исследователи указывают на многообразие повинностей, упоминаемых в тарханных грамотах, и на их случайный выборочно-перечневый характер. Это в известной мере верно. Но внимательный анализ жалованных грамот показывает, что при выборочно-примерном перечне повинностей в жалованных грамотах этот перечень лишен случайности, так как там фигурируют в качестве примеров повинности отдельных, уже строго определившихся разрядов, причем, в подавляющем большинстве случаев, называются все разряды или бо́льшая их часть. Определение контекста, в котором упоминается та или иная пошлина, является методическим приемом, посредством которого раскрывается сущность этой пошлины.

Остановимся на характере тех повинностей, которые характерны для XV в. Изучая жалованные грамоты, мы видим, что они отчетливо различают несколько групп повинностей, от которых в той или иной степени свободно феодальное землевладение. Эта классификация, которую дают сами источники, несколько отличается от классификации С. Б. Веселовского. На первом месте в жалованных грамотах почти всегда стоит *дань*, рядом с которой обычно фигурирует *писчая белка* (писчее) и иногда (главным образом, во второй половине XV в.) *посошная служба* (посоха).

Вторую группу повинностей составляют *ям* и *подводы*, почти всегда упоминаемые вместе.

В третью группу повинностей жалованные грамоты выделяют пошлины проездные и торговые (с проезда лиц, провоза и продажи товаров). Здесь грамоты обычно упоминают рядом *мыт* и *тамгу* и во многих случаях параллельно им *осминичье* или *осьмничее* и *костки*.

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 14, № 18.

К числу проездных, торговых и таможенных пошлин принадлежат также пятенное, весчее, померное, подоральное, писчее, явленое, подзорное, гостинное (гостинники), побережное, подъездное, подлазное. В грамотах второй половины XV в. фигурируют также деларное, детинное, караульное, ваганное, контарное.

Наконец, четвертая группа повинностей — это городовое дело, постройка княжеского, наместничьего, волостелина двора, обязанность кормить княжеского коня, косить для него сено, *ставленое*, *закосное*, *портное*: «не надобе им ни городовое дело, ни коня моего не кормити, ни сен моих косити, ни ставленое, ни закосное, ни портное. . .»[1]; «ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни портное, ни двора волостелева не ставити»[2].

Внимательный анализ жалованных грамот показывает, что если при перечне групп повинностей эти группы меняются местами и в их пределах отдельные повинности называются в разном порядке, то лишь в виде исключения можно говорить о перемещении повинностей из одной группы в другую. Приведем примеры:

Грамота 1411 г.: дань, писчая белка, ям, подвода, мыт, тамга, осминичье, костки[3].

Грамота 1425 г.: дань, писчая белка, ям, подвода, городовое дело, корм княжеского коня, косьба сена, ставленое, закосное, портное[4].

Грамота 1425—1427 гг.: дань, мыт, тамга, писчая белка, ям, подвода, косьба сена, корм коня, городное дело[5].

Грамота 1434—1447 гг.: дань, писчая белка, ям, подвода, мыт, тамга, восминичее, костки, «город рубити», двор княжеский «ставити», корм коня, закос и т. д.[6]

Итак, вместе упоминаются ям и подвода, тамга и мыт и т. д.

Рассмотрим повинности по группам. В первую очередь, как указано, грамоты говорят о дани.

Характер дани разъясняется из следующих указаний жалованных грамоты середины XV в. Троице-Сергиеву монастырю: «Писци мои, великого князя, тех людей и тех варниц монастырских в мою дань не пишут»[7]; «а писци мои и данщики с тех людей в мою дань не пишут, ни дани с них не емлют»[8].

В грамоте 1467 г. белозерско-верейского князя Михаила Андреевича на село Илемну Троице-Сергиева монастыря читаем: «А золотников мой данщик у них не емлет, ни иных данских пошлин»[9]. Итак, дань — это основной прямой налог, взыскиваемый с населения, положенного в тягло в результате переписи. Кроме того, при переписи и сборе дани особые пошлины шли в пользу писца (очевидно, писчее или писчая белка) и данщика (данские пошлины). Дань принадлежала к числу повинностей, от которых реже всего пользовались тарханом землевладельцы: «А коли придет моя дань, князя великого, и архимандрит за них сам платит мою дань по селам»[10],— читаем в грамоте 1423 г. кн. Василия Дмитриевича архимандриту Малахии нижегородского Благовещенского монастыря.

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 39.
[2] Там же, № 48.
[3] Там же, № 11.
[4] Там же, № 13.
[5] Там же, № 16.
[6] Там же, № 47.
[7] Там же, № 72.
[8] Там же, № 79.
[9] Там же, № 146.
[10] ААЭ, т. I, № 21.

Вторую группу повинностей, согласно жалованным грамотам, составляют, как было указано, ям и подвода, — повинности, связанные с организацией транспорта и связи.

Ям представлял собой первоначально натуральную повинность: «и на яму не стоят и подвод не дают»[1]. Отсюда понятна органическая связь яма с подводой, отмечаемая жалованными грамотами.

Третья группа указываемых жалованными грамотами повинностей — это пошлины проезжие (с лиц и с провоза товаров) и торговые (с актов купли-продажи). Основными пошлинами из этой группы являются мыт (проезжая) и тамга (с продажи товаров). Следующими пошлинами, входящими в данную группу, упоминаемыми обычно вместе, рядом друг с другом, жалованные грамоты называют осминичее и костки. Жалованные грамоты сближают осминичее с тамгой, костки с мытом: «Также им и тамга не надобе, ни восмничее, ни мыт, ни костки. . .»[2] Судя по жалованной грамоте кн. Михаила Андреевича Череповецкому монастырю на право сбора пошлины на Белоозере 1473—1476 гг., осминичее взималось в сумме 4 денег с рубля [3]. По аналогии (костки обычно упоминаются рядом с осминичим, параллельно мыту и тамге), можно рассматривать костки как пошлину с провоза товара (может быть, жита).

К числу проезжих пошлин принадлежат побережное и мостовое, упоминаемые рядом с мытом [4] и взимавшиеся, повидимому, при причале к берегу и проезде через мост.

Рядом с осминичим в качестве торговых пошлин стоят: весчее (с взвешивания товаров) и померное (с измерения сыпучих тел). Характер померного выясняется из жалованной грамоты кн. Михаила Андреевича белозерского Череповецкому монастырю: эта пошлина взималась в сумме 2 денег с воза. В конце грамоты имеется предписание: «Иным мерам в городе не быть, опричь моее меры печатные. А у кого вымут меру, и они на нем возьмут два рубля заповеди, а в вине дадут на поруку» [5].

В зависимости от характера весов весчее выступает в форме контарного или ваганного.

Пятенное взималось с клеймения скота при его продаже. В грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1447—1455 гг. читаем: «А почнут конми меняти или торговати, продасть ли кто, купят ли монастырскии люди, и они явят своему приказнику монастырскому, а монастырской приказник держит пятно свое у собя. А пятенщик мой суждалской их коней монастырьских не пятнит, ни пошлин с них не емлет никоторых» [6].

При продаже взималось также явленое (пошлина с объявления товаров): «. . . Ино те люди купят ли што, продадут ли, ино тем людем не надобет явленое, ни пятенное» [7], — говорится в одновременной грамоте Василия II тому же монастырю на двор в Дмитрове.

Давая общую характеристику рассмотренной третьей группы повинностей жалованных грамот, следует вспомнить слова Маркса и Энгельса: «Пошлины возникли из поборов, взимавшихся феодалами с проезжавших через их владения купцов в качестве выкупа за отказ от ограбления

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 62.

[2] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 499—500.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 393 об.; ААЭ, т. I, № 100.

[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 57, 108.

[5] ААЭ, т. I, № 100.

[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 80.

[7] Там же, № 69.

их, — поборов, которые впоследствии взимались также городами и при возникновении современных государств явились для казны удобнейшим средством добывать деньги» [1].

Четвертая группа повинностей — это работы по оборудованию городских укреплений, постройке дворов для князя и представителей уездной администрации — наместников и волостелей, кормление княжеского коня и косьба для него сена и т. д. Личные работы заменяются иногда уплатой определенных пошлин.

Ставленое — это пошлина, уплачиваемая вместо участия в постройке княжеского и наместничьего дворов: «Ни лугов моих не косят, ни коня моего не кормят, ни двора моего не *ставят*, ни наместнича двора не *ставят*, ни портного не дают».

Другое значение ставленого — это замена повинности давать постои княжеским конюхам. Подобный характер ставленого, упоминаемого рядом с закосом, хорошо разъясняется из следующего указания одной из жалованных грамот: «ни конюхи мои с моими конми не въезжають, ни *ставятся*. . .»[2] Наряду с закосным упоминаются объезжее и коневое (конюшее). Коневое — это, повидимому, пошлина за право ставить княжеского коня: «Ни коня моего у тех людей не ставят» [3].

Сравнительно редко упоминаются в жалованных грамотах пошлины с заключения браков: убрусное и выводная куница [4].

Грамоты на соляные варницы называют пошлины, взыскиваемые с производства и продажи соли: пудовое, поминки, плошки, ошитки [5].

Рассматривая финансовую политику московских великих князей в ее эволюции на протяжении XV в., мы можем наблюдать следующие явления: 1) распространение этой системы на ряд московских уделов и другие ранее самостоятельные княжества, присоединяемые к Москве; 2) стремление к унификации налоговой системы, выражавшееся в ряде случаев в замене многообразных повинностей единой суммой денежного оброка; 3) перевод на деньги отдельных повинностей личного характера; 4) стеснение податного иммунитета привилегированного феодального землевладения; 5) освобождение от торговых и проезжих пошлин, как одно из условий роста товарно-рыночных связей.

Первое явление хорошо прослеживается на основе изучения ряда жалованных грамот Северовосточной Руси XV в. В большинстве московских уделов уже в первой половине столетия господствовала московская налоговая система. Так, в грамотах 1435—1447 гг. верейско-белозерского князя Михаила Андреевича фигурируют дань, писчая белка, ям, подвода [6], «городное дело» [7], корм коня, косьба сена [8], из торговых пошлин — мыт, костки, тамга, восминичее, гостиное, весчее, побережное, явленое и пр.[9]

В Серпуховско-Боровском княжестве уже в начале XV в. известны дань, писчая белка, ям, подвода, мыт, тамга, осминичее, костки [10]; в Углицком княжестве — дань, писчая белка, ям, подвода, мыт, тамга,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 48.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 50.

[3] С. А. Шумаков. Угличские акты, стр. 1—2, № 1.

[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 150.

[5] АЮБ, т. I, № 31/VIII.

[6] РИБ, т. XXXII, № 21.

[7] Н. Дебольский. Указ. соч., № CLIV.

[8] Там же, № XV.

[9] Там же, № CXCIV.

[10] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 11, 22.

осминичее, костки, городовое дело, закос [1]; в Дмитрове — дань, мыт, тамга, ям, подвода, писчая белка, костки, восминичее, кормленье княжеского коня, закос, постройка княжеского двора [2], портное и т. д.

Постепенно московская налоговая система распространяется и на другие, ранее самостоятельные княжества. Так, в грамотах на владения в пределах бывшего Нижегородского княжества в начале XV в. находим дань, ям, подводу, тамгу, мыт, костки, восминичее, весчее, побережное, писчую белку [3]; в пределах бывшего Ярославского княжества в 60-х годах XV в. — ям, подводы, мыт, тамгу, корм княжеского коня, косьбу сена [4] и т. д. Стремление московской великокняжеской власти к унификации в области налоговой системы не исключает, конечно, местных особенностей в этой области, сохранявшихся очень долго. Так, для удельных московских княжеств характерно то, что там долгое время сохраняются личные работы в частном княжеском хозяйстве как общая повинность для всего населения княжества. Например, в жалованной грамоте можайского князя Ивана Андреевича середины XV в. фигурирует повинность «делать» княжеские села и «ссыпать жито» в житницу [5].

Вторым показателем тенденции к унификации налоговой системы является замена в ряде случаев разнообразных и дробных повинностей ежегодным оброком в определенной, строго фиксированной денежной сумме. Так, в 1455 г. крестьяне-старожильцы митрополичьих звенигородских сел Аксиньинского и Грибанова были освобождены от ряда пошлин (ям, подводы, мыт, тамга и пр.), а новоприходцы, кроме того, — еще на 10 лет от дани, и взамен обложены ежегодным оброком размером в полтину [6]. В 1473—1489 гг., по грамоте князя белозерско-верейского Михаила Андреевича, череповецкий Воскресенский монастырь при полном тархане был изоброчен «в княжескую дань» — «сто бел» [7]. В грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича митрополиту Даниилу 1522 г. на села Михайловское и Игнатовское, Дмитровского уезда, читаем: «Не надобе. . . никоторая дань: ни рожественая, ни петровская, ни ям, ни иные никоторые пошлины; а дают с тех сел и деревень оброком з году на год на рожество христово данщику моему дмитровскому с сохи по два рубли» [8]. В 1526 г. грамота кн. Юрия Ивановича на звенигородское село Аксиньинское, вместо дани, яма, примета и пр. упоминает о ежегодном оброке в 6 алтын [9].

Третий момент, который должен быть отмечен, — это замена ряда натуральных повинностей денежными. Например, в грамотах Иосифову-Волоколамскому монастырю конца XV—начала XVI в. вместо ямского дела упоминаются ямские деньги.

Стремление к сужению податных привилегий крупного землевладения как четвертая черта, характеризующая развитие налоговой системы, хорошо видно из жалованных грамот московской митрополичьей кафедре 1504 г. [10], в которых отсутствует обычная формула: «не надобе им дань, ям» и т. д.

---

[1] Там же, № 47.
[2] Там же, № 65.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 274 об.
[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 10106; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 140, № 149.
[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 94.
[6] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 109 об.—110.
[7] Там же, лл. 324—324 об.; Амвросий. Указ. соч., т. VI, стр. 682—683.
[8] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 103 об. — 104 об.
[9] Там же, лл. 113—113 об.
[10] Там же, лл. 80, 102, 127, 151, 164, 269, 313.

Последнему вопросу — о развитии таможенной политики — специально посвящен следующий параграф.

§ 10. Жалованные грамоты как источник для изучения развития экономических предпосылок образования централизованного Русского государства (роста товарно-денежных отношений, торговли, городов)

Образование централизованного Русского государства, объединившего отдельные феодальные княжества Северовосточной Руси, явилось прежде всего результатом социально-экономического развития. Рост производительных сил и общественного разделения труда разрушал прежнюю экономическую изолированность феодальных «полугосударств». Энгельс в своей работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии» дал научное объяснение этих явлений по отношению к Западной Европе. Он проследил процесс развития средневековых ремесел, имевший громадные последствия для феодального общества. С ростом производительных сил города становились центрами ремесленного производства и торговли, а это приводило к расширению экономических связей внутри страны: «горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена (Verkehr), просвещения, социальные и политические учреждения» [1].

В Северовосточной Руси XIV—XV вв. еще не созрели полностью необходимые предпосылки для прочного экономического объединения страны. Основой экономической жизни оставалось натуральное хозяйство. Это в значительной мере объясняется гибельными последствиями татарского завоевания, приведшего к массовому разрушению производительных сил и задержавшего процесс развития товарно-денежных отношений.

Однако постепенное восстановление трудом русского народа производительных сил на протяжении XIV—XV вв. приводило к дальнейшему росту общественного разделения труда и экономических связей внутри страны. Выражением общественного разделения труда является рынок. Степень развития рынка служит показателем уровня производительных сил и общего состояния народного хозяйства. Рынок как система постоянного обмена является категорией товарного производства [2]. Развитию рынка способствует процесс разложения крестьянства, решающее значение в котором принадлежит денежной ренте. В. И. Ленин указывает, что «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при *денежной ренте*, которая является простым изменением формы натуральной ренты. Непосредственный производитель отдает землевладельцу не продукты, а цену этих продуктов» [3].

В. И. Ленин дал четкую картину процесса складывания всероссийского рынка. Это был длительный процесс, начавшийся с простого товарного обмена в натуральном хозяйстве и товарно-денежного обращения в простом товарном хозяйстве и завершившийся «стягиванием» мелких местных рынков в крупный национальный, а затем и всемирный рынок при капитализме [4].

Уже в период феодальной раздробленности подготавливались экономические условия для слияния местных рынков, как основы политической централизации страны. По словам В. И. Ленина, слияние «областей,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 441.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 83—84, 92.
[3] Там же, т. 3, стр. 143.
[4] См. там же, т. 1, стр. 137; т. 3, стр. 334.

земель и княжеств в одно целое» «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1]. Определенная качественная грань в процессе концентрации местных рынков во всероссийский рынок падает «примерно» на XVII в., с которого В. И. Ленин начинает «новый период русской истории». Но своими корнями этот процесс уходит еще в период феодальной раздробленности[2].

Рост экономического общения создавал предпосылки для образования русской (великорусской) народности и централизованного Русского государства. В. И. Ленин указыва ет: «Рынок есть центр торговых сношений. Гла[вное] ору[дие] ч[елове]ч[еских] торг[овых] сно[шений] есть *язык*»[3]. А известная общность языка является одним из основных признаков народности.

Рост общественного разделения труда в Северовосточной Руси на протяжении XIV—XV вв. по мере восстановления производительных сил, разрушенных монголами, проявляется в дальнейшем развитии ремесла, во все большем его отделении от сельского хозяйства и установлении его связи с рынком.

Изучение истории русских городов в XIV—XV вв. свидетельствует о росте и специализации ремесла, о его все большем отделении от деревни, постепенном расширении его связей с рынком.

Феодальный город Северовосточной Руси XIV—XV вв. являлся средоточием как ремесла, так и торговли. Рост общественного разделения труда приводил к тому, что город становился центром сбыта ремесленных произведений в деревню и рынком для сбыта хлеба и других продуктов сельского хозяйства, вотчинного и крестьянского, привозившихся из соседней округи. В феодальную эпоху хозяйство в своей основе оставалось натуральным. Как указывает В. И. Ленин, рынок для сбыта изделий бывает первоначально крайне узким, «докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости*»[4].

Процесс концентрации мелких местных рынков в один всероссийский рынок был очень длительным, и его начало, как указывалось, восходит еще к периоду феодальной раздробленности. Создание централизованного Русского государства, протекавшего ускоренным путем ввиду потребностей обороны, подготавливалось развитием экономического общения внутри страны.

Социально-экономический процесс образования централизованного Русского государства рисуют жалованные грамоты XIV—XV вв.

С этой стороны жалованные грамоты изучены далеко недостаточно. С. Б. Веселовский в своей монографии «К вопросу о происхождении вотчинного режима» рассмотрел княжеские иммунитетные пожалования в отношении слобод, промыслов, соляных варниц, рыбных ловель, торговли и т. д. Однако жалованные грамоты привлечены в данном случае С. Б. Веселовским не в качестве источника для изучения экономического развития, как предпосылки образования централизованного Русского

---

[1] Там же, т. 1, стр. 137.

[2] П. Баканов. О периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи («Вопросы истории», 1950, № 2, стр. 79—80); С. В. Бахрушин. Предпосылки всероссийского рынка в XVI в. — «Уч. зап. МГУ», вып. 87, стр. 38—65.

[3] В. И. Ленин. Национальный вопрос (тезисы по памяти), — «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 331.

государства, а как материал для выяснения «всестороннего значения иммунитета, который не стоял в зависимости от землевладения, а распространялся на грамотчика и его людей в их деятельности в известной области и при известных обстоятельствах»[1]. Другими словами, для С. Б. Веселовского жалованные грамоты на торговлю и промыслы интересны лишь в плане его идеалистической трактовки «универсальности» иммунитета, как акта княжеского «пожалования».

Интересны данные, собранные П. П. Смирновым в первой главе его монографии: «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.». Он приводит систематизированный материал жалованных грамот (данных, тарханных, льготных, несудимых, оброчных, охранных) на городские дворы, места дворовые, варницы и т. п. XV в. и первой половины XVI в. (в порядке алфавита городов). Особо автор рассматривает историю слобод и городских дворов Троице-Сергиева монастыря и политику великокняжеской власти в отношении монастырских прав на владение дворами в городах [2]. Жалованные грамоты используются П. П. Смирновым в плане его общего представления о «перерождении старых своеземческих городов в новые торгово-промышленные города».

Мне известно до 90 жалованных княжеских грамот XV в. монастырям на городские дворы, соляные промыслы, на право торговли. Из них 14 падают на первую половину века (до окончания феодальной войны), 22 — на середину XV в. (до 60-х годов), 46 — на 70—80-е годы XV в., 8— на 90-е годы XV в. — начало XVI в. (до 1505 г.). Из этих статистических данных могут быть сделаны определенные выводы, касающиеся социально-экономической и политической истории Северовосточной Руси XV в. Первый вывод может быть сформулирован следующим образом: вторая половина XV в. характеризуется определенными сдвигами в развитии производительных сил (рост общественного разделения труда, развитие товарно-рыночных связей), причем наибольшего подъема развитие производительных сил достигает в 60—80-х годах XV в., — в то время, к которому, в основном, относится образование централизованного Русского государства.

В политическом отношении время вслед за ликвидацией феодальной войны, — середина XV в., а особенно 60—80-е годы столетия, — характеризуются образованием единой государственной территории, ликвидацией ряда самостоятельных феодальных «полугосударств». Это был период, когда развивающиеся экономические связи между отдельными княжествами и землями Северовосточной Руси создавали соответствующие условия для той экономической, особенно таможенной, политики, которую рисуют сохранившиеся жалованные грамоты, выдаваемые князьями отдельных феодальных центров.

Жалованные грамоты на промыслы и торговлю, относящиеся к первому намеченному выше этапу, касаются, во-первых, в основном, двух крупнейших монастырей Северовосточной Руси: Троице-Сергиева (6 грамот) и Кирилло-Белозерского (4 грамоты). По одной грамоте относится к Савво-Сторожевскому и Спасо-Евфимьеву монастырям, две — к нижегородскому Благовещенскому митрополичьему монастырю. Ряд жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю выдан московскими великими князьями Василием I и Василием II, Софьей Витовтовной, Дмитрием Шемякой (в бытность его великим князем). Грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю связаны с именем местного белозерского князя Михаила Ан-

---

[1] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 73 и 89.

[2] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947, стр. 32—41, 78—85, 88—95.

древича. Отдельные грамоты изданы от лица кн. Юрия Дмитриевича галицкого, Василия Ярославича радонежского, Бориса Александровича тверского. Словом, общее впечатление, которое создается в результате анализа перечисленных выше жалованных грамот, сводится к тому, что в первой четверти XV в. (время княжения Василия Дмитриевича) и в годы феодальной войны нельзя говорить о систематически проводившейся князьями отдельных феодальных центров таможенной политике, направленной к укреплению экономических связей между княжествами Северовосточной Руси. В этом отношении феодальная война второй четверти XV в. составляет определенный этап.

Тем не менее жалованные грамоты, относящиеся к рассматриваемому этапу в социально-экономической и политической истории Северовосточной Руси (первая половина XV в.), отражают определенные сдвиги в развитии производительных сил, в экономическом развитии Русского государства. П. П. Смирнов отмечает в своем исследовании: «Среди крушения многих старых феодальных хозяйств и княжеств в XV и XVI вв. не только сохраняются, но растут и достигают больших размеров те вотчинные владения, которые стали на путь развития промыслов и торговли. Достаточно вспомнить владения солепромышленников Строгановых, вотчины Троице-Сергиева монастыря, чтобы убедиться, что задача развития вотчинной промышленности и торговли не была призрачной»[1].

Уже в жалованной грамоте (наиболее ранней) вел. кн. Василия Дмитриевича Троице-Сергиеву монастырю 1392—1428 гг.упоминаются четыре монастырские соляные варницы у Соли Переяславской с приписанной к ним «деревенькой». Согласно названной жалованной грамоте переяславские варницы пользуются податным и судебным иммунитетом.[2]

В жалованной грамоте, выданной на те же варницы Василием II в 1425—1427 гг., Троице-Сергиеву монастырю предоставлено право беспрепятственно варить соль летом и зимой, а переяславским наместникам, усольским волостелям и их тиунам запрещено вмешиваться («вступаться») в монастырские промыслы [3].

К 1432—1443 гг. относится грамота Василия II тому же монастырю на право купли в Переяславле двора «тяглого служня или черного, хто им продаст». «А купят собе впрок без выкупа, а вотчичем того двора не выкупить», — читаем в грамоте [4]. Следовательно, за Троице-Сергиевым монастырем не только закрепляется приобретенный двор на посаде в Переяславле, но «вотчичи» продавца лишаются права выкупить этот двор у нового владельца.

В 30—40-х годах XV в. Василий II дал новую грамоту Троице-Сергиеву монастырю «на их варници старыи и колодязи их старыи» у Соли Переяславской с запрещением усольцам копать «себе колодязей монастырских близко и на их дворцех у варниц»[5]. В то же время была выдана великокняжеская грамота, подтвердившая судебный и податной иммунитет переяславских варниц и двора в Переяславле Залесском [6].

Грамотой Василия II второй четверти XV в. Троице-Сергиеву монастырю предоставлено право купить себе двор в Ростове, «кто им продаст, чей ни буди»[7]. В несколько более поздней великокняжеской грамоте

---

[1] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 78.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 6.

[3] Там же, № 14—15.

[4] Там же, № 35.

[5] Там же, № 34.

[6] АЮБ, т. I, стр. 91—92, № 31/II.

[7] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 19.

Троице-Сергиеву монастырю 30—40-х годов XV в. снова подтверждено разрешение на покупку двора в Ростове и, кроме того, монастырю предоставлено право беспошлинной торговли: «Также те люди монастырские где учнут торговати в моих городех или в волостех, купят ли что, продадут ли, ино им не надобе мыт» и другие пошлины.[1]

В 1447 г. кн. Василий Ярославич дал льготную и несудимую грамоту Троице-Сергиеву монастырю на двор в Дмитрове [2].

Итак, на основании приведенных жалованных грамот можно говорить, прежде всего, о росте в первой половине XV в. монастырских промыслов и о развитии торговой деятельности монастырей. Это являлось показателем приспособления феодального хозяйства к развивающимся рыночным отношениям. «Вместе с увеличением количества городских дворов, — пишет П. П. Смирнов, — происходило разными путями обращение их в торгово-промышленные центры, которые должны были являться для вотчинника источником денежных доходов»[3].

Второе наблюдение, которое можно сделать на основании жалованных грамот, это то, что уже в это время наблюдается борьба посадских людей против роста владельческих дворов в городах. Поэтому монастырские городские дворы нуждаются в охране княжескими грамотами.

Данные, относящиеся к другим монастырям, подтверждают сделанные выводы о развитии монастырской торговли и промыслов в первой половине XV в. и о том противодействии со стороны посада, на которое наталкивалось стремление монастырских властей к расширению торгово-промысловой деятельности.

В середине XV в., как это явствует из грамоты кн. Михаила Андреевича, на Волочок Словенский приходили «гости» из ряда русских земель. Два монастыря (Кирилло-Белозерский и Мартемьянов) имели право «треть волочити», а «два жеребья» «волочили» волостные люди [4]. Речь идет о распределении доходов с «переволочки» сухим путем судов с товарами.

Из грамоты кн. Бориса Александровича тверского в 1428—1434 гг. видно, что Кирилло-Белозерский монастырь посылал свои суда с товарами через Тверское великое княжение [5].

Судя по грамоте Василия II 1435—1447 гг., старцы и «люди» Кирилло-Белозерского монастыря торговали по территории всего Московского великого княжества «лете в судах или в лодье, а зиме на возех» [6].

Грамота кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1435—1447 гг. упоминает монастырских старцов и «людей», торгующих за Белоозером, «лете в лодье, а зиме на возех» [7]. «И кого пошлют своих старцов или своих людей за Белоозеро торговать, — говорится в грамоте, — купити и продати, или себе кого наймут наймитов заозерских людей, и наместницы мои белозерские и их тиуны и все горожане о том им не бранят».

Отдельные грамоты, как было указано, сохранились по монастырям нижегородскому Благовещенскому, суздальскому Спасо-Евфимьеву, звенигородскому Савво-Сторожевскому.

Грамота кн. Дмитрия Шемяки, выданная в период его овладения великим княжением, в 1446 г., нижегородскому Благовещенскому мона-

---

[1] Памятники соц.-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 36.
[2] Там же, № 65.
[3] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 80.
[4] Н. Дебольский. Указ. соч., № CLIII, CLXX.
[5] ДАИ, т. I, № 184.
[6] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXCIV.
[7] РИБ, т. XXXII, № 24.

стырю, освобождает от проезжих и торговых пошлин монастырские ватаги: «А куды архимандрит пошлет на монастырскую службу старцов своих или белцов на ватагу, или на иную службу, и пошлинники мои и поватажники поватажного у них не емлют, ни моее великие княгини пошлинники...»[1]

Грамота вел. кн. Софьи Витовтовны второй четверти XV в. архимандриту того же нижегородского Благовещенского и владимирского Царево-Константиновского монастырей Малахии гарантирует беспошлинный проезд монастырским «чернцам и бельцам» в Нижний-Новгород и в р. Суру в монастырские «угодья» и «уходы» для рыбной и бобровой ловли или за медом, добываемым в монастырских «бортях». Монастырская братья пользуется правом беспошлинного провоза продуктов из промысловых угодий в павозке, в струге и двух неводницах, или же на десяти возах [2].

В грамоте кн. Юрия Дмитриевича Савво-Сторожевскому монастырю 1404 г. читаем: «...Дал пятно и тамгу на темиян дал игумену Саве з братьею: держит игумен в монастыре свое пятно. Которой хрестьянин монастырской купит или меняет, и он пятнит в монастыре, а которой хрестьянин монастырский продасть в торгу или в селе, и они тамгу платят игумену Саве в монастыре»[3].

«А купит ли что, продаст ли монастырской человек, — говорится в грамоте первой половины XV в. суздальских князей Спасо-Евфимьеву монастырю, — ин пошлинником... пошлин не дает» [4].

Середина XV в. — время после завершения длительной феодальной войны, является важным моментом в процессе образования централизованного Русского государства, подготовленном развитием производительных сил страны, ростом экономических связей между отдельными областями и землями. Экономическая и политическая стороны этого процесса нашли отражение в жалованных грамотах монастырям указанного времени. В этих грамотах можно наблюдать два основных явления, наметившихся еще в первой половине XV в.: во-первых, — дальнейшее расширение торговой и промысловой деятельности монастырей, как следствие роста товарно-рыночных отношений; во-вторых, — дальнейшее развитие борьбы посада против привилегий крупного феодального землевладения.

Жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на его соляные промыслы относятся к трем пунктам солеварения: Нерехте, Соли Галицкой и Соли Переяславской. В этих грамотах мы можем уловить следующие линии княжеской экономической политики: 1) предоставление монастырю податного и судебного иммунитета, а также права свободной выварки и продажи соли, как непременное условие для развития промысловой деятельности; 2) стремление к получению части монастырского дохода в княжескую казну в виде оброка; 3) стремление несколько ограничить возможности дальнейшего роста монастырских дворов в городах, встречавшего сопротивление со стороны посадских людей.

К 1447—1455 гг. относится грамота вел. кн. Софьи Витовтовны Троице-Сергиеву монастырю на соляные варницы в Нерехте. В грамоте речь идет о трех старых варницах и четвертой, поставленной монастырскими властями «на месте на пустом». Следовательно, соляные промыслы монастыря растут. С этой последней, новой, варницы в течение трех лет

---

[1] ААЭ, т. I, № 39.
[2] П. Иванов. Указ. соч., стр. 222.
[3] АИ, т. I, № 15.
[4] ЦГАДА, ф. 1203, кн. № 1, л. 414 об.

не должна взиматься дань: «А отварят те три годы, и они дадут в мою казну оброком по полтине на збор»[1].

В те же годы Троице-Сергиев монастырь получил грамоту на варницы в Нерехте, с правом беспошлинной продажи соли по всему великому княженью, от Василия II. «Что их варницы в Нерехте, и хто от тех варниц поедет соловар соли продавати или пошлет с солью с монастырьскою продавати летом дважды павозском вниз и вверх по реце по Волзе или на Варок по црены купити, а в зиме дважды на пятидесять возех, во всю мою вотчину, великое княжение, по всем городом, ино не надобе им... никоторые пошлины...»[2], — гласит названный документ. Следовательно, монастырь торговал солью на довольно широкой территории.

В другой грамоте Василия II 1447—1455 гг. упоминаются четыре варницы и четыре двора Троице-Сергиева монастыря у Соли Переяславской. Эти варницы и дворы также освобождены от дани и других пошлин. Великокняжеские данщики не должны писать «тех людей и тех варниц монастырских» «в [великокняжескую]... дань». Наконец, в конце грамоты содержится запрет монастырю «от сех мест... людей великого князя тяглых в те дворы» «приимать» и «дворов иных туто» «промышлять»[3]. В этой связи П. П. Смирнов правильно замечает, что Василий II, «очень щедрый на разного рода пожалования своим светским и духовным слугам, вынужден был принимать меры к ограничению роста владельческих слобод в своих городах» [4].

В 1450 г., Троицкий монастырь получил жалованную грамоту на соляные же варницы у Соли Галицкой от вел. кн. Софьи Витовтовны. Великокняжеские солевары не должны были привлекать на княжеские промыслы монастырских половников и взимать пошлины с монастырских дровосеков, дрововозов и водоливов. Писцы не должны были описывать варницы и работавшее на них феодально-зависимое население. Софья Витовтовна подтвердила судебный и податной иммунитет для монастырских соляных промыслов. Вместо разнообразных пошлин монастырские власти должны были уплачивать в княжескую казну ежегодный нормированный оброк [5].

Наконец, в жалованной грамоте вел. кн. Марии Ярославны на варницы у Соли Переяславской, выданной около 1453 г., говорится о запрете усольским волостелям и их тиунам и пошлинникам приезжать во владения монастыря для сбора пошлин и для суда солевара, водоливов и поваров. Разрешается также свободная торговля солью. «А коли яз, великая княгиня, — читаем в грамоте, — велю соль свою продавати у Соли, и тогды всем соловаром заповедают соль продавати, а троецкому соловару не заповедывают соли продавати»[6].

Очень интересны жалованные грамоты Василия II Троице-Сергиеву монастырю на соляные варницы у Соли Галицкой, относящиеся к тому же примерно времени. Из этих грамот узнаем, что у монастыря сначала были две варницы, затем он приобрел в результате заклада третью варницу у И. С. Морозова «варити соль на три годы, за росты». Предоставляя ряд податных льгот монастырю для его промыслов, жалованные грамоты устанавливают те же права свободной торговли, которыми монастырь

---

[1] АЮБ, т. I, № 31/VIII.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 75.

[3] Там же, № 72.

[4] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 84.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 89.

[6] Там же, № 90.

пользовался и для варниц, расположенных в других местах: «А коли мои, великого князя, соловарове учнут соль продавати, и монастырским приказникам соли продавати не заповедывают»[1]. Наконец, монастырь мог свободно покупать дрова для своих промыслов: «А дрова монастырскому соловару волно купити у моих людей».

Помимо роста соляных промыслов, в это время вообще расширялась торговая деятельность Троице-Сергиева монастыря.

Грамота 1447—1455 гг. Василия II Троице-Сергиеву монастырю на дмитровские владения и двор в Дмитрове упоминает «людей, которые купят ли что, продадут ли»[2]. Следовательно, городской двор являлся центром торговой деятельности.

В жалованной грамоте кн. Юрья Васильевича дмитровского Троице-Сергиеву монастырю, выданной в конце 50-х годов — первой половине 60-х годов XV в., говорится о праве на беспошлинный провоз через Дмитровское княженье монастырского товара, зимой на 300 возах, а летом на 300 телегах [3].

По грамоте, выданной Великим Новгородом Троице-Сергиеву монастырю, последний пользовался правом беспошлинного провоза товара на Двину зимой на возах, а летом на одиннадцати лодьях, и правом торговли в Вологде, Холмогорах, Неноксе.

К аналогичным выводам приводит и рассмотрение жалованных грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Из грамот середины столетия видно, что связь с рынком устанавливалась как через барское, так и через крестьянское хозяйство.

В грамоте кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю указано, что монастырским крестьянам разрешается «за озером рыба купити, и в городе рыбою с гостьми торговати»[4].

Тарханно-несудимая грамота кн. Михаила Андреевича предоставляет право торговли монастырским купцам, старцам и слугам в Верейском и Белозерском княжествах [5].

В грамоте Василия II на Вологду и Устюг наместникам и волостелям середины XV в. о беспрепятственном пропуске на Двину лодьи с товаром Кирилло-Белозерского монастыря говорится, что «коли не тихо [было] в земле, ино и Кириллова монастыря лодья с Вологды на Устюг и на Двину не ходила же с товаром». Грамота содержит разрешение для монастырской лодьи «ежелет всегда ходити с Вологды на Двину и на Устюг со всяким товаром и с рожью, будет тишина или не тишина»[6]. Этот документ интересен в двух отношениях. Он показывает, во-первых, что феодальная раздробленность и ее следствие — феодальные войны — являлись препятствием к развитию экономического общения. Во-вторых, видно, что развитие экономических связей внутри страны, как условие политической централизации, требовало устранения тех препятствий для экономического общения, которые существовали в Северовосточной Руси, раздробленной на ряд отдельных княжеств.

Ряд княжеских грамот середины XV в. говорит о дворовых владениях Кирилло-Белозерского монастыря в городах. Такова жалованная

---

[1] АЮБ, т. I, стр. 100—101, № 31/I; ААЭ, т. I, стр. 38—39, № 52; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 137, № 109; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 183—184.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 69.

[3] Там же, № 108, 134.

[4] Н. Дебольский. Указ. соч., № LX.

[5] Там же, № CLXI.

[6] ДАИ, т. I, № 186.

тарханно-несудимая и оброчная грамота кн. Михаила Андреевича на двор на Белоозере [1].

В 1455 г. дана жалованная тарханно-несудимая грамота Кирилло-Белозерскому монастырю кн. Юрьем Ивановичем на тяглый двор в Дмитрове на посаде, «что им дали к монастырю Корта да Шудеб двор Максимовской по душе по Максимовской»[2].

В грамоте Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю середины XV в. читаем: «Что есми дал грамоту свою горожаном вологжаном и отьцким на их двор на монастырьской, а велел есми был им тянути к ним их людем монастырьским, хто у них в том дворе в монастырьском живут людей, в всякие проторы, и в розметы, и в все пошлины, и яз князь великий нынеча игумена Касьана з братьею пожаловал, не велел есми их людем монастырьскым, хто в том дворе живут в монастырьском в городцком, к горожаном и к сотьцкым не тянути ни в которые проторы, ни в розметы, и ни в которые пошлины»[3]. Из этого документа совершенно отчетливо выступает борьба между тяглым посадским населением и привилегированным дворовладельцем. Посад стремится привлечь к отбыванию тягла и население монастырского двора, занимавшееся торговлей и промыслами. Сначала посад добивается удовлетворения своих претензий со стороны князя, но затем победа остается на стороне монастыря.

По Симонову монастырю известны жалованные грамоты Василия II 1451 г. об освобождении на 5 лет от оброка и ямской повинности двух монастырских варниц у Соли Галицкой [4], и кн. Юрия Васильевича дмитровского 1457 г. на двор в Дмитрове [5] (тарханно-несудимая).

К середине XV в. относятся жалованные тарханно-несудимые грамоты кн. Константина Федоровича суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на варницу у Сольцы [6] и кн. Ивана Константиновича Ярославскому Спасскому монастырю на варницу Березинскую с двором у Малой Соли [7].

Как было указано выше, наибольшее количество жалованных грамот монастырям на торговлю и промыслы падает на 60—80-е годы XV в. Это не случайно. Указанные годы представляют собой переломный момент в социально-экономической истории Северовосточной Руси и в образовании централизованного Русского государства. Это время характеризуется общим подъемом производительных сил страны, ростом экономических связей. Этот процесс нашел свое отражение в жалованных грамотах указанного времени. Рост товарно-рыночных отношений в рамках натурального хозяйства требовал снятия тех преград, которые создавались вследствие господства феодальной раздробленности.

Для 60—80-х годов XV в. характерно прежде всего, что жалованные грамоты на беспошлинную монастырскую торговлю выдаются правительствами целого ряда феодальных княжеств.

Так, по Троице-Сергиеву монастырю известны жалованные грамоты, выданные князьями московскими, тверскими, волоцким, углицким, правительством Новгородской феодальной республики. Можно говорить о планомерной таможенной политике, проводившейся союзом русских князей под главенством Москвы.

---

[1] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXXXV.
[2] ААЭ, т. I, № 373.
[3] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXCVI.
[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 3331; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 98; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 579.
[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 3713; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 120; С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, № 12.
[6] Сборник П. Муханова, № 268.
[7] ЦГАДА, ГКЭ, № 10862; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 197.

По грамоте вел. кн. тверского Бориса Александровича начала 60-х годов XV в. «купчины» Троице-Сергиева монастыря имели право беспошлинного проезда через Тверское княжество к Новгороду и обратно, летом — на павозке с подвозком, зимой — на ста возах[1].

В грамоте, адресованной вел. кн. Михаилом Борисовичем в 60-х годах XV в. мытникам на Кашинское устье, запрещалось брать пошлины с двух судов Троице-Сергиева монастыря, идущих «по хлеб» к селу Прилуцкому и обратно «с хлебом»[2].

Одновременно дана жалованная грамота о беспошлинном пропуске через Тверское княжение крестьянам Троице-Сергиева монастыря, отправляющимся в села Прилуки (в Углицком уезде) и Присеки (в Бежецком уезде) «по масло и по заспу, и на Пошехонский ез по рыбу, или что иное им надобе, монастырю, в двух павозках, да в двух лодках, или животину гонят из Присек, или их монастырские крестьяне пешие пойдут»[3].

Двумя жалованными грамотами вел. кн. тверского Михаила Борисовича освобождались от пошлин идущие по Волге через Дубенский, Жабенский, Кашинский и Скнятнинский мыты суда Троице-Сергиева монастыря: павозок с подвозком с солью и лодка с рыбой[4].

В 1476—1477 гг. Великий Новгород дал Троице-Сергиеву монастырю грамоту на беспошлинную торговлю по всей Двинской земле[5].

Во второй половине 60-х годов кн. Борис Васильевич волоцкий своей грамотой, адресованной волостелям, тиунам и пошлинникам, запретил взимание мыта, явки и прочих пошлин с плотов Троице-Сергиева монастыря, идущих из села Илемны по Оке и затем от Коломны вверх по р. Москве[6].

Грамота кн. Андрея Васильевича углицкого конца 60-х — начала 70-х годов XV в. предоставляет право безъявочного проезда крестьянам Троице-Сергиева монастыря, которые ездят из деревень Кашинского уезда в Углич «торговати или иным которым своим делом»[7].

Одновременно кн. Андрей Васильевич дал грамоту на беспошлинный проезд через Угожский мыт приказчикам и монастырским крестьянам села Илемны, «коли поедет ис тое волости приказник монастырьский к манастырю или от манастыря, или слуг своих имут слати, или коли хрестиане повезут повоз к монастырю, или иное что повезут»[8].

1484—1487 годами датируется жалованная грамота кн. Андрея Васильевича на беспошлинный проезд через Углич двух павозков на Белоозеро и одной лодки на Шексну[9].

Особый интерес представляют, конечно, жалованные грамоты московской великокняжеской власти.

К началу 60-х годов относится грамота вел. кн. Ивана III в Переславль таможникам о невзимании пошлин с крестьян Троице-Сергиева монастыря. Монастырские власти жаловались, что таможники «емлют» «на их людех на монастырских тамгу и все пошлины, да и по селом де по их по монастырским посылают поборов брати». «И будет так, — читаем

---

[1] ААЭ, т. I, № 78/III.

[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 114.

[3] ААЭ, т. I, № 78/III.

[4] ААЭ, т. I, № 78/II; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 111.

[5] Сборник Грамот Коллегии экономии, № 40.

[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 142.

[7] Там же, № 179.

[8] Там же, № 181.

[9] С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 48, № 3.

в обращении к таможникам, — как они [монастырские власти] сказывали, и вы бы нынеча по старине на их людех на монастырских тамги, никаких пошлин не имывали, и по селом бы есте по их не посылали поборов брати»[1].

Другая грамота 60-х годов XV в., данная Троице-Сергиеву монастырю Иваном III, касается четырех монастырских павозков и набойной лодки, которые «ходят торговлею» на р. Углу за солью и на Белоозеро и на р. Шексну за рыбой. Великокняжеские пошлинники не должны были брать пошлин « с их товара с монастырьского и с их наймитов»[2].

В грамоте Ивана III конца 60-х — начала 70-х годов XV в. гарантирована свобода от пошлин при проезде через суздальский и Лужский мыты слугам и крестьянам Троице-Сергиева монастыря, посланным «с возы с чем нибуди»: «А коли поедут люди монастырские, и оне себе емлют печать на колко возов у приказника у монастырского, да явят ту печать мытником, и мытники их пропущают, не издержав, без пошлин»[3].

В одновременной грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю говорится о запрещении взимать на Серебожском мыте пошлины с «крестьян монастырьских», которые «ездят из их сел и с приселков... з житом или з животиною, с чем ни буди, какой товар ни повезут, или старцы поедут или слуги их»[4].

В 1434—1487 гг. от имени Ивана III были отправлены грамоты в Дмитров и Вышгород таможникам, мытчикам, сотскому, волостелю по жалобе Троице-Сергиева монастыря на неправильное взыскание пошлин с монастырских судов (павозка с подвозком и лодки), идущих с Белоозера и Шексны: «И которые будет на них те пошлины поимали, и вы бы им те денги поотдавали назад, а в коих будет их пошлинах подавали на поруку, и вы б их в тех пошлинах с поруки здали»[5].

1486 годом датируется жалованная грамота вел. кн. Ивана III на беспошлинный проезд монастырского рыбного павозка на Белоозеро и обратно через Луковесский мыт[6].

Во всех рассмотренных выше грамотах бросается в глаза участие в торговле (особенно хлебной) монастырских крестьян. Это обстоятельство, несомненно, связано с постепенным появлением денежной ренты, как новой формы эксплоатации крестьянского труда.

Другую категорию жалованных грамот (кроме грамот на беспошлинную торговлю) представляют подтвердительные грамоты на городские дворы монастырей. Необходимость этих подтверждений вызывалась обострением борьбы между посадами и привилегированными дворовладельцами.

В начале 60-х годов XV в. Иван III подтвердил тарханно-несудимую грамоту Троице-Сергиеву монастырю на двор и варницы у Великой Соли[7]. Им же была подтверждена жалованная грамота его отца Василия II на варницы Троице-Сергиева монастыря у Соли Галицкой, за исключением варницы, перешедшей к монастырю от Семена Морозова: «А та варница моя, великого князя»[8]. Налицо стремление к ограничению прав монастырей на владения в городах.

---

[1] ААЭ, т. I, № 76.
[2] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 124.
[3] Там же, № 134.
[4] Там же, № 172.
[5] Там же, № 229.
[6] Там же, № 225.
[7] АЮБ, т. I, № 31/XVI.
[8] ААЭ, т. I, № 52.

В 60-х годах Иваном III дана жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю на двор во Владимире на посаде [1].

К 1461 г. относится жалованная грамота кн. Юрия Васильевича дмитровского Троице-Сергиеву монастырю о замене всех повинностей с монастырского двора в Дмитрове ежегодной суммой оброка [2].

В 1463 г. тем же князем Юрием Васильевичем дана грамота Троице-Сергиеву монастырю на два двора в Дмитрове, обязывающая уплачивать в княжескую казну «з году на год оброком з двора по полтине»[3].

В 60-х годах XV в. великий тверской князь Михаил Борисович дал Троице-Сергиеву монастырю тарханно-несудимую грамоту на купленный монастырскими властями двор в Кашине [4].

В 1474—1475 гг. вел. кн. Марья Ярославна дала Троице-Сергиеву монастырю тарханную и несудимую грамоту на двор в Ростове [5]. Подтверждение этой грамоты Иваном III носило временный характер: «до описи». П. П. Смирнов считает, что «с писцовыми описаниями времени в. кн. Ивана Васильевича намечался пересмотр прав на владение городскими дворами и сокращение этих прав на каких-то основаниях»[6].

К 1478—1483 гг. относятся жалованные грамоты вел. кн. Марии Ярославны Троице-Сергиеву монастырю на соляные варницы в Нерехте [7]. Несколько позже княгиня дала монастырю варничное место в Нерехте «промеж тивуня двора и попова двора Борисоглебского, а то деи было болото, и то деи болото насыпали троицкие соловары»[8].

В 1481 г. выдана тарханная грамота вел. кн. Ивана III на четыре варницы Троице-Сергиева монастыря у Соли Переяславской,[9] причем количество дворов при варницах было сокращено (один вместо четырех).

В 1484—1487 гг. оформлена жалованная несудимая грамота кн. Андрея Васильевича на монастырский двор в Угличе [10].

В 1488 г. Иван Иванович Молодой, сын Ивана III, дал Троице-Сергиеву монастырю место в Твери «за городом у Волги на стрелице, а поставят себе на том месте двор на приезд»[11].

Ряд жалованных грамот говорит об обострении борьбы с привилегированными дворовладельцами в городах.

Из грамоты конца 60-х — начала 70-х гг. XV в. Троице-Сергиеву монастырю выясняется, что представитель княжеской администрации в Галиче Федор Корова «велел... заповедати», чтобы у троицкого солевара «не наймовал нихто на дрова, да в том деи у них застояли дрова в лесу, а варници деи стоят у них затем без дров». Далее выясняется, что галичане «перебили» монастырских «поваров» в варнице, «розбили» два монастырских црена, « и згорели деи те црены». Наконец, Ф. Корова заставлял галицкого солевара на себя «наряжать пиры» и «собя дарити», а «людей монастырских» «держал в осаде сильно»[12].

---

[1] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 115.
[2] Там же, № 106.
[3] Там же, № 133.
[4] ААЭ, т. I, № 79.
[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 185.
[6] П. П. Смирнов. Указ. соч., т. I, стр. 89.
[7] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 195, 204.
[8] Там же, № 205, 212.
[9] Там же, № 197.
[10] Там же, № 215.
[11] Там же, № 231.
[12] Там же, № 175.

В 1484 г. была отправлена от имени Ивана III грамота к Соли Галицкой Кузьме Клементьеву, по челобитью игумена Покровского чухломского монастыря, жаловавшегося на то, что Клементьев нарушает великокняжеские грамоты и «отымает» воду у варницы: «И ты бы у них грамоты отца моего, великого князя, да и моей не рушил, воды бы еси у варницы не отимал, а велел бы еси им варить по старине»[1].

Грамоты 60—80-х годов XV в. другим монастырям (помимо Троице-Сергиева) также можно разбить на две группы: 1) грамоты на беспошлинную торговлю; 2) грамоты на промыслы и дворы в городах.

Грамоты первой категории подтверждают сделанные раньше выводы о втягивании в товарно-денежные отношения как барского, так и крестьянского хозяйства.

К 1462—1463 гг. относится жалованная грамота Ивана III Симонову монастырю о беспошлинном проезде монастырских «черньцов или мирян с монастырским товаром в паузке с подвозком» на Белоозеро, «также коли посылают своих черньцов или мирян в свои села в Бежиски Верх, или коли з Белоозера с рыбою пойдут, или из сел». Иммунитет распространяется и на монастырских крестьян, отправляющихся торговать из сел в Бежецком Верхе [2].

Грамотой Ивана III 1462—1463 гг. тому же Симонову монастырю разрешено производство беспошлинной торговли на озере Селигер: «А хто приедет Симановского монастыря чернець или белець в Кличанех, и яз им велел на озере ездити, и купити, и продати»[3]. Эта грамота была подтверждена кн. Федором Борисовичем волоцким в 1498—1499 гг. [4]

К 1473—1485 гг. относится грамота вел. кн. тверского Михаила Борисовича митрополичьей кафедре на беспошлинный проезд через Тверское княжество для митрополичьего «купчины». Последний совершает поездки через Тверское княжество дважды летом, «в павозке с подвозком, вниз рекою Дубною по реке Волге». Предусматривается возможный случай, что во время пути митрополичий павозок замерзнет. В таком случае товар перекладывается на возы (количеством сто) и направляется дальше, причем княжеские «мытники и заказчики» должны «пропущать» его «добровольно» (беспошлинно) [5].

Особый интерес представляет жалованная грамота кн. Михаила Андреевича белозерско-верейского митрополичьему Череповецкому монастырю 1473—1482 гг. на право сбора на Белоозере пошлин с монастырских лодей и возов. Из этой грамоты мы узнаем, что на Белоозеро привозились товары из целого ряда монастырей Северовосточной Руси: Троице-Сергиева, Симонова, Андроникова, Песношского, Борисоглебского, Колязина, Пустынского, Покровского и др. Торговля велась хлебом, житом и другими товарами [6].

В грамоте кн. Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1471 г. читаем: «Хто их старцев или людей поедет всквозе Тошенски мыт, не надобе им ни мыт, ни иные никоторые им пошлины»[7].

В 1471—1475 гг. тверской великий князь Михаил Борисович выдал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю, согласно которой последний мог посылать своего «купчину» «лете в паузке или в малом судне, а зиме на тридцати возех» через Тверское княженье, при чем если

---

[1] АЮ, т. I, № 93.
[2] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. IV, № 8.
[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 10170; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 130.
[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 10172; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 268.
[5] Амвросий. Указ. соч., т. VI, стр. 679—680, № 10.
[6] ААЭ, т. I, № 100, 153; Амвросий. Указ. соч., т. VI, стр. 678—679.
[7] ДАИ, т. I, № 204.

«купчина игуменов или что купит или что продасть» в Тверском княжестве, то «с игуменова купчины, и с его людей, и с его наймитов» не должны взиматься пошлины [1].

В грамоте Ивана III нижегородскому Благовещенскому монастырю 1473—1489 гг. упоминаются монастырские суда, отправляющиеся от Нижнего Новгорода вниз и вверх по Волге в летнее время в плавание по водным путям, и возы, направлявшиеся в путь с установлением зимних дорог. И те, и другие пользовались специальной княжеской охраной: «А коли с чем пошлют на низ в судне до Суры или вверх с каким товаром ни буди, или на возех, или что купят себе в Новегороде в Нижнем или на Суре, ино с того товару монастырского не надобе мыт..., ни иные никоторые пошлины»[2].

Очень интересны те данные, которые говорят о торговле «перекупным» товаром, т. е. о перепродаже товара с целью извлечения прибыли.

Грамота вел. кн. Марии Ярославны Кирилло-Белозерскому монастырю 1471—1475 гг. содержит освобождение от пошлин монастырских людей и возов, отправлявшихся «с монастырским житом и солию, или с-ыною монастырьскою рухлядью, а не с перекупным товаром» рекою Шексною в Луковесь и на устье Шексны[3] .

Жалованная грамота Ивана III московскому митрополичьему дому от 17 марта 1483 г. упоминает о торговле крестьян, проживающих в митрополичьей слободке Караш, Ростовского уезда, освобождая их от взимания таможенных пошлин. Особенно интересно указание на торговлю «перекупным товаром»: «А что слободчаня митрополичи продадут свое домашнее или что купят себе надобное в моей отчине, в великом княженьи, от того им тамга не надобе, ни восмьничее, ни мыт, ни иная никоторая пошлина, развее перекупнова товара. А который слободчянин имет перекупным товаром торговати, с того возьмут пошлинники тамгу, и мыт, и восмьничее по пошлине»[4].

В жалованной грамоте Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю на беспошлинный проезд монастырской лодье и возам в Двинскую землю для торговли читаем: «А ходити им одною лодьею однова на год. А в ту лодью им и на возы чюжаго товару, опрочь монастырьского товару, не класти»[5].

Несколько грамот 60—80-х годов XV в. даны князьями на монастырские дворы и промыслы.

В 1463—1470 гг. Иваном III была дана тарханная несудимая грамота Спасо-Ярославскому монастырю на варницу у Великой Соли [6].

К 1467 г. относится жалованная тарханная и несудимая грамота кн. Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в Вологде, «что купили собе... по отца моего, великого князя, грамоте жаловальной»[7]. Грамота была подтверждена в 1471 г. Через несколько дней Андрей Васильевич дал Кирилло-Белозерскому монастырю новую грамоту уже на два двора: «Велел есми им купити собе двор на Вологде черный, тяглой, где буде им пригоже на посаде, по отца своего, великого князя, грамоте жаловальной, а другой двор в городе в кремле»[8].

---

[1] ДАИ, т. I, № 202.
[2] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 22, № 2/XV; Амвросий. Указ. соч., т. VI, стр. 679—680.
[3] ААЭ, т. I, № 97; РИБ, т. XXXII, № 38.
[4] П. Иванов. Указ. соч., стр. 212—214.
[5] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXCII.
[6] ЦГАДА, ГКЭ, № 10863; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 140, 147.
[7] ДАИ, т. I, № 200/I.
[8] РОИМ, арх. ф. 61, № 114.

К 70—80-м годам XV в. относится жалованная грамота вел. кн. Марии Ярославны митрополиту Геронтию на соляные варницы и починки в Нерехте. Согласно этой грамоте солевар, которому митрополит поручит «те варницы держати», обладает судебными правами в отношении поваров, водоливов и «окупленных людей домовых». Соляные варницы пользуются податным иммунитетом [1].

1471—1475 годами датируется жалованная тарханно-несудимая грамота Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в Москве.

Ряд жалованных грамот падает на конец XV в. — начало XVI в., но их количество значительно уступает числу грамот времени 60—80-х годов XV в.[2]

В 1493 г. в грамоте от имени Ивана III, адресованной наместникам, пошлинникам, мытникам по дороге из Ростова на Кирилло-Белозерский монастырь, имеются указания на монастырскую торговлю хлебом, «что их хлеб монастырьский идет из Ростова в Кириллов монастырь в судне семьсот четвертэй ржи да триста четвертей овса». На основании княжеской грамоты наместники, пошлинники, мытчики не имели права «имать» с «того судна и с хлеба мыта и никоторых пошлин»[3].

В жалованной грамоте кн. Осипа Андреевича 1490—1495 гг. Троице-Сергиеву монастырю на беспошлинный проезд монастырского судна два раза в лето на р. Шексну читаем: «Что их судно ходит на Шексну дважды летом, и мытником моим с того судна и с людей и с подвоска мыта, никаких пошлин не имати, вперед и назад»[4].

В 1493 г. была послана грамота Ивана III в Юрьев-Польский о беспошлинном пропуске из села Шухобалова в Троице-Сергиев монастырь монастырского хлеба на 154 возах [5].

1496 годом датируется «грамота с прочетом» Ивана III в Луковесь, на устье Шексны, Мологи, Дубны, в Углич, Кашин, Дмитров, о беспошлинном пропуске лодьи и 4 саней, шедших с рыбой для митрополичьего двора с Шексны к Москве и обратно. Условием беспошлинного проезда является отсутствие в лодье и санях товара («а товару с ними не будет никакова, опричь рыбы»). Аналогичная грамота Ивана III 1499 г., адресованная в те же места и, кроме того, в Ярославль, Ростов, Переяславль, увеличивает число людей до двух, количество саней — до восьми [6].

К 1504 г. относится грамота кн. Юрия Ивановича кашинским и дмитровским мытникам о беспошлинном пропуске саней и лодей, идущих с митрополичьим «запасом» из Воскресенского Череповецкого и Никольского с Ковжи монастырей, с р. Шексны к Москве. Право беспошлинного провоза митрополичьего «запаса» ограничено двумя лодками (по четыре-пять человек в каждой) и восемью санями при условии, что в лодьях и санях не будет «товару... никакова»[7].

Грамота кн. Юрия Ивановича Симонову монастырю 1504 г. с освобождением от уплаты мыта монастырских крестьян сел Верзнева и Татищева Дмитровского уезда, гласит: «И коли ис тех сел и из деревень жито к ним в монастырь повезут или иное что, и мытники мои... во всю зиму на сте возех на год с них мыта не емлют. Тако же есми пожаловал, коли

---

[1] РОБИЛ, собр. Беляева, № 127 (1620), лл. 349 об. — 351.
[2] Н. Дебольский. Указ. соч., № CXCIX.
[3] РОБИС, кн. Q-IV-113а, лл. 1130—1131.
[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 232.
[5] Там же, № 240.
[6] ААЭ, т. I, стр. 99, № 133; РОИМ, Синод. собр. кн. 276, л. 327—327 об.
[7] ААЭ, т. I, № 140.

чернец их или слуга поедет, или хрестьяне их пеши поидут зиме или лете, и мытчики мои с них мыта не емлют во весь год»[1].

В 1505 г. Иван III дал Симонову монастырю жалованную грамоту на безмытный провоз 100 возов жита и проход в монастырь людей и крестьян из монастырских сел Дмитровского уезда.[2]

Эти грамоты уже не прибавляют ничего нового к нашему представлению о втягивании в товарно-рыночные отношения монастырского феодального хозяйства.

Незначителен для этого времени и материал о монастырском двороволадении в городах.

Известна жалованная грамота кн. Федора Борисовича волоцкого Иосифову-Волоколамскому монастырю, по которой последнему был передан двор в Волоколамске «на приезд, белая места»: «А на дворе хором две избы, да две житницы, да мшеник, да конюшня рубленая, да двои ворота покрыты, да двор огорожен заметом в столбы»[3].

В целом жалованные грамоты на монастырские промыслы и торговлю являются важным источником по истории социально-экономического развития Северовосточной Руси в XV в., дающим возможность проследить рост товарно-денежных отношений в недрах натурального хозяйства.

Образование Русского централизованного государства было подготовлено экономическим развитием страны и ускорено потребностями обороны[4]. Говоря о Западной Европе, Энгельс писал: «В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековье своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе»[5]. В России ко второй половине XV в., когда закончилась феодальная война (крупная «битва господствующего феодального дворянства»), особенно к последней четверти столетия, при господстве феодальной системы, замечается значительный подъем производительных сил. Этот вывод, вытекающий из анализа жалованных грамот, совпадает с выводами, полученными другими путями Б. Д. Грековым[6] и Б. А. Рыбаковым[7].

---

[1] РОБИЛ, собр. Беляева, № 23.
[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 3725; С. А. Шумаков. Обзор., вып. III, № 262.
[3] ЦГАДА, Волок. кн. № 153/II.
[4] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 176.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 440.
[6] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 549.
[7] Б. А. Рыбаков. Ремесло в древней Руси, М. — Л., 1948, стр. 592.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

ПРАВЫЕ ГРАМОТЫ КАК ПАМЯТНИКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕОДАЛЬНОГО СУДА

§ 1. Критика буржуазной историографии в области изучения правых грамот

Исключительный интерес для понимания феодальных отношений XIV—XV вв. имеют правые грамоты (документы, содержащие приговоры феодального суда) и судные списки (протоколы судебного разбирательства). Они уже давно фигурируют в качестве источников по истории русского феодального гражданского права, судоустройства и судопроизводства. Ими пользуются также и историки социально-экономических явлений. Но в советской исторической литературе совсем нет работ, которые были бы посвящены специально источниковедческому изучению правых грамот и судных списков и которые дали бы общую оценку правым грамотам, как *историческому* в широком смысле источнику, а не только источнику чисто правового характера.

В буржуазной литературе правые грамоты изучались в формально-догматическом плане.

А. Федотов-Чеховский в специальной речи, прочитанной на торжественном собрании киевского университета в 1848 г., подверг анализу в качестве исторического источника правые грамоты (в количестве 31), опубликованные в «Актах юридических», изданных Археографической комиссией [1]. Федотов-Чеховский предложил хронологическое и территориальное распределение грамот, остановился на их внешних признаках (материал, печати, подписи, справы и т. д.), на языке, содержании и плане. В результате автор подчеркивает значение правых грамот в качестве источника для изучения истории русского гражданского права. Правые грамоты, по словам А. Федотова-Чеховского, «представляют нам богатые материалы для обработки не одного русского процесса в периоде уделов; они содержат в себе еще множество разнородных сведений, полезных и необходимых для обработки определительных гражданских законов того же периода, особенно для учения о разных родах и видах имуществ, о способах их приобретения, укрепления и отчуждения, о способах заключения, составления, совершения и исполнения разных догово-

[1] А. Федотов-Чеховский. Речь о форме и содержании правых грамот, читанная в торжественном собрании университета св. Владимира 10 октября 1848 г., Киев, 1849.

ров по имуществу»[1]. То обстоятельство, что Федотов-Чеховский обратил внимание на правые грамоты как исторический источник и своим изданием ввел в научный оборот значительное количество правых грамот, является его бесспорной заслугой. Но приведенная выше характеристика правых грамот, данная Федотовым-Чеховским, затушевывает классовую сущность этих документов, отражающих деятельность карательных органов феодального суда.

Одним из ранних опытов дипломатического анализа судебных актов в буржуазной литературе явилась статья И. Д. Беляева, в которой он остановился на исследовании их разновидностей, различая среди них: списки судные, докладные, грамоты правые и бессудные. По собственным словам автора, он стремился выяснить, чем «отличаются друг от друга в судебно-административном значении» указанные виды судебных актов. «В самих актах название их не всегда выставляется, — говорит И. Д. Беляев, — почему издающие их в наше время нередко дают им произвольное название, а это для начинающих заниматься историею нашей древней администрации иногда может послужить поводом к ошибкам и недоразумениям. Других вопросов, на которые могут навести сии памятники, я не касался»[2]. Как и Федотов-Чеховский, Беляев остается в плоскости чисто формальных определений буржуазного права, не раскрывающих, а, напротив, стирающих классовую направленность документации феодального судопроизводства.

Недостаточный материал, бывший в распоряжении И. Д. Беляева, привел к тому, что он допустил ряд фактических ошибок при определении форм судебных актов.

Д. М. Мейчик третью главу своего исследования о грамотах XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции посвящает судебным актам[3]. Он прежде всего останавливается на их разновидностях, различая: 1) правые грамоты; 2) судные списки докладные; 3) судные списки подписные. «В правых грамотах решает дело тот самый судья, перед которым происходило первоначальное разбирательство; в докладных же списках и судных списках подписных дело решается высшим судьею»[4]. В докладных списках приговор высшей инстанции помещался на лицевой стороне листа или столбца, в подписных — на оборотной. Таким образом, в основе всех трех разновидностей судебных актов лежит судный список (протокол судопроизводства), за которым следует приговор суда, разбиравшего дело, или того, кому оно было доложено. Докладной список часто предполагал, как свое следствие, особую правую грамоту, выданную тем судьей, которым дело начато (докладная правая грамота). Наконец, особую разновидность правых грамот составляют бессудные (содержащие обвинительный приговор, вследствие неявки к суду или докладу). Далее Мейчик подвергает рассмотрению отдельные составные части судных списков и правых грамот, а затем переходит к их содержанию. Его интересуют при этом вопросы формально-догматического порядка: предметы исков, давность в русском праве, виды доказательств на суде (грамоты, поле, послухи).

Давая общую оценку судебным актам, как источнику, Мейчик особенно выделяет судные списки подписные и докладные. Их значение, по словам автора, «чрезвычайно важно. Прошедши чрез высшую судебную

---

[1] А. Федотов-Чеховский. Указ. соч., стр. 58.

[2] И. Д. Беляев. Списки судные и докладные и грамоты правые и бессудные в Московском государстве, «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым, кн. 2, пол. 1, М., 1855, отд. III, стр. 128.

[3] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 25—54.

[4] Там же, стр. 28.

инстанцию, они более, чем другие однородные акты, отражают в себе юридические воззрения времени и не могут быть заподозрены в искажении правды ради посулов и иных своекорыстных побуждений. Поэтому-то они и должны считаться самым надежным основанием для определения отношения Судебника Ивана III к предшествующей судебной практике»[1]. В этом определении государство рассматривается с буржуазно-либеральных позиций как надклассовая сила, осуществляющая идею всеобщего «блага».

В работе Н. Л. Дювернуа «Источники права и суд в древней России» на материале правых грамот основана глава «Формы договорного разрешения споров о праве и дальнейшее развитие органов суда и отдельных моментов процесса»[2]. Автор не предпосылает своему исследованию источниковедческого очерка о правых грамотах. То же надо сказать и о монографии Н. Ланге «Древнерусские сместные или вобчие суды», наряду с жалованными грамотами, использовавшего и правые[3]. Оба названных автора не выходят из рамок обычных представлений буржуазного права о значении суда как органа надклассового государства, стоящего на страже «высшей справедливости».

Ничего нового по вопросу о правых грамотах, по сравнению с Д. М. Мейчиком, не дает С. А. Шумаков, в своей статье о «Грамотах и записях» уделивший правым грамотам около полстраницы. «Грамоты правые, — пишет автор, — очень важны для истории нашего формального и материального права и для выяснения междуклассовых отношений и содержательны». Далее С. А. Шумаков очень коротко в схоластическом плане говорит о формуляре правых грамот и указывает на отличия от правых грамот грамот бессудных и судных списков (подписных и докладных)[4]. Бросив фразу о том, что правые грамоты дают возможность выяснить «междуклассовые отношения», Шумаков не раскрывает на конкретном материале этого положения.

В качестве источника для характеристики социально-экономических отношений периода феодальной раздробленности и эпохи образования централизованного Русского государства XIV—XV вв. грамоты использовали Н. П. Павлов-Сильванский и С. Б. Веселовский. Но они не раскрыли значения правых грамот для изучения феодальных отношений XIV—XV в., так как им было чуждо научное понимание феодализма, как общественной формации, характеризующейся определенным способом производства.

Классовый смысл всех приведенных выше высказываний буржуазных авторов о правых грамотах как историческом источнике становится понятным в свете той критики, которую дает В. И. Ленин буржуазным теориям государства. «Учение о государстве, — пишет В. И. Ленин, — служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ожидать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка»[5].

---

[1] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 33.

[2] Н. Л. Дювернуа. Источники права и суд в древней России, М., 1869, стр. 331—413.

[3] Н. Ланге. Указ. соч. — Правые грамоты затрагиваются в работе С. Пахмана «О судебных доказательствах по древнему русскому праву преимущественно гражданскому в историческом развитии» (М., 1851) и И. Д. Беляева «Специальное назначение судей и судебные грамоты в древнем русском процессе» («Сборник правоведения», т. VIII, М., 1898).

[4] С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 9.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 435.

Государство — это организованная сила господствующего класса, «организованное насилие одного класса для подавления другого»[1], «машина для поддержания господства одного класса над другим»[2], «машина в руках господствующего класса для подавления сопротивления своих классовых противников»[3].

Суд представляет собой орган классового государства, выполняющий карательные функции, направленные к удержанию в узде непосредственных производителей материальных благ. Поэтому документация феодального суда является источником для изучения деятельности государства по охране на основе существующего феодального права привилегий господствующих классов от их нарушений со стороны эксплоатируемого большинства населения. А самый характер правовых норм, лежащих в основе деятельности суда и характер преступлений, выражающих протест трудового народа против феодальной эксплоатации, раскрывают классовые противоречия феодальной производственной системы.

Правые грамоты рисуют и борьбу внутри класса феодалов за перераспределение земельных фондов и феодальной ренты, которая приводила к тяжбам, делавшимся предметом судебного разбирательства.

Маркс исключительно глубоко показал единство материального и процессуального права как единство содержания и формы. «Если процесс не представляет ничего, кроме бессодержательной формы, — говорит Маркс, — то такой формальный пустяк не имеет никакой самостоятельной ценности...; *материальное право*, однако, имеет свои *необходимые присущие ему процессуальные формы*... Процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, напр., формы растений и животных связаны с мясом и кровью животных. *Один* дух должен одушевлять процесс и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно проявление его внутренней жизни»[4].

Таким образом, изучение на основе марксистско-ленинской методологии правых грамот требует рассмотрения характера процессуальных форм в древней Руси в тесной связи с самым содержанием феодального права, а последнее — в связи с производственными отношениями, охране которых это право служит.

Ценность правых грамот, как источника по истории феодальных отношений, заключается в том, что они дают богатейший материал для характеристики землевладения в период феодальной раздробленности. С этой точки зрения правые грамоты совершенно недостаточно использованы в существующей исторической литературе. Одна особенность правых грамот придает большую ценность содержащимся в них данным в качестве материала для исторического исследования. В основе правой грамоты лежит судный список, т. е. протокол судебного разбирательства. Он регистрирует показания обеих сторон, выступавших на суде, так же, как и свидетелей, представленных обеими тяжущимися сторонами, и историк имеет возможность сопоставить эти показания и поставить вопрос, чем руководствовался судья при вынесении решения по делу. С другой стороны, правые грамоты часто цитируют документы на право владения недвижимостями, которые поступают к судье и от истца, и от ответчика. Взаимная сверка этих документов также является в руках исследователя средством к восстановлению реальной картины земельных отношений. Таким образом, требуя, как и всякий историче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1948, стр. 80.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 441.

[3] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 257—258.

ский источник, критики с точки зрения своей достоверности и классовой направленности, правые грамоты предоставляют исследователю материал для такой критики. Сопоставление друг друга дополняющих, корректирующих, а иногда и взаимно исключающих свидетельских показаний и земельных крепостей является одним из приемов исследовательской работы над правыми грамотами как историческим источником.

§ 2. Разновидности актов, относящихся к судопроизводству

Судебник Ивана III 1497—1498 гг. различает «правую грамоту» от «докладного списка».

Под докладным списком подразумевался протокол судебного разбирательства (судный список), передававшийся низшим судьей на доклад высшей инстанции (боярскому или княжескому суду), с вызовом сторон. Решение высшего суда подписывалось на обороте судного списка. На основании этого решения судья, ведший первоначально дело и составивший судный список, выдавал стороне, признанной правой, правую грамоту. Такая разница между докладными списками и правыми грамотами видна из ряда примеров.

Ко второй половине XV в. относится «правая грамота» (по определению копийной митрополичьей книги) на митрополичьи земли. Суд судил Федор Борисович Мансуров, который «поставя обои истци перед великим князем, да суд свой сказал и список суда своего положил». Князь вынес решение, «и по великого князя слову Ивана Васильевичя судьа его Феодор Борисович оправил митрополичьих крестьян»[1]. Грамота 1461—1464 гг. по спорному делу между митрополичьими крестьянами и крестьянами дворцового села Воиславского обозначена в копийной книге московской митрополичьей кафедры так же, как правая: «А се правая грамота». Она состоит из судного списка, доложенного великому князю Ивану III, и приговора последнего. «И о том судьи реклись доложити государя великого князя, как укажет... По сему списку... князь великий велел судьям землю присудити в дом Пречистой и Феодосию митрополиту всеа Руси»[2]. В 1492 г. разбиралось дело братьев Струниных с митрополичьими крестьянами села Каринского, Переяславского уезда. Судья «рекся доложити государя великого князя». Великий князь Дмитрий Иванович «по судному списку по подписанному» вынес приговор. «И по великого князя слову Дмитреа Ивановичя» судья «оправил» одну сторону, «обвинил» другую[3]. В грамоте князя Юрия Ивановича Третьяку Борисову 1498 г. читаем: «Что есте с Федором с Михайловым Вельяминова судили Благовещенского Кержацкого монастыря старцов с волостными хрестьяны о Собачниковской пустоши, да и список ты, Третьяк, суда своего о той земле передо мною клал, а Федор Михайлов о той же земле своего суда список передо мною клал же, доклада брата моего великого князя Ивана Ивановичя, за дьячьею подписью Васильа Долматова, и яз, выслушав ваши списки и обыскав того, да и в той есми земле старцев кержацких оправил и ту пустошь Собачниковскую велел есми присудити к монастырю на Киржач. И ты б на ту землю ехал, да ту бы еси им землю Собачниковскую пустошь к монастырю от волосные земли отвел по тому ж отводу, как в ваших спискех писано, да по меже бы еси велел грани покласти и ямы покопати по сей по моей грамоте»[4]. В разъезжей грамоте

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 141—143.
[2] АЮБ, т. I, стр. 635—639, № 103/I.
[3] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 52—57, № 4/III.
[4] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 181, № 244.

на митрополичьи земли 1525 г. говорится: «И Столыпа (истец) так рек: суд нам, господине о той земле с митрополичьим посельским... был, и за списком, господине, на докладе перед бояры с ними были же»[1].

Правая грамота, выдаваемая судьей одной из сторон без судебного разбирательства, на основании того только, что другая сторона уклонилась от явки в суд в назначенный срок, носила название грамоты бессудной.

Известна правая бессудная грамота (1432—1479 гг.), данная по приказу кн. Михаила Андреевича Афанасию Внукову с сыном Григорием на земли и пожни у реки Вакшицы и пустошь Саврасовскую, относительно которых вел тяжбу Ушак Арбужовский. Г. Афанасьев «бил челом» кн. Михаилу Андреевичу, «в отца своего место, Офонасьево», указывая на то, что князь «учинил» ему «срок словесный» для разбора его дела с Ушаком Арбужовским. Истец «на срок... отвечивати стал, а Ушак... на срок не стал» и документов на спорную землю «не положил». Кн. Михаил Андреевич «вспамятовал тот срок словесный, и по тому сроку» «оправил» истца А. Внукова с сыном, присудив ему землю и велев выдать «грамоту правую бессудную по сроце на третей день»[2].

В 50—60-х годах XV в. возникло дело о покосе крестьянином князя Семена Борисовича, Степаном Норою, лугов суздальского Спасо-Евфимьева монастыря на селище Копорье села Троицкого. С. Нора говорил на суде, что спорная пожня не принадлежит его владельцу, кн. Семену Борисовичу, который велел ему ее косить, «а сыну своему метать сено ево велел и грести». Ссылаясь на приказание своего владельца, С. Нора предлагал назначить срок для вызова в суд кн. Семена Борисовича, находившегося в это время в Вятке. Судьи «дали срок князя поставить». Когда кн. Семен Борисович приехал с Вятки, судьи назначили ему срок для явки в суд «от недели в неделю». С. Нора «на первый срок князя не поставил». Судьи назначили новый срок «в тот же день». Решение суда о явке кн. Семена Борисовича опять не было выполнено. Тогда судьи спросили у С. Норы: «Ялся еси князя Семена поставить на суде, где твой князь?». Ответчик был вынужден признать: «Ялся был, господине, стать, да под моим страхом, господине, не стал». В результате С. Нора был признан по суду виновным[3].

Образец бессудной имеется в древнейшей копийной книге митрополичьей кафедры первой трети XVI в. Ее текст начинается с челобитья Ивану III старца Игнатия «в посельского место митрополичя в Якушово». Челобитчик указывал, что великокняжеский пристав Алешка Чюбаров «отписал срок» митрополичьему посельскому Якушу «с андрониковским становщиком с Якушом» с товарищами, которые «покосили митрополичю пожню... у Парашинские перегороды Иконницкой земли через правую грамоту и через извет сильно». Ответчики должны были «стать перед великим князем на ильин день, а хто не станет, тот без суда виноват». Старец Игнатий «вь-Якушово место посельского» «перед великим князем на срок искати стал», а становщик Якуш и другие ответчики «на тот срок отвечати не стали». Указывая на это обстоятельство, челобитчик старец Игнатий подчеркивал, что «уже, господине, по сроце пятая неделя, а их таки нет». При этом челобитчик предъявил «срочную» грамоту о вызове ответчиков в суд. Тогда Иван III, «возря в срочную, дал

---

[1] М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 79, № 7/IV.

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 723; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 48; А. Федотов-Чеховский. Акты гражданской расправы древней Руси, т. I, Киев, 1860, № 10; С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 57, № 1.

[3] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, св. 1, л. 453 об.

в Якушово место посельского митрополичя Игнатью старцу на андрониковского становщика на Якуша [и других]... сю грамоту правую бессудную по сроце в пятую неделю». Бессудная грамота кончалась следующими словами: «Но ож будет срок их прав, и грамота моя в грамоту, а будет срок их неправ, и грамота их не в грамоту. А подписал великого князя диак Василей Кулешин» [1].

§ 3. Захваты крестьянских черных земель феодалами в период феодальной войны второй четверти XV в. и закрепление этих захватов правыми грамотами конца столетия

Если общее количество правых грамот и судных списков XV в. (опубликованных и неизвестных в печати) превышает 100, то только ничтожная их доля падает на первую половину XV в., а громадная часть относится ко второй половине и даже последней четверти столетия. Это, по-моему, не случайность. Отрешаясь от всевозможных обстоятельств, которые могли оказать влияние на степень сохранности документов феодальных архивов (пожары, нападения врагов, княжеские междоусобия и пр.), мы не можем не отметить одного весьма существенного явления: как раз в период феодальной войны второй четверти XV в. необычайно возросли захваты духовными и светскими феодалами черных крестьянских земель, а также внутриклассовая борьба за землю между феодалами, что послужило основанием для земельных тяжб второй половины XV в. Именно в конце столетия с укреплением государственного аппарата власти в результате образования централизованного Русского государства феодальный суд юридически закрепил за землевладельцами сделанные ими земельные захваты. Таким образом, мы имеем право сделать вывод, что почти полное отсутствие или наличие в очень ограниченном количестве в церковных и монастырских феодальных архивах судных списков и правых грамот первой половины XV в. объясняется тем, что основная масса земельных споров, поводом для которых послужили земельные сдвиги времен феодальной войны 40—50-х годов, была разрешена уже в конце XV в. Постараемся подтвердить это рядом примеров.

Во второй четверти XV в. крестьянин Нерехотской волости, Костромского уезда, Протас Мартынов сын Чернобесов продал Ивану Кузьмину волостные пустоши Гилевскую и Семениковскую, названные в купчей «вотчиной» продавца [2]. Иван Кузьмин, в свою очередь, передал пустошь Гилевскую, в качестве вклада, Троице-Сергиеву монастырю [3]. Это случилось не позднее 1448 г., так как 14 октября 1448 г. Троице-Сергиев монастырь получил жалованную грамоту от великой княгини Софьи Витовтовны на костромские владения, в числе которых названа и деревня Гилево (бывшая пустошь) [4]. В конце XV в. (1488—1490 гг.) крестьяне Нерехотской волости возбудили дело против троицких властей по поводу неправильного завладения указанной деревней. Дело разбирал судья Никула Коробьин [5]. Отвечавший на суде старец Данило продемонстрировал купчую и данную грамоты на Гилево. Представленные им старожильцы показали: «Мы, господине, того не ведаем, чья то земля бывала изстарины, а за монастырем, господине, помним то Гилево *лет с шестьдесят*». Истец не смог представить со своей стороны старожильцев, указав, что

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 239 об. — 294.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 293 об. — 295.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 283.
[5] Там же, лл. 293 об.—295; комментированное собрание АТСЛ С.Б.Веселовского.

они «были... да померли». Судья не поставил вопроса о незаконности отчуждения Чернобесовым волостной черной земли и перенес дело на доклад великому князю, который велел ему присудить спорное владение Троице-Сергиеву монастырю. Итак, отчуждение волостной пустоши монастырю произошло во второй четверти XV в., тяжба о ней — лет через 40—50, в конце столетия.

Исключительный интерес представляет правая грамота Симонову монастырю судьи Якова Шацевальцева 60—70-х годов XV в. Спор шел между числяками («числеными людьми») и монастырскими старцами о землях Московского уезда. Все крепости на эти земли, по показаниям монастырских старцев, сгорели. Но в 1448 г. монастырь получил от великого князя Василия II жалованную грамоту взамен сгоревших. Эта грамота была предъявлена на суде. «Численые люди» доказывали, что монастырь завладел землею около пятнадцати лет тому назад, т. е. в годы феодальной войны (в 40—50-х годах XV в.). Судья поставил обычный вопрос крестьянам: «От тех, пак, мест и до сех мест в ти пятнадцать лет о чем есте им молчали, а с ними живучи в одном месте о межу?». Выяснилось, что «числяки» дважды подавали жалобу великому князю, дело разбиралось двумя судьями, которые «волочили», «норовили» монастырским старцам, а «числякам» «не учинили ничего», не дали «исправы». Но именно эти показания «числяков» явились основанием для решения дела в пользу монастыря. Приговор был мотивирован тем, что «сами числяки сказали, что пятнадцать лет ту землю пашут на монастырь, а они молчали, а и судьи взводили, а ничего не учинили»[1]. Таким образом, пожар, уничтоживший монастырский архив, дал возможность церковным феодалам получить на свои владения грамоту от великокняжеской власти, пользуясь которой они обосновывали все свои захваты.

В конце же XV в. возникло спорное дело между Троице-Сергиевым монастырем и крестьянами Мишутинской волости Переяславского уезда. Речь шла о пустошах Кожевникове и Федоркове. Дело разбиралось дважды на протяжении семи лет: один раз — судьею П. Трусовым, другой — писцом князем В. И. Голениным[2].

На суде обнаружилось, что пустоши когда-то принадлежали к числу волостных черных земель. Из показаний старожильцев выяснилось, что в собственность монастыря они перешли в годы феодальной войны при Василии Темном: «...То мы, господине, помним и знаем, что те земли великого князя, а пахали те земли на монастырь от булгаковщины...» Булга — склока, тревога. «Булгашное время» — время «смут» и «тревог» (комментарий С. Б. Веселовского). Булгаковщина — время феодальной войны 40-х годов XV в. Дело было решено в пользу монастыря.

На суде писца К. Г. Заболотского 1497—1498 гг. по делу между волостными крестьянами Юрьевского уезда и посельским Троице-Сергиева монастыря Игнатом о селище Медвежьем, — судья «ответчика Игната поселского Троицкого монастыря оправил, а ищей... обвинил, потому, что их же знахорь Якуш бортник сказал, что то селище Медвежье от суздальского бою за бояры, а то селище как за монастырем лет з 20...»[3] Бой под Суздалем, во время которого был взят в плен войсками Улу-Мухаммеда великий князь Василий Васильевич, случился в 1445 г. Старожилец отмечал это событие, как время, когда произошло обоярение волостной земли, от бояр затем перешедшей к монастырю.

В 1495—1499 гг. волостные крестьяне Верхнего Березовца в Костромском уезде судились о праве владения Оглоблинской землей с «заказчи-

[1] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, лл. 227 об. — 231.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 543—547, 547 об — 551 об.
[3] Там же, кн. 531, Москва, № 183.

ком» Троице-Сергиева монастыря. Истцы показали, что лет 50—60 тому назад, т. е. в 30—40-х годах XV в., спорная земля еще не была монастырской. Это было подтверждено тремя старожильцами: «И Осташ так рек: яз, господине, помню за шестьдесят лет, — та земля Оглоблино тянула к столцу к Залесью всеми потуги. А Демид тако рек: яз помню за шестьдесят лет, та, господине, земля Оглоблино всеми потуги тянула к Залесью к столцу. А Есюня Костин тако рек: жил, господине, на Оглоблине отец мой Костя с Павлом, а потуги, господине, тянул со хрестьяны всеми к Залесью к столцу, а тому лет пятьдесят»[1]. Стало быть, захват земли монастырем-феодалом падает на время феодальной войны.

Чрезвычайный интерес представляет правая грамота писца Г. Р. Застолбского конца XV в. по делу между крестьянами Ликуржской волости, Костромского уезда, и митрополичьими детьми боярскими Некрасом и Дроздом Васильевичами Фомиными [2]. Крестьяне жаловались на суде на Фоминых, которые совершили незаконный наезд на их деревни и насильственную запашку тяглых крестьянских земель: «Приехавши сее весны, да те деревеньки и починки учали пахати и косити сильно на себя,...а те... деревни и починки из старины земли великого князя, Ликуржские волости тяглые». Дети же боярские Фомины, завладевшие 21 деревней и починком, утверждали, что они их получили в поместное держание от кафедры: «Те деревни и починки изстарины земли митропольские селецкие, а их теми деревни и починки пожаловал Симон митрополит в поместье». В ответ на вопрос судебных властей о происхождении спорных земель и их отношении к митрополичьим вотчинам («преж сего те деревни и починки за прежними за митрополиты за которыми бывали ли?») крестьяне нарисовали картину запустения Ликуржской волости от «великого поветрея» и расхвата волостных деревень боярами и митрополитами, первоначально владевшими лишь тремя сельцами. «Волость Ликуржская запустела от великого поветрея, а те деревни и пустоши волостные розоймали бояре и митрополиты, не ведаем которые, на себя лет с сорок (т. е. во время феодальной войны. — *Л. Ч.*), а волостных деревень Ликуржских тогды осталось одна шесть деревень с людьми, и нам тогды было не до земель, людей было мало, искати некому. А митрополичьих земель было изстарины три селца — Заднее да Переднее да Середнее, и нам до тех и дела нет».

Суд санкционировал захват на том основании, что истцы не могли точно указать, при каком митрополите состоялась земельная узурпация, а позднейшие писцовые книги зарегистрировали за кафедрой ряд «старых» деревень, среди которых возникли и «новые» («что не помнят, кой митрополит те земли поимал за себя, а в Михайловых книгах Волынского тех земель старые деревни писаны митрополичи, а новые деревни ставлены промеж тех же земель»).

Правая грамота конца XV в. из архива Симонова монастыря рисует происхождение одной монастырской вотчины — села Коробовского, в Московском уезде, в годы «белевщины», когда в Белеве укрепился Улу-Мухаммед и русские князья выступали против него походом. Один «знахарь» рассказывал суду, что «за три года до Белева» его отец получил жалованную грамоту на село Коробовское от Василия II, «и люди на той земле не сели розбоя для да и послы татарские тою же дорогою ходили» [3]. В результате земля попала к Симонову монастырю и только в конце XV в. возник вопрос о монастырских правах.

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 3394.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 286 об. — 292; АЮ, № 8.

[3] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, лл. 130—140 об.

В конце XV в. разбиралось дело между Спасо-Евфимьевым суздальским монастырем и черными крестьянами волости Нелши о земле селища Стебачева. На предложение судьи монастырским старцам представить крепости на спорную землю они ответили, что бывшие у них грамоты сгорели во время пожара Спасо-Евфимьева монастыря в «мамотяковщину», т. е. во время набега на Русь царевича Мамутека, сына Улу-Мухаммеда в 1445 г. Старожильцы дали показания, что спорное селище принадлежало к числу черных тяглых земель, затем им завладел Спасо-Евфимьев монастырь. На вопрос судьи черным крестьянам: «Почему вы дотоле тех земель не искали», крестьяне ответили, что волость Нелша в течение семнадцати лет находилась во владении литовского князя Судиманта, «и он, господине, за нас не стоял, и мы, господине, тех земель не искали, а нынеча ся, господине, Нелша достала за великого князя, и мы, господине, тех селищ ищом».

По решению вел. кн. Ивана Ивановича, разбиравшего дело, оно было решено в пользу монастыря [1].

Во время разбора писцом К. Г. Заболоцким земельного дела между крестьянами дер. Печенихины, Коломенского уезда, и Симоновым монастырем выяснилось, что спорная земля была захвачена монастырем в 40—50-е годы XV в. На вопрос судьи крестьянам, оспаривали ли они судебным порядком этот захват («бивали ли есте челом о той земле государю великому князю, что у вас ту землю пашет симановской посельской своими хрестьяны наездом?») крестьяне отвечали, что все их попытки в этом отношении не приводили ни к каким результатам: «...Доступити нам, господине, государя великого князя немошно, а наместником есмя, господине, коломенским о той земле бивали челом не одинова, и они, господине, нас о той земле с старцы не управливают, норовят, господине, старцом симановским». По словам крестьян, один из коломенских наместников, Федор Давыдович, который разбирал их дело с монастырем, присудил спорную землю монастырю «по посулом» [2].

Итак, анализ правых грамот убеждает, что это источник, относящийся преимущественно ко второй половине XV в., но рисующий земельные отношения в том виде, как они сложились во второй четверти XV в., в годы феодальной междукняжеской войны. Попытки крестьян добиться подачи жалобы в суд на узурпаторов обычно не давали никаких результатов. Во второй половине, а, главным образом, в конце XV в., с образованием централизованного Русского государства, был произведен массовый разбор по суду земельных тяжб, возникших с середины столетия. Спорная земля, как правило, закреплялась за феодалами, а крестьяне получали отказ в иске в силу давности, причем судья ставил им же в вину, что они не возбуждали иска сразу после захвата. Таков был суд, охранявший интересы господствующего класса.

§ 4. Правые грамоты как исторический источник для характеристики основных этапов земельной политики московской великокняжеской власти во второй половине XV в., в период образования централизованного Русского государства

Изучая правые грамоты в хронологической последовательности, можно заметить, что во второй половине XV в., в период образования централизованного Русского государства, московская великокняжеская

---

[1] РОБИЛ, собр. Муханова, № 63; Сборник П. Муханова, № 271.

[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, лл. 781—785; Д. Лебедев. Указ. соч., № 19.

власть, в интересах господствующего класса, призводила разбор земельных споров между отдельными феодалами и между феодалами и черным крестьянством, закрепляя юридически права привилегированного феодального землевладения. Разбор судебных споров и выдача правых грамот производились не от случая к случаю. Они относятся к определенным моментам и совпадают с основными этапами в образовании централизованного Русского государства.

Феодальная война второй четверти XV в. сопровождалась крупными земельными сдвигами. Она была связана с борьбой внутри класса феодалов за землю и феодальную ренту и с наступлением господствующего класса в целом на черное крестьянское землевладение. Непосредственно после феодальной войны московское правительство в 50-х годах XV в. начало разбор земельных тяжб, причем, главным образом, в пределах территорий, охваченных войной.

Как известно, в 1446 г., во время пребывания в Москве на великокняжеском столе Дмитрия Шемяки, была восстановлена самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества на правах великого. После победы московской великокняжеской власти самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества была снова ликвидирована. В связи с этим в суздальских пределах в конце 40-х и начале 50-х годов великокняжеские судьи произвели разбор земельных споров, возникших во время феодальной войны, и закрепили выдачей правых грамот права привилегированных землевладельцев. Так, к началу 50-х годов XV в. относится правая грамота судьи Федора Васильевича, с доклада вел. кн. Василию II, на землю Спасо-Евфимьева монастыря — село Мордыш, перешедшее в монастырь по жалованной грамоте Василия II [1]. От 50—60-х годов XV в. известен судный список суда тиуна суздальского наместника Степана Запинкина по спорному земельному делу между тем же монастырем и крестьянами князя Семена Борисовича [2].

На 1454 г. падает правая грамота судьи Дмитрия Давыдовича, с доклада кн. Андрею Васильевичу, Савво-Сторожевскому монастырю на рыбные ловли в озере Полецком и на «вершища» в устье р. Нары, о которых шел спор с крутицким посельским [3]. Звенигородское княженье являлось уделом Юрия Дмитриевича галицкого, главы феодальной удельно-княжеской оппозиции московской великокняжеской власти. Поэтому не случайно, что вскоре после окончания феодальной войны в пределах Звенигородского княжества начался разбор земельных тяжб.

Значительное количество судебных дел падает на третью четверть XV в. Известны правые грамоты суда Семена Васильева на Белоозере [4], Я. И. Татищева в Дмитровском уезде [5], Я. Шацевальцева [6], К. Ховралева [7] и Д. Лазарева — Станищева [8] в Московском уезде, тиуна Семена

---

[1] Сборник П. Муханова, № 275.

[2] ЦГАДА, ф. Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, св. 1, л. 453 об.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 4677; Д. Мейчик. Указ. соч., № 107 и стр. 102; С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, № 416; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 54.

[4] РОБИС, кн. № А-1-17, лл. 895—898.

[5] ЦГАДА, ГКЭ, № 3726; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, стр. 29; Д. Мейчик. Указ. соч., № 170; С. А. Шумаков. Обзор, вып. III, № 216. — До 1472 г. в Дмитрове судил удельный князь Юрий Васильевич (РОБИЛ, собр. Беляева, № 13; Д. Лебедев. Указ. соч., № 13).

[6] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, лл. 222 об. и 227 об.

[7] РОБИЛ, АТСЛ, № 224.

[8] Там же, кн. № 518, лл. 508—509.

Григорьева в Нерехте [1], Н. В. Беклемишева [2], и И. В. Ощеры Сорокоумова [3] в Переяславском уезде, О. Сущева в Суздале [4] и т. д.

Важным моментом в истории феодального суда является вторая половина 80-х годов XV в. В это время земельные дела были сосредоточены в ведении сына Ивана III, Ивана Ивановича Молодого, которому судьи докладывали результаты разбора земельных тяжб. В период с 1485 по 1490 гг. известны правые грамоты (с доклада вел. кн. Ивану Ивановичу Молодому) судей А. Клементьева [5], К. Клементьева [6], И. Котены [7], М. Коробьина [8], К. Наумова [9] и др.

В начале 90-х годов XV в. разбор судебных тяжб поручается великокняжеской властью писцам, производившим земельные описания. Так на Белоозере в 90-х годах XV в. производили судебное разбирательство писцы Михаил Дмитриевич Шапкин и Иван Голова Семенов [10], в Бежецком Верхе — писцы В. Башин и А. Вокшорин [11], в Коломенском и Юрьевском уездах писец К. Г. Заболотский [12], в Московском — сначала В. Н. Пушкин [13], затем писец В. И. Голенин [14] (он же описывал и Переяславский уезд), И. П. Каменский (по Углицкому уезду) и др.

Кроме того, за 90-е годы XV в. известны правые грамоты судей Б. Порошина (по Галичу) [15], В. М. Чертенка-Заболоцкого (по Дмитрову) [16] А. Перелешина (по Костромскому уезду)[17], И. Кузьмина [18], Ч. Ф. Безобразова [19] и В. Ч. Безобразова [20], В. Зверева (по Московскому уезду) [21], Б. И. Скрипицына [22] и И. Трусова (по Переяславскому уезду) [23], Наума Андреева [24], И. В. Чихачева и И. И. Хвостова (по Суздальскому уезду) [25], тиуна А. М. Дурова (по Ярославскому уезду) [26], И. Харламова [27] и др.

---

[1] Там же, кн. № 518, лл. 292—293 об.

[2] Там же, лл. 458—459.

[3] Там же, л. 540—541 об.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 11786; Д. Мейчик. Указ. соч., № 134. — Известны также правые грамоты судьи кн. Марьи Ярославны Василия Ушакова на владения в Пошехонском уезде (Сборник Муханова, № 325) и кн. Андрея Васильевича в Бежецком Верхе (РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 22 об.).

[5] Сборник Муханова, № 63.

[6] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 347 об. — 350, 378—380 об.

[7] АЮБ, т. I, № 52/III.

[8] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 297 об. — 299.

[9] Там же, собр. Беляева, № 49; Н. П. Лихачев. Сборник актов, № 7.

[10] ЦГАДА, ГКЭ, № 719—720, 812; АЮ, № 3, 5, 6, 141; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 120, 228, 230; стр. 111—112, № IV/2; С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 59, 74, 80—116; РИБ, т. XXXII, № 62, 47; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 41.

[11] ЦГАДА, ГКЭ, № 1135; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 244; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 16 и 31; С. А. Шумаков. Обзор, вып. I, стр. 60, № 1.

[12] РОБИЛ, собр. Беляева, № 19; Д. Лебедев. Указ. соч., № 19.

[13] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, л. 122.

[14] Там же, л. 126 об.

[15] ЦГАДА, ГКЭ, по описи Гоздаво-Голомбиевского № 224; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 413.

[16] РОБИЛ, собр. Беляева, № 20; Д. Лебедев. Указ. соч., № 20.

[17] А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 34.

[18] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 500—513.

[19] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, л. 150 об.

[20] Там же, л. 130.

[21] Там же, л. 269.

[22] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 535 об. — 538.

[23] Там же, лл. 543—547.

[24] Там же, кн. № 530, лл. 1426 об. — 1427.

[25] РОИМ, собр. Уварова, карт. 41/16 (644).

[26] ЦГАДА, ГКЭ, № 14751—14752.

[27] АЮБ, т. I, № 52/II.

Судебную коллегию в Москве в 90-х годах возглавляли князья И. Ю. и В. И. Патрикеевы [1], на доклад к которым и поступали судные списки. С 1498 г., после венчания Иваном III на царство своего внука Дмитрия Ивановича, известны правые грамоты суда последнего [2].

В начале XVI в. судили на Белоозере писец В. Г. Наумов [3], в Кашине — А. Хвостов и Я. Медведь Ярославцев [4], в Костромском уезде Г. Р. Застолбский [5], в Можайском — И. Оксентьев [6] и И. Бортенев [7], в Московском и Переяславском уездах — В. И. Голенин [8] и Ф.Н. Черевин [9], в Ростовском уезде — И. М. Болотин [10], в Ярославском уезде— Сук Дубровицкий [11] и т. д.

Итак, подводя итоги, следует сказать, что в выдаче феодалами правых грамот судебными органами Русского государства во второй половине XV в. можно наметить определенные этапы.

После окончания феодальной войны в середине XV в. московское правительство приступает к пересмотру прав на средства производства, производя судебные разбирательства по земельным тяжбам. Эти правительственные мероприятия развертывались на протяжении третьей четверти XV в. и преследовали задачу укрепления за привилегированными феодалами земельных владений, перешедших к ним путем захвата черных земель во время феодальной войны, а также задачу юридического оформления того перераспределения земельных фондов, (с учетом интересов дворянства), которое имело место опять-таки в значительной мере в период феодальной войны.

Этот земельный пересмотр и закрепление землевладельческих прав феодалов на основе выдачи им правых грамот был тесно связан с мероприятиями правительства по юридическому оформлению отношений феодальной зависимости, постепенному стеснению крестьянского права перехода, о чем речь была в главе, посвященной жалованным грамотам.

Вторым этапом в выдаче правых грамот, отражающим социально-экономическую политику московского правительства, следует считать 90-е годы XV в. Это — время, когда, в основном, уже образовалось централизованное Русское государство, была ликвидирована независимость основных феодальных княжеств и республик, сложилась основная государственная территория. Это — время, когда земельный вопрос приобретает особую остроту. Массовые выводы из присоединенных к Москве феодальных княжеств оппозиционных московскому правительству бояр-землевладельцев, перевод туда вместо них служилых людей из центральных областей Русского государства, развитие поместной системы землевладения, — все это обостряло борьбу среди феодалов за землю и ренту. Обострился, естественно, и вопрос крестьянский, так как перераспределение в массовом масштабе земельных фондов вызывало стремление со

---

[1] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, л. 147 об.

[2] Сборник Муханова, № 289 и др.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 14753, 751; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 7; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 19; АЮ № 11, РИБ, т. XXXII, № 73.

[4] ЦГАДА, Архив Колязина монастыря, кн. № 1, грамоты № 29—30.

[5] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 289 об. —290 об.

[6] ЦГАДА, ГКЭ, № 7609.

[7] ЛОИИ, собр. Беллюстина, № 3; Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128.

[8] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 547 об. — 551 об.

[9] ЦГАДА, ГКЭ, № 3337; С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, стр. 149, № 418; Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 29.

[10] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 429—431.

[11] ЦГАДА, ГКЭ, № 14750.

стороны феодалов к закреплению за собой крестьянских рабочих рук и борьбу за них среди различных разрядов господствующего класса.

В связи с проводившимися в 90-х годах правительством земельными переписями писцам был поручен разбор возникших среди землевладельцев и черных крестьян земельных тяжб. Не случайно именно к 90-м годам XV в. относится значительная часть сохранившихся до нас правых грамот. Правые грамоты представляли собой документы, юридически оформлявшие систему феодально-крепостнических отношений.

Практика феодального суда, материал для изучения которой дают правые грамоты, послужила источником изданного в 1497—1498 гг. Судебника Ивана III.

Издание этого памятника феодального права, имевшего значение первого правового кодекса централизованного Русского государства, является определенным этапом в изучении деятельности феодального суда как органа, охранявшего интересы господствующего класса. Массовые земельные описания, проводившиеся в начале XVI в., сопровождались также разбором писцами земельных тяжб, теперь уже на основе Судебника 1497—1498 гг., как единого кодекса феодального права централизованного Русского государства. Это — третий этап в выдаче феодалам правых грамот, являвшихся правовой гарантией привилегий феодального землевладения.

§ 5. Правые грамоты как источник для изучения форм захвата черных крестьянских земель феодалами

Правые грамоты рисуют формы захвата черных крестьянских земель феодалами. Одной из форм земельного захвата феодалами являлся «припуск» запустевших черных крестьянских земель.

В начале 90-х годов XV в. Симонову монастырю была присуждена пожня Калитниковская на р. Унже, оспаривавшаяся черным крестьянином с. Городищского В. Даниловым. На суде выяснилось, что спорный луг принадлежал к великокняжескому Городищскому селу, «а от мору тот луг залегл, а не кашивал его из Городища нихто, а косили его черньци симоновские» [1].

Из правой грамоты конца XV в. судьи К. Г. Заболотского узнаем, что монахи Симонова монастыря «освоили» черные земли, — селище Чевыревское и селище Кермединовское, Коломенского уезда, в то время, когда они «запустели от великого поветрея» [2].

В 1505 г. крестьяне Волской волости, Белозерского уезда, жаловались судье В. Г. Наумову, что приказчик Д. В. Шеина «припустил» в третье поле «их деревню Олешинскую, а та... деревня была пуста от великого мору...» [3]

На рубеже XV и XVI вв. у Симонова монастыря возникла земельная тяжба с Ивашкой Собакой. Последний обвинял посельского Симонова монастыря в завладении землей дер. Положимолотовской, Московского уезда. Старожильцы показали, что спорная земля была издавна великокняжеской, она «запустела от великого мору» и затем ею завладели монастырские власти. Суд решил дело в пользу монастыря в силу простой давности владения [4].

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 224 по описи Гоздаво-Голомбиевского: С. А. Шумаков. Обзор, вып. IV, № 413.

[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 781—785; Д. Лебедев. Указ. соч., № 19.

[3] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 7; ЦГАДА, ГКЭ, № 14753.

[4] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 126 об. — 127 об.

Подобного рода «припуск» осуществлялся феодалами особенно легко в силу отсутствия точных границ земельных владений.

Так, в 90-х годах XV в. бежецкие писцы В. Башин и А. Вокшорин присудили Симонову монастырю дер. Кузьминскую, бывшую в споре с В. Б. Нелединским. Последний утверждал, что спорная деревня «земля великого князя, а не Кузьминское, поставлена на великого князя земле на дву селищах». Решение суда в пользу монастыря было мотивировано показанием послухов со стороны В. Б. Нелединского, сказавших, что «слыхали у отцов у своих, что то Кузьминское земля великого князя, ане земль не ведают — чья, а меж не знают» [1].

Целый ряд судебных земельных дел возникал из-за отсутствия между земельными владениями твердых границ. Так, во второй половине XV в. митрополичий посельский Данило обвинял Левонтия Васильевича в том, что тот «перекосил» пожню, принадлежавшую митрополичьей кафедре. Ответчик признал, что он действительно «ту пожню косил», но объяснил, что он меж этой пожне «не ведает», так как пожня была ему заложена неким Сысоем, который «указал... ее косити по та места». Вызванный на суд Сысой также доказывал, что «доселе... [его] пожне межа [была] по та места», но соглашался на размежевание владений: «А ныне, господине, вели повести Даниловым знахорем, куды межа, господине, по ка места отведут, по та места митрополичьи, душа их, господине, подымет» [2].

В конце XV в. кн. И. Ю. Патрикеев вынес обвинительный приговор Андрею Оклячееву по его земельному делу с Симоновым монастырем на том основании, что А. Оклячеев и его «знахари» не могли указать границ спорного владения: «потому что Андрей и его знахори водили безмежно по новым наломом и по новым натесом, да и потому, что Ондрей и его знахари заблудилися, водили не по Симоновской земле, ни по Ондрееве, а водили по Угрешской земле Костянтиновского села, и угрешской крылошанин Офонасей Морж да старец Полуехт, наехав их на лесе, тако рекли судьи Чюбару да Ондрею и его знахорем: то, господине, Ондрей и его знахори заблудилися, водят не гораздо, не по Симоновской земле, ни по Ондрееве, а ведут, господине, Ондрей и его знахори по Угрешской земле по нашей Костянтиновского села, и с тех мест Ондрей и его знахори воротилися, а угрешскому крилошанину Офонасию да старцу Полуехту не отвечав ничего» [3].

В 1504 г. великокняжеский суд присудил Симонову монастырю луг и лес в можайской дер. Степановской, бывшей у монастырских властей в споре с крестьянами дер. Филипковской, Усошской вол., на том основании, что крестьянские «знахори» не смогли указать границ спорных владений («сказали, что той земле, и лугу, и лесу меж не знают») [4].

Легализованной формой земельного захвата являлось получение феодалом княжеской грамоты на черную землю.

В 60—70-х годах XV в. сотский Ю. К. Лычов, десятские Сысойко и Михалко подали «за всю волость за Пехорскую» жалобу в суд на архимандрита Симонова монастыря Евсевья, который завладел великокняжеским Спасо-Преображенским монастырем, озерами, деревнями и пустошами в Московском уезде. Монастырская братья ссылалась на то, что эти владения приобретены в результате обмена с вел. кн. Дмитрием Ивановичем. Вместо подлинной меновной грамоты, якобы, сгоревшей во время пожара в 1445 г., на суд был представлен список с этого документа,

---

[1] Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 244; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 16 и 31.

[2] Сборник Муханова, № 325.

[3] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 139 об. — 140.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 7609.

а также списки об отдаче Симоновым монастырем вымененного у вел. кн. Дмитрия Ивановича Спасо-Преображенского монастыря в условное держание разным лицам. На основании этих документов спорные владения были отданы по суду Симонову монастырю [1].

В конце 90-х годов XV в. судья В. Н. Пушкин разбирал дело между крестьянином Симонова монастыря Василием Узким и черным крестьянином Горетова стана Московского уезда Семеном Кожей. Последний жаловался на В. Узкого, что он пашет 11 лет наездом «землю великого князя Сонинское сельцо», «а то... истарины земля великого князя тяглая». Слова С. Кожи были подтверждены рядом старожильцев. На вопрос судьи, «почему жо ты Васку молчал, а пашет с тобою землю великого князя о межу», С. Кожа ответил, что он «не молчал, и сотцкому говорил», а сотский сослался на то, что у «архимандрита у симоновского грамота» [2].

Из правой грамоты вел. кн. Дмитрия Ивановича Симонову монастырю 1498 г. раскрывается история захвата монастырем-феодалом трех черных деревень, принадлежавших ранее к великокняжеской Долгой слободке. Слободской староста Микита Лысый так рассказал судье об этом захвате: «Изстарины, господине, были те деревни тяглые черные, да лет, господине, за пять при своем животе князь Михайло дал те деревни Пречистой на Симаново, а после, господине, княжь Михайлова живота уже одинадцать лет, те деревни Симоновские старци держат за собою».

На вопрос судьи, «о чем же таки есте им столь долго молчали?» староста ответил: «Сказали нам, господине, у себя на те деревни грамоту жаловальную, и мы им, господине, потому молчали» [3].

Во время земельного спора, возникшего в 90-х годах XV в. у Кирилло-Белозерского монастыря с крестьянами Сямской волости о земле деревни Левшинской, монастырский крестьянин Ивашко Онисимов дал следующие показания: «Дал... ту деревню старцом князь великий Василей Васильевич без отвода, а яз ту полянку посек лес дичь да и пахал двенадцать лет..., ещо видите сами лес дичь,... а топор с топором не сошолся» [4].

В 1500 г. во время разбора тяжбы о земле между Симоновым монастырем и крестьянами черной Усошской волости выяснилось, что спорная земля была передана в монастырь вел. кн. Иваном III. Один из старожильцев показывал судье: «То, господине, земля, на которой стоим, Симановского монастыря, Степановские деревни, а бывала, господине, та деревня Усошьские волости черная, и князь велики, господине, подавал Пречистые в дом по своем брате по князе по Юрье» [5].

Особенно интересны те правые грамоты, в которых речь идет не только о завладении церковными феодалами черными крестьянскими землями, но и об их стремлении к обращению в феодальную зависимость черных крестьян. Последние ведут борьбу против феодалов, используя свое право отказа.

В 90-х годах XV в. разбиралось дело по иску Симонова монастыря к крестьянам Окулику, Сусолу и Олферку. Монастырский посельский обвинял этих крестьян, что они «сидят на монастырской на Симановской земле, на Шишкинском селище, а называют... [ее] великого князя землею, а вон из деревни не идут». Крестьяне уверяли, что спорная земля является тяглой, черной. Судья велел выяснить у митрополита Зосимы

[1] АЮБ, т. I, № 52.
[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 115—119.
[3] Сборник Муханова, № 289.
[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 734; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 7. Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128.

(бывшего ранее архимандритом Симонова монастыря), «он ли посадил тех мужиков Окулика да Олферка на том на Шишкинском селе?». Зосима дал утвердительный ответ на этот вопрос, указав, что он дал крестьянам на три года льготную грамоту, причем по истечении этого срока они «приходили в монастырь» и «били челом» о продлении срока. Получив отказ, «они ис того ся и отказали за великого князя»[1]. Суд признал землю монастырским владением.

Около 1490 г. возникло судебное дело между Кирилло-Белозерским монастырем и крестьянами Волочка Словенского. Спор шел о починке Кочевинском, поставленном крестьянином Саввой Мандаковым. Последний жаловался на отводчиков Кирилло-Белозерского монастыря, которые «отвели» его «починок к своей пустоши к монастырской Кочевинской». «А мне, господине, тот лес дала волость, староста с крестьяны, и яз, господине, избу поставил, а то, господине, лес великого князя волоцкой» — говорил С. Мандаков. Монастырский старец доказывал, что починок является собственностью монастыря. Крестьянин С. Мандаков первоначально жил, якобы, в монастырской деревне, а затем «отказал» из монастырской деревни «за великого князя в волость», причем «вылгал себе» на Белоозере у местных властей «грамоту льготную на ту розсечь, а сказал... то лес великого князя, да почял... на ту розсечь бревна возити, хоромы окладывати»[2]. Суд признал Кочевинский починок монастырской собственностью.

К 1504 г. относится интересное судебное дело между Троицким Колязиным монастырем и Степаном и Аксеном Щелковыми о починках Крутец и Красное селище у р. Товы. Монастырский старец жаловался, что он «порядил... на пустоши на монастырские на Крутец да на Красное селище своих крестьян, и хоромы... себе на тех пустошах поставил, и леса... себе посекли», а Степан и Аксен «на те починки... ввезлися силно сее осени». Ответчики С. и А. Щелковы указывали, что «рядился... на те починки» дворецкий Жабенской волости, который «перевез» их и «посадил» в этих починках. При этом Щелковы показали, что они «не ведают», «хто те хоромы ставил и лес сек». На вопрос судьи, имеются ли у них льготные грамоты, ответчики показали, что они обращались за грамотами к дворскому и он им «молвил: как ся дасть бог омогу, и яз у вас буду и грамоты вам льготные подаю»[3]. Починки были присуждены монастырю. В 1504 г. возникло судебное дело по жалобе властей Колязина монастыря на волостных крестьян Ортема Вострого и др. Монастырский старец Агафон жаловался, что «тот Ортемко и его товарищи» жили «в монастырских деревнях в старых» и из монастырских деревень «лес россекали и прятали, и пахали и косили, и дворы себе на тех местех поставили за монастырь, да и грамоты... льготные на те починки взяли у игумена и у братьи за монастырь... а нынеча... те починки называют волостными землями». Крестьяне же указывали, что они «сели... на те места за великого князя на лес», а «рядил» их дворский Жабенской волости Васюк Деев. В качестве доказательства были представлены в суд и льготные грамоты, выданные последним [4]. Суд присудил спорные деревни монастырю.

Итак, из правых грамот очень отчетливо видно, что захват монастырями-феодалами черных земель сопровождается попыткой обращения в зависимость черного крестьянства.

---

[1] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 49 об.—50; Д. Лебедев. Указ. соч., № 15.
[2] АЮ, № 6; РИБ, т. XXXII, № 62.
[3] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. № 1, № 30.
[4] Там же, № 29.

§ 6. Правые грамоты как источник для изучения условного землевладения

При анализе жалованных грамот было показано, что́ они дают для освещения характера условного землевладения в XV в. Правые грамоты позволяют дополнить сделанные выше наблюдения, раскрывая роль условных земельных держаний, главным образом, на монастырских землях.

В 1458—1459 гг. княгиня Анастасия киевская, дочь великого князя Василия Дмитриевича московского, вышедшая в 1417 г. замуж за литовского князя Олелька (Александра) Владимировича, получив в приданое волости Почап и Передел, передала указанные владения Троице-Сергиеву монастырю [1].

Почап и Передел лежали смежно с владениями оболенских удельных князей. Между монастырем и Оболенскими происходили постоянные земельные конфликты, характер которых вскрывается из одного судебного дела, относящегося уже к 1496 г. Власти Троице-Сергиева монастыря предъявили иск к князю Ивану Константиновичу, обвиняя его в том, что он насильственно завладел Почапской землей и селищем Зеленевым («пашет сильно через извет, перелезши за межу»). Из дела выяснилось, что до того времени, пока Оболенские не были лишены всех прав удельных князей, они неоднократно захватывали монастырские земли и захваты эти не являлись предметом судебного разбирательства в силу того, что Оболенские не были подсудны московскому великому князю. Суд задал вопрос, почему власти Троице-Сергиева монастыря не возбуждали дела против князя И. К. Оболенского, хотя он уже 25 лет владел селищем Зеленевым: «Почему вы молчали князю Ивану, что он, сказывает, пашет ту землю Зеленево селище полтретьятцать лет?» Представлявший на суде интересы монастыря старец Исаия рассказал о постоянных протестах, с которыми выступали троицкие игумен и старцы перед князем Оболенским, и о неоднократных челобитных, которые они подавали московскому великому князю. Оболенский не обращал внимания на претензии, а Иван III откладывал рассмотрение дела, ему неподсудного (в силу судебной независимости оболенских удельных князей) и подлежащего разбору только в порядке сместного суда: «Мы, господине, ему не молчали, извечивали есмя ему ежолет, а он таки, господине, то наше селище пахал сильно через извет, а пристав, господине, к ним в Оболенск государя великого князя не въезжал, а государю, господине, великому князю, игумен и старцы бивали челом не одинова, и князь велики, господине, молвит: пождите ми, управлю вас».

В такой обстановке непрерывных внутриклассовых земельных столкновений представляют особый интерес те прекарные отношения, которые связывали монастырь с рядом держателей и объектом которых являлась Почапская вотчина. Прекарий служил средством прекращения поземельных тяжб. Выступавшие на суде старожильцы показали, что в течение ряда лет селище Зеленево отдавалось в держание и переходило от одного лица к другому. При игумене Спиридоне (1467—1474 гг.) в течение трех лет его «держал» великокняжеский сын боярский Богдан Микулин, бывший троицким слугой. Затем держателем всего Почапа называется Семен Васильевич Беклемишев брат Никиты Беклемишева и дядя Берсеня Беклемишева, одно время бывший наместником в Алексине [2].

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, л. 181—181 об.; кн. № 521, л. 121 об.; кн. № 530, л. 315; Сборник Муханова, стр. 600, № 320; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 76—77, № 99.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 174, 176, 179, 180.

От Беклемишева Почап перешел к боярину Федору Давыдовичу Хромого, который держал его «монастырю на соблюдение».

Всем перечисленным держателям приходилось непрерывно отстаивать неприкосновенность и целость Почапской волости от поползновений Оболенских. Так, при С. В. Беклемишеве на землю селища Зеленева «вломилася животина посельского» князя И. К. Оболенского. Ее «поимали» почапские крестьяне с приставом Беклемишева, и виновный посельский заплатил «протраву». При Ф. Д. Хромого «люди» Оболенских «покосили украдом» селище Зеленево, и держатель велел «сено поимати, а иное велел сжечи, а после того... то селище Зеленево пахали крестьяне почяпские».

Не совсем ясно, на чем основывал свои претензии на селище Зеленево князь И. К. Оболенский. Он ссылался на «пожалование» своего отца, но на вопрос судьи о том, имеются ли у него какие-либо документы на Зеленево (духовная, данная отца или деловая с братьями), ответил отрицательно. Он указывал лишь на то, что селище принадлежит ему, что он «пашет» его 25 лет, но не «ведает», почему отец его «то селище Зеленево называл своим». В дальнейшем обнаружилось расхождение в показаниях между Оболенским и его старожильцами, которые называли иной срок владения землей ответчиком, чем тот, который указывал он сам (не 25 лет, а 30). На это расхождение обратил внимание истец, старец Троице-Сергиева монастыря, отметивший также, что дававший показания старожилец сам еще не достиг тридцатилетнего возраста и в силу этого его ссылке на то, что Оболенский 30 лет пашет спорную землю, нельзя верить [1]. Дело выиграл монастырь.

Правая грамота Симонову монастырю второй половины 90-х годов XV в. на Коробовскую землю в Московском уезде показывает, как пожизненные монастырские условные держания становились наследственными. Монастырские власти передали Остафью Сиротину в прекарное держание названную выше землю «до его живота», «а опосле его живота, ино та земля опять монастырю». Но по смерти держателя его вдова вторично вышла замуж за Ивана Михайлова сына Тверитинова, который и стал эксплоатировать Коробовскую землю. «Тот Иван, — жаловался симоновский архимандрит, — после Остафья понял его жену, да нонеча ту землю нашу пашет другой год сильно за приставом, а с нами ся тако не управит». Ответчик оправдывался тем, что спорная земля принадлежит его пасынку, которому отец отдал ее «отходя сего света», и что он, Иван Тверитинов, «ту землю пашет у пасынка своего у Ивана».

На суде вскрылись очень интересные данные, касающиеся истории села Коробовского. Когда-то оно принадлежало вотчиннику Федору Дядькову, затем досталось его сыну Ивану, который умер «в мор в великий», оставив после себя малолетнего сына Федора Неплюя. Когда тот подрос, «и он, господине, был иман великим князем и взял грамоту на свою вотчину у великого князя у Василья жаловалную на ту пустошь на Коробовскую землю». В смутные годы «белевщины» Коробовская земля запустела, «разбои и татьба великие на дорозе, и люди на той земле не сели». Федор Неплюой отдал свою пустошь Симонову монастырю, и с тех пор она стала отдаваться в условное держание [2].

Здесь ясно видно, в какой мере отдача властями духовных корпораций в условное держание пустующих земельных участков преследовала

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 7693; РОБИЛ, АТСЛ, № 232; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 105—108, № III/3, стр. 150, № 258 С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 250; его же комментированное собрание АТСЛ.

[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 147 об.—150 об.

цели их заселения и культивирования. В первом приведенном деле между Троице-Сергиевым монастырем и князьями Оболенскими условное держание возникает в обстановке земельных споров, вызванных феодальной раздробленностью, в качестве удобной для обеих сторон формы их прекращения. В деле Симонова монастыря основным стимулом передачи земли в прекарное держание является возрождение сельскохозяйственной культуры на запустевших в условиях «белевщины» и междукняжеской «смуты» землях.

Очень интересна одна недатированная грамота, относящаяся еще к первой половине XV в. Возник спор между братьей Чудова монастыря и рядом мелких вотчинников. Последние жаловались, что архимандрит «отъял» у них деревни и луга, которые они считали своей «куплей и отчиной», «метает их вон» и «не велит им земль своих продавати никому». Представитель монастыря, чернец Дионисий, возражая на жалобу, утверждал, что спорная земля — «извечная святого Михаила, а тем, господине, ни отчина, ни купля». Постановление суда очень лаконично и заставляет призадуматься над его смыслом. Однако, вдумываясь в приговор, убеждаемся, что, признав землю «извечно» принадлежащей монастырю, отвергнув права истцов в качестве «отчинников» и лиц, приобретших недвижимость в полную собственность, суд рассматривает их как условных держателей монастырских владений. Только в таком смысле и можно понять следующую формулу приговора: «А хто имет продавати или купити или архимандрита не слушати, тех велел великий князь архимандриту вон метати» [1].

Из правых грамот мы можем почерпнуть сведения и о прекарных держаниях холопов.

В 1461—1464 гг. «съезжие судьи» — дворецкий митрополита Феодосия Семен Фомин и представитель звенигородского князя Андрея Васильевича Иван Хвощинский разбирали тяжбу о пустоши Лагиревой в Звенигородском уезде. Митрополичий посельский Вавилка жаловался на посельского Лешу и крестьян подклетного села Воиславского, «пооравших и посеявших ту пустошь старою митрополичью сильно», не давших ему покосить пожен и «сославших его с тех пожен сильно». Согласно показаниям митрополичьего посельского, спорная пустошь, названная воиславским посельским «княжщиною», была передана двенадцать лет тому назад митрополиту Ионе Харей Лагирем, холопом князя Юрия Дмитриевича, данная грамота которого и была продемонстрирована на суде. Харя Лагирь, княжеский холоп, женатый на рабе княгини Анастасии (вдовы князя Константина Дмитриевича углицкого), — Кавернице, в течение десяти лет «жил в селе Воиславском, а ту пустошь делал». До него на этой пустоши жил холоп Бортен. Выкупившись на свободу, Харя Лагирь передал землю, бывшую за ним в прекарном держании, кафедре.

Избранный третейским судьей, великий князь Иван Васильевич решил дело в пользу кафедры [2].

Некоторые споры второй половины XV в. возникли на почве земельных взаимоотношений между митрополичьей кафедрой и домовными монастырями. Выше говорилось о том, что патронат кафедры ставил домовные монастыри в известные отношения зависимости. Кафедре принадлежала верховная собственность на земли зависимой церковной организации, которая владела ими лишь условно.

---

[1] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 102, № 3; стр. 136, № 32.

[2] РОИМ, Синод. собр., № 276, лл. 116—118 об.; АЮБ, т. I, стр. 635—639, № 103/I.

Различие верховной собственности от условного владения характерно выступает в одном деле, относящемся к Костромскому уезду[1]. Во второй половине XV в. пречистенский игумен Василий с. Соти обвинял детей боярских князя Бориса Васильевича — Дмитрия Рожна и его братью Крюка и Остафья в «освоении» митрополичьей земли — монастырской «отчины и дедины», у реки Конши, под Георгиевской церковью. Дети боярские утверждали, ссылаясь на «знахарей», что «та церковь Георгий святый тот монастырь — отчина и дедина наша», «ставил ту церковь Георгия святого прадед наш Григорей Хвост». Тогда судья, условно признав Георгиевскую церковь «ставленьем» прадеда отвечавших на суде детей боярских, спросил, кому же принадлежит земля под церковью: «Сказываете, что та церковь великий Георгий ставленье Митина прадеда Григорьева Хвостово, а земля чья?». «Знахари» отказались дать ответ на этот вопрос, свидетели же противной стороны подчеркивали верховную собственность кафедры на спорную землю, «отчичами» которой являлись три духовных лица — игумен и два попа (один из них, поп Григорий, вероятно, идентичен с Григорием Хвостом), «певшие» в Пречистенском монастыре и Георгиевской церкви. Для феодальных отношений это различие верховной собственности от наследственного владения необычайно характерно. Земля домовных монастырей, находящихся под патронатом кафедры, находится также в зависимости от последней; поэтому в расширении митрополичьей земельной площади домовным монастырям принадлежит такая же ведущая роль, как и военным вассалам кафедры.

Такие же самые отношения патроната, связанного с верховной собственностью на землю, с одной стороны, и условного владения землей, — с другой, видим между Симоновым монастырем и его приписными «монастырьками». Материал об этом имеется в правой грамоте 60-х годов XV в.[2] Власти Симонова монастыря выменяли у Дмитрия Донского Спасо-Преображенский монастырь с землями и затем стали его отдавать в пожизненное держание попам. Оформление условий с держателями выражалось в виде купчих грамот «до живота», без права отчуждения. Их формуляр однообразен: «Се яз... поп (такой-то) купил есми себе до своего живота у архимандрита (у такого-то) и у его старцов (у таких-то) монастырь церковь святой Спас (с землями и угодьями). Дал есмь на том (столько-то) рублев да пополнка... А по своем животе ни дати, ни продати того всего никому, то все по моем животе опять в монастырь Пречистой на Симоново в дом».

Это — типичная формула прекарных отношений, преломившаяся в купчую грамоту, в которой цена недвижимости является замаскированной формой единовременного оброка. Впоследствии право владения землей у монастыря безнадежно оспаривали волостные крестьяне.

Наконец, материал правых грамот очень ценен и для характеристики условного землевладения княжеских слуг. В начале XVI в. писец В. И. Голенин разбирал дело по иску Троицкого монастыря к княжескому слуге Антону Гладкому и крестьянам Мишутинской волости, обвиняя их в завладении троицкой землей. Антон Гладкий рассказал, что он в свое время бил челом великому князю о спорных землях, «чтоб [его] пожаловал в поместье». «И князь великий, господине, меня теми пустошами, — говорит ответчик, — пожаловал и грамоту ми свою жаловалную дал, а другую, господине, грамоту дал посылную дворскому и крестьяном мишутинским. А се, господине, грамота перед тобою». Грамоты были

---

[1] РОИМ, Синод. собр., № 276, лл. 283—284 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 49—50.

[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 273—279; АЮБ, т. I, стр. 163—164, № 52/1.

продемонстрированы на суде. В жалованной грамоте указывалось, что «князь велики Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми истопника своего Онтонка Гладково в Мишутинской волости своими пустошьми Кожевниковым да Федорковым, а пашут деи те пустоши наездом». Монастырские власти противопоставили указанным крепостям данную грамоту на спорную землю, которая и решила дело [1].

Таким образом, правые грамоты, помимо прочего, освещают формы условных держаний, и эта сторона правых грамот, как исторического источника, еще очень мало использована в литературе.

§ 7. Виды судебных доказательств и их применение

Различные виды судебных доказательств гибко использовались в феодальном суде в целях ограждения привилегий крупных землевладельцев. Узурпация общинных земель феодалами находила санкцию со стороны судей, которые прибегали к различным аргументам для обоснования своего решения.

Одним из видов судебных доказательств было «поле» (судебный поединок). Но из сохранившихся правых грамот вытекает, что «поле» имело сравнительно ограниченное применение. В ряде случаев тяжбы решались не посредством поединка, а на основании показаний свидетелей (знахарей, старожильцев), данных письменных документов (крепостей) и т. д. Инициативу решения дела поединком, как явствует из правых грамот, в ряде случаев проявлял не судья, а кто-либо из тяжущихся или их «знахари» (свидетели). В правой грамоте 1504 г. читаем: «И ивановы [одного из тяжущихся] старожилци... так ркли: господине судья, то, господине, послуси (послухи другой стороны. — *Л. Ч.*) лживые, дай нам, господине, с ними божью правду, целовав крест, да лезем с ними на поле биться. И судья спросил Гаврилковых (другого тяжущегося. — *Л. Ч.*) старожильцев: А вы лезете ли с ними на поле биться? И... [они] так ркли: целовав, господине, крест, лезем с ними на поле биться» [2].

Отказ кого-либо из тяжущихся «биться на поле» влек за собой обвинительный приговор. Именно на основании отказа черных крестьян выйти на судебный поединок они в ряде случаев проигрывали дело. Так, во второй половине XV в. на суде по земельному делу между Симоновым монастырем и крестьянами черной деревни Печенхины черные крестьяне не смогли представить старожильцев: «Как им, господине, у нас старожильцом на ту землю быти, старожильци, господине, на ту землю мы, что та, господине, земля государя великого князя черная становая исстарины». В мотивировке обвинительного приговора крестьянам было указано, что «старожильцев у них не было и за поле не поимались, а сами они ищеи и старожильцы» [3].

Аналогичный случай представлен в правой грамоте Ферапонтову монастырю от апреля 1502 г.: истец выиграл дело, потому что «знахари за поле ся не поимали» [4].

В 1504—1505 гг. во время земельной тяжбы властей Златоустовского Ройского монастыря с черными крестьянами Пошехонского уезда показания старожильцев разошлись. Старожильцы, выставленные со стороны истца (монастыря), заявили: «Те, господине, Селиванковы [ответчика,

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 547 об. — 551об.
[2] Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 19.
[3] РОБИЛ, собр. Беляева, № 19; Д. Лебедев. Указ. соч., № 19.
[4] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 131—137, № IV; РИБ, т. XXXII, стр. 101—109, № 73.

черного крестьянина] старожильцы лживые, дайте нам, господине, божью правду, целовав крест, да лезем с ними на поле битися». Ответчик Селиванко отказался решить дело судебным поединком, сказав: «Что, господине, моим старожильцом лести на поле битися, про великого князя землю спросите, господине, великого князя волостных хрестьян лутчих людей по крестному целованью обыском, не в послушество». Допрошенные лучшие люди дали показания в пользу монастыря [1], который и выиграл дело.

Но в случае отказа от поля феодала суд иногда не выносил на основании этого обвинительного приговора.

В 60—70-х годах разбиралось спорное дело между Симоновым монастырем и крестьянами Корнилом и Ивашкой о селищах Куземкине и Дерикове в Московском уезде. Истцы Корнило и Ивашко называли спорные селища «землей великого князя становой истарины тяглой». Монастырские власти утверждали, что спорные земли достались им от прежних владельцев бояр по данным грамотам, в настоящее время сгоревшим. Показания знахарей разошлись, причем знахари, дававшие показания со стороны крестьян Корнила и Ивашки, просили присудить «поле». Монастырские власти отказались от «поля» и сослались на давность владения: «А на поле, господине, мы своим знахарем лести не велим, а слышал еси, господине судья, сам, что сами перед тобою говорят Корнилко и Ивашко, что пятнадцать лет ту землю пашем. А мы, господине, ту землю пашем ту землю лет мало не тритцать. А те земли все очищены великого князя грамотою жаловальною Василья Васильевича» [2]. Давность владения явилась решающим аргументом для суда, решившего дело в пользу монастыря.

Сохранившиеся грамоты свидетельствуют, что, как правило, дело до «поля» не доходило даже в случае вызова одной стороной противника и согласия на вызов другой. Известен случай, когда в середине XV в. вел. кн. Василий II назначил поле по делу о спорных землях между княгиней Евфросиньей и великокняжескими крестьянами. «И Василей (судья. — *Л. Ч.*) поставил истцов обоих и знахорей обоих перед великим князем и доложил о том великого князя. И князь великы вспросил истцов и мужей: был ли вам таков розъезд и суд о тех землях перед Васильем? И истьци и знахори обои так рькли: а таков, господине, был нам розъездь и суд. И князь велики велел Василью присудити им поле». Но «поле» не состоялось. Княгиня Евфросинья своим крестьянам «на поле лести не велела битися, ни их знахорем, а отступилась тех земль..., а положила княгиня Офросинья на душах на тех сотницех и на хрестьянех, на тутошних старожильцех, которые в тех землях живали». [3].

Таким образом, вместо «поля» прибегли к показаниям старожильцев. Согласно другой правой грамоте 1498 г. митрополичьей кафедре, тяжущимся было присуждено «поле». Ввиду того, что один знахарь истца не стал на срок к «полю», эта сторона проиграла дело без поединка. Князь Дмитрий Иванович, внук Ивана III, «ищею велел обвинити, потому, что их третей знахорь... на срок у поля не стал, и велел на них судье взяти полевые пошлины и убытки, что от списков давано» [4]. В 1521 г. должно было решиться «полем» дело между митрополичьими крестьянами и крестьянами помещика Павлина Чудинова сына Акинфова. Ввиду того, что один из ответчиков, «ставший» в первый «срок

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 9679.

[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 222 об. — 227.

[3] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 109, № IV/1.

[4] РОИМ, Синод. собр., № 276, лл. 132—136 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., стр. 52—57, № 4/III.

у поля», затем «от поля збежал», дело было решено без поля в пользу митрополичьих крестьян [1].

В 1497—1498 гг. разбиралось спорное дело между Симоновым монастырем, с одной стороны, и И. М. Тверитиновым и его пасынком И. О. Сиротиным, с другой, о владении Коробовской землей в Московском уезде. Обе стороны «поговорили, — нам, господине, поля не надобя, да и записи собе о том записали, что ити монастырьским знахарем с-ыконою, образом пречистые, по старые межи» [2].

Другим видом судебных доказательств было послушество. Непредставление послухов, которые подтвердили бы показания крестьян, решало дело в пользу землевладельцев.

В 1465—1466 гг. власти суздальского Спасо-Евфимьева монастыря обвиняли великокняжеских крестьян в покосе монастырских пожен. Крестьяне Казак и другие отвечали, что они косили спорные пожни «по грамоте великого князя», на основании приказания великокняжеского посельского Тульнева. Монастырские власти в подтверждение своих прав ссылались на показания «знахорей». Крестьяне, как «люди пришилые», не смогли представить «знахорей» и продолжали апеллировать к посельскому Тульневу, упорно ссылаясь на то, что они «меж не знают». Дело было решено в пользу монастыря [3].

В 1495—1497 гг. суд присудил архимандриту Спасо-Ярославского монастыря Венедикту пожню Крестцы у р. Которосли, оспариваемой у него крестьянином Никитой Левоновым, на том основании, что выставленный последним старожилец заявил: «Яз, господине, судья, тому месту, где стоим, имяни не ведаю, как то место зовут, яз, господине, тому месту не старожилец» [4].

В 1505 г., во время разбора дела между Спасским-Ярославским монастырем и кн. Иваном Пронским о владении пожней Чепчурой кн. Пронский, утверждавший, что эта пожня «тянет» к его деревне Ватманской, представил в суд старожильцев. Последние заявили, что они «в той деревне Ватманской не живали, того есмя места не пахивали, а меж. . . туто» не знают. Судья потребовал других старожильцев. Тогда приказчик кн. Пронского заявил: «которые, господине, в той деревне в Ватманской жили, и те, господине, вымерли, а старие того, господине, у нас людей нет» [5].

Около 1497—1498 гг. суд вынес решение в пользу Спасо-Евфимьева монастыря по его земельному делу с кн. Д. В. Холмским, потому что посельский последнего «поставил знахорей, одних крестьян Менчаковского села, а сторонних знахорей, детей боярских и хрестьян, не воимяновал» [6].

Имеются материалы, позволяющие говорить, что показания послухов оспаривались сторонами. Такова, например, правая грамота 1456—1483 гг. Суд судил великий князь рязанский Василий Иванович. Тягался великокняжеский бортник Сотя за себя и за бортника Михаля с Остафьем. Сотя сослался на «людей добрых». Остафий заявил: «А я, господине, на том на них шлюся же». «И пришед те люди перед великого князя, да в тех речах Сотю оправили, а Остафья обвинили». Остафий заявил протест («обвинили меня, господине, не по моим делам») и предложил решить дело крестоцелованием и «полем» («человек мой, господине, на нем

---

[1] АЮ, № 17.
[2] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 150 об. — 155 об.
[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 11786; Д. М. Мейчик. Указ. соч., № 134.
[4] ЦГАДА, ГКЭ, № 14751.
[5] Там же, № 14750.
[6] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, св. 1, лл. 575—578.

целует крест, а яз шлю битца»). Михаль и Сотя с товарищами приняли вызов: «А мы, господине, целовав крест, шлем одного межи себя на поле битца». Когда истцы стали в срок у «поля», Сотя и Михаль потребовали крестоцелования от людей Остафья. Те принесли присягу, на основании которой суд признал правым Остафья[1].

Расхождение на суде между показаниями послуха и тяжущегося обычно влекло за собой обвинительный приговор тому, чья ссылка на послуха не подтвердилась.

В 1497—1498 гг. разбиралась тяжба между посельскими Троице-Сергиева монастыря и черными крестьянами Фофаником и другими о селище Медвежье. Фофаник с товарищами ссылались на послуха бортника Якуша, показание которого оказалось не в их пользу. Судья «оправил» троицкого посельского и «обвинил» Фофаника с товарищами, «потому, что их же знахорь Якуш бортник сказал, что то селище Медвежье от Суздальского бою за бояры, а то селище как за монастырем лет з дватцать»[2].

В 1500 г. судья вынес обвинительный приговор черным крестьянам Усошской волости по их земельному делу с Симоновым монастырем, мотивировав свое решение тем, что старожильцы черных крестьян «меж не знают»[3]. В начале XVI в. судья Василий Иванович Голенин велел оправить ответчика Булгака Котельникова и обвинить истцов Гридю Кузьмина и Андрея Измайлова, «потому, что их же послух Степанко Мартынов сын по них не послушествовал»[4]. При этом, в случае расхождения показаний между землевладельцами и черными крестьянами, суд становился на сторону первых.

Во второй половине XV в. на суде Ивана Харламовича Гридька Голузнивой обвинял старца Симонова монастыря Семена, что тот «пашет без леп» «земли великого князя черныи тяглыи, . . . а зовет землями монастырскими». Грамот на эти земли (данных и купчих) у старца Семена не оказалось, так как, по его словам, все они сгорели. Был произведен опрос старожильцев, которые дали разные показания. Суд решил дело в пользу монастыря[5].

В ряде случаев в качестве доказательств на суде фигурируют письменные документы на землю, на основании которых феодалы выигрывают свои тяжбы с черными крестьянами.

В феврале 1498 г. разбиралось дело между Симоновым монастырем и черными крестьянами Черной слободки, Белозерского уезда. Монастырские власти обвиняли слободского старосту с крестьянами в том, что они «отняли» у монастыря три деревни на Белоозере, назвав их «черными деревнями Долгие слободки». Допрошенный староста показал, что «изстарины. . . были те деревни тяглые черные», но лет за пять до своей смерти белозерский князь Михаил Андреевич передал их Симонову монастырю, «а после. . . княж Михайлова живота уже одинатцать лет те деревни симоновские старцы держат за собою». На основании жалованной грамоты кн. Михаила Андреевича суд признал спорные деревни монастырскими.[6]

В начале 90-х годов XV в. на Белоозере разбиралось дело о захвате Кирилло-Белозерским монастырем ряда деревень и пустошей у крестьян

---

[1] Акты А. Юшкова, стр. 14—15, № 13.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 531, Москва, № 183.
[3] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128, № 2.
[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 429—431.
[5] АЮБ, т. I, № 52/VI.
[6] Сборник Муханова, № 289.

волости Арбуи. Монастырский старец Мартемьян ссылался на то, что спорные земли поступили в монастырь по данной грамоте Романа Ивановича и в подтверждение своих слов предъявил документы — жалованные грамоты белозерского князя Михаила Андреевича. Однако в этих грамотах не оказалось поименного перечня спорных владений. Поэтому судья потребовал предъявления самой данной грамоты Романа Ивановича, но она оказалась утраченной. По словам старца Мартемьяна, «грамота даная Романова у нас была, да по грехом. . . та грамота у нас утерялась». Несмотря на отсутствие грамоты, монастырь выиграл земельный спор [1].

Иногда в случае споров между землевладельцами на суде сталкивались разные документы, представленные тяжущимися сторонами. Так, в деле 1470 г. между Симоновым монастырем и Андреем и Иваном Лопотовыми о Малечкинской земле Лопотовы ссылались на то, что спорная земля значится в духовной грамоте их отца И. Лопотова, хранящейся в монастырской казне. Монахи предъявили грамоту в суд. Но указаний на Малечкинскую землю в ней не оказалось. Напротив, в предъявленной симоновскими старцами купчей грамоте на село Верзневское, приобретенное у вдовы кн. Петра Дмитриевича Евфросиньи, эта земля была помечена [2].

В 1479—1481 гг. происходила тяжба между Кирилло-Белозерским и Троице-Сергиевым монастырями о земле Вашкинец на Белоозере. Троице-сергиевский игумен Паисей утверждал, что эта земля передана монастырю Алешей Афанасьевым, причем представил данную А. А. Афанасьева. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Никон, в свою очередь, сослался на данную грамоту отца Алеши Афанасьева, — Афанасия о передаче той же земли в Кирилло-Белозерский монастырь. Тяжущимся был назначен срок для предъявления документов, а также представления Алеши Афанасьева. Документы были предъявлены. Допрошенный в суде А. Афанасьев сказал, что он «писал. . . ту грамоту даную сам своею рукою», а его отец в Кирилло-Белозерский монастырь «тое земли не давывал». Тогда судьи назначили новый срок тяжущимся сторонам для представления свидетелей, присутствовавших при оформлении обеих данных («послухов грамотных»). Поскольку Троице-Сергиев монастырь не смог выполнить этого условия, он дело проиграл [3].

Из правых грамот вытекает, что в ряде случаев феодальный суд, решая дела в пользу землевладельцев-феодалов, прибегал к посулам. Тяжущиеся подкупали судебные органы.

На суде по делу между Симоновым монастырем и И. Карповым Булгаковым с братьями о земле у дер. Кузнецова и Сорожика в Дмитровском уезде в последней четверти XV в., монастырские власти представили в качестве документа правую грамоту по тому же делу. Судья спросил Карпова: «Бывал ли отцю вашому о той земле, на которой стоишь, с старци симановскими таков суд?» и «шлете ли ся по той грамоте на печать и на мужи на судные?». Карпов дал отрицательный ответ, прибавив при этом: «Что ся нам, господине, слати, — что себе хотели, то писали» [4].

В 1505 г. черные крестьяне дер. Михайловской Ивачевского села, Белозерского уезда, жаловались судьям, что власти Кирилло-Белозерского монастыря завладели их пожней. По показаниям старожильцев,

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ, № 720; С. А Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 59, № 5.
[2] РОБИЛ, собр. Беляева, № 13; Д. Лебедев. Указ. соч., № 13.
[3] АЮ, № 1; РИБ, т. XXXII, № 43.
[4] РОБИЛ, собр. Беляева, № 20; Д. Лебедев. Указ соч., № 20.

об этих пожнях уже был суд, в результате которого дело было передано на доклад в Москву князю Даниилу Александровичу Пенкову. Последний велел судьям «оправить» крестьян, но судьи «у старцов посулы поимали, а крестьянам конца не доспели» [1].

Случаи, когда дело решалось в пользу крестьян, весьма редки. Правда, при анализе правых грамот следует учитывать то обстоятельство, что документы по тяжбам, проигранным монастырями, последние, естественно, не хранили.

Представляет интерес судебное дело 1475—1476 гг. между Кирилло-Белозерским монастырем и черными крестьянами дер. Фокинской о пожне. Крестьяне утверждали, что они косили эту пожню «до Едегеевщины за 20 лет». Монастырский старец не смог представить знахарей, ссылаясь на то, что он «человек не здешней жилец», что его игумен послал «недавно того села держати и з деревнями». Дело выиграли крестьяне, и это весьма редкий случай. [2]

В конце XV в. произошла тяжба великокняжеского бортника Фомки Талшанина с кн. Федором Федоровичем о пустошах и бортных лесах по р. Уготи. Истец жаловался на кн. Федора Федоровича, что он «отнял» у него пустоши и бортные леса, которые он разделывал по великокняжеской жалованной грамоте «да впускал. . . своих бортников. . . , и его. . . бортники старые борти ходят, а новые борти делают» [3]. На основании предъявленной бортником жалованной грамоты суд признал его права.

---

[1] А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, № 19; ЦГАДА, ГКЭ, № 751.

[2] РОБИС, Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря А-1-17, лл. 895 об. — 898.

[3] Описание актов гр. Уварова, № 6.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОДИФИКАЦИОННЫЕ РАБОТЫ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ XV в. (СУДЕБНИК ИВАНА III И ЕГО ИСТОРИЯ)

§ 1. Издания текста Судебника

Изучению первого Судебника очень мешало отсутствие до сих пор научного его издания.

Впервые текст Судебника Ивана III (вместе с Судебником Ивана Грозного) был опубликован в 1819 г. К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым по рукописи, найденной Строевым [1] в 1817 г. и в настоящее время хранящейся в Государственном древлехранилище Центрального государственного архива древних актов [2]. До этой находки исследователи были знакомы с Судебником Ивана III только по извлечениям из него, приведенным Герберштейном в своих «Комментариях о московитских делах», в латинском переводе, под заглавием: Ordinationes a Joanne Basilii magno duce anno mundi 7006 factae» [3]. Герберштейн дал перевод статей 3—7 и 9—16 Судебника (по позднейшей нумерации, принадлежащей М. Ф. Владимирскому-Буданову).

Рукопись, найденная в 1817 г., остается до сих пор единственным известным списком Судебника. Она была переиздана вторично в первом томе «Актов исторических», выпущенных Археографической комиссией [4].

Имеется еще несколько учебных и популярных изданий памятника, сделанных на основе более ранних публикаций, без привлечения рукописи [5]. Большей частью исследователи пользуются текстом Судебника

---

[1] Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изд. К. Калайдовичем и П. Строевым, М., 1819 (перепечатано в 1878 г.). Отрывки из первого Судебника приведены Н. М. Карамзиным в его «Истории государства Российского», т. VI, изд. 2-е, СПб., 1819, примечания, стр. 130—135, № 609.

[2] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. V, рубр. 1, № 3.

[3] С. Герберштейн. Записки о Московии, с латинского базельского издания 1556 г. перевел И. Анонимов, СПб., 1866, стр. 81—82; С. Герберштейн. Записки о московитских делах, введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1908, стр. 82—84.

[4] АИ, т. I, стр. 148—156.

[5] Sammlung kritisch bearbeiteten Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes, herausgegeben durch E. S. Tobien, B. II, Dorpat, 1846; Собрание важнейших памятников по истории русского права, сост. И. Лазаревский и Я. Утин, СПб., 1859; Svod zakonuv slovanskich (Свод законовъ славянскыхъ). Zporadal D-r Hermenegild Jireček, v Praze, 1880; Я. Г. Северский. Памятники древнерусского законодательства, СПб., 1893; Судебники Иоанна III и Иоанна IV 1497 г. и 1550 г. Текст

по «Хрестоматии» М. Ф. Владимирского-Буданова[1]. Все существующие издания Судебника Ивана III, восходящие, в качестве первоисточника, к печатному тексту 1819 г., в настоящее время уже не отвечают научным требованиям. Подробно об этом будет сказано ниже.

§ 2. Историография вопроса о происхождении и значении Судебника Ивана III

Впервые в русской историографии Судебник Ивана III получил более или менее подробную оценку со стороны Н. М. Карамзина. При этом основные положения Карамзина были некритически восприняты последующими дворянскими и буржуазными исследователями и, как это ни странно, повторяются иногда до настоящего времени в советской историографии.

Правда, о существовании Судебника Ивана III знали и дворянские историки, предшествующие Карамзину. Так, М. М. Щербатов, останавливаясь на последних годах княжения Ивана III, писал: «До сего времени весь суд и расправа по разным грамотам государским и по древним обычаям производились; и как незнание оных, так и самое пристрастие могло подавать причину ко многим злоупотреблениям, то сие мудрый сей государь и желал отвратить». В этих целях «он повелел единому из своих дьяков Владимиру Гусеву собрать все прежние грамоты, установления, обряды и обычаи, и по оным повелел всем судиям своим суд и расправу производить. Тако первенствующие российские законы были собраны, которые конечно послужили царю Иоанну Васильевичу, внуку сего великого князя, к сочинению полнейшего Судебника».

Точка зрения Щербатова отличается упрощенностью и присущим дворянской историографии стремлением объяснить появление законодательного памятника исключительно деятельностью «мудрого государя» — выразителя бесклассовых интересов. В концепции Щербатова совершенно отсутствует попытка связать возникновение Судебника с явлениями общественной жизни. Все внимание автора приковано к личности Ивана III, как законодателя, и непосредственного исполнителя его «повелений», «единого из дьяков», Владимира Гусева. При таком подходе к историческим явлениям объяснение обстоятельств возникновения Судебника получается примитивное и оторванное от общего исторического процесса.

Не может нас удовлетворить и источниковедческая сторона исследования Щербатова. Говоря о деятельности Владимира Гусева по кодификации памятников действующего права, Щербатов ссылается на известие одного летописного сборника из рукописного собрания Синодальной типографии[2], но критике его не подвергает.

Об «уложениях» князей Ивана III и Василия III глухо упоминает также И. Болтин[3].

Н. М. Карамзин при писании VI тома своей «Истории государства Российского» был уже знаком с Судебником Ивана III по выдержкам

с указателем напечатан проф. М. Клочковым, изд. Историко-филологического факультета Харьковского университета, Харьков, 1915.

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 2, изд. 5-е, Киев, 1915, стр. 82—108 (1-е издание — 1873 г.). Последнее по времени учебное издание Судебника Ивана III (вместе с Судебником 1550 г.) вышло в Горьком в 1939 г. (Судебники Русского государства, изд. Горьковского гос. педагогического института, Горький, 1939, стр. 15—23).

[2] М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. IV, ч. 2, СПб., 1783, стр. 301.

[3] И. Болтин. Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, т. I, 1788, стр. 317 и 320.

из него, приведенным Герберштейном. В главе VII Карамзин посвятил специальный раздел «законам Иоанновым». Подобно Щербатову, Карамзин рассматривает Судебник не как продукт общественного развития, а как памятник, возникший в результате мудрой законодательной деятельности носителя бесклассовых интересов, монарха, «возвеличившего оружием и политикою» Россию. «Сей монарх (Иван III. — *Л. Ч.*), — пишет Карамзин, — оружием и политикою возвеличив Россию, старался, подобно Ярославу I, утвердить ее внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, в которых она имела необходимую нужду, быв долгое время жертвою разновластия и беспорядков». До издания Судебника, «гражданским Уложением в случаях, не определенных российским правом», служила у нас Кормчая книга. Но в 1498 г. Иван III «велел дьяку Владимиру Гусеву собрать все наши древние судные грамоты, рассмотрел, исправил и выдал собственное Уложение, писанное весьма ясно, основательно»[1].

В примечании к указанному месту Карамзин приводит выдержку из «Продолжения Нестерова летописца», т. е. той Типографской летописи, на которую глухо ссылался Щербатов: «В лето 7006 князь великий окольничим и всем судиям уложил суд судити бояром по Судебнику Володимера Гусева»[2]. Эта выдержка дает Карамзину основание для утверждения о деятельности Владимира Гусева по подготовке Судебника.

Цитированное место взято, как указано, из Типографской летописи, известной Карамзину по изданию 1784 г. Оно читается там следующим образом: «Того же лета князь великый Иван Васильевичь и околничим и всем соудьям а уложил соуд судити бояром по Судебнику Володимера Гусева писати. . .» (далее пробел в 19 строк)[3]. Карамзин отбросил слово «писати» и в результате такого исправления текста получил фразу: «. . . суд судити по Судебнику Володимера Гусева». Вместо того, чтобы объяснить неясный сам по себе смысл летописного известия о Судебнике, Карамзин упростил свою задачу, произвольно изменив текст. Так, после трудов Щербатова и Карамзина в русскую историческую науку вошла неверная версия о Владимире Гусеве как составителе Судебника.

Внимательно изучив ряд статей Судебника по тексту Герберштейна и сопоставив их с текстом Судебника 1550 г., Карамзин пришел к выводу, что «известный Судебник царя Ивана Васильевича основан на Уложении деда его: те же законы и слова». «Нет сомнения, — писал Карамзин, — что в сем Уложении (Ивана III. — *Л. Ч.*) были еще и законы о наследстве, о духовных вотчинах, поместьях, займе, купле, холопях и другие, находящиеся в Судебнике (Ивана IV. — *Л. Ч.*)». Карамзин при этом, однако, оговаривается, что он «не знает верно, которые (законы. — *Л. Ч.*) изданы великим князем Иоанном и которые прибавлены его сыном или внуком»[4]. Конечно, научно ставить вопрос о взаимоотношении Судебников Ивана III и Ивана IV, при отсутствии в распоряжении исследователей текста первого памятника, было нельзя.

Уже после отпечатания VI тома «Истории» Карамзин получил от Н. П. Румянцева вновь найденный П. М. Строевым список Судебника Ивана III и убедился в том, что «сказанное им в «Истории» остается истиною, т. е. что законы Иоанна III служат основанием законов Иоанна IV». В примечании к VI тому «Истории» Карамзин привел (с пропусками) заголовки главнейших разделов Судебника Ивана III по предоставлен-

---

[1] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, изд. 2-е, СПб., 1819, стр. 354.

[2] Там же, примечание 609.

[3] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213.

[4] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 354—355.

ному в его распоряжение Румянцевым списку и сравнил некоторые статьи памятника с текстом Судебника 1550 г.[1] Сравнение это носит чисто формальный характер и лишено попытки вскрыть эволюцию социально-экономических явлений, поскольку она отражается в законодательных текстах.

В предисловии к изданию Судебника 1497 г., выпущенному К. Калайдовичем и П. М. Строевым в 1819 г., сделана попытка выяснить происхождение и значение памятника, причем в основе этой попытки лежат наблюдения Карамзина. Издатели начинают с краткого очерка чисто внешней истории русского законодательства, предшествовавшего Судебнику. Появление последнего рассматривается как результат падения татарского ига. «Нещастный период монгольского владычества над Россиею не представляет особенных узаконений; но нельзя думать, чтоб их не было, ибо без законов ни одно Общество существовать не может. . . С возвращением свободы и политической самобытности, отечество наше имело надобность в лучшем образовании внутреннего управления. Великий князь Иоанн Василиевич видел сей недостаток и принял меры оный исправить»[2]. Итак, согласно историографической схеме, заимствованной еще из дворянской историографии конца XVIII в.—начала XIX в., Иван III, сознавая недостатки во «внутреннем управлении» «отечества», «образует» его путем издания соответствующего законодательного акта. На первом плане опять — деятельность князя-законодателя, а не явления общественной жизни. Правда, возникновение Судебника рассматривается в связи с «возвращением свободы и политической самобытности» России после падения татарского ига. Но издатели ограничиваются лишь тем, что отмечают этот факт. Они не показывают, как процесс образования централизованного Русского государства вызвал соответствующее законодательство в виде Судебника Ивана III. И уж, конечно, они не вскрывают тех классовых противоречий, которые нашли свое отражение в нормах Судебника.

Вслед за Щербатовым и Карамзиным, Строев и Калайдович рассказывают о поручении Ивана III Владимиру Гусеву «собрать и рассмотреть древние судные грамоты», на основе которых в 1497 г. (исправляется дата Карамзина — 1498 г.) и было создано «новое Уложение»[3]. «Сии законы, — пишут издатели, — по справедливости, принадлежат к щастливейшим открытиям нашего времени»[4].

Сличение «законов» Ивана III с Русской Правдой показывает, по мнению издателей, что «характером своим они много разнствуют от Ярославовых: за убийство, разбой, кражу, зажигательство и другие уголовные преступления назначены в них наказания телесные и даже смертная казнь; между тем как в Ярославовых все сие наказывалось одними денежными пенями. В случаях сомнительных поединки, или поле, заступили место употребительных прежде испытаний железом и водою; послушество или допущение свидетелей также возымело немалую силу»[5]. Какими социально-экономическими и политическими причинами вызваны эти изменения в русском праве, — об этом авторы не говорят. Поэтому их сопоставление Русской Правды с Судебником не выходит за пределы чисто формальных наблюдений, лишенных исторического содержания.

[1] Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. VI, примечание 611.

[2] Законы вел. кн. Иоанна Васильевича и Судебник царя и вел. кн. Иоанна Васильевича, М., 1819, стр. XIII.

[3] Там же. Мне представляется, что Судебник был закончен в 1498 г. Во всей предшествующей историографии после Карамзина дается дата 1497 г., которая мною сохраняется в историографическом очерке.

[4] Там же, стр. XIV.

[5] Там же, стр. XIV—XV.

Так же формально дается характеристика самого Судебника, как памятника права.

Издатели отмечают некоторую ограниченность Судебника, занимающегося «более определением судебных пошлин, нежели предписаниями самого судопроизводства; должно думать, что на сие были другие узаконения, или производители руководствовались старинными обычаями, правилами уже существовавшими»[1].

Такая характеристика не может удовлетворить историка, который должен стремиться прежде всего понять социальную сущность изучаемых им источников.

В качестве «прекраснейшей черты» Судебника, «делающей честь законодателю», Калайдович и Строев отмечают стремление к ограничению власти органов провинциального управления: наместников, волостелей, тиунов. «Имея в своих руках власть судную», они «не могли наказывать преступников, ни давать грамот на холопство по своей воле, без утверждения самого великого князя»[2]. Понять смысл мероприятий правительства Ивана III в области ограничения наместничьего суда можно лишь рассматривая эти мероприятия в связи с общим процессом образования централизованного государства. Не понимая этой связи, авторы расценивают соответствующие статьи Судебника о наместничьем суде лишь как личную заслугу Ивана III. Социально-экономическая, классовая основа этих постановлений исчезает.

Сличение Судебника Ивана III с Судебником его внука Ивана IV доказывает, по словам Калайдовича и Строева, «почти буквальное сходство в главных положениях; отличия состоят единственно в дополнениях и в определении наказаний. Великого князя Иоанна видим как законодателя; царь Иоанн представляется нам исполнителем его законов»[3]. Формальный подход к источнику приводит авторов к неверному выводу о том, что между Судебниками 1497 и 1550 гг. нет принципиальной разницы. В действительности же Судебник 1550 г. отразил новый этап в создании централизованного Русского государства по сравнению с Судебником 1497 г.

В заключение Калайдович и Строев ставят вопрос о «неполноте» и «неисправности» «списка законов великого князя Иоанна»: «в нем недостает некоторых статей против Судебника (Ивана IV. — *Л. Ч.*); другие слишком кратки, недостаточны и поставлены не на своем месте»[4]. Формальная критика, которой руководствуются Калайдович и Строев, дает им возможность ограничиться констатированием этих особенностей текста Судебника, не ставя вопроса об их причинах. Между тем история текста изучаемого памятника в связи с историей производственных отношений и классовой борьбы в XV в. показывает, что в основе Судебника 1497 г. лежат более ранние, предшествовавшие ему правовые памятники. Их реконструкция является задачей исторической критики.

В работах по истории русского права буржуазных авторов первой и начала второй половины XIX в. (И. Васильева[5], А. Рейца, П. Чеглокова, К. А. Неволина, Н. Рождественского, М. М. Михайлова) главы, посвященные Судебнику 1497 г., построены почти целиком на данных Карамзина, Калайдовича, Строева и дают мало нового по вопросу

---

[1] Там же, стр. XV.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. XIX.
[4] Там же, стр. XXV.
[5] И. Васильев. Новейшее руководство к познанию российских законов, ч. 1, М., 1826, стр. 4—5.

о происхождении и значении памятника. Напротив, появляется тенденция к умалению и даже полному отрицанию значения памятника.

А. Рейц говорит по поводу Судебника 1497 г. буквально несколько слов: «Восстановленная независимость государства требовала большего порядка в управлении, посему великий князь Иоанн Васильевич поручил дьяку Владимиру Гусеву из древних грамот составить новый Судебник (оконченный в 1497 г.)». Иван IV, утвердив Судебник своего деда «во всей силе, дополнил его недостатки и издал снова под названием Судебника (1550 г.), приказав „приписывати" к оному и будущие постановления». Поскольку «старый Судебник весь перешел в новый», Рейц не считает нужным «упоминать о нем в особенности» и в своем «Опыте истории российских государственных и гражданских законов» пользуется исключительно текстом Судебника 1550 г.[1]

Можно с полным правом сказать, что Рейц не только умаляет значение Судебника 1497 г., но просто вычеркивает последний из числа исторических источников, отмечая его лишь с точки зрения имеющихся в нем «недостатков». Объяснение подобного незаслуженного отношения к памятнику кроется в формализме буржуазного юридического мышления, неспособного к изучению исторических явлений в их развитии. Более полный и развернутый текст Судебника 1550 г. отстранил на задний план в глазах буржуазных авторов предшествующий ему текст Судебника 1497 г. А ведь в последнем мы как раз находим зародыши тех явлений социально-экономической и политической жизни XV в., которые получили законченное выражение в середине XVI в.

Такой же точки зрения на Судебник, какую выдвинул А. Рейц, придерживается и П. Чеглоков. Он отрицает за Судебником 1497 г. какое-либо значение в истории права и считает его простой сводкой судных грамот предшествующего времени. Подобный взгляд появился вследствие того, что Чеглоков, как и Рейц, при изучении Судебника не ставит совершенно вопроса о процессе общественного развития, подготовившего его издание. П. Чеглоков отмечает, что Судебник Ивана III «не произвел ничего нового в области суда. Судебник в истории русского права имеет только то значение, что он был после Русской Правды первое собрание разбросанных дотоле законов. Суд чинился и по издании Судебника по тем же судным грамотам, которые только велено было собрать, рассмотреть и соединить в одно целое дьяку Владимиру Гусеву»[2].

Такой нигилизм в отношении Судебника, объясняемый формально-схоластическим подходом к изучению памятника без всякого учета тех явлений в истории феодального общества, которые вызвали его к жизни, является крайностью в буржуазной историографии.

Ряд буржуазных авторов признает в той или иной мере значение Судебника, хотя и не раскрывает его классовой сущности, ограничиваясь указанием на проведенную этим актом судебную централизацию.

К. Неволин в своей «Энциклопедии законоведения», как и его предшественники, ставит появление Судебника в связь с падением татарского ига. «По возвращении внешней независимости с ниспровержением татарского ига отечеству нашему нужно было получить также лучшее внутреннее устройство». Далее автор воспроизводит версию о Владимире Гусеве, как составителе Судебника, и коротко перечисляет источники памятника (судные грамоты и Русская Правда). Давая общую характеристику Судебника Ивана III, Неволин пишет: «Самая большая часть постановле-

[1] А. Рейц. Опыт истории российских государственных и гражданских законов, М., 1836, стр. 238—239.

[2] П. Чеглоков. Об органах судебной власти в России, Казань, 1855, стр. 2.

ний Судебника имеет своим предметом судопроизводство, судебные пошлины, преступления и наказания за преступления; к этому присоединяется несколько законов о правах на имущества и обязательствах»[1]. В приведенных высказываниях, так же как и в работах авторов, писавших до Неволина, отсутствует попытка связать возникновение памятника с явлениями классовой и внутриклассовой борьбы в феодальном обществе, с мероприятиями феодального государства. Памятник получает чисто формальную, лишенную классового содержания характеристику.

В трудах Н. Рождественского и М. Михайлова особенно подчеркивается значение Судебника 1497 г. в объединительной политике Ивана III, его роль в централизации суда, в унификации разнообразных местных правовых норм. В то же время отмечается бедность содержания. Конечно, в силу общего направления буржуазной науки, изучающей правовые институты в отрыве от производственных отношений, государственная и судебная централизация рассматриваются вне связи с общественным разделением труда, развитием местных рынков в стране, ростом экономического общения.

Н. Рождественский в своем «Обозрении внешней истории русского законодательства» начинает раздел, посвященный Судебнику Ивана III, с краткой характеристики итогов внешней и внутренней политики Ивана III, которые объясняют создание Судебника. «Иоанн III, восстановив независимость России, обеспечив оную против внешних врагов многочисленным войском и богатою, постоянно дополняемою, казною, достаточною для удовлетворения государственных расходов в мирное и военное время, старался также о сохранении внутренней безопасности, о обеспечении прав своих подданных против частных нарушений». В качестве источников Судебник пользуется судными грамотами, частично Русской Правдой. По форме он представляет собой также «грамоту, определяющую устройство судной части в самой Москве». Но цель издания Судебника — «высшая, государственная». Он должен был приготовить «преобразование судоустройства и судопроизводства, не только во всех владениях, уже довольно обширных, великого князя Московского, но и в других княжествах». По своему превосходству перед остальными уставами Судебник должен был служить образцом и, следовательно, «способствовать нравственному сближению частей еще раздробленной России». О несомненном успехе в развитии русского права свидетельствует, по мнению Рождественского, уголовная система Судебника. Особенное внимание обращено на государственные преступления, детально оговорены «преступные деяния» должностных лиц. «То и другое показывало силу и бдительную деятельность центральной верховной власти»[2].

Трактовка Судебника, предложенная Рождественским, типична вообще для буржуазных историков права. Подчеркивая организующую роль государственной власти, Рождественский рассматривает ее не как орган классового господства, а как внеклассовую силу, стремящуюся к «обеспечению прав своих подданных». Поэтому и Судебник в понимании Рождественского — не памятник классового законодательства, а акт, способствующий «нравственному сближению» частей «раздробленной России».

---

[1] К. Неволин. Энциклопедия законоведения, т. II, Киев, 1840, стр. 588—589.

[2] Н. Рождественский. Обозрение внешней истории русского законодательства, СПб., 1848, стр. 58—60.

Формализм, свойственный буржуазной теории и истории права, отличает и труды М. М. Михайлова. Этот формализм проявляется в стремлении, отрешаясь от содержания Судебника, понять чисто внешнее его значение как акта, проводившего идеи централизации. Такой разрыв содержания и формы неблагоприятно отражается на результатах исследования.

М. М. Михайлов, разбирая Судебник 1497 г., отмечает, что он явился дальнейшим развитием Русской Правды. При бедности материального содержания, в Судебнике нашла значительное развитие формальная, чисто процессуальная сторона. Уже судные и уставные грамоты «ввели много усовершенствований в формальной части процесса, причем обогатили и внутреннее его содержание». Но главным недостатком этих грамот было отсутствие единства. «Они имели значение местных узаконений, при том же были относительного достоинства: одни совершеннее, другие несовершеннее, а от этого недостатка единства страдала целость государства». Иван III «хотел связать соединенные под его скипетром части государства прочною связью — единством законов и успел в этом деле, как мудрый законодатель». Не отвергая прежних судных грамот, он подверг их исправлению и дополнению, причем «все местное, частное было отринуто, и Судебник принял значение общего закона для всех частей государства»[1].

В более позднем курсе истории русского права М. М. Михайлов также подчеркивает «внешнее значение» Судебника Ивана III при скудости его «внутреннего содержания». Это внешнее значение выразилось в «сообщении всем судам определенной надлежащей формы и в подчинении всех судов центральному московскому суду». «Хотя Судебник упоминает о различных судах, но все они зависели от суда московского. Это было весьма важным успехом, потому что это подготовляло и вырабатывало ту великую идею, что для всех жителей Московского государства, кто бы и каков ни был, — от боярина до простолюдина, — суд должен быть одинаков». С изданием Судебника «должны были потерять свою силу некоторые привилегированные места и лица, в силу чего они прежде освобождались от зависимости общему суду или пользовались какими-нибудь особенными привилегиями». Судебник выражал «ту великую истину, что для всех жителей Московского государства суд должен быть равен и одинаков». Но внутреннее содержание Судебника, по мнению М. М. Михайлова, бедное: он повторяет постановления Русской Правды и судных грамот. Поэтому Русская Правда сохранила свою силу и с изданием Судебника, тем более, что Судебник не затрагивает целого ряда существенных вопросов[2].

Чисто формальный подход к источнику, содержание которого Михайлов не подвергает классовому анализу, естественно, привел автора к неправильному взгляду на Судебник. Он рассматривает его как законодательный акт, стирающий все классовые перегородки во имя идеи всеобщего равенства перед государственным судом.

Не только буржуазные историки права, но и общие гражданские историки середины XIX в. давали идеалистическую трактовку Судебнику 1497 г. Показательны в этом отношении страницы, посвященные Судебнику в «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Для последнего Судебник Ивана III представляет «новое движение юридических понятий» сравнительно с предшествующими уставными грамо-

---

[1] М. Михайлов. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 г., СПб., 1848, стр. 36—37.

[2] М. М. Михайлов. История русского права, СПб., 1871, стр. 273—274.

тами. Таким образом, Соловьев рассматривает Судебник как источник для изучения не общественных отношений, а «юридических понятий», Представление о Судебнике как памятнике права у Соловьева очень примитивное. Он отмечает, что Судебник «составлен без всякого порядка, из статей, в разные времена написанных»[1]. Таким образом, Судебник, по Соловьеву, является бессистемным собранием разновременных постановлений. Надо сказать, что в этой формальной характеристике памятника, по существу, чувствуется отказ от попытки дать анализ истории его составления. В самом деле, раз статьи Судебника возникли не в одно время, то в задачу исследователя должно входить выделение в тексте памятника ряда хронологических пластов. Необходимо показать, каким путем и в результате каких явлений общественной жизни сложился из отдельных разновременных составных частей целостный памятник. Такой задачи Соловьев перед собой не ставит.

Во второй половине XIX в. в буржуазной исторической науке, посвященной Судебнику, получили дальнейшее развитие две точки зрения на памятник, наметившиеся еще в первой половине столетия. Согласно одной из них, Судебник 1497 г. рассматривается как законодательный акт большого исторического значения, относящийся к переломному моменту в процессе создания централизованного государства. Другая точка зрения, напротив, считает, что Судебник — памятник бедный по своему содержанию, не вносящий ничего принципиально нового в историю русского права. Но при полной, казалось бы, противоположности этих двух взглядов на Судебник их объединяет общая методологическая основа. Буржуазной историографии присуще затушевывание классовой природы государства, в силу чего Судебник в трактовке буржуазных авторов получает характер законодательного акта, содержащего нормы внеклассового характера.

Ф. М. Дмитриев считает, что Судебник Ивана III «составляет эпоху в истории нашего суда». Судебник, правда, не меняет «коренных оснований прежнего судоустройства и судопроизводства», но он делает «попытку уловить народный обычай, обобщить его и придать ему юридическую гарантию, он вносит государственный элемент в отношения прежнего времени, хотя, повидимому, и мало их изменяет». Значение Судебника, по мнению Ф. М. Дмитриева, заключается в том, что он распространил на все государство правовые нормы, сложившиеся в пределах Московского княжества. «Сохранив казуистическую форму закона, вышедшего из сферы московской практики», Судебник «вскоре становится законом для всей России, служа вспомогательным источником права для всякого областного суда, для всякой уставной грамоты».

Такое происхождение Судебника определяет, по мнению Дмитриева, его достоинства и недостатки. «Это — первое общее законодательство», но только «в географическом смысле». «В нем беспрестанно проглядывает порядок, сложившийся для одного, небольшого удела и потом примененный к целому государству».

Вытеснение «местных юридических обычаев» «законами Московского удела», признаваемыми «почти единственным источником права», дают Дмитриеву основание говорить, что Судебник создал «новую эпоху в законодательстве»[2].

Можно признать правильной мысль Дмитриева о том, что Судебник возник в решающий момент истории Русского государства XV в., в

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, изд. «Общественная польза», стб. 1561—1564.

[2] Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций, М., 1859, стр. 11.

период централизации. Но та характеристика, которую дает автор изучаемому памятнику, носит явно идеалистический характер. Когда Дмитриев говорит, что Судебник «вносит государственный элемент в отношения прежнего времени», он не дает классовой оценки норм изучаемого законодательного памятника, а рассматривает их как выражение бесклассовых начал «общего законодательства».

Точку зрения на Судебник, противоположную Дмитриеву, выдвигает Н. Л. Дювернуа.

Н. Л. Дювернуа определяет Судебник Ивана III как устав. Отличие его от местных уставных грамот заключается в том, что он: 1) касается только суда; 2) определяет «деятельность различных властей» (сначала бояр и окольничих, затем городских наместников) и «различные виды судебной деятельности» («исследование события, канцелярское производство, производство исполнительное»); 3) содержит, как особую часть, определения материального права.

Н. Л. Дювернуа отмечает необычайную бедность Судебника в области гражданского права и возражает против характеристики, данной памятнику Ф. Дмитриевым (это «попытка уловить народный обычай, обобщить его, придать ему юридическую гарантию», это акт, который «вносит государственный элемент в отношения прежнего времени»). По мнению Н. Л. Дювернуа, напротив, «хотя московский Судебник представляет собой ту форму объективного права, которая составляет вторую ступень его развития, закон», однако этот закон в очень малой степени «уловил господствующую в форме обычного права систему гражданских институтов».

По Дювернуа, в Судебнике Ивана III господствует «элемент устава с одной стороны, с другой в нем видны указы московского князя, какие он считал полезными или для своих видов (о давности), или для уменьшения количества тяжб (об изгородях, о полевых пошлинах); всего меньше здесь таких положений гражданского права, с помощью которых судья мог бы разрешать споры, не обращаясь к обычному праву. Этот элемент остается в жизни неопределенным, разрозненным — и следить за ним можно только в практике судов и в практике сделок»[1].

Н. Л. Дювернуа оперирует такими формальными определениями, как «устав», «закон» и т. д., не вкладывая в них классового содержания. В силу этого его концепция правового развития Северовосточной Руси XIV—XV вв., лишенная социально-экономической основы, приобретает схоластический характер.

В буржуазной историографии, посвященной Судебнику 1497 г., видное место принадлежит М. Ф. Владимирскому-Буданову. Это объясняется, правда, не тем, что он внес в понимание Судебника что-либо принципиально новое по сравнению со своими предшественниками. Это объясняется, главным образом, тем, что Владимирский-Буданов переиздал в своей «Хрестоматии по истории русского права» текст Судебника 1497 г. со своим комментарием и, таким образом, сделал его широко известным.

Со времени публикации Владимирского-Буданова в науку вошла и неправильная система деления Судебника на 68 статей, не оправданная теми наблюдениями, которые можно сделать над дошедшим до нас рукописным текстом.

Принадлежащий Владимирскому-Буданову и выдержавший несколько изданий «Обзор истории русского права» служил для последующих авторов источником сведений о Судебнике.

---

[1] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 279, 284—287.

М. Ф. Владимирский-Буданов, как и ряд его предшественников, связывает издание Судебника Ивана III с объединительной политикой московского правительства, вызвавшей необходимость замены местных правовых норм общерусским правом. «При многочисленных местных законах центральное управление и суд не были определены никаким законом. Поэтому, когда в конце XV в. все области северной Руси собрались вокруг Москвы, то Иоанн III решился объединить местные законы в один общий». Конечно, для Владимирского-Буданова понятие «закона» не заключает в себе классового содержания. «Закон» в трактовке Владимирского-Буданова — это абстрактная норма, не связанная с явлениями общественной жизни. Далее, воспроизводя некритически утверждения Карамзина, Владимирский-Буданов повторяет вслед за ним, что проект Судебника был составлен дьяком Владимиром Гусевым и утвержден великим князем с детьми и боярами.

Новой, по сравнению с прежними буржуазными авторами, является попытка М. Ф. Владимирского-Буданова поставить вопрос об источниках Судебника 1497 г.

В качестве «не только основного, но почти единственного источника» Судебника Владимирский-Буданов отмечает уставные грамоты. Дополнительным источником являлась, как утверждает автор, Псковская судная грамота, причем «московский рецептор приспособлял вечевое законодательство к особенностям Низового государства». Судебник, по мнению Владимирского-Буданова, «гораздо беднее Псковской судной грамоты по содержанию, юридической концепции и искусству редакции». Из Русской Правды Владимирский-Буданов отмечает лишь одно заимствование в Судебник (ст. 55). Совсем почти не воспользовался Судебник обычным правом (исключение составляют статьи 57, 61, 63). Некоторые постановления (статьи 2, 67 и др.) Владимирский-Буданов приписывает, «как новые», творчеству самого Ивана III[1].

Несмотря на целый ряд верных наблюдений, вопрос об источниках ставится Владимирским-Будановым формально. Он отмечает текстуальную близость статей Судебника и других памятников права, что дает ему возможность утверждать факт заимствования. Но чем это заимствование вызвано, в интересах какого класса были взяты из тех или иных памятников права в Судебник определенные правовые нормы, — об этом Владимирский-Буданов не говорит.

М. Ф. Владимирскому-Буданову принадлежит также попытка выяснить состав Судебника. Владимирский-Буданов находит в памятнике определенную систему и делит его на три основные части с дополнениями: первая (статьи 1—36) посвящена центральному суду, вторая (статьи 37—45) — суду провинциальному (наместников и волостелей), третья (статьи 46—66, с добавочными статьями 67—68) содержит в себе, главным образом, нормы гражданского материального права.[2]

Из «Обзора» Владимирского-Буданова неясно, представляют ли собой намеченные им разделы памятника продукт единовременной систематизаторской работы составителя или же их можно рассматривать как самостоятельные источники, возникшие в разное время. Общий характер «Обзора» Владимирского-Буданова, как будто, дает основание для первого вывода; при этом нельзя не отметить, что деление Судебника на разделы, предложенное Владимирским-Будановым, построено по чисто формальным признакам в соответствии с общими понятиями буржуазной теории права второй половины XIX в.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 4, стр. 222—223.

[2] Там же, стр. 217.

Кроме «Хрестоматии» и «Обзора» М. Ф. Владимирского-Буданова, среди работ общего характера, принадлежащих буржуазным историкам русского права второй половины XIX в., надо отметить труды Н. П. Загоскина и И. Д. Беляева. Наряду с другими памятниками права в них уделено внимание и Судебнику 1497 г.

Н. П. Загоскин трафаретно отмечает «важное историческое значение» появления Судебника. Его издание «не было явлением случайным, не было делом личной прихоти великого князя, появление его было выполнением требования исторической необходимости». Судебник Ивана III, пишет Загоскин, «является логическим последствием, историческим восполнением совершившегося перед тем объединения Русской земли, с которым состоит он в самой тесной причинной связи. Он выразил собою централизацию законодательную, восполнившую собою централизацию территориальную». Судебник, по мнению Загоскина, — памятник «компилятивного характера». Он не создал нового права, а лишь собрал «в одно целое всю массу законодательных норм, которые находились до тех пор разбросанными по отдельным грамотам и областным памятникам». В Судебнике использованы Русская Правда, Псковская и Новгородская судные грамоты, грамоты судные и уставные. Содержание Судебника Загоскин считает узким, «преимущественно процессуальным». При обзоре содержания памятника Загоскин исходит из предложенного Владимирским-Будановым деления его на четыре отдела[1].

Высказывания Загоскина не выходят из узкого круга тех наблюдений, на которые только и способна буржуазная историография, ограниченная по самому характеру своих теоретических предпосылок. Конечно, указание на «историческую необходимость» и ее противопоставление «личной прихоти великого князя» было прогрессом по сравнению с точкой зрения дворянской историографии, приписывавшей решающую роль в законодательстве личности монарха. Но характер этой «исторической необходимости» раскрывается ссылкой на законы логики, а не на объективные законы общественного развития.

Несколько отличается от Загоскина точка зрения на Судебник 1497 г. И. Д. Беляева.

И. Д. Беляев придает очень большое значение Судебнику 1497 г. как законодательному памятнику. Он имеет, по мнению Беляева, совсем «иной характер, чем все предшествующие памятники, поэтому с него и начинается новый период истории законодательства». Те новые начала, которые проводит Судебник Ивана III, заключаются в стремлении «сообщить всем судам определенную и однообразную форму и централизовать их». В Судебнике «хотя и стоит на первом плане разделение суда на разные виды, как это было и в прежних законодательных памятниках, но эти суды служат представителями централизации и тяготеют к одному главному суду; они не стоят каждый особняком, а составляют высшие и низшие инстанции одного и того же суда, из коих последние подчинены первым, а первые или высшие верховному суду великого князя».

Другая черта, характерная, по мнению И. Д. Беляева, для Судебника 1497 г. — это попытка установить равный суд «для всех жителей Московского государства». По Судебнику, «все ведались одним судом: бояре, купцы, крестьяне, служилые и неслужилые люди, и никому не было привилегии в суде».

---

[1] Н. П. Загоскин. История права Московского государства, т. I, Казань, 1877, стр. 58—63; его же. История права русского народа, т. I, Казань, 1899, стр. 190.

Несмотря на отмеченные выше новаторские тенденции Судебника Ивана III, он, как думает И. Д. Беляев, все же не изменяет «юридических верований и воззрений русского народа», а «оставляет их такими, какими они были в Русской Правде и других памятниках прежнего времени; важных новых законов Судебник в себе не содержит, поэтому одновременно с ним во многих местностях России имела силу Русская Правда и разные уставные грамоты». Новые нормы, содержащиеся в Судебнике, «служат только дополнением и дальнейшим развитием начал, высказанных в прежних памятниках, притом же число этих новых узаконений в Судебнике весьма незначительно и они не имеют большой важности»[1].

Судебник, как указывает Беляев, имел в виду «большею частию не введение новых законов, а преимущественно утверждение верховною властию старых обычаев, выработанных жизнию русского общества». Правительство «с утверждением единовластия» стремилось лишь санкционировать «своим законом» то, что уже прежде было создано жизнью[2].

Ставя вопрос о составе Судебника, Беляев дает схему, отличную от схемы Владимирского-Буданова. Он делит памятник на две половины, касающиеся: 1) порядка суда и 2) узаконений частного гражданского права. Первая половина распадается на пять отделов: 1) о судоустройстве; 2) формы суда; 3) о вызове в суд и судебных сроках; 4) о судебных доказательствах; 5) о порядке суда по уголовным делам. Во второй половине Беляев различает шесть отделов: 1) о купле; 2) о займах; 3) о крестьянском отказе; 4) о поземельном владении; 5) о холопах; 6) о наследстве[3].

Оценивая концепцию Беляева, надо сказать, что и она носит на себе отпечаток всех тех пороков, которые свойственны буржуазной теории и истории права вообще. Действительно, касаясь вопроса о судебной централизации, которую проводит Судебник 1497 г., автор оперирует чисто формальными понятиями «судебных инстанций» (высших и низших), говорит о суде «верховном», но не вскрывает классовой природы феодального суда. Напротив, Беляев утверждает, что суд был равным для всех классов Русского государства в XV в. и никто не пользовался в суде какими-либо привилегиями. Таким образом, проводится явно неверная точка зрения на государство и его функции. Государство в понимании Беляева утрачивает свойственный ему в действительности характер организации господствующего класса, органа угнетения непосредственных производителей.

Так же, как и схема Владимирского-Буданова, предложенная И. Д. Беляевым структура Судебника 1497 г. и система расположения в нем материала отличаются формальным характером и стремлением применить к характеристике явлений XV в. категории, разработанные буржуазной теорией права XIX в.

Выводы Владимирского-Буданова, Загоскина, Беляева повторяются с некоторыми вариантами в целом ряде позднейших курсов и трудов по истории права: С. В. Пахмана[4], В. Н. Латкина[5], Д. Я. Самоквасова[6],

---

[1] И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, М., 1879 стр. 515—525.

[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, изд. 4-е, М., 1903, стр. 48—49.

[3] И. Д. Беляев. Лекции по истории русского законодательства, стр. 515—525.

[4] С. В. Пахман. История кодификации гражданского права, т. I, М., 1875, стр. 224—225.

[5] В. Н. Латкин. Лекции по внешней истории русского права, СПб., 1888, стр. 42—71.

[6] Д. Я. Самоквасов. Лекции по истории русского права (студенческий конспект) вып. III, М., 1896, стр. 47—56.

А. Н. Филиппова[1], М. А. Дьяконова[2], В. М. Грибовского [3] и т. д. Нет надобности останавливаться на работах каждого из названных авторов в отдельности. Ничего принципиально нового, по сравнению с трудами своих предшественников в области буржуазной истории права, они не дают. Поэтому мне представляется вполне достаточным разобрать два труда о Судебнике, относящиеся уже к XX в. и принадлежащие: один — историку права (Б. И. Сыромятникову), другой — историку политических отношений (А. Е. Преснякову). Обе работы написаны с позиций буржуазной историографии.

Б. И. Сыромятников придает большое значение Судебнику 1497 г. как законодательному памятнику эпохи образования централизованного Русского государства. Б. И. Сыромятников указывает, что Судебник 1497 г. отражает новую роль князя в качестве «верховного защитника народа». Новый характер власти отразился и на самом Судебнике. «Судебник — это не сепаратный указ и не охранная уставная грамота. Это — общий государственный закон „о суде, как судити бояром и окольничим“ и прочим судиям по всему Московскому государству. Это — общая инструкция, первый „всероссийский“ судебный устав, регулирующий, как суд боярский, т. е. боярской думы, так и суд наместников, волостелей и всех остальных „приказных“ судей». Из текста Судебника вырисовывается, по мнению Сыромятникова, «правда, неясный еще, силуэт слагающейся судебной организации, можно сказать, почти системы, которая довольно отчетливо намечается в самом расположении статейного материала Судебника».

Новостью, указывает Сыромятников, является разрыв тесной связи между князем и его боярами. Боярский суд «становится подчиненным учреждением, „уложенным“ судом с определенной компетенцией и полномочиями, за пределы которых он не должен выступать, и в пределах которых должен действовать, памятуя о своем общественном призвании и об „опале“ государевой». Суд князя, отделившись от суда боярского, образовал «как бы особую инстанцию», получил «более свободный характер», превратился «в тот верховой суд, из которого впоследствии сложится так называемая судебная прерогатива монарха»[4].

Судебник, по словам Сыромятникова, ослабил «обособленность удельной юстиции», поставив ее «в известную иерархическую зависимость от центрального судилища». Наместники и волостели «без боярского суда» не могли отныне вершить на местах, без доклада в Москву, ряд дел (о холопах, душегубстве, татьбе, лихих людях и т. д.). Таким образом, «удельный суд частично втягивался в общую систему государственных судных установлений и в некотором смысле становился к боярской думе в положение, напоминающее отношение суда областного к центральному».[5]

Однако, проводя «централизацию московской судебной власти», Судебник, по словам Сыромятникова, не производил коренной ломки судебной системы, не посягал «на внутреннюю организацию суда и крайнюю дробность и пестроту его состава». «Оставляя до времени все на своих местах и на прежнем положении», он произвел «по существу,

---

[1] А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. 1, изд. 5-е, Юрьев, 1914, стр. 271—278.

[2] М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 4, СПб., 1912, стр. 211—213.

[3] В. М. Грибовский. Древнерусское право, вып. II, Пгр., 1917, стр. 9—12.

[4] Б. И. Сыромятников. Очерк истории суда в древней и новой России, «Судебная реформа», т. 1, М., 1915, стр. 90—91.

[5] Там же, стр. 97.

чисто механическую работу»: привел «в ясность историческое наследство московских государей» и перевел его «на имя этих последних, еще раз и усиленно подчеркнув ту зависимость, которая отныне устанавливалась между „всякими судиями“ и центральной властью»[1].

Высказывания Б. И. Сыромятникова отличаются исключительно формально-схоластическим характером. Б. И. Сыромятникова интересуют чисто внешние формы организации судоустройства и судопроизводства, а не классовое содержание правовых норм. Либерально-буржуазный подход к изучению памятника сказывается в характеристике роли князя как «верховного защитника народа».

А. Е. Пресняков останавливается на Судебнике 1497 г. в своей работе: «Московское царство». Пресняков указывает, что «время Ивана III — эпоха крупных административных преобразований и зарождения нового законодательства. Судебник, составленный в 1497 г., имел основной задачей реформу центрального московского судоустройства». Ее сущность заключалась, по мнению автора, в том, что «правление великого князя с боярами вступает на путь эволюции от устарелых форм властвования к элементарному строю государственного управления, который постепенно отливается в новые формы бюрократического типа». В Судебнике 1497 г. «термин социального быта — „боярин“ получает своеобразное, должностное и правительственное, значение, в связи с понятием „боярского суда“»[2]. Характеристике «боярского суда» и посвящены, главным образом, те страницы названного труда Преснякова, на которых разбирается вопрос о Судебнике. Пресняков рассматривает боярский суд как особую форму великокняжеского центрального суда.

Несмотря на несомненную ценность ряда высказываний Преснякова, они ограничиваются, по собственному признанию автора, областью «служебно-формального» определения положения боярства по Судебнику. Классовые основы законодательства 1497 г. не раскрыты.

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела полный перелом в изучении истории СССР. За тридцать четыре года существования советского общества создана подлинная марксистско-ленинская историческая наука. Целый ряд проблем исторического прошлого получил новое разрешение в результате применения марксистско-ленинской методологии. Разработаны методы источниковедения, основанные на классовом анализе подлежащих изучению памятников.

К сожалению, Судебник 1497 г. не сделался предметом специального изучения со стороны советских историков или историков права. По вопросу о Судебнике Ивана III в советской исторической науке до сих пор не появилось ни одной монографии или статьи, которые вскрыли бы исчерпывающим образом происхождение и значение памятника. Совершенно правильно отмечает С. В. Юшков, что «Судебнику 1497 г. не посчастливилось в русской исторической науке. Несмотря на то, что этот памятник представляет собой первый опыт московской кодификации и отражает очень интересную эпоху. . . , он не имеет литературы; ему не посвящено не только какого-либо крупного исследования, но даже мелкой журнальной заметки. Совершенно не изучены история его происхождения, не исследованы его источники, не выяснено его значение в истории русского права, ни, наконец, не дано обстоятельного комментария. Судебник 1497 г. как-то вообще потерял свое самостоятельное бытие, свою индивидуальность; он стал считаться частью вообще

---

[1] Там же, стр. 88—89.
[2] А. Е. Пресняков. Московское царство, стр. 51—53.

„Судебников“, каким-то придатком более обширного, более изученного и более позднего по своему происхождению Царского Судебника»[1].

Эти указания С. В. Юшкова вполне справедливы. Вопросы, связанные с историей Судебника Ивана III, разработаны совершенно неудовлетворительно. Ни в коей мере нельзя, конечно, объяснять этот пробел в советской литературе по источниковедению недостаточным интересом, который представляет названный памятник в качестве исторического источника. Значение Судебника, как правового кодекса, возникшего в эпоху ликвидации феодальной раздробленности и формирования централизованного Русского государства, очень велико. Его составление представляет значительный акт в политике правительства Ивана III. Судебник 1497 г. — памятник с классовым содержанием, и его анализ дает много для понимания социально-экономических отношений в XV в. Таким образом, невнимание к Судебнику 1497 г. незаслуженно.

Если приходится безоговорочно согласиться с приведенными выше высказываниями Юшкова о печальном положении, которое занимает в советской историографии вопрос о происхождении и значении первого Судебника, то следует в то же время сказать, что и работа самого Юшкова не только не разрешает целого ряда вопросов, связанных с Судебником, но и содержит ряд теоретических и фактических ошибок.

Общая концепция исторического процесса, которую Юшков положил в основу своего изучения Судебника, восходит к М. Н. Покровскому, отдельные конкретные утверждения по вопросу о происхождении памятника воспроизводят и развивают дальше ту традицию, которая ведет свое начало еще от Н. М. Карамзина.

Основной теоретический порок концепции Юшкова заключается в том, что Судебник 1497 г. он рассматривает как явление эпохи зарождающегося торгового капитализма. Необходимо указать, что Юшков давно уже отошел от взглядов Покровского. Если сейчас я подвергаю критике общую концепцию, лежащую в основе его статьи о Судебнике, то только потому, что сам он не сделал этого в своих позднейших работах, а данная статья продолжает оставаться единственным (вышедшим в советскую эпоху) специальным исследованием о Судебнике. Сам С. В. Юшков рекомендует ее студентам в курсе истории государства и права без всяких оговорок.

«Эпоха Ивана III характеризуется как раз тем, — пишет С. В. Юшков, — что в это время мы наблюдаем завершение феодального процесса или вернее феодальных отношений в тесном смысле этого слова. . . Но вместе с тем, наряду с наибольшим развитием основных черт феодального строя, обнаруживаются и яркие признаки зарождения торгового капитализма». Неверно утверждение, что во второй половине XV в. происходит «завершение феодального процесса». Методологически неправильно говорить о «торговом капитализме» как социально-экономической формации. Ошибочны и дальнейшие утверждения Юшкова. «Наряду с ростом и усилением городского хозяйства, — пишет он, — наблюдаем вместе с тем ущерб экономического значения феодальной вотчины». Эту фразу можно понять как указание на разложение в XV в. феодальной системы хозяйства под влиянием развития буржуазных элементов, что, разумеется, абсолютно не отвечает действительности.

Развитием торгово-капиталистических отношений объясняет Юшков и процесс крестьянского закрепощения, игнорируя тем самым методологические указания классиков марксизма-ленинизма на систему внеэко-

[1] С. В. Юшков. Судебник 1497 г. (к внешней истории памятника), «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. V, вып. III, факультет хозяйства и права, Саратов, 1926, стр. 1.

номического принуждения, применявшуюся еще со времени Русской Правды феодалами в отношении крестьянства. По словам Юшкова, «начавшийся переход к денежному хозяйству» «повел к усилению закрепощения сельского населения».

Наконец, совершенно неприемлемо замечание о том, что в XV в. «суд начинает приобретать классовый характер»[1]. Возникает вопрос: значит раньше суд был бесклассовым? Но ведь существовало же государство, как организация классового господства? А суд является функцией государства.

Такова порочная теоретическая основа исследования Юшкова о Судебнике. Далее автор рассматривает следующие основные вопросы, связанные с историей Судебника: его составитель, его источники, его значение как первого опыта кодификации, как действующего источника права и как памятника, отражающего наиболее характерные моменты социально-политического строя данной эпохи.

По первому вопросу Юшков некритически возрождает точку зрения об авторстве Владимира Гусева, завоевавшую признание в русской дворянской и буржуазной историографии после труда Н. М. Карамзина. В основе этой точки зрения лежит, как было указано выше, краткое и неясное известие Типографской летописи, которое авторы воспринимают без всякой критики. Юшков поступает так же и не подвергает источниковедческому анализу Типографскую летопись. Владимир Гусев, пишет Юшков, «занимал выдающееся положение в тогдашней московской если не знати, то во всяком случае, бюрократии. . . Поручение ему проекта Судебника, важнейшего законодательного акта, обсуждавшегося потом в боярской думе, дает основание полагать, что он занимал должность, повидимому, соответствующую, несколько позднее установившейся, должности думного дьяка». Эта цепь предположений — пример некритического подхода Юшкова к источнику. Еще Н. П. Лихачев доказал, что Владимир Гусев не был дьяком[2], но Юшков прошел мимо приведенных Лихачевым данных.

Не давая критического анализа летописного текста и в то же время выходя за его пределы, Юшков развивает мысль, что Гусев возглавлял целый коллектив лиц, работавших под его руководством над составлением Судебника. Кроме того, еще до поручения этого дела Гусеву, вопрос о Судебнике, по мнению Юшкова, обсуждался в правительственных сферах, где были выработаны основные линии кодификации. «Что же касается вопроса о том, поручено ли было составление проекта единолично Гусеву, или же целой комиссии, то этот вопрос как будто следует решить в том смысле, что согласно московской административной практике, поручение давалось обыкновенно одному лицу и уже это лицо от себя находило себе помощников и „товарищей“, работавших под его руководством и за его ответственностью. Вероятно, и при составлении Судебника руководствовались данным правилом. . . Более чем вероятно, что до поручения составления проекта Гусеву, вопрос об издании Судебника неоднократно обсуждался и только после основательного обсуждения было решено, в каких формах, в каком объеме и по каким источникам должна быть произведена кодификация, а также намечены новые вопросы, требовавшие законодательного разрешения»[3].

Все рассуждения С. В. Юшкова не имеют под собой иной почвы, кроме упоминания Типографской летописью имени Владимира Гусева рядом

---

[1] С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 8—9.
[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века, СПб., 1888, стр. 133.
[3] С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 10.

с сообщением об издании Судебника. Для разрешения вопроса о происхождении Судебника и авторстве Гусева Юшкову следовало, очевидно, обратиться к критике первоисточника, каковым является Типографская летопись. Только критический анализ последней мог помочь Юшкову проверить ту версию о Судебнике, которая была безоговорочно принята в дворянской и буржуазной литературе. С. В. Юшков не сделал этого, доверившись Карамзину.

Разбирая далее вопрос об источниках Судебника, Юшков пришел к выводу, что большинство из статей этого кодекса нельзя возвести к какому-либо сохранившемуся до нашего времени юридическому памятнику. К уставным грамотам, по подсчету Юшкова, восходят лишь 12 статей[1], к Псковской судной грамоте — 11[2], к Русской Правде — 2[3]. Из обычного права, по мнению Юшкова, Судебник заимствовал лишь две статьи: 57 (о крестьянском отказе) и 61 (о мерах для ограждения пашенных земель от потравы скотом)[4].

Таким образом, С. В. Юшков считает, что только в 27 статьях Судебника [5] можно найти следы непосредственного влияния каких-либо известных нам юридических памятников или норм обычного права. Остальные 40 с лишним статей, по мнению Юшкова, частью попали в текст Судебника из какого-то не дошедшего до нас сборника московского права, существовавшего до 1497 г., частью извлечены из несохранившихся законодательных актов Ивана III, частью же, наконец, принадлежат самому составителю Судебника и представляют, таким образом, новые нормы, не известные прежней судебной практике.[6]

К числу статей, возникших во время составления, обсуждения и утверждения проекта Судебника, С. В. Юшков относит статьи: 1, 2, 10—13, 18—20, 27, 33—36, 41—43, 45, 50, 53, 56, 60, 63, 65, 67 и 68, т. е. всего 26 статей[7]. Они регламентируют новые принципы уголовного, гражданского и судебного права, упорядочивают делопроизводство, уточняют функции судебных и судебно-вспомогательных органов и т. д.

На материалах старого законодательства, как считает Юшков, основаны статьи 15—17, 21—26, 28, 30, 31, 37, 40, 44 и 64. Они трактуют о пошлинах, которые существовали еще до Судебника (поскольку вообще существовали судебные акты) и были зафиксированы в законодательном порядке[8]. Из числа названных статей Юшков особенно выделяет три (30, 31 и 37). Все они носят одинаковый заголовок «указ» («указ о езду», «указ о недельщиках», «указ наместником о суде городскым»). Эти статьи, по предположению Юшкова, воспроизводят отдельные прежние указы, которые были изданы до 1497 г.

Указав круг источников Судебника, С. В. Юшков считает необходимым разбить их на две группы: одни были использованы кодификатором непосредственно в 1497 г., другие были заимствованы им из существо-

---

[1] Здесь какое-то недоразумение. Называя цифру 12, Юшков в действительности указывает на заимствование Судебником из уставных грамот лишь 10 статей: 3—8, 29, 38, 39, 62. См.: С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 12 и 22. В другом месте своего исследования Юшков говорит, что только 9 статей следует считать заимствованными из уставных грамот, забывая про ст. 29, которую выше сам он сопоставлял с уставными грамотами (там же, стр. 33).

[2] Статьи 9, 14, 46—49, 51, 52, 54, 58, 59 (См. С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 16).

[3] Там же, стр. 21.

[4] Там же.

[5] Или, вернее, в 25, если принять во внимание ошибку Юшкова при подсчете статей, заимствованных из уставных грамот.

[6] С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 22.

[7] Там же, стр. 23.

[8] Там же, стр. 33.

вавшего до Судебника сборника московского права. Восстанавливая текст этого сборника, Юшков предполагает, что он касается процессуальных норм и в нем отсутствовали нормы материального, уголовного и гражданского права. Сборник содержал статьи, трактующие как о суде местном, так и о суде центральном, причем, главным образом, он касался вопроса о размерах пошлин. В сборнике, естественно, отсутствовали статьи, внесенные вновь при составлении Судебника 1497 г.; не было в нем и заимствований из Русской Правды и Псковской судной грамоты. Наконец, Юшков считает правильным возводить к восстанавливаемому им сборнику те из статей Судебника, которые воспроизводят основное содержание отдельных указов. На основе всех указанных предпосылок, С. В. Юшков приходит к выводу, что предшествующий Судебнику Ивана III сборник московского права состоял из следующих статей, использованных затем составителем Судебника: 3—8, 15—17, 21—26, 28—32[1], 37—40, 44[2].

Несомненно, что по вопросу о составе и происхождении Судебника Юшков делает шаг вперед по сравнению с буржуазными историками права. Особенно заслуживает внимания правильная мысль о том, что Судебнику 1497 г. предшествовал какой-то правовой сборник более раннего времени, хотя автор и не пытается даже приблизительно его датировать. Важно, что Юшков стал на путь изучения Судебника в процессе его сложения, чего не делали буржуазные исследователи, рассматривавшие памятник формально-схоластически.

Однако тот метод, который применяет Юшков, изучая состав Судебника, не может быть принят. Автор в своем источниковедческом анализе памятника исходит из постатейного деления, предложенного М. Ф. Владимирским-Будановым, игнорируя ту систему разбивки материала на статьи, которая дана в самой рукописи. Поэтому, например, он считает самостоятельным законодательным актом ст. 37 по делению Владимирского-Буданова, на основании заголовка «указа наместником о суде городскым», хотя в рукописи этот заголовок отнесен и к последующему тексту, выделенному Владимирским-Budановым в новую статью. Источниковедческие дефекты в работе Юшкова сочетаются с недостатками методологического характера: автор изучает состав Судебника вне связи с историей социально-экономических и политических отношений.

Касаясь вопроса о значении Судебника 1497 г. как первого опыта кодификации, Юшков отмечает наличие в памятнике системы, хотя и недостаточно выдержанной. Здесь автор не дает ничего нового, целиком воспроизводя схему буржуазного автора Владимирского-Буданова[3]. Последняя же отличается исключительно формальным характером и вряд ли может быть использована для задач марксистско-ленинского исследования.

Характеризуя Судебник как памятник действующего права, Юшков указывает, что «далеко не все его статьи осуществлялись на практике. Многие постановления в значительной степени остались пожеланиями, не имевшими реального значения. Все это лишний раз свидетельствует о том, что Судебник является не столько кодексом старого права, сколько памятником нового законодательства. Потребовалось еще много времени, чтобы эти правовые нормы превратились из простых лозунгов

---

[1] Интересно, что выше, при разбивке текста Судебника на источники, Юшков не возводит ни к одному из них ст. 32, которую теперь относит к сборнику московского права.

[2] С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 35.

[3] Там же, стр. 37.

в законы»[1]. Этот вывод Юшкова мог бы приобрести конкретное значение только в том случае, если бы автор подверг анализу правые грамоты конца XV в.—начала XVI в., проследил по ним, в какой мере нормы Судебника находят применение на практике. Отсутствие в работе С. В. Юшкова такого конкретно-исторического исследования придает его рассуждениям несколько отвлеченный характер.

В заключение, говоря об отражении в тексте Судебника основных черт социально-экономического уклада и политического строя конца XV в., Юшков повторяет исходную ошибочную теоретическую предпосылку своего труда. Он характеризует Судебник как памятник, «в достаточной степени отразивший черты своеобразной эпохи, где переплетаются институты феодального строя с институтами развивающегося торгового капитализма»[2].

Итак, в исследовании Судебника С. В. Юшков пошел по неправильному пути. Методологически ошибочна данная автором характеристика времени появления Судебника, как эпохи «развивающегося торгового капитализма». Не заслуживает доверия его точка зрения на Владимира Гусева как составителя Судебника. Формально рассмотрен вопрос о составе Судебника. Не раскрыто по первоисточникам значение Судебника как памятника действующего права.

В учебнике по «истории государства и права СССР», вышедшем в 1947 г., С. В. Юшков не дал ничего нового по вопросу о Судебнике 1497 г. Он устранил, правда, в указанном учебнике те теоретические ошибки, которые имелись в его статье о Судебнике, относящейся к 1926 г. (указание на развитие «торгового капитализма» на Руси в XV в., экономический характер крестьянского закрепощения и т. д.). Но ошибки фактические остались (авторство Владимира Гусева). Общая характеристика значения Судебника, данная Юшковым, слишком обща и недостаточна. Некоторые утверждения автора вызывают возражения, например, тезис о том, что Судебник 1497 г. отразил «начало процесса всеобщего закрепощения крестьян»[3]. Начало этого процесса относится к значительно более раннему времени.

После работы Юшкова о Судебнике, вышедшей в 1926 г., в 1939 г. появилась статья С. Б. Веселовского «Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г.»[4] Заглавие этой статьи далеко не точно передает ее содержание. Работа Веселовского носит узкий и ограниченный характер. О самом Судебнике, обстоятельствах его возникновения, его социально-политическом значении Веселовский не говорит почти ничего. Автор дает, по существу, лишь ценное разыскание генеалогического характера о предках Гусева и приводит биографические данные о самом Гусеве. По традиции, идущей от Карамзина, Веселовский считает Гусева составителем Судебника. Единственной поправкой, внесенной Веселовским в тезис Карамзина, является указание на то, что Гусев не был дьяком. Впрочем, это впервые отметил уже Н. П. Лихачев. Вторую часть карамзинской версии о том, что Гусев получил правительственное поручение подготовить текст Судебника, Веселовский воспроизводит без всякой критики, как не подлежащую сомнению. «Вскоре после поездки в Литву (в 1495 г.), — пишет Веселовский, — Вл. Гусев получил поручение составить Судебник. В это время ему было под 40 лет. О его подготовке

---

[1] С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 45.

[2] Там же.

[3] С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. 1, изд. 2-е, М., 1947, стр. 176—177; изд. 3-е, М., 1950, стр. 163.

[4] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., «Исторические записки», т. 5, стр. 31—47.

к этой работе можно сказать только то, что он, наверное, не раз бывал волостелем и, быть может, наместником во второстепенных городах и, следовательно, хорошо знал на практике строй и порядки того боярского и наместничьего суда, которому почти целиком посвящен Судебник. Никаких подробностей о работе по составлению Судебника мы не знаем, но несомненно, что Вл. Гусев работал не один, а с целым штатом дьяков и подьячих, и его роль в этом деле можно сравнить с положением боярина кн. И. Н. Одоевского, стоявшего во главе комиссии по составлению проекта Уложения 1649 г.»[1] Вскоре после составления проекта Судебника, в декабре 1497 г., Гусев был казнен за участие в заговоре против внука Ивана III — Дмитрия Ивановича, венчанного на царство дедом в 1498 г. Гусев поддерживал кандидатуру на великое княжение сына Ивана III и Софьи Палеолог — Василия III.

Из приведенной характеристики истории составления Судебника с несомненностью вытекает, что никаких данных, позволяющих утверждать причастность к этому делу Гусева, в руках Веселовского не имеется. Источник — один: текст Типографской летописи в интерпретации Карамзина. Критического анализа этого текста Веселовский не дает. Поэтому остаются недоказанными его предположения о деятельности Гусева в качестве наместника и волостеля, о существовании целой комиссии, работавшей над Судебником, аналогии между историей этого памятника и Соборного Уложения 1649 г. и т. д.

Я. С. Лурье, первый и единственный исследователь, подверг критике версию дворянской и буржуазной историографии о Владимире Гусеве, как составителе Судебника. Лурье указал на то, что имя Владимира Гусева не имеет непосредственного отношения к летописному сообщению о Судебнике. Слова «Володимера Гусева писати» являются, по мнению Лурье, началом какого-то особого рассказа о заговоре В. Гусева против Дмитрия Ивановича — внука Ивана III, венчанного им на великое княжение в феврале 1498 г. Типографская летопись говорит о «посажении» на великокняжеский московский стол Дмитрия непосредственно перед известием об издании Судебника: «В лето 7006 февраля князь великый Иван Васильевич посадил на княжение внука своего князя Дмитриа Ивановича. Того же лета князь великый Иван Васильевичь и околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по Судебнику Володимера Гусева писати»[2]. Лурье считает, что начатая словами «Володимера Гусева писати» статья о заговоре, видным участником которого являлся Гусев, была оборвана по политическим соображениям. Типографская летопись составлялась при Василии III, в интересах которого действовали заговорщики в 1498 г. и который естественно не желал разоблачения многих деталей этого дела[3].

Соображения Лурье, безусловно, заслуживают внимания. В своем исследовании Типографской летописи он стоял на правильном пути и сделал интересные наблюдения. Но он не довел до конца объяснения истории того места летописи, которое говорит о Судебнике Ивана III и Владимире Гусеве. Вопрос о Гусеве, как составителе Судебника, затронут Лурье случайно и попутно с другими исследованиями. Поэтому вопрос этот так и остался в его работе не разрешенным вполне.

Статья Лурье касается Судебника, как указано, мимоходом и не останавливается на его характеристике как источника для изучения

---

[1] Там же, стр. 41—42.
[2] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213.
[3] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III, «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия исторических наук, вып. 10, стр. 90—91.

социально-экономических отношений и как памятника права. Такой общий очерк, посвященный Судебнику Ивана III, дан в научно-популярной форме в статье Н. Добротвора, помещенной в издании Судебников 1497 и 1550 гг. Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького [1].

Добротвор рассматривает издание Судебника в тесной связи с образованием централизованного Русского государства. Проследив, на основе теоретических указаний классиков марксизма-ленинизма, причины и ход экономического и политического объединения русских земель в единое государство, автор говорит, что ликвидация феодальной раздробленности поставила перед правительством задачу создания общерусского правового кодекса. «Выросла острая необходимость в том, чтобы законы не были разрознены и случайны, а носили централизованный общий и государственный характер. Надо было регламентировать права и обязанности представителей московского правительства на местах (в отношении пошлин, пени, наложения наказания), определить место отдельных общественных групп, классов, зафиксировать в законе юридически то, что уже создано было в действительности, или путем законодательства дать направление развитию государства в интересах самодержавия. При таких задачах, в условиях только что созданного единого государства, появился крупнейший исторический памятник русского законодательства, документ величайшего общественно-политического и бытового значения — Судебник Ивана III, утвержденный в 1497 году» [2].

Переходя непосредственно к анализу этого памятника, Добротвор начинает с краткого критического разбора посвященных ему работ. В результате рассмотрения трудов буржуазных историков и историков права Добротвор приходит к выводу, что все буржуазные авторы «стояли на идеалистических позициях, что в большинстве случаев они клали в основу исследования идею, юридическое понятие, которое у них получало развитие независимо от объективно существующей действительности». Правильно отмечает Добротвор и теоретические ошибки, имеющиеся в статье о Судебнике С. В. Юшкова, который «не вышел за пределы антимарксистской схемы Покровского» [3].

Стремясь противопоставить буржуазной историографии и взглядам школы Покровского марксистское понимание Судебника, Добротвор отмечает, что памятник «отражает классовый состав Русского государства в конце XV в., закрепляет его в направлении упрочения самодержавной власти» [4]. Поскольку основным производящим классом феодального общества являлось крестьянство, постольку Судебник, отражая интересы феодалов, фиксирует свое специальное внимание на формах внеэкономического принуждения непосредственных производителей и посвящает специальную статью крестьянскому отказу в Юрьев день. Усиление барской запашки и стремление землевладельцев-феодалов оградить свои земли от крестьянских посягательств вызвали появление специальной статьи Судебника, трактующей о межах. Одна из статей Судебника определяет характер холопства. Наконец, Судебник «отразил, записал появление новой группы класса феодалов — крепостников, помещиков» [5]. Таково классовое содержание памятника, как его определяет Добротвор.

---

[1] Судебники Русского государства, Горький, 1939.
[2] Там же, стр. 5—6.
[3] Там же, стр. 8—9.
[4] Там же, стр. 9.
[5] Там же, стр. 10.

В целом эту характеристику Судебника надо признать правильной, хотя в ней имеются нечеткие определения и формулировки. Так, например, нас не может удовлетворить следующее определение положения крестьян: «Крестьяне ко времени составления Судебника 1497 г. не были свободны, хотя и не были окончательно закрепощены» [1]. Когда Добротвор пишет, что еще до Юрьева дня, установленного Судебником, «надо полагать», существовали сроки крестьянского перехода [2], то выражение «надо полагать» является плодом недостаточного знакомства с документальным материалом. Мы знаем достоверно (из имеющихся в нашем распоряжении княжеских жалованных грамот) о том, что Юрьев день, как срок крестьянского отказа, был принят в отдельных областях Русского государства еще до издания Судебника. Когда Добротвор говорит, ссылаясь на Судебник, что «существовала, повидимому, категория земледельцев, которая служила по найму» [3], то отсутствие четкого определения характера этих отношений «найма» может дать повод подумать о неправильном понимании автором сущности феодальных производственных отношений.

Общая оценка Добротвором значения Судебника приемлема. «Судебник 1497 г., — говорит он, — имел большое организующее значение в смысле укрепления только что возникшего национального Русского государства, создания единого централизованного аппарата, но он одновременно увеличивал силу самодержавия и ставил в еще большую зависимость от феодалов основную массу населения — крестьянство» [4].

Работа Добротвора носит характер популярного вводного очерка к изданию памятников, предназначенного для учащихся высшей школы. Поэтому в статье Добротвора, естественно, отсутствует попытка постановки вопроса о Судебнике в исследовательском плане.

Характеристика Судебника как памятника права централизованного Русского государства дается в капитальном труде Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века».

Б. Д. Греков ставит появление Судебника в связь с громадными сдвигами в социально-экономической и политической жизни Русского государства во второй половине XV в. «Московское государство переживало по-своему огромные сдвиги, происходившие во всем европейском хозяйстве. Кроме того, перед Москвой стояли большие политические задачи, успешное осуществление которых находилось в прямой связи с усилением власти московского государя, с расширением и укреплением государственных военных сил, с ликвидацией сепаратистских тенденций удельных князей и сокращением политического произвола знати».

Значение Судебника Б. Д. Греков видит в том, что он стремился ввести единое общерусское право, в то время как до него в различных областях государства существовали местные правовые нормы. «Появляется единый закон для всего государства — Судебник 1497 г. Трудно было внедрить его в жизнь. Слишком много было сил, противодействовавших стремлению власти ввести единый принцип закона в среду, где в каждом месте еще совсем недавно был свой собственный закон, где каждый богатый вотчинник готов был считать себя в своих владениях законодателем. Судебник 1497 г. во всяком случае говорит о весьма определенной программе правительства» [5].

---

[1] Судебники Русского государства, стр. 10.
[2] Там же, стр. 9.
[3] Там же, стр. 10.
[4] Там же, стр. 10—11.
[5] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, стр. 642.

Б. Д. Греков высказывает предположение, что «Судебник 1497 г., неприемлемый для сторонников старых порядков, действовал недолго. Наступивший со смертью Василия III разлад в правительстве, дал возможность оппозиционно настроенному боярству не считаться с законом Ивана III. И только при Иване Васильевиче Грозном второй Судебник, повторивший первый и его расширивший, был внедрен в жизнь энергичными мероприятиями нового правительства» [1].

Особенно подробно Б. Д. Греков остановился на комментировании статей Судебника, посвященных вопросам о крестьянском «отказе» (ст. 57) [2] и о «полной грамоте» (ст. 66) [3]. Значение статьи о крестьянском «отказе» Б. Д. Греков видит в попытке Судебника «определить положение всех категорий крестьян в отношении их права выхода. Прежней пестроте сроков выхода и других сопровождающих отказ условий положен был, по крайней мере принципиально, конец» [4]. Говорит Б. Д. Греков и о тех хозяйственных сдвигах в стране, которые привели к изменению в положении полных холопов, нашедшему свое отражение в ст. 66 Судебника.

В 1947 г. вышла статья И. И. Смирнова, посвященная Судебнику 1550 г. Автор ставит вопрос о взаимоотношении этого памятника с более ранним Судебником 1497 г., стремясь выделить то новое, что отличает второй Судебник от первого и тем самым «определить и направление, в котором шла переработка Судебника 1497 г., равно как и цели, которые эта переработка преследовала» [5]. Отмечая, что Судебник 1550 г. внес очень важные изменения в систему управления Русского государства путем усиления роли центральных административных органов, И. И. Смирнов в то же время подчеркивает, что начала централизации проводил уже и первый Судебник. По мнению Смирнова, уже в первом Судебнике намечался принцип суда по приказам, только он являлся в то время простым дополнением к старому боярскому суду. Судебник 1550 г. свидетельствует о возросшем значении приказов и дьяков [6]. Судебник 1550 г., как отмечает Смирнов, ограничил объем власти наместников и волостелей и усилил надзор над ними со стороны центральных органов власти и управления. Если первый Судебник устанавливал обязательный «доклад» по высшим уголовным делам в центральные органы лишь для части наместников (лишенных права «боярского суда»), то Судебник 1550 г. распространяет эту норму и на наместников «с боярским судом»[7].

Различие между двумя Судебниками Смирнов видит также в решении ими вопроса о смертной казни «ведомого лихого человека» за совершенное преступление. Судебник Ивана III ставит вопрос о казни «ведомых лихих людей» в общей и абсолютной форме, без всяких ограничений и оговорок. Судебник 1550 г., сохраняя тот же принцип немедленной «казни» «ведомого лихого человека», в то же время изымает из компетенции наместников значительную часть «лихих дел» (дел о «разбое» и «татьбе») и передает их в ведение губных старост [8]. Смирнов обращает внимание на то, что одной из форм контроля над деятельностью наместников и волостелей по Судебнику 1497 г. являлось участие в их суде

---

[1] Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 643.
[2] Там же, стр. 635, 653, 732, 776, 831, 837.
[3] Там же, стр. 576—579.
[4] Там же, стр.643.
[5] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 275.
[6] Там же, стр. 278.
[7] Там же, стр. 284—285.
[8] Там же, стр. 288.

«старост» и «лучших людей». Судебник 1550 г. пошел дальше по пути расширения роли и значения земских властей в наместничьем управлении [1]. Детально сопоставляет Смирнов соответствующие статьи двух Судебников, посвященные крестьянскому «отказу». Он приходит к выводу, «что издание первого Судебника представляло собой крупный этап в истории крепостного права. Судебник же 1550 г. занял в этом вопросе консервативную позицию и не дал ничего нового по существу, ограничившись дополнениями к Судебнику Ивана III, касающимися урегулирования взаимоотношений между землевладельцем и крестьянином при уходе последнего» [2].

Работа Смирнова представляет очень большой интерес, поскольку она раскрывает смысл Судебника 1550 г. как памятника феодальной классовой юстиции, показывает его значение как исторического источника для изучения социально-экономических и политических явлений в жизни Русского государства в конце XV в.—середине XVI в., рассматривает эволюцию правовых норм в связи с историей общественных отношений. Но первого Судебника работа Смирнова, естественно, касается лишь постольку, поскольку его текст необходим для понимания содержания второго Судебника 1550 г.

Исследование И. И. Смирнова вызвало отклик со стороны Б. А. Романова [3]. Отметив, что труд Смирнова является первым опытом изучения с марксистских позиций Судебника «как историко-политического памятника во всей его целостности», Романов предлагает некоторые уточнения, дополнения и поправки к наблюдениям Смирнова. Имея значение для изучения текста Судебника 1550 г., они почти не затрагивают (кроме некоторых незначительных и не принципиальных деталей) Судебника Ивана III.

Подведем итоги нашему историографическому обзору. Марксистско-ленинского исследования, посвященного специально вопросу о Судебнике Ивана III, пока еще нет. Единственная работа, написанная о Судебнике в советское время, — статья С. В. Юшкова — грешит рядом теоретических ошибок, свойственных школе М. Н. Покровского. Остальные труды или носят популярный характер (статья Н. Добротвора), или затрагивают Судебник только попутно, в связи с исследованиями на другие темы (Б. Д. Греков, Я. С. Лурье). Исследования И. И. Смирнова и Б. А. Романова посвящены Судебнику 1550 г. и не ставят своей целью дать анализа предшествующего ему Судебника Ивана III. Статья С. Б. Веселовского не может быть причислена к специальным работам о Судебнике; она трактует лишь о предках Владимира Гусева и о самом Гусеве, который также по недоразумению считается Веселовским составителем Судебника.

Задача написания марксистско-ленинского исследования о Судебнике — одно из очередных дел советской исторической науки.

Марксистско-ленинский метод исследования памятников заключается не в формальной характеристике их основных положений, а в изучении этих памятников в их развитии в связи с классовыми противоречиями данной эпохи. Марксистско-ленинский анализ должен выяснить классовое содержание изучаемого источника, показать те социально-экономические и политические силы, которые вызвали его появление. Исходя из этих предпосылок, необходимо выяснить историю создания Судебника,

---

[1] Там же, стр. 292.

[2] Там же, стр. 331—333.

[3] Б. А. Романов. Судебник Ивана Грозного, «Исторические записки», т. 29, стр. 200—235.

показать его связь с другими памятниками эпохи, его значение как памятника права эпохи образования централизованного государства.

Такая, чисто историческая, постановка вопроса в отношении Судебника в нашей литературе отсутствует. При Иване III велась большая классовая и внутриклассовая борьба, в процессе которой формировалось централизованное Русское государство. Эта борьба нашла свое отражение и на страницах летописных сводов, и в текстах междукняжеских докончаний и духовных завещаний, и в формулярах жалованных грамот, и в законодательных памятниках. Только изучение всего этого материала в целом и во взаимной связи может помочь понять характер исторической действительности второй половины XV в.

Различные моменты истории Русского государства XV в. запечатлены в актах великокняжеского архива (фонд Государственного древлехранилища ЦГАДА). В составе того же древлехранилища хранится сейчас и текст Судебника Ивана III. Естественно встает вопрос: каково отношение этого последнего памятника к другим материалам московского государственного архива, ему современным? Важно также сопоставить Судебник с некоторыми документами московской митрополичьей кафедры. В составе митрополичьих формулярников и копийных книг имеются как противни междукняжеских договоров, подлинники которых утрачены, так и «докончания» великокняжеской власти с кафедрой, как феодальной организацией, падающие на годы, близкие к Судебнику. Изучаемый в контексте всех этих памятников, Судебник освещается новым светом и приобретает значение для характеристики исторических явлений эпохи.

§ 3. Палеографическое описание списка Судебника

Существующие издания Судебника Ивана III, как уже было указано выше, не могут удовлетворить исследователя, так как все они основаны на публикации памятника, относящейся к 1819 г. Последняя же не дает прежде всего полного и всестороннего представления о списке Судебника. Калайдович и Строев сообщают о нем следующие сведения палеографического характера: «Судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумаге и находящемуся в ней знаку державы», список Судебника «принадлежит к началу XVI века, писан в малую четверть» [1].

Эта краткая характеристика памятника не вполне точно передает его внешние особенности. Прежде всего бросается в глаза, что рукопись писана не одним (полууставным), а по крайней мере тремя (а, может быть, и более, чем тремя) почерками, из которых не менее, чем два, скорописных. Эти почерки чередуются следующим образом:

Лл. 1—4 текста (до ст. 21: «о великом князи») — полуустав.

Лл. 4 (с указанного выше места) — 5 об. (в ст. 30 — «указ о езду» до слов: «до Боровска полтина») — крупная скоропись.

Лл. 5 об. (с указанного выше места) — 7 (в ст. 36, кончая словами: «А кто ищея или ответчик сам не поедет к ответу») — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4.

Лл. 7 (с указанного выше места) — 9 (в ст. 43 до слов: «всякого лихого человека без доклада не продати, ни казнити, ни отпустити») — крупная скоропись, приближающаяся к почерку на лл. 4—5 об.

[1] Законы вел. кн. Иоанна Васильевича. . . , изд. К. Калайдовичем и П. Строевым, М., 1819, стр. XXVI.

Лл. 9 (с указанного выше места) — 10 об. (в ст. 52, кончая словами: «а истцом или послуху целовати, а наймитом битися») — полуустав, приближающийся к почерку на лл. 1—4 и 5 об. — 7.

Лл. 10 об. (с указанного выше места) — 12 об. (до конца текста) — мелкая скоропись.

Подсчитывая количество строк, написанных каждым из трех основных почерков, получаем следующие итоги:

1-й почерк	(лл. 1—4 в указанных выше пределах) — 129 строк (из них 11 заголовков)
2-й почерк	(лл. 4—5 об. в указанных выше пределах) — 68 строк (из них 8 заголовков)
1-й почерк (или близкий к нему; здесь, как и в дальнейшем, возможна смена пера)	(лл. 5 об. — 7 в указанных выше пределах) — 59 строк (из них 1 заголовок)
2-й почерк (или близкий к нему)	(лл. 7—9 в указанных выше пределах) — 79 строк (из них 4 заголовка)
1-й почерк (или близкий к нему)	(лл. 9—10 об. в указанных выше пределах) — 54 строки (из них 3 заголовка)
3-й почерк	(лл. 10 об. — 12 в указанных выше пределах) — 123 строки (из них 9 заголовков)

Предложенный подсчет сделан по печатному изданию Калайдовича и Строева. Руководствоваться рукописью в данном случае не представлялось целесообразным, так как рукописная строка включает в себя, в зависимости от характера почерка, различное количество букв и не может служить единицей измерения при определении размеров текста, приходящегося на долю каждого писца.

Мне кажется, на основании произведенных наблюдений законным является вывод, что сохранившийся список Судебника был переписан с подлинника, или с более раннего списка, не менее чем тремя, сменявшими друг друга, писцами. При раздаче материала писцам для переписки, исходной точкой служил текст размером в среднем в 120 с небольшим (позднейших печатных) строк. Действительно, присматриваясь к таблице, выведенной выше, убеждаемся, что список Судебника можно разбить на четыре, примерно равных между собою, отрывка, каждый из которых заключает в себе около 120 строк: 1) лл. 1—4 (первый почерк); 2) лл. 4—5 об. и 5 об. — 7 (второй и снова первый или близкий к нему почерки); 3) лл. 7—9 и 9—10 об. (почерки вначале близкий ко второму, затем близкий к первому); 4) лл. 10 об. — 12 (третий почерк). Некоторые из этих, одинаковых по величине, кусков (лл. 4—7 и лл. 7—10 об.) дробились между писцами на половинные доли. Очевидно, около 120 (позднейших печатных) строк содержалось в двух листах (с оборотами) или четырех страницах оригинала, с которого снята дошедшая до нас копия Судебника. На листе оригинала было примерно по 60 строк, на странице — по 30 строк. Писец получал сразу или полных два листа (в пределах 120 строк), или лист (в пределах 60 строк).

Когда и зачем появилась изучаемая нами копия Судебника Ивана III, для изготовления которой были привлечены, по меньшей мере, три писца? Водяной знак рукописи (сфера) близок по своему характеру к филиграням, изображения которых приведены у Н. П. Лихачева и Брике и относятся ко второй половине 90-х годов XV в. — началу

XVI в.[1] Таким образом, сохранившийся список Судебника является очень ранним. Он сделан вскоре после того, как подлинный текст получил утверждение со стороны Ивана III. Заслуживает внимания, что единственный известный нам список духовной грамоты Ивана III написан на бумаге, имеющей в качестве водяного знака несколько иной вариант того же самого изображения сферы, что и список Судебника. На этом основании можно предположить, что список Судебника был заготовлен в 1504 г. в связи с составлением Иваном III текста своего завещания. В последнем вопросам суда удаляется достаточно много места. Весьма вероятно, что при написании духовной Судебник был необходим для справок. Надо думать, что этот памятник был размножен не в одном, а в нескольких экземплярах. Вряд ли приготовление одной копии потребовало бы участия нескольких писцов.

Наш вывод о происхождении единственного списка Судебника имеет значение для понимания характера завещательного акта Ивана III. Этот акт не был просто семейным предсмертным «рядом» князя своим сыновьям. Он содержал распоряжения государственного характера, причем одновременно с ним были проведены серьезные правительственные мероприятия, направленные к укреплению централизованного аппарата власти. Такова, например, выдача жалованных грамот на владения московской митрополичьей кафедры, пересматривающих основы церковных иммунитетных привилегий. Судебная централизация привлекла в это время внимание великого князя. Отсюда — пересмотр им судебного иммунитета митрополичьего дома; попытка установить (посредством духовной грамоты) взаимоотношения по суду между своими сыновьями-наследниками; наконец, интерес к Судебнику и распоряжение о снятии с него копий (может быть, также с целью пересмотра текста памятника).

§ 4. Постатейное деление Судебника

Рукопись Судебника не имеет постатейной нумерации. Однако в ней есть своя система разбивки материала, с одной стороны, при помощи киноварных заголовков, относящихся к крупным тематическим разделам текста (их 36), с другой стороны, — посредством выписанных киноварью же инициалов, которыми начинаются более мелкие подразделения внутри озаглавленных частей памятника. Воспроизводя киноварные заголовки, издание Калайдовича и Строева не всюду учло наличие в тексте инициалов, указывающих на то постатейное деление (хотя и без нумерации), которое дано в самой рукописи. Поэтому, когда при описании Судебника различные авторы отмечают, что он был лишен совершенно разбивки на статьи, то это утверждение объясняется лишь тем, что за исключением первых издателей памятника, Н. М. Карамзина и, может быть, С. М. Соловьева, рукописи никто не видал.

М. Ф. Владимирский-Буданов в своем издании Судебника разделил памятник на 68 статей; некоторые из них полностью соответствуют рукописным заголовкам, а другие представляют подразделения озаглавленных частей текста, предложенные самим издателем. Но киноварные инициалы Владимирский-Буданов, вследствие незнакомства с рукописным списком Судебника и пользования исключительно публикацией Калай-

---

[1] Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, СПб., 1891, альбом, таблица 38, № 344—345; C. M. Briquet. Les filigranes — «Dictionnaire historique des marques du papier», t. I, ed. 2, Leipzig, 1923, № 2994.

довича и Строева, совершенно игнорирует. Таким образом, после выхода в свет «Хрестоматии» Владимирского-Буданова в научный оборот вошла искусственная система деления Судебника на статьи, которая далеко не полностью не отражает архитектонику памятника. В нумерации Владимирского-Буданова временами гораздо меньше логики, чем в киноварной разбивке рукописи.

Как это ни странно, но сам Владимирский-Буданов уверяет, что в своей «Хрестоматии» он не разделил Судебник на статьи, а лишь перенумеровал «готовые статьи», причем этим «не только не изменил смысла, но и внешнего вида памятника». Подобное заявление абсолютно не верно. Совершенно очевидно, что когда Владимирский-Буданов описывает внешний вид списка Судебника, он делает это по печатному изданию. «Готовые статьи» — это статьи не рукописного текста, а публикации Калайдовича и Строева. «Судебник, — пишет Владимирский-Буданов,— разделен на статьи, большая часть которых отделена особыми заглавиями, остальные — пунктуациею и совершенно очевидною разницею содержания».[1] Деление текста по содержанию, несмотря на всю его «очевидность», дело условное, и система, принятая в «Хрестоматии» Владимирского-Буданова, является продуктом его собственного понимания памятника. Та же разбивка на статьи, которую дает сам памятник, определяется не пунктуацией, а последовательным употреблением инициалов, выписанных киноварью, которые не были полностью учтены ни первыми издателями (Калайдовичем и Строевым), ни Владимирским-Будановым.

Поскольку во всех научных работах, посвященных Судебнику, ссылки на его текст делаются с указанием статей по нумерации Владимирского-Буданова, нам в дальнейшем исследовании также придется считаться с этой нумерацией. Однако совершенно необходимо отметить, чем отличается распределение материала в рукописи Судебника от издания Владимирского-Буданова. Ниже делается попытка показать эти отличия на протяжении всего текста Судебника, который мы печатаем полностью. Те разделы памятника, которые выделены в рукописи посредством киноварных инициалов, приводятся нами с красной строки. Номера статей, предложенные Владимирским-Будановым, заключены в квадратные скобки. За основу деления текста Судебника на статьи нами принята система Владимирского-Буданова. В том случае, когда его цифровое обозначение совпадает с рукописной разбивкой материала при помощи инициалов, написанных киноварью, каждый абзац естественным образом, начинается новой цифрой. Если Владимирский-Буданов сливает в одной своей статье несколько рукописных, то выделив последние на основе киноварных инициалов, мы сохраняем для всех них один общий номер, данный Владимирским-Будановым, но присоединяем к нему в каждом отдельном случае соответствующее буквенное обозначение (в порядке русского алфавита). Таким образом, буква, поставленная рядом с цифрой, вскрывает соответствие постатейного деления Судебника в рукописи и в издании Владимирского-Буданова. В том случае, когда Владимирский-Буданов разбивает рукописную статью на несколько своих, мы помещаем последние под его (отдельными) номерами, но не с красной строки, основанием для которой служит всегда наличие в рукописи киноварного инициала. Заголовки, выписанные в рукописи киноварью, нами выделены разрядкой. Цифра, заключенная в круглые скобки, указывает на начало нового листа в рукописи.

---

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, изд. 6-е, СПб. — Киев, 1909, стр. 216 и примеч. 1.

(л. 1) Лет[а] 7006-го месяца септемвриа уложил князь велий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и окольничим.

[1] Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у окольничих диаком. [А посулов бояром, и окольничим, и диаком] [1] от суда и от печалованиа не имати; также и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому. [2] А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в всемь, которымь пригоже.

[2а] А которого жалобника а не пригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати.

[3] А имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будеть дело (л. 1 об.) выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету.

[4] О полевых пошлинах. А досудятся до поля, а у поля не стояв, помиряться, и боярину и диаку по тому росчету боярину с рубля два алтына, а диаку осмь денег; а околничему, и диаку, и неделщиком пошлин полевых нет.

[5] А у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж росчету пошлины свои; а околничему четверть [и диаку четыре алтыны з деньгою, а недельщику четверть],[2] да неделщику ж вясчего два алтына.

[6] А побиются на поли в заемном деле или в бою, и боярину с диакомь взяти на убитом противень противу исцева; а околничему полтина, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны.

[7] А побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити; до околничему (л. 2) на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны. А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку.

[8] О татбе. А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изь его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе. А противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гыбели не выдати, а велети его казнити смертною казнию тиуну великого князя московскому да дворскому.

[9] А государскому убойце, и коромолнику, церко(л. 2 об.)вному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью.

[10] О татех. А котораго татя поимают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные татбы и головные, а в-ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казнию, бити кнутием, да исцево на нем доправя, да судие его продати. А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино его бив кнутиемь, да исцу его выдать вь его гибели головою на продажю, а судье не имати ничего на нем.

---

[1] Вставка.
[2] Вставка.

[11] А поимают татя вьдругые с татбою, ино его казнити смертною казнию, а исцево заплатити изь его статка, а досталь его статка судье. А не будет у того татя статка с-ысцеву гыбель, ино его исцу в гибели не выдати, казнити его смертною казнью.

[12] А на кого взмолвят детей боярскых человек (л. 3) пять или шесть добрых, по великого князя по крестному целованию, или черных человек пять—шесть добрых христиан целовалников, что он тать, а довода на него в прежнем деле не будет, у кого крал или кому татбу плачивал ино на том взяти исцеву гыбель бес суда.

[13] О поличном. А с поличным его приведут впервые, а взмолвят на него человек пять или шесть по великого князя по крестному целованию, что он тать ведомой, и преж того не одинова крадывал, ино того казнити смертною казнию, а исцево заплатити из его статка.

[14] О татиных речех. А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прочной человек з доводом,[1] ино его пытати в татьбе; а не будет прирока з доводом в каковое деле [на него][2] в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку [до обыску].[2]

[15] О правой грамоте. А от правые грамоты имати от печати с рубля до девяти денег, а диаку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.

[16] О докладном списке. (л. 3 об.) А докладной список боярину печатати своею печатью, а диаку подписывати. А имать боярину от списка с рубля по алтыну, а диаку от подписи с рубля по четыре денги, а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги.

[17] О холопией о правой грамоте. А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.

[18] О отпустной грамоте. А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи или з городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.

[19] О неправом суде. А которого обинит боярин не по суду и грамоту правую на него сь диаком дасть, ино та грамота не в грамоту, а взятое отдати назад, а боярину и диаку в том пени нет, а исцем суд с головы.

(л. 4) [20] О наместниче указе. А наместником и волостелем, которые держат кормлениа без боярьского суда, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, и отпустные холопу и робе не дати.

[21] О великом князи. А с великого князя суда и с детей великого князя суда имати на виноватом потому же, как и с боярского суда, с рубля по два алтына, кому князь велики велит.

[22] О правой грамоте. От правыя грамоты имать от печати печатнику великого князя и детей великого князя печатнику с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту правую напишет, с рубля по три деньги. [23] А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег,

[1] В тексте: з домом.
[2] Вставка.

а дьяку имати от подписи с головы по алтыну, а подьячей[му][1], которой грамоту напишет, имать с головы по три денги.

(л. 4 об.) [24] О докладном списке. А докладной список с великого князя докладу и с детей великого князя докладу печатати великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; от печати имати от списка с рубля по девяти денег; а дьяку от подписи с рубля по алтыну; а подьячему, которой на списке напишет, имать с рубля по две денги.

[25] О безсудном списке. А от безсудныя грамоты имати печатнику с рубля по алтыну, а дьяку от подписи по алтыну же с рубля, а подьячему имать с рубля по две денги.

[26] О срочных. А от срочных от подписи дьяку имать от срочные по две деньги.

[26а] А от отписных срочных дьяку имати от подписи с рубля по три денги. А подьячим имати от писма с рубля по две деньги.

[26б] А колп щея или ответчик оба вместе хотят срок отписати, и они платят оба по половинам от подписи и от письма, а недельщику хожоное.

[26в] А которой щея или ответчик к сроку не поедет, а пошлет срока отписывать, и тому все платить одному (л. 5) от срочных от обеих да и хоженое. А срочные дьяком держати у себя.

[27] О безсудных. А как давати безсудныя, дияком снести срочныя самим вместо, да розобрав срочные самим дияком, да велети им подьячим бессудные давати и сроки отписывати. А подьячим срочных не давати. А безсудные давати с осмаго дня.

[28] О приставных. А от приставных имати печатнику у недельщиков по езду: с которые приставные рубль недельщику, и дияку от подписи взяти алтын у недельщика с рубля, а печатнику от печати у недельщика взяти алтын же. А будет езду больши рубля или меньши до которого города, и дияку и печатнику имать по тому же росчету.

[28а] А будет в приставной иск менши езду, и дияку тех приставных не подписывати; а без недельщиков дияком приставных не подписывати же.

[28б] А колько вытей в приставной ни будет, и недельщику езд один до того города, в которой город приставная писана.

[29] А хоженого (л. 5 об.) на Москве площеднаа недельщику десеть денег, а на правду вдвое; и от поруки поминков не имати им.

[29а] А езд недельщик емлет до которого города, а на правду им имати вдвое езд.

[30] Указ о езду. А езду от Москвы до Коломны полтина, до Кошпры полтина, до Хотуни десеть алтын, до Серпухова полтина, до Тарусы 20 алтын, до Алексина полтретьятцать алтын, до Колуги рубль, до Ерославца полтина, до Верен полтина, до Боровска полтина, до Вышегорода полтина, до Кременска 20 ал., до Можайска полтина, [а][2] до Медыни пол-30 ал., до Вязма пол-2 рубля, до Звенигорода 2 гривны, до Воротынска 40 ал., до Одоева 40 ал., до Козельска рубль с четвертию, до Белева тож, до Мезецка 40 ал., до Оболенска полтина, до Дмитрова 10 алтын, до Радонежа четверть, до Переславля 20 алтын, до Ростова рубль, до Ерославля рубль с четвертью, до Вологды пол-3 рубля, до Белаозера пол-3 рубля, до Устюга пять ру(л. 6)блев, до Вычегды 7 рублев, до Двины и до Колмогор 8 рублев московскаа, до Володимеря рубль с четвертью, до Костромы пол-2 рубля, до Юрьева рубль, до Суздаля рубль с четвертию, до Галича пол-3 рубля, до Мурома пол-2 рубля,

[1] «му» зачеркнуто.
[2] Написано сверху.

до Стародубских князей отчины пол-2 рубля, [до Мещеры двали рубля][1], до Новагорода Нижнего пол-3 рубля, до Углеча рубль, до Бежицского Верху полтора рубля, до Романова рубль с четвертию, до Клина полтина, до Кашина рубль, до Твери рубль, до Зупцева и до Опок рубль, до Хлепии 40 алтын, до Ржевы рубль с четвертью, до Новагорода до Великаго пол-3 рубля московскаа.

[31] А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными или своих племянников и людей посылати с приставными. А урочников им не посылати с приставными. А от поруки им с приставными ездячи не имати ничего.

[31а] О неделщиках указ. А в котором городе живеть неделщик, (л. 6 об.) ино ему с приставными в том городе не ездити, ни посылати ему с приставными в свое место ни в какове деле.

[32] А кто по кого пошлет пристава в чем, и что ему в том убытка станет в волоките, или что даст от срочные и от правые грамоты или от бессудные, и правому то все взяти на виноватом.

[33] А неделщиком на суде на бояриа, и на окольничих, и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати.

[34] А которому дадут татя, а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно, а на кого тать что [2] взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого.

[34а] А пошлют которого неделщика по татей, и ему татей имати безхитростно, а не норовити ему никому. А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти; а опришних ему людей не имати.

[35] А у которого неделщика седят тати, и ему (л. 7) татей на поруку без докладу не дати и не продавати ему татей.

[36] А которого татя дадут на поруку в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити, а ставити их перед судиами.

[36а] А срочные их хрестианом отписывать и бессудные давати не волокитно, а от безсудных им у хрестиан не имати ничего.

[36б] А коли срок отпишут обема истцемь вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон, а опроче того ему не взяти ничего. А в езду своем дати на поруку до обыску, доколе дело скончается, и ему взяти езд на виноватом.

[36в] А кто ищеа или ответчик сам не поедет ко ответу, а пришлет в свое место срока отписывати, и недельщиком хоженое взяти на том на одном, кто поедет вь его место срока отписывати.

[37] Указ наместником о суде городскым. А в которой город или в во[ло]сть в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю, или их тиуном.

[37а] А будут (л. 7 об.) оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны.

[38] А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном, и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити. А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом про-

---

[1] Надписано сверху.
[2] После слова «что» зачеркнуто киноварью слово «тать».

тивень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева.

[38а] А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, (л. 8) а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля, или ниже, ино имати на ищеи по тому ж росчету. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте.

[38б] А побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте.

[38в] А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень вполы исцева, то ему и с тиуном.

[38г] А побиются на поли в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева.

[38д] А побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татьбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.

[39] О т а т е х у к а з. А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити (л. 8 об.) из его статка, а что ся у статка останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого исцю вь его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.

[40] О п р а в о й г р а м о т е. А от правой грамоты имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленья с судом с боярьским, с рубля по полутретья алтына от печати, то ему и с тиуном; а дьяк[у], которой грамоту правую напишеть, от писма с рубля имати по три денги.

[40а] А тиун дасть грамоту правую, и он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьяк его емлеть с рубля по три денги.

[40б] А с холопа и с робы от правые грамоты от отпустные имати боярину или сыну боярьскому, за которым кормленье с судом з боярьским, от печяти з головы по полутретья алтына.

[40в] А дьяк его от писма (л. 9) з головы по три деньги. [41] А тиуну его на корьмление холопу правые грамоты без доклада государя и отпустныя грамоты не дати.

[42] О о т п у с т н о й г р а м о т е. А положит кто отпустную грамоту без боярьского докладу и без дьячьей подписи, или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном боярьским с судом с боярьским, и та отпустная грамота не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишеть, и та отпустнаа грамота в отпустную. [43] Наместником и волостелем, которые дрьжать кормление без боярьского суда, и тиуном великого князя, и боярьскым тиуном, за которыми кормленна с судом з боярьским, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати; а татя и душегубца не пустити и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити.

[44] О п р и с т а в е х. А приставом наместничим по городом имати (л. 9 об.) хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по четыре денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое.

[45] Аще кто пошлет пристава по наместника, и по волостеля, по боярина и по сына боярскаго, и по их тиунов, и по великого князя тиунов, и наместнику и волостелю, и их тиуном, и великого князя тиуном и довотчиком к сроку отвечивати ехати, а не поедет к сроку сам, и ему к сроку в свое место к ответу послати.

[46] О торговцех. А кто купит на торгу что ново опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо, и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целованиа ему нет.

[47] А кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два, и два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поималися, и целованиа ему нет; (л. 10) а не будет у него сведетелей, ино ему правда дати.

[48] О послушестве. А кого послух послушествует в бою или в грабежю или в займех, ино судити на того волю, на ком ищут, хощет на поле с послухомь лезет, или, став у поля, у креста положит, на нем ищут, и истець бес целованиа свое возмет, и ответчикь и полевые пошлины заплатит, а вины ему убитые нет.

[48а] А не стояв у поля, у креста положит, и он судиамь пошлину по списку заплатит, а полевых ему пошлин нет.

[49] А противу послу[ха] [1] ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет. А что правому учинится убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом. [50] А послух не пойдет перед судью, есть ли за ним речи, нет ли, ино на том послусе исцово и убыткы и все пошлины взяти.

[50а] А с праветчиком о сроце то(л. 10 об.)му послуху суд. [51] А послух не говорит перед судиями в-ысцевы речи, и истець тем и виноват.

[52] А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймита наняти волно.

[52а] А исцем или послуху целовати, а наймитом битися; а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же; а восхочет, и он сам биется на поли.

[53] А кто кого поимает приставом в бою, или в лае, или в займех, и на суд ити не восхотят, и они доложа судии помирятся, а судьи продажи на них нет, опроче езду и хоженого.

[54] А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.

[55] О займех. А которой купець, идучи в торговлю, возмет у кого деньги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонеть, или згорить, или рать возметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатию, платити исцеву истину без росту.

[55а] А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным какым безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу. (л. 11)

[56] А холопа полонит рать татарскаа, а выбежит ис полону, и он слободен, а старому государю не холоп.

[57] О христианском отказе. А христианом отказыватися из волости, ис села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего, и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за ким год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да поидеть прочь, и он полдвора платит; а три годы поживет, а поидет прочь, и он платит три четверти двора, а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

---

[1] Вставлено сверху.

[58] О чюжоземцех. А которой чюжоземец на чюжеземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут: хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит, чего на нем ищут, и истец поцеловав крест, да возмет.

[59] А попа, и диакона, и черньца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви божиа, то судить святитель или его судия.

[59а] А будет простой человек с церковным, ино суд вопчей. А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, то суд не святительской.

[60] А которой человек умрет без духовные грамоты, а не будет у него сына, ино статок весь и земли дочери; а не будет у него дочери, ино взяти ближнему от его рода.

[61] О изгородах. А промежи сел и деревень городити изгороды по половинам; а чьею огородою учинится протрава, (л. 11 об.) ино тому платити, чья огорода.

[61а] А где отхожие пожни от сел или от деревень, ино поженному государю не городитися, городит тот всю огороду, чья земля оранаа, пашня и пожни.

[62] О межах. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли боярина и манастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием да исцу взяти на нем рубль.

[62а] А христиане промежу себя в одной волости или в селе кто у кого межу переорет или перекосит, ино волостелем или поселскому имати на том за боран по два алтына и за рану присудят посмотря по человеку и по ране и по рассужению.

[63] О землях суд. А взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре, или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити.

[63а] А взыщет черной на черном, или поместник на помесчике, за которым земли великого князя, или черной или селской на помесчике, или помесчик на черном и на сельском, ино судити по тому ж за три годы, а дале трех годов не судити.

[63б] А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судить.

[63в] А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати.

[64] А пересудчиком пересуд имати на виноватом две гривны, а меньши рубля пересуда нет.

[64а] А с списка с суднаго, и с холопа, и с земли (л. 12) пересуда нет. А с поля со всякого пересуд.

[64б] А список оболживит кто да пошлется на правду, ино в том пересуд. А подвойскым праваго десятка 4 деньги, а имати на виноватом то же.

[65] А на котором городе будут двои наместника или на волости двои волостеля, и им имати пошлины по сему списку обе за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и они себе делят по половинам.

[66] О полной грамоте. По полной грамоте холоп. По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного или себе учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопу роба, приданой холоп, по духовной холоп.

[67] О посулех и о послушестве. Да велети прокликать по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Ново-

городцкие земли и по всем волостем заповедати, чтобы ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду, а послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду. А послушествует послух лживо не видев, а обыщется то опосле, ино на том послухе гибель исцева вся и с убыткы.

[68] О полевых пошлинах. А к полю приедет окольничей и диак, и окольничему и диаку вспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей и поручникы, и кого скажут за собою стряпчих и поручников, и им тем велети и стояти; а доспеху и дубин и ослопов стряпчим и поручником у себя не держати. (л. 12 об.) А которые имуть опришние у поля стояти, и окольничему и диаку тех отслати прочь. А не поидут опришнии люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем.

Итак, из 68 статей Судебника по нумерации Владимирского-Буданова только 42 [1], т. е. две трети, совпадают со статьями, выделенными посредством киноварных инициалов в самой рукописи. 52 рукописных статьи Владимирский-Буданов объединил в 19 [2]. Наконец, 7 статей [3] Владимирский-Буданов образовал путем дробления единых рукописных статей, начинающихся киноварными инициалами. Если следовать постатейному делению, указанному в самой рукописи киноварными инициалами, то вместо 68 статей памятник следует разбить на 94 статьи [4]. Невольно возникает вопрос: не был ли оригинал первого Судебника разделен на 100 статей и не послужил ли он в этом отношении образцом для Судебника 1550 г. и для Стоглава? Весьма вероятно, что в 1504 г., которым мы датируем сохранившийся список первого Судебника, некоторые статьи, имевшиеся в оригинале, были выпущены. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

§ 5. Борьба внутри класса феодалов в конце XV в. Дело Владимира Гусева и издание Судебника

Происхождение Судебника изображается исследователями, не только буржуазными, но и советскими, довольно однообразно. Это объясняется тем, что они обычно пользуются одним общим источником, именно шестым томом «Истории государства Российского» Карамзина, где автором Судебника назван Владимир Гусев.

После Карамзина версия об авторстве Владимира Гусева завоевала признание в исторической литературе. Она вошла почти во все исследования о Судебнике вплоть до новейших работ С. В. Юшкова и С.Б. Веселовского. Единственной поправкой, внесенной в тезис Карамзина последующими исследователями, принявшими этот тезис, было указание на то, что Гусев не являлся дьяком. Впервые это отметил

---

[1] Статьи 3—21, 24—25, 27, 30, 32, 33, 35, 39, 44—47, 49, 53, 54, 56—58, 60, 65—68.

[2] Статьи 2, 26, 28, 29, 31, 34, 36—38, 40, 48, 50, 52, 55, 59, 61, 62—64.

[3] Статьи 1, 22, 23, 41—43, 51.

[4] Статьи (1—2), 2а, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 20, 21, (22—23), 24, 25, 26, 26а, 26б, 26в, 27, 28, 28а, 28б, 29, 29а, 30, 31, 31а, 32, 33, 34, 34а, 35, 36, 36а, 36б, 36в, 37, 37а, 38, 38а, 38б, 38в, 38г, 38д, 39, 40, 40а, 40б, (40в—41), (42—43), 44, 45, 46, 47, 48, 48а, 49, (50а—51), 52, 52а, 53, 54, 55, 55а, 56, 57, 58, 59, 59а, 60, 61, 61а, 62, 62а, 63, 63а, 63б, (63в—64), 64а, 64б, 65, 66, 67, 68.

Н. П. Лихачев [1], а затем бегло брошенное им замечание, подрывавшее легенду о дьячестве Гусева, развил С. Б. Веселовский. Лишь Я. С. Лурье полностью отверг версию о том, что автором Судебника был В. Гусев.

Помочь разрешению вопроса о причастности В. Гусева к составлению Судебника должен текст Типографской летописи под 1497 г.: «Того же лета князь великый Иван Васильевич а уложил суд судити бояром по Судебнику Володимера Гусева писати» [2]. Я считаю, что в Типографской летописи, в значительной степени механически, слиты выдержки из двух источников. Очевидно, один из них, основной, касался вопроса о венчании на царство Иваном III Дмитрия Ивановича. Вслед за этим в черновом проекте протографа Типографской летописи, повидимому, стояла п о м е т а: «Володимера Гусева писати». Это значит, что кто-то из официальных лиц, руководивших летописными работами, дал письменное указание разработать тему о заговоре Владимира Гусева и его сообщников против правительства Ивана III и поместить изложение этого дела сразу после краткой заметки о Дмитрии Ивановиче, «посаженном» на княжение, так как между этими двумя эпизодами имелась несомненная причинная связь. Как известно, Гусев возглавлял оппозицию в отношении Ивана III, участники которой выступали против венчания Дмитрия. В декабре 1497 г. Гусев был казнен. Наряду с директивой о внесении в летописный текст статьи, изображающей процесс Гусева, было указано, к а к начать рассказ, присоединив его к предыдущему летописному материалу. В этих целях была вставлена переходная литературная фраза: «Того же лета князь великый Иван Васильевич. . .», которая должна была открывать описание заговора. Действительно, эта фраза никак не может быть связана с дальнейшими словами: «и околничим и всем судьям». Очевидно, предполагалось, что за ней последует какой-то литературный текст, тематика которого была намечена лаконичным предложением, построенным в форме повелительного наклонения: «Володимера Гусева писати». В дошедшем до нас списке Типографской летописи механически слиты эти различные по своему происхождению и смыслу составные части протографа, которые в черновом экземпляре, возможно, были даны различными почерками и чернилами. Исследователи, находившиеся под гипнозом Карамзина, до недавнего времени не пытались разобраться в этом текстологическом клубке и распутать его отдельные нити. Между тем, только признав слова «Володимера Гусева писати» за самостоятельную дьячью помету, мы сможем, наконец, отказаться от версии Карамзина о Гусеве, как авторе Судебника, — версии, пользовавшейся признанием ряда ученых. Карамзин, как мы видели, обошелся с летописным текстом весьма свободно, отбросив совершенно глагол «писати», а слова «Володимера Гусева» присоединив к предшествующему тексту, представляющему собой явную вставку из

---

[1] Н. П. Л и х а ч е в. Разрядные дьяки XVI века, стр. 133. — С. Б. Веселовский считает, что впервые с утверждением о дьячестве Владимира Гусева выступили в печати К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. «Неизвестно, — пишет он, — кто был творцом легенды о дьячестве Вл. Гусева, но этой легенде „посчастливилось“, хотя в источниках она нигде не подтверждается. Кажется, первенство надо отдать К. Калайдовичу и П. Строеву, которые в 1817 г. нашли список Судебника и издали его в 1819 г. В предисловии они писали, что вел. кн. „повелел дьяку Владимиру Гусеву собрать и рассмотреть древние судные грамоты и в 1497 г. издал новое Уложение“. Так родилась легенда о дьячестве Владимира Гусева и был пущен в оборот домысел о судных грамотах как об источнике Судебника. То и другое было принято Н. М. Карамзиным. . .»(С. Б. В е с е л о в с к и й. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 31). Но ведь дело происходило совсем не так, как изображает С. Б. Веселовский; Калайдович и Строев просто повторили Карамзина и прямо на него сослались.

[2] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213.

другого источника. Исправляя ошибку Карамзина, мы и должны обратиться сейчас к анализу этой вставки.

Она состоит из двух отрывочных, незаконченных фраз: 1) «и околничим и всем судьям», 2) «а уложил суд судити бояром по Судебнику». Это место, имеющее отношение к составлению Судебника, было слито с фразой, которая по первоначальному проекту должна была начинать рассказ о заговоре Владимира Гусева: «Того же лета князь великый Иван Васильевич. . .». А пометa: «Володимера Гусева писати», таким образом, вместо директивы о литературном развитии темы о заговоре превратилась в заключительные слова предложения, посвященного изданию Судебника.

Летописный текст, касающийся этого юридического памятника и являющийся, как уже указано, вставкой, сам по себе дошел до нас в дефектном виде. Это становится совершенно очевидным при сопоставлении его с заголовком к отдельному списку Судебника Ивана III, а также к спискам Судебника Ивана IV.

Типографская летопись	Заголовок к Судебнику Ивана III	Заголовок к Судебнику Ивана IV
(Того же лета князь великый Иван Васильевич) и околничим и всем судьям, а уложил суд судити бояром по Судебнику. . .	Лета 7006 месяца септемвриа уложил князь велии Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим. . .	Лета 7058 месяца июня в. . . день царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии с своею братьею и с бояры сесь Судебник уложил: как судити бояром, и околничим. . ., и всяким судиям.

Из этого сравнительного сопоставления текстов вытекает, что конструкция летописной фразы должна быть перестроена. Вместо: «и околничим, и всем судьям, а уложил суд судити бояром по Судебнику» первоначально было: «а уложил суд судити бояром, и околничим, и всем судьям по Судебнику». Таким образом, перед нами уже испорченный текст. Чем можно объяснить это обстоятельство? Я думаю, тем, что составитель летописи неловко вставил известие о Судебнике в тот раздел летописного текста, который предполагал развернуть тему о деле Гусева. Вероятно, в черновике были вычеркнуты какие-то начальные слова этой статьи о Гусеве, следовавшие за сохранившейся до сих пор фразой: «Того же лета князь великый Иван Васильевичь. . .». Сверху над зачеркнутым местом, рукою правщика, внесено реставрированное нами выше предложение, относящееся к Судебнику. Я предполагаю далее, что в известиях о Гусеве и о Судебнике могли случайно совпасть отдельные слова, которые при замене одного текста другим не подверглись вычеркиванию и остались нетронутыми. Для примера сошлюсь хотя бы на ту же фразу: «Того же лета князь великый Иван Васильевичь. . .».

Если принять все мои предпосылки, то станет вполне понятным, что позднейший переписчик не сумел разобраться в смысле правленного черновика и связал, в значительной степени механически, отдельные слова, которые он нашел в строке и над строкой, не вдумываясь в их происхождение. Все, кому приходилось работать с архивными документами, имели, конечно, возможность сталкиваться с подобными ляпсусами при переписке писцами набело черновых текстов. Во всяком случае, высказанное предположение гораздо проще и естественнее объясняет наличие пробелов и испорченных мест в Типографской летописи, чем примечания к ней, данные издателями «Полного собрания русских летописей». Так, примечание к разбираемому нами известию о Судебнике, отмечая, что оно

является дефектным, не находит лучшего объяснения этому обстоятельству, чем все ту же легенду о дьячестве Гусева. «Это все место дефектное, — говорят издатели по поводу летописного рассказа под 1498 г., — может быть, здесь говорится о том, что В. Гусев был приставлен дьяком, так как по Судебнику полагалось „на суде быти оу бояр и оу окольничих диаком“» [1]. Так тень Карамзина витает над публикаторами XX в. и оказывает влияние на их подстрочный комментаторский аппарат.

Приведенные наблюдения над текстом подтверждаются некоторыми данными, относящимися к внешнему виду Типографской летописи. Последняя подвергалась реставрации, которая коснулась особенно как раз того листа, где сохранился рассказ о Судебнике в связи с именем Владимира Гусева [2]. Критический анализ показывает, что это — вставочный лист, написанный особым почерком. При этом на оборотной странице указанного листа, после явно дефектного текста, содержащего известие о Судебнике, оставлен пробел в 19 строк, а затем начата следующая запись: «Того же лета Симону митрополиту. . .» Между указанными словами и началом следующей страницы недостает части текста. Судя по счету тетрадей, который ведется внизу страниц обозначением порядкового числа каждой тетради, на ее первой и последней (т. е. 8-й оборотной) странице, в данном месте рукописи новый вставной лист заменил пять недостающих старых [3].

Все эти сведения о Типографской летописи были вполне доступны исследователям, начиная с 1921 г., когда появился в печати том XXIV «Полного собрания русских летописей», содержащий текст этого памятника. Во введении к нему дано описание внешнего вида памятника со всеми указанными деталями. Надо было только ими воспользоваться в целях критики текста, посвященного Судебнику. Несомненно, он подвергся, по выражению издателей Типографской летописи, реставрации, а вернее сказать, — политической правке. Именно ею объясняются все стилистические и грамматические промахи. Поскольку все обстоятельства заговора Гусева не могли быть раскрыты по политическим соображениям на страницах летописи, постольку последняя летописная редакция и преподносит сводный рассказ о нем и о Судебнике в очень неясной и туманной формулировке, с умолчаниями и недомолвками. И естественно возникает дальнейший вопрос: ставил ли составитель летописи своей задачей связать дело Гусева и возникновение Судебника только по времени, поместив рассказ об этих эпизодах под одним годом, или же он сближал их по существу?

По-моему, ответ должен быть дан в последнем смысле. Только я предлагаю интерпретацию летописного рассказа, отличную от общепринятой. Его нужно понимать не так, что Гусев был составителем Судебника, а так, что он являлся выразителем противоположных Судебнику тенденций децентрализации, стремился к реставрации порядков времен феодальной раздробленности. Утверждение Судебника в сентябре и казнь Владимира Гусева в декабре 1497 г. совпали не случайно. Между этими явлениями была прямая зависимость. Очень трудно себе представить, что сначала Гусев получил государственное задание выработать новый свод законов, а через два—три месяца ему отсекли голову на Москве-реке. Вернее другое: текст Судебника не соответствовал политическим позициям Гусева и его сообщников, и его выступление против московского великого князя в значительной мере было направлено и по этой линии.

---

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213.
[2] Это лист 299 рукописи (по печатному изданию ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213).
[3] ПСРЛ, т. XXIV, стр. II.

Судебник появился в обстановке борьбы Ивана III с феодальной оппозицией и был документом, вокруг которого шла борьба. С. Б. Веселовский в заключительных строках своего исследования о Владимире Гусеве говорит: «Все эти сведения о роде Добрынских (предках Гусева), о семье Гусевых и о самом Владимире Гусеве ярко характеризуют то состояние глубокого брожения и трансформации, в котором находился служилый класс с середины XV в. и во время издания Судебника. Противоречия между новыми условиями жизни, порождавшими рост самодержавного единовластия, и старыми традициями боярской „вольной службы“ и „отъездов“ создавали между княжеской властью и боярством напряженные и сложные отношения» [1].

Задача исследователя и состоит в том, чтобы показать появление Судебника на фоне указанных «глубокого брожения» и противоречий, чего не делает Веселовский, ограничивая свое исследование формально-биографическими справками о Гусеве и его предках. Противореча сам себе, С. Б. Веселовский неправильно сводит дело Гусева к эпизоду семейной жизни Ивана III: «Дело Вл. Гусева и его товарищей было раздуто враждебной им придворной партией, и ряд лиц, быть может в том числе и Вл. Гусев, были оклеветаны, замешаны в дело и казнены потому, что по неосторожности или из побуждений карьеры вмешались в семейное дело великого князя» [2].

Классовый анализ материала, использованного С. Б. Веселовским, приводит к результатам, противоположным выводам Веселовского. Интересно, что вся семья Гусевых была связана с удельными князьями. Отец Владимира Гусева, Елизар Васильевич, служил противнику Василия Темного — князю Ивану Андреевичу Можайскому [3], а затем был боярином князя Андрея Васильевича вологодского [4]. Сын Елизара и брат Владимира, Юшко Гусев, согласно летописным данным, бежал в 1492 г. от великого князя в Литву [5], очевидно, в связи с арестом и заточением в тюрьму за год перед этим князя Андрея Васильевича углицкого с семьей. Можно думать, что близость ко дворам удельных князей отца (Елизара Гусева) определила и поведение сына (Юшко). Другие братья Владимира Гусева, — Василий и Михаил Елизаровичи, — служили удельному князю Юрию Ивановичу дмитровскому (брату Василия III) [6].

Мы мало знаем о самом Владимире Гусеве. Но некоторые факты, с ним связанные, заслуживают внимания. Прежде всего я возвращаюсь к тому источнику, который сохранил нам сведения о Судебнике рядом с именем Владимира Гусева, — к Типографской летописи. Согласно исследованию А. А. Шахматова, в пределах с 1482 г. по 1528 г. она составлена в Угличе [7]. Выше отмечались углицкие удельные связи брата Владимира Елизаровича — Юшка. Весьма показательно, что именно в углицком своде с его удельно-княжескими традициями было помещено описание дела Гусева, которое подверглось затем, очевидно, московской правке. Это указывает на то, что заговор, главным действующим лицом которого был Владимир Елизарович, имел какое-то отношение к антиправительственным кругам, действовавшим в Угличе. Можно думать,

---

[1] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 47.

[2] Там же.

[3] АИ, т. I, стр. 80, № 40.

[4] ПСРЛ, т. VIII, стр. 189; т. XII, стр. 176; т. XXV, стр. 315.

[5] ПСРЛ, т. XII, стр. 234.

[6] ЦГАДА, архив Макарьевского Колязина монастыря, кн. 1, грамота № 92; ГКЭ, № 6709.

[7] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.. М.—Л., 1938, стр. 299.

что выступление Гусева и его сообщников в 1497 г. представляло собой отголосок дела углицкого удельного князя Андрея Васильевича, заключенного в тюрьму Иваном III в 1491 г.

Прямая зависимость между этими явлениями вытекает из сообщений Типографской летописи. В подробно рассмотренном нами выше рассказе летописи под 1497 г. о деле Гусева и Судебнике после пометы «Володимера Гусева писати», а затем пробелов в тексте, имеется запись о покаянии Ивана III перед митрополитом Симоном в связи со смертью в заточении его брата Андрея углицкого: «Князь же великый, встав пред своим отцем митрополитом, и архиепископом, и епископы, начаша бити челом пред ними со умилением и с великими слезами, а прося у них прощениа о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею его уморил, в нужи, стоя перед ними долго время. Митрополит же и архиепископ, и епископи, с испытанием и с великым наказанием и понудиша, и долго время и едва простиша и, и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправити пред богом»[1].

По поводу этого места возникает целый ряд вопросов. Андрей Васильевич скончался в заточении по одним известиям 6 ноября 1493 г., по другим — 7 ноября 1493 г.[2] Почему летописец вспомнил об этом под 1497 г., и почему именно Типографская летопись уделила указанному факту особое внимание, поместив покаянную речь Ивана III? Почему, наконец, в Типографской летописи тенденциозное описание выступления московского князя со слезами раскаяния о смерти брата помещено в контексте с рассказом о деле Владимира Гусева, составлении Судебника и поставлении на княжение внука Ивана III — Дмитрия Ивановича? Ответ может быть только один: между всеми этими явлениями имеется внутренняя связь, и особенно показательно, что эту связь вскрывает летописный свод, возникший в пределах Углицкого княжения. Значит, Владимир Гусев и его сообщники действовали в контакте с антимосковскими боярскими кругами, группировавшимися вокруг углицкого княжеского двора Андрея Васильевича. Казнь Владимира Гусева и других заговорщиков в декабре 1497 г. была непосредственным продолжением удара, нанесенного Иваном III по углицкой самостоятельности в 1491 г. Наконец, издание Судебника было государственным актом, шедшим в разрез и в противовес той оппозиции, которая проводила политические тенденции, идущие из московских уделов.

Заговор Гусева пустил корни не только в Углицком княжении. Нити заговора захватили и другие уезды московского княжеского дома: Вологду, Белоозеро, Волок Ламский. Приняв участие в придворной борьбе против Дмитрия Ивановича (внука Ивана III от его сына Ивана Ивановича Молодого) на стороне Софьи Палеолог и ее сына Василия III, оппозиция выработала план «отъезда» Василия III с захватом великокняжеской казны на Вологде и Белоозере и «израды» (т. е. убийства) Дмитрия Ивановича. Вряд ли можно допустить действительную общность интересов Василия Ивановича и партии Гусева. Фигура великого князя Василия была нужна заговорщикам лишь для выступления против политики Ивана III, направленной к подавлению самостоятельности ряда феодальных центров. С другой стороны, Софье Палеолог и Василию Ивановичу выступление Гусева с сообщниками было нужно для борьбы с их соперником Дмитрием Ивановичем. Особенно активную деятельность проявляли сторонники Владимира Гусева — Афанасий Еропкин, дьяк Федор Стромилов и Поярок. Приложение к Никоновской летописи

---

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 214.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 163, 268; т. VIII, стр. 227; т. XV, стр. 501.

рассказывает, как указанных лиц приводили ко кресту Василию III. «Воспалился князь великий Иоанн Василиевичь всеа России на сына своего князя Василия и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он сведал от диака от Феодора Стромилова то, что князь великий хощет жаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Димитрия Иоанновича. И нача думати князю Василию вторый сатанин предотеча Афанасий Ропченок, бысть в думе той и диак Федор Стромилов, и Поярок Рунов брат, и иные дети болярские, и иных тайно к целованию приводиша на том, что князю Василию от отца своего отъехати, великого князя казна пограбити и на Вологде и на Белеозере и над князем Димитрием над внуком израда учинити И сведав то, и обыскав князь великий Иоанн Василиевичь злую их мысль, и велел изменников казнити» [1].

Интересные наблюдения можно сделать над именами участников заговора. Потомки смоленских князей Еропкины владели вотчинами в Волоцком уезде и были связаны с волоцкими удельными князьями. В духовной Бориса Васильевича волоцкого 1477 г. упомянута вотчина одного из Еропкиных — Андрея, отнятая князем за какую-то вину и по завещанию возвращенная владельцу [2].

Что касается Федора Стромилова, то он являлся введенным (думным) дьяком. Родоначальником Стромиловых был дьяк Алексей Стромилов, писавший духовную московского князя Василия Дмитриевича [3]. От Михаила Черта Алексеевича Стромилова происходили, судя по одному документу [4], дети боярские митрополитов московских — Чертовы. И вот это-то обстоятельство проливает некоторый свет на дело 1497 г. До нас дошел формулярник московской митрополичьей кафедры, составленный в значительной своей части при митрополите Симоне (1495—1511 гг.) и дополненный некоторыми позднейшими материалами [5]. В этом формулярнике наше внимание привлекает одна запись, излагающая историю рода Чертовых-Шолоховых. Это родословие рисуется следующим образом. У бренбольского дьякона был сын Алексей, введенный дьяк Василия Темного, у Алексея — сын Михаил (Черт), у Михайла — сын Иван Шолох, у последнего — сын Федор, «а Федора истеряли холопи его, а тот Федор женат не бывал». Далее следует эпизод передачи рода Чертовых «в дом Пречистыя богородицы и великим чюдотворцем Петру и Алексею и Ионе и митрополитом всеа Русии неотходно в род и род до века». Замена «смертной казни» Алексею Чертову наследственной служебной зависимостью от кафедры передается следующим образом: Алексей Попов во время «смуты» Дмитрия Шемяки принял сторону его пособников — князя Ивана Андреевича можайского и боярина Никиты Константиновича Добрынского. Последний с детьми убежал в Литву, а Алексей раздумал и не последовал его примеру из-за того, что у него была большая вотчина, которую конфисковал великий князь,захватив также сына и жену изменника. Алексей прибегнул к покровительству митрополита Ионы. По ходатайству последнего, он был передан со всеми вотчинами под патронат кафедры без права прерывать наследственную вассальную связь с ней. «А казнь смертная на Алексея на Попова была такова: Князь великий Василей Васильевич ополелся на Никиту Константиновича Добрынского и дал его держати прадеду тех Алексею.

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 263.
[2] СГГД, т. I, стр. 252, № 87.
[3] Там же, стр. 85, № 42.
[4] Правая грамота 1561 г. См.: Н. П. Лихачев. Дипломатика, СПб., 1901, стр. 17.
[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562. См. § 2 гл. 1-й настоящей книги.

И Алексей великому князю изменил, зговоря с Никитою, да побежали ко князю Ивану Андреевичю в Можаеск. И Никита з детьми и в Литву побежал, а Алексей прибежал к митрополиту Ионе, бия челом, чтоб пожаловал государь князь, милость показал. А воротился того для, что вотчина у него велика, а жена его была в то время в вотчине, а вотчину его и животы князь великий себе взял, а жену его и сына Михаила поимал. И князь великий для отца своего Ионы митрополита, смертную ему казнь отдал, а дал того Алексея и сына его Михаила и с вотчиною и со всем его животом в дом Пречистыа богородици и великим чюдотворцем Петру и Алексею и Ионе митрополиту всеа Руси, а нет им пути нигде из дому Пречистыя богородици»[1].

Эта запись интересна прежде всего сама по себе, поскольку она дает новый материал для характеристики известной феодальной войны при Василии II. Но мы сейчас подходим к этому источнику с другой стороны. Нельзя ли им воспользоваться для освещения исторических явлений не только первой половины XV в., но и конца столетия? В самом деле, почему вдруг появился этот рассказ о Шолоховых-Чертовых на последних страницах кафедрального формулярника, в основном, составленного на рубеже XV—XVI вв. и в первые десятилетия XVI в.? Некоторые генеалогические наблюдения проливают свет на это обстоятельство. Участник заговора Гусева — Федор Стромилов, по всем данным, был внуком родоначальника Чертовых — Алексея Попова и племянником Михаила Черта [2]. А сам Владимир Гусев являлся представителем рода Добрынских. Родоначальник Гусевых — Василий Гусь был третьим сыном Константина Добрынского и братом Никиты Константиновича, изменившего Василию II и бежавшего в Литву [3].

И вот естественным образом напрашивается вывод, что в феодальных митрополичьих кругах интерес к цитированной выше записи появился не случайно. Политический процесс 90-х годов XVI в., в котором были замешаны Федор Стромилов и Владимир Гусев, имел прецедент в княжение Василия Темного. И тогда участниками борьбы против московского великого князя оказались представители тех же самых боярских фамилий, связавших свою политическую судьбу с удельными князьями. Действительно, предки Стромилова и Гусева выступали в союзе с князем Иваном Андреевичем можайским, который, в свою очередь, был связан с Дмитрием Шемякой. Но мы знаем, что в 1497 г. заговорщики завязали связь с Белоозером, где до 1486 г. княжил брат Ивана Андреевича можайского — Михаил Андреевич. А о сыне последнего — Василии Михайловиче нам известно, с одной стороны что он бежал в Литву, изменив Ивану III, а с другой стороны, что его поддерживала Софья Палеолог, на которую пыталась опереться в интересах удельных центров и партия Гусе́ва—Стромилова в 1497 г.[4]

Наконец, политическая ориентация сообщников Гусева на Углич также имеет весьма давние традиции. По договору 30-х годов XV в. Василий II передал Углицкий удел Дмитрию Шемяке [5], который и владел им до 1448 г.[6] И вот мне представляется весьма вероятным, что митрополит Симон в 1497 г. мог выступить с «печалованием» перед Иваном III по делу привлеченных бояр и детей боярских. В этих целях он решил

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 432 об. — 434 об.

[2] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев, составитель Судебника 1497 г., стр. 46.

[3] Там же, стр. 33.

[4] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 202—203; т. VI, стр. 235; т. XX, ч. 1, стр. 350.

[5] СГГД, т. I, стр. 108, № 152.

[6] Там же, стр. 150, № 67.

воспользоваться документом, относящимся к прошлому, когда по аналогичному делу пришлось «печаловаться» перед московским великим князем одному из предшественников Симона — митрополиту Ионе, и его миссия была выполнена вполне удачно.

Какие основания имеются для этого утверждения? Прежде всего бросается в глаза, что на страницах митрополичьего формулярника, кроме литературной записи, посвященной Шолоховым-Чертовым, имеется также очень интересный формуляр одного документа — «грамоты жаловальной князя великого к его бояром о их вине» [1]. Это — текст грамоты, согласно которой князь «отпускает вину» боярину по ходатайству митрополита, а боярин со своей стороны дает запись за себя и за своих детей о вассальной службе великому князю. В «Собрании государственных грамот и договоров» напечатана подобная запись князя Данила Дмитриевича Холмского Ивану III от 1474 г.[2] Но интерес текста, сохранившегося в митрополичьем формулярнике, заключается в том, что он дает именно формуляр такого рода грамот, в котором собственные имена боярина, митрополита, князя заменены безличным выражением «имрек» [3]. Ценность древнерусских формулярников заключается именно в том, что они построены на конкретных документах, превращенных в образцы. Конечно, привлечение тех или иных документов диктовалось реальными потребностями классовой и внутриклассовой борьбы. И вот можно предположить, что формула «грамоты жаловальной князя великого к его бояром о их вине» и запись о деле Шолоховых-Чертовых, в котором эта грамота, в связи с «печалованием» митрополита Ионы, нашла конкретное применение, были использованы митрополитом Симоном в целях поддержки феодальной оппозиции.

Митрополит Симон имел основания ходатайствовать в 1497 г. перед Иваном III за лиц, замешанных в заговоре детей боярских. Строминовы-Чертовы и Гусевы-Добрынские были связаны с митрополичьей кафедрой поземельными и служебными отношениями. Вотчины Добрынских и их потомков Гусевых лежали, вместе с землями Чертовых, на территории, входившей в сферу влияния митрополичьего дома, как феодальной организации, и постепенно переходили в собственность последнего, а их владельцы попадали в положение земельных держателей, обязанных службой.

Известны земельные вклады кафедре со стороны братьев участника феодальной войны второй четверти XV в. Никиты Константиновича — Василия и Петра. От лица первого в 1410—1425 гг. составлена данная грамота на сельцо Васильевское, деревню Перегаровскую и пустошь Гнездилцево в Рогожском стану, Московского уезда [4]. Второй в 1454 г. дал кафедре монастырь св. Саввы в Москве на посаде, мельницу на р. Сетуни и две деревни у сельца Крылатска (Алферчиково и Ипское) [5]. Это случилось незадолго до побега в Литву сына Петра Добрынского —

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 562, лл. 123—124.

[2] СГГД, т. I, стр. 249, № 103.

[3] «Се яз имрек, что есмь бил челом своему господину и осподарю великому князю имрек, за свою вину своим господином имрек митрополитом всеа Русии, и с его деляи и со служебники епископы имрек, и своею господою архимандриты имрек. . .» и т. д. В 1499 г. митрополит Симон выступил ходатаем за Патрикеевых, приговоренных к смертной казни. Об этом имеются сведения во «Владимирском летописце»: «Князя Ивана Юрьевича да князя Василия, сына его, у великого князя Ивана Васильевича упросил митрополит Симан и владыкы в черницп от казни» (М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца», «Исторические записки», т. 15, стр. 291).

[4] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 55; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 73, № 5/II.

[5] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, л. 47—47 об.; АЮБ, т. I, стр. 446, № 63/XI.

Семена и его брата, упоминавшегося выше Никиты Константиновича [1]. Вероятно, предвидя опалу, Петр Константинович заранее решил заручиться покровительством митрополичьей кафедры как феодальной организации. Племянники Никиты Добрынского — Василий Федорович Образец Симский и Федор Михайлович Викентьев были держателями земель кафедры на прекарном и поместном праве [2]. В Звенигородском и Дмитровском уездах вотчины кафедры граничили с землями представителей рода Добрынских: во-первых, Федора и Ильи Александровичей Белеутовых — внуков Андрея Одинца, брата Константина Добрынского; во-вторых, сына Василия Гуся, брата Никиты Константиновича Добрынского — Елизара Гусева с сыном Михаилом и внуком Семеном [3].

Фамилия митрополичьих вассалов-вотчинников Чертовых гнездилась на территории Селецкой волости, Московского уезда, и в Вышгородском стану, Дмитровского уезда, расположенном по реке Яхроме и ее притокам Икше и Волгуше. Переданные вначале под церковный патронат, вотчины Чертовых постепенно превращаются в полную собственность кафедры [4].

Все приведенные выше детальные сведения о Добрынских и Чертовых не являются отступлением в сторону. Это данные не *по поводу, а в непосредственной связи* с событиями 1497 г. Они показывают, что заговор детей боярских этого года имеет под собою глубокие исторические корни. Это — рецидив той феодальной войны, которая потрясла устои Московского княжества при Василии Темном, попытка возродить основы феодальной раздробленности. С другой стороны, то обстоятельство, что в заговоре были замешаны лица, поземельно и служебно связанные с митрополичьей кафедрой, делает вероятным участие, которое мог принять в деле Гусева—Стромилова церковный феодал митрополит Симон, выступивший ходатаем перед великим князем за арестованных.

Здесь я снова возвращаюсь к дефектному и поэтому загадочному месту Типографской летописи. Вспомним, что после слов: «Володимера Гусева писати» имеется пробел, затем мы читаем: «того же лета Симону митрополиту. . .» и после нового пробела содержится тенденциозный рассказ о слезах покаяния Ивана III перед митрополитом по случаю смерти Андрея углицкого, о раскаянии великого князя и его прощении митрополитом. Летопись намеренно подчеркивает вину московского князя и суровость митрополита, долго не желавшего прощать кающегося грешника и по прощении давшего ему строгий наказ думать о спасении своей души: «Митрополит же и архиепископ и епископи с испытанием и с великым наказанием и понудиша и долго время, и едва простиша и, и поназазаша его впредь, и как бы ему своя душа исправити пред богом» [5]. Я уже выше обращал внимание на странное соседство рассказа о смерти Андрея Васильевича углицкого и о реакции на эту смерть Ивана III с рассказом о деле Гусева. Сейчас я хочу подчеркнуть другую сторону дела. Возбуждает интерес та роль, которую нарочито отводит летопись митрополиту Симону, в качестве обвинителя Ивана III, за то, что он взял на душу грех гибели своего брата («что своим грехом, несторожею, его уморил»). Наиболее важно для дальнейших выводов опять-таки то,

---

[1] ПСРЛ, т. II, стр. 128, 134.

[2] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 46—46 об. и 54—54 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 82—83, № 11; АЮБ, т. I, стр. 722, № 118/VI.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 30 об. — 31 об., 47, 94; АЮБ, т. I, стр. 446, № 63/XI.

[4] Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв., «Исторические записки», т. 9, стр. 55.

[5] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213—214.

что обвинительная речь Симона по адресу Ивана III, приведенная в Типографской летописи, текстуально связана с известием о Владимире Гусеве, непосредственно следуя за ним. Надо обратить внимание на испорченность текста и пробел между фразами, относящимися к рассказу о свидании Ивана III и митрополита Симона: «Того же лета Симону митрополиту. . .» и затем «веля ему быти у себя на дворе с архиепископом и с епископы». Имея в виду, что весь 299-й лист подвергся позднейшей политической правке, я считаю вполне возможным, что беседа митрополита Симона с Иваном III в первоначальной летописной редакции касалась не только Андрея Васильевича углицкого, со времени смерти которого прошло уже три года, а с момента заточения — шесть лет. Можно думать, что предметом беседы был преимущественно тот сюжет, в связи с которым летописец вообще вспомнил о свидании между митрополитом и московским князем и о гибели Андрея Васильевича, т. е. дело Гусева. Этот вывод станет особенно убедительным, если сопоставить как умолчания, так и неясные, вследствие купюр и переделок, формулировки Типографской летописи с данными формулярника митрополичьей кафедры, проявлявшего интерес к эпизоду измены Добрынских и Чертовых, «печалованию» за них митрополита Ионы и, наконец, к формуле того документа, по которому князь «отпускает» вины боярам. Расчет листажа в Типографской летописи показывает, что первоначальный летописный рассказ о митрополите Симоне был значительно более развернутым, так как вставной, 299-й, лист заменил пять листов, в этом месте изъятых. Поэтому мы вправе предположить, что объяснение московского князя и митрополита затрагивало участь Андрея углицкого в тесной связи с близким ему делом заговорщиков 1497 г., за которых «печаловался» глава русской феодальной церковной иерархии.

В нашем распоряжении мало сведений о других лицах, причастных к делу Гусева. Но то, что мы о них знаем, свидетельствует о связях не только их самих, но и их ближайших родственников и вообще всей среды, из которой они вышли, с боярской оппозицией, питавшейся удельно-княжескими традициями. В числе заговорщиков, казненных в 1497 г., летописи называют Щавея Скрябина-Травина, происходившего из мелких смоленских князей Фоминских. А за несколько лет до издания Судебника другой видный представитель Травиных, Иван Иванович Салтык подвергся опале, его «двор» был распущен, а послужильцы испомещены Иваном III в Новгороде [1].

Наряду со Щавеем великокняжеская опала постигла около 1483 г. Ивана Дмитриевича Руно, также с испомещением в Новгороде его послужильцев [2]. В этой связи интересно отметить, что в 1497 г. в числе казненных товарищей Гусева оказался брат Ивана Руно — Поярок, о личности которого не сохранилось никаких дополнительных данных.

Вместе с Гусевым был казнен также Иван Хруль Палецкий (из рода князей Стародубских). Это обстоятельство следует сопоставить с тем, что младший брат Палецкого, Борис, впоследствии был боярином Андрея Ивановича Старицкого и в связи с делом о его измене и побеге в 1537 г. был подвергнут «торговой казни» [3].

В нашем распоряжении очень мало данных, касающихся самого Владимира Гусева. Относительно его биографии до 1497 г. мы можем привести только два, причем очень неясных факта. В 1483 г. Гусев, по сообщению Тверской летописи, приезжал с «поклоном» в Тверь от Ивана III,

---

[1] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 44.

[2] Там же, стр. 45.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 294—295.

причем встретил весьма неучтивый прием со стороны тверского князя Михаила Борисовича. Последний демонстративно не принял московского посла «и выслал его вон из избы, и к матери ему ити не велель к великой княгины Настасии» [1]. Указанное сообщение тверской летописи черезчур лаконично и стоит слишком одиноко в ряду других источников, чтобы можно было сделать в отношении него какие-либо выводы. Исследователи по-разному понимают летописный рассказ. С. Б. Веселовский считает, что прием, оказанный Гусеву в Твери, имел в виду не столько его самого, сколько великого московского князя, политика которого в отношении Тверского княжества вызвала протест Михаила Борисовича [2]. Иначе толкует известие источника Я. С. Лурье. По его мнению, «приехавший с поклоном» Гусев на самом деле был представителем феодального блока, пытавшегося привлечь Тверь на свою сторону в борьбе с самодержавием Ивана III. Михаил Борисович, не склонный к открытой борьбе с московским великим князем, выгнал Владимира Гусева [3].

Мне обе эти попытки интерпретации летописного текста представляются недостаточно убедительными. Авторы толкуют сообщение о Гусеве, не учитывая общего характера того летописного свода, который его приводит, именно Тверского сборника. А. Н. Насоновым весьма убедительно выяснен очень своеобразный характер этого сборника. В его основу положен тверской летописный свод, но редактирован он в Москве после 1498 г., причем не при дворе великого московского князя Ивана III или его сына Василия III, после того, как в 1499 г. Иван «нарек его государем великим князем» [4]. Повидимому, сборник вышел из кругов, близких к Дмитрию Ивановичу, отец которого Иван Иванович Молодой с 1486 г. был «посажен» «на всей вотчине на Тверской» и пребывал на Тверском княжении до своей смерти в 1490 г.[5] У нас нет никаких указаний на то, что Тверь перешла к сыну Ивана Молодого Дмитрию, но предъявлять на нее права последний, естественно, мог. Поэтому интерес к тверскому летописанию со стороны окружения Дмитрия вполне понятен. Такое происхождение Тверского сборника, представляющего собой особую московскую редакцию тверского летописания, наложило свой отпечаток на его общий тон. С одной стороны, редактор выдает свою близость к Дмитрию Ивановичу, которого называет уже под 1483 г. великим князем, ни разу не упоминая его соперника Василия, с другой, — проскальзывает определенная тенденция в отношении последнего тверского князя Михаила Борисовича. Он выведен верным союзником Москвы, автор умалчивает о его сношениях с Литвой и подчеркивает участие тверской силы в походах Ивана III.[6] При таком освещении московско-тверских отношений вряд ли можно предполагать, как это делает С. Б. Веселовский, что рассказ о приеме московского посла в Твери имел своей целью подчеркнуть выпад последнего тверского князя против своего соперника — великого князя московского. Гораздо правильнее думать, что известие о Гусеве попало на страницы Тверского сборника потому, что составитель желал скомпрометировать этого крамольного представителя боярства. Раз лояльный в отношении Москвы тверской князь Михаил

[1] ПСРЛ, т. XV, стр. 499.
[2] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 40.
[3] Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III, стр. 92.
[4] ПСРЛ, т. VIII, стр. 237.
[5] ПСРЛ, т. XV, стр. 500.
[6] А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, «Известия Академии Наук СССР», VII серия, отд. гуманитарн. наук, 1932, № 10, стр. 740—742.

Борисович (а таким представляет его Тверской сборник) выгнал московского посла, значит его приезд таил какие-то недобрые намерения, мог внести диссонанс в московско-тверские отношения. У нас нет никаких оснований для того, чтобы утверждать, как это делает Лурье, что в 1483 г. Гусев прибыл в Тверь в качестве представителя феодального блока, с целью склонить Тверь на борьбу с Иваном III. Но такова была версия летописного свода, отражавшего политические позиции придворной партии Дмитрия Ивановича, против которой действовал Гусев. Этот свод пытался набросить на Гусева подозрительную тень. Ведь не случайно разбираемый рассказ дошел до нас в составе именно Тверского сборника — памятника, составленного около 1498 г., после венчания на великое княжение Дмитрия Ивановича и казни Гусева и его сторонников. Писать прямо об этом деле, в котором были замешаны лица московского великокняжеского дома, было нельзя. И вот Тверской сборник пытается скомпрометировать Гусева, в замаскированной форме помещая приведенное выше не вполне отчетливое и ясное известие о его посольстве в Тверь и о том отпоре, который он там встретил.

Следующее биографическое сведение о Гусеве относится к началу 1495 г., когда он был послан в Литву в свите дочери Ивана III — Елены, которая в этом году вышла замуж за великого князя литовского Александра [1]. Из этого факта вряд ли можно сделать какие-либо прочные выводы для понимания позднейшего дела Гусева. Однако пребывание в Литве, где находились некоторые русские изгнанники (удельные князья), могло оказать влияние на политическое мировоззрение Гусева и дать новый толчок практическому оформлению заговора. Не случайно в наказе послам, отправленным в Литву с Еленой, содержалось предписание не допускать встреч с нею русских князей-эмигрантов: Михаила Борисовича тверского, Ивана Андреевича можайского, внука Шемяки и сына Василия Ярославича серпуховского-боровского. Не случайно Иван III в письме дочери от мая 1496 г. напоминал ей о феодальных войнах в Русском государстве: «. . . А и в нашей земле слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце, а опосле отца моего каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь» [2]. Несомненно, что русские эмигранты мечтали о возврате в Россию и восстановлении там феодальной раздробленности. В. Гусев мог оказаться в курсе этих планов.

Обращаясь теперь к 1497 г. — последнему году жизни Гусева, мы на основе параллельного изучения ряда летописных текстов, можем притти к следующим выводам: 1) Владимир Гусев стоял во главе заговорщиков, казненных в декабре. 2) Стремясь к защите интересов феодальных центров, заговорщики в этих целях использовали борьбу придворных группировок, примкнули к партии Василия III и его матери Софьи Палеолог и вели борьбу с партией, поддерживавшей права на великое княжение Дмитрия Ивановича — сына Ивана Ивановича Молодого. 3) Судебник представляет собой законодательный акт, выпущенный в обращение после расправы с оппозиционными детьми боярскими, в обстановке венчания на княжение Дмитрия. Этот юридический кодекс, по мысли его составителей, должен был провозгласить новый этап в истории московского централизованного суда в противовес правовой децентрализации времен феодальной раздробленности. И самые опалы и казни, имевшие место в декабре 1497 г., получали оправдание

[1] ДРВ, ч. XIV, стр. 19—20; Сб. РИО, т. 35, СПб., 1885, стр. 164.
[2] Сб. РИО, т. 35, стр. 224—225.

в соответственных статьях Судебника, поскольку поплатившиеся за свою крамолу лица противодействовали московской великокняжеской политике централизации, укреплению самодержавия.

Первые два тезиса, — об организаторской роли Владимира Гусева и о его выступлении на стороне Софьи Палеолог и Василия Ивановича, — подтверждаются прямыми указаниями летописных текстов. Ряд летописей называет Гусева в первых рядах детей боярских — заговорщиков и, рассказывая о казни его и его товарищей, считает эти казни следствием опалы Ивана III на жену и сына. По сообщению Никоновской летописи, «по диаволю действу и наваженио и лихих людей совету всполелся князь великий Иван Васильевич на сына своего на князя Василья да и на свою жену на великую княгиню Софию, да в той въспалке велел казнити детей боярских: Володимера Елизарова сына Гусева. . . [и др.], казниша их на леду, главы их ссекоша. . .» [1]

Дополнительные приписки к Никоновской летописи сообщают некоторые детали дела Софьи Палеолог, помимо связи с боярским окружением Гусева, обвинявшейся в колдовстве и сношениях с «лихими бабами»: «И в то время [великий князь Иван III] опалу положил на жену свою на великую княгиню Софию о том, что к ней приходиша бабы з зелием; и обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве реке нощию; а с нею от тех мест начат жити в бережении» [2]. Очевидно, правительство Ивана III стремилось придать заговору 1497 г. важное политическое значение и привлечь к ответственности возможно больший круг людей, в какой-то мере близких к главным действующим лицам.

Интересную версию в изложении процесса 1497 г. дает Хронограф: «. . . Воспалился князь великий Иван Васильевич на свою великую княгиню Софью да и на сына своего на князя Василья, да и жалобу сотвори перед митрополитом Симоном, и перед архиепископы, и перед всем священным собором, да в той же опале казнил князь велики Володимера Елизаровича с товарыщи» [3].

В цитированном тексте обращает на себя внимание сообщение о жалобе, принесенной Иваном III митрополиту Симону и освященному собору в связи с опалой на свою жену и сына. С. Б. Веселовский, сопоставляя этот рассказ с приведенными выше дополнительными статьями к Никоновской летописи, думает, что предметом жалобы было обвинение Софьи в колдовстве, которое великий князь вынес на суд митрополита и освященного собора [4]. Но мне кажется, что летописный текст требует более глубокого анализа. Ограничилось ли участие митрополита и освященного собора, как считает С. Б. Веселовский, только рассмотрением подлежащих их компетенции пунктов по обвинению московской великой княгини в колдовстве? Или дело всех приверженцев Софьи в целом было предметом совместного обсуждения царя и митрополита? Я думаю, что правильным надо признать решение вопроса именно в последнем смысле. Основание для этого дает сопоставление между собой текстов Хронографа и Типографской летописи, на которой мы детально останавливались выше. Каждый из этих источников представляет одностороннее и неполное освещение дела, но оба они дополняют друг друга. Приведем

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 246. — Владимирский летописец обвиняет Владимира Гусева и заговорщиков «в помышлени их зло на государя» (М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца», стр. 291).

[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 263.

[3] ПСРЛ, т. XXII, стр. 513.

[4] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 46—47.

параллельно изучаемые тексты и сравним их с точки зрения содержания и последовательности изложения событий.

Типографская летопись	Хронограф
1. Свидание Ивана III с митрополитом Симоном.	1. Опала Ивана III на Софью Палеолог и Василья Ивановича.
2. Признание великим князем своей виновности в смерти брата Андрея Васильевича, его покаяние и прощение его митрополитом.	2. Жалобы великого князя митрополиту Симону и освященному собору в связи с актом опалы на жену и сына.
3. Казнь Владимира Гусева с товарищами.	3. Казнь Владимира Гусева с товарищами.

Общим для Типографской летописи и Хронографа является третий пункт (казнь Владимира Гусева), который в обоих случаях и определяет тему рассказа. Свидание между Иваном III и митрополитом Симоном источники освещают по-разному. Хронограф ставит его в связь с опалой московского великого князя на жену и сына. Мы можем предположить, что как раз эта версия (может быть, в более подробном изложении) содержалась и в Типографской летописи, после слова: «того же лета Симону митрополиту. . .», в том месте, где сейчас имеется пробел. С другой стороны, тема о судьбе Андрея углицкого, которая, судя по дефектному тексту Типографской летописи, была использована в беседе при встрече Ивана III и Симона, проливает свет на неполное и неясное сообщение Хронографа. Казнь Гусева, действовавшего в интересах партии Софьи Палеолог, как было уже указано выше, представляла собой отголосок дела Андрея углицкого.

Итак, подведем итоги. Надо отказаться от общепринятого взгляда на Владимира Гусева как составителя Судебника. Ему не только не было поручено ответственное дело по подготовке проекта Судебника, но, напротив, та идея централизации в области суда, которую проводил Судебник, не соответствовала взглядам Гусева и его кружка. Об этом подробнее будет сказано ниже. Гусев и его товарищи были выразителями оппозиционных боярских настроений, которые шли из бывших уделов Московского княжества. Эти настроения использовали в своих целях Софья Палеолог и ее сын Василий Иванович. Гусев и его сообщники примкнули к партии Софьи и Василия и организовали заговор против Дмитрия Ивановича.

§ 6. Венчание на великое княжение Иваном III Дмитрия Ивановича и обнародование Судебника

Я перехожу к тому событию, которое, с моей точки зрения, явилось непосредственным поводом для издания Судебника — венчанию на великое княжение Дмитрия Ивановича. Акту венчания, имевшему место в феврале 1498 г., придавалось важное политическое значение. Он должен был способствовать укреплению основ самодержавия. Был составлен детально разработанный ритуал, подробно описанный в целом ряде летописей. Помимо общих соображений о том, что венчание внука, имевшее большое значение для укрепления престижа власти, представляло для Ивана III наиболее удобный момент для выступления с новым судебным уложением, можно указать и на некоторые частности, подтверждающие эту мысль. Во время исполнения различных обрядов венчального церемониала внимание главных действующих лиц, — великого князя и митрополита, — не раз обращалось к вопросам суда. В молитву,

произнесенную во всеуслышание в церкви митрополитом перед возложением барм на Дмитрия, была включена следующая фраза: «Да судя люди твоя правдою и нищих твоих судом спасет сыны убогих» [1]. После окончания венчания митрополит Симон провозгласил поучение князю Дмитрию Ивановичу, а Иван III обратился к внуку с речью. Оба оратора особенно демонстративно подчеркивали обязанность государя руководствоваться в своей деятельности началами правосудия: «Люби правду и милость и суд правый» [2]. Конечно, эти выражения, рассматриваемые вне связи с исторической обстановкой, могут показаться слишком общими для того, чтобы видеть в них обязательно ссылку на определенный юридический памятник. Но если рассматривать детали венчального ритуала, принимая во внимание придававшееся ему общегосударственное значение, то, сами по себе, может быть, и непоказательные слова молитвы или приветственных речей наполнятся конкретным содержанием. Мы вправе допустить, что и князь, и митрополит, говоря о «праведном суде», имели в виду не общий отвлеченный мотив справедливости, присущий каждому «добродетельному» государю, а конкретный законодательный памятник, содержащий нормы феодального судоустройства и судопроизводства. Мне кажется, вполне законны и в достаточной мере убедительны аналогии по вопросу о происхождении первого и второго Судебников. Царский Судебник 1550 г. также появился в связи с актом венчания Ивана Грозного на царство, укреплявшим позиции самодержавия. Только венчание 1547 г. предшествовало изданию судебного уложения Ивана IV, а венчальный акт 1498 г. непосредственно следовал за Судебником Ивана III.

С усилением аппарата власти в процессе преодоления феодальной раздробленности и создания централизованного государства вводилась суровая карательная система. Феодальное право, охраняя интересы господствующего класса, санкционировало смертную казнь для «лихих людей». Под понятие «лихого дела» подводились преступления против государства как органа господствующего класса, против официальной господствующей церкви, выступления крестьян против своих господ, покушения на феодальную собственность. Именно в охране прерогатив класса феодалов заключался тот «правый суд», о котором так высокопарно говорили Иван III и митрополит Симон во время церемониала венчания Дмитрия. Мотив защиты позиций класса феодалов в целом особенно подчеркнуто звучал в феврале 1498 г., через два месяца после подавления внутриклассовой оппозиции, вылившейся в заговор Владимира Гусева.

Интересно, что Типографская летопись помещает известие о венчании Дмитрия Ивановича в неразрывном сочетании с рассказом об утверждении Иваном III Судебника. И вот здесь естественно поставить вопрос о датировке этого памятника. Заголовок к нему указывает на сентябрь 1497 г. Типографская летопись, не уточняя месяца, называет 7006-й год, имея, следовательно, в виду промежуток времени с 1 сентября 1497 г. по 1 сентября 1498 г. Но поскольку и по летописной версии, и на основании тех наблюдений, которые были сделаны выше, мы вправе говорить об опубликовании текста Судебника в связи с актом венчания Дмитрия Ивановича, очевидно, хронологические рамки, даваемые Типографской летописью, следует уточнить в пределах с 1 сентября 1497 г. по февраль 1498 г. включительно.

Надо сказать, что во всех предшествовавших работах о Судебнике вопрос о датировке памятника вообще не ставился в качестве предмета

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 247.
[2] Там же, стр. 248.

исследования. Принималась просто та дата, которую мы находим в заголовке: сентябрь 1497 г. Единственно, что смущает исследователей, это отсутствие в тексте точного указания на число месяца. Отсюда иногда делался вывод о том, что великий князь с сыновьями и боярской думой слушали проект Судебника в нескольких заседаниях, в течение сентября, вносили, быть может, свои изменения и, наконец, утвердили его. Мне кажется, что вопрос о датировке памятника требует пересмотра.

Я считаю, что заглавный текст нельзя рассматривать в качестве заголовка ко всему Судебнику. Он относится только к первой его части, где идет речь о суде бояр и окольничих, а также великого князя и его детей, но не имеет в виду памятника в целом. В этом меня убеждает, с одной стороны, текстуальный анализ, с другой, — палеографические наблюдения. Действительно, содержание Судебника шире его заголовка. В нем речь идет не только о том, «как судити бояром и окольничим», но рассматривается и суд наместников, волостелей, их тиунов и других судей. Неполнота заголовка особенно бросается в глаза, если сравнить Судебник Ивана III с царским. Действительно, последний определяет сам себя как «уложение» не только о суде бояр и окольничих, но и дворецких, казначеев, дьяков, «всяких приказных людей», «по городом наместников», «по волостем волостелей», тиунов и «всяких судей». Правда, здесь вполне уместно возражение по поводу законности подобных аналогий между двумя разновременными памятниками. От Судебника середины XVI в. мы, естественно, вправе ожидать большей точности в формулировке отдельных положений, чем от юридического кодекса, возникшего на полстолетие ранее. Но и известие о составлении Судебника, имеющееся в Типографской летописи, несмотря на бросающуюся в глаза дефектность текста, упоминает не только бояр и окольничих, но и *«всех судий»*.

Обращение к рукописи показывает, что текст Судебника Ивана III разбит на целый ряд разделов, имеющих заголовки, сделанные киноварью. Но бросается в глаза, что первый раздел, соответствующий статьям 1—3 по делению Владимирского-Буданова и содержащий общие постановления об организации суда бояр и окольничих, лишен заголовка. Это тем более странно, что особым киноварным заголовком выделена та часть памятника, которая посвящена суду наместников и волостелей («указ наместником о суде городскым»). Получается непонятное явление: не озаглавлен основной раздел Судебника, открывающий его текст и посвященный центральному суду, в то время как постановления о провинциальном суде имеют специальный заголовок. Но наше недоумение легко разъяснится, если считать, что вступительная статья Судебника, говорящая об его утверждении Иваном III с детьми, рассматривалась как заголовок к начальным параграфам, разбиравшим вопрос о боярском суде. Действительно, вводное известие об «уложении» Ивана III по вопросу о том, «как судити бояром и окольничим», попросту повторяет начальную фразу первого же постановления: «Судити суд бояром и окольничим. . .». Внимательно присматриваясь к тексту памятника, мы легко убедимся, что такова вообще его редакционная манера: заголовок той или иной статьи или их группы строится на основе тех же самых терминов или выражений, которые открывают текст данного раздела, определяя его основное содержание.

Заголовок	Начало текста
Ст. 4. О полевых пошлинах	А досудятся до поля. . .
Ст. 8. О татбе	А доведуть на кого татбу. . .
Ст. 10. О татех	А которого татя поимают. . .
Ст. 13. О поличном	А с поличным его приведут. . .

Ст. 14. О татиных речех	А на кого тать возмолвит. . .
Ст. 15. О правой грамоте	А от правые грамоты имати. . .
Ст. 16. О докладном списке	А докладной список боярину печатати. . .
Ст. 17. О холопией о правой грамоте	А с холопа и с робы от правые грамоты. .
Ст. 18. О отпустной грамоте	А положит кто отпустную без боярского докладу. . .
Ст. 25. О бессудном списке	А от бессудныя грамоты имати. . .

Таким образом, заголовок к Судебнику, заключающий в себе дату, следует относить к начальным статьям памятника, посвященным боярскому суду.

В сентябре 1497 г. началось рассмотрение текста Судебника в боярской думе, а в феврале 1498 г. он был обнародован.

§ 7. Кто был составителем Судебника?

Выше была опровергнута общепринятая версия о том, что составителем Судебника 1497—1498 гг. был Владимир Гусев. Но кем же в таком случае составлен этот памятник? В нашем распоряжении нет прямых данных для ответа на поставленный вопрос. Каким же путем его разрешить? Я думаю, правильнее всего будет исходить из первой же статьи памятника, указывающей на то, что Судебник предназначался для суда бояр и окольничих, вместе с которыми производили судопроизводство и дьяки. Очевидно, и в составлении Судебника должны были принять участие члены боярской судебной коллегии в Москве, а никак не Владимир Гусев, никакого отношения к судопроизводству не имевший.

Бросается в глаза, что за период с 1495 г. по 1499 г. правые грамоты представлялись на доклад князьям Ивану Юрьевичу или Василию Ивановичу Патрикеевым, которые и выносили по ним судебные решения [1].

Это обстоятельство заставляет предполагать, что текст Судебника, вероятно, прошел через редакцию двух названных бояр. Из летописей мы знаем, что Патрикеевы принадлежали к иной политической партии, чем Гусев со своими сторонниками. Они поддерживали кандидатуру на великокняжеский стол внука Ивана III — Дмитрия Ивановича, противопоставляя последнего Василию Ивановичу (будущему Василию III). Падение Дмитрия и передача Иваном III сначала Новгородского и Псковского княжения, а затем великокняжеского стола своему сыну Василию вызвала в 1499 г. опалу на Патрикеевых и их родственника князя Семена Ивановича Ряполовского [2]. Последний был казнен, а Патрикеевы пострижены: Иван Юрьевич в Троице-Сергиевом монастыре, а Василий Иванович — в Кирилло-Белозерском. В княжение Василия III Василий Патрикеев (инок Вассиан Косой) выступал с рядом публицистических произведений, направленных против монастырского землевладения.

---

[1] РОБИЛ, АТСЛ, № 1012, кн. № 518, лл. 193—196 об., 355 об. — 358, 383 об.— 385 об., 389 об., 500—503, 535 об. — 538 об.; ЦГАДА, ГКЭ, №№ 3336, 3394, 7693; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 105—108. № III/3; А. Федотов-Чеховский. Акты, т. I, стр. 11—12, № 15, стр. 34—36, № 34 и др. — Все грамоты, на которые нами сделаны ссылки, должны быть датированы временем от 1495 г., когда Василий Иванович Патрикеев был пожалован в бояре, до 1499 г., когда обоих Патрикеевых постигла опала.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 236—237; т. XII, стр. 248—249; т. XXI, ч. 2, стр. 571—572. — В 1503 г. Иван III в наказе послам в Литву князю Петру Михайловичу Плещееву и Константину Григорьевичу Заболотскому вспоминал Василия Патрикеева и князя Семена Ряполовского, привлеченного в 1499 г. по одному с ним делу и казненного через отсечение головы: «А не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал князем Васильем княжим Ивановым сыном Юрьевичи» (Сб. РИО, т. 35, стр. 428).

Опале подвергся и второй сын И. Ю. Патрикеева Иван Мынына [1], а также Афанасий Патрикеев [2].

Сопоставляя между собой отдельные факты (устанавливаемую Типографской летописью связь между казнью Владимира Гусева и обнародованием, в связи с венчанием Дмитрия Ивановича, в феврале 1498 г. Судебника; опалу, после передачи Иваном III сыну Новгородского и Псковского княжений, на Патрикеевых, державшихся иной политической ориентации, чем Гусев с товарищами), я считаю вполне правдоподобной мысль о причастности Патрикеевых к составлению Судебника 1497—1498 гг.

Патрикеевы принадлежали к старому московскому боярству, тесно связанному с великокняжеским двором. В этом отношении их можно противопоставить Владимиру Гусеву и его сообщникам, которые были близки к удельно-княжеским феодальным центрам.

Князь Юрий Патрикеевич был женат на дочери вел. кн. Василия Дмитриевича. Его подписи в качестве свидетеля стоят на двух духовных грамотах Василия I [3]. Юрий Патрикеевич принимал участие в феодальной войне второй четверти XV в. на стороне великокняжеской власти. В 1433 г. Юрий Патрикеевич был послан из Москвы к Костроме против войск Юрия Дмитриевича и попал в плен к галицкому князю. [4] В 1439 г., во время похода Василия II против татар, Юрий Патрикеевич оставался в Москве [5]. В ноябре 1445 г. Василий II, вернувшись в Москву из татарского плена, остановился на дворе Юрия Патрикеевича как ближайшего к нему боярина [6].

Сын Юрия Патрикеевича, князь Иван Юрьевич, продолжал службу при московском великокняжеском дворе. В 1455 г. он был послан во главе московских войск против татар, подошедших к Оке; [7] в 1459 г. возглавлял великокняжескую рать, направленную к Вятке и добился подчинения вятчан Москве [8], в 1468—1469 гг. участвовал в походах на Казань [9], в 1478 г. принимал самое активное участие в переговорах с новгородцами, закончившихся присоединением Новгорода [10]. В 1480 г., во время нашествия Ахмата, Иван Юрьевич, в качестве московского наместника, оставался в осаде в Москве [11]. В январе 1487 г. И. Ю. Патрикеев угощал у себя во дворе литовского посла [12]. В 1488 г. к Ивану Юрьевичу обращался князь Андрей Васильевич углицкий с просьбой быть посредником в его размолвке с Иваном III. Но Иван Юрьевич отказался принять на себя такую посредническую роль, что свидетельствует о его враждебном отношении к удельным князьям [13]. В 1491 г., когда Андрей углицкий был арестован, Иван III послал князя И. Ю. Патрикеева за его детьми. В 1492 г. во время большого пожара в Москве Иван III с семьей

---

[1] М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца», стр. 291.

[2] Послужильцы Афанасия Патрикеева были испомещены на новгородской территории. См.: К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в., «Исторические записки», т. 14, стр. 70.

[3] СГГД, т. I, стр. 82, № 41 и стр. 85, № 42.

[4] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 174.

[5] Там же, стр. 190.

[6] ПСРЛ, т. XII, стр. 66; т. XVIII, стр. 196.

[7] ПСРЛ, т. V, стр. 271; т. VI, стр. 180; т. VIII, стр. 144; т. XII, стр. 109.

[8] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 181, т. VIII, стр. 147—148; т. XII, стр. 112.

[9] ПСРЛ, т. IV, стр. 132, 149; т. V, стр. 274; т. VIII, стр. 152, 157.

[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 209—215; т. VIII, стр. 187—197; т. XII, стр. 184—186.

[11] ПСРЛ, т. IV, стр. 153; т. VI, стр. 21; т. XII, стр. 200.

[12] Сб. РИО, т. 35, стр. 5.

[13] ПСРЛ, т. XII, стр. 219—220.

переселился в палаты кн. Патрикеева. В 1492—1494 гг. И. Ю. Патрикеев в качестве «наивысшего воеводы государя» принимал литовских послов и вел с ними переговоры [1].

Подписи Ивана Юрьевича Патрикеева в качестве свидетеля находим на духовных грамотах вел. кн. Василия II [2] и кн. Андрея Васильевича вологодского [3]. В 1474 г. поручная запись И. Н. Воронцова по кн. Даниле Холмском в его службе Ивану III и неотъезде от великого князя явлена И. Ю. Патрикееву, в качестве московского наместника. Патрикеев приложил к поручной записи свою печать [4].

Василий Иванович Патрикеев, так же, как и его отец, занимал видное положение при дворе Ивана III и выполнял серьезные военные и политические поручения. В 1491 г. он был послан в Углич, чтобы захватить там детей арестованного князя Андрея Васильевича и заточить их в Переяславль [5]. В 1493 г. Патрикеев участвовал в походе на Вязьму и доставил в Москву пленных литовских «князей и панов» [6].В 1494 г. он вел переговоры с литовскими послами, а затем участвовал в посольстве в Литву для присутствия при ратификации Александром Казимировичем русско-литовского договора [7]. В 1496 г. Василий Иванович был послан в поход против шведов [8].

В качестве великокняжеского боярина В. И. Патрикеев в 1497 г. присутствовал, вместе со своим отцом И. Ю. Патрикеевым, на отводе великокняжеских земель, промененных Иваном III из состава территории бывшего Тверского великого княжения князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам [9].

Итак, должны быть отмечены длительная связь Патрикеевых с московским великокняжеским домом, активное участие наиболее крупных представителей этой фамилии в борьбе великокняжеской власти с феодальной оппозицией, деятельность князя И. Ю. Патрикеева в качестве московского наместника, наконец, прямое отношение Ивана Юрьевича и Василия Ивановича Патрикеевых к вопросам суда. На доклад Патрикеевым, как было указано выше, представлялись правые грамоты за период с 1495 по 1499 г. Все это дает основание говорить, что в выработке проекта Судебника 1497—1498 гг. Патрикеевым принадлежала основная роль.

Начала централизации в области суда, проводившиеся в Судебнике 1497—1498 гг. и направленные к ликвидации феодальной раздробленности, вызвали выступление группы представителей боярства, связанной с удельными феодальными центрами. Во главе этой группы стоял Владимир Гусев, казненный в 1497 г.

В связи с постановкой вопроса о том, кто был составителем Судебника, обращаю внимание на одно обстоятельство. В 1478 г. Иван Юрьевич Патрикеев, вместе с Василием и Иваном Борисовичами Тучковыми-Морозовыми, участвовал, по поручению Ивана III, в переговорах с новгородцами [10]. А Тучковы-Морозовы были составителями в 1476 г. сборника новгородских документов, в который вошли некоторые памятники

---

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 71, 72, 74—80, 82, 83, 87, 104—111, 113, 114, 116—124, 133—137, 149.

[2] СГГД, т. I, стр. 206, № 86 и стр. 208, № 87.

[3] Там же, стр. 272, № 112.

[4] Там же, стр. 250—251, №104.

[5] ПСРЛ, т. IV, стр. 160; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 223; т. XII, стр. 231.

[6] ПСРЛ, т. IV, стр. 162; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 226.

[7] ПСРЛ, т. IV, стр. 164; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 228; т. XII, стр. 238; Сб. РИО, т. 35, стр. 114, 116, 123, 124, 138—144, 146, 428.

[8] ПСРЛ, т. VI, стр. 40, 240; т. VIII, стр. 231; т. XII, стр. 242.

[9] СГГД, т. I, стр. 330—333, № 129.

[10] ПСРЛ, т. VIII, стр. 188—197; т. VI, стр. 209—219.

древнерусского права (Новгородская судная грамота и др.)[1]. Может быть, к этому сборнику имел касательство и Иван Патрикеев. В таком случае, становится совершенно очевидной преемственность работ по кодификации правовых текстов, производившихся по заданию московского правительства на протяжении 70—90-х годов XV в.

Трудно указать, кто из дьяков вел непосредственную работу по составлению Судебника. На суде И. Ю. Патрикеева присутствовал дьяк Василий Третьяк Долматов[2]. На правых грамотах, представленных к докладу Патрикеевым, находим подпись дьяка Алеши Безобразова. Он же в 90-х годах XV в. подписал некоторые жалованные грамоты Ивана III[3]. Тогда же встречаемся с дьяком Василием Жуком. Их причастность к составлению Судебника 1497—1498 гг. весьма вероятна.

С наибольшим основанием можно предполагать участие в составлении текста Судебника дьяка Василия Третьяка Долматова, близкого к Ивану III и Василию III человека,который проявлял активную деятельность в борьбе великого московского князя с феодальными центрами, в частности, выполнял поручения по юридическому офомлению включения в состав централизованного Русского государства ранее самостоятельных «полугосударств» — Новгорода, Твери, Пскова.

В 1476 г. Василий Третьяк Долматов участвовал в судебном разбирательстве в Новгороде, которое производил Иван III. Летопись упоминает Василия Третьяка Долматова в числе тех приставов, которых Иван III дал новгородским «жалобникам»[4]. В 1477 г. Василий Третьяк Долматов был послан в Новгород «покрепити того: какова [новгородцы] хотят государства. . .»[5] В 1478 г. в походе Ивана III на Новгород Василий Третьяк Долматов вел переговоры с новгородцами[6]. В 1486 г. после взятия Твери Василий Третьяк Долматов приводил к присяге население города[7]. В 1499 г. он участвовал в посольстве в Литву[8].

После смерти Ивана III Василий Третьяк Долматов продолжал служить его сыну Василию III. В 1510 г., во время взятия Пскова, он сообщил псковичам требование московской великокняжеской власти об уничтожении веча и вывез вечевой колокол из Пскова в Москву[9].

Василий Третьяк Долматов подписал в 1483 г. жалованную разводную грамоту Ивана III волоцкому князю Борису Васильевичу о разводе территории бывшей Новгородской феодальной республики с Ржевской землей, принадлежавшей Борису[10].

Участие дьяка Василия Третьяка Долматова в целом ряде важнейших публичноправовых актов последней четверти XV в. — начала XVI в., а также непосредственно в судебной коллегии, возглавлявшейся в 90-х годах XV в. И. Ю. Патрикеевым, говорит за то, что Долматов был

---

[1] Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1, стр. 348—349.

[2] РОИМ, книга Симонова монастыря, № 58, лл. 143 об. — 147, 147 об. — 150 об., 150 об. — 155 об.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 6696; РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 525, лл. 30 об. — 33. — В первые годы княжения Василия III ряд жалованных грамот, им подтвержденных, подписал дьяк Данила Куприанов Мамырев (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 118). Этот же дьяк упоминается в духовной грамоте Ивана III 1504 г. Возможно, что Данила Куприанов принимал участие в составлении в 1504 г. списков с Судебника Ивана III.

[4] ПСРЛ, т. XII, стр. 163.

[5] Там же, стр. 170.

[6] Там же, стр. 173.

[7] Там же, стр. 218.

[8] Там же, стр. 249.

[9] ПСРЛ, т. XIII, стр. 12.

[10] СГГД, ч. I, стр. 287—289, № 117.

причастен и к составлению Судебника. Его близость к И. Ю. Патрикееву видна из того, что он писал его духовную грамоту [1].

Наконец, есть основания предположить какое-то участие в подготовке текста Судебника 1497—1498 гг. близкого к Патрикеевым лица, известного дьяка Ивана III — Федора Курицына. На его роль в этом деле проливает некоторый свет один интересный памятник древнерусской литературы XV в. — повесть о «мунтьянском» (валашском) воеводе Дракуле.

Древнейший список повести о Дракуле датирован 1490 г., причем в основе его лежит более ранний список 1486 г. Следующий по времени список повести составлен на рубеже XV и XVI вв.[2] До сих пор повесть изучалась исключительно в плане историко-литературном, но совершенно не использовалась в качестве источника для освещения политики феодального правительства Ивана III. Между тем внимательное рассмотрение памятника показывает, что он представляет большой интерес и в этом отношении. Первое, что бросается в глаза при чтении повести, это необычайная жестокость Дракулы. Однако более пристальный анализ приводит к выводу, что указанный мотив жестокости не является основным. Над ним преобладает другой мотив, получающий весьма настойчивое звучание, — мотив справедливости и борьбы с беззаконием. «И толико ненавидя в своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив, аще велики болярин, или священник, или инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупити от смерти, и толико грозен бысть» [3]. Правитель — гроза для своих подданных; строгий, но справедливый; искореняющий зло в своих владениях; казнящий злодеев и милующий добродетельных; карающий без различия вельмож и нищих, духовных лиц и мирян — таков Дракула по нарочитой характеристике рассматриваемой повести.

Тематика памятника развертывается, в значительной мере подчиняясь этой характеристике главного героя. Особенно характерен эпизод посещения Дракулы двумя католическими монахами. Показав посетителям множество казненных на кольях и колесах, воевода задает вопрос: «Добро ли тако сътворих. . . и како ти суть, иже на колии?». Монахи по-разному реагируют на сцены казней. Один с сочувствием относится к казненным, как к невинно пострадавшим, и осуждает жестокого воеводу. «Он же глагола: ни государю зло чиниша, без милости казниши, подобает государю милостиву быти, а ти же на кольи мученци суть». Другой монах подчеркивает право правителя воздавать по заслугам лиходеям и одобряет жестокие мероприятия Дракулы. «Он же отвеща: ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати, а ти лихо творили, по своим делом въсприали». Расценивая ответы своих собеседников, Дракула решает уготовать первому сердобольному монаху участь тех казненных преступников, которых он взял под свою защиту, объявив мучениками. «И глагола к нему: да по что ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничтож, а ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть, аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик, и повеле его на кол посадити. . .». Второй монах за ответ, выразившийся в признании

---

[1] СГГД, ч. I, стр. 334—338, № 130.

[2] А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, «Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР», т. II, кн. 2, 1929, стр. 623—639.

[3] Там же, стр. 654.

актами правосудия массовых репрессий Дракулы, получил богатое вознаграждение и был с почетом отправлен в свою страну (Венгрию): «А другомоу повеле дати 50 дукат злата, глаголя: ты еси разумен муж, и повеле его на возе с почестием отвести и до Угорскыа земли» [1].

Ряд других эпизодов, имеющихся в повести, также ставят своей задачей иллюстрировать идею о необходимости борьбы с преступлениями, — борьбы, предполагающей применение жестоких мер. Таков рассказ о венгерском купце, оставившем ночью на улице воз с золотом, которое было украдено. По жалобе купца, Дракула «повеле по всему граду искати татя, глаголя: аще не обрящется тать, то весь град погублю». В то же время Дракула велел положить на воз пострадавшего, втихомолку от него, собственное золото, в сумме, указанной купцом, с приложением одной лишней монеты. Обнаружив золото, купец явился к Дракуле и рассказал ему об этом, не утаив и найденного излишка. Одновременно к воеводе был приведен пойманный вор. Удовлетворенный честностью купца, не присвоившего себе чужой монеты, оказавшейся на его возу, Дракула заявил ему: «Иди с миром, аще бы ми еси не поведал злато, готов был и тебе с сим татем на кол посадити» [2].

В том же стиле написан рассказ об имевшемся в земле Дракулы колодезе со студеной и чистой водой, к которому приходили путешественники из разных стран и пили из него воду. Воевода распорядился поставить у колодезя на пустом месте для общего пользования «чару велию и дивну злату», и никто не смел ее похитить, зная обычаи земли [3].

Исследователи держатся довольно единодушного мнения о том, что повесть возникла в посольской среде. Упоминание «Будина» (Будапешта) позволяет поставить памятник в связь с русским посольством в Венгрию 1482 г., возглавлявшимся дьяком Федором Курицыным [4]. А. Х. Востоков считал возможным прямо назвать этого известного дипломатического деятеля конца XV в. лицом, написавшим повесть о Дракуле [5]. А. Д. Седельникова несколько смущают хронологические расчеты. Наиболее ранний из известных списков памятника относится к 13 февраля 1486 г., а Курицын, судя по одному посольскому документу [6], вернулся не позднее 23 марта 1486 г. Хотя возвращение произошло, повидимому, ранее этой последней даты, все же, говорит А. Д. Седельников, трудно предположить, чтобы текст повести к 13 февраля мог уже распространиться в копиях. Поэтому А. Д. Седельникову представляется сомнительной причастность к повести Курицына, и он считает более вероятным, что она записана или кем-либо из спутников

---

[1] Там же, стр. 655.

[2] Там же, стр. 655—656.

[3] Там же, стр. 654.

[4] «Того же лета (6990-го) приде посол к великому князю от короля угорского Матияса о братстве и о любви, и князь велики почтив того посла, отпусти его с любовию к его государю, да с ним же вместе отпустил князь велики своего посла Федора Курицына; он же шед, взя великому князю [с королем] докончание, братство и любовь» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 214).

[5] А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, СПб., 1842, стр. 511—512.

[6] Сб. РИО, СПб., 1884, стр. 47. — На возвратном пути из Венгрии Федор Курицын побывал в Молдавии у господаря Стефана, затем отправился в Москву через Крым и был задержан турками в Белграде (Аккермане), откуда был освобожден при помощи крымского хана Менгли-Гирея (Сб. РИО, т. 41, стр. 43—46). В 1492—1501 гг. Федор Курицын вел переговоры с литовскими послами в Москве и участвовал в посольствах в Литву (Сб. РИО, т. 35, стр. 56, 60, 75, 76, 91, 92, 105—107, 114—118, 124, 131, 138—144, 148, 150, 154, 162, 190—194, 229, 233, 269—273, 276, 284—288, 298—300, 302; ПСРЛ, т. IV, стр. 164; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 228).

Курицына, вернувшихся ранее его, или членом какого-то другого посольства 80-х годов XV в.[1]

Бесспорно одно: запись повести возникла в посольских кругах. Но ничего нет невероятного и в том, что дьяку Федору Курицыну принадлежала какая-то доля участия в ее составлении. Данные, приводимые Седельниковым, прямо этому не противоречат.

Приказные дьяки времени Ивана III проявляли интерес к литературным текстам, которые могли быть использованы в публицистических целях. В качестве аналогии достаточно упомянуть, что рукопись «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина была доставлена гостями в Москву дьяку Василию Мамыреву и, повидимому, по его распоряжению, включена в летописные своды: «Иже его руки тетрати привезли гости к Мамыреву Василью к дьяку к великого князя на Москву» [2].

Возвращаясь к объяснению повести о Дракуле, я считаю возможным предположить, что она была составлена по заданию московского правительства. Последнее поставило перед Федором Курицыным задачу дать в форме рассказа о событиях, имевших место, якобы, за пределами Русского государства, публицистический очерк по вопросу организации суда. Повесть о Дракуле явилась ответом на это правительственное задание. Составленная в форме «сказки-отписки» (А. Д. Седельников), она представляла собой произведение публицистического характера. Неудивительно, что московское правительство постаралось распространить это произведение, не случайно разошедшееся в ряде списков. «Весьма показательны и те хронологические данные, которые можно установить относительно древнейших списков, датируемых один — 1490 г. (причем в основе его лежит текст 1486 г.), другой — концом XV в.—началом XVI в. К этим моментам как раз и относится проводившаяся в правительственных кругах работа по созданию правовых текстов (Судебник 1497—1498 гг., отдельные разделы которого, как я покажу ниже, восходят к 80-м годам XV в.; статьи о суде в завещании Ивана III 1504 г.). Предпосылкой для такой работы являлось распространение литературных произведений на тему о задачах феодального суда. Через них шла пропаганда идеи «законности», проводником которой является самодержавный, грозный, но справедливый государь. Политический смысл повести о Дракуле заключается в оправдании тех репрессий, которые применяло феодальное правительство в отношении всех подрывавших основы государства, как органа господствующего класса, в особенности в отношении нарушителей прав феодальной собственности. Таким образом, повесть о Дракуле — памятник с классовым содержанием.

Я считаю необходимым провести параллели между повестью XV в. о Дракуле и публицистическими трактатами сороковых годов XVI столетия, принадлежащими перу И. С. Пересветова. В «Сказании о Магмет-Салтане», составленном Пересветовым, мы встречаемся с изображением судебной реформы, преследующей цели устройства «нелицеприятного» суда и осуществленной в результате ряда жестоких мероприятий. На коже, содранной по приказу Магмет-Салтана, с тела «злоемных судей» и прибитой железными гвоздями к стенам судилища, было написано изречение о невозможности ввести в царстве правду без «грозы». «Да приказал судьям: не дружитеся с неправдою, держитеся правды, что бог любит. Да послал по городам судьи свои, паши верныя, и кадыи, и шубаши, и амини, и велел судити прямо, и рек тако: братия моя любимая и верная, судите прямо. Да по мале времени обыскал царь судей

---

[1] А. Д. Седельников. Указ. соч., стр. 637—638.
[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 330.

своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемство, что они по посулом судят. И царь им в том не учинил, только их велел живых одрати, да рек так: естьли оне обростут телом опять, ино вина отдастся. И кожи их велел проделати, и велел бумаги набити, и в судебнях велел железным гвоздем прибити, и написати велел на кожех их: без таковыя грозы правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимого не пощадити, нашедши виноватого» [1].

Этот, положенный в основу судебной реформы Магмет-салтана, девиз о том, что «правда» рождается под воздействием «грозы», повторяет знакомый уже нам мотив повести о Дракуле. Последний также был «толико грозным» потому, что ненавидел «во своей земли зла». Таким образом, Дракула руководствовался в своей внутренней политике теми же самыми началами, что и Магмет-салтан [2]. Под термином «зло» надо понимать не нарушение отвлеченного морального принципа «добра», а то «лихое дело», о котором говорит Судебник 1497—1498 гг. «Зло» повести о Дракуле или «лихое дело» Судебника — это всякий акт нарушения феодального права, охраняющего интересы представителей господствующего класса. «Правда» Магмет-салтана, так же как «правый суд» обоих Судебников, — это система правовых норм, защищающих основы феодального порядка. Отличие произведений Пересветова от повести о Дракуле заключается в том, что они носят ярко выраженный антибоярский, дворянский характер. В Повести о Дракуле этот социальный момент не находит своего выражения. Она вращалась в кругах московского боярства, заинтересованного в подавлении оппозиции, шедшей из удельных княжеств, и в закреплении своего участия в центральном аппарате.

Идеологическую близость повести о Дракуле к «Сказанию о Магмет-салтане», составленному Пересветовым, отмечал уже В. Ф. Ржига. Но этот сравнительный анализ следует углубить. Дело не в том, что повесть о Дракуле служила литературным образцом для публицистических трактатов Пересветова. Интересно то, что рассмотренные произведения выполняли одинаковую политическую роль в XV и XVI вв. Они привлекали внимание феодальных кругов к вопросам организации суда и управления в централизованном Русском государстве. Как проект Пересветова послужил образцом для реорганизации судоустройства и судопроизводства, проведенной Судебником 1550 г., так и повесть о Дракуле выдвинула вопросы об укреплении аппарата власти, разработанные в дальнейшем в виде мероприятий Судебника 1497—1498 гг. Но тут же надо сделать и оговорку. Проект Пересветова вышел из дворянских кругов. Повесть о Дракуле отражала настроения тех бояр, которые были связаны с московским центром и поддерживали Ивана III в его борьбе с боярством удельных княжеств. Однако различные слои класса феодалов, ведшие между собой политическую борьбу за власть, сходились в вопросах, касающихся охраны их привилегий, как землевладельцев-крепостников, от нарушений со стороны социальных низов.

Федор Курицын принимал участие в оформлении тех юридических актов, которые совершались с ведома И. Ю. и В. И. Патрикеевых. Так, он писал меновную и отводную грамоту на бывшие тверские волости

---

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в., М., 1908, стр. 72.

[2] Расправа Магмет-салтана с судьями напоминает один поступок Дракулы с турецкими послами, которые, явившись к нему, по обычаю своей страны не сняли шапок. Дракула велел прибить железными гвоздями колпаки к их головам: «И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпоусти их, рек им: шедше скажите государю вашему, он навык от вас тоу срамотоу терпети, мы ж не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но оу себе его да держит» (А. Д. Седельников. Указ. соч., стр. 652—653).

Буй-город и Колпь, промененные Иваном III Федору и Ивану Борисовичам волоцким. Отвод совершался в присутствии Патрикеевых [1]. Весьма вероятна причастность Ф. Курицына и к составлению Судебника.

Теперь мы должны остановиться на вопросе о том, чем вызвана опала на князей Патрикеевых (Ивана Юрьевича и Василия Ивановича) в 1499 г. Вопрос этот имеет прямое отношение к теме о Судебнике 1497—1498 гг. До сих пор было принято считать составителем Судебника Владимира Гусева. Характеризуя его социально-политическую платформу, исследователи находили, что он выражал настроения мелкого дворянства и приказного дьячества. Казалось совершенно естественным привлечение именно его к составлению Судебника, пытавшегося проводить начала централизации в области суда, отвечавшие интересам дворянства. Казалось также вполне понятным в этой связи и устранение с политической арены Патрикеевых, принадлежавших к другой части класса феодалов, к его оппозиционной аристократической верхушке [2].

Источники противоречат этой традиционной схеме. Помимо того, что конкретные данные исключают возможность допустить причастность к делу составления Судебника Владимира Гусева, рушится легенда о прогрессивности его партии. Выясняется, что Владимир Гусев возглавлял оппозиционный великокняжеской власти феодальный блок, опиравшийся на связи с удельно-княжескими центрами. Нельзя отнести участников дела Гусева к служилому дворянству, так как ряд лиц из сообщников Гусева принадлежали к числу потомков князей смоленских, стародубских и др. Устанавливается, что выступление Гусева и его партии в 1497 г. против правительства Ивана III не было случайным, что та среда, из которой вышел Гусев, еще во время феодальной войны второй четверти XV в. выдвинула ряд деятелей, защищавших политическую систему феодальной раздробленности. Патрикеевы же, как оказывается, принадлежали к той части родовитого московского боярства, которая на определенном этапе боролась на стороне великокняжеской власти против оппозиции, шедшей из отдельных феодальных центров. Понятно становится их привлечение к составлению Судебника, но загадочна постигшая их опала.

То же можно сказать и о С. И. Ряполовском, близком ко двору Василия II и Ивана III и выполнявшем в течение ряда лет ответственнейшие поручения великокняжеской власти. Во время феодальной войны между Василием II и коалицией удельных князей Ряполовский последовательно держал сторону московского великого князя. В 1446 г., во время пленения Василия II Шемякой, он скрыл детей великого князя в Муроме, затем принимал участие в подготовке освобождения Василия II [3]. В 1447 г. он участвовал во взятии Углича [4]. В 1458 г. Ряполовский ходил с великокняжеской ратью на Вятку [5], в 1478 г. — на Новгород [6]. В 1487 г. Иван III посылал Ряполовского под Казань [7]. В 1494 г. Ряполовский вел переговоры с литовскими послами и угощал их у себя [8].

---

[1] СГГД, т. I, стр. 330—333, № 129.

[2] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, стб. 1407—1408.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 174—176; т. VIII, стр. 117—118; т. XII, стр. 69—70.

[4] ПСРЛ, т. IV, стр. 13, 146; т. V, стр. 269; т. VI, стр. 177—178; т. VIII, стр. 119—120, т. XII, стр. 70.

[5] ПСРЛ, т. IV, стр. 147—148; т. V, стр. 272; т. VI, стр. 181, т. VII, стр. 226; т. VIII, стр. 3, 147; т. XII, стр. 112.

[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 207—212; т. VIII, стр. 185—190.

[7] ПСРЛ, т. IV, стр. 135, 156; т. VI, стр. 36, 278; т. VIII, стр. 217; т. XII, стр. 172—178.

[8] Сб. РИО, т. 35, стр. 114—124, 148, 151.

В том же году вместе с В. И. Патрикеевым он ездил в Литву для переговоров о браке Александра Казимировича с дочерью Ивана III — Еленой, а в следующем году провожал Елену в Литву [1]. В 1496 г. Ряполовский участвовал в походе на Казань [2].

Разрешение загадки о причинах опалы на Патрикеевых и Ряполовского очень затрудняется неясностью и лаконичностью летописных известий, касающихся этого вопроса [3]. Прежде всего из летописных текстов с несомненностью вытекает, что опала на Патрикеевых имела связь с намечавшейся русско-литовской войной. Присмотримся к контексту летописных сообщений. Наиболее показательны в этом отношении данные приложений к Никоновской летописи [4]. Под 1499 г. в ней помещен ряд известий в следующем порядке: 1) опала на Патрикеевых и казнь князя Семена Ивановича Ряполовского; 2) передача Василию III в княжение Новгорода и Пскова; 3) посольство Ивана III в Литву к великому князю Александру с предложением «не нудить» его жену (дочь Ивана III) Елену к переходу из православия к католичеству; 4) прием московским правительством под свою власть ряда русских князей-эмигрантов, подвластных Литве, вместе с их вотчинами: Семена Ивановича Бельского, внука Дмитрия Шемяки — князя Василия Ивановича, сына союзника Шемяки (князя Ивана Андреевича можайского) — Семена Ивановича.

Несомненно, что передача Новгорода и Пскова Василию III имела целью укрепление западных границ Русского государства на случай предстоящей войны с Литвой. Наличие в этих близких к границе центрах сильной великокняжеской власти должно было способствовать усилению государственной обороноспособности. Несомненно также, что с русско-литовскими отношениями этого времени связана и опала на Патрикеевых. Летописный контекст дает основание предположить, что опала эта в какой-то мере обусловлена переходом под власть Москвы потомков тех удельных князей, которые вели феодальную войну против князей московских во времена Василия II. Очевидно, в 1499 г. московское феодальное правительство, в дипломатических целях оказывая покровительство князьям-эмигрантам, натолкнулось на сопротивление со стороны части московского боярства. К этой части принадлежали и Патрикеевы. Последние были активными участниками в феодальной войне Василия Темного с князьями галицкими и можайскими и поддерживали правительство Ивана III в борьбе с феодальной оппозицией, возглавлявшейся В. Гусевым и шедшей из удельно-княжеских центров в 1497 г. Они возражали против начала войны Москвы с Литовским государством, поводом для которой могла послужить поддержка русских князей-эмигрантов, вышедших из среды бывших противников московской великокняжеской власти.

О том, что И. Ю. Патрикеев являлся сторонником русско-литовского сближения, свидетельствует один интересный документ — письмо к нему от литовского пана Яна Забережского, полученное в Москве 2 ноября 1492 г. Ян Забережский описывал свое пребывание в Москве и посещение им Патрикеева. Последний вспоминал во время беседы княжение Василия Васильевича, когда Русь находилась в союзе с Литвой: «. . . И розмовал твоя милость о згоду межи государей, а межи слов припомянул еси житье великого князя Василья Васильевича. . . з великим князем

---

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 165; т. VI, стр. 39, 240; т. VIII, стр. 299; т. XII, стр. 238—239; Сб. РИО, т. 35, стр. 163—171, 175, 176, 178—188, 190, 206, 207.

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 40, 240; т. VIII, стр. 231; т. XII, стр. 242—243.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 43, 243; т. VIII, стр. 236; т. XII, стр. 248—249, 263—264; т. XXI, стр. 571—572; т. XXIII, стр. 196; т. XXIV, стр. 214.

[4] ПСРЛ, т. XII, стр. 263—264.

Витовтом, в котором житьи и доканчаньи межи себе были». Вспоминая этот разговор, Ян Забережский просил Патрикеева посодействовать продолжению русско-литовской дружбы: «Ино, господине, княже Иване, и ныне похоти межи осподарей на обе стороны добра. . ., а мы зде з дядями и братьею нашою хочом в том деле постоять, абы межи государей згода была» [1]. В 1494 г. литовский посол Ян Хребтович выразил желание вести переговоры непосредственно с И. Ю. Патрикеевым и С. И. Ряполовским.[2]

Косвенные данные, свидетельствующие о том, что опала на князей Патрикеевых в 1499 г. была вызвана их оппозицией московскому правительству по вопросу о необходимости вступления в войну с Литовским государством, можно почерпнуть из более поздних источников дипломатического характера. Отправляя уже после окончания русско-литовской войны посольство в Литву, Иван III давал наказ послам и требовал, чтобы они поддерживали престиж Русского государства. При этом великий князь подчеркивал в наказе, что послы не должны следовать примеру казненного в 1499 г. кн. Семена Ряполовского и его единомышленников князей Патрикеевых: «Ведь что учините не по пригожу, ино нам нечесть, а вам нечесть же; и вы бы во всем себя берегли, а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовской высокоумничал с князем Васильем княжим Ивановым сыном Юрьевича» [3]. Наказ, не разъясняя, в чем состояло «высокоумничанье» Ряполовского и Патрикеевых, дает тем не менее основание думать, что дело шло о несогласии этих влиятельных представителей московского боярства с внешней политикой Ивана III, именно с направлением, принятым им в отношении Литовского государства.

В свете международных отношений Русского государства становится понятным и выдвижение Иваном III в 1499 г. на первое место своего сына Василия, в ущерб правам внука Дмитрия. А в 1502 г., как известно, Дмитрий был полностью устранен от власти, лишен звания великого князя и даже, если верить летописным данным, посажен со своей матерью Еленой под стражу [4]. Великим князем всея Руси стал Василий III. Дмитрий был сыном Ивана Ивановича Молодого, от его брака с Еленой Стефановной, дочерью молдавского господаря Стефана Великого. Поэтому устранение Иваном III от политического руководства Дмитрия с матерью надо рассматривать в связи с русско-молдавскими отношениями. Учитывая связь дела Дмитрия Ивановича с делом Патрикеевых, можно притти к выводу, что опала на Дмитрия и Елену Стефановну была вызвана нежеланием отца Елены — Стефана разрывать молдавско-литовские отношения и вступать в войну против Литовского государства на стороне Ивана III. Таким образом, Патрикеевы принадлежали к партии Елены Стефановны, высказывавшейся против войны с Литвой.

Из материалов посольства Стефана Великого Ивану III видно, что Стефан не был склонен нарушать мир с литовским князем Александром, как этого требовал великий князь московский. «. . . Мы тогды по твоим речам, — напоминал Стефан Ивану III, — с ними мир взяли, и крест целовали и записи докончалные написали». В противоположность программе борьбы с Литвой, которой держался Иван III, Стефан выдвигал задачу создания антитурецкой лиги из европейских христианских стран. Стефан «велел. . . говорити» Ивану III: «Вси королеве и вси хрестияньскии государеве, колько их суть, и всее стороны западу Италейских

---

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 71.

[2] Там же, стр. 148; К. В. Базилевич. Внешняя политика Ивана III (печатается).

[3] АЗР, т. I, стр. 308, № 192.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 48.

стран единаються, и готовяться, и хотели бы стояти напротив поган, и добро бы было и тобе со хрестианы мир имати и поспол со всими християньскими государи противну поганьства стояти»[1].

Связь дела Дмитрия Ивановича и опалы на Патрикеевых с внешнеполитическими событиями 90-х годов XV в. объясняет, во-первых, тот интерес, который проявляли к придворной борьбе при дворе Ивана III за границей, во-вторых, сдержанность московского правительства по этому вопросу и нежелание пропустить за пределы Руси политически опасную информацию. После окончания русско-литовской войны русскому посольству в Литве было велено соблюдать осторожность в разговорах про дело Дмитрия. На вопрос «Как князь великий пожаловал сына своего, великого князя Василья, великим княжеством?» послы должны были отвечать: «Пожаловал государь наш сына своего, великого князя Василья, учинил его государем; так же как государь сам на государствех своих, так и сын его князь великий Василей с ним на всех на государьствех государь». Инструкция русским послам предусматривала и возможность более глубокого интереса со стороны иностранцев к вопросу о взаимоотношениях партий Василия III и Дмитрия Ивановича. «А взмолвят то: а ведь был князь великий наперед того пожаловал великим княжеством внука своего, и он у внука взял ли великое княжество?». Ответ был заготовлен заранее: все дело в личных взаимоотношениях в семье Ивана III; внук был непослушен, сын послушен, вот почему пришлось заменить в качестве великого князя всея Руси внука сыном: «. . . Которой сын отцу служит и норовит, ино отец того боле и жалует; а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловать?». Наконец, в случае интереса в Литве к местопребыванию Елены Стефановны и Дмитрия Ивановича послы должны были немедленно этот интерес пресечь лаконичным указанием на то, что «внук. . . и сноха живут ныне у великого князя по тому ж, как наперед того жили»[2].

Московское правительство принимало активные меры к тому, чтобы никакие нежелательные слухи и домыслы по вопросу о деле Дмитрия не проникали за границу. С этой целью не только специально инструктировались русские послы, посылавшиеся в различные европейские страны. Правительство Ивана III информировало в определенном направлении и общественное мнение Новгорода и Пскова. Это было политически важно в силу близости данных городов к границе. Объясняя смену в качестве великого князя Дмитрия Ивановича Василием Ивановичем, Иван III выдвигал один мотив — свою волю. «Чи ни волен яз, князь великий, в своих детех и в своем княжении? Кому хочу, тому дам княжение»[3].

Такое нарочитое подчеркивание Иваном III чисто личных и семейных мотивов в вопросе о престолонаследовании показывает, что в действительности дело Дмитрия имело иную подкладку. Смысл этого дела, как дела международного характера, выясняется на основании дипломатической документации.

При изучении борьбы партий при Иване III в связи с историей Судебника 1497—1498 гг. очень полезно воспользоваться некоторыми аналогиями из царствования Ивана IV.

Не случайно Курбский рассматривал Ивана III как предшественника Ивана IV в политике ликвидации феодальной раздробленности. В «Истории о великом князе московском» Курбский обвиняет Ивана III в том, что он «братию свою, ближних ему в роде, овых разогнал до чюждых земель, яко верейского Михаила и Василия Ярославича, а других, во

---

1 АЗР, т. I, стр. 182, № 161.
2 Там же, стр. 309, № 192.
3 ПСРЛ, т. IV, стр. 271—272.

отроческом веку еще сущих, таможе темничным заключением, на скверной и проклятой заветной грамоте, — о увы, о беда ко слышанию тяжка,— заклинающе сына своего Василья, повелел неповинных погубить не отрочие,. . . тако же сотвори и иным многим, их же, долготы ради писания, зде оставляется» [1].

Здесь интересно указание на духовную грамоту Ивана III как итог его внутренней политики, направленной к государственной централизации, и как программу дальнейшей политики московской великокняжеской власти. Несомненно, что ликвидация попытки возродить феодальную раздробленность, которую представлял собой заговор Гусева, способствовала дальнейшей централизации, осуществленной при Грозном.

Большинство исследователей очень упрощенно считало Патрикеевых представителями прямолинейной реакционной партии на основании только их принадлежности к родовитой боярской среде. Материал по истории «Избранной рады» Грозного, собранный и подвергнутый анализу С. В. Бахрушиным, показывает, что в состав «Избранной рады» входил также ряд родовитых бояр (Д. И. Курлятев, Д. Ф. Палецкий, А. М. Курбский, И. Ф. Мстиславский, Воротынские и др.) [2]. Однако «Избранная рада», по словам С. В. Бахрушина, «отнюдь не может рассматриваться как проводница реакционных феодальных стремлений. Она проводила в жизнь реформы 1550-х годов, имевшие целью укрепление централизованного государства и отвечавшие всецело интересам дворянства» [3]. В условиях «тяжелого социального кризиса» и «антифеодальных народных движений» «необходимо было создать правительство, которое бы объединило феодальные верхи для борьбы с классовой опасностью, грозившей феодальному строю, и для укрепления феодального государства» [4].

Я думаю, что и деятельность Патрикеевых по подготовке Судебника 1497—1498 гг., укреплявшего аппарат власти централизованного государства, надо рассматривать как деятельность *на данном этапе* прогрессивную.

При рассмотрении вопроса о конфликте между Патрикеевыми и Иваном III так же полезно привлечь в качестве аналогии материал, относящийся к падению «Избранной рады». По словам С. В. Бахрушина, «формально правительство Адашева пало в результате разногласий по вопросу о внешней политике. Адашев и его «советники» настаивали на продолжении наступательных войн против татар и на завоевании Крымского ханства. Но царь Иван был увлечен более широкими и более соответствовавшими интересам его государства планами войны за Прибалтику. На этой почве между ним и «Избранной радой» происходили резкие столкновения» [5]. На этой же внешнеполитической почве произошло расхождение между Иваном III и поддерживавшим его ранее боярством (Патрикеевыми, Ряполовскими) в 1499 г. Поводом к расхождению послужил вопрос о вступлении в войну с Литовским государством. Патрикеевы были на стороне московской великокняжеской власти во время феодальной войны при Василии Темном. Они помогли Ивану III раздавить оппозицию, шедшую из феодальных центров в 1497 г. Они, как можно думать, были против приема на московскую службу князей-эмигрантов — потом-

---

[1] РИБ, т. XXXI, стр. 271—273.

[2] С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного, «Исторические записки», т. 15, стр. 46—47.

[3] Там же, стр. 54.

[4] Там же, стр. 43.

[5] Там же, стр. 55.

ков Шемяки и Ивана Можайского — и не желали, чтобы из-за этих князей возникал конфликт с Литвой в 1499 г.

Аналогии между явлениями XV в. и середины XVI в. представляют бесспорный интерес. Русская боярская публицистика XVI в. использовала идейное наследие времени Ивана III. Если Вассиан Патрикеев в XVI в. занимался толкованием Кормчей, то в XV в. через его руки прошел текст первого московского Судебника. В келье Максима Грека бывал во второй четверти XV в. внук одного из составителей сборника правовых текстов Новгородской феодальной республики, Василия Тучка Морозова — Василий Михайлович Тучков [1]. Из этой же кельи Максима Грека вышли публицистические произведения, ставившие своей целью борьбу с «неправедными судьями». «В словах Максима, — говорит В. Ф. Ржига, — что царь правит царство «всякою правдою и правосудием», очищает его «премудрейшими умышлении и строении от всякого неправдования, разбойничества же и кровопролитиа неправеднейших и клеветник бездушнейших» — нельзя не видеть указания на те меры, которые в 1550, 1551 гг. предприняты были правительством в целях правосудия. Таково в особенности исправление Судебника. . .» [2]. А образец Судебнику 1550 г., вплоть до деления на сто статей, был дан Судебником Ивана III, составление которого я считаю возможным предположительно связать с личностью Вассиана Косого, идейно близкого к Максиму Греку публициста.

Тот же В. Ф. Ржига указывает на «взаимную культурную близость между Максимом и виднейшими представителями московского боярства двух поколений. . . Достаточно назвать красноречивые имена И. Н. Берсеня-Беклемишева, кн. Вассиана Патрикеева, Ф. И. Карпова, кн. П. И. Шуйского, кн. Курбского и др., чтобы вспомнить, насколько тесны были эти связи» [3]. Недаром А. М. Курбский с такой симпатией отзывался о Максиме Греке и Вассиане Косом. Максимом, по словам В. Ф. Ржиги, руководило «понимание роли боярства в изменившихся условиях. Он беспощаден в обличении злоупотреблений «судей», «наместников», узурпаторов власти, но с другой стороны в то же время он далек и от принципиального отрицания политических прав боярства: князья и бояре для него — „соначальники“ и „споспешники“ великого князя и царя» [4]. Такое понимание роли боярства московского центра восходит еще к XV в., и им руководствовались Патрикеевы, редактируя статьи Судебника 1497—1498 гг. о боярском суде.

Когда после временного сближения дворянства с частью боярства в годы «Избранной рады» внутриклассовая борьба в лагере феодалов вылилась в открытые формы, Иван Грозный в своей переписке с Курбским старался подчеркнуть реакционность политических настроений московского боярства еще в XV в. Царь вспоминал предков Курбского по матери, сподвижников Патрикеевых — бояр Тучковых: «Но понеже убо извыкосте от прародителей своих и измену чинити, — яко же дед твой князь Михайло Карамыш, со князем Андреем углецким, на деда нашего, великого государя, умышляючи изменные обычаи, тако же князем Дмитрием внуком на отца нашего блаженные памяти великого государя Василья многи пагубы и смерти умышлял; тако же и матери твоея дед, Василей и Иван Тучкин, многая поносная и укоризненная словеса деду

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 141, № 172.

[2] В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики. Максим Грек как публицист, «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР», т. I, М.—Л., 1934, стр. 78.

[3] Там же, стр. 37.

[4] Там же, стр. 81.

нашему, великому государю Ивану, износили; тако же и дед твой Михайло Тучков, на представления матери нашея великия царицы Елены про нее дьяку нашему, Елизару Цыплятеву, многая надменная словеса изрече; — и понеже еси порождение исчадия ехиднова, посему тако и яд отрыгаеши» [1].

Письмо Грозного к Курбскому подчеркивает непрерывность оппозиционных боярских настроений. Однако из среды части московских бояр (Тучковых, Патрикеевых), близость которых к делу Дмитрия Ивановича вытекает из слов Грозного, вышли интересные юридические памятники XV в., способствовавшие политической централизации: Новгородский сборник 1471—1478 гг., Судебник 1497—1498 гг. В дальнейшем, в XVI в., бояре, оппозиционные самодержавию Грозного, пытались идейно связать себя с своими предками, действовавшими при Иване III. Патрикеевы пострадали за свою оппозицию в 1497 г. в отношении Софьи Палеолог. Про ту же Софью Палеолог враждебно отзывался в разговоре с Максимом Греком Берсень-Беклемишев: «Как пришла сюда мать великого князя великая княгини Софьа с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царех. . . Какова [она, Софья] ни была, а к нашему нестроенью пришла» [2]. Курбский в своей «Истории о великом князе московском» делает некоторое обобщение по вопросу о влиянии «жен. . . злых и чародейц» на московских великих князей и царей: «. . . Доброму началу и конец бывает добр. . ., злое злым скончевается». От «законопреступного» брака Василья III с Еленой Глинской «зачалъся нынешний Иоанн наш [Грозный] и родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость» [3].

Но те оценки, которые дают и Курбский и Грозный во второй половине XVI в. боярству Ивана III, не могут дать правильного представления о реальных внутриклассовых взаимоотношениях в конце XV в.

§ 8. Судебник как памятник классовой юстиции

После выяснения вопроса об авторе и времени возникновения Судебника Ивана III необходимо рассмотреть его общий характер и выявить те социальные и политические линии, которые определяют его содержание. Необходимо коснуться вопроса о том, в какой мере в Судебнике отразились интересы класса, к которому принадлежали составители.

В первых же двух статьях памятника выступает тенденция к созданию централизованного аппарата управления. Но эта централизация не отрицает роли и значения боярства в суде. Напротив, в тех же статьях имеются явные следы боярской редакции, чувствуется стремление подчеркнуть роль боярства. Судебник, по характеристике составителей, является уложением «как судити бояром и околничим»: «Судити суд бояром и окольничим. . . А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати» (ст. 1—2).

По вопросу о значении этих статей в литературе высказано несколько точек зрения. Некоторые авторы думают, что разбираемые статьи говорят о суде приказов, во главе которых стоят бояре или окольничие. Так, В. И. Сергеевич полагает, что статьи 1—2 Судебника прямо указывают на приказный суд. Из ст. 1, пишет В. И. Сергеевич, следует, «что

---

[1] РИБ, т. XXXI, стб. 30.
[2] ААЭ, т. I, стр. 142, № 172.
[3] РИБ, т. XXXI, стб. 163, 165.

есть суд бояр и окольничих, на котором присутствуют дьяки. Но какой это суд — суд приказов, где сидит боярин или окольничий и при нем дьяк, или высший суд над приказами, состоящий из бояр, окольничьих и дьяков? Вторая статья того же Судебника дает право думать, что это суд приказов, ибо она предписывает „боярину" жалобников от себя не отсылать, а давать управу кому пригоже, а кому не пригоже, о том сказать великому князю, или „к тому его послати, которому которые люди приказано ведати". Здесь, очевидно, дело идет не о высшем суде, а о приказном. Надо думать, что о приказном суде говорит и 1 ст., стоящая в прямой связи со 2-й».[1]

Другие авторы не идут так далеко, как Сергеевич, и считают, что на основании статей 1—2 можно говорить не о сложившейся приказной системе, а лишь о переходе к ней. Как указывает М. Ф. Владимирский-Буданов, ст. 2 Судебника «составляет переход от личного управления к организации учреждений и вместе с тем от дворцового (вотчинного) характера их к государственному. Известному лицу приказывается особое ведомство, как постоянное. . . Ведомства становятся сложными по своему составу: „а на суде быти у бояр и окольничих дьяком"»[2].

Некоторые исследователи видят смысл статьи 1 в выделении боярского суда из суда княжеского. По мнению Б. И. Сыромятникова, ст. 1 свидетельствует о том, что прежний совместный суд князя с боярами превратился в суд бояр от имени князя. Судебник «положительно заявляет, что впредь „суд князя" будут отправлять бояре». Князю «теперь уже некогда заниматься отправлением текущего правосудия». «Прежняя тесная связь между князем и его боярами как бы порывается, суд бояр поставлен теперь совершенно самостоятельно, отдельно от князя, который стал уже над этим судом и является перед нами по преимуществу в роли власти устанавливающей. Бояре судят теперь без князя, но „по княжу слову", т. е. по его делегации»[3].

В советской исторической литературе статьи 1—2 подверглись комментарию со стороны И. И. Смирнова. Он указывает, что в статьях 1—2 отразился и старый порядок (боярский суд с докладом князю), и наметился новый принцип суда по приказам. Он «еще подчинен старой форме суда и выступает лишь в виде своего рода дополнения к старому боярскому суду: боярин, которому оказывается по тем или иным обстоятельствам „непригоже управити" жалобщика, должен сказать об этом великому князю, „или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати". Таким образом, старый порядок суда — боярский суд плюс доклад великому князю — оказывается в Судебнике 1497 г. дополненным новым порядком — суда по приказам, но лишь в тех случаях, когда дело не могло быть разрешено обычным, старым путем»[4].

Правильный исторический комментарий к статьям 1—2 может быть дан только на основе изучения правых грамот, относящихся к тому времени, когда был введен в действие Судебник. Из этих грамот вырисовываются следующие формы суда.

1. Суд боярской коллегии, возглавляемой в конце 90-х годов московским наместником князем И. Ю. Патрикеевым и включающей в свой состав великокняжеских дьяков. Суд решает дела в окончательной инстанции. Об этом говорит, например, правая грамота Симонову монастырю конца XV в.: «Сий суд судил князь Иван Юрьевич. Тягался

[1] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. II, стр. 395.
[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, 1909, стр. 186.
[3] Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр. 90.
[4] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 278.

архимандрит Фегнаст Симоновского монастыря с-Ываном с Михайловым сыном Тверитинова. . . И потому князь Иван Юрьевич архимандрита Фегнаста Симоновского монастыря оправил, а Ивана Михайлова сына Тверитинова обвинил. . . А на суде были у князя Ивана Юрьевича великого князя дьяк Василей Долматов, да Василей Чюбар Безобразова, да великого князя тиун Гаврило Ушаков. . .» [1].

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит: «Судити суд бояром и околничим, а на суде быти у бояр и у околничих диаком» [2].

2. Суд той же боярской коллегии, но с докладом великому князю, на основании решения которого выносится приговор. Этот вид суда рисует правая грамота Симонову монастырю конца XV в.: «По великого князя слову Ивана Васильевича всеа Русии суд сий судил князь Иван Юрьевич. Тягался Пречистые Симоновского монастыря архимандрит Зосима, и за всю братью симановских старцов, с Ивашком Саврасовым. . . И князь Иван Юрьевич перед великим князем поставя обоих истцов, архимандрита Зосиму и Ивашка, суд свой сказал. И князь великий Иван и Васильевич всеа Русии, выслушав суд, велел князю Ивану Юрьевичю пречистые Симоновского монастыря архимандрита Зосиму з братьею оправити. . ., а Ивашка Саврасова велел обвинити. И по великого князя слову Ивана Васильевича всеа Русии князь Иван Юрьевич Пречистые Симоновского монастыря Зосиму архимандрита з братьею оправил. . . , а Ивашка Саврасова обвинил. А коли князь Иван Юрьевич великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии суд свой сказывал, а туто у великого князя был околничей Иван Васильевич Чобот. А на суде у князя у Ивана у Юрьевича были Скряба Морозов, да Василей Чюбар Безобразов, да великого князя тиун Оладия Шишмарев. А подписал дьяк Василей Долматов» [3].

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит: «А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю».

3. Суд судьи, которому специально поручено («приказано») дело, с докладом боярской коллегии, возглавляемой князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. В качестве примера приведем правую грамоту Симонову монастырю конца XV в.: «Став у речки у Медведицы Ивоня келарь Симоновского монастыря да священник Мантырей, и в архимандриче место Симоновского же Фегнастово, судьи Чубару Федорову сыну Безобразову тако ркли: Бил челом государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии архимандрит Фегнаст симоновский на Ивана Михайлова сына Тверитинова. . . И о том государь князь великий приказал князю Ивану Юрьевичю, велел тобя дати судьею. . . И Чюбар Федоров Безобразов архимандриту Фегносту и Ивану Михайлову учинил срок стати на Москве перед князем Иваном Юрьевичем. . . И архимандрит симоновской Фегнаст и Иван Михайлов сын Тверитинов. . . перед князем Иваном Юрьевичем стали. . . А коли Чюбар докладывал князя Ивана Юрьевича,

---

[1] РОИМ, кн. Симонова монастыря, № 58, лл. 147 об. — 150 об.

[2] Термин «окольничий» в ст. 1 имеет, повидимому, значение не просто придворного чина, а одного из судей, входивших в боярскую судебную коллегию в Москве. По словам Герберштейна, «окольничий представляет собою претора или судью, поставленного государем; кроме того, этим именем называется главный советник, который всегда пребывает при государе». (С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 84). Сведения Герберштейна подтверждаются правыми грамотами, из которых видно, что на боярском докладе в Москве обычно присутствовал окольничий. См., например, правую грамоту Симонову монастырю конца XV в.: «А на суде были у великого князя Дмитрея Ивановича бояре Яков Захарьич, да Дмитрей Володимерович, да околничей Данило Иванович, а подписал дьяк Василей Жук». (Сборник П. Муханова, стр. 578—579, № 289).

[3] РОИМ, кн. Симонова монастыря № 58, лл. 143 об. — 147.

а тут был у князя у Ивана Юрьевича князь Федор Алабыш да Третьяк Долматов» [1].

Эту форму суда имеет в виду Судебник, когда говорит, что «жалобника» следует направить к тому судье, «которому которые люди приказаны ведати». Специальными судьями чаще всего бывали писцы.

Подводя итоги анализу приведенного материала, можно сказать, что в статьях 1—2 нет еще данных, указывающих на оформление приказной системы. Классовая феодальная юстиция осуществляется, в основном, через боярскую судебную коллегию в Москве, иногда с докладом великому князю. Но стремление к централизации суда очевидно.

Судя по статьям 21—24, боярский суд приравнивался по Судебнику к суду великого князя и его «детей». В названных статьях речь идет о взыскании великокняжеским судом пошлин с тех же документов и в том же размере, что и судом боярским [2].

О том, что Судебник делает значительный шаг на пути судебной централизации, свидетельствуют и статьи о наместничьем суде (20, 38, 42, 43 и др.).

На основании этих статей можно сделать вывод, что были кормления с боярским судом и без боярского суда. По вопросу о том, какая была разница между этими двумя видами кормлений, в литературе высказаны различные точки зрения. В. О. Ключевский определяет «боярский суд» как суд по *боярским* делам, именно по делам о холопстве. «На языке древнерусского гражданского права *боярин*. . . значит не то, что при дворе древнерусского князя и московского царя: здесь он был высшим служилым чином, а там служилым привилегированным землевладельцем и рабовладельцем; холоп назывался *боярским*, село *боярским селом*, работа на пашне землевладельца *боярским делом*, *боярщиной*, независимо от того, носил ли землевладелец при дворе звание боярина, или нет. На сельском холопе выработалась прежде всего и вотчинная власть древнерусского землевладельца, который иногда с успехом распространял ее рабовладельческие права и приемы и на вольнонаемных крестьян... Вот почему суд по указанным в Судебниках делам о холопстве получил название «боярского суда». Первоначально дела о холопстве «вполне принадлежали всем без различия наместникам и волостелям, которые все были управителями „с боярским судом“. Но с развитием боярских землевладельческих привилегий и „боярский суд“ наместников и волостелей подвергся ограничению: он остался за некоторыми высшими или наиболее доверенными областными правителями, а для остальных введен был *доклад*, контроль или ревизия» [3]. Однако источники не дают основания проводить водораздел между наместниками двух рангов по линии только холопьего суда.

С. Б. Веселовский так понимает значение «боярского суда»: «Когда наместник имел по своему чину право „боярского суда“, то он решал тяжбы в последней инстанции и получал в свою пользу все судебные пошлины. Волостели получали это право в виде исключения, — обыкновенно они судили суд и посылали „судный список“ своего суда на доклад

[1] Там же, лл. 150 об. — 155 об.

[2] Ср. ст. 21 со ст. 3, ст. 22 со ст. 15, ст. 23 со ст. 17, ст. 24 со ст. 16. До нас дошел документальный материал, относящийся к суду великокняжеских детей. Так, от 1485—1490 гг. сохранились правые грамоты сына Ивана III, Ивана Ивановича Молодого (РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 531, Переяславль, № 2; там же, кн. № 626, лл. 445 об., 453 об. — 454 и др.). От 1498—1499 гг. известны правые грамоты внука Ивана III, вел. кн. Дмитрия Ивановича (Сборник П. Муханова, стр. 578—579, № 289 и др.).

[3] В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси, изд. 5, Пгр., 1919, стр. 113—115.

и окончательное решение наместника или чаще самому князю и его боярам введеным. В таких случаях волостель получал с судного дела часть пошлин, а другая часть пошлин шла в пользу лиц, постановлявших приговор» [1].

Наиболее четкое определение боярского суда дает И. И. Смирнов. По его мнению, «гранью, делящей органы наместничьего управления на две группы: наместников и волостелей с боярским судом и наместников и волостелей без боярского суда», является «доклад». «Различие между этими двумя разрядами кормленщиков заключалось в том, что наместники и волостели с боярским судом обладали правом окончательного суда по ряду дел, в то время как наместники и волостели, державшие кормление без боярского суда, обязаны были по определенной категории дел докладывать вышестоящей инстанции: боярам или великому князю». К компетенции наместников с боярским судом Судебник относит дела о холопстве и высших уголовных преступлениях. «Наместники без боярского суда, а также великокняжеские тиуны и тиуны наместников с боярским судом обязаны „докладывать“ свой суд». Доклад «осуществлялся наместником без боярского суда в форме доклада боярам в Москве: тиуны же докладывали своим „государям“ (соответственно великому князю или наместнику с боярским судом)»[2].

Действительно, наместник с боярским судом пользовался полномочиями, свойственными боярской судебной коллегии в Москве и не обязан был переносить решение дел в суд высшей инстанции. Жалованные и указные грамоты ставят знак равенства между судом боярским и великокняжеским. В грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1457 г. читаем: «А наместници мои бежытцкые и их тиуни игумнова приказника ни судят, ни моим судом великого князя» [3]. В грамоте того же князя 1462 г. имеется следующее постановление: «Ни моим судом, великого князя, ни боярским судом не судят их людей» [4]. В грамоте Василия II бежецким наместникам 1455—1466 гг. говорится: «А что есмь вас пожаловал на Бежыцком Версе своим судом боярьским, и вы б тех людей манастырьских [Троице-Сергиева монастыря] Присецких, и деревеньщыков, и поселского манастырьского тем моим судом не судили, ни приставов бы есте моих на них не давали» [5].

Наместникам и волостелям, держащим кормления с правом боярского суда, т. е. с правом решать в последней инстанции ряд наиболее важных дел (о холопах, татях, разбойниках и т. д.), Судебник противопоставляет наместников и волостелей, лишенных права боярского суда, обязанных докладывать названные выше дела в центре, т. е. боярам в Москве. Таким образом, централизация суда проведена не до конца. Принцип судебной централизации вступает в конфликт с желанием боярства сохранить полноту судебной власти на местах. Компромисс найден в установлении двух видов кормлений: с боярским судом и без него. Значительный шаг на пути к централизации управления все же сделан.

Контроль над деятельностью наместников Судебник проводит не только в форме требования от некоторых из них доклада по ряду дел

---

[1] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северовосточной Руси, стр. 266.

[2] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 284.

[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 73—74, № 96.

[4] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 138—139, № 128.

[5] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 78—79, № 105.

в Москву, но и в форме установления обязательного присутствия на суде наместников земских властей: дворского, старост и лучших людей (ст. 38). Это было шагом на пути к последующей отмене кормлений [1].

Создание централизованного суда требовало нормализации судебных сборов. Поэтому Судебник устанавливает размеры пошлин, которые могут взимать с признанного по суду виновным судьи, разбиравшие дело (ст. 3 и др.); он ведет борьбу со взиманием судьями «посула», т. е. частного вознаграждения со стороны тяжущихся [2].

Опубликованный в торжественной обстановке коронации внука Ивана III — Дмитрия Ивановича, Судебник провозгласил начала правосудия. В первых же его статьях содержится обещание не брать «посулов» от «суда» и «печалования» [3], не «мстить» и не «дружить» никому судом [4] (ст. 1) и давать каждому «жалобнику» (жалующемуся в суд) «управу» (ст. 2).

Исходя из этих статей, буржуазная историография стирала классовый характер Судебника. Так, И. Д. Беляев трактует ст. 2 Судебника как показатель равенства суда для всех классов общества. «Перед законом, — пишет И. Д. Беляев, — перед судом крестьянин имел равное право

[1] Присутствие на суде дворского, старосты и лучших людей подтверждается и правыми грамотами XV—XVI вв. См. правую грамоту 1500 г.: «А на суде были у Ивана у Бартенева Роман дворьской, да Фатьян Григорьев сын Дурнева, да Ониска Есипов сын, да Петруша Борисов сын, да Семен Окишов сын, да Василь Ботухин сын» (Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 124—128, № 2). В правой грамоте 1502 г.: «А на суде были мужи: сотцкой Иваш Обухов, да Митюк Леонтиев сын Малухин, да Сухой Оншутин» (Там же, стр. 131—137, № 4). Однако далеко не во всех правых грамотах фигурируют указанные представители: дворские, старосты, сотские, лучшие люди. Это обстоятельство свидетельствует о том, что постановление Судебника исполнялось не всегда.

[2] Посул — плата судье по договоренности с истцом или ответчиком; незаконный побор судьи с истца или ответчика, взятка. В Двинской уставной грамоте 1397 г. (ст. 6) читаем: «А самосуда четыре рубли, а самосуд то: кто изымав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возьмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд, а опрочь того самосуда нет». Там же в ст. 8: «А через поруку не ковати, а посула в железа не просити; а что в железех посул, то не в посул» (ААЭ, т. I, № 13). В договоре Новгорода с князем Борисом Александровичем тверским 1446—1447 гг.: «А приведут тферитина с поличным к новогорочкому посаднику или к новоторжскому, судити его по хрестному челованью, а посула не взяти с обе половины» (СГГД, т. I, стр. 24, № 18). В Псковской судной грамоте: ст. 4 — «А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику»; ст. 48 — «А кто почнет на волостелех посула сочить, да и портище соймет, или конь сведет, а молвит так, в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял или коня свел». В Новгородской судной грамоте: ст.26 — «А докладщиком от доклада посулу не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью по крестному целованью». В губной московской записи «посул» — плата судье истцом или ответчиком по договоренности: «А посулят большему наместнику, а двема третником то же; а тиуну великого князя что посулят» (ААЭ, т. I, № 11). В «Сказании о Магмет-салтане» И. С. Пересветов осуждает взимание судьями неправильных «посулов» — взяток: «Да по мале времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемство, что они по посулом судят» (В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI века, стр. 72). В «Сказании о царе Константине» того же Пересветова речь идет о «вельможах», которые «неправедными суды своими, емлючи посулы со обоих стран, с правого и с виноватого, и казны свои наполнили златом, и сребром, и многоценным каменем, нечистым своим собранием» (там же, стр. 70).

[3] «Печалование» — защита, содействие, ходатайство. См. в духовной грамоте Ивана Калиты XIV в.: «А приказываю тобе, сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою с меншими детми, по бозе ты им будешь печалник» (СГГД, ч. 1, стр. 32—33, № 21). В духовной грамоте московского вел. кн. Василия Дмитриевича начала XV в.: «А приказываю своего сына Василья, и свою княгиню и свои дети своему брату и тьстю великому князю Витовту, как ми рекл, на бозе да на нем, как ся имет печаловати. . .» (СГГД, ч. 1, стр. 82, № 41).

[4] «Мстити судом» — из мести решать дело неблагоприятно для тяжущегося, сводить на суде личные счеты. См. договор Новгорода с вел. кн. Ярославом Ярославичем, конца XIII в.: «Не мщати ни судом, ни чим же» (СГГД, т. I, стр. 4, № 3).

с бояриром и купцом на покровительство и защиту закона; он мог вчинать иски и на крестьянина, и на купца, и на боярина, и на духовного; равным образом, и боярин или купец и духовный не иначе как судом могли искать на крестьянине» [1].

Беляев объясняет ст. 2 с неверных либерально-буржуазных позиций. Выражение «жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управу в всем которым пригоже» надо понимать не так, как его понимает Беляев. Материал для правильной трактовки статьи дают опять-таки правые грамоты. После ликвидации феодальной войны при Василии II и после присоединения к Москве ряда феодальных «полугосударств» (Ярославля, Новгорода, Твери, Белоозера и т. п.) при Иване III московское правительство стало проводить в присоединенных территориях свою политику: вывод бояр, передачу их земель на поместном праве послужильцам и т. д. Возникали многочисленные внутриклассовые конфликты на почве земельных и других тяжб. Обострялись классовые противоречия. Все это ставило на очередь задачу скорейшего и повсеместного разрешения многочисленных тяжб в целях укрепления престижа власти. Судебник должен был в этом отношении наметить известный перелом. Это видно из ряда правых грамот. Так, например, в 1496 г. произошла тяжба между Троице-Сергиевым монастырем и кн. И. К. Оболенским о Почапской земле. На вопрос судьи, почему монастырские старцы «молчали» в течение многих лет, старцы ответили: «Мы, господине, ему не молчали, извечивали есмя ему ежолет, а он таки, господине, то наше селище пахал сильно через извет, а пристав, господине, к ним в Оболенск государя великого князя не въежжал, а, государю, господине, великому князю, игумен и старцы бивали челом не одинова, и князь велики, господине, молвит: пождите ми, управлю вас»[2]. Пока Оболенск был независим, дело не было подсудно княжескому суду. Правая грамота оформлена накануне издания Судебника и отражает тенденцию, выраженную в его ст. 2.

Феодальный суд Русского государства конца XV—XVI вв. применял ст. 2 в интересах господствующего класса. Требование Судебника «жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа в всем которым пригоже» давало возможность судьям во время земельных тяжб, защищая землевладельческие позиции феодалов, отказывать в иске ведущим с ними спор за землю черным крестьянам именно потому, что они своевременно не искали «управы». Как видно из правой грамоты конца XV в.—начала XVI в. митрополичьей кафедре на волостные пустоши Костромского уезда, судья ставил в вину крестьянам, что они долгое время не возбуждали земельного иска: «Вы кажете, что земли великого князя, о чем вы до сих мест молчали?». Крестьяне пытались доказывать, что «они били челом великому князю о тех землях многажды, и князь великий не слушает, государя не мочно доступити». Крестьяне проиграли дело, несмотря на то даже, что у митрополичьего посельского не оказалось крепости на землю [3]. К аналогичным выводам приводит анализ правой грамоты 1504 г. митрополичьей же кафедре по ее делу с черными волостными крестьянами о наволоках на реке Шексне. Во время судопроизводства имел место такой диалог. Судья обвинял крестьян: «О чем есте митрополичим приказщиком и прежнему архимандриту Генадью столько молчали, того есте наволока не искали?». Крестьяне отвечали: «Не молчали есмя, господине, били есмя челом

---

[1] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, М., 1903, стр. 69.

[2] ЦГАДА, ГКЭ № 7693; РОБИЛ, АТСЛ, № 232; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 105—108, № III/3; стр. 150, № 258.

[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 299 об. — 307.

государю великому князю не однова. . . и князь великий кому не прикажет дати нам в том наволоке разъездщика, и они, господине, переводят, а розъездщика нам не дадут митрополита для, а дале, господине, и мы не могли государя доступити». Крестьяне жаловались на отсутствие «управы», о которой говорит ст. 2 Судебника. А судья, исходя из той же самой ст. 2, обвинял их в том, что они не искали «управы». Таков заколдованный круг, в котором оказывались непосредственные производители, пытавшиеся отстаивать свои права в соответствии со ст. 2 [1].

Пересветов рассказывает, как «вельможи» царя Константина «мир от царя отбивали, и жалобников к царю не припущали, и управы в царстве Констянтинове никому не было от вельмож Костянтиновых» [2]. Можно думать, что здесь прямо имеется в виду ст. 2 Судебника 1497 г. Сообщение Пересветова, что жалобы «мира» крестьян не доходили до царя и «жалобники» не получали управы, подтверждается разобранными правыми грамотами.

Классовый смысл Судебника заключался в мобилизации сил феодалов для подавления выступлений непосредственных производителей, для борьбы с крестьянскими волнениями. Эта тенденция выступает в тех статьях, которые говорят о смертной казни, как каре для «ведомого лихого человека» (статьи 8, 9, 39). Феодальное право, охраняя интересы господствующего класса, подводило под понятие «лихого дела» преступления против жизни и собственности. С усилением аппарата власти в процессе преодоления феодальной раздробленности и создания централизованного государства суровые наказания для преступников становятся более распространенными. Как указывает И. И. Смирнов, Судебник «ставит вопрос о „казни“ ведомых лихих людей в общей и абсолютной форме, без ограничений и оговорок». «. . . Весь процесс судопроизводства сводится лишь к установлению того, что преступник „ведомый лихой человек“. Раз этот факт установлен, то это исчерпывает вопрос о виновности преступника, который подлежит безусловному наказанию — смертной казни»[3].

Термином «лихое дело» в ст. 8 Судебника обозначаются разбой, душегубство (убийство), повторная татьба (воровство) [4], ябедничество (злостная клевета).

Не совсем легко выяснить, что имеет в виду Судебник под словом «ябедничество». В жалованной грамоте князя Михаила Андреевича белозерского Кириллову монастырю 1455 г. читаем: «Что которые обиды их людем будуть монастырьским от моих людей какою обидою, татьбою, или поклепом, наводом или которыми иными делы, и яз было в тех делех срок учинил им. . .» [5]. Если поставить знак равенства между терминами «ябедничество» и «поклеп», то можно предположить, что оба слова означают злостную клевету с вымогательской целью обвинить в преступлении невиновного.

---

[1] Там же, лл. 344—345 об.; М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 64, № 4/V.

[2] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 66.

[3] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 288.

[4] В грамоте вел. кн. Василия II 1452—1453 гг. митрополичьему дому читаем: «Говорил ми здесь отец мой Иона митрополит киевский и всеа Руси о том, что деи ваши [княжеские и боярские] люди ездят в митрополичи села по празником, и по пиром, и по братшинам незваны, а в них деи чинится душегубства, и татьба, и иных лихих дел много. . .» (ААЭ, т. I, стр. 37, № 50). В жалованной грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю 1458 г.: «Что ми били челом о том, что деи их крестьяном племенским [Верейского уезда] от моих людей, и от борович, и от кременьчан, и от медынчан, и от иных, моих тамошних людей лиха чинится много, татбы и розбои, и яз дал. . . пристава Сенку Кулпу» (Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 160—162, № 219).

[5] ААЭ, т. I, стр. 49, № 67.

Такое толкование «ябедничества» подтверждается данными, извлекаемыми из сочинений Максима Грека и И. С. Пересветова. Первый рассказывает о подкидывании трупа во двор, с целью обвинить жителей данного двора в убийстве и завладеть имуществом обвиняемых: «Толико преодолела иудейскаго сребролюбия и лихоимания страсть посылаемым от благовернаго царя во градех судиям и анфилатом, яко поволити своим слугам всякия неправедныя вины замыслити явственно и неявление на имущих имения, или пометанием разным в домы их в нощи, или мертваго человека труп привлекшим, оле величества нечестия их, пометати посреди стогны, да яко праведно бытто мстители убитаго извет имут не едину улицу, но всю ону часть града истязати об убийстве оном и сребро много себе собирати от сицевых корыстований неправедных и богомерских» [1]. О таком же подбрасывании в вымогательских целях тела мертвого человека упоминает Иван Пересветов. Он приписывает это злоупотребление вельможам царя Константина: «А велможи царьския на городех и на волостех домышлялися лукавством своим и дьяволским прелщением мертвых из гробов новопогребенных выгребати татем и гробы тощи загребати; да того мертвого человека рогатиною исколовши, или саблею изсекши, да кровию измажут, да богатого человека в дом подкинут, да исца ему ябедника поставят, который бога ни мала не знает, да осудивши его неправым судом, да подворье его и богатство судом розграбят» [2].

Из документов XV—XVI вв. видно, что под действием «лихих людей» понимались выступления непосредственных производителей, принимавшие форму классовой борьбы против феодалов и феодальной собственности. Так, в грамоте митрополита Симона конца XV в. — начала XVI в. указано, что крестьяне Славцовской волости, Владимирского уезда, «вступаются» в землю домовного митрополичьего монастыря. Митрополит Симон обращается к славцовскому волостелю Оладье Блинову с предложением принять репрессивные меры против нарушителей неприкосновенности церковных землевладельческих прав: «И ты б, сыну,. . . лихих бы еси людей поунял, чтобы церкви божией не обидели, а в землицу бы в церковную не вступались» [3].

В ст. 9 Судебника в качестве «лихих людей», подлежащих смертной казни, названы: «государский убойца», «коромольник», «церковный тать», «головной тать», «подымщик», «зажигальник», «ведомый лихой человек».

«Государский убойца» это не убийца государя (феодального монарха), а крестьянин, убивший своего владельца. Именно так переводит это выражение Герберштейн: «убийцы своих господ» [4]. Слово «государь» в памятниках XV в. часто упоминается в значении землевладельца и владельца крестьян. Так, в Псковской судной грамоте (ст. 42) читаем: «А который государь захочет отрок дати своему изорнику. . .». То же в ст. 44: «А государю на изорники, или на огородники, или на кочетники волно и взакличь своей покруты и сочити. . .»; в ст. 51: «А коли изорник имет запирался у государя покрутыи. . .»

Слово «коромольник» Герберштейн переводит как предатель крепости. Однако вряд ли следует так уточнять значение термина. Вернее понимать его в более общем смысле: изменник, заговорщик. Именно таково значение термина, судя, например, по договорной грамоте вел. кн. Симеона

---

[1] Сочинения Максима Грека, изд. при Казанской духовной академии, ч. 2, Казань, 1860, стр. 199—200.

[2] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 66.

[3] М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 42, № 3/XI.

[4] Перевод Герберштейна см. по изданию А. И. Малеина, 1908, стр. 82—84.

Ивановича с братьями середины XIV в.: «А что Олексей Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детей, и не надеятись ны его к собе до Олексеева живота» [1].

Под «церковным татем» имеется в виду, судя по переводу Герберштейна, не просто похититель церковного имущества, а человек, совершивший святотатство.

Выражение «головная татьба» иногда объясняют как кражу холопов [2]. Вряд ли можно согласиться с подобным толкованием, основанным на переводе Герберштейна: «похитители людей». Термин «головная» происходит от слов «головщина», «головшина» — убийство, обвинение в убийстве, «головник» — убийца. В этом отношении показательны статьи Псковской судной грамоты: «А где учинится головшина, а доличат коего головника, ино князю на головниках взяти рубль продажа» (ст. 98); «А которой человек с приставом приедет на двор татя имать и татбы искать, или должника имать, а жонка в то время детя вывержет, да пристава учнет головшиной окладати или исца, ино в том головшины нет» (ст. 98). Правильнее всего думать, что «головная татьба» — воровство, сопровождавшееся убийством.

Как показывает изучение судных дел, «укрывательство людей» (холопов) не влекло за собой смертной казни для виновных в этом преступлении. В качестве примера приведем правую грамоту последней четверти XV в. по делу Храпа Олтуфьева с «паробком» Сергейцом Василовым сыном. Истец Храп Олтуфьев обвинял ответчика в подговоре от него к побегу холопов: «Подбаел моих холопов обельных трех. . . и увел их. . . за рубеж». Ответчик Сергеец Василов признал правильным предъявленное ему обвинение: «Подбаел есмь, господине, у Храпа трех холопов. . . обелных и отвел их за рубеж, и ныне, господине, не ведаю, и где учнут жити те его холопи, виноват есмь, господине». Суд вынес приговор о передаче Сергейца Василова Храпу Олтуфьеву в полные холопы: «выдал того Сергейца Храпу в польницу обель в тех холопех» [3].

Термин «подметчик» («подымщик») Герберштейн переводит так: «те, кто тайно относят имущество в чужой дом и говорят, будто оно у них украдено, так называемые подметчики». Исходя из этого можно думать, что слово «подметчик» совпадает по своему значению со словом «ябедник». Однако возможно, что в данной статье, где речь идет о политических преступлениях, «подмет» означает шпионаж, разглашение секретных сведений («подметное письмо»).

Слово «зажигальник» вряд ли можно толковать в общем смысле, как поджигателя вообще. Н. Л. Дювернуа справедливо отмечает, что не всякий поджог карался смертной казнью. Так, он приводит правую грамоту от 30 июня 1503 г. [4], согласно которой судья выдает потерпевшему поджигателя, крестьянина Михаила Жука, за сожжение им монастырской деревни «в пяти рублях, до искупа» [5]. Пример, приведенный Дювернуа, не является единственным. Аналогичный вывод позволяет сделать правая грамота 1528 г. московской митрополичьей кафедре по обвинению «человека» В. Б. Неронова и других в нападении на митрополичьих детей боярских и сожжении митрополичьего двора. Обвиняемый показал, что «велели [ему] тот двор зжечи» «государи» его, Василий Бундов Неронов

---

[1] СГГД, ч. 1, стр. 37, № 23.

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, 1906, стр. 351.

[3] Акты А. Юшкова, стр. 28—29, № 30.

[4] АЮ, стр. 19—20, № 10.

[5] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 288.

с братьями. По решению суда, было велено «доправить» на ответчиках «истцов иск» в сумме 33 рублей с четвертью и 5 рублей за сожженный двор [1].

Итак, ст. 9 имеет в виду не простой поджог. По Герберштейну, в ст. 9 речь идет о тех, «кто поджигает людей». Исходя из этого перевода, а также из того, что ст. 9 называет ряд политических преступлений, вполне допустимо предположить, что здесь имеется в виду поджог города с целью предать его врагу.

В целом ст. 9 говорит о преступлениях против государства как органа господствующего класса и против официальной господствующей церкви. Ст. 9 карает также крестьян за выступления против своих господ. Из статьи 9 Судебника 1497 г., через соответствующую (61-ю) статью Судебника 1550 г., выросли первая и вторая главы Соборного уложения 1649 г., посвященные охране безопасности феодальной церкви и государства.

Помимо смертной казни, Судебник устанавливает и другие наказания за преступления, затрагивающие интересы господствующего класса феодалов (нарушение права феодальной собственности). Так, за первую кражу ст. 10 Судебника назначает торговую казнь (битье кнутом) и возмещение убытков истца или выдачу истцу «в его гибели головою на продажу». В существующей литературе последнее выражение получает не всегда правильное толкование. Так, В. И. Сергеевич под «выдачей головою на продажу» подразумевает «предоставление должника на волю кредитора. Кредитор мог или взять его к себе во двор в качестве раба или продать его. В случае наличности многих кредиторов, если ни один из них не брал себе неоплатного должника на условии удовлетворения остальных, должник продавался на торгу, а кредиторы удовлетворялись из вырученной суммы» [2].

Непонятно, почему Сергеевич называет лишь несостоятельных должников, когда «выдача головою на продажу», т. е. в холопство, имела место вообще в случае нарушения прав феодальной собственности и невозможности со стороны виновного возместить убытки потерпевшему. Случай «выдачи головою» истцу находим в правой грамоте 1528 г. А. Лапин, «человек» детей боярских Нероновых, был обвинен в бое и грабеже митрополичьих детей боярских Рагозиных. Суд присудил его к уплате «истцова иска». Вскоре недельщик Данила Трофимов донес, что «денег доправити не мочно и поруки и перевода по нем в тех деньгах нет». Это же подтвердил и сам Лапин, который поэтому был «выдан истцом головою до искупа» [3].

Аналогичный случай был в 1503 г. Крестьянин Михаил Жук обвинялся в поджоге деревни Спасо-Евфимьева монастыря. По судебному решению, он должен был уплатить монастырским властям девять с половиной рублей. Поскольку «доправити тех денег» на ответчике было «не мочно», его выдали монастырским старцам «головою до искупа» [4].

Стремление феодально-крепостнического правительства сплотить все слои класса феодалов, противопоставить их социальным низам и помешать антифеодальным восстаниям видно из статьи 12. Представляя собою прообраз губных учреждений XVI в., она устанавливает участие провинциальных детей боярских в искоренении уголовных преступлений на основе простого оговора. Для понимания смысла этой статьи надо помнить, что «воровство», «татьба», «разбой» в XV—XVI вв. часто являлись формами социального протеста.

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 261—264 об.
[2] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. II, стр. 149.
[3] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 261—264 об.
[4] АЮ, стр. 19—20, № 10.

Классовая и внутриклассовая борьба принимала часто форму борьбы за землю. Отсюда — появление в Судебнике статей 61—64, посвященных тяжбам из-за огораживания пашен и пожен, переорания меж и уничтожения граней, земельных захватов и т. д.

Ст. 61 говорит об огораживании пашен и пожен. Цель этой статьи Н. Л. Дювернуа видит в стремлении прекратить споры о потравах, так как в этой же статье сказано, что потраву платит тот, чьею изгородью она учинится [1]. С. Б. Веселовский отмечает «лапидарность и некоторую неясность» ст. 61, объясняемую тем, что «она говорила о вещах, всем хорошо известных». Смысл статьи, по мнению Веселовского, заключается в том, что «изгородь на границе двух владений должны ставить пополам хозяева, государи владений». При этом «ответственность за потраву хлеба или покоса падает на того, кто не сделал изгороди или сделал, но небрежно и недостаточно прочно». «Государь отхожих, т. е. удаленных от деревень, покосов, — пишет Веселовский, — должен сам охранять их, но если отхожие покосы были смежны с пахотной землей, то обязанность ставить изгородь со стороны пашни возлагалась целиком на хозяина пахотной земли» [2].

Ни Н. Л. Дювернуа, ни С. Б. Веселовский не дают правильного социально-экономического анализа ст. 61. Между тем она имеет громадное значение для изучения вопроса о росте феодального землевладения, поглощении им общинных земель и внутриклассовой борьбе среди феодалов за земли, бывшие ранее в общинной собственности. В этой статье проводится борьба с пережитками старинных общинных сервитутов. Рост феодальной крупной собственности наносил удар общинным сервитутам. Борьба с правами общин на сервитуты велась путем огораживания пашен и покосов, устройства «осеков» в лесу, наконец, обмежевания владений. Земля, принадлежавшая черным крестьянам, становится объектом борьбы между феодалами. В грамоте кн. Михаила Андреевича в боярские села по челобитью Кирилло-Белозерского монастыря XV в. содержится рассказ о столкновениях между церковными и светскими феодалами из-за права пользования неогороженными лугами: «Били ми челом старци от Пречистыа богоматери ис Кирилова монастыря, а сказывают, что ставите сена на лузех по Шохсне, да тех сен не городите, а их стада монастырские по лугом ходят». Княжеское постановление требует огораживания тех лугов, которые находятся в феодальной собственности: «И чье будеть сено не в городбе их стадом потравлено, ино им в том пени нет, и вы бы сена городили, а не имете городити, а у вас потравят сена, ино вам и потравы нет» [3].

К тем же выводам приводит жалованная грамота князя Юрья Ивановича московскому митрополичьему дому 1526 г., в которой говорится о том, что дворцовые княжеские и помещичьи крестьяне пользуются монастырскими лугами: «Да мои ж де християне, Воиславского села сельчане и деревенщики, и моих поместщиков люди и християне, митрополичих християн Оксиньинского села и деревенщиков на их пашни в поля и в луги животину пускают, и по пашням и по пожням стада ганяют, и в том де митрополичим християном обиды многие. . .». Очевидно, ранее эти луга находились в общинном пользовании. Княжеская грамота закрепляет право собственности на них за монастырем-феодалом: «И яз. . своим християном Воиславского села и деревенщиком на митрополичих християн пашни в поля и в луги животины пускати и стад ганяти, и своим

[1] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 284.

[2] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв. стр. 33.

[3] Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 175, № 157.

поместщиком, и их людем и христианом не велел». Для привлечения к ответственности нарушителей выделяется специальный пристав, который должен задерживать владельцев скота, пасущегося на чужих полях и лугах, и налагать на них штраф: «А хто учнет у митрополичих христиан на их пашни в поля и в луги животину пускати и стада ганяти, и яз на тех дал пристава, трубника своего Пятелю Губцова, а велел есми животину в потраве имати, а чья будет животина, и яз тех людей велел давати на поруки да ставити перед собою. И кого передо мною в том митрополич приказщик со христианы уличит, и яз на том протраву велю взяти вдвое» [1]. Таким образом, жалованные грамоты разъясняют классовый смысл постановления Судебника об огораживании пашен и пожен.

Ст. 62 говорит о наказании за нарушение границ чужой земельной собственности. Постановление о нарушении прав земельной собственности отличается классовым характером: за уничтожение меж на феодальных землях — кнут, за нарушение границ крестьянских участков — штраф.

Ст. 63 касается давности по земельным искам. Указаны два срока: три года и шесть лет (по великокняжеским земельным искам).

Буржуазные исследователи интерпретируют ст. 63 в формальном плане. Так, Н. Л. Дювернуа пишет: «Точка зрения на давность чисто процессуальная. . . Против иска о частных землях можно возражать, если три года хозяин земли не искал ее; также в тех спорах, в которых казенные земли, переходя из рук в руки, не уходят из казны; если же по иску предусматривается переход земли из казенного ведомства в частную собственность, то возражение может иметь место только по истечении шести лет». Пытаясь понять смысл ст. 63, Дювернуа видит в ней известную долю произвола, так как, с его точки зрения, «разумного и необходимого основания для 3-х, 4-хлетнего срока найти нельзя. . .». Произвол в установлении сроков, по мнению Дювернуа, заключается в том, что «князь просто больше жалует собственность казенную, нежели частную. Казенная собственность пользуется привилегиею. Она так поставлена относительно частной, что движение из рук частных лиц в руки казны очень облегчено, а обратное движение тщательно заслоняется» [2].

Между тем при толковании ст. 63 надо исходить не из формально-схоластических рассуждений, как это делает Дювернуа, а из анализа реальных (классовых и внутриклассовых) отношений действительности. Основная масса неразрешенных судебных тяжб касалась, как показывают правые грамоты, именно земель великокняжеских крестьян, захваченных крупными феодалами-боярами и монастырями. Именно по этой линии шла, главным образом, борьба за землю. Отсюда — несколько повышенный срок давности в отношении именно этой категории дел.

Судебник употребляет выражение: «земли за приставом». Н. Л. Дювернуа толкует это выражение как земли, из-за которых начался суд: «Дело за приставом есть такое, по которому начался процесс. За приставом могут быть люди, если по иску они должны подвергнуться личной ответственности. . . За приставом могут быть движимости. Наконец, за приставом могут быть земли. . . Возможно, что в тех случаях, когда земли спорные отдавались за пристава, этот пристав должен был охранять их, как заповеданные, от наезда до суда. С другой стороны, весьма вероятно, что такие земли не подлежали отчуждению» [3].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 113 об. — 114.
[2] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 285—286.
[3] Там же, стр. 388.

Сопоставление ст. 63 с Новгородской судной грамотой дает основание думать, что пристав был обязан следить, чтобы истец не захватывал насильно спорную землю до вынесения приговора судом. Новгородская судная грамота запрещает тяжущимся самовольные наезды без судебного решения на землю, по поводу которой возникла тяжба: «А кому будет о земле дело, о селе, или о дву, или болши, или менши, ино ему до суда на землю не наезщать, ни людей своих не насылать, а о земле позвати к суду» (ст. 7). Когда Судебник говорит о землях, «которые за приставом в суде», он и имеет в виду земли, о владении которых начато и ведется дело и которые вплоть до окончания судебного процесса находятся под специальной охраной приставов, во избежание незаконных наездов со стороны кого-либо из тяжущихся. Эти наезды являлись формой острой борьбы за землю.

Помимо охраны феодальной собственности Судебник определяет формы феодальной зависимости.

Ст. 57 «о христьянском отказе», устанавливая единый для всего государства срок «отказа», — Юрьев день осенний, — делает значительный шаг по пути юридического оформления крепостнических отношений.

Ст. 66 регламентирует вопросы холопьего права. Статья 18 признает в качестве документа, имеющего юридическую силу, лишь ту отпускную, которая написана самим холоповладельцем или же представлена на доклад боярину или наместнику с правом боярского суда. Требование ряда формальностей при составлении отпускных должно было обеспечить холоповладельцев от возможности ухода их холопов по подложным документам. Ст. 20 упоминает «беглую грамоту», — документ о возвращении по суду беглого холопа его владельцу, т. е. говорит о том, что суд обязан защищать интересы господ и оказывать им содействие в поимке холопов. Та же статья не разрешает наместникам выдавать без «доклада» правую грамоту (оправдательный приговор) холопам на их господ. Запрещение наместникам и волостелям, лишенным права боярского суда, самостоятельно (без доклада) решать и оформлять дела о холопстве, диктовалась интересами господствующего класса.

Таким образом, Судебник содержит постановления, направленные к оформлению классовой структуры феодального общества XV в.

Судебник 1497 г. ставит государственный аппарат на охрану классовых интересов феодалов. Поэтому очень детально определяются функции недельщиков (или приставов).

Недельщик (пристав) — должностное лицо, в обязанность которого входил вызов в суд сторон и исполнение решения суда. Герберштейн так определяет функции недельщика: «Недельщик есть до известной степени общая должность для тех, кто зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьмах; и недельщики принадлежат к числу благородных». В другом месте Герберштейн пишет: «Всякий, желающий обвинить другого в воровстве, грабеже или убийстве, отправляется в Москву и просит позвать такого то на суд; ему дается недельщик, который назначает срок виновному и привозит его в Москву» [1]. Сведения Герберштейна подтверждаются данными правых грамот. Так, в правой грамоте 1503 г. Спасо-Евфимьеву монастырю читаем: «И потому Семен Борисович [судья]. . . велел. . . [на ответчика] великого князя неделщику Гриде Светикову ищее старцу Александру полдесята рубля денег доправити» [2]. Правая грамота 1528 г. митрополичьей кафедре упоминает недельщика

---

[1] С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 84—8.

[2] АЮ, стр. 19—20, № 10.

Данилу Трофимова, который доставляет на суд ответчиков и «правит» на них «истцов иск» [1].

Недельщик (пристав) задерживал нарушителей феодальной собственности, охраняя, таким образом, основы классового господства феодалов.

Слова ст. 35: «А у которого недельщика сидят тати» имеют в виду обязанность недельщиков содержать «татей» под арестом до передачи их дела в суд. В ряде грамот употребляется выражение «быть за приставом», что значит: находиться под арестом у пристава. Отдача обвиняемого приставом на поруку освобождала его из-под ареста. Так, в договоре Василия I с рязанским великим князем Федором Ольговичем 1402 г. читаем: «А которых дел не искали, при отце моем при великом князи Дмитрее Ивановиче, пристава не было, за поруку не дан, тому погреб. А хто за порукою и за приставом был, тому суд; а которые дела суженые, или поле ся не кончяло, а то коньчяти» [2]. В этом последнем тексте, помогающем понять ст. 35 Судебника, различаются: 1) обвиняемые, находящиеся под арестом у пристава; 2) обвиняемые, отданные приставом на поруку; 3) обвиняемые, дела которых переданы в суд; 4) обвиняемые, по делу которых состоялось решение суда о назначении «поля» (судебного поединка). Судебник запрещает отдавать арестованных «татей» без доклада на поруки, стремясь предотвратить возможность для них уклониться от ответственности.

В то же время Судебник не разрешает «продавать» «татей» («не продавати татей»). Здесь имеется в виду отдача обвиняемого в холопы истцу, которая могла быть произведена лишь с ведома суда. Конкретный случай перехода обвиняемого по суду в кабальные холопы к истцу рисует правая грамота 1530 г. по делу о неуплате долга по кабале истцу Казнакову Петром Омельяновым. Судья «вспросил» ответчика: «Деньги тобе заплатити мочно ль? А порука и перевод по тебе в деньгах есть ли? И яз тобе дам срок». Ответчик дал следующее показание: «Денег, господине, мне заплатити не мочно, а поруки, господине, и перевода по мне в деньгах нет». Тогда судья «велел недельщику Лепяге Измайлову выдать ответчика Петрушку Емельянова сына ищее Ивану Михайлову человеку Казнакову в его иску в полутретьех рублех по кабале с росты до искупу головою» [3]. До суда, как уже указывалось, Судебник запрещает «продажу» «татей».

В ст. 34 устанавливается обязанность недельщика, которому поручено расследование по делу о татьбе, производить арест и пытку татей, в ст. 36 — обязанность не задерживать передачу дела о «татьбе» в суд.

Недельщик в качестве агента феодальных судебных органов играл большую роль в охране интересов господствующего класса. Поэтому Судебник определяет как обязанности недельщика, так и его права на получение вознаграждения за выполнение своих функций. В качестве вознаграждения недельщик получал «хоженое» или «езд». Хоженое — плата недельщику за извещение истца или ответчика в суд к сроку (указанному в срочной грамоте) или за посылку в суд для оформления, по поручению одной из сторон, отсрочки. Хоженое уплачивалось недельщику за поручение в пределах данного города. За посылку в другой город недельщик получал повышенное вознаграждение («езд») [4].

---

[1] РОИМ, Синод. собр., кн. № 276, лл. 261—264 об.

[2] СГГД, ч. 1, стр. 67, № 36.

[3] Акты А. Юшкова, стр. 111, № 128.

[4] Документы XIV—XV вв., так же, как и Судебник, различают «хоженое» и «езд». См. в договорной грамоте вел. кн. московского Дмитрия Ивановича с вел. кн. тверским Михаилом Александровичем 1375 г.: «А почнут твои искати перед нас, или

Сумма вознаграждения недельщику (приставу) увеличивалась вдвое в том случае, если недельщик посылался «на правду», т. е. должен был не только доставить ответчика в суд, но и расследовать обстоятельства дела (ст. 29). Слово «правда» имеет несколько значений. В данном случае «правда» означает расследование обстоятельств дела. Таков смысл этого термина, например, в договорной грамоте московского вел. кн. Дмитрия Ивановича и вел. кн. тверского Михаила Александровича 1375 г.: «А князи велицин и крестьяньстии и Ярославьстии с нами один человек, а их ти не обидети, а имешь их обидети, нам дозря их правды, боронитися с ними от тобе с одиного. А имут тобе обидети, нам дозря твоие правды, боронитися с тобою от них содиного» [1].

Псковская судная грамота вместо выражения «на правду» употребляет слова: «на татьбу»: «А которой пристав поедет на татьбу, ино ему езд имати вдвое» (ст. 63). Таким образом, разъясняется значение слов Судебника «на правду»: для расследования обстоятельств преступления.

Конкретный случай посылки недельщика «на правду» находим, например, в правой грамоте 1530 г. «Человек» Михаила Казнакова обвинял Петрушу Омельянова в неуплате денег по кабале. Ответчик отрицал факт займа, хотя истец представил кабалу. Тогда судья «велел недельщику. . . ехати на правду по дьяка да по послухов кабальных» [2].

Интересные выводы можно сделать из текста ст. 29 Судебника: «А хоженого на Москве площеднаа недельщику 10 денег». Если слово «площеднаа» относится к недельщику, то в таком случае оно должно указывать на постоянный штат московских площадных недельщиков, подобных позднейшим подьячим Ивановской площади [3].

Постановление ст. 28 Судебника: «А колько вытей в приставной не будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставнаа писана» означает: независимо от того, сколько истцов участвуют по долям в оплате «езда» приставу, сумма «езда» остается неизменной. Эта сумма устанавливается в зависимости от расстояния до того пункта, куда направляется недельщик. В качестве иллюстрации этого положения Судебника интересно привести грамоту вел. кн. Василия III старицкому наместнику и волостелям от декабря 1517 г. о высылке в Москву нескольких лиц на суд по частным искам. В грамоте перечислено несколько истцов и несколько ответчиков, но пристав назначен один: «Дал есми пристава Злобу Данилова сына Лукерьина, велел есми их (ответчиков) поставити перед собою» [4].

Судебник стремится повысить ответственность недельщика. Так, ст. 31 запрещает недельщикам посылать вместо себя с приставными наемных людей. Ездить с приставными могли или сами недельщики, или родственники и люди последних. Этим постановлением достигалась ответственность за действия недельщика всех членов его фамилии. Из сохранившихся грамот видно, что по некоторым делам посылались сразу несколько недельщиков. Об этом свидетельствует грамота рязанского вел. кн. Ивана Ивановича боярину Сунбулу начала XVI в.: «Прислали есте ко мне

наши перед тебе, или перед наши наместници, или перед волостели, хоженого в городе алтын, а на правду два, а дальний езд верста по резане, а на правду вдвое» (СГГД, ч. 1, стр. 48, № 28). В Двинской уставной грамоте 1397 г.: «А на Орлеце дворяном хоженого белка, а езды и позовы: с Орлеца до Матигор две белки езду, до Колмогор две белки» и т. д. (ААЭ, т. I, № 13).

[1] СГГД, ч. 1, стр. 46—49, № 28.

[2] Акты А. Юшкова, стр. 110, № 128.

[3] Может быть, слово «площеднаа» надо относить к «хоженому». В таком случае этот термин обозначает плату недельщику за вызов в суд ответчика в пределах Москвы.

[4] Акты А. Юшкова, стр. 87—90, № 104.

грамоту, а сказываете, что де Ивашка Ивачев бил Аврамка Омельянского и грабил. И вы де ему дали на Ивашка пристава, и Ивашка де и вашему приставу на поруки [не дался]. . . и вы бы послали пяти— шести недельщиков да велели его изымать, да велели бы дать силою на поруки, да и судили бы есте его с ним» [1].

Не совсем понятно выражение Судебника: «А в котором городе живет неделщик, ино ему с приставными в том городе не ездити. . .». Это место можно толковать двояко: 1) если делать ударение на слове «не ездити», то смысл постановления — в запрещении недельщикам брать повышенное вознаграждение («езд» вместо «хоженого») за выполнение поручений в пределах данного города; 2) если ударение логически падает на слова «в том городе», тогда статья, надо думать, запрещает провинциальным недельщикам брать поручение из Москвы в город, где данный недельщик проживает. Связи по месту жительства могли, очевидно, оказать влияние на пособничество со стороны недельщика лицам,указанным в приставной.

Статьи 33 и 34 запрещают недельщикам брать «посулы» (взятки) с тяжущихся для судей и лично для себя.

Итак, раздел Судебника, посвященный функциям недельщиков, стремится создать крепкий аппарат, посредством которого судебные органы могли бы обеспечить господствующему классу охрану его привилегий.

Очень много внимания Судебник уделяет видам судебных доказательств. В этом отношении он опять-таки стоит на страже позиций господствующего класса, в интересах которого эти доказательства используются. В первых же статьях памятника (4—7) речь идет о применении «поля» — судебного поединка.

Судебник различает три возможных исхода судебного поединка: 1) тяжущимся будет присуждено поле, но они, не выйдя на поединок, окончат дело миром; 2) тяжущиеся примирятся, уже выйдя на судебный поединок; 3) поединок состоится. В зависимости от того, как разрешится (в трех возможных направлениях) «поле», изменяется и величина судебных («полевых») пошлин, следуемых судьям. Это была обычная судебная практика. Памятники псковского и новгородского права также различают состоявшийся поединок от случая примирения до или во время него, соответственно варьируя судебные пошлины, взимаемые с тяжущихся. Так, в Псковской судной грамоте читаем: «А виноватому платити и княжа продажа и приставное двема приставом, толко побьются, ино 6 денег, а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги; а князю продажи нет, ож истец чего не возможет» (ст. 37). В договоре Новгорода с Казимиром IV: «А сведется поле новгородцу с новгородцем, ино наместнику твоему взяти от поля гривна, а двема приставом две денги, а учнут ходити за сречкою на поле, ино взяти твоим приставом две денги» [2].

Из сохранившихся правых грамот вытекает, что «поле» имело сравнительно незначительное применение [3].

Ст. 49 Судебника предоставляет ответчику, в случае увечья, престарелости или, наоборот, малолетства, а также женщине, попу, монахам (чернецу, чернице), выставить вместо себя на поле наймита.

В основе ст. 49 Судебника лежит ст. 21 Псковской судной грамоты: «А против послуха. . . стар или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец, ино против послуха нанять волно наймить, а послуху наймита нет». Отличие Судебника от Псковской судной грамоты заключается:

---

[1] Акты А. Юшкова, стр. 42, № 48.
[2] ААЭ, т. I, № 87.
[3] См. главу четвертую, посвященную правым грамотам.

1) в том, что в числе лиц, пользующихся правом найма бойца на поле против послуха, Судебник называет женщин; 2) в том, что Судебник обязывает признанного в результате поединка виноватым возместить правому и его послуху убытки.

По поводу предоставления тяжущимся сторонам права выставлять вместо себя на поединок «наймитов» Б. И. Сыромятников замечает: «В основе идеи „поля“ лежала вовсе не борьба *физических сил* „польщиков“, а вера, что победит тот, чье оружие благословят боги; право нанимать вместо себя бойцов было уже искажением „чистой идеи“ „поля“, и решительная битва сторон перед лицом богов „ни на живот, а на смерть“ превращалась в жалкую пародию на „суд божий“, когда на „поле“ выходили биться нанятые за деньги „профессиональные борцы“; „магический круг судного „поля“ превращается в какую-то рискованную „потеху“, процессуальный спорт, подготовляя окончательное падение и этого архаического орудия процесса»[1]. Сыромятников, обращая внимание на формальную сторону «поля», не отмечает того обстоятельства, что ст. 49 могла служить классовым интересам церковных феодалов («чернецов», «черниц»), использующих «наймитов» для защиты на суде своих земельных богатств.

«Поле» как форма судебного доказательства не могло удовлетворять потребностям судопроизводства в централизованном государстве. Осуждение «поля», как средства разрешения судебных споров, находим в «Челобитной» И. С. Пересветова: «. . . И во обидах присужают поля, и в том на обе стороны много греха сотворяют, крест целуют на виновате обои исцы и ответчики: один, приложив, ищет к своей обиде, а другой всее обиды запрется, и в том обои в гресех погибают. . .»[2] В другом месте Пересветов выступает против связанного с «полем» крестоцелования. Вельможи царя Константина «неправду судили и обоим по своей вере по християнской целование судили, правому и виноватому; а они оба не правы, один бою запретца, рек так: не бил есми его и не грабливал, а другий бою для своего да грабеж приложит, да оба крест поцелуют, да богу изменят. . .»[3]. Максим Грек протестует против обычая выставлять на «поле», вместо тяжущихся, наймитов («поневольщиков»). «Повелено убо, — говорит Максим Грек, — оружии разсудитися тяжбе: взыскуется от обою достобранен полевщик, взыскуется от обидящаго и чародей и ворожея, иже возможет действом сатанинским пособити своему полевщику»[4].

Другим видом судебных доказательств, наряду с «полем», было послушество.

Ряд исследователей видит в статьях Судебника о послухах простое некритическое заимствование из Псковской судной грамоты[5]. Эта точка зрения встретила возражения со стороны Д. М. Мейчика. Последний не отрицает, что Псковская судная грамота могла служить для Судебника «литературным пособием». Однако, по мнению Мейчика, «присутствие ее перед лицом составителя» вовсе не повлекло за собой «неосмысленного заимствования». «Учение Судебника о послушестве развилось и выросло на местной почве»[6].

---

[1] Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр. 54—55.
[2] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 62.
[3] Там же, стр. 72.
[4] Соч. М. Грека, ч. II, Казань, 1860, стр. 202.
[5] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 394; М. Ф, Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 2, изд. 4-е, стр. 99—100, примеч. 78—84.
[6] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 49—50.

Привлечение правых грамот XV в. позволяет говорить, что в основе постановлений Судебника о послушестве лежит предшествующая судебная практика. Но при написании и редактировании соответствующих статей Судебника Псковская судная грамота была использована в качестве одного из источников.

Б. И. Сыромятников, различая понятие «видока» и «послуха», так определяет институт послушества: послухи — «не простые свидетели. Они, собственно говоря, такая же *сторона* в процессе, как и любой из *истцов*. Они являются на суд не для того, чтобы „показать“ то, что им случайно известно по делу, а для того, чтобы клятвой, а если потребуется и жизнью, поддержать того или иного из тяжущихся. Они «пособники» сторон, „соприсяжники“ с ними, они *очистители* „истца“, его защита и покров». Послух, «являясь на суд, свидетельствовал не об определенном событии, а о „доброй славе“ и честном имени той стороны, которую он поддерживал или „добрил“ и которая на него „послалась“. Поэтому он должен был поддерживать своего истца до конца, будучи готов „крест целовать“ и „на поле лезти“ в подтверждение правильности и правдивости его показания. Устами „послуха“ говорил на суде сам народ, весь „мир“, и первоначально это было, действительно, свидетельство целой общины, к которой обращалась заинтересованная сторона, отдавая себя на суд добрых людей, апеллируя к общественному мнению»[1].

Та характеристика, которую дает Сыромятников послушеству, не вполне отвечает действительным явлениям XV—XVI вв. Судя по правым грамотам XV—XVI вв., никакой разницы между свидетелями («видоками», «знахарями») и послухами нет. В качестве примера можно привести правую грамоту 1504 г. по делу Троице-Сергиева монастыря с Иваном Сухоной о пожнях. Иван Сухона ссылался, что он купил пожни у Микулы Яковля сына Крутикова. Последнего вызвали в суд. Судья спросил у него: «Кому то у тобя ведомо, что те пожни розчисть деда твоего. . . , и отца твоего. . . , и твои. . .?». Микула ответил: «Ведомо у меня, господине, то людем добрым старожилцем. . . , а се те, господине, знахори мои перед тобою. . .». Старец Троице-Сергиева монастыря также представил знахарей. После допроса знахарей обеих сторон старожильцы, вызванные Микулой, заявили про старожильцев, на которых ссылался монастырский старец: «То, господине, послуси лживые, дай нам, господине, с ними божью правду, целовав крест, да лезем с ними на поле биться»[2]. Таким образом, термины «знахори» и «послухи» употребляются в совершенно равнозначном смысле[3].

Нельзя согласиться с утверждением Сыромятникова о том, что «устами послуха говорил на суде сам народ». Конечно, черные крестьяне представляли своих послухов, которые отстаивали их права. Но в руках крупных феодалов послушество явилось средством защиты на суде своих землевладельческих интересов.

Ст. 50 говорит о взыскании с послуха за неявку в суд, независимо от того, может ли он дать показание по делу или нет. Таким образом, феодальный суд устанавливал обязательность послушества, используемого, как указывалось выше, для защиты позиций господствующего класса.

Одним из видов доказательств, применявшихся на суде, являлся обход «знахарями» границ спорной земли с иконой на руках. Из правой грамоты 1504 г. по земельной тяжбе между Троице-Сергиевым монасты-

---

[1] Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр. 56.
[2] Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 19.
[3] Об этом же см. у Д. М. Мейчика, Указ. соч., стр. 50.

рем и Иваном Сухоной видно, что уже после того как послухи и истца, и ответчика согласились разрешить дело полем, один из тяжущихся предложил прибегнуть к обходу спорной земли с иконой: «. . . Господине судья, уже Гаврило (троицкий старец) и его старожилцы называют Троицкою землею, вели им, господине, ити с-ыконою, или, господине, мне вели, ино яз иду с-ыконою и мои старожилци. И судья спросил Гаврила и его старожилцов: идете ли вы с-ыконою? И Гаврилко так рек: яз, господине, с-ыконою не иду. А старожилцы Гаврилковы так рекли: с-ыконою, господине, не идем, а ведомо, господине, нам, что то земля Троецкая. И судья спросил Гаврилку и его старожилцов: уж вы с-ыконою не идете, Микулке (противной стороне) и его старожилцем велите ити с-ыконою. И Гаврилко и его старожилци так ркли: Микулке, господине, и его старожилцем с-ыконою ити не велиш» [1].

В ряде случаев суд предпочитает свидетельство письменных документов показаниям послухов. Около 1504 г. возникло спорное дело у Троице-Сергиева монастыря о деревнях с истобником Антоном Гладким и черными крестьянами Мишутинской волости, Переяславского уезда. Обе стороны представили свидетелей-старожильцев, которые решили, «целовав крест», да «лезти на поле битись». Великий князь Василий Иванович, по докладу судьи, вынес, однако, приговор не на основании показаний старожильцев или результатов «поля», а на основании данной грамоты на землю, представленной монастырским старцем [2].

Вообще говоря, различные виды доказательств по-разному очень гибко использовались в феодальном суде в целях ограждения привилегий крупных землевладельцев. Узурпация общинных земель феодалами находила санкцию со стороны судей, которые прибегали к различным аргументам для обоснования своего решения в пользу узурпаторов.

Ст. 32 Судебника стремится пресечь «волокиту» в разрешении судебных споров. Волокита — затяжка, проволочка дела, большею частью намеренная, в целях вымогательства. В Новгородской судной грамоте читаем: «А земное орудье судити два месяця, а болши дву месяць не волочити; а как межник приедет с межи, ино той суд кончати посаднику в другие два месяця тому ж посаднику, а дале не волочить» (ст. 28).

Ст. 32 возлагает все убытки, причиненные судебной волокитой, а также расходы по оформлению срочной, правой или бессудной грамот, на того из тяжущихся, кто будет признан виновным.

Так же поступает Псковская судная грамота: «А которой пристав поедет на татбу, ино ему езд имати вдвое; платить татю виноватому; а толко не вымет татбы, ино приставное и дверское платити тому, кто пристава взял» (ст. 65).

Практическое применение ст. 32 Судебника можно видеть в правой грамоте 1498 г. Тяжба возникла между землевладельцами Струниными и митрополичьим посельским. Судья присудил тяжущимся поле. В назначенный срок к полю не явился один из «знахорей» истцов (Струниных). На вопрос судьи, чем это объясняется, истцы отвечали: «Знахорь наш, господине, по грехом уехал в Новгород в Нижней торговати, и мы, господине, чаяли, что на срок поспеет, и он, господине, не приехал; а дай нам, господине, срок, — как сьездит, и мы у поля у креста на земле поставим». Ответчик протестовал: «Срока им, господине, не давай, а они, господине, нас волочат, своего знахоря не ставят, доложи о том государя великого князя». По челобитью ответчика дело было перенесено на суд вел. кн. Дмитрия Ивановича. Последний «велел обвинити» истцов, потому

---

[1] Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 19.
[2] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 547 об. —551 об.

что их «третей знахорь» «на срок у поля не стал, а велел на них судье взяти полевые пошлины и убытки, что от списков давано»[1].

Судебник предусматривает возможность пересмотра дела, который сопровождался взысканием с тяжущихся новой пошлины («пересуда»).

Значение пересуда как судебной пошлины, связанной с пересмотром дела, вырисовывается из ряда документов. Например, в Новгородской судной грамоте читаем (ст. 3): «А наместником великого князя и тиуном пересуд свой ведати по старине». В договоре Новгорода с Казимиром IV 1471 г.: «А наместнику твоему судити с посадником во владычне дворе. . . а судити ему вправду, по крестному целованью, всех равно, а пересуд ему имати по новгородцкой грамоте по крестной, противу посадника, а опричь пересуда посула ему не взяти»[2].

Ст. 64 Судебника устанавливает следующие положения: 1) с дела на сумму меньше рубля пересуд не взыскивается; 2) пересуд не взыскивается с судных списков (как по земельным делам, так и по делам о холопстве), передаваемых в высшую инстанцию на доклад; 3) пересуд взыскивается с дел, решаемых «полем»; 4) пересуд взыскивается при пересмотре дела в том случае, если во время доклада одна из тяжущихся сторон объявит судный список (предъявленный к докладу) лживым (составленным неправильно) и потребует новых доказательств.

Без «пересуда» дело обходится в том случае, если во время доклада судного списка обе стороны признают его правильность. Обычная формула доклада такая: «И о сем судья рекся доложити государя великого князя или человека старишего. Перед князем. . . сесь список положил и в-ыщенно место [такое-то лицо]. . . и ответчика. . . поставил. . . И князь. . . выслушав список, спросил обоих истцов: суд вам таков был ли, каков в сем списку писано? И обои истци сказали, что им суд таков был, как в сем списку писано. . . И по великого князя слову. . . князь. . . велел судье по сему списку ответчика. . . оправити. . ., а ищею велел судья обвинити. . .»[3]

В некоторых случаях одна из сторон во время доклада «лживила» список (доказывала его неправильность) и приводила (или не приводила) ссылки на свидетелей. К 1501 г. относится земельное дело между Абросимом Шалабой Александровым сыном Шошуковым и Михеем Якимовым сыном. Судный список был доложен «старейшему человеку» великого князя. Тот, выслушав список, спросил обоих истцов: «был ли вам таков суд, как в сем списке писано?». Абросим Шалаба сказал, «что ему суд таков был, как в сем списке писано, и послался с судьями по списку на судные мужи». Михей же Якимов заявил, «что ему суд был не таков, как в сем списке писано, и послался с судьями по списку на судные мужи». В дальнейшем он отказался от первоначальной ссылки на судных мужей, продолжая утверждать, что ему «суд не таков был, как в сем списку писано». В результате Абросим Шалаба был оправдан, а Михей Якимов обвинен, «потому что список оболживил и послался с судьями не по списку на судные мужи, да сказал, что ему суд не таков был, а на судные мужи не шлетца. . .»[4].

Иногда опорочивалось уже принятое (по докладу) решение суда и начиналась новая тяжба. В конце XV в.—начале XVI в. разбиралось дело о владении наволоком между братьею Ферапонтова монастыря и великокняжескими крестьянами. По докладу великому князю Ивану Василье-

---

[1] М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 52—57, № 4/III.
[2] ААЭ, т. I, № 87.
[3] Описание актов Уварова, стр. 21—24, № 19.
[4] «Русский исторический сборник», изд. Обществом истории и древностей российских, т. 5, 1842, стр. 11—14.

вичу, дело было решено в пользу крестьян. Но монастырь снова поднял дело и при вторичном разборе уже выиграл его. В приговоре указано, что в первой правой грамоте на имя великокняжеских крестьян пожни были указаны «безъимянно» [1].

Наконец, Судебник останавливается на случаях «мирного» разрешения конфликтов. Об этом говорит ст. 53 памятника.

Н. Л. Дювернуа по поводу ст. 53 отмечает, что «мировой сделкой можно заменить судебное решение во всякой стадии процесса». Автор приводит документ [2], из которого видно, что уже после того, как процесс перед данным судьей великого князя был закончен и оставался только доклад, «стороны *захотели* помириться не ездя к докладу, и вместо суда и доклада урядились рядом» [3]. Аналогичное замечание по поводу ст. 53, (а также статей 4, 5 и 38) делает С. Б. Веселовский: «И обычай, и княжеские указы в самой широкой степени допускали решение всевозможных споров и тяжб (за исключением душегубства и разбоя с поличным, подсудных наместникам) путем мировых сделок или третейского суда и в известных случаях освобождали от судебных пошлин мировые сделки даже тогда, когда дело дошло до суда и княжеские судьи произвели некоторые судебные действия» [4].

Комментарии Дювернуа и Веселовского носят слишком формальный характер. Мировая запись интересна как документ, отражающий внутриклассовую и классовую борьбу за землю. Такова мировая запись второй половины века между Кирилловым монастырем и вотчинниками Монастыревыми: «Доложа государя князя Михаила Андреевича, се яз, старци Кириловские, Мартимьян, да Гаврило, да Кирило, да Марко, кончяли есми промеж себя с Иваном с Григорьевичем с Монастыревым да с его детьми с Данилом да Васильем, что Иван у нас сослал с земли старца Митрофана и мы промеж себя с-Ываном и с его детьми кончяли, что Ивану и его детем Данилу да Василью у нас в ту землю не вступатись. . .» [5]. Мировая отступная запись 1467—1474 гг. фиксирует захват монастырем черных крестьянских земель, санкционированный со стороны княжеской власти. Старец Троице-Сергиева монастыря Памва «бил челом» кн. Андрею Васильевичу от имени троицкого игумена и «всей братьи» «а ркучи: дай нам, господине, своего дозорщика, и розъежщика, чтобы, господине, розъехал твои земли от наших земль монастырьских». Поводом для просьбы о разъезде явилось то обстоятельство, что крестьянин Кобылинского стана Иван Кореловский «назвал» монастырские деревни и пожни черными. Князь Андрей Васильевич предоставил монастырю дозорщиков, которые «сказали, что тот хрестьянин Иванько Кореловской и иные хрестьяне тех земль, деревень и пожень не искали за полтретьятцать лет». Тогда князь Андрей Васильевич «тех деревень. . . и тех пожень отступился игумену троецкому Спиридонью. . .» [6].

Охране интересов господствующих классов служила разветвленная документация феодальных прав, которой много внимания уделяет первый Судебник Ивана III, так как эти документы предъявлялись в суд тяжущимися.

Судебник различает следующие документы, фиксирующие права феодалов на землю, средства производства и зависимых людей: 1) правую

---

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, стр. 131—137, № IV.
[2] АЮ, № 269.
[3] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 333—334. Подчеркнуто мной. — Л. Ч.
[4] С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима, стр. 50.
[5] Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 114, № V/2.
[6] Там же, стр. 114—115, № V/3.

грамоту, в том числе «правую грамоту с холопа и робы»; 2) докладной список; 3) беглую грамоту; 4) отпускную («отпустную») грамоту; 5) полную грамоту; 6) полетную грамоту; 7) духовную грамоту; 8) бессудную грамоту.

Кроме того, в Судебнике идет речь о документах, отражающих различные стадии процесса. К их числу принадлежат грамоты: 1) срочная; 2) отписная срочная; 3) приставная.

Правой грамотой (ст. 15) назывался приговор суда, вручаемый стороне, выигравшей дело. Правая грамота состоит из: 1) протокола судебного разбирательства и 2) решения суда.

Под докладным списком (ст. 16) подразумевался протокол судебного разбирательства.

Правая грамота с холопа или с рабы — решение суда по спорному делу между двумя холоповладельцами о выдаче холопа или рабы одной из сторон; также решение суда о возвращении холоповладельцу холопа, добивавшегося свободы.

Ст. 19 Судебника говорит о том, что неправильно выданная (без суда) боярской коллегией правая грамота по делу о холопстве, в результате пересмотра дела (очевидно, в великокняжеском суде), аннулируется; делу дается обычный ход по суду. Но ответственности боярин, виновный в выдаче правой грамоты, признанной недействительной, не несет. Такова классовая направленность Судебника.

Судебник (ст. 20) запрещает наместникам и волостелям, лишенным права боярского суда, самостоятельно (без доклада) решать и оформлять дела о холопстве.

А. И. Яковлев видит в статьях Судебника, запрещающих выдавать холопьи грамоты наместникам без боярского суда и их тиунам, попытку оградить права свободного человека, «нежданно и негаданно объявляемого сворой наместничьей опричнины холопом данного кормленщика и загоняемого в холопье ярмо кулаками и батогами его челяди, быстро стряпающей соответствующую «составную» грамоту. С другой стороны, защищаются права «законных» холоподержателей, подрываемые подложными отпускными и новыми холопьими грамотами, состряпанными при помощи подставных видоков и послухов, а то так и совсем без всяких околичностей, в тиунской избе» [1]. В этой характеристике стирается социальный смысл законодательства. В основе лежит, несомненно, стремление защитить интересы господствующего класса.

Беглая грамота представляла собой документ о возвращении по суду беглого холопа его владельцу.

Отпускная грамота являлась документом об отпуске холопа или рабы на волю. Так определяется этого рода документ в духовной кн. Ногтева 1534 г.: «Что мое люди по кабалам серебреники и по полным грамотам и докладным грамотам холопи, и те все люди с женами и з детьми по моей душе на свободу, люди вольные великого князя. . . а прикащики мое по сей духовной тем моим людем полным и докладным отпускные грамоты подают, а кабальным людем кабалы выдадут» [2].

Судя по духовным грамотам, отпуск землевладельцами перед смертью на волю своих холопов приводил к тяжбам, так как наследники умерших возбуждали дела о своих правах на отпущенных холопов. На это указывает, например, духовная княгини Елены Ольгердовны (в иночестве Евпраксии), вдовы серпуховского князя Владимира Андреевича, первой

---

[1] А. И. Яковлев. Холопы и холопство в Московском государстве XVII в., М.—Л., 1943, стр. 42.

[2] Сборник Хилкова, № 57.

половины XV в.: «А что мои люди приданые и полные, и что ми господин мой князь дал своих людей полных, и мои казначеи, и тивуни, и посельские, и ключники, и что в селех во всех полных людей, или хто ся у них женил, и яз тех людей всех отпустила на слободу з женами и з детьми; а снохи мои и мой внук тех людей по моем жывоте в холопи не ищут» [1].

Полная грамота — это документ, оформляющий продажу в полное холопство (рабство). В духовной грамоте Ивана III 1504 г. говорится: «А грамоты полные и докладные на Москве пишет дьяк ямской сына моего Васильев, как было при мне; а опричь того,на Москве грамот полных и докладных не пишет нихто»[2].

Полетная грамота оформляла кабальные условия об уплате долга в определенный срок[3].

Духовной грамотой называлось завещание. Ст. 60 говорит о переходе движимого и недвижимого имущества умершего, не оставившего духовной грамоты, в случае отсутствия у него сыновей, — дочерям, а в случае отсутствия вообще детей, — кому-либо из родичей. Это постановление Судебника возникло на основе обычного права Северовосточной Руси, которое хорошо иллюстрируется материалом духовных грамот. Так, князь Василий Васильевич Галицкий, умирая без сыновей, завещал в 1433 г. по своей духовной грамоте часть своих сёл жене и дочерям, часть — братьям, а часть велел дать по душе.[4] Поскольку практика передачи по завещанию имущества наследникам женского пола, а также боковым родственникам, охранявшая классовые привилегии феодальных фамилий, была распространенной, Судебник перенес эту практику и на случай, когда умерший не оставил завещания.

Все рассмотренные выше виды документов, которые фигурировали на суде в качестве доказательств при разборе тяжб,служили гарантией прав феодалов. На их основе выносился приговор.Поэтому такое большое внимание уделяет им Судебник.

Бессудная грамота — правая грамота, выдаваемая судьей одной из сторон без судного разбирательства на основании того, что другая сторона уклонилась от явки в назначенный срок в суд.

Срочная грамота представляла собой документ, устанавливающий срок явки сторон в суд.

Отписная срочная являлась документом, фиксирующим перенос срока явки в суд. Образцом отписной срочной может служить следующий документ: «Сей срок отписал пристав князя великого Олешка Чюбаров митрополичю посельскому Якушу с Андрониковским становщиком с Якушом, да с Костею с-Ывановским да сь-Есюком з Гридиным, а ищет Якуш посельской на Якуше, да на Косте, да на Еске того, что деи у него покосили митрополичю пожню с своими товарищи у Парашинские перегороды Иконницкой земли через правую грамоту и через извет силно, стати им

---

[1] СГГД, ч. 1, стр. 191, № 82.

[2] Там же, стр. 397, № 144.

[3] См. грамоту белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в.: «Присылал ко мне игумен Еким (Ферапонтова монастыря). . . , а бил ми челом, а сказывает, что являл им староста волоцкой (Волочка Словенского), что им примати к себе в волость. . . на Волочек (Словенский) из. . . деревень монастырьские половники в серебре межень лета и всегды. Да кто деи выйдет половник серебряник. . . , ино деи ему платитися в истое на два года без росту. И яз пожаловал игумена Екима. . . , а ту есми полетную подернил. . . , а игумену есми и всей братьи от Юрьева дни до Юрьева дни из своих деревень серебреников пускать не велел, а велел есми им серебреников отпускать за две недели до Юрьева дни и неделю по Юрьеве дни. А которые будут вышли в манастырьском серебре. . . , и они б дело доделывали на то серебро, а в серебре бы ввели поруку, а осень придет, и они бы и серебро заплатили» (ААЭ, т. I, стр. 35—36, № 48/I).

[4] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 521, лл. 61—64.

перед великим князем на ильин день. А хто не станет, тот без суда виноват. А что им был срок на рожество святыа богородици, и тот им срок пе в срок, а по старым срочным безсудные не взяти ни одному ни на одного. А Якуш срок отписал и срочную свою сам взял. А Якуш, да Костя, да Еска свою срочную сами же взяли» [1].

Судебник возлагает ответственность за проверку сроков, указанных в срочных грамотах, и выдачу на основании неявки к суду одной из сторон бессудных грамот — на дьяков. Подьячие от этого дела устраняются. Устанавливается, что бессудная грамота выдается на восьмой день после срока, названного в срочной грамоте и не соблюденного одной из сторон.

Из жалованных грамот XVI в. видно, что для вызова в суд населения феодальных вотчин существовали особые постоянные сроки. Бессудные грамоты, выданные не в соответствии с этими сроками, признавались недействительными [2].

Приставная грамота — документ, выданный приставу о даче на поруки ответчика и вызове его в суд; о производстве обыска или о приведении в исполнение приговора суда [3].

Итак, то большое внимание, которое уделяет Судебник документам, закрепляющим права феодалов на средства производства, прежде всего на землю, и на зависимое население, а также документам процессуального характера, свидетельствует о его назначении: это кодекс феодального права, на основе которого получают удовлетворение претензии господствующего класса.

Особо нужно остановиться на вопросе о церковном суде по Судебнику. В ст. 59 памятника говорится о том, что людей, подведомственных церкви (попа, дьякона, чернеца, черницу, церковного сторожа, вдову, «которые питаются от церкви божиа»), судит «святитель», или его судья.

Появление этой статьи в Судебнике вызвано, повидимому, тем, что в 60—80-х годах XV в. московская великокняжеская власть делала

---

[1] АЮБ, т. III, стр. 421—422, № 358. См. § 2, гл. 4 настоящей книги.

[2] См. жалованную грамоту князя Юрия Ивановича митрополичьей кафедре 1523 г.: «А хто приедет мой пристав, княж Юрьев Ивановичя, по митрополичьих людей и христиан, а он им пишет два срока в году — зиме в той же день по крещенье христове, а в лете уговев Петрова говенья неделя. А хто на них накинет срок сильно не на те их грамотные сроки, и яз им к тому сроку ездити не велел, а хто на них и безсудную грамоту возмет не на те их грамотные сроки, и та безсудная грамота не в безсудную» (РОИМ, Синод. собр. кн. № 276, л. 98—98 об.). Жалованная грамота того же князя Юрия Ивановича московскому митрополичьему дому 1526 г. гласит: «А кто пошлет моих, княж Юрьевых Ивановичя, неделщиков по митрополичя приказщика и по христиан в каких делех ни буди, и недельщики мои и их племянники и люди их пишут им два срока в году. . .». (РОИМ, Синод. собр. кн. № 276, л. 113—113 об.). В более ранней белозерской уставной грамоте 1488 г. читаем: «А приедет мой пристав, великого князя, с Москвы по белоозерца, по горожанина, и по станового человека, и по волостного, и он им пишет один срок в году, на заговение на великое на мясное; а опрочь того сроку кто на них иной срок накинет, а не по их сроку, или кто на них зазывную грамоту принесет, а не по их сроку, и я князь велики им к тем сроком ездити не велел; а хотя кто на них безсудную грамоту возмет, а не по их сроку, и та грамота безсудная не в безсудную» (ААЭ, т. I, № 123).

[3] В грамоте князя Михаила Андреевича белозерского Череповецкому монастырю 1464—1473 гг. читаем: «И кому будет в моей отчине до того монастыря и до монастырских христиан каково дело, и они бьют челом мне, князю Михаилу Андреевичю, и яз даю своих приставов неделщиков белоозерских на имя с своею приставною грамотою, и мои приставове на поруку их дают и ставят их передо мною, кому будет до того каково дело и хто на ком чего взыщет» (А м в р о с и й. Указ. соч., т. VI, стр. 677—678, № 8). См. также грамоту князя дмитровского Юрия Васильевича 1465 г. московскому митрополичьему дому: «А лучится татьба или розбой с поличным, и волостели мои дадут своих приставов да велят дати обоих исцев на поруку да поставят с поличным предо мною, пред князем Юрием Васильевичем, и яз князь Юрий сам тому исправу учиню» (ААЭ, т. I, стр. 55, № 75).

попытки вмешательства в митрополичью юрисдикцию по церковным делам. Жалованная грамота Ивана III домовным митрополичьим Сновидскому и Любецкому монастырям, данная в 1465 г. при митрополите Филиппе и подтвержденная при митрополите Геронтии, фиксирует несудимость для монастырей не только от княжеских наместников и волостелей, но и от митрополичьих наместников и десятинников. В роли судьи выступает сам Иван III: «Так же и наместники володимерские черные и медушские десятинники, и их тиуни в тот их монастырь в Сновицкой и в Любецкой не въезжают, ни всылают к ним ни по что, ни кормов у них, ни иных никаких пошлин не емлют, ни судят тех игуменов Сновицкого монастыря и Любецкого ни в чем. А кому будет на тех игуменех чего искати, ино их сужу яз, князь великий, сам» [1]. В жалованных грамотах митрополичьей кафедре конца XV в.—начала XVI в. о вмешательстве великокняжеской власти в церковный суд уже не говорится. Это обстоятельство можно связывать со ст. 59 Судебника, которая, таким образом, отражает отношения между церковными феодалами и государственной властью.

Рассматривая Судебник как памятник эпохи создания централизованного Русского государства, необходимо отметить, что в нем не могли не найти отражения общие экономические сдвиги в стране: подъем производительных сил, развитие общественного разделения труда, расширение экономических связей между отдельными областями, развитие торговли.

Ст. 54 Судебника нормирует условия «найма». В условиях экономического развития XV—XVI вв. эта статья приобретает важное значение. Б. Д. Греков отмечает, что в это время «рабство, даже в том измененном по сравнению с временами Киевской Руси виде, продолжало систематически и заметно уступать место более прогрессивным формам труда — крепостному и наемному (хотя иногда и в замаскированном виде)» [2]. Конечно, речь должна итти о чисто феодальном «найме», в котором основную роль играло внеэкономическое принуждение. Б. Д. Греков приводит данные из «Домостроя», из которых видно, что его автор, поп Сильвестр, «в течение 40 лет, т. е. почти всю первую половину XVI в. и вероятно конец XV в., предпочитал холопскому труду труд свободный [3]. В обращении к сыну Сильвестр пишет: «Видел есм сам, в рукодеях и во многих во всяких вещех мастеров всяких было много: иконники, книжные писцы, серебреные мастеры, кузнецы, и плотники, и каменщики, и всякие, и кирпищики, и стенщики, и всякие рукодельники. Деньги им даваны на рукоделье напередь по рублю, и по 2, и по 3, и 10, и больши; а многи были чмуты и бражники. И со всеми теми мастеры в 40 лет дал бог разлезеноса без остуды и без пристава. . ., все то мирено хлебом, да солью, да питьем, да подачею, и всякою добродетелью, да своим терпением» [4]. Ст. 54 Судебника и отражает эти новые экономические явления.

Ст. 55 говорит об ответственности купца за растрату чужих денег.

Как и предшествующая ст. 54, ст. 55 Судебника становится понятной на общем фоне экономического развития России в конце XV в. — первой половине XVI в. Это время характеризуется ростом торговли, расширением экономических связей. «К XVI в., — пишет Б. Д. Греков, — московская Русь была усеяна городами, городками, слободами. Каждое из таких городского типа поселений было местом торговли и ремесленным центром; он поглощал выбрасываемых деревней обголодавших и

---

[1] М. И. Горчаков. Указ. соч., прилож., стр. 17—18, № 2/VII. См. также стр. 191 настоящей книги.

[2] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 575.

[3] Там же, стр. 572.

[4] А. С. Орлов. Домострой, Чт. ОИДР, 1908, кн. II, стр. 68.

разоренных крестьян и влек к себе разбогатевших, готовых переменить и образ жизни, и свою профессию». «Города — это центры торговли. Здесь много денег. Им тут и быть подобает. Тут живут люди «купующие и продающие» и от своих прикупов богатеющие. Кто хочет получить деньги, может доставить в город свои продукты; они тут легко превращаются в серебро. Так рисует город писатель первой половины XVI в. Ермолай-Еразм» [1]. В этих условиях развития экономического общения симптоматично появление в Судебнике ст. 55. Она нормирует условия, на которых купцы могут брать под проценты чужие деньги или товары для использования их в своих собственных торговых оборотах с целью извлечения прибыли.

Ст. 58 касается исков, возбуждаемых «чужеземцами». Появление в Судебнике ст. 58 вызвано, повидимому, расширением внешней торговли в конце XV в. и притоком в связи с этим в Москву иностранного купечества. Амвросий Контарини (1474 г.) сообщает, что зимой в Москву съезжалось много купцов из Германии и Польши особенно для покупки мехов [2]. Альберт Кампензе в письме к папе Клименту VII (1523—1524 гг.) рассказывает: «Московия весьма богата монетою, добываемою более через попечительство государей, нежели через посредство рудников, в которых, впрочем, нет недостатка, ибо ежегодно привозится туда со всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для московитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях» [3].

Между иностранными купцами, находившимися в Москве, возникали тяжбы и потребовалось специальное постановление Судебника, говорящее о разрешении этих тяжб.

Нельзя не поставить в связь с общехозяйственными сдвигами в стране статьи Судебника, посвященные холопьему праву.

Много толкований в исторической литературе вызвала статья Судебника (66) о холопстве по городскому и сельскому ключу: «По тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу; . . . а по городцкому ключю не холоп». Для буржуазной историографии характерен формальный подход к комментированию этого постановления. Так, Н. Л. Дювернуа по поводу ст. 66 замечает: «Общих мер, направленных против закабаления себя в частные руки, мы в это время не видим. Судебник знает по делам холопьим доклад, но и без доклада допускает закабаление себя, жены и детей, при условии, что эти лица жили у одного господина с отцом» [4]. В. И. Сергеевич указывает, что по ст. 66 тиун и ключник — одно и то же: «Делается он холопом. . . в силу одного факта принятия сельского ключа». Сергеевич пытается определить функции этих сельских тивунов-ключников: «Под их непосредственным ведением состоят все остальные холопы. Ключники целуют за них крест. Ключники же собирают господские доходы и заботятся о их приращении; с этой целью они раздают господское серебро в рост крестьянам и получают с них проценты, а по наступлении сроков взыскивают капитал. Они вступают в сделки именем своего господина и приобретают для него недвижимости и рабов. Эти покупки тивуны делают «„за ключем их господина“ или „на его ключ“» [5].

В советской историографии постановление Судебника о холопстве по сельскому и городскому ключу получило новую, правильную интер-

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 560.
[2] Библиотека иностранных писателей о России XV—XVI вв., т. I, стр. 111.
[3] Там же.
[4] Н. Л. Дювернуа. Указ. соч., стр. 215.
[5] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности, т. I, СПб., 1902, стр. 126.

претацию со стороны Б. Д. Грекова. Б. Д. Греков, сопоставляя ст. 66 Судебника со ст. 110 Пространной Правды (по академическому изданию), приходит к выводу, что самое понятие «ключа» с течением времени изменилось. «Держать ключ», «с ключом ходить» в древности обозначало отправлять должность ключника. «Но в Судебнике говорится о ключе в другом смысле. Ключ сельский и ключ городской — это то, что в больших хозяйствах называлось службой по какой-либо из специальностей, на которые распадалось крупное хозяйство». В качестве иллюстрации к разбираемой статье Судебника Б. Д. Греков приводит «Книгу ключей» Волоколамского монастыря 1547—1559 гг., в которую внесены имена монастырских слуг с указанием количества выплачиваемого им жалованья. Отсюда Б. Д. Греков делает вывод, что «жить в ключе» значило находиться в службе, работать на хозяина [1].

В другом месте своего исследования Б. Д. Греков на основании анализа новгородских писцовых книг сближает сельских ключников (которых Судебник называет холопами) не с холопами в узком смысле, а с крепостными крестьянами [2]. Появление ст. 66 в Судебнике Б. Д. Греков ставит в связь с общими хозяйственными сдвигами в стране, делавшими невыгодным применение труда полных холопов.

Последняя часть ст. 66 касается источников полного холопства. А. И. Яковлев считает, что «категорическое правило» Судебника — «по робе холоп, по холопу роба» — имело своим «зародышем» статью Русской Правды: «А другое холопьство: поиметь робу, а без ряду; поимет ли с рядом, како ся будеть рядил, на том же и стоить» [3]. Смысл ст. 66 А. И. Яковлев видит в ограничении древнего права, согласно которому дети рабы принадлежали господину. «Это робкое затрагивание потомства рабы в древнем праве, несомненно, считавшем рабий прирост находящимся в полном распоряжении господина, в московском праве обоих судебников осложняется явственно проводимой тенденцией — не позволять автоматически кабалить детей холопов, рожденных до рабства родителей» [4]. Яковлев не ставит изучаемое явление в связь с общехозяйственными явлениями, отразившимися на отмирании полного холопства. А в этом именно надо искать ключ к объяснению смысла ст. 66. На это-то как раз и обратил внимание Б. Д. Греков.

Вопроса об ограничении полного холопства касается и ст. 56 Судебника, которая говорит о том, что холоп, попавший в плен к татарам, в случае побега из плена и возвращения на родину освобождается из холопства и не подлежит отдаче своему прежнему владельцу. Здесь, очевидно, играл роль и политический момент. Можно думать, что освобождение из холопства рассматривалось как награда за заслуги в борьбе с крымскими или казанскими татарами. Примерно в такой плоскости ставил вопрос Пересветов, указывая, что уничтожение отношений холопьей зависимости явится для получивших свободу стимулом к доблестному участию в войнах: «А в царстве в Коньстянтинове при цари Констянтине у велмож его лутчие люди порабощенны были в неволю и противо недруга крепко не стояли; конны и доспешны цветно видети было велможи его, полки против недруга крепкого бою не держали, и з бою утекали, и ужас полком царевым иным давали, они же прелщалися.

---

[1] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 576—577; книга ключей и долговая книга Волоколамского монастыря XVI в., отв. ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина, М.—Л., 1948.

[2] Там же, стр. 579.

[3] А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., 1943, стр. 83.

[4] Там же, стр. 84.

И то царь (Магмет-салтан) уразумев, да дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у велмож царевых в неволи были. И как учали быти в воли в цареве имени, всякий стал против недруга стояти, и полки недругов разрывати, смертною игрою играти, и чести себе добывати» [1].

Новые экономические явления, развитие барщинного хозяйства, появление денежной ренты, — определили и издание специального постановления о Юрьевом дне как сроке крестьянского отказа, постановления, явившегося значительным шагом на пути юридического оформления крестьянской крепости.

В заключение общей характеристики Судебника как памятника классовой юстиции необходимо еще раз подчеркнуть, что, отражая внутриклассовую борьбу в лагере феодалов, он в то же время последовательно проводил линию защиты интересов *феодалов в целом*, заинтересованных в удержании в узде эксплуатируемого большинства непосредственных производителей.

Усиление репрессий в отношении нарушителей феодального права было вызвано укреплением позиций господствующего класса в связи с государственной централизацией. Поэтому тенденции Судебника, хотя они отражали в ряде случаев специфические интересы боярства, находили полное признание и в дворянской публицистике. Дворянство было заинтересовано в создании крепкого государственного аппарата, стоявшего на страже его классовых интересов, охранявшего личную безопасность дворян и неприкосновенность их имущества. И. С. Пересветов в «Сказании о Магмет-салтане» указывает: «А станетца татба в войску или разбой. . . , ино на таковыя лихия люди, о тати и о разбойнике обыск царев живет накрепко. . . А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрмы нет, на третей день его казнят смертною казнью для того, чтобы лиха не множилося; лише опалным людем тюрма до обыску царева» [2]. В том же «Сказании о Магмет-салтане» И. С. Пересветова речь идет и о других мероприятиях турецкого султана в отношении «лихих людей»: «и по городом у него те же десятцкие уставлены, и сотники, и тысяцкие на лихие люди, на тати, и на разбойники, и на ябедники, и где ково обыщут лихово человека, татя, или разбойника, или ябедника, тут его казнят смертною казнью» [3].

§ 9. Судебник Ивана III и предшествовавшие ему Судебники Софьи Витовтовны и Василия II

Судебник Ивана III проводил начала централизации в области суда. Мы не находим в нем сейчас никаких указаний на судебные права удельных князей. Между тем в Судебнике 1550 г. на последнем месте помещена статья (по счету 100-я) под заголовком: «О суде с удельными князи». Она говорит о подсудности населения удельно-княжеских владений, а также о порядке разбора дел между московскими городскими жителями, детьми боярскими и крестьянами «царя и великого князя», с одной стороны, и «удельными людьми», — с другой.

Эта статья возбуждает ряд вопросов. Во-первых, не совсем ясна ее связь с основным текстом Судебника 1550 г. Она имеется не во всех списках и производит впечатление приписки. Действительно, статьи 97—99 второго Судебника по своему содержанию носят завершающий характер. Ст. 97 говорит о том, что все дела, разобранные до издания Судебника,

[1] В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI в., стр. 75.
[2] Там же, стр. 76.
[3] Там же, стр. 76—77.

не подлежат пересмотру, дела же, вновь возбуждаемые, следует рассматривать на основании Судебника 1550 г. Ст. 98 касается вопроса о приписке к тексту Судебника новых статей, которые возникнут в результате судебных казусов, не предусмотренных существующими постановлениями Наконец, ст. 99 предписывает «прокликати» по торгам в Москве и во всех городах Московской, Новгородской и Тверской земель, чтобы истец и ответчик не давали «посулов» судьям и приставам. В пределах до этих заключительных пунктов, повторяю, текст Судебника Ивана IV носит характер полной законченности. И появление в этом месте ст. 100 невольно заставляет думать об отсутствии органической связи между нею и всем памятником в целом. Очевидно, эта статья имела какое-то особое значение.

Другое обстоятельство, на которое следует обратить внимание, — ст. 100 Судебника 1550 г. не находит себе соответствия в Судебнике Ивана III. Можно ли это объяснить тем, что перед нами какое-то новое постановление? Так склонен думать С. Б. Веселовский, который указывает, что во времена первого Судебника «юрисдикция великого князя» не распространялась на уделы; поэтому в нем «нет ни слова об удельных князьях». «В Судебнике 1550 г., составленном тогда, когда царская власть окончательно низвела удельных князей на положение привилегированных вотчинников, лишенных всякой независимости и почти всех прав удельных князей, в конце прибавлена специальная статья (ст. 100) — «О суде с удельными князи» [1].

Но вывод С. Б. Веселовского о том, что ст. 100 Судебника 1550 г. представляет собой нововведение времени Грозного, вызванное новым положением удельных князей, опровергается сличением текстов. Дело в том, что некоторые пункты большой статьи царского Судебника «О суде с удельными князи» находят параллель в одном памятнике XV в. — так называемой «Записи, что тянет душегубьством к Москве» [2], или Губной записи, как ее обычно называют.

Это — очень интересный памятник, до сих пор в должной мере не подвергнутый изучению [3]. В нем речь идет о судебном округе, подведомственном по делам о душегубстве «большому наместнику» в Москве; о взаимоотношениях «большого наместника» с удельно-княжескими «третниками», которые ведают вместе «московские суды»; о подсудности населения, проживающего в московских дворах, принадлежащих удельным князьям, и в их селах, расположенных в Московском стане или уезде.

В некоторых случаях мы находим полное совпадение между ст. 100 Судебника 1550 г. и Губной записью. Это указывает на то, что содержание ст. 100 Судебника Ивана IV восходит еще к нормам XV в.

Так, Губная запись говорит, что в деревнях удельных князей, находящихся в Московском стане, суд производят волостели этих князей, с докладом последним во время их пребывания в Москве. В случае отсутствия в Москве удельного князя доклад производится великому князю или его большому наместнику; доклад в городах удельных княжений, помимо Москвы, запрещается. Это же правило воспроизводит и ст. 100 Судебника 1550 г. Сопоставим оба текста.

---

[1] С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г., стр. 42.

[2] ААЭ, т. I, стр. 87—88, № 115.

[3] Некоторые замечания о Губной записи делают П. Н. Мрочек-Дроздовский (Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов, «Юридический вестник», 1884, № 5—6, стр. 123—131) и И. Д. Беляев (Лекции по истории русского законодательства, изд. 2-е, М., 1888, стр. 277—279). Связь Губной записи и ст. 100 Судебника 1550 г. отметил И. И. Смирнов.

Губная запись	Судебник 1550 г.
А что деревни в Московьском в становом уделных князей, и волостели их судят, а доложит своего князя, ажь будет на Москве; *а не будет на Москве его князь*, и ему доложить великого князя или большаго наместника, *а по иным городом их не водить к докладу.*	. . . *Которые селца московские за удельными князми*. . . , а взыщет селецкой на селецком, *а судит их же волостель· а не будет их князя на Москве, и волостелю к докладу с Москвы не вести*, а ждати князя на Москве; а поведет их волостель с Москвы к докладу и к своему князю, а утечет тех исцов один к царю и великому князю и бьет челом царю и великому князю на того волостеля, и царю и великому князю на того волостеля дати пристава; а поведет его через то в удел, и тем его царь и великий князь обвинит.

По сравнению с Судебником Ивана IV текст Губной записи более лаконичен. Судебник развивает основные положения Записи, предусматривая некоторые дополнительные казусы: побег одного из истцов (направленных волостелем на доклад в удел к своему князю) в Москву с челобитьем к царю, вследствие чего последний выносит обвинительный приговор в отношении волостеля. Но, в основном, цитированный текст Судебника 1550 г. сходен по содержанию с Губной записью. Поэтому можно думать, что ст. 100 Судебника Ивана IV (возможно, в несколько иной, менее полной, форме) существовала уже в XV в. Я предполагаю, что вопрос «о суде с удельными князи» рассматривался и Судебником Ивана III. Весьма возможно предположить, что подлинный текст Судебника 1497—1498 гг. был полнее, чем сохранившийся список памятника 1504 г. и делился на 100 статей, в то время, как в списке только 94 статьи. Если вдуматься в 100-ю, заключительную статью Судебника 1550 г., то не трудно убедиться, что она распадается на пять—шесть самостоятельных статей. Вероятно, они (в том или ином виде) должны быть возведены к Судебнику 1497—1498 гг. Дополнив этими пятью—шестью статьями сохранившийся текст 94 статей списка Судебника Ивана III, снятого в 1504 г., мы можем составить себе приблизительное представление о том кодексе феодального права из ста статей, который был обнародован в начале 1498 г., в связи с венчанием Дмитрия Ивановича. Во всяком случае, выше уже было указано, что статья «о суде с удельными князи» не связана непосредственно с текстом Судебника Ивана IV и производит впечатление приписки к нему.

Недостаточно убедительной мне представляется точка зрения на Губную запись, выдвинутая И. И. Смирновым. Ст. 100 Судебника, пишет И. И. Смирнов, «имеет историю. Если не непосредственным источником, то историческим предшественником ее является так называемая „Губная московская запись" времени Ивана III» [1]. Можно ли себе представить преемственную связь между Судебником 1550 г. и Губной записью без посредничества Судебника 1497 г.? По-моему, это совершенно исключается.

Необходимо попытаться выяснить взаимоотношение между Губной записью и Судебником Ивана III. В существующей литературе этот вопрос не ставится совершенно [2].

---

[1] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 313.

[2] С. В. Юшков пишет: «К грамотам, которые могли бы быть привлечены в качестве законодательного материала, следует еще отнести так наз. Губную московскую запись. . . , относящуюся ко времени до 1486 г., но при ближайшем сопоставлении ее текста с Судебником устанавливается, что она, однако, не была использована кодификаторами» (С. В. Юшков. Судебник 1497 г., стр. 12, примеч. 1).

В «Актах Археографической экспедиции» Губная запись в дошедшей до нас редакции отнесена к середине 80-х годов XV в. (до 1486 г.) И. И. Смирнов принимает в качестве даты Губной записи 1480—1485 гг.[1] Ни с той, ни с другой датировкой согласиться нельзя. В основе Записи лежит текст московского Судебника, составленный еще в первой половине XV в., в малолетство Василия II, в правление его матери Софьи Витовтовны. Этот текст подвергнут переработке при Василии II, в конце его княжения. Из текста Губной записи с очевидностью вытекает, что в тот момент, когда она составлялась, Серпухов и Дмитров не входили в состав владений Московского княжества, а были самостоятельным уделом. Задача московского правительства состояла в том, чтобы в целях централизации подчинить ряд серпуховских, дмитровских, а также звенигородских волостей суду большого московского наместника. Сохранившаяся редакция Губной записи совпадает по времени с некоторыми документами московского великокняжеского архива: проектами договорной грамоты Андрея Васильевича углицкого с Иваном III 1472 г. и духовного завещания Юрия Васильевича того же года [2]. Несомненно, Губная запись использована этими документами в качестве источника.

Для понимания происхождения и смысла Губной записи необходимо присмотреться к содержанию того сборника (Ленинградской Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) [3], в составе которой до нас дошел изучаемый источник. В этом сборнике, наряду с Губной записью, скопированы следующие документы: 1) уставы Владимира, Ярослава, выписки из Номоканона, повесть о владимирской иконе и пр. (лл. 1—25 об.); 2) договорная грамота Василия Дмитриевича московского и его брата Юрия Дмитриевича галицкого, составленная по «благословению» митрополита Киприана (лл. 25 об.—26 об.) [4], 3) договор Василия Темного с Юрием Дмитриевичем 1428 г. (лл. 26 об.—29 об.) [5]; 4) договор Василия Темного с Юрием Дмитриевичем 1433 г. (лл. 29 об.—33 об.) [6]; 5) договорная грамота между Василием II и удельными князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным, — с одной стороны, и Василием Косым, — с другой, 1439 г. (лл. 33 об.—37) [7]; 6) договор Василия II с галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1434 г. (лл. 37—38 об. и 42—42 об.) [8]; 7) духовная Дмитрия Донского 1389 г. (лл. 42 об., 41—41 об., 40—40 об., 39—39 об., 46—46 об., 45—45 об., 44—44 об., 43) [9]; 8) духовная Василия Дмитриевича 1417 г. (вторая по времени; лл. 43—43 об., 63—65 об.) [10]; 9) договорная грамота рязанского князя Ивана Федоровича с великим литовским князем Витовтом 1430 г. (лл. 47—48) [11]; 10) противень договора Василия II и князей галицких Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного с Василием Косым 1439 г. (лл. 48—51 об.) [12]; 11) договорная грамота Василия Дмитриевича москов-

[1] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 313.

[2] ЦГАДА, Гос. древлехранилище, отд. 1, рубр. II, № 50 и отд. 1, рубр. I, № 23; — СГГД, ч. 1, стр. 228—230, № 95 и стр. 230—233, № 96. — На то, что Губная запись была использована при составлении проекта докончания Андрея Васильевича углицкого с Иваном III, указывает следующее место последнего докончания, прямо связанное с Губной записью: «А которые суды потягли из старины к Москве, те и нынечя потянут к городу к Москве».

[3] РОБИС, № Q-XVII-58.

[4] ААЭ, т. I, стр. 6, № 10.

[5] СГГД, ч. 1, стр. 86—90, № 43—44.

[6] Там же, стр. 99—104, № 49—50.

[7] ААЭ, т. I, стр. 20—23, № 29.

[8] СГГД, ч. 1, стр. 130—132, № 60.

[9] В рукописи листы перепутаны. СГГД, ч. 1, стр. 58—62, № 34.

[10] СГГД, ч. 1, стр. 80—82, № 41.

[11] ААЭ, т. I, стр. 17, № 25.

[12] Там же, стр. 20—23, № 29.

ского и удельных князей Владимира Андреевича серпуховского и Юрия Дмитриевича галицкого с тверским князем Михаилом Александровичем 1396 г. (лл. 51 об.—55) [1]; 12) договор Василия Темного с Дмитрием Шемякой 1436 г. (лл. 55—59 об.) [2]; 13) договорная грамота тверского великого князя Бориса Александровича и удельных тверских князей с Василием II, Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1439 г. (лл. 59 об.—61 об.) [3]; 14) ряд поучений (лл. 61 об.—62 об.); 15) изучаемая запись о душегубстве (лл. 62 об., 66—67 об.); 16) договорная грамота пронского князя Ивана Владимировича с великим литовским князем Витовтом 1430 г. (лл. 65—65 об., 47 об.) [4]; 17) ряд поучений (лл. 67 об.—84 об.).

Состав рассматриваемого сборника отличается специфическими чертами. Прежде всего ряд скопированных в сборнике документов не сохранился в числе подлинных материалов московского великокняжеского архива. Многие из документов не упоминаются также в дошедших до нас архивных описях XVI—XVII вв.; некоторые из них представляют собой неутвержденные проекты. Хронологически все докончальные грамоты относятся частично ко времени Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича, а главным образом, к княжению его сына Василия Васильевича, к феодальной войне второй четверти XV в. В сборнике подобраны докончальные грамоты, составленные от лица московских и галицких князей (Юрия Дмитриевича, Дмитрия Шемяки), в период их политического союза. Наконец, некоторые документы касаются московско-тверских и рязанско-литовских отношений.

Такой характер изучаемого сборника не случаен. То обстоятельство, что Губная запись сохранилась в тесном и непосредственном соседстве с материалами, относящимися к княжению Василия II, объясняется политической направленностью сборника. Губная запись изучаемой редакции появилась после победы Василия II в его феодальной войне с удельными князьями. Судебная централизация в связи с лишением удельных князей их судебных привилегий была одним из методов борьбы великокняжеской власти с феодальной раздробленностью. Подготавливая ликвидацию удельной системы, московское правительство любило мотивировать свои политические мероприятия ссылкой на «старину». Такая ссылка имеется и в Губной записи.

Каким временем можно датировать сборник Ленинградской публичной библиотеки, а, следовательно, и содержащуюся в нем Губную запись?

Палеографические данные рукописи ведут нас к середине XV в. На это время указывает водяной знак бумаги сборника — голова быка. Различные варианты этой филиграни датируются, согласно данным Н. П. Лихачева, временем около 1455 г.[5] На бумаге с такими же водяными знаками написан октоих, представляющий собой автограф известного дьяка Василия II Василия Мамырева [6]. Датировка по палеографическим данным подтверждается анализом содержания сборника. Наличие в нем духовной грамоты Василия I и отсутствие завещания Василия II говорят о создании сборника до 1462 г. Имеются основания предполагать, что рассматриваемый сборник с Губной московской записью составлен в связи с оформлением духовной Василия II в 1462 г. Сын Василия Юрий получил уделы князей Владимира Андреевича, Дмитрия Шемяки и Ивана Андреевича — Серпухов, Дмитров, Можайск. Надо

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 9—10, № 14.
[2] СГГД, ч. 1, стр. 118—130, № 56—59.
[3] ААЭ, т. I, стр. 25—26, № 33.
[4] Там же стр. 17—18, № 25—26.
[5] По Н. П. Лихачеву № 1012—1015.
[6] РОИМ, собр. Уварова, № 736/87 (Царского № 277).

было определить его отношение к великому князю по суду. Этим вопросом и занимается Губная запись — Судебник Василия II.

В основе Судебника Василия II лежит Судебник его матери Софьи Витовтовны. Губная запись говорит, что «по старине» суд в Москве над населением дворов и дворцовых сел великой княгини и удельных князей принадлежал большому наместнику. Великая княгиня Софья Витовтовна отменила такой порядок и установила обязательное присутствие на суде большого наместника — судьи со стороны обвиняемого, территориально подведомственного удельному князю: «По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие княгини и удельных князей, всих суживал наместник большей, судии за ними не бывало; а учинила то княгини великая Софья при Иоанне при Дмитриевиче, кто судья за ними ставится».

Итак, Губная запись подчеркивает, что Софья Витовтовна, очевидно, после смерти своего мужа, великого московского князя Василия Дмитриевича (1425 г.), и в малолетство своего сына, преемника Василия Дмитриевича на московском княжении Василия Васильевича, произвела реформу судоустройства. Это случилось, по словам Записи, «при Иоанне при Дмитриевиче». Издатели «Актов Археографической экспедиции» предполагают, что в этом месте текст испорчен и первоначально в источнике было: «при Василии при Дмитриевиче», т. е. имеется в виду великий московский князь Василий Дмитриевич, титул которого был случайно опущен [1]. Но эта поправка абсолютно не обоснована и не вызывается необходимостью. Непонятно, почему при жизни московского великого князя Василия I его жена выступает с самостоятельными реформами. Дело, несомненно, относится к тому времени, когда Софья Витовтовна была вдовой и в силу того, что новый московский князь Василий II остался после смерти отца мальчиком, проводила за него государственные мероприятия. Иван Дмитриевич (как указано М. Н. Тихомировым) — боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, присутствовавший при составлении духовной грамоты Василия I [2] и занимавший видное руководящее положение при его сыне. Ряд жалованных грамот, изданных от имени Василия I и Василия II в первые годы его княжения, подписан И. Д. Всеволожским [3].

В свете этих данных становится понятным, почему Губная запись дошла до нас в таком окружении документов, относящихся ко времени Василия I и началу княжения Василия II. Составитель Записи считал именно это время переломным в истории взаимоотношений Московского княжения с удельными по суду. Приведенный выше текст Губной записи требует внимательной интерпретации. Смысл его заключается в том, что Софья Витовтовна, под давлением Ивана Дмитриевича Всеволожского, в годы кризиса великокняжеской власти была вынуждена нарушить «старину», и это ее нововведение было осуществлено в интересах удельных князей. Иван Всеволожский, как известно, изменил Василию II, перешел на сторону его соперника Юрия галицкого и был схвачен и казнен по приказу Василия. Таким образом, составитель Губной записи в редакции, появившейся в княжение Ивана III, считал, что реформа Софьи Витовтовны вызвана происками И. Д. Всеволожского, отражавшего интересы возглавлявшейся галицкими князьями оппозиции. Составитель расценивал эту реформу как уступку феодальной раздробленности, вследствие того, что московская великокняжеская власть в то время не чувствовала себя крепкой.

---

[1] ААЭ, т. I, стр. 87, примеч.: М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права вып. 2, изд. 5, стр. 68—72.

[2] СГГД, ч. 1, стр. 82, № 41; стр. 85, № 42.

[3] Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., № 1, 5, 6; стр. 10—13, № 13—15; стр. 18, № 24.

Я не согласен с точкой зрения на Губную запись, которую выдвигает М. Н. Тихомиров. Правильно считая, что в основе Губной записи лежит судебник Софьи Витовтовны, М. Н. Тихомиров указывает, что со времени Василия Темного судебные дела стали решаться «большим наместником московским». «Такой порядок установился с начала княжения Василия Темного. Вдовствующая великая княгиня Софья Витовтовна сделала боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского московским наместником. . . Реформа Софьи Витовтовны сводилась к тому, что она подчинила наместничьему суду все городские дворы без изъятия, в том числе дворы городских удельных князей, чем нарушались права последних. Переход всех дворов под судебную власть большого наместника должен был вызвать недовольство удельных князей как шаг, направленный к умалению их феодальных прав. Следовательно, этот переход надо учитывать как один из поводов к феодальной войне середины XV в.» [1] Но ведь источник говорит несколько иное: действия И. Д. Всеволожского свелись не к ограничению прав удельных князей, а к их расширению за счет умаления прав большого наместника.

Поскольку определенные постановления в области суда в малолетство Василия II Губная запись рассматривала на фоне общих предпосылок феодальной войны, которая разразилась при этом князе, постольку составитель изучаемого сборника приводит текст Записи рядом с документами, относящимися к тому же времени.

В середине XV в. правительство Василия II переработало и комментировало Судебник Софьи Витовтовны первой половины XV в. Так появилась дошедшая до нас редакция Губной записи.

По указанию же московского правительства был составлен сборник копий с грамот времени феодальной войны второй четверти XV в., которыми могли бы быть подтверждены некоторые пункты Губной записи редакции середины XV в., направленные в сторону централизации московского суда. Особенно показательно, что в сборник вошли неутвержденные договорные тексты, отсутствующие в настоящее время в составе московского великокняжеского архива, но, повидимому, вращавшиеся в удельно-княжеской среде. Для московского правительства политически было очень важно подкрепить свои позиции *именно этими документами.*

Действительно, бросается в глаза, что в Губной записи редакции середины XV в. некоторые статьи мотивированы ссылками на междукняжеские докончания, касающиеся вопросов суда. Так, статьи 5—6 памятника (по делению М. Ф. Владимирского-Буданова) говорят о том, что пойманный в Москве *с поличным* житель другого города, волости или села, находящихся в великом или удельном княжениях, подлежит суду московского наместника (с двумя третниками), а не отсылается в его судебный округ, и судья, которому подведомственен виновный по месту жительства, не принимает участия в судопроизводстве московского наместника. В случае поимки виновного, проживающего в другом городе, волости или селе, «в пенном деле» [2], его преступление разбирается также в Москве, но ответчик получает срок для привода своего судьи, который присутствует в московском суде, соблюдая свои интересы. Губная запись, излагая подобный порядок, опирается на условия междукняжеских договорных актов.

[1] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947, стр. 81—82.

[2] Пеня — штраф. См. Новгородскую судную грамоту: «А кто кого утяжет в земле и судную грамоту возмет, ино ему ехать на свою землю по судной грамоте да и володеть ему тою землею, а в том пени нет» (ст. 12). Пенное дело, очевидно, — наказуемое уголовное деяние.

Ст. 5. «И что городов великого князя и волостей, и сел, и великие кнеини, и удельных князей городов и волостей и сел, кого поимают за поличным на Москве, судит его наместник московский с двема третники, и казнит, а отсилкы, ни судьи за ним нет».

Ст. 6. «Поимают опроче того в пенном деле в каком ни есть, срок ему дать судью за собою поставить, *занеже у докончаньи писано по крестному целованию*: в московские суды не вступатись никоторому князю».

Мне кажется, что эта краткая формула междукняжеских отношений — «в московские суды не вступатись», — на которую пытается опереться Губная запись, обосновывая порядок судопроизводства в Москве по иногородним делам, проливает свет на те цели, которые ставит перед собой изучаемый документ. Приведенные статьи представляют собой развернутый комментарий к лаконичным договорным параграфам, касающимся взаимоотношений московского великого князя с удельными по суду. При этом интерпретация договорных норм проводится в интересах Московского великого княжения, в направлении судебной централизации.

Сопоставляя Губную запись с теми документами, которые скопированы вместе с нею на страницах изучаемого нами сборника, мы находим в них ряд совпадений. Поэтому мы вправе заключить, что формула записи — «в московские суды не вступатись никоторому князю» — выросла на основе *именно этих специально подобранных с целью обоснования определенного тезиса документов*.

Так, в имеющейся в сборнике договорной грамоте Василия II и удельных князей Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного с Василием Косым 30-х годов XV в. содержится указание на «суды», которые «издавьна потягли к Москве» из Дмитровской вотчины Василия Косого. Согласно условиям договора, эта «давность» не должна быть нарушена: «тем [судам] и ныне потянуть по старине» [1]. Указанное положение подтверждается и Губной записью, которая в составе московского судебного округа, подведомственного большому наместнику, называет ряд дмитровских волостей (Вохну, Сельну, Гуслицы, Загорье, Рогож).

Другой пример из того же самого сборника. В договорной грамоте между великим московским князем Василием Дмитриевичем и удельными князьями Владимиром Андреевичем и Юрием Дмитриевичем, с одной стороны, и тверским князем Михаилом Александровичем с детьми, — с другой, имеется ряд пунктов, посвященных вопросам суда. В частности, мы находим в этом документе специальное постановление о том, что лица, совершившие преступления уголовного характера, подлежат суду в том месте, где они были задержаны: «А татя, и душегубца, и разбойника, и грабежника, где имуть, тут судят» [2]. Этот пункт находится в полном согласии с соответствующей статьей Губной записи, разбирающей вопрос об ответственности за преступление жителя Тверского княжества, пойманного с поличным в Москве и подлежащего там же суду и казни: «А поимают тферитина за поличным на Москве, и судят и казнят его на Москве, а отсылкы, ни судьи за ним нет». Аналогичное положение выражено и в общей форме относительно подсудности московскому наместнику по уголовным преступлениям, совершенным в Москве, населения городов, волостей и сел, принадлежащих удельным князьям.

Итак, в середине XV в., по заданию московского правительства Василия II, был переработан Судебник Софьи Витовтовны. При этом составитель новой редакции этого памятника (так называемой «Записи, что тянет душегубьством к Москве») постарался обосновать ряд его положений ссылками на «старину», в виде статей соответствующих

[1] ААЭ, т. I, стр. 20, № 29.
[2] Там же, стр. 10, № 14

междукняжеских договорных актов первой половины XV в. Возможно, что составителем Судебника середины XV в. был дьяк Василия II Василий Мамырев. Это доказывается: 1) палеографически — общностью бумаги, на которой написан автограф Василия Мамырева, и сборника Публичной библиотеки, включившей Губную запись, 2) исторически — тем, что многие жалованные грамоты второй половины XV в., относящиеся к судебному иммунитету, имеют подпись В. Мамырева.

Каково взаимоотношение между Губной записью в редакции середины XV в. и Судебником Ивана III? Ответить на этот вопрос трудно потому, что раздел Судебника 1497—1498 гг., касающийся суда удельных князей, до нас не дошел, и мы до сих пор догадывались о его существовании только по 100-й статье Судебника 1550 г. Но есть еще один прием для разрешения поставленного вопроса. Это — сличение Губной записи с духовной Ивана III. Список Судебника 1497—1498 гг. появился в 1504 г., в связи с подготовкой текста завещания Ивана III. Последний использовал в духовной Судебник 1497—1498 гг., причем как раз в разделе, относящемся к суду удельных князей. Соответствующие статьи были внесены из Судебника в текст княжеского завещания. Возможно, что при копировании оригинала Судебника 1497—1498 гг. эти статьи были выделены отдельно и поэтому они отсутствуют в сохранившемся до нашего времени списке Судебника, относящемся к 1504 г. Сопоставление духовной грамоты Ивана III с Губной записью позволяет предположительно восстановить указанный несохранившийся раздел Судебника 1497—1498 гг. о взаимоотношении великокняжеского и удельно-княжеского суда.

Те пункты духовной Ивана III, которые посвящены вопросу о подсудности городов, волостей и сел, переданных завещателем своим сыновьям, не называя прямо «Записи, что тянет душегубьством к Москве», имеют в виду этот памятник в качестве своего источника: «А которые есми городы и волости подавал детем своим Юрью з братьею в уделы, *а тянули душегубством к городу к Москве*, и те городы, и уезды, и волости тех городов *тянут душегубством к городу к Москве по старине*; а дети мои Юрьи з братьею в то не вступаются» [1].

В духовной грамоте Ивана III упомянуты три категории владений удельных князей. Это, во-первых, сельца у Москвы с городскими дворами, подсудные по делам о душегубстве и поличном большому наместнику великого князя Василия Ивановича. Это, во-вторых, села в моковских станах. Суд в них принадлежит удельным князьям, но дела о душегубстве и поличном «по старине» «тянут» к Москве, за исключением «того поличного, что будет в тех селех промеж их крестьян» [2]. В этом случае суд производят приказчики и докладывают великокняжескому наместнику. Наконец, как указано, города и волости, переданные в уделы, но «тянувшие душегубством» к Москве, продолжают «по старине» «тянуть» к Москве.

На какую «старину» ссылается духовная грамота? Ответить на этот вопрос дает возможность ее сравнение с Губной записью. В Записи, как мы видели, говорится, что «по старине» население московских дворов и дворцовых сел судил большой великокняжеский наместник, и при этом на его суде не полагалось присутствия иного удельно-княжеского судьи. Последний, согласно Губной записи, стал принимать участие в судопроизводстве московского наместника в результате нововведений великой княгини Софьи Витовтовны. Духовная грамота Ивана III и восстанавли-

---

[1] СГГД, ч. 1, стр. 397, № 144.
[2] Там же.

вает ту «старину» в отношении подсудности населения московских дворов и подмосковных сел, к которой апеллировала Губная запись, но которая ко времени этого документа считалась уже утраченной.

Духовная Ивана III	Губная запись
А что есми дал детем своим Юрью з братьею у города у Москвы селца з дворы з городцкими, учинится в тех селцех и в дворех в городных душегубство или поличное, и то судит наместник болшей сына своего Васильев.	. . . По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие кнеини и удельных князей, всих суживал наместник большей, судии за ними не бывало, а учинила то княини великая София при Иоане при Дмитреевиче, что судья за ними ставится.

Таким образом, Губная запись ставила перед собой практическую задачу подтвердить путем ссылки на «старину» судебные права великого князя в отношении удельно-княжеских владений в пределах московского судебного округа и доказать, что некоторые привилегии удельных князей являются результатом отступления от «старины», вызванного реформой Софьи Витовтовны. Духовная грамота Ивана III вернулась к этой «старине». Но можно думать, что еще раньше ее это сделал в 1497—1498 гг. великокняжеский Судебник, и в духовной грамоте Ивана III 1504 г. лишь воспроизведен текст Судебника.

Показательно также сопоставление между собой параллельных статей духовной Ивана III и Губной записи, касающихся удельно-княжеских сел, расположенных в московских селах.

Духовная Ивана III	Губная запись
А что есми дал детем своим Юрью з братьею села в станех в Московских, над теми селы суд и дань моих детей; а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селех промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московского болшего сына моего Васильева.	А что деревни в Московьском в станове удельных князей, и волостели их судят, а доложит своего князя, ажь будет на Москве; а не будет на Москве его князь, и ему доложить великого князя или болшаго наместника, а по иным городом их не водить к докладу.

Губная запись говорит о суде удельно-княжеских волостелей с докладом удельному князю, если он окажется в Москве, а в случае его отсутствия — с докладом московскому великому князю или его наместнику. Духовная грамота Ивана III 1504 г. предусматривает доклад одному великокняжескому наместнику, не упоминая ни слова об удельном князе. Несомненно, текст завещания Ивана III свидетельствует о сокращении удельно-княжеских привилегий. Но Судебник 1497—1498 гг. решал данный вопрос, повидимому, ближе к постановлению Губной записи, чем к духовной Ивана III. Об этом можно судить по тому, что соответствующий текст ст. 100 Судебника 1550 г., который мы выше возвели к Судебнику 1497—1498 гг., обнаруживает больше сходства с Губной записью, чем с цитированным местом духовной Ивана III 1504 г.

Некоторые постановления Записи о душегубстве находятся в полном противоречии с Судебником Ивана III. Губная запись разрешает московскому большому наместнику с двумя третниками и великокняжескому тиуну пользоваться «посулами» с тяжущихся: «А посулят болшему наместнику, а двема третником тожс, а тиуну великого князя что посулят. . .», и далее: «а у поля ему [наместнику] вяжщого треть, а пересуда треть же, да что посулят». Судебник 1497—1498 гг., напротив, ведет

решительную борьбу со взиманием «посулов», уделяя много внимания этому вопросу. В ст. 1 Судебника, говорящей в общей форме о суде бояр и окольничих, имеется по этому поводу специальное указание: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалованиа не имати, также и всякому судие посула от суда не имати никому». Аналогичное запрещение находим в ст. 33: «А неделщиком на суде на боярина и на околничих и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати». В ст. 34 содержится специальная оговорка о том, что не допускается освобождение за «посул» задержанного недельщиком вора: «. . . А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взяти». Ст. 38 борется с практикой «посулов» на суде наместников и волостелей: «Посула им от суда не имати, и их тиуном, и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити». Наконец, ст. 67, являющаяся в некоторых отношениях заключительной к тексту Судебника 1497—1498 гг., носит специальный заголовок: «О посулах и о послушестве». Она предписывает «прокликать» на торгу по всем городам Московской и Новгородской земель, чтобы «ищея и ответчик судиам и приставом посулу не сулили в суду».

Итак, Судебник 1497—1498 гг. старается изжить распространенную в его время практику пользования со стороны судей «посулами». Губная запись, напротив, считает «посулы» нормальным вознаграждением судьям. В этом отношении Запись, очевидно, воспроизводит нормы Судебника первой половины XV в., начала княжения Василия II.

Подводя итоги предшествующему анализу, мы приходим к следующим выводам относительно взаимоотношения между Губной записью и Судебником 1497—1498 гг. В середине XV в. был поднят вопрос о судебных правах удельных князей. В связи с этим, по распоряжению московского правительства был проредактирован текст Судебника Софьи Витовтовны, относящийся к первой половине XV в. Редактор памятника счел своей задачей выделить в нем «старину», предшествующую, как сам он указывал, реформам Софьи Витовтовны, и к которой московское правительство считало желательным вернуться. Эта «старина», по определению составителя Губной записи, выражалась в более значительных полномочиях большого великокняжеского наместника в московском суде по сравнению с судьями удельных князей. Судебник 1497—1498 гг. и духовная грамота Ивана III 1504 г. на основе текста Губной записи развивают далее те начала судебной централизации, которые заложила уже в середине XV в. Губная запись. Путем сличения этой записи, духовной Ивана III и ст. 100 Судебника Ивана IV «о суде с удельными князи» можно в какой-то мере составить себе представление о характере не сохранившегося до нас раздела Судебника 1497—1498 гг., касавшегося вопроса об удельно-княжеском суде. Частично этот раздел совпадал с текстом Губной записи, частично шел дальше нее, приближаясь к указаниям духовной Ивана III 1504 г.

После этих замечаний я возвращаюсь к делу Владимира Гусева, которому было уделено много внимания в предшествующем параграфе. Я указывал, что с моей точки зрения процесс Гусева являлся непосредственным продолжением дела князя Андрея углицкого начала 90-х годов XV в. и представлял собой рецидив феодальной войны первой половины XV в. Материал, приведенный в настоящем параграфе, подтверждает высказанную точку зрения. Гусев и его сообщники, очевидно, противопоставляли началам судебной централизации, выраженным в Судебнике 1497—1498 гг., те традиции времен феодальной раздробленности, которые восходят к Судебнику первой половины XV в., отредактированному и пере-

работанному в середине столетия в виде Губной записи. Становится понятной та связь между казнью Гусева с товарищами и изданием в 1497—1498 гг. Иваном III Судебника, которую устанавливают летописные своды.

§ 10. Состав Судебника 1497-1498 гг.

Состав Судебника изучен мало. В буржуазной и отчасти советской исторической литературе высказано несколько различных точек зрения по вопросу о взаимоотношении отдельных частей памятника.

Для выделения составных частей Судебника мне представляется очень важным обратить детальное внимание на те повторения отдельных статей, которые до сих пор отмечались в литературе только в общей форме. Мы прежде всего замечаем, что в том разделе Судебника, который посвящен, по выражению исследователей, «суду провинциальному» («указ наместником о суде городскым»)[1], имеется ряд статей, аналогичных по содержанию и по построению постановлениям первого раздела, трактующим вопросы «центрального суда» (бояр и окольничих). Отметим все эти параллели, взяв за исходную точку начальные статьи памятника и сопоставив их с текстом Судебника, касающимся организации суда наместников и волостелей[2].

Ст. 1. *Судити суд* бояром и околничим. *А на суде быти* у бояр и у околничих диаком. *А посулов* бояром и околничим и диаком *от суда* и от печалованиа *не имати*, також и всякому судие *посула от суда не имати никому*. А судом не мстити, ни дружити никому.	Ст. 38. А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, *имуть судити, а на суде у них быти* дворьскому, и старосте, и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити, *а посула им от суда не имати*, и их тиуном, и их людем *посула от суда не имати же*, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити.
(Ст. 2).	(Нет соответствия).
Ст. 3. *А имати* боярину и диаку *в суде, от рублеваго дела на виноватом*, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину на виноватом *два алтына, а диаку осмь денег; а будет дело выше рубля, или ниже, и боярину имати по тому росчету.*	Статьи 38—38а. *А имати* ему *с суда*, оже доищется ищея своего, и ему *имати на виноватом* противень по грамотам, то ему и с тиуном. А не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи *с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищеи по тому эю росчету.* А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте.
Ст. 4. О полевых пошлинах. *А досудятся до поля*, а у поля не стояв, *помиряться*, и боярину и диаку, по тому росчету, боярину с рубля два алтына, а диаку осмь денег; а околничему, и диаку, и неделщиком пошлин полевых нет.	Ст. 38а. *А досудятся до поля да помирятся*, и ему имати по грамоте.
(Нет соответствия)	Статьи 38б—38в. А побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень в полы исцева, то ему и с тиуном.

[1] Начиная со ст. 37.

[2] Текстуальные совпадения выделены курсивом.

Ст. 5. А у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж росчету пошлины свои; а околничему четверть и диаку четыре алтыны з денгою, а неделщику четверть, да неделщику ж вясчего два алтына.

(Нет соответствия)

Ст. 6. *А побиются на поли в заемном деле или в бою*, и боярину с диакомь *взяти на* убитом *противень противу исцева*, а околничему полтина, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны.

Ст. 38г. *А побиются на поли в заемном деле или в бою, и ему имати противень против исцева.*

Ст. 7. *А побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе, ино на убитом исцево доправити*, да околничему на убитом полтина да доспех, а диаку четверть, а неделщику полтина, да неделщику ж вясчего 4 алтыны. *А сам убитой в казни и в продажи боярину и диаку.*

Ст. 38д. *А побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.*

Ст. 8. О т а т б е. *А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити см ртною казнью, а исцево велети доправити изь его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе;* а противень и продажа боярину и диаку делити: боярину два алтына, а диаку осмь денег. *А не будет у которого лихого статка, чем исцево заплатити, и боярину лихого истцу вь его гыбели не выдати, а велети его казнити смертною казнию* тиуну великого князя московскому да дворскому.

Ст. 39. О т а т е х у к а з. *А доведут на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка; а что ся у статка останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого исцю вь его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.*

(Статьи 9—14)

(Нет соответствия)

Ст. 15. О п р а в о й г р а м о т е. *А от правые грамоты имати от печати с рубля* по девяти денег, *а диаку* от подписи с рубля по алтыну, *а подьячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.*

Ст. 40. О п р а в о й г р а м о т е. *А от правой грамоты имати* боярину или сыну боярьскому, за которым кормленья с судом с боярьским, *с рубля* по полутретья алтына *от печати*, то ему и с тиуном; *а дьяку которой грамоту правую напишеть, от писма с рубля имати по три денги.*

(Нет соответствия)

Ст. 40а. А тиун дасть грамоту правую, и он емлеть от печяти с рубля по полутретья алтына на государя своего и на себя, а дьяк его емлеть с рубля по три денги.

(Ст. 16).

(Нет соответствия).

Ст. 17. О х о л о п и е й о п р а в о й г р а м о т е. *А с холопа и с робы от правые грамоты и от отпустные боярину имати от печати с головы* по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, *а подьячему, которой грамоту правую напишет или отпустную, с головы по три денги.*

Статьи 40б—40в. *А с холопа и с робы от правые грамоты от отпустные имати боярину* или сыну боярьскому, за которым кормленье с судом з боярским, *от печяти з головы* по полутретья алтына, *а дьяку его от писма з головы по три денги.*

(Нет соответствия).

Ст. 41. А тиуну его на корьмление холопу правые грамоты, без доклада государя, и отпустныя грамоты не дати.

Ст. 18. О отпустной грамоте. *А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачей подписи, или з городов без наместнича докладу, за которым бояриным кормление с судом боярским, ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную.*

Ст. 42. О отпустной грамоте. *А положит кто отпустною грамоту без боярьского докладу и без дьячей подписи, или з городов без наместничя докладу, за которым кормление за сыном бояръским с судом с бояръским, и та отпустная грамота не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишеть, и та отпустнаа грамота в отпустную.*

(Ст. 19).

(Нет соответствия).

Ст. 20. О наместниче указе. *А наместником и волостелем, которые держат кормлениа без боярьского суда*, холопа и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати; также и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу, *и отпустные холопу и робе не дати.*

Ст. 43. *А наместником и волостелем, которые держать кормление без боярьского суда*, и тиуном великого князя и боярьским тиуном, за которыми кормлениа с судом з боярьским, *холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати;* а татя и душегубца не пустити, и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити.

(Статьи 21—28).

(Нет соответствия).

Ст. 29. *А хоженого* на Москве площеднаа *неделщику* десеть денег, а *на правду вдвое;* и от поруки поминков не имати им. *А езд неделщик емлет* до которого города, *а на правду им имати вдвое езд.*

Ст. 44. О приставех. *А приставом наместничим* по городом *имати хоженое и езд* по грамоте; а где нет грамоты, и ему *хоженое имати в городе* по 4 денги, *а езд* на версту по дензе, *а на правду в городе и в волости вдвое.*

Итак, бросается в глаза последовательный параллелизм статей в первой и второй частях Судебника, посвященных центральному (боярскому) и провинциальному (наместничьему) суду. В отношении некоторых постановлений можно установить полное тождество (например, статьи 18 и 42). В других случаях текст первой части содержит, по сравнению со второй, некоторые дополнительные разъяснения (статьи 8 и 39, 7 и конец 38 и т. д.). Какие выводы можно сделать в результате этого сравнительного анализа? Прежде всего возникает вопрос — как расценивать оба изучаемых раздела: как два *разновременных источника* Судебника или как два *систематических отдела* единого памятника, возникших в одно время? Повидимому, более правильным является первое предположение.

Следующие наблюдения мешают рассматривать повторяющиеся статьи как результат единого плана, которому подчинено построение Судебника в его обоих разделах. Прежде всего, если думать, что согласно заранее принятой при подготовке Судебника системе и первая, и вторая его части должны были заключать аналогичные постановления, только одна *по линии боярского* центрального, а другая *по линии наместничьего суда*, то совершенно непонятно соответствие двух абсолютно тождественных статей, посвященных «отпустной грамоте» (статьи 18 и 42). В самом деле, в каждой из них предусматривается случай, когда отпускная грамота не признается за документ, имеющий юридическую силу. В отношении отпускных, составленных в центре, считается необходимым «боярский доклад» и наличие «дьячей подписи»; для отпускных, предъявленных из городов — «наместнич доклад, за которым бояриным кормление с судом боярским». Если отпускная не удовлетворяет указанным условиям, то она считается «не в отпускную». Каждая из этих, дословно сходных, статей затрагивает одновременно вопросы и центрального боярского, и наместничьего суда, и в этом смысле их конструкция противоречит принятой, как правило, раздельной трактовке тем в плане центрального

судоустройства и судопроизводства, с одной стороны, местного, — с другой. Очевидно, дублирование не является в данном случае результатом систематизации, а носит, до известной степени, механический характер. При сводке двух разновременных источников статья, имевшаяся в одном из них, повторена без изменений, будучи вставлена и в другой.

С другой стороны, в статьях, носящих общий заголовок «О полевых пошлинах» [1], первый раздел Судебника различает несколько возможных случаев взыскания пошлин, связанных с судебным поединком: 1) истцы «досудятся до поля, а у поля не стояв, помирятся»; 2) «у поля стояв, помирятся»: 3) «побиются на поли в заемном деле или в бою»; 4) «побиются на поли в пожеге, или в душегубстве, или в разбои, или в татбе» [2]. При разработке того же вопроса во втором разделе, применительно к наместничьему суду, намечаются иные варианты денежных взысканий, не находящие полного соответствия в первой части памятника. Не делается разницы между примирением до и во время поединка. Поэтому, вместо детальных выражений: «досудятся до поля, а у поля не стояв. . .», «у поля стояв. . .» помирятся, — дается общая норма: «а досудятся до поля, да помирятся». Кроме того, наряду с указанием разновидностей дел, послуживших причиной поединка (с одной стороны, — заем или нанесение побоев; с другой, — поджог, убийство, разбой, воровство), отдел Судебника, относящийся к наместничьему суду, говорит о поединке и в общей форме, безотносительно к вызвавшим его казусам. Поэтому в этом разделе имеется статья, отсутствующая в первой части: «а побиются на поли..., а помирятся». В общем, применительно к наместничьему суду, памятник называет следующие случаи: 1) истцы «досудятся до поля, да помирятся»; 2) «побиются на поли. . ., а помирятся»; 3) «побиются на поле в заемном деле или в бою»; 4) «побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татбе». Таким образом, в двух разделах памятника нет полного единства в разработке одного и того же вопроса, и это указывает на их разновременное происхождение.

Мне представляется наиболее правильным предположение, что раздел о наместничьем суде возник ранее, чем раздел о суде центральном, и что первый был использован в качестве источника последнего. Постановления, взятые из этого более раннего источника, были слегка перерабо-

---

[1] Полевые пошлины — пошлины, взимаемые с признанного виновным в результате судебного поединка. См. указную грамоту вел. кн. рязанского Ивана Ивановича боярам Ф. И. Сунбулу и др.: «Писали есте ко мне грамоту, а в грамоте пишет, что де искал перед вами Куземка Ивашков сын Лихочева на Никитке на Семенове сыне на Горбцеве бою и лаи. . . , и вы де им присудили. . . кресное целованье и поле. . . и Куземка де Ивашков сын Лихочева на срок. . . у кресного целованья и своим испольником стал, а. . . на другой день и на третей, а Никита Горбцов своим полщиком и на третей день не стал. И мне бы велети на Никитке Горбцове Куземкина безчестья и пошлины полевыя правити. И вы бы на Никитке Горбцове Куземкина безчестья и пошлин полевых и приставного не велели править до зимы, доколе, даст бог, сами у мене будете и яз с вами обговорю, как будет пригожа. . .» (Акты А. Юшкова, стр. 41, № 46).

[2] Герберштейн так описывает судебную тяжбу, заканчивающуюся поединком или полем: «. . . Представленный на суд виновный по большей части отрицает возводимое на него обвинение. Если истец приводит свидетелей, то спрашивают обе стороны, желают ли они положиться на их слова. На это обыкновенно отвечают: „Пусть свидетели будут выслушаны по справедливости и обычаю". Если они свидетельствуют против обвиняемого, то обвиняемый немедленно вступается и возражает против свидетельств и лиц, говоря: „Требую назначить мне присягу, вручаю себя правосудию божию и требую поля и поединка". И таким образом, им, по отечественному обычаю, назначается поединок». (С. Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 84). Описание Герберштейна, в основном, соответствует порядку, который рисуют нам правые грамоты. Только надо подчеркнуть, что назначение поля часто имело лишь показательное, формальное значение.

таны, варьированы и дополнены в соответствии с задачами центрального боярского суда, но сам источник остался, в основном, нетронутым при включении его в состав Судебника 1497—1498 гг. Этим и объясняется несоответствие в ряде деталей при совпадении как общей структуры, так и основных статей двух изучаемых текстов. С другой стороны, при соединении этих текстов, статьи раннего источника (о наместничьем суде) были перенесены (с известными вариантами) во второй (более поздний по времени, но начальный по месту, занимаемому в составе Судебника) памятник, выросший на основе первого.

Я не представляю себе возможности обратного взаимоотношения текстов, т. е. не допускаю, чтобы памятник, посвященный московскому боярскому суду, предшествовал по времени и служил источником раздела о суде наместничьем. Если стать на эту точку зрения, то осталось бы совершенно необъяснимым наличие среди постановлений о боярском суде ст. 20 («о наместниче указе»), несомненно, попавшей туда из другого памятника, посвященного провинциальному судопроизводству.

Невозможно допустить и совершенно независимое и раздельное появление двух рассмотренных выше частей Судебника, которые мы признали самостоятельными памятниками. Слишком бросается в глаза и ряд текстуальных совпадений и общий принцип конструкции.

Внимательно присматриваясь к тексту Судебника, мы видим, как некоторые постановления о наместничьем суде перерабатываются в статьи о суде московском боярском. Иногда это достигается почти без ломки текста, путем простой вставки в него некоторых дополнений и уточнений. В этом отношении достаточно сравнить между собой статьи 6—7, с одной стороны, и соответствующие разделы ст. 38, — с другой. Ст. 38, например, говорит, что в случае судебного поединка по делам о пожоге, душегубстве, разбое или татьбе, наместник с тиуном могут доправить на «убитом» [1] истцово, а сам «убитый» поступает в «казни и продаже» к наместнику же с тиуном. Буквально ту же формулировку сохраняет и ст. 7, заменяя только, естественным образом, наместника и тиуна на боярина и дьяка. Но в этой же статье мы находим дополнительные данные о пошлинах, следуемых окольничему, дьяку, недельщику.

В других случаях формулировки параллельных статей, восходящих к двум предполагаемым разновременным памятникам, отличаются весьма существенными деталями.

Сравним между собою ст. 38 и ст. 1. Первая говорит о том, что бояре и дети боярские, находящиеся на кормлении с судом боярским, должны судить в присутствии дворского, старосты и лучших людей. Ст. 1, рассматривая вопрос о судопроизводстве московских бояр и окольничих и воспроизводя построение ст. 38, требует присутствия у них на суде дьяков. При сходстве конструкции обеих статей, их содержание не одинаково. Роль дворского, старост и лучших людей в наместничьем суде, с одной стороны, и дьяков в суде боярском, — с другой, совершенно

---

[1] Убитый — побитый, избитый. Судебник называет побежденного на «поле» убитым, но из контекста ясно, что он убит не «до смерти». По этому поводу Б. И. Сыромятников замечает: «Первоначально поле всегда кончалось (как и родовая месть) смертью, по крайней мере, одной стороны, и спор таким путем находил свое естественное завершение, позднее же, однако, достаточно было простого преодоления противника («изнеможет»), который тем самым признавался проигравшим процесс» (Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр. 54). Это высказывание Сыромятникова вызывает возражения. Убитый — побитый, избитый. Убитый в современном понимании на древнерусском языке — убитый до смерти. См. правую грамоту середины XVI в. митрополичьему монастырю: люди помещика Чудина Акинфова, «ухватив» митрополичьего крестьянина Добрынку Андреева, начали его «бить и собаками травить, и без вести его, убив до смерти, не ведомо где дели» (АЮ, № 17).

различна. В первом случае перед нами представители местной городской администрации[1] или волостной организации, во втором — приказные органы. Таким образом, воспользовавшись построением ст. 38, посвященной провинциальному суду, для изображения структуры суда центрального, ст. 1 видоизменила смысл своего источника.

В заимствованную из ст. 38 формулу, запрещающую судьям пользоваться посулами, ст. 1 внесла добавление, упомянув, наряду с «посулами от суда», также «посулы от печалованиа». Указав на недопустимость посулов в практике боярского суда, ст. 1 ниже снова вернулась к этому вопросу применительно не только к боярам и окольничим, но и ко «всякому судие». Это обобщение могло появиться в *окончательной редакции* Судебника, где изучаемая статья, трактующая об организации центрального суда, заняла первое место, открывая собою длинный ряд постановлений, из которых значительная часть посвящена также суду провинциальному (наместников и волостелей).

Наконец, в ст. 1 появилась новая декларативная формула о беспристрастном суде, которой не было в ст. 38. Ее появление также можно относить на долю окончательной редакции. Возможно подозревать здесь влияние Псковской судной грамоты, в которой встречается сходное с Судебником постановление.

Судебник	Псковская судная грамота.
Ст. 1. . . . А судом не мстити, ни дружити никому.	Ст. 3. . . . А судом не мстится ни на кого ж, а судом не отчитись, а праваго не погубити, а виноватаго не жаловати. . .

Точно так же ст. 3, построенная, в основном, на материале соответствующего раздела ст. 38, несколько видоизменила ее текст.

В ст. 38 речь шла о размерах судебных пошлин. В случае выигрыша дела истцом наместник с тиуном должны были взыскать на виноватом «противень[2] по уставным грамотам»; при отсутствии же уставной грамоты, пошлины определялись «противу исцева»[3]. Если истец проигрывал

[1] Дворские были в отдельных городах. В грамоте митрополита Геронтия владимирским бортникам 1478 г. читаем: «. . .Дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова, ни кормов своих на них не емлют» (АЮБ, т. II, стр. 545—547, № 173/II). Дворские ведали раскладкой податей. См. жалованную грамоту Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1425 г.: монастырские люди «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становищику не тянут ничем» (Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 10—11, № 13). В договорной грамоте Василия Ярославича боровского с Василием II второй четверти XV в.: «А которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди к сотцкому при твоем отце при великом князи, а тех вам и мне не приимати» (СГГД, ч. 1, стр. 92, № 45). В духовной грамоте князя Владимира Андреевича серпуховского начала XV в. дворский — представитель княжеской администрации, возглавлявший управление дворцовым персоналом княжеских слуг: «А боярам и слугам кто будет не под дворьским, волным воля, а судом и данью потянути по уделом, где кто живет. А кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежу себе не принимают, ни от сотников» (СГГД, ч. 1, стр. 77—78, № 40).

[2] Противень — в данном случае пошлина. В этом значении термин «противень» фигурирует в «Сказании о Магмет-салтане» И. С. Пересветова: «А суд им дал полатной на всякой град без противня» (В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов — публицист XVI века, стр. 73). См. в жалованной грамоте кн. Марии Ярославны Троице-Сергиеву монастырю 1450 г.: «. . .Не надобе с них ни противень, ни площькы, ни тамга, ни домытницы, ни иные им никоторые пошлины не надобе. . .» (АИ, т. I, стр. 97—98, № 49). В грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1453 г.: «А которой соли противень есть, а сей соли монастырьской противня нет» (ААЭ, т. I, стр. 38—39, № 52).

[3] Исцево, истцово — иск, предъявляемый истцом ответчику, цена иска. См. в жалованных грамотах: «А истцово на виноватом доправят» (жалованная грамота кн.

тяжбу и признавался виновным, то он уплачивал судебные пошлины в количестве двух алтын с рубля в пользу наместника и восьми денег с рубля в пользу тиуна.

Ст. 3, на основании данных ст. 38, нормирует пошлины, взыскивавшиеся с дел, разбиравшихся в боярском суде. Только указанная статья не делает различия между тяжбами, выигранными или же, напротив, проигранными истцом. Независимо от исхода дела, боярин получает с виновного два алтына, а дьяк — восемь денег, т. е. цифры судебных доходов совпадают с теми, которые установила ст. 38 для наместника и тиуна.

Очень интересные выводы вытекают из сопоставления статей 20 и 43. Несомненно, перед нами дублеты, в значительной своей части совпадающие текстуально. Речь идет в обоих случаях о наместниках и волостелях, «держащих кормления без боярского суда». Они не должны выдавать без доклада холопа и рабу и давать им отпускные. Ст. 20 запрещает также выдачу без доклада грамоты беглой и правой на холопа и рабу. В ст. 43 это постановление отсутствует, но о правой грамоте, выдаваемой «тиуном на кормленье», говорит специально ст. 41, требуя обязательно доклада государю. С другой стороны, ст. 43 дает более распространенный текст по сравнению со ст. 20, называя (наряду с наместниками и волостелями без боярского суда) также тиунов великого князя и тиунов боярских с судом боярским. Удалив из этих статей представляющие расхождения места, мы получим возможность выделить дословно сходный текст. Думаю, что произведенный анализ подтверждает тот вывод, к которому мы пришли выше. В двух разделах Судебника перед нами иногда механическая сводка двух источников, вызвавшая текстуальные (с некоторыми вариантами) повторения. Если бы мы могли предполагать в обеих частях памятника единое по замыслу построение, реализованное в разных направлениях (судопроизводство центральное и местное), то было бы совершенно непонятно и нелогично появление ст. 20 (с заголовком: «О наместниче указе») среди постановлений о московском боярском суде. Ст. 20 построена на основе ст. 43, текст которой ею частично сокращен.

Из всего изложенного очевидно, насколько искусственно постатейное деление Судебника, предложенное М. Ф. Владимирским-Будановым. Он соединил в одну (38-ю) статью ряд параграфов, касающихся наместничьего суда, и в то же время выделил в отдельные статьи совершенно аналогичные постановления по линии суда центрального боярского.

Итак, анализ текста Судебника показывает, что начальные статьи 1, 3—8, 15, 17, 18, 20, 29 представляют собой один самостоятельный памятник, посвященный московскому боярскому суду и составленный на основе другого, более раннего источника, озаглавленного как «указ наместником о суде городскым» (статьи 37—44). Некоторые постановления были заимствованы из этого «указа», почти без всяких изменений (статьи 18, 20).

К памятнику, занимавшемуся вопросами центрального боярского суда, я возвожу также ст. 2 Судебника, которая в рукописи представляет единое целое со ст. 4 и искусственно выделена Владимирским-Будановым. К тому же источнику, очевидно, восходят статьи 16, 19, тесно связанные

Ивана Андреевича Троице-Сергиеву монастырю — Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XV вв., стр. 71—72, № 94). О взимании пошлин с дела пропорционально цене иска говорит ряд памятников права XIV—XV вв. См. в Двинской грамоте: «А кого утяжут в рубле, и наместником вины полтина, а того боле или меньши, ино по тому ж» (ААЭ, т. I, № 13). Размеры пошлин по Судебнику значительно понижены по сравнению с Двинской уставной грамотой. В Новгородской судной грамоте: «А посаднику, и тысесскому, и их судьям имати от судного рубля по семи денег. . .» (ААЭ, т. I, № 115).

с окружающим текстом восстанавливаемого памятника, и, может быть, статьи 26—28. В последних статьях речь идет о пошлинах, взыскиваемых с различных судебных документов («срочных», «безсудных», «приставных»). Это — естественное развитие темы, поднятой еще в ст. 15. Рассмотрение разновидностей судебных документов последовательно развертывается на протяжении статей 15—18, 26—28: ст. 15 — О правой грамоте, ст. 16 — О докладном списке, ст. 17 —О холопией о правой грамоте, ст. 18 — О отпустной грамоте, ст. 26 — О срочных, ст. 27 — О безсудных, ст. 28 — О приставных.

К тому источнику Судебника, который касался вопросов наместничьего суда, я отношу, кроме названных выше статей 37—44, также статьи 45 и 65.

Ст. 65 вызывает на первый взгляд некоторое недоумение. Она предусматривает наличие двух наместников в городе или двух волостелей в волости. Им предписывается взыскивать пошлины с судебных дел в том же количестве, которое приходится на одного наместника, и делить эту ординарную сумму пополам: «Имати пошлины по сему списку обема за одного наместника». . . «и они себе делят по половинам». Это же постановление относится и к тиунам. В случае двойного тиунства пошлина также поступает в ординарном размере и доля каждого тиуна, таким образом, снижается до половины общепринятой. В тексте ст. 65 обращает на себя внимание выражение: «по сему списку». По какому это «сему списку» могут наместники и тиуны собирать свои пошлины? Слова «по сему списку», очевидно, предполагают, что ст. 65 заключает текст какого-то источника, посвященного нормировке пошлин с различных дел, подведомственных наместничьему и волостелину суду. Но об этом суде ни слова не говорится в непосредственно предшествующих постановлениях Судебника. Тот список, который упоминает ст. 65, очевидно, следует искать в статьях 37—44, представляющих собой как раз «указ наместником о суде городскым» и трактующих о судебных доходах наместников, волостелей, тиунов. Весьма вероятно, что первоначально ст. 65 действительно органически входила в этот «указ», представлявший собой самостоятельный памятник. Когда последний был соединен с рядом других источников, ст. 65 в редакционных целях была перенесена в другое место и в окончательно оформленном тексте Судебника оказалась в его конце.

Правильность моего предположения подтверждается сравнительным анализом текста двух Судебников: Ивана III и Ивана Грозного. Ст. 65 первого памятника соответствует ст. 74 второго. А непосредственно перед этим текстом Судебник Ивана Грозного использовал в качестве своего источника статьи 38, 39, 40, 41 Судебника Ивана III, т. е. постановления, взятые из «указа наместником о суде городскым». Очевидно, это сделано именно потому, что ст. 65 является составной частью названного «указа».

К тому же источнику, посвященному наместничьему суду, могли относиться статьи 64 и 67. Особенно интересны те наблюдения, которые можно сделать в отношении последней статьи. Она указывает на раннее возникновение раздела Судебника, озаглавленного как «указ наместником о суде городскым». Ст. 67, которую я связываю с указанным разделом, предписывает «прокликать» по торгам в Москве и во всех городах Московской и Новгородской земель и «заповедать» по всем волостям, чтобы истец и ответчик «не сулили» приставам на суде посулов, а послухи говорили правду и не давали ложных свидетельских показаний. В этой статье обращает внимание то обстоятельство, что упомянуты только города Московской и Новгородской земель и ни слова не сказано о Твер-

ской земле. Невольно возникает предположение, что статья относится еще ко времени до присоединения Твери. Характерно, что в Судебнике 1550 г. указанная статья подверглась соответственной переделке, и наряду с Московской и Новгородской землями там упомянута также и Тверская земля.

На основании пропуска Тверской земли в ст. 67 Судебника можно говорить о возникновении рассматриваемой статьи до падения самостоятельности Твери. Действительно, после присоединения последней московское правительство всегда в официальных документах упоминает Тверскую «вотчину». Достаточно, в качестве примера, сослаться на договорные грамоты Ивана III с его братьями, удельными князьями Борисом Васильевичем волоцким и Андреем Васильевичем углицким от 20 августа и 30 ноября 1486 г. В них прежде всего перечисляются все новые московские приобретения, которые должны «блюсти, и не обидети, ни вступатися, ни подъыскивати никакими делы, никоторою хитростью» Борис и Андрей. Наряду с Новгородом и Псковом в качестве великокняжеской «вотчины» названы Тверь и Кашин, «все Тферские и Кашинские места» [1]. Далее договорные грамоты очень много внимания уделяют взаимоотношениям между Тверью и Волоцким и Углицким уделами по вопросам «вобчего суда».«А обидному всему нашей отчине Тферской земле с твоею отчиною суд обчей на обе стороны от того времени, как мы великие князи взяли Тферскую землю, а судити суд вобчей людем старейшим, целовав крест. А холопу, робе, даному, положеному, заемному, поручному нашей вотчине Тферской земле с твоею отчиною суд от века» [2].

Итак, если правильно предположение о том, что ст. 67 первоначально входила в состав самостоятельного памятника, в котором разбирались вопросы наместничьего суда, то этот памятник надо датировать временем до 1485 г.

Продолжаем наши наблюдения над составом Судебника. В тексте памятника, выделенного нами в начале Судебника и посвященного вопросам боярского суда, мы находим явную вставку, представляющую собой, как я постараюсь сейчас показать, опять-таки совершенно отдельный источник (статьи 10—14) [3]. В пользу вставочного характера перечисленных статей можно привести ряд аргументов. Во-первых, они нарушают общее построение текста, относящегося к центральному боярскому суду и соответствующего архитектонике «указа наместником о суде городскым». Действительно, ст. 8 (раздел московского боярского суда) имеет

---

[1] СГГД, ч. 1, стр. 309 и 319, № 123 и 125; С. Н. Соловьев. История России, кн. II, стр. 1564.

[2] Там же, стр. 308, № 123.

[3] В литературе указывают на сходство ст. 14 Судебника со ст. 60 Псковской судной грамоты:

Судебник, ст. 14	Псковская судная громота, ст. 60
Отатиных речех. А на кого тать возмолвит, ино того опытати: будет прочной человек з доводом, ино его пытати в татбе, а не будет прирока з доводом в какове деле на него в прежнем, ино татиным речем не верити, дати его на поруку до обыску.	А татю веры не нять; а на кого возклеплет, ино дом его обыскать, и знайдуть в дому его что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен.

Не отрицая некоторого внешнего сходства между приведенными статьями, следует отметить, что смысл их разный; в одном случае речь идет о пытке человека, оговоренного «татем», в другом — об обыске его дома.

параллель в ст. 39 (раздел наместничьего суда); ст. 15 соответствует ст. 40. Статьи 10—14 [1] в дошедшей до нас редакции Судебника не находят параллели в разделе наместничьего суда. Сравнительный анализ заставляет думать, что первоначально ст. 15 также следовала за ст. 8, как в настоящее время ст. 40 следует за ст. 39. Это соответствие нарушено посторонней вставкой статей 9 [2] и 10—14, разбившей текст.

О том, что статьи 10—14 не связаны органически со ст. 8, а присоединены к ней позднее, свидетельствуют также наблюдения над заголовками в этой части Судебника. Статье 8 предшествует выписанный киноварью заголовок: «О татбе». Он же повторяется (в несколько ином варианте: «О татех указ») и перед ст. 10. Совершенно одинаковые заголовки («О правой грамоте») находим перед статьями 15 и 40.

Наконец, обращает внимание и различие между ст. 8, с одной стороны, и статьями 10—14, — с другой, по содержанию и тематике. Очевидно, их объединение в дошедшей до нас редакции Судебника вызвано единственно тем, что в обоих случаях речь идет о татьбе. Ст. 8 («О татбе») органически развивает мысль статей 4—7 («О полевых пошлинах»). В ст. 7 говорится о судебных поединках по делам о пожоге, душегубстве, разбое, татьбе, в результате которых окольничий, дьяк, недельщик взыскивают на «убитом» определенные пошлины, а сам «убитый» поступает в «казни [3] и продаже» [4] боярину и дьяку. Ст. 8 продолжает ту же тему, касаясь довода (расследования) по перечисленным выше делам (татьба, разбой, душегубство, ябедничество или «иное какое лихое дело»). Если преступник будет «ведомой лихой», то он подлежит смертной казни, а боярин и дьяк «делят продажу». Словом, конструкция статей 7 и 8 совершенно одинакова.

Статьи 10—14 резко отличаются от них своим содержанием и построением. Прежде всего, в противоположность всем постановлениям раздела о московском боярском суде, в этих статьях речь идет не о боярине, окольничем, дьяке, а в общей форме о судье. Кроме того, здесь говорится не столько о вознаграждении судьи из имущества виновного, сколько о различных видах татьбы, представляющих собой с точки зрения фео-

---

[1] О происхождении ст. 9 и ее месте в тексте Судебника будет специально сказано ниже.

[2] О ст. 9 будет сказано особо.

[3] Слово «казнь» без обозначения «смертная» употребляется в общем смысле «наказания». В жалованной грамоте Василия I митрополичьей кафедре 1425 г. читаем: «А татя и розбойника оба судьи содного казнят, а которой судья не имет казнити, тому быти от меня самому казнену» (ААЭ, т. I, № 23). В жалованной грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю: «А кто ся сее моей грамоты ослушает, и ему быти от меня в казни» (Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 43—44, № 57). В договорной грамоте рязанских князей 1496 г.: «А тобе, великому князю, в душегубстве, и в разбои, и в татбе с поличным, и в протаможьи, и в какове деле ни буди моих людей судити и казнити воля во всем» (СГГД, ч. 1, № 128).

[4] Продажа — термин, встречающийся еще в Русской Правде и означающий штраф за преступление уголовного характера. В этом же смысле слово «продажа» упоминается в Псковской судной грамоте. См. ст. 1: «Се суд княжей. Ож клеть покрадут за зомком, или сани под полстью, или воз под титягою, или лодью под полубы, или вь яме, или скота украдают, или сено сверху стога имать, то все суд княжой, а продажи 9 денег; а разбой, наход, грабеж 9 гривен, а княжая продажа 19 денег да 4 денги князю и посаднику». Ст. 37: «А которому человеку поле будет с суда. . . , а толко прощение возмут, ино приставом по 3 денги, а князю продажи нет, ож истец чего не возможет». Ст. 52: «А на татии и на разбойники же, чего истец не возмет, и князю продажа не взяти». Ст. 80: «А кто с ким побьется во Пскове, или на пригороде, или на волости на пиру, или где инде, а толко приставом не позовутся, а промеж себе прощенье возмут, ино ту князю продажи нет». Ст. 8 Судебника отличает «продажу», как штраф за уголовное преступление, от «противня», как пошлины с судопроизводства.

дального права более или менее тяжкие преступления, о системе доказательств, поличном и т. д. Таким образом, по своему содержанию перед нами краткий кодекс уголовно-процессуального характера. В этом кодексе детально разъясняются некоторые общие и глухо выраженные положения ст. 8. Действительно, последняя имеет в виду факт довода в татьбе, когда окажется, что обвиняемый — «ведомой лихой». Статьи 10—14 различают случаи первого привода «с какою татьбою ни буди», привода вторичного, оговора со стороны пяти-шести «добрых людей», привода с поличным и одновременно оговора в прежней татьбе, наконец, оговора самим татем других лиц.

Судебник 1550 г. обратил внимание на сводный характер статей «о татбе» и «о татех», восходящих к двум разным источникам, и постарался привести их в систему, согласовав между собой [1].

Ст. 9 Судебника представляет собой вставку редактора, соединившего два источника (один — посвященный боярскому суду, другой — процессу по делам о татьбе) и дополнившего их материалом Псковской судной грамоты. Ст. 9 Судебника отсутствовала в первоначальном тексте раздела Судебника, посвященного центральному боярскому суду. Действительно, сравнивая между собой статьи 8 и 9, мы легко можем убедиться, что в них нет единства, очевидно, вследствие разновременного происхождения. Ст. 8 предписывает «казнить ведомого лихого» человека, уличенного в душегубстве, ябедничестве, «или ином каком лихом деле» [2]. Ст. 9 Судебника возвращается к той же самой теме и конструктивно представляет собой соединение некоторых положений, взятых из ст. 7 Псковской судной грамоты [3] с повторным материалом ст. 8 Судебника. Псковская судная грамота указывает, что преступникам определенных категорий следует «живота не дати». Судебник к словам «живота не дати» прибавляет: «казнити его смертною казнью». Чем вызвана такая тавтология? Тем, что ст. 9 Судебника служит комментарием к ст. 8, использующим ее текст, с привлечением дополнительных данных Псковской судной грамоты. Ст. 8 Судебника пользуется выражением: «казнити его смертною казнью». Ст. 7 Псковской судной грамоты выражается иначе: «живота не дати». Ст. 9 Судебника употребляет обе фразы сразу, не задумываясь о том, что они совпадают по своему значению.

Ст. 9 Судебника называет тех преступников, которые подлежат смертной казни. Перечень преступлений заимствован из ст. 7 Псковской судной грамоты и несколько переработан. Но после этого детального перечня Судебник объединяет преступников названных выше категорий общим термином «ведомый лихой человек», отсутствующим в Псковской судной грамоте. Такая редакционная вставка объясняется, очевидно,

---

[1] См. статьи 12, 52—61 Судебника 1550 г.

[2] Лихое дело — уголовное преступление, от слова «лихо» — зло, злой умысел. См. в духовной грамоте вел. кн. Симеона Ивановича 1353 г.: «А лихих бы есте людей не слушали и хто имет вас сваживати» (СГГД, ч. 1, стр. 38, № 24). В междукняжеских договорных грамотах XIV—XV вв. обычно встречается формула: «А что ти слышев о нашем добре или о лисе от крестьянина или от поганина, то ти нам поведати вправду, без примышленья, по целованью, без хитрости» (СГГД, ч. 1, стр. 62, № 35). В договоре Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем 1402 г. читаем: «А где будеть хотя послал на наше лихо, а тамо ти отослати» (СГГД, ч. 1, стр. 65).

[3] Сопоставим между собой ст. 9 Судебника со ст. 7 Псковской судной грамоты:

Судебник, ст. 9	Псковская судная грамота, ст. 7
А государскому оубоице и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью.	А кримскому татю, и конёвому, и переветнику, и зажигалнику, тем живота не дати.

соединением материала ст. 7 Псковской судной грамоты со ст. 8 Судебника, которая, как мы видели, как раз говорила о применении смертной казни в отношении «ведомого лихого», обвиняемого в татьбе, разбое, душегубстве, ябедничестве или «ином каком лихом деле».

В общем ст. 9 Судебника, повидимому, послужила в руках редактора соединительным звеном, посредством которого были объединены два самостоятельных памятника: постановления о московском боярском суде (ст. 8 и другие) и уголовный кодекс, озаглавленный «О татех» (ст. 10 и другие). Очевидно, в результате такого слияния в ст. 10 Судебника была внесена редактором отсутствовавшая в первоначальном тексте вставка относительно «церковной татбы и головной». Речь первоначально шла в общей форме о поимке «которого татя. . . с какою татбою ни буди впервые». Затем появилась оговорка: «опроче церковные татбы и головные». Она вызвана, конечно, тем, что соединительная статья 9, использовавшая материал Псковской судной грамоты, говорила о том, что церковный и головной «тати» подлежат смертной казни. Это противоречило указанию ст. 10 по поводу торговой казни вора за первое преступление. Противоречие было устранено тем, что наиболее серьезные виды «татьбы» («головная» и церковная) были признаны достойными наказания смертью даже в том случае, если преступник пойман в первый раз.

Статьи 21—24 Судебника касаются пошлин, взыскиваемых с суда великого князя и его детей, а также великокняжескими печатниками за приложение печати к документам. Названные статьи Судебника представляют собой вставку в постановления о московском боярском суде, являющиеся, как было указано выше, самостоятельным памятником. Эту вставку легко обнаружить прежде всего потому, что она нарушает полное соответствие в архитектонике двух разделов Судебника, касающихся боярского и наместничьего суда.

Ближайший анализ статей 21—24 показывает, что они возвращаются к тематике того источника Судебника, который разрабатывал вопросы московского боярского суда, и повторяют дословно некоторые постановления последнего, только в плане суда великокняжеского.

Докажем это путем текстуальных сопоставлений:

Ст. 21. О великом князи. А с великого князя *суда* и с детей великого князя *суда имати на виноватом* по тому же, как и с боярского суда, *с рубля по два алтына*, кому князь велики велит.	Ст. 3. *А имати* боярину и диаку *в суде, от рублеваго дела на виноватом*, кто будет виноват, ищеа или ответчик, и боярину *на виноватом два алтына*, а диаку осмь денег; а будеть дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету.
Ст. 22. О правой грамоте. *От правыя грамоты имати от печати* печатнику великого князя и детей великого князя печатнику *с рубля по девяти денег, а дьяку от подписи с рубля по алтыну, а подьячему, которой грамоту правую напишет, с рубля по три денги.*	Ст. 15. О правой грамоте. *А от правые грамоты имати от печати с рубля по девяти денег, а диаку от подписи с рубля по алтыну, а подъячему, которой грамоту напишет правую, имати с рубля по три денги.*
Ст. 23. *А с холопа и с робы* печатнику *имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а дьяку имати от подписи с головы по алтыну, а подьячему, которой грамоту напишет, имать с головы по три денги.*	Ст. 17. О холопией правой грамоте. *А с холопа и с робы от правые грамоты* и от отпустные боярину *имати от печати с головы по девяти денег, а диаку от подписи по алтыну с головы, а подъячему, которой грамоту правую напишет* или отпустную, *с головы по три денги.*

Ст. 24. О докладном списке. *А докладной список* с великого князя докладу и детей великого князя докладу *печатати* великого князя печатнику и детей великого князя печатнику; *а от печати имати от списка с рубля* по девяти денег, *а дьяку от подписи с рубля* по алтыну, а *подьячему, которой на списке напишет, имать с рубля по две денги.*

Ст. 16. О докладном списке. А докладной список боярину *печатати* своею печатью, а диаку подписывати, *а имать* боярину *от списка с рубля* по алтыну, *а диаку от подписи с рубля* по четыре денги, *а подьячему, которой на списке напишет, с рубля по две денги.*

Таким образом, заголовки к отдельным статьям, в пределах с 21-й по 24-ю, воспроизводят заголовки к соответствующим постановлениям раздела о московском боярском суде («О правой грамоте», «О докладном списке»). Далее бросается в глаза совпадение размеров пошлин, взыскиваемых с великокняжеского и боярского суда (в статьях 21 и 3: с рубля по два алтына на виноватом). В одинаковом размере берутся пошлины с написания и запечатания правой грамоты, выдаваемой великокняжеским и боярским судом (статьи 22 и 15, 23 и 17).

Однако нельзя представить себе дело так, что статьи 21—24 возникли в связи с постановлениями о боярском суде, составляя органическую часть названного раздела. За самостоятельное происхождение статей 21—24 говорит целый ряд наблюдений над ними. Прежде всего статьи 21—24 открываются заголовком «О великом князи», который нарушает общую архитектонику окружающего текста, распадающегося на ряд статей, посвященных различным разновидностям документов: правой грамоте, докладному списку, холопьей правой грамоте, отпускной грамоте, безсудному списку, срочным и т. д.

Раздел из статей 21—24 следует непосредственно за ст. 20 «О наместниче указе». А ст. 20, как уже было выяснено выше, представляет собой дублет ст. 43 (из раздела, трактующего о наместничьем суде) и попала в данное место Судебника в результате слияния вместе двух памятников: одного, посвященного московскому боярскому суду, и другого, сохранившегося под заглавием: «Указ наместником о суде городскым». Не случайно статья «О великом князи» и с нею связанные в дошедшей до нас редакции Судебника оказалась как раз в месте соединения различных памятников. Это служит указанием на то, что сама она также восходит к самостоятельному источнику.

Действительно, очень показательно, например, что в данном месте, на близком расстоянии друг от друга, оказались три статьи (17, 20 и 23), посвященные вопросу о правой холопьей грамоте, одна — в плане суда боярского, другая — наместничьего, третья — великокняжеского.

Самостоятельные законодательные акты, вошедшие в текст Судебника, возможно, представляли статьи 30 («Указ о езду») и 31—36 («О недельщиках указ»). На происхождение этих разделов памятника из особых актов княжеского законодательства указывает самое их название: «указ».

В последней части Судебника, начиная со ст. 46, находим ряд заимствований из Псковской судной грамоты и Русской Правды.

Совпадение ряда статей Псковской судной грамоты и Судебника 1497—1498 гг. давно отмечалось и в общих курсах и в специальных очерках по истории русского права. Но исследователи не останавливались на одном весьма существенном обстоятельстве, именно на том, что все статьи Судебника, совпадающие с Псковской судной грамотой, сгруппированы в одном месте, в конце памятника. Исключение составляет ст. 9, о которой особо говорилось выше. Кроме ст. 9, Судебник заимствовал из Псковской судной грамоты еще девять статей (46—49, 51, 52,

54, 58, 59). Указанные разделы Судебника восходят к статьям 47, 20—22, 36, 40, 56, 105, 109 Псковской судной грамоты [1]. Сопоставим между собой оба памятника:

Судебник

Ст. 46. О торговцех. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит не зная его, а будет людем добрым двема или трем ведомо, и поимаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались, и целованиа ему нет.

Ст. 47. А кто купит на чюжей земли что, а поимаются у него, и толко у него свидетелей два, и два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поималися, и целованиа ему нет; а не будет у него сведетелей, ино ему правда дати.

Ст. 48. О послушестве. А кого послух послушествует в бою, или в грабежю, или в займех, ино судити и на того волю, на ком ищут, хощет на поле с послухомь лезет, или став у поля у креста положит на нем ищут, и истець бес целованиа свое возмет, и ответчик и полевые пошлины заплатит; а вины ему убитые нет. А не стоят у поля, у креста положит, и он судиам пошлину по списку заплатит; а полевых ему пошлин нет.

Ст. 49. А противу послуха ответчик будет стар, или мал, или безвечен, или поп, или чернец, или черница, или жонка, ино противу послуха наймит наняти волно, а послуху наймита нет. А что правому учинится убытка или его послуху, ино те убытки на виноватом.

Ст. 51. А послух не говорит перед судиями в ысцевы речи, и истець тем и виноват.

Ст. 52. А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен, или поп, или чернец, или черница, или кто от тех в послушестве будет кому, ино наймита наняти волно. А исцем или послуху целовати, а наймитом битися; а противу тех наймитов исцу или ответчику наймит же; а восхочет, и он сам биется на поли.

Ст. 54. А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен.

Псковская судная грамота

Ст. 56. А такоже кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, а скажут како право пред богом, пред нами в торгу купит, ино тот прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а тот не доискался.

Ст. 47. А кто купил на чюжей земли, или на городе, или найдеть где, а кто поимается толко, ино тот судить как в торгу.

Ст. 20. А кто на кого имет сачит бою, или грабежу по позовници, и князь и посадником и сотцким обыскати, как послух, где будет обедал, и где начавал, и послух изведется иночаем его, или где обедал; такоже и битого опросити: где есть били и грабили? Явили кому? И на тех ему слатся, а на кого сошлются, а тот став, скажет как право пред богом, што битый являл бой свой и грабежь, а послух на суде став, а послухует в тые же речи, ино тот суд судит на того волю, на ком сочат: хочет с послухом на поле лезет, или послух у креста положит, чего искал.

Ст. 21. А против послуха. . . станет стар, или млад, или чем безвечен, или поп, или чернец, ино против послуха нанять волно наймит, а послуху наймита нет.

Ст. 22. А на которого послуха истец послется, и послух не станет, или став на суде не договорит в ты ж речи, или переговорит, ино тот послух не в послух, а тот не доискался.

Ст. 36. А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница, ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись; а противу наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет.

Ст. 40. А которой наймит дворной пойдет прочь от государя, не достояв своего урока, ино ему найму взяти по счету,

[1] Указывают еще на сходство ст. 14 Судебника со ст. 60 Псковской судной грамоты.

а сочит ему найма своего за год, чтобы 5 годов или 10 год стоявши, и всех тых ему год стоявши, найма сочити, как отыде за год сочити, толко будет найма не имал у государя; а толко пойдет болши года, что им не сочити па государех.

Ст. 58. О чюжоземцех. А которой чюжоземец на чюжоземце чего взыщет, ино того воля, на ком ищут: хочет отцелуется, что в том не виноват, или у креста положит чего на нем ищут, а истец, поцеловав крест, да возмет.

Ст. 105. А которой чюжейземець на чюжей земли иметь искать бою и грабежу, ино воля того, на ком ищуть: хочет сам поцелует, как будет его ни бил, ни грабил, или ему у креста положить, чего на нем ищуть.

Ст. 59. А попа, и диакона, и черньца и черницю, и строя и вдову, которые питаются от церкви божиа, то судит святитель или его судия. А будет простой человек с церковцым, ино суд вопчей. А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет не своим домом, то суд не святительской.

Ст. 109. А попы и диаконы, и проскурница, и черньца, и черница судить наместнику владычню. Аже поп, или диакон, или противу черньца, или черницы ж, а будет обаи не простые люди церковные; ино не судить князю, ни посаднику, ни судиам не судить, занеж суд владычня наместника; а будет один человек простый истец мирянин, аже церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику и владычним наместником вопчи, також и судиям.

Две статьи Судебника (55 и 68) заимствованы из Русской Правды:

Судебник

Ст. 55. О займех. А которой купець, идучи в торъговлю, возьмет у кого денги или товар, да на пути у него утеряется товар безхитростно, истонеть, или сгорить, или рать возьметь, и боярин обыскав, да велит дати тому диаку великого князя полетную грамоту с великого князя печатию, платити исцеву истину без росту. А кто у кого взявши что в торговлю, да шед пропиет или иным каким безумием погубит товар свой без напраздньства, и того исцю в гибели выдати головою на продажу.

Ст. 66. О полной грамоте. По полной грамоте холоп, по тиуньству и по ключю по сельскому холоп з докладом и без докладу, и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного, или себе учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, приданой холоп; по духовной холоп.

Русская Правда

Ст. 50 Троицкого списка. Аже который купець, где любо шед с чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь, то не насилити ему, ни продати его, но како начнеть от лета платити, тако же платить, занеже пагуба от бога есть, а не виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.

Статьи 102—104 Троицкого списка. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть перед самемь холопомь. А второе холопьство: поиметь робу без ряду, поиметь ли с рядомь, то како ся будеть рядил, на том же стоить. А се третьее холопьство: тивуньство без ряду или привяжеть ключь к собе без ряду, с рядомь ли, то како ся будеть рядил, на том же стоить.

Ст. 62 Судебника находит параллель в уставных грамотах:

Судебник

Статьи 62—62а. О межах. А кто сореть межу или грани ссечет из великого князя земли, боярина и манастыря, или боярской и монастырской

Уставные грамоты.

А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, *вины боран*, а межы сел межа трицдать бел, а княжа межа три сороки бел, а вязбы в том нет.

у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто межу сорал или грани ссек, ино того бити кнутием да исцу взяти на нем рубль. А христиане промежу себя в одной волости или вселе *кто у кого межу переорет или перекосит*, ино волостелем или посельскому имати *на том за боран по два алтына* и за рану присудят посмотря по человеку и по ране и по рассужению.

(Двинская уставная грамота 1397 г.).

А кто у кого межу переорет или перекосит, ино наместники наши и их тиуны возмут на виноватом *за баран восмь денег*. (Белозерская уставная грамота 1488 г.)[1].

Итак, значительная часть статей последнего раздела Судебника представляет собой переработку (иногда с очень значительными изменениями) более ранних правовых текстов: Русской Правды, Псковской судной грамоты, уставных грамот. Мне кажется, можно увеличить список использованных составителем памятников. Так, ст. 57 Судебника устанавливает единый срок крестьянского отказа: «за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего». Впервые указание на Юрьев день, как срок отказа для крестьян, встречается в грамотах белозерского князя Михаила Андреевича середины XV в. Из них мы узнаем, что белозерские бояре, дети боярские, волостные крестьяне, слободчики «отказывали» половников и серебрянников у Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей в разное время: на рождество, в Петров день, «межень лета и всегды». По челобитью монастырских властей, князь распорядился, чтобы отказ производился «О Юрьеве дни о осеннем, да после Юрьева дни неделю, а боле того до Юрьева дни и по Юрьеве дни не отказывают манастырских людей». Василий II, со своей стороны, дал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю, которой запретил своим наместникам, волостелям, посельским, слободчикам «отказывать» «людей манастырьских всех и серебренников» в иное время, кроме Юрьева дня. Грамота Василия II была подтверждена Иваном III[2]. (см. также стр. 164).

В начале 70-х годов XV в. о Юрьеве дне, как сроке крестьянского отказа, опять-таки применительно к вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря, говорят грамоты князя Андрея Васильевича вологодского[3].

Затем в 70-х годах Юрьев день упоминается в жалованных грамотах Ивана III на села Троице-Сергиева монастыря в Суздальском и Ярославском уездах[4].

Из всех приведенных данных можно заключить, что первоначально Юрьев день в качестве срока крестьянского отказа был принят в Белозерском княжестве, затем оттуда заимствован московскими князьями и распространен ими на всю территорию Московского княжества. После присоединения Белоозера оттуда были вывезены в Москву документы как княжеского, так и монастырских архивов. В частности, в Москву попали жалованные грамоты белозерских князей Кириллову монастырю. Они могли быть использованы, наравне с Псковской судной грамотой и Рус-

---

[1] Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления, вып. 2, Казань, 1876, стр. 59, № LXX.

[2] ААЭ, т. I, стр. 35—36, № 48/I—III; РИБ, т. XXXII, стб. 21—22, № 24; Н. Дебольский. Указ. соч., стр. 160, № 121; стр. 188, № 197; Б. Д. Греков. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, М., 1940, стр. 86, № 5—6. См. выше, стр. 175.

[3] ДАИ, т. I, стр. 352, № 198/I — II.

[4] ААЭ, т. I, стр. 61, № 83; Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., стр. 98—99, № 137; Б. Д. Греков. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, стр. 87—88, № 9.

ской Правдой, при кодификационной работе, производившейся по заданию московского правительства.

В последнем разделе Судебника нашли отражение и некоторые правовые нормы, характерные для Звенигородского удельного княжества. Ст. 63 Судебника устанавливает трехлетнюю давность для потери права иска по делам о монастырских и боярских землях и шестилетнюю — по делам о черных и поместных землях. О трехлетней давности говорит памятник XIV в. «Правосудие митрополичье» [1]. Близкую к шестилетнему сроку давность (4—5 лет) имеет в виду Псковская судная грамота [2].

Краткосрочная давность существовала в Звенигородском уделе. Сохранилась правая грамота по делу Савво-Сторожевского монастыря с волостным крестьянином Семянкой о спорном селище. Документ относится ко времени до присоединения Звенигорода к Москве, т. е. до 1491 г. Вызвавшее тяжбу селище было присуждено монастырю на том основании, что Семянко не возбуждал иска в течение шести лет [3].

В исторической литературе идет спор о том, из какого источника попало в Судебник постановление об исковой давности. Последняя сводка материала по этому вопросу принадлежит С. В. Юшкову. Он отрицает возможность заимствования «постановления Судебника 1497 г. из Псковской судной грамоты, поскольку мы наблюдаем значительное несовпадение постановлений этих памятников: в Судебнике устанавливается срок в 3 и 6 лет, в Псковской судной грамоте — 4—5 лет, в Судебнике устанавливается два срока, в Псковской судной грамоте — один».Кроме того, «московскому праву знакома давность только исковая, а псковскому и давность приобретательная». Возражает С. В. Юшков и против мнения о заимствовании постановления Судебника из литовского права. Источником постановления Судебника о давности не могла быть, как считает Юшков, также практика Звенигородского княжества. Наконец, Юшков отвергает предположение «об издании до 1497 г. особого закона о давности, близкого или тождественного с постановлениями Судебника и воспроизведенного затем его составителями». Вначале Юшков считал, что постановление Судебника о трехлетней и шестилетней давности является совершенно новым. После введения в научный оборот «Правосудия митрополичьего» Юшков пересмотрел этот вопрос и пришел к иным выводам. «Очевидно, — пишет он, — что еще в XIII в. в практике митрополичьего суда существовал трехлетний срок давности. Эта практика не была усвоена княжеским судом, но была ему известна. При составлении Судебника 1497 г. был поставлен вопрос об установлении краткосрочной давности, известной составителям как из постановлений Псковской судной грамоты, так и из практики удельных княжеств, в частности из практики Звенигородского княжества. Несомненно, московское правительство, ставя вопрос об установлении краткосрочной давности, стремилось как можно скорее ликвидировать земельные споры в присоединенных к Москве землях, где существовали различные представления о давности и различные сроки. Наиболее подходя-

---

[1] Ст. 20 «Правосудия митрополичья»: «А что ся деял за 3 годы, того не искати судом, ли что деялся при ином князи ли властелине, того не искати» (Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 35, стр. 116).

[2] «А коли будет с кем суд о земле ополней, или о воде, а будет на той земли двор, или нивы разстрадни, а стражет и владеют тою землею или водою лет 4 или 5, ино тому исцю съслатися на сосед, человек на 4 или на 5, а суседи став, на коих шлются, да скажут как прав пред богом, что чист, и той человек, который послался, стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5, а супротивен в те лета ни его судили, ни на землю наступился, или на воду, ино земля его чиста или вода, и целования ему нет; а тако не доискался кто не судил ни наступался в ты лета».

[3] АЮ, стр. 13—14, № 7.

щим сроком, по мнению составителей Судебника, и являлся трехлетний срок, существовавший в практике митрополичьего суда, тем более что при переходе к трехполью использование земли в течение севооборота (трехлетнего) является фактом, в достаточной степени свидетельствующим о полном хозяйственном обладании данным земельным участком»[1]. Таким образом, в конечном итоге Юшков признает влияние на Судебник практики псковской и звенигородской, хотя вначале он это обстоятельство отрицал. Действительно, Судебник как памятник общерусского права должен был учесть порядки, существовавшие ранее в самостоятельных уделах и землях, поэтому вполне законно говорить о том, что шестилетняя давность перешла из Звенигородского удела в Москву[2].

Весьма вероятно, что последний раздел Судебника (начиная со ст. 46) представлял собой специальный самостоятельный кодекс, посвященный разработке вопросов феодального права[3]. Его составитель использовал ряд местных правовых текстов, дополнил их нормами обычного права[4] и некоторыми новыми постановлениями[5].

§ 11. Происхождение отдельных частей Судебника

После того, как выше была сделана попытка выделить из дошедшего до нас текста Судебника его составные части, необходимо попытаться выяснить время и обстоятельства их возникновения и, таким образом, осветить историю московского законодательства, приведшую к появлению Судебника редакции 1497—1498 гг.

Наиболее ранним разделом Судебника являются статьи, отсутствующие в сохранившемся списке памятника, но о которых можно составить себе представление по «Записи, что тянет душегубством к Москве»,

---

[1] С. В. Юшков. К древнейшей истории института давности по русскому праву, стр. 142—144.

[2] И. Е. Энгельман. О давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое исследование, изд. 3-е, СПб., 1901, стр. 42—43. — Некоторые исследователи предполагали, что до постановления Судебника о трехлетней и шестилетней давности в Московском княжестве существовала пятнадцатилетняя давность по земельным искам. Ссылались при этом на грамоту Ивана III 1483 г., в которой имеется указание на давность, относящееся ко времени его деда вел. кн. Василия Дмитриевича: «Как дед мой учинил, князь великий, в своей вотчине в великом княжении суд тогды о землях и о водах за пятнадцать лет, так и мне, князю великому, послати своего боярина, а хто будет отец наш митрополит в нашей вотчине, и отцу нашему послать своего боярина, и они, ехав в слободку, так же учинят исправу за пятнадцать лет землям. . .» (П. И. Иванов. Указ. соч., стр. 212—214). Однако изучение правых грамот доказывает, что 15-летний срок давности вовсе не был общим правилом. Д. М. Мейчик приводит свидетельство отводной книги землям Кириллова монастыря от великокняжеских (ЦГАДА, ГКЭ, № 858), из которой видно, что «монастырские бояре, разбиравшие дела в порядке доклада, не стеснялись 40-летним сроком: «И князь Василий Иванович в деревне Семкине да в Негодяевской крестьян оправил, а чернецов обвинил, а князь великий Иван Васильевич всея Руси велел те земли отдати черньцом, потому что искали крестьяне за сорок лет» (Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 44).

[3] Исключение составляют статьи 64, 65, 67, которые мы отнесли к «указу наместником о суде городским», и 68, являющаяся, возможно, последующим добавлением к Судебнику в целом.

[4] К числу таких норм обычного права относится, например, ст. 61 — «О изгородах». См. относительно обычая ставить изгороди, разграничивающие пахотные участки и пожни, принадлежащие различным владельцам у С. Б. Веселовского: «Село и деревня в Северовосточной Руси XV—XVI вв.», стр. 34. Такова же ст. 60 о переходе имущества умершего без завещания, в случае отсутствия у него сыновей, — к дочери, а в случае отсутствия дочерей, — к «ближнему из его рода».

[5] Например, ст. 56, говорящая о том, что холоп, попавший в плен к татарам и совершивший побег, получает свободу.

Духовной Ивана III и Судебнику Ивана IV 1550 г. Названный утраченный раздел памятника касался вопроса о взаимоотношении московского великого князя с удельными князьями по суду, главным образом об участии удельных князей в «московских судах». Эта предположительно восстанавливаемая часть Судебника представляет собой переделку «Записи, что тянет душегубством к Москве». В основе же последней лежит проредактированный Судебник начальных лет княжения Василия II. «Запись, что тянет душегубством к Москве» появилась в середине XV в. Подготавливая текст своего завещания и распределяя уделы между сыновьями, великий князь Василий II сделал попытку подчинить в судебном отношении большому московскому наместнику на началах «старины» ряд дмитровских, серпуховских, звенигородских волостей.

Второй по времени памятник, вошедший в состав Судебника 1497—1498 гг., это — «указ наместником о суде городскым». Выше были высказаны соображения в пользу его датировки временем ранее 1485 г. (до присоединения Твери). Сейчас следует обрисовать условия возникновения тех статей, которые объединены в Судебнике под приведенным нами только что заголовком, а когда-то имели самостоятельное существование. Для разрешения поставленной задачи очень важно сопоставить эти статьи с текстом уставных грамот, с которыми у них замечается не только много общего по существу, но и целый ряд чисто текстуальных совпадений. Я привлекаю для сличения наиболее ранние из сохранившихся уставных грамот наместничьего управления конца XV в. — начала XVI в.

Судебник	Уставные грамоты
Ст. 38. А бояром или детем боярским за которыми кормления с судом с боярским, и им судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчимь людемь. *А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити*: а посула им от суда не имати, и их тиуном, и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити.	*А наместником нашим и их тиуном* без сотцков и *без добрых людеи не судити суд.* (Белозерская грамота 1488 г.). *А без старосты и без лучших людей волостелю и его тиуну суда не судити никакого.* (Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г.). *А без дворьского и без лутчих людей* ловчему и его *тиуну суда не судити никакого.* (Уставная грамота Каменского стана бобровникам, 1509 г.).
Статьи 38—38а. А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, *и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будеть где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищея своего, а будет виноват ищея, и ему имати на ищеи с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищеи по тому эк росчету.*	А о суде у них ходит наш волостель по сей нашей грамоте: случится суд перед волостелем, или перед его тиуном, о рубле или выше, а досудит до виноватого, и волостель наш и его тиун *велит на виноватом исцово доправити, а собе емлет противень вполы исцова, то ему и с тиуном. А не доищется ищея своего, а будет ищеа виноват, и ему имати на ищее с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег; а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищее по тому эк розчету.* (Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г.).
Ст. 38а. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте.	А езд в станы и в волости на две версты денга, а в городе хоженого денга, а на правду вдвое. (Белозерская уставная грамота 1488 г.).

А хоженого доводчику на стану две денги, а на правду вдвое; а езду в волость на версту по денге, а на правду вдвое.

(Уставная грамота Артамоновского стана крестьянам 1506 г.).

Статьи 38а—38в. *А досудятся до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. А побиются на поли, и ему имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень вполы исцева, то ему и с тиуном.*

А будет суд перед наместники и перед тиуны о рубле, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником гривну, и с тиуны и с доводчики, за все пошлины. *А досудят наместники и тиуны о рубле до поля, а восхотят ся помирити, и они дадут наместником* гривну, и с тиуны и с доводчики, за все пошлины; а будет выше рубля или ниже, и наместники на них емлют по тому же розчету. *А побиются на поле, и наместники велят* на виноватом истцово доправити, *а на себя велят взяти противень противу истцова, а то им с тиуны* и с доводчики за все их пошлины.

(Белозерская уставная грамота 1488 г.),

Статьи 38г — 38д. *А побиются на поли в заемном деле или в бою, и ему имати противень против исцева. А побиются на поли в пожеге, или в душегубьстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном.*

А побьются на поле в взаемном деле, или в бою, и волостелю имати противень на убитом против истца. А побьются в пожоге, или в душегубстве, или в розбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продаже волостелю его тиуну.

(Уставная грамота переяславским рыболовам 1506 г.).

Ст. 39. О татех указ. *А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубьство, или ябедничьство, или иное какое лихое дело, а будет ведомой лихой, и ему того велети казнити смертною казнью, а исцево доправити из его статка,* а что ся у статка останеть, ино то наместнику и его тиуну имати себе. *А не будет у которого у лихого статка, чем исцево заплатить, и ему того лихого истцю в его гибели не выдати, велети его казнити смертною казнью.*

А доведут на кого татьбу или розбой, или душегубьство, и наместники велят на виноватом истцово доправити. А тот розбойник или душегубец наместником в продаже *и в казни.*

(Белозерская уставная грамота 1488 г.).

А доведут на кого татбу, или розбой, или душегубьство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и ловчей мой *велит на виноватом истцово доправити, а виноватой в казни* и в продаже ловчему и его тиуну.

А которой будет тать, или убойца, или ябедник, *ведомой лихой* человек, и ловчей мой *велит заплатити истцово из его сстатков, а того лихого человека велит казнити смертною казнью. А не будет у которого лихого сстатка, чем истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человека истцу в его гибели не выдаст, а велит его казнити смертною казнью.*

(Уставная грамота Каменского стана бобровникам 1509 г.).

Ст. 44. О приставех. А приставом наместничим по городом имати хоженое и езд по грамоте, а где нет грамоты, и ему хоженое имати в городе по четыре денги, а езд на версту по дензе, а на правду в городе и в волости вдвое.

А езд в станы и в волости на две версты деньга, а в городе хоженого деньга, а на правду вдвое.

(Белозерская уставная грамота 1488 г.)[1].

---

[1] Н. П. Загоскин. Уставные грамоты XIV—XVI вв., вып. 2, «Сведенный текст уставных грамот», стр. 58, № LXIX; стр. 68, № LXXXIII; стр. 70, № LXXXVI; стр. 72, № LXXXVIII, LXXXIX; стр. 75, №XC; стр. 77, № XCI; стр. 78, №XCIII.

Близость между Судебником и уставными грамотами можно объяснить не зависимостью первого от последних (как обычно считают исследователи), а тем, что уставные грамоты составлены на основе «указа наместником о суде городскым». В названном указе имеются ссылки на уставные грамоты не потому, что в момент появления указа уставные грамоты уже имели распространение, а потому, что издание указа и раздача грамот были тесно связанными между собой актами. Древнейшая из дошедших до нас уставных грамот (не считая Двинской 1397 г., отличающейся особым характером) — это Белозерская грамота 1488 г. Вероятно, перед нами не единственный памятник подобного рода. Были и другие аналогичные грамоты, до нас не дошедшие.

Если относить, как это было обосновано выше, «указ наместником о суде городскым» ко времени до 1485 г., то надо предположить, что с первой половины 80-х годов XV в. московское правительство стало выдавать уставные грамоты. Вернее всего датировать «указ наместником о суде городскым» 1483/84 годом. При такой датировке совершенно отчетливо выступит тесная связь между мероприятиями Ивана III по развитию поместной системы и регламентацией наместничьего управления. В период до издания указа о наместничьем суде и непосредственно вслед за этим актом были осуществлены массовые конфискации земель новгородских бояр и перевод их в другие уезды, где они были испомещены. По рассказу Никоновской летописи, в 1483/84 г. Иван III «поимал. . . болшых бояр новогородскых и боярынь, а казны их и села все велел отписати на себя, а им подавал поместиа на Москве по градам» [1]. В 1488/89 г. Никоновская летопись снова сообщает о том, что московский великий князь вывел из Великого Новгорода более тысячи бояр, житьих людей и гостей и испоместил их в Москве, Владимире, Нижнем-Новгороде, Муроме, Юрьеве, Ростове, Костроме, «и по иным городом, а в Новгород в Велики на их поместья. . . послал москвичь лучьших многих гостей и детей боярьских, и из иных городов из Московскиа отчины многих детей боярьских и гостей, и жаловал их в Новегороде в Великом» [2].

В промежуток между этими двумя земельными конфискациями и был, возможно, составлен указ, регламентирующий систему провинциального управления, основанного на началах кормления. Ведь и во время реформ Ивана Грозного 50-х годов XVI в. почти одновременно с испомещением в центре тысячи служилых людей была проведена отмена кормлений.

К концу XV в. система кормлений уже приходила в упадок. Это сказывалось в сокращении сроков пребывания кормленщиков на кормлениях, дроблении единого кормления на части, выделении из компетенции кормленщиков некоторых отраслей управления и поручения их приказным людям и пр.

«Указ наместником о суде городскым» Ивана III 1483/84 г. был первым шагом к отмене кормлений, осуществленной при Иване Грозном. В позднейших земских уставных грамотах середины и второй половины XVI в. содержатся указания на классовую борьбу в городах и уездах Русского государства. Говорится о челобитьях населения на поборы наместников, волостелей «и их пошлинных людей», которые «сверх нашего [царского] жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие». Упоминаются ответные жалобы со стороны наместников, волостелей и «пошлинных людей» на посадских и крестьян, которые не даются на поруки и под суд, не платят кормов и бьют кормленщиков. В результате этих столкновений наместничьего аппарата с посадскими людьми

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 215—216.
[2] Там же, стр. 220.

и крестьянами возникали «меж их поклепы и тяжбы великие», на посадах в деревнях пустели дворы, переставали поступать «царские дани и оброки» [1].

Все изложенные обстоятельства, очевидно, имели место и при издании «указа наместником о суде городскым». Его основные мотивы сводятся к привлечению для участия в суде представителей верхов местного населения; регламентации судебных пошлин; установлении твердых сроков, которых должны придерживаться кормленщики, вызываемые через приставов к ответу, и т. д.

Буржуазные исследователи давали оценку «указа наместником о суде городскым» с либеральных позиций. Так, И. Д. Беляев рассматривает требование Судебника, изложенное в ст. 38, о присутствии на суде наместников дворских, старост, лучших людей, как «законом скрепленное утверждение» исконных прав крестьянской общины. Более того, «закон старался поддержать и восстановить то, что некоторые общины с течением времени вследствие разных обстоятельств стали утрачивать». Иван III, так же, как Иван IV, был, по мнению Беляева, «самым усердным утвердителем исконных крестьянских прав» [2]. Такую трактовку нельзя признать правильной. Следует говорить не об утверждении «исконных крестьянских прав», а о стремлении феодального правительства использовать в наместничьем суде представителей местной финансовой администрации (дворских) и верхушку посадских людей и черного крестьянства («лучших людей»).

Вскоре после «указа наместником о суде городскым» был, повидимому, составлен, на основе ряда памятников феодального права, рассмотренный выше сборник, являвшийся руководством для разбора в суде поземельных дел. Его возникновение было связано с присоединением к Москве ряда новых территорий: Ярославля, Новгорода, Твери, Белоозера и т. п. В 80—90-х годах XV в. московское правительство организовало описания земель во вновь присоединенных областях: в 1482 г. — на Белоозере [3], в 1488 г. — в Новгороде [4], в 1492 г. — в Твери, Старице, Зубцове, Опоках, Клину, Холме, Новом Городке, Кашине [5], затем снова на Белоозере [6] и т. д. Во время этих описаний возникал ряд тяжб между местными землевладельцами, обострялась классовая борьба на земельной почве между вотчинниками и волостными крестьянами и т. д.

Правительство ставило перед собой задачу ликвидировать эти земельные споры в возможно короткий срок. В связи с этим возникал и основной вопрос, касающийся феодального общества: о взаимоотношениях между крестьянами и землевладельцами. В различных областях существовали свои сроки крестьянского отказа, которые следовало унифици-

---

[1] С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, М., 1895.

[2] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, М., 1903, стр. 55—56.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, № 858/157; С. А. Шумаков. Обзор, вып. II, стр. 80, № 116.

[4] О том, что в Новгороде в 1483 г. было произведено земельное описание, можно заключить из следующего указания в списках новгородских послужильцев: «Лета 6991 г. июля в 17 день (в других списках: 4 июля или 8 апреля) бог поручил великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси дородному Великий Новгород под его богохранимую державу. Имена княжеским и боярским слугам, чей бывал послуживец, и хто чей сын и племянник и внук и зять, как князь великии имал из боярских дворов испоместить по своему государеву указу в Воцкой пятине писцу Дмитрию Китаеву» (К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в., стр. 64—65).

[5] ПСРЛ, т. XII, стр. 232.

[6] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв., стр. 41.

ровать. Надо было сформулировать принципы холопьева права и т. д. Все это вызвало составление того кодекса норм феодального права, который сохранился в последней части Судебника. Интересно, что в его основу лег ряд местных правовых памятников, к которым московское правительство начало проявлять интерес еще с 70-х годов XV в., когда возник известный сборник новгородских документов. После него, в 80-х годах, в Москву попали список Псковской судной грамоты, белозерские акты и другие материалы, использованные при работе над изучаемым сейчас кодексом. В этой же связи следует отметить и еще одно обстоятельство: в Москву перешли на великокняжескую службу некоторые представители дьяческих фамилий из удельных княжений. Так, например, известный московский дьяк Елизар Иванович Циплятев был сыном дьяка Михаила Андреевича верейско-белозерского — Ивана Дмитриевича Ципли Монастырева [1]. Услуги таких дьяков могли быть привлечены для кодификационных работ в Москве. Интересно, что Грозный, как мы видели выше, отмечал в своей переписке с Курбским связи с Циплятевыми Тучковых, причастных к созданию копийной книги новгородских документов 70-х годов XV в.

Составление предполагаемого нами московского сборника следует относить ко времени около 1491 г., когда к московскому княжеству был присоединен Звенигород и когда, как указано выше, в Москве были восприняты некоторые местные правовые нормы. Эта датировка подтверждается одной правой грамотой около 1496 г. по делу между Троице-Сергиевым монастырем и князем Иваном Константиновичем Оболенским о селище села Почапа — Зеленеве, Малоярославецкого уезда. По показаниям троицких властей, князь Оболенский завладел названным селищем за десять лет до суда. На вопрос судьи: «Почему вы молчали князю Ивану?», старец Троице-Сергиева монастыря Исаия отвечал: «Мы, господине, ему не молчали, извечивали есмя ему ежолет, а он таки, господине, то наше селище пахал силно через извет. А пристав, господине, к ним в Оболенск государя великого князя не въезжал. А государю, господине, великому князю игумени и старци бивали челом неодинова, и князь велики, господине, молвит: пождите ми, управлю вас» [2]. Как уже указывалось, Оболенские до конца XV в. обладали правами удельных князей и не были подсудны великому князю. Челобитные троицких властей Ивану III по рассмотренному делу начались за 10 лет до 1496 г., т. е. со второй половины 80-х годов XV в., и продолжались в течение первой половины 90-х годов. Характерно многократно повторенное великокняжеское обещание: «Пождите ми, управлю вас». Оно свидетельствует о том, что в начале 90-х годов XV в. вопрос о ликвидации земельных конфликтов во вновь присоединенных владениях являлся очередной задачей московского правительства.

Действительно, от 90-х годов до нас дошло большое количество правых грамот. В период до марта 1490 г. многие дела судил сын Ивана III — великий князь Иван Иванович [3]. Позднее встречаем правые грамоты суда Дмитрия Владимировича Овцы [4] и т. д.

Классовый характер реконструированного памятника виден из целого ряда статей. Ст. 61 проводит борьбу с пережитками общинных сервитутов путем огороживания пашен и покосов. Ст. 62 говорит

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 82—85.

[2] ЦГАДА, ГКЭ, № 7693; РОБИЛ, АТСЛ, № 232; Д. М. Мейчик. Указ. соч., стр. 105—108.

[3] РОБИЛ, АТСЛ, кн. № 518, лл. 347 об. — 350, 371—372, 378 об. — 380 об., 575—577 об., 293 об. — 295, 297 об. — 299 и др.

[4] Там же, лл. 288—289 об. См. § 3 гл. 4-й настоящей книги.

о наказаниях за нарушение границ феодальной земельной собственности. Ст. 63 устанавливает в интересах феодалов-землевладельцев давность по земельным искам. Ст. 57, регламентирующая сроки крестьянского отказа, обеспечивает землевладельцам средства внеэкономического принуждения в отношении зависимого крестьянства. Ст. 66 касается вопросов холопства и т. д.

Особенный интерес представляет ст. 57 Судебника. Этой статьей занимались очень многие исследователи истории русского крестьянства. Не касаясь всех предложенных в исторической литературе толкований, приведем только некоторые, наиболее характерные.

И. Д. Беляев считал, что Судебник не внес ничего принципиально нового в отношения между крестьянами и землевладельцами, а лишь закрепил «положительным законом верховной власти то, что уже прежде было утверждено обычаем». Ст. 57 Судебника Беляев расценивает как подтверждение ранее существовавшего права «свободного перехода крестьян с одной земли на другую»; «даже срок перехода, — Юрьев день осенний, — также прежний» [1].

Таким образом, по мнению Беляева, в ст. 57 Судебника надо видеть не ограничение крестьянского перехода, а, напротив, стремление его облегчить. Эта трактовка ст. 57 является неверной, и она вызвала возражения со стороны других исследователей.

По мнению Д. Я. Самоквасова, статья Судебника о крестьянском «отказе» не имела того значения, «в каком ее понимала теория свободы крестьян в древней Руси, — не давала права крестьянам «отказываться» по своей воле от одних владельцев и переходить к другим». «Главная в количественном отношении масса земледельческого народонаселения древней России, состоявшая из тяглых крестьян, была прикреплена к земле своих владельцев». Правом перехода по Судебнику пользовались только новопорядчики, «вольные люди, поряжавшиеся в крестьяне — земледельцы по своей воле» [2]. «Отказ» крестьян Д. Я. Самоквасов определяет как «плату за выход и вывоз». В подтверждение он приводит ряд выдержек из документов XVI в.[3]

Правильно критикуя точку зрения сторонников теории крестьянской свободы в XV в. и намечая в ряде случаев верные пути к пониманию ст. 57 Судебника, Самоквасов, в силу своей буржуазной ограниченности, не мог разрешить вопроса полностью. Это можно сделать только в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, согласно которому феодальный строй характеризуется зависимостью крестьян от землевладельцев, принимающей самые разнообразные формы.

Не дает правильного понимания ст. 58 Судебника и С. Б. Веселовский, для которого характерен односторонне ограниченный юридический подход к вопросам крестьянского закрепощения. Он фиксирует свое внимание исключительно на фискальной правительственной политике. С. Б. Веселовский подчеркивает, что «крепкие петли крестьянской неволи

---

[1] И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, М., 1903, стр. 48—51.

[2] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, М., 1909, стр. 9, 17, 21.

[3] Из обыска 1571 г.: «С трех обеж крестьяне вышли за детей боярских, а вышли сее осени в семьдесят в девятом году о сроце, о Юрьеве дни, *с отказом*, за князя Василья Белосельского, *а отказ и выход платили* Григорьеву прикащику Колягина Мите Иевлеву сыну; да Васко Алюев з братьею жили на обжи, а вышли за Ивана за Ильина сына Скобелцина сее ж осени о сроце, *с отказом, а отказ и выход платили* тому ж Григорьевичому прикащику Мите» (Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, стр. 10—13).

завязывались на почве податной ответственности землевладельцев за крестьян»[1].

Марксистское освещение проблемы крестьянского закрепощения в русской историографии, на основе указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина, принадлежит Б. Д. Грекову. Он же дал и наиболее правильное толкование ст. 57 Судебника. Б. Д. Греков указывает, что Судебник сделал попытку «определить положение всех категорий крестьян в отношении их права выхода. Прежней пестроте сроков выхода и других сопровождающих отказ условий положен был, по крайней мере принципиально, конец»[2].

Особое внимание, по словам Б. Д. Грекова, Судебник уделил новоприходцам и серебреникам — той прослойке сельского населения, которой были присущи некоторые черты подвижности и которая «больше всего беспокоила и землевладельцев, и власть, стоявшую на страже их интересов. Об этой прослойке стали энергично бить челом властям монастыри». Тяглые («непохожие»), «занесенные в писцовые книги, или в жалованные поместные грамоты, люди-старожильцы сидели на своих земельных участках за своими землевладельцами более или менее прочно». Но Судебник, вводя Юрьев день как единый срок выхода, имел в виду и эту категорию крестьян[3].

Наконец, Б. Д. Греков указывает, что отказ и вывоз «предполагают обычаем и законом определенную процедуру, соглашение с землевладельцем, ответственным за правильность отбывания крестьянами тягла»[4].

Исходя из наблюдений Б. Д. Грекова, мы имеем полное право связывать появление в правовом сборнике 90-х годов XV в. ст. 57 о Юрьевом дне с теми правительственными описаниями, которые велись в это время.

Выше мы пришли к выводу, что к самостоятельному памятнику восходят статьи 10—14 Судебника. Повидимому, этот памятник представлял собою прототип позднейших губных грамот. Действительно, в изучаемых статьях мы видим первый и поэтому несовершенный опыт организации феодальной юстиции на тех началах, на которых были построены губные учреждения XVI в., на началах передачи основной власти в уездах местному дворянству. В ст. 12 речь идет об оговоре «татя» со стороны пятишести представителей верхов местного населения: детей боярских или черных людей. Судит княжеский судья. Более поздние губные грамоты, вместо оговора, говорят уже о повальном обыске. Но этот повальный обыск как средство сыска, несомненно, развился из предусмотренной Судебником «взмолвки» пяти-шести «добрых» людей.

Статьи 10—11, устанавливающие меры наказания за татьбу, обнаруживают ряд совпадений с соответствующими параграфами губных грамот. По Судебнику впервые совершенная татьба влечет за собой битье кнутом, повторная кража — смертную казнь. По губным грамотам различаются три вида наказания татя: наказание кнутом и изгнание «из земли» за первую вину, отсечение руки за вторую кражу, повешение — за преступление, совершенное в третий раз. Одинаково решают Судебник и губные грамоты вопрос о возмещении «исцевых исков» из «животов и статков» виновного. Только губные грамоты уже не говорят ничего о выдаче татя истцу «в его гибели головою на продажю»[5].

---

[1] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северовосточной Руси XIV—XVI вв., стр. 44—45.

[2] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 643.

[3] Там же, стр. 635.

[4] Там же, стр. 837.

[5] С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Московского государства, стр. 135—136.

С. А. Шумаков писал: «. . . С какого времени появляются губные учреждения? Судебник 1497 г. их еще не знает, а в 1539 г. они встречаются уже повсеместно в России. Всесословность их, идущая в разрез со всеми московскими государственными преданиями, говорит тоже за то, что они возникли тогда, когда еще сословия не успели обособиться. Таким образом, мы вправе отнести первое возникновение их в Московском государстве к самому началу XVI в., если не к концу XV» [1]. Характеристика Шумаковым губных учреждений носит формально-схоластический характер, но соображение о том, что их корни восходят еще к XV в. — правильно. Попытку их создания при Иване III можно найти в статьях 10—14 Судебника, которые восходят к отдельному памятнику, своего рода губной грамоте XV в. Смысл губных учреждений — в предоставлении местным землевладельцам власти по борьбе с нарушителями феодальной собственности. Кроме представителей дворянства, обладавших полномочиями по выявлению «татей», должны были привлекаться к этому делу и представители верхушечной части черносошного крестьянства («добрые христиане целовальники») [2]. Для датировки реконструированной губной грамоты нет никаких прямых данных. Единственное косвенное указание — это дата списка повести о Дракуле, относящегося к 1490 г. Если верна моя предпосылка о том, что указанное произведение появилось в связи с подготовительными работами над Судебником, то статьи 10—14 Судебника можно отнести к началу 90-х годов XV в. Повесть о Дракуле много внимания уделяет необходимости строгих мер для искоренения уголовных преступлений, в первую очередь воровства. Может быть, список повести 1490 г. и появился как раз тогда, когда московское правительство предприняло конкретные мероприятия в указанном направлении, отразившиеся в статьях 10—14 Судебника, защищающих феодальную собственность.

Совсем уже трудно ответить на вопрос, когда появились указы «о езде» и «о недельщиках». Что касается разделов Судебника о боярском и о великокняжеском суде, то они возникли тогда, когда производилось оформление Судебника в целом, т. е. в 1497—1498 гг. или около этого времени. Классовый смысл раздела о боярском суде разобран выше, в § 6.

Составители Судебника редакции 1497—1498 гг. произвели большую работу по редактированию тех разделов памятника, которые ранее существовали отдельно. Может быть, некоторые статьи они внесли заново. Но при наличии единственного списка памятника, конечно, трудно выделить эти редакторские дополнения и изменения 1497—1498 гг.

Подведем итоги. Трактовка Судебника буржуазными авторами сводилась к характеристике отдельных положений памятника с точки зрения буржуазных правовых норм XIX в. В данной главе, использующей ряд наблюдений предшествующей литературы, была сделана попытка проследить процесс создания Судебника в связи с развитием классовых противоречий в XV в., показать его соотношение с другими памятниками эпохи,

---

[1] С. А. Шумаков. Губные и земские грамоты Моск. государства, стр. 41.

[2] По мнению Б. И. Сыромятникова, в ст. 12 Судебника мы находим характерное для древнерусского процесса «обыскное» начало, которое многие исследователи связывают с древним послушеством. Московская судебная практика, пишет Б. И. Сыромятников, вводила послушество «в форме „обыска“ или массового навета, „язычной молки“, т. е. в виде свидетельства целой общины, которая просто „добрила“ или „лиховала“ того или иного человека, давая общую оценку его личности» (Б. И. Сыромятников. Указ. соч., стр. 81). В этой трактовке исчезает классовый смысл статьи, заключающийся в привлечении местного дворянства, а также представителей черносошного крестьянства для выявления нарушителей права феодальной собственности.

его значение как памятника права времени образования централизованного Русского государства. Наличие только одного единственного списка Судебника не позволило, естественно, раскрыть во всех деталях историю памятника. В ряде случаев пришлось ограничиться предположениями и догадками о его источниках, времени их возникновения и т. д. Может быть, находки новых списков Судебника внесут бóльшую ясность в вопрос о его происхождении.

§ 12. Судебник как памятник общерусского национального права

Сравнение Судебника 1497—1498 гг. с современными ему западноевропейскими правовыми кодексами приводит к выводу, что он выделяется среди них как памятник, свидетельствующий о единстве русского национального права. Действительно, в других странах в конце XV в. отсутствовали подобные юридические памятники. Не существовало единого германского права. В пределах отдельных территорий немецких государств и для отдельных социальных групп действовали различные системы права (Lehnrecht, Hofrecht, Landrecht, Stadtrecht, Zunftrecht, Bauernrecht и т. д.). Германское право изучаемой эпохи характеризуется отсутствием самобытности и национальной самостоятельности. В немецких государствах наблюдалась почти полная и безоговорочная рецепция римского права. Заимствованиями из римского права переполнены сборники уголовных и уголовно-процессуальных законов, появившиеся в отдельных немецких областях в конце XV в.— начале XVI в. (Тирольский 1499 г., Нижнеавстрийский 1514 г., Нюрнбергский 1526 г.). Изданная в 1532 г. Карлом V в качестве общеимперского закона так называемая «Каролина» (Constitutio Criminalis Carolina) также восприняла основные начала римского права [1].

Отсутствие единого национального права во Франции отмечал еще в XVIII в. Вольтер [2].

Не случайно, русским Судебником 1497—1498 гг. заинтересовался австрийский посол в Москве Герберштейн, который привел в своих «Комментариях о московитских делах» латинский перевод ряда статей этого памятника. Значение Судебника 1497—1498 гг. как памятника общерусского национального права отмечает Павел Иовий Новокомский: «Законы во всем царстве у них (русских. — *Л. Ч.*) просты. . .», «а потому весьма спасительны для народов, так как их нельзя истолковать и извратить никаким крючкотворством стряпчих» [3]. О преимуществе русских законов перед английскими говорит англичанин Ченслор. «В одном отношении, — пишет он, — русское судопроизводство достойно одобрения. У них нет специалистов законников, которые бы вели дело в судах. Каждый сам ведет свое дело и свои жалобы и ответы подает в письменной форме, в противоположность английским порядкам. . . Великий князь постановляет решения по всем вопросам права» [4].

Таким образом, иностранные дипломаты и путешественники, побывавшие в России или писавшие о ней в конце XV в. — начале XVI в., были вынуждены признать, что русское право, нашедшее свое отражение в Судебнике 1497—1498 гг., выгодно отличалось от права других западноевропейских стран своей самобытностью, простотой и национальным единством.

---

[1] Б. С. Утевский. История уголовного права буржуазных государств, М., 1930, стр. 92—98.

[2] К. Н. Державин. Вольтер, М.—Л., 1946, стр. 424.

[3] Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Под ред. А. И. Малеина, СПб., 1908, стр. 271.

[4] Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., пер. с англ. Ю. В. Готье, М., 1937, стр. 62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании автор не мог исчерпать всего содержания феодальных архивов. Так, например, он намеренно исключил из поля своего зрения летописные своды, дипломатические памятники, писцовые книги и некоторые другие источники, которые должны явиться темой самостоятельных исследований.

Подводя итоги двухтомному исследованию феодальных архивов XIV—XV вв., следует остановиться на вопросе о том, какие основные проблемы истории образования централизованного Русского государства могут быть решены на основании документов этих архивов.

В истории объединения русских земель вокруг Москвы как политического и культурного центра и образования централизованного Русского государства можно выделить несколько основных этапов: первый продолжается с конца XIII в. до второй половины XIV в., второй охватывает время со второй половины XIV в. и до второй четверти XV в., третий падает на вторую четверть XV в., четвертый начинается с середины 50-х годов и заканчивается 80-ми годами XV в.[1]

Первый этап в истории объединения русских земель вокруг Москвы (с конца XIII в. до половины XIV в.) характеризуется еще низким уровнем развития производительных сил. Нашествие татаро-монголов и установление господства Золотой Орды над русскими землями вызвали громадное разорение страны, массовое уничтожение экономических ресурсов. Однако уже в конце XIII в. и на протяжении первой половины XIV в., в результате труда русских крестьян и ремесленников, происходит постепенное восстановление производительных сил, а ко второй половине XIV в. замечается уже значительный экономический подъем. Экономическая раздробленность в конце XIII в. — начале XIV в. и позднее способствовала раздробленности политической.

Как указывает И. В. Сталин, в докапиталистический период «не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое»[2].

Политический строй Северовосточной Руси рассматриваемого периода представлял собой иерархическую систему феодальных княжеств и рес-

[1] В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма — «Вопросы истории», 1951, № 2, стр. 79.

[2] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 336.

публик, номинально объединенных под властью великого владимирского князя. Сила власти последнего определялась силой того представителя княжеской линии, которому ханским «пожалованием» давался великокняжеский ярлык.

Однако уже в это время наблюдаются новые явления, которые позволяют говорить о рассматриваемом периоде как времени, когда происходило объединение Северовосточной Руси. Уже к началу XIV в., по мере восстановления народного хозяйства страны, создавались экономические предпосылки государственного единства. Процесс объединения был ускорен потребностями борьбы с монголо-татарами.

В XIV в. можно уже говорить о выделении Москвы в качестве экономического и политического центра формирующейся великорусской народности: уже образовалось основное ядро ее территории; продолжали формироваться ее язык и культура. На первую половину XIV в. падает политическая борьба между Московским и Тверским княжествами за великокняжеское достоинство, соединенное со значительными экономическими и политическими выгодами. Победу в этой борьбе одерживает Москва, которая занимает первое место среди других феодальных центров. В первой же половине XIV в. оформляется система феодальной политической иерархии внутри самого Московского княжества на основе его территориального единства (при наличии ряда уделов), установления совместного владения Москвою (по «третям») всем княжеским домом и признания прогрессивной частью феодалов руководящей роли великого князя московского. Это признание диктовалось классовыми интересами феодалов, нуждавшихся в сильной власти для обеспечения своего господства над зависимым крестьянством. Вся феодальная иерархия в целом противостояла в качестве антагонистического класса непосредственным производителям. Источником для изучения междукняжеских отношений являются духовные и договорные княжеские грамоты, сохранившиеся в составе дошедшего до нас (далеко не полностью) московского великокняжеского архива.

Те же документы служат источником и для изучения внешней политики московских князей. Выполняя внешнюю государственную функцию, московское правительство в это время еще не переходило в открытую борьбу с Золотой Ордой, не выступало организатором вооруженного сопротивления татарам. Но русский народ боролся против монголо-татарского ига, причем его борьба выливалась в форму стихийных восстаний. Московская великокняжеская власть воспользовалась результатами этих народных восстаний и, сохраняя прежнюю форму отношений с Золотой Ордой, сумела использовать ханскую власть в своих целях.

В своей политике в отношении Северозападной Руси московское правительство было крайне осторожно, избегая пока открытых конфликтов с укреплявшимся великим княжеством Литовским. Но попытки последнего завладеть землями Новгородской и Псковской феодальных республик, а также расширить свои владения в земле Смоленской настойчиво и в целом успешно парализовались Москвой.

Во второй половине XIV в. в Северовосточной Руси наблюдается настолько значительный подъем производительных сил, что с этого времени закономерно начинать новый, второй этап в истории объединения русских земель. Рост общественного разделения труда способствовал значительному развитию и специализации ремесла. Развитие ремесла было связано с ростом внутренней и внешней торговли. Экономическая и политическая потребность в преодолении феодальной раздробленности нашла выражение в своеобразной таможенной политике русских князей. В междукняжские договоры вносились условия, предусматривавшие возможность

проезда для купцов из одного княжества в другое, запрещавшие введение торговых и проезжих пошлин, не оговоренных существующими соглашениями. Источником для изучения таможенной политики князей являются также жалованные грамоты XIV—XV вв.

В связи с общим подъемом производительных сил происходили изменения и в жизни феодальной вотчины. Со второй половины XIV в. наблюдается очень сильное расширение площади феодального землевладения в связи с быстрым ростом числа монастырей. Монастырское землевладение увеличивалось как за счет расхищения общинных земель черного крестьянства, так и за счет вотчин боярства, которые духовные феодальные корпорации сумели присвоить себе путем вкладов «по душе», покупок, обмена и т. д. Перераспределение земельных фондов среди феодалов объясняется тем, что в условиях роста новых хозяйственных отношений церковная вотчина оказывалась экономически устойчивее, чем боярская. Источником для изучения роста монастырского землевладения являются многочисленные грамоты — данные, купчие, меновные, закладные и другие документы феодальных архивов.

Новые явления экономической жизни приводили к обострению классовых противоречий в феодальной деревне и в городе и вызывали усиление классовой борьбы. Внеэкономическое принуждение феодалами (светскими и духовными) непосредственных производителей — крестьян — получает юридическое оформление в великокняжеских жалованных грамотах, которые начинают особенно широко выдаваться со второй половины XIV в.

К началу XV в. выделилась особая категория крестьян-старожильцев, крепко связанных отношениями зависимости с феодалами. Расширение сферы эксплуатации крестьянского труда вовлекало в феодальную вотчину как методами внеэкономического принуждения, так и путем установления экономической зависимости через данную в долг денежную сумму («серебро») новые разряды крестьян-новоприходцев и серебренников. В договорные княжеские тексты и в жалованные иммунитетные грамоты землевладельцам вносятся статьи, ограничивающие для феодалов возможность перезывать к себе из чужих владений определенные разряды крестьян тяглецов и, следовательно, стесняющие для последних право перехода. С конца XIV в. землевладельцы начинают пересмотр крестьянских повинностей в целях их увеличения. Со стороны крестьян это вызывает протест и попытку отстоять фиксированную ренту на началах феодальной «старины» и «пошлины». Эти явления отражают уставные грамоты владельческим крестьянам. Развитие классовых противоречий наблюдалось в то же время и в городах. Движения социальных низов в городах были направлены как против бояр-феодалов, так и против купеческой верхушки.

Развертывание классовой борьбы явилось одной из причин, требовавших создания прочного централизованного государственного аппарата, чтобы в новых условиях удержать в уезде непосредственных производителей. В Московском княжестве в это время происходит реорганизация внутренней структуры государственной власти и управления. Постепенно возрастало значение московской великокняжеской власти в результате подчинения ей удельных князей московского дома. Возрастало значение московской великокняжеской власти и в самой Москве путем постепенного сокращения прав других (удельных) князей-совладельцев («третников»). При Дмитрии Донском была проведена реорганизация суда, руководство которым было передано великокняжескому наместнику.

С начала XV в. началось усиление власти великокняжеских наместников за счет сокращения иммунитетных привилегий землевладельцев. Укреплению великокняжеской власти должно было способствовать и

упразднение во второй половине XIV в. в Москве должности тысяцкого. В начале XV в. произошло фактическое ограничение права отъезда бояр (хотя юридически это право и сохранялось). При Дмитрии Донском был сделан опыт военной реформы, выразившийся в изменении порядка формирования боярских полков и системы организации городской обороны.

В условиях роста классовых противоречий и обострившейся борьбы между отдельными «полугосударствами» за свою самостоятельность наблюдалась мобилизация сил господствующего класса не только в Московском княжестве, но и в других княжествах и феодальных республиках. Не случайно именно во второй половине XIV в. и в первой половине XV в. произошло оформление в ряде политических центров кодексов феодального права (Псковская и Новгородская судные грамоты ранних редакций, повидимому также Рязанский судебник). И Новгородская и Псковская судные грамоты, с одной стороны, фиксировали ряд норм, обеспечивавших привилегии господствующей боярской верхушки, право власти над сельскими непосредственными производителями (смердами, изорниками) и городскими плебейскими массами. С другой стороны, эти законодательные акты утверждали суверенность боярских феодальных республик, их судебную независимость от Москвы, законодательные права высших органов местной власти; они должны были обеспечить неприкосновенность государственной территории и политическую самостоятельность Новгорода и Пскова.

Возросшая с конца XIV в. в экономической жизни страны тенденция к преодолению феодальной раздробленности имела следствием значительные изменения в политических взаимоотношениях между феодальными княжествами.

Во второй половине XIV в. и первой четверти XV в. территория господствующего класса Московского княжества значительно расширилась за счет ликвидации ранее самостоятельных феодальных княжеств (Галицкого, Дмитровского, Углицкого, Белозерского, наконец, Нижегородско-Суздальского и т. д.). Количество феодальных княжеств в Северовосточной Руси уменьшилось. В первой половине XV в. оставалось только три крупных княжества (Московское, Тверское, Рязанское) и северозападные боярские республики (Новгород и Псков).

Внутри каждого из феодальных княжений происходил процесс политического объединения, выражавшийся в подчинении удельных князей местной великокняжеской власти. Но внутренняя объединительная политика тверского и рязанского великих князей встречала сопротивление со стороны великих князей московских (Дмитрия Донского и Василия I). Они стремились не допускать усиления политического единства в княжествах Тверском и Рязанском, так как это затруднило бы дальнейшую борьбу с ними. Поэтому Москва поддерживала стремление Пронского удела к независимости от Рязани, Кашинского удела — к независимости от Твери, т. е. поддерживала феодальную раздробленность в пределах отдельных княжеств с тем, чтобы таким путем легче подчинить их своей власти и затем ликвидировать феодальную раздробленность уже в общерусском масштабе.

Уже в первой половине XIV в. политическое первенство в борьбе между феодальными княжествами завоевала Москва. Поход Дмитрия Донского на Тверь в 1375 г. привел к заключению московско-тверского договора, поставившего Тверь в зависимость от Москвы и лишившего ее права самостоятельного ведения внешней политики в отношении Орды и Литвы. Аналогичным образом складывались и московско-рязанские отношения.

Существенные изменения произошли в рассматриваемое время и во внешней политике Москвы. От дипломатической борьбы с Золотой Ордой

московское правительство переходит во второй половине XIV в. к открытым военным действиям против нее. Куликовская битва 1380 г., приведшая к победе войск Дмитрия Донского над полчищами Мамая, представляла собой общерусское народное дело, которое возглавляла Москва. Это государственно-организованное выступление против золотоордынского ига блестяще продемонстрировало, что русский народ может одерживать победы над татаро-монголами.

В результате успехов Москвы, достигнутых в объединении русских земель и в борьбе за их независимость с Золотой Ордой, потеряла свое прежнее значение та политическая система, согласно которой во главе русских княжеств стоял великий князь владимирский. Дмитрий Донской объявил все экономические и политические преимущества, связанные с обладанием великокняжеским достоинством, привилегией московского княжеского дома и передал великое Владимирское княжество в качестве «отчины» своему сыну.

В западном направлении Москве приходилось в это время вести упорную борьбу с великим княжеством Литовским, которое одно время действовало в союзе с Тверью. Стремление литовских князей ослабить растущее Московское княжество, а также завладеть Псковом и Новгородом, приводило на этом этапе к неоднократным вооруженным столкновениям Литвы и Москвы, в итоге которых московскому правительству удалось отстоять свои права в Северозападной Руси.

Ликвидация феодальной раздробленности шла в условиях острой борьбы отдельных групп внутри господствующего класса за землю и политическую власть. В конце XIV в. — начале XV в. уже назревали предпосылки для той длительной феодальной войны, которая составляет основное содержание третьего этапа в истории объединения русских земель и формирования централизованного государства. Этот этап падает на вторую четверть XV в. В силу вмешательства в эту войну Литвы и татарских ханств она получила международное значение.

Во время феодальной войны шла борьба двух систем организации господства и подчинения в феодальном обществе. Эти две системы господства и подчинения соответствовали двум формам организации государственной власти: феодальной раздробленности, когда при номинальной великокняжеской власти существовал целый ряд самостоятельных «полугосударств», и централизованному государству, требовавшему ликвидации условий, создававших «феодальный беспорядок», завершения политического объединения и укрепления аппарата власти.

Поводом для феодальной войны послужила борьба за великокняжеский стол между двумя представителями московского княжеского дома: дядей — звенигородско-галицким князем Юрием Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского, старшим в роде среди наличных князей) и племянником (внуком Донского) — Василием Васильевичем II Темным, старшим сыном скончавшегося в 1425 г. великого князя Василия Дмитриевича I. Но династический момент играл в феодальной войне последнюю роль.

Во время феодальной войны вылились наружу внутриклассовые противоречия и развернулась классовая борьба.

По словам Энгельса, «Основное отношение всего феодального хозяйства — пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно поводов к ссорам, в особенности когда так много народа было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для смут» [1]. Энгельс имеет в виду борьбу среди феодалов за землю, крестьянский труд и ренту, которая пронизывает историю феодального общества.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 444.

В период феодальной раздробленности, соответствующей низкому уровню развития производительных сил, со слабыми экономическими связями между отдельными землями, те княжества, на которые распадалась страна, могли собственными политическими средствами обеспечить господствующему классу подчинение непосредственных производителей. С ростом производительных сил, с усилением феодальной эксплуатации для выполнения внутренней функции государства необходимо было создание крепкого административного аппарата, централизованной системы управления, новых карательных органов, а их могла дать только сильная великокняжеская власть. В то же время создание централизованных государств было прогрессивным явлением, условием экономического и культурного роста страны, сохранения ею своей независимости.

Неизбежный ход исторического развития вел к переходу от политической системы феодальных «полугосударств» к феодальной монархии.

Сильная великокняжеская власть являлась органом класса феодалов. Но в то же время усиление королевской власти означало, что феодалы должны были поступиться в ее пользу частью своих материальных благ, которые им доставляло обладание землей и зависимым крестьянством, и частью своих политических привилегий, являвшихся также результатом владения средствами производства и работниками производства. Это диалектическое противоречие в политическом развитии феодального общества отметил Энгельс, когда он касается «длившейся столетия переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевскому центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения. . .» [1].

Господствующий класс был един, когда ему требовалась защита его земельных владений от внешних врагов и когда развитие классовых противоречий ставило его перед угрозой подрыва его экономических и политических привилегий. Но внутри господствующего класса сразу возникали противоречия, как только ставился вопрос о месте, занимаемом той или иной группой землевладельцев на феодальной иерархической лестнице.

На определенном этапе в развитии феодального общества это противоречие во взаимоотношениях между отдельными феодалами и группами феодалов и центральной государственной властью перерастает в открытую феодальную войну. Такая война является важным этапом в процессе образования централизованного государства.

В конце концов, на стороне королевской, а в условиях России великокняжеской власти, как «представительницы порядка в беспорядке», оказались все прогрессивные элементы феодального общества: низшие слои класса феодалов — мелкие военные княжеские слуги («двор»), значительная часть служилого боярства, основная масса посадского населения. «. . . Тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее. является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века».[2]

Трудом русского крестьянства и ремесленников — главных носителей прогресса — были созданы необходимые экономические предпосылки для образования централизованного Русского государства. Но в то же время процесс государственной централизации сопровождался дальнейшим усилением феодального гнета и нарастанием классовой борьбы.

Классовая борьба в деревне в период феодальной войны часто проявлялась в форме борьбы за землю. Крестьяне отстаивали от феодалов свою

---

[1] Там же, стр. 445.
[2] Там же, стр. 444.

землю и личную свободу, ибо, захватывая крестьянскую землю, феодалы закабаляли и владевших ею крестьян. Источники, в частности «правые грамоты» второй половины XV в., показывают, что как раз во второй четверти XV в., когда шла феодальная война, происходило особенно усиленное расхищение феодалами земель черного крестьянства, вызывавшее ответные выступления протеста со стороны крестьян. Кроме того, разорение страны в результате войны, продолжавшейся четверть столетия, привело, поскольку земли крестьян были расхватаны, к массовому уходу последних из владений одних феодалов в другие княжества.

Классовая борьба в среде городского населения особенно остро проявилась в 1445 г. в Москве, когда во время нашествия татар и бегства из города зажиточного купечества и бояр московские «черные люди» взяли в свои руки защиту города и подвергали аресту и избиению представителей класса феодалов. Почти одновременно источники отмечают городские восстания в Новгороде.

Несомненно, что развертывание в стране классовой борьбы явилось одной из причин, заставивших господствующий класс, окончив феодальную войну, сплотить все свои силы и перейти в развернутое наступление на социальные низы.

Дальнейший этап в истории объединения русских земель ведет свое начало с окончания феодальной войны в 50-х годах и продолжается до 80-х годов XV в. После 80-х годов XV в. уже можно говорить о Русском государстве как централизованном.

Этот последний этап отмечен новыми явлениями в области экономики, социальных отношений, политической жизни и культуры. Согласно наблюдениям Б. Д. Грекова и Б. А. Рыбакова, в середине XV в. отмечается подъем производительных сил. Они достигают такого уровня, что дают возможность землевладельцам, сплотившимся после окончания феодальной войны, перейти к новым формам эксплуатации зависимого крестьянского труда. Хотя основным видом ренты остается натуральная продуктовая, но в то же время намечается тенденция к расширению барщинного хозяйства, которое особенного развития достигает уже в XVI в.

Новые явления хозяйственной жизни приводят к изменениям в положении зависимого крестьянства. К 50-м годам XV в. относятся первые правительственные мероприятия (не имеющие пока общего применения и предназначенные для отдельных феодальных вотчин) по ограничению для крестьян-старожильцев их права «выхода» от землевладельцев. Отдельные монастыри (Троице-Сергиев) получают от князей грамоты, разрешающие им не отпускать от себя старожильцев и возвращать тех из них, кто ушел из монастырских владений. Почти одновременно производится регламентация права выхода для владельческих «серебренников» и других категорий зависимого сельского населения. Впервые упоминается «Юрьев день осенний» как единственный в году разрешенный срок крестьянского «отказа» (т. е. права выхода). В конце XV в. правительство предпринимает массовую проверку тех земельных захватов, которые были сделаны у черных крестьян феодалами в период феодальной войны, и в большинстве случаев юридически оформляет эти захваты путем выдачи землевладельцам «правых грамот». Таким образом, увеличивается площадь феодального землевладения, что позволяет феодалам расширить свое хозяйство, которое в дальнейшем, в XVI—XVII вв., уже начинает все больше ориентироваться на рынок. В силу невыгодности труда полных холопов в конце XV в. появляется новая форма зависимости по служилой кабале.

К 80-м годам XV в., после присоединения Ростовского княжества, Твери, Новгорода, в основном заканчивается образование территории

Русского государства. Формальную самостоятельность еще сохраняли Рязань и Псков, включенные в состав Русского государства в начале XVI в. Но фактически и Псков и Рязанское княжество находились во второй половине XV в. в зависимости от Москвы. С литовскими феодалами шла борьба за Смоленск.

Образование единого Русского государства сопровождалось созданием общерусского феодального права. В 70—80-х годах XV в. московским правительством была проведена большая работа по пересмотру законодательных памятников, сложившихся в отдельных феодальных центрах (Новгородской и Псковской судной грамот, белозерских актов и т. д.). Затем начались подготовительные работы к изданию общерусского Судебника 1497—1498 гг., как памятника классовой юстиции, в котором зафиксированы нормы феодального права, охраняющего привилегии господствующих классов. В те же годы подвергся полному пересмотру и решительной перестройке формуляр договорных актов, определявших отношения удельных князей к великому князю московскому.

Удельные князья после своей попытки возобновить в конце 70-х годов XV в. феодальную войну перешли на положение «служебных». Боярский вассалитет перешел в отношения подданства. Наконец, был изменен характер иммунитетных привилегий феодального землевладения в сторону централизации суда и управления. Реорганизация центрального аппарата власти, ограничение прав бояр-наместников (кормленщиков), первые опыты введения на местах дворянских органов управления типа губных учреждений намечали последующие реформы XVI в. После феодальной войны начало особенно развиваться в середине XV в. условное землевладение, а с 80-х годов XV в. постепенно складывается поместная система, обеспечившая экономическое положение дворянства.

В 1480 г. произошло окончательное освобождение Руси от татаро-монгольского ига, подготовленное длительной борьбой русского народа против монгольских захватчиков. Необходимость обороны от постоянной внешней угрозы ускоряла процесс централизации. И. В. Сталин относит Россию к числу стран, в которых в период образования централизованного государства «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[1]. С конца XV в. Русское государство выступает на международной арене как крупнейшая держава.

Таковы те основные социально-экономические и политические явления процесса образования централизованного Русского государства, раскрыть которые помогает изучение документов феодальных архивов XIV—XV вв.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 34; ср. т. 9, стр. 176.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИКИ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук, т. I, СПб., 1836.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, СПб., 1846.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1841.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. I, СПб., 1857; т. II, СПб., 1864; т. III, СПб., 1884.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою экспедициею, т. I, СПб., 1846; т. V, СПб., 1853.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика или собрание разных древних сочинений.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. II, СПб., 1843; т. III, СПб., 1841; т. IV, СПб., 1848; т. V, СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853; т. VII, СПб., 1856; т. VIII, СПб., 1859; т. X, СПб., 1885; т. XI, СПб., 1897; т. XII, СПб., 1901; т. XIII, СПб., 1904; т. XV, СПб., 1863; т. XVIII, СПб., 1913; т. XX, СПб., 1910; т. XXI, СПб., 1908; т. XXIII, СПб., 1910; т. XXIV, Пгр., 1921; т. XXV, М.—Л., 1949. (Ссылки на другие издания оговариваются особо).

РИБ — Русская историческая библиотека, т. II, СПб., 1875; т. XXXI, СПб., 1914; т. XXXII, СПб., 1915.

РОБАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии Наук СССР (Ленинград)

РОБИЛ — Рукописный отдел Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

РОБИЛ, АТСЛ — Акты Троице-Сергиевой лавры, хранящиеся в рукописном отделе Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

РОБИС — Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РОИМ — Рукописный отдел Государственного исторического музея.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 1, М., 1913; ч. 4, М., 1826.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАДА, ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов.

Чт. ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

УКАЗАТЕЛИ[1]

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

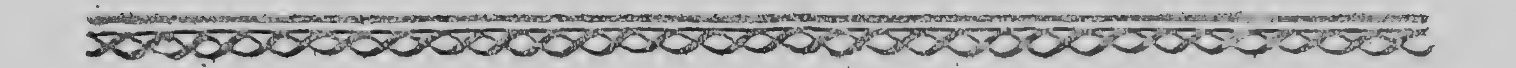
архиеп.	— архиепископ	иг.	— игумен	р.	— река
архим.	— архимандрит	кн.	— князь, княгиня	рч.	— речка
бояр.	— боярин	кр.	— крестьянин	с.	— село
вел. кн.	— великий князь, великая княгиня	митр.	— митрополит	свящ.	— священник
		мон.	— монастырь	сл.	— слобода
		оз.	— озеро	ст.	— стан
вол.	— волость	пог.	— погост	сц.	— сельцо
гор.	— город	помещ.	— помещик	у.	— уезд
д.	— деревня	пст.	— пустошь	хол.	— холоп

[1] Составил И. У. Будовниц.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ[1]

[1] В указатель не включены такие слова, как актовый материал, землевладение, источниковедение, крестьянство, феодальные отношения и т. д., встречающиеся на протяжении всей книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четвертая

Правые грамоты как памятники деятельности феодального суда

Глава пятая

Кодификационные работы русского правительства в конце XV в. (Судебник Ивана III и его история)

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *И. У. Будовниц.* Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *А. В. Ключарев*

РИСО АН СССР № 4713. Т-05065. Издат. № 3153. Тип. заказ № 137. Подп. к печ. 10/VIII 1951 г. Формат бум. 70×108. Бум. л. 13 3/8. Печ. л. 36,65. Уч.-издат. 39. Тираж 3000. Цена в пер. 34 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О. 9 л., д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
34	3 сверху	о . . . делех	в . . . делех
62	16 сверху	полные докладные	полные, докладные
110	23 сверху	ней	ним
281	4 сверху	не отражает	отражает
402	9 сверху (1 столбец)	Святко	Сватко
408	7 сверху (1 столбец)	нерохотский	нерехотский
414	11 снизу (1 столбец)	Кничаны	Кличаны
418	30 сверху (1 столбец)	Сорожика	Сорожик

